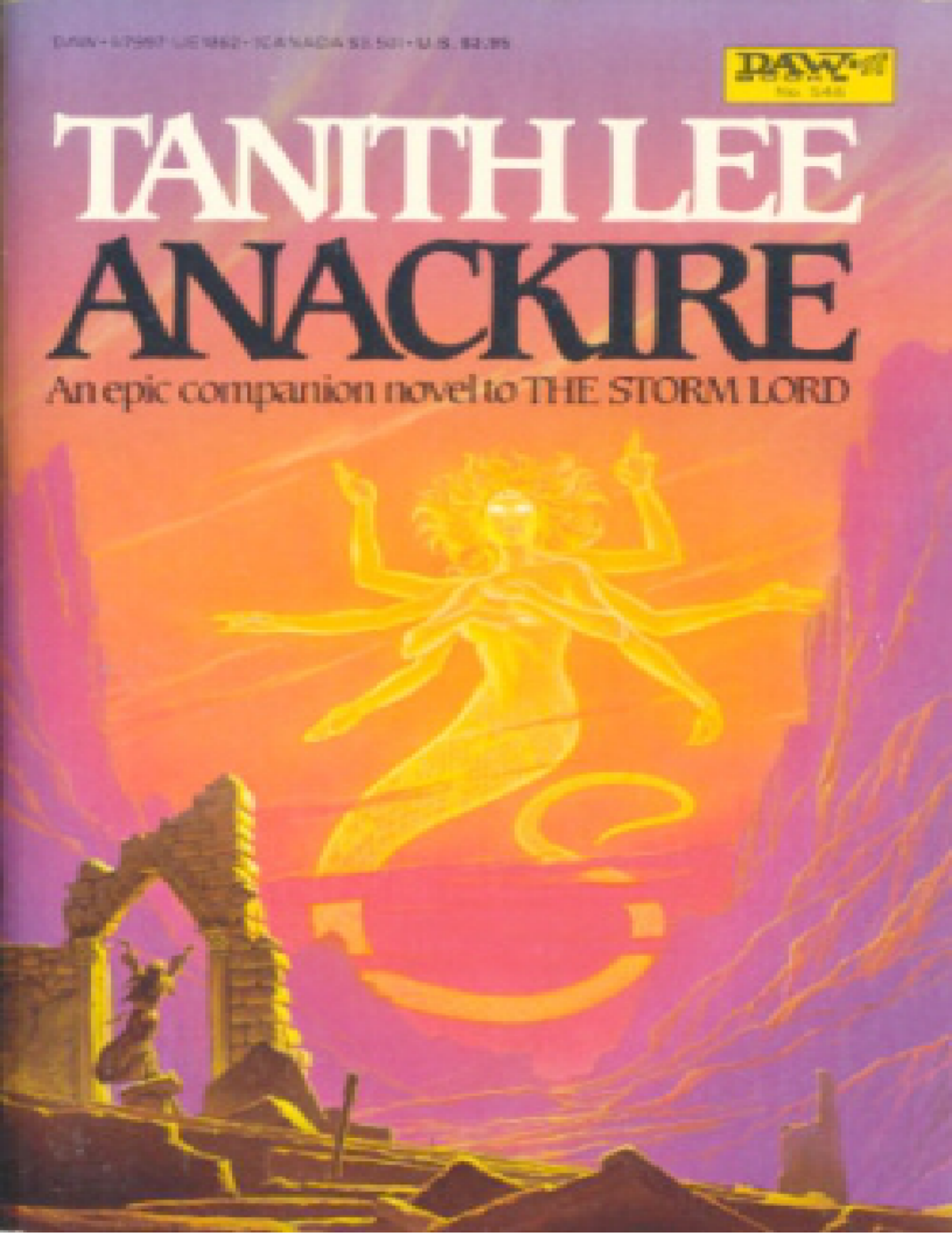
DAW - UY1067 UE1962 - CANADA $2.50 - U.S. $2.25

DAW BOOKS
No. 546

TANITH LEE

ANACKIRE

An epic companion novel to THE STORM LORD



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"...В небо рванулся свет, башня света, в основании которой стояла девушка. Вернее, должна была стоять, поскольку свет был столь силен, что совершенно растворил ее силуэт. Какой-то миг не было ничего, кроме света. Затем он обрел форму.

И этой формой была Анакир.

Она вздымалась, как башня. Она парила. Ее плоть была белой горой, змеиный хвост — огненной рекой в половодье. Золотая голова касалась зенита — и там, в вышине, плескались Ее змеиные волосы, подобные молниям и молнии порождающие.

Ее нечеловеческое лицо было едва видно — так высоко и далеко, что казалось недостижимым, даже когда Она склонилась к потрясенным зрителям. На Ее шее лежало ожерелье из тронутых солнцем облаков, некоторые из них отрывались от него и медленно плыли прочь. Ее глаза были ярче, чем два слепящих солнца. И восемь рук, простертых в том же жесте, какой сделала девушка, невесомо парящие в воздухе — лишь запястья и длинные пальцы чуть шевелились. Струящийся змеиный хвост сгибался и разгибался.

Она была — живая. Она смотрела на людей, и, не имея сил выдержать Ее взгляд, они падали ниц, а некоторые — сразу в обморок."

- Танит Ли
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - КНИГА ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - КНИГА ВТОРАЯ
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - КНИГА ТРЕТЬЯ
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

        - 15
        - 16
    - КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
        - 17
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
        - 22
        - 23
        - 24
    - КНИГА ПЯТАЯ
        - 25
- notes
    - 1
    - 2

Танит Ли
Анакир

Оливеру Коттону

ПРЕДИСЛОВИЕ

С самого начала, в том виде, в каком дошли воспоминания о нем, темные расы воцарились на главном континенте планеты и нарекли его своим именем — Вис.

На север, запад и восток простирались земли Висов, населенные людьми с медной и темной кожей, земли жестокие и зачастую притягательные, и владели ими притягательные и зачастую жестокие народы, поклонявшиеся множеству самых разных богов. Народы, покорные странному чувственному зову Алой звезды, Застис, которая каждый год на несколько месяцев появлялась в ночных небесах. Народы, обретшие мир и покой после нескончаемой эпохи войн и, согласно легенде, объединившиеся под властью верховного короля — Повелителя Гроз, правителя Дорфара и драконьего города Корамвиса, самое имя которого, означавшее «Сердце Виса», говорило о его избранности. Корамвис и в самом деле считался самым могущественным и прекрасным из всех величественных городов Виса. Белый Корамвис с его тянущимися к небу башнями, сердце-мозг Дорфара, осененный драконьим гребнем гор. И менее чем за полчаса Корамвис пал, обратившись в развалины и так и оставшись ими, точно разбитое стекло.

На крайнем юге континента простирался край, по большей части бесплодный, прозванный Равнинами-без-Теней за то, что был почти совсем лишен растительности, край, пределом которого был недлинный лабиринт джунглей на самой Грани Мира. За ним начиналась водная пустыня, прозванная Морем Эарла — морем ада. Меж Гранью Мира и королевствами Висов, на бесплодных просторах Равнин, располагались владения степных людей. Когда-то давно этот народ обладал некоторым величием. Доказательства тому можно было видеть, по крайней мере, в одном темном разрушенном древнем городе далеко на юге. Но со временем Висы совсем перестали считаться с народом Равнин. Раса светлокожих и светловолосых людей с желтыми глазами стала объектом ненависти, которую породил постоянный страх перед ее предполагаемыми способностями к телепатии и неутихающее презрение к ее кротости. У этих людей не было ни королей, ни каких-то иных правителей. Они жили в далеко отстоящих друг от друга деревушках или в развалинах города. Они были невосприимчивы к Алой Звезде, сдержанны в своей чувственности, покорны, недружелюбны, чужды. Монотеисты, они поклонялись лишь одному божеству — восьмирукой и змеехвостой богине Анакир, и к тому же совсем не так, как

поклонялись своим богам Висы — не принося кровавых жертв и не воскуряя благовоний. Их поговорка гласила: «Анакир не просит ничего, потому что ни в чем не нуждается, ибо Она — все». Подобные ценности нисколько не впечатляли Висов. Каковы люди, таковы и их боги. Боги Висов были требовательны.

Несколько веков презрительная неприязнь Висов к степнякам не утихала, но и не разгоралась — до тех пор, пока на трон не вступил Повелитель Гроз Амрек, сын Редона. Он считал, что над ним довлеет особое проклятье Анакир, богини Равнин, ибо с самого рождения его левая кисть была до запястья покрыта чешуей — змеиная мета. Этот Верховный король взялся стереть с лица земли всю светлую расу до последнего человека.* [1]

Однако к тому времени на Равнинах наконец-то появился свой король. Он тоже был сыном прежнего Повелителя Гроз, Редона Дорфарианского. Матерью его стала жрица из степного храма, Ашне'е, женщина с лицом Анакир. Этому человеку, Ральднору, волею судьбы пришлось какое-то время жить среди Висов, прикидываясь одним из них. Сделавшись начальником личной гвардии Амрека, в конце концов он навлек на себя гнев своего повелителя и был вынужден бежать на корабле, идущем в Закорис. Но неумолимый перст судьбы сбил судно с курса, заставил его пройти сквозь бурю и пламя и выбросил в неведомый океан, который считали морем ада. И там обнаружился второй, меньший по размеру континент планеты, принадлежащий расе, чей облик в точности повторял степной, нрав же до странности отличался, ибо эти люди были страстными и воинственными. Вскоре магнетизм Ральднора сподвиг их последовать за ним на помощь его народу — ради справедливости, но будем честны, и ради добычи тоже.

Так после долгого мира Вис снова оказался объят войной. Ральднор, на котором, как всем казалось, лежала печать Самой Анакир, пробудил Равнины от их летаргического сна. Пока его армия подтягивалась к Дорфару, корабли с Континента-Побратима напали на соседние страны. Звенели мечи, катапульты изрыгали огонь. Закорис и Элисаар лежали в осаде, терзаемые голодом и огнем, Кармисс пал, а Оммос, окруженный врагами со всех сторон, сдался. Страны, дружественные Равнинам — Зарависс, Ланн и Элир — пощадили. Степняки оккупировали их как союзники, вошли в них лишь для торговли — но окончательно и бесповоротно. Дикая и воинственная Таддра, надежно укрытая горами, пропустила всю войну, если не считать наплыва беженцев и более позднего удара от потерпевшего поражение Закориса.

Последняя битва войны Равнин разыгралась на равнине у

подножия холмов Корамвиса. Армия степняков, преданная и в конце концов отрезанная от союзной армии Континента-Побратима, осталась один на один с армией Дорфара, превосходящей ее численностью во много раз, и казалась обреченной на полный разгром. Но Ральднор пробудил в своем народе грозные внутренние силы, которые в легендах назывались Спящей Змеей. Одной лишь силой воли — по крайней мере, так утверждали впоследствии все предания — люди Равнин вызвали чудовищное землетрясение, сотрясшее и полностью разрушившее Корамвис Прекрасный прямо на глазах потрясенных дорфарианских солдат и знати. А из потаенной пещеры в горах поднялась Сама Анакир, возвышаясь над поверженным городом, точно золотая луна в черном небе.

Корамвис пал, вместе с ним рухнула вековая мощь Дорфара, и господству Висов пришел конец.

А Ральднор, сын Повелителя Гроз и жрицы, избранницы богини, выиграв последнюю битву, ушел прочь. Женщина, которую он когда-то любил и считал мертвой, воззвала к нему голосом своего разума — или, скорее, искоркой разума их нерожденного ребенка, ждавшего своего часа в ее чреве. Он отказался от престола, от власти, от своего народа и своей богини, ушел искать свою возлюбленную и свое дитя — и исчез для мира. Больше его не видели — он остался жить лишь в преданиях. Он стал одним из немногих легендарных героев, как древний король Висов, Рарнаммон, чей призрак появлялся в самой гуще боя и вел своих воинов к победе. Кроме того, он остался жить в сонме тех, кого назвали в его честь, в мириаде маленьких Ральдноров, появившихся на свет в тот год и еще многие годы спустя.

Прошло двадцать висских лет, омраченных лишь мелкими стычками тут и там, но по большей части это были годы относительного покоя.

На равнине, немного ниже руин Корамвиса, вырос новый город, сияющий такой же белизной и, возможно, даже более прекрасный, чем прежняя столица, хотя Корамвис, разумеется, давно уже стал мифом и в качестве такового был непревзойденным. Нарекли юный город Анкирой. Среди прочего там был десяток храмов Анакир, которая теперь стала главной богиней Висов. Они присвоили ее, и теперь белые быки умирали на Ее алтарях. Храмовую науку любви, ранее являвшуюся достоянием лишь избранных жриц с Равнин, дополнили и видоизменили в соответствии с обычаями Висов. Дочери Анакир делили ложе с любым, чьи финансовые возможности позволяли ему сделать дар богине — таково было их служение.

В Анкире был коронован молодой король, сохранивший за собой все древние титулы. Впервые за всю известную историю волосы священного Повелителя Гроз Дорфара были белыми, как соль. Им стал Ральданаш, сын Ральднора, рожденный от его союза с беловолосой Сульвиан Ваткрианской, принцессой одного из королевств Континента-Побратима. Но теперь белокурые головы под висскими венцами встречались не так уж редко.

Шлем-корона Кармисса крепко держался на золотоволосой голове шансарского князя, захватившего там власть. Вместе с кармианской короной он принял и кармианское имя, нарекшись Сузамуном в честь одного из овеянных славой правителей этого островного королевства. Теперь в его столице, Истрисе, поклонялись Ашаре-Ашкар, шансарской и вардийской Анакир.

А между побережьями Дорфара и Кармисса лежал крошечный клочок земли, который когда-то был известен под именем Обек, а теперь звался Анкабек. По иронии судьбы именно он стал оплотом наиболее ортодоксально верующих в Анакир среди висской части Виса. Маленький островок был полностью занят Ее храмом, зданием из черного камня, точно таким же, как степные храмы. Его окружали искривленные красные деревца с Равнин-без-Теней, которые на тучной северной почве разрослись, став высокими и пышными.

КНИГА ПЕРВАЯ
САЛАМАНДРА

1

Рассвет пришел в Истрис с серебряного моря. Над стройными башнями столицы, одновременно являющейся главным портом Кармисса, замелькали стайки птиц, на воде показались косяки вертких рыбачьих лодок. Под высоким куполом храма Ашары зазвенел рассветный колокол — обычай, пришедший из Шансара-за-Океаном.

Кесар эм Ксаи, стоя у окна, взглянул на восход солнца и выругался. Уловив его слова, девушка, все еще лежащая на огромной постели, прошептала:

— Мой господин?

— Поднимайся и пошла вон, — Кесар даже не взглянул на нее. Он стоял неподвижно, обнаженный, спиной к ней. Она молча повиновалась.

Смешение кровей проявилось в нем очень ярко — матовая светлая кожа, едва тронутая загаром, длинные черные волосы, темные глаза. Он был поразительно красив, а молодое лицо светилось изрядным умом и властностью. Высокое и худощавое, но при этом полное силы, его тело было совершенством, изящное даже в своей наготе. За тело стоило благодарить его родословную, хотя оно было единственным, за что та заслуживала благодарности, ибо все остальное было куда хуже. Среди множества незначительных принцев Кармисса он был одним из последних. Одна из младших принцесс старинной королевской династии Кармисса зачала его, старшего из двух близнецов, от какого-то заезжего шансарца в безумный год, последовавший за окончанием войны Равнин. Второй на свет появилась девочка. Они были совершенно разными, Кесар и его сестра, хоть и появились на свет из одного чрева, которое делили в течение столь долгого времени. Вал-Нардия казалась всего лишь красивой куклой со светлой кожей и глазами оттенка свежего меда. А ее волосы, как это иногда случалось у полукровок, пламенели тем самым алым цветом восходящего солнца, который сейчас разливался по Истрисской бухте.

Этот рассвет напомнил ему о ней — поэтому он и выругался.

Девица, которую он выбрал себе на прошлую ночь, уже исчезла. Кесар отвернулся от окна и принялся одеваться, попутно допивая остатки вина из кувшина.

На пороге он остановился, глядя на стражника, стоящего на часах. Возмужав, Кесар решил, что ему нужна стража у дверей покоев. Однако этот часовой привалился к стене и самым возмутительным образом дремал, несмотря даже на

проскочившую мимо девицу. Кесар выхватил кинжал и, стремительно обхватив часового за шею, прижал к его горлу острое, как бритва, лезвие. На коже стражника выступила кровь, и тот, испуганно выругавшись, очнулся.

— Вот так и убийца прирежет сначала тебя, а следом и меня, — прозвучал над ним голос хозяина.

— Мой лорд, я услышал бы... и проснулся...

— Разумеется. Так, как сейчас. С ножом в горле, — Кесар отпустил незадачливого стражника, и тот выпрямился, зажимая порез на шее, которую не прикрывала кольчуга.

— Выбирай сам, солдат, — уронил Кесар. — Либо ты отыщешь сержанта и скажешь ему, что я велел дать тебе десять ударов кнутом. Когда придешь в себя, сможешь вернуться ко мне на службу. Либо верни оружие и одежду, которые получил от меня, и сгинь в своих закоулках, или откуда ты там появился.

— Есть, мой лорд, — солдат поклонился, кривя губы. Он был кармианцем, с темными волосами и медной кожей. Глаза у него были светлее, чем обычно, но это вполне могло быть унаследовано и от Висов. Пожалуй, такой предпочтет порку.

Кесар зашагал по коридору. Настроение у него улучшилось, невзирая на почтительную ненависть солдата, которая так и била ему между лопаток.

В скромных покоях его сестры уже было людно и шумно. Уже уложенные сундуки громоздились один на другой в передней. Взволнованный щебет женщин и окружающая суматоха мгновенно вывели Кесара из себя, и он, раздвигая шелестящую юбками толпу, под быстрыми взглядами больших подведенных глаз прошел прямо в ее спальню.

Вал-Нардия стояла, как и он чуть раньше, у длинного окна, но смотрела в комнату. Увидев его, она мгновенно застыла. Он тоже остановился как вкопанный. С самого детства он привык видеть ее в самых роскошных шелках и бархате, какие только позволяло их положение, с вплетенными в волосы драгоценностями и с неизменным ожерельем, когда-то принадлежавшим их умершей матери — золотым, с тремя черными кармианскими жемчужинами. Сейчас же по случаю надвигающейся жары на ней было простое платье из небеленого льна. На коже в кои-то веки не было ни краски, ни украшений, а распущенные волосы сбегали по плечам одним длинным языком пламени.

Что-то остановило его — что-то такое, чему сам он вряд ли смог бы дать определение. Не глядя, он махнул рукой в сторону двух женщин, находившихся в спальне:

— Отошли их.

Вал-Нардия сделала глубокий вдох. Однако ей не пришлось ничего говорить женщинам — те и без того двинулись к двери. Прошелестел занавес, дверь бесшумно закрылась, и в передней вдруг стало очень тихо.

— Ты пришел проститься со мной? — спросила Вал-Нардия. Ее глаза были опущены, а лицо заливала бледность — на столь светлой коже она была предательски заметной. Сейчас она казалась даже моложе, чем была на самом деле.

— Если тебе так этого хочется. Прощай, дорогая сестрица.

— Не надо, — сказала она, напряженно сглотнув. Он заметил, как дернулось ее горло. — Не брани меня, Кесар. Этот день должен стать для меня очень радостным, и тебе тоже следует радоваться вместе со мной.

— Радоваться, глядя на то, как ты уезжаешь, чтобы попусту растратить свою жизнь? Что ж, я рад за тебя, безмозглая корова.

Вспышка гнева, казалось, разрушила оцепенение обоих. Вал-Нардия испуганно смотрела, как Кесар приближается к ней. Остановившись менее чем в шаге от нее, он внезапно схватил ее за руки. Ее глаза мгновенно увлажнились — и непохоже, чтобы от слез. Она взглянула на него и покачала головой.

— И все это достанется Ашаре-Анакир. Будет заживо похоронено на Анкабеке.

— Я стану жрицей богини! — выкрикнула она. — Неужели здесь я могу рассчитывать на что-то лучшее?

— Здесь буду я.

— Ты... — прошептала она. Тяжелые капли — слезы или что-то иное — скатились из ее глаз.

— Это из-за меня ты покидаешь двор.

— Нет, Кесар.

— Да, Кесар. Ты боишься ростков своего чувства ко мне — и себя самой, когда мы вместе. Скажешь, не так, сестрица?

Они внимательно посмотрели друг на друга.

— Отпусти меня, — выговорила она наконец.

— Почему? В Ланне подобные вещи признаются вполне допустимыми.

— Кесар...

— Отец с дочерью, брат с сестрой. Там они могут не только делить ложе, но даже жениться, — он усмехнулся. Она смотрела на него, испуганная и зачарованная одновременно. — Давай сбежим в Ланн и поженимся. Будем жить в холмах и нарожаем кучу детей.

Она забилась в его руках, потом перестала бороться, опустив не только взгляд, но и голову.

— Дело не в том, что я так сильно тебе нужна, — выговорила она. — Просто ты решил, что непременно должен заполучить меня. Ты хочешь получать все, что пожелаешь.

— У меня почти ничего нет. Титул, который ничего не значит. Шкаф, который кто-то по ошибке назвал комнатой, в нижнем дворце. Клочок земли в Ксаи, не рождающий ничего, кроме гнилых тыкв и болезней. Но если ты останешься, то мне, возможно, удастся чего-нибудь добиться. Ради нас двоих.

— Я хочу лишь покоя.

— И непременно подальше от меня?

— Да, — она снова подняла глаза, встретившись с ним взглядом.

— А через несколько ночей на небе снова зажжется Застис. Что тогда? Ты не настолько белая и не настолько желтая, моя сестричка-полукровка, чтобы не слышать зова Красной Луны.

— На Анкабеке практикуют разные вещи из храмовой науки Равнин...

— И ни одна из них и вполовину не столь действенна, как мужчина в постели рядом с тобой. У тебя ведь уже были любовники в Застис, Вал-Нардия, даже если среди них не было того, кого ты действительно хотела.

Она наконец вырвалась из его рук, и он негромко рассмеялся. Теперь на его лице было лишь неприязненное презрение.

— Нет, — кивнула она. — По крайней мере, этот грех ты так и не смог совершить.

— Но ты считаешь, что в конце концов я все-таки возьму тебя силой? Поэтому и бежишь?

— Да, именно поэтому, если тебе так надо это услышать. Я бегу от тебя. О, не просто от твоей страсти и твоих желаний — от всего того, что есть ты. От твоих греховных снов, от твоих планов, от твоего изощренного разума, который понемногу превращается в выгребную яму...

На этот раз он ухватил ее за волосы и грубо притянул к себе, прервав ее страстную речь поцелуем.

Сначала она сжимала зубы, изо всех сил стараясь не впустить его язык, но от его поцелуя у нее перехватило дыхание. Вскоре ее губы разомкнулись, чтобы глотнуть воздуха. Зов Застис уже начал неуловимо волновать кровь тех, кто был восприимчив к ней. Кесар ощутил, как внезапно ушла ее напряженная дрожь, и ее руки внезапно сомкнулись у него за спиной. На бесконечный и вместе с тем мимолетный миг он растворился в душистой прохладе ее губ, наслаждаясь ее ответной реакцией и чувствуя ее маленькие руки, судорожно прижимающие его к себе. Затем вдруг она снова начала сопротивляться — с силой оттолкнула его,

впилась ногтями в его плечо, и он отступил, пьяный от ее близости и совершенно потерявший голову.

К его ошеломленному, растерянному и яростному изумлению, Вал-Нардия схватила со стола маленький нож для фруктов.

— Убирайся, — задыхаясь, выговорила она. Ее голос прозвучал сдавленно, но тонкое лезвие в маленькой руке грозно сверкнуло.

Кесар развернулся и пошел к двери, но у самого порога остановился и оглянулся на нее. Она мгновенно выставила нож, явно собираясь метнуть его.

— Прощай, милая сестрица, — бросил он. — Вспоминай меня жаркими алыми ночами, лежа в одиночестве на своем аскетическом тюфяке.

Лишь когда дверь за ним захлопнулась, Вал-Нардия осторожно положила нож на блюдо для фруктов. Это получилось у нее не сразу, ибо глаза ей застилала пелена слез.

В каменном дворцовом подземелье сержант личной гвардии Кесара, засунув большие пальцы за пояс, оглядел крытый двор с высоким столбом в центре.

— Да, он на это способен, наш лорд Кесар. Значит, велел тебе самому решать? В любом случае ты здесь не первый, солдат. Перебрал пива, не так ли? Или кое-чего другого?

Часовой-кармианец — год назад он представился как Рэм — ничего не ответил. Да сержант и не ждал от него ответа. Ожидание десяти ударов кнутом, который солдаты называли меж собой Шкуродером, мало кого располагала к шуткам или философским беседам.

Гвардия Кесара состояла из десяти солдат, дозволенных принцу его низкого ранга — бастарду, которому драгоценная кровь светлой расы и королевская кровь достались от разных родителей. Бастардам шансарского короля-завоевателя и его братьев повезло куда больше. Однако каким-то загадочным образом, непостижимым для здравого рассудка, десять солдат Кесара все время менялись. Номер, к примеру, седьмой сегодня мог быть коренастым, с лицом, покрытым шрамами. На следующий день он оставался коренастым, но лицо его становилось совершенно чистым, а еще через день он к тому же сильно прибавлял в росте. Таким образом, под каждым номером на самом деле тайно значился целый десяток солдат. В общей сложности это составляло сотню, девяносто из которой служили в личной гвардии Кесара неофициально. Такую практику нельзя было назвать необычной, но Кесар действовал более тонко, а

потому имел более многочисленную гвардию, чем большинство других. Кроме того, у него было еще одно несомненное и довольно незаслуженное преимущество. Обычно предводитель или обладает обаянием, или нет. Принц эм Ксаи был наделен им в полной мере и беззастенчиво пользовался этой странной, темной и беспощадной магией. Она-то и держала его людей в безоговорочном подчинении, невзирая даже на то, что он давал им немало поводов для недовольства, ибо его понятия о правосудии зачастую были странными, а иногда и вовсе несправедливыми.

И как раз сейчас этому солдату предстояло на собственной шкуре испытать убийственно несправедливое правосудие Кесара.

— Кого же мы приставим приглядывать за тобой после того, как выпорем? — задумчиво спросил у самого себя сержант.

Больные и наказанные отлеживались не во дворце. Вся гвардия, кроме десятка, занятого на дежурстве, была размещена в городе. Иногда кто-нибудь дезертировал, но на его место неизменно находился новый. Этот Рэм, он в прошлом был разбойником, не так ли?

— У меня никого нет, — бесцветным тоном сообщил солдат.

— Как, неужели совсем никакой жалостливой шлюшки на примете?

— Сейчас — нет.

— А родня?

Солдат лишь взглянул на него искоса.

— Я спрашиваю не из пустого любопытства, — пояснил сержант. — Если у тебя есть какие-то родственники, их помощь тебе не помешает.

Солдат, назвавший себя Рэмом, взглянул на столб для порки с висящими на нем кандалами.

— Вообще-то есть кое-кто.

— Кто же?

— Одна женщина, — нехотя выговорил Рэм. — Красный дом на Косой улице, у самой гавани, — он невесело усмехнулся. — Только она может отказаться. Она любовница торговца пенькой. Он сейчас в отъезде.

— Ладно, солдат. Раздевайся до подштанников — сам знаешь порядок. Бить буду быстро и сильно, так меньше почувствуешь, да и потом легче будет. Разрешаю ругать меня как угодно, пока я тебя деру. Двадцать лет назад в Закорисе я был мастером этого дела, и не из худших.

Они подошли к столбу. Рэм вставил руки в кандалы и услышал, как они щелкнули. Двое стражников, выбранных в свидетели, что-то сочувственно пробормотали. Сержант дал ему

глотнуть неразбавленного спирта, дравшего горло не хуже хлыста.

Потом на его спину опустился Шкуродер.

Рэм, как все и подозревали, было не настоящее его имя. Но то имя, которое досталось ему от его сумасшедшей матушки, было крайне тяжело носить. Даже укоротившись со временем, оно все равно наводило внимательное ухо на лишние мысли. Росший сначала в городских предместьях, а после в трущобах, среди белых песков жары и серых снегов холода, в то время как десять из одиннадцати мальчишек вокруг него звали в честь Ральднора из Сара, героя с Равнин — Рэм не имел от своего имени ничего, кроме неприятностей. Все его детство прошло в драках, а когда он возвращался домой, там его снова ждали оплеухи и зуботычины. Покровителям матери было плевать на него, да и сама она не питала к нему ни любви, ни интереса.

Под конец он пришел к мысли, что именно побои, которые сыпались на него все детство, и виноваты в том странном, что за последние пять лет случилось с ним целых пять раз. В том, что происходило как раз в тот миг, когда Кесар эм Ксаи вышел из своих покоев и обнаружил его.

Придя в себя с кинжалом хозяина у горла, он счел за лучшее притвориться. Принц явно решил, что Рэм задремал на часах, как последний болван. Служба в гвардии человека с таким честолюбием и заносчивостью, как у Кесара, вполне могла стать для него ступенью к возвышению. Рэм чувствовал в Кесаре некую особую силу, вкус к власти. Кроме того, это место приносило ему регулярные деньги и кое-какие привилегии. Рэму совершенно не хотелось возвращаться к своему прежнему занятию — разбою. Солдатская служба отличалась от него лишь немногим, но была законной. А получать наилучшую плату за то, что умеешь делать лучше всего — вполне логичное стремление.

Но если бы Кесар узнал, что произошло с Рэмом у его дверей, шансов не оставалось. Его ждало неминуемое увольнение. Снова оказаться на улице, вернуться к старому ремеслу и утратить единственную цель в жизни...

Рэм успел заметить девушку, которая, дрожа, выскользнула из комнаты. Сквозь спутанную массу темных волос проглянуло соблазнительное округлое плечо. А потом мозг Рэма копьем пронзила боль. Он понимал, что с ним происходит, но сделать ничего не мог. Девушка ничего не заметила. Дворцовый коридор затуманился и померк, заслоненный картиной, пылающей у него в мозгу. То, что он видел, было совершенно отчетливым — как и все эти его видения. Перед его мысленным взором встала

женщина. Ему не удалось рассмотреть ее одежду, но он уловил мерцание фиолетовых камней. У нее были красные волосы — того кроваво-красного оттенка, который когда-то был очень редким, но теперь перестал быть таковым из-за смешения светлой и темной рас. Но он не только видел ее облик — он проникал взглядом прямо в ее тело, в ее лоно. Там в своем серебристом пузыре таилось крошечное существо, спящее и бесполое. Вокруг него была странная аура пульсирующего сияния. Он ощущал эту жизнь, скрытую в ее теле, словно напряжение воздуха перед грозой. В обычном состоянии рассудка он счел бы такие ощущения смехотворными. Мысленные образы, которые преследовали его со времени взросления, он тоже высмеивал, едва они отступали. Ему и в голову не приходило счесть себя чтецом чужих мыслей или провидцем. То, что он видел, было каким-то символом, непонятным знаком и, насколько он понимал, не имело ни малейшего отношения к его собственной жизни. Или же это стоило считать разновидностью безумия, в котором он до сих пор никому не признавался и до сегодняшнего дня ни разу не был в нем уличен.

И надо же было случиться такому, чтобы Кесар лично застал его во время одного из этих приступов!

Но в его лжи никто не усомнился. А к побоям Рэм давно привык.

Когда его сняли со столба, он был в сознании, да и не рассчитывал на иное. Поэтому он сильно удивился, когда уже в повозке, в которой его по Косой улице везли к гавани, утонул в кружащемся небытии. Очнувшись, он увидел своего товарища, приставленного к нему сиделкой на время дороги, с мехом вина. Рэм глотнул, и его едва не стошнило. У него даже ничего не болело — но лишь до тех пор, пока он не делал хотя бы мельчайшее движение, и тогда боль раздирала его тело на клочки.

— Приехали, Рэм. Вот дом, о котором ты говорил.

Рэм ухитрился выдавить из себя какое-то подобие усмешки и с помощью второго солдата кое-как выбрался из повозки.

Ворота в желтоватой кирпичной стене были заперты, но на стук явился привратник. Это был тот же угрюмый старик, который служил здесь год назад, когда Рэм в последний раз появлялся в этом доме. Сам дом тоже ничуть не изменился — узкое строение без единого окна на улицу. Разве что вьющиеся растения, оплетавшие стены, стали чуть гуще.

Привратник оказался несговорчивым. Хозяин в отъезде, а хозяйка ни о чем таком его не предупреждала. Его убедили доложить ей. Рэм начал смеяться. Второму солдату явно было

скучно и противно, а повозка тем временем уехала.

— Можешь оставить меня здесь, — выговорил Рэм, привалившись к воротам.

— Почему бы и нет? Она обязана пустить тебя. Только последняя сука способна прогнать человека в таком состоянии.

— Тогда она вполне может выставить меня. Она — сука из сук, какой еще свет не видывал.

Солдат пожал плечами и, сочтя свой долг выполненным, отправился в винную лавку.

Рэм ждал у ворот. Полуденный зной выпивал остатки его сил, и он уже начал терять сознание, когда вернулся привратник и впустил его.

Он пересек двор, вошел в дом и добрел до комнаты, которую указал ему старик. Все плыло у него перед глазами, поэтому комната, претендующая на роскошь, но на самом деле выглядящая довольно убого, не произвела на него никакого впечатления. Однако женщина в самом центре поля зрения была видна до странности четко, неожиданно напомнив об отчетливой резкости его видений. Долгая молодость Висов уже начала покидать ее, но не это, а разочарования и обиды изрезали ее лицо глубокими линиями. Она постоянно твердила ему об этих разочарованиях и обидах — изредка с подробностями, чаще в общих словах, перечисляя причиненное ей зло. Как она когда-то была в милости у особ королевской крови Дорфара. Как с ней несправедливо обошлись и втянули в интриги двора в Корамвисе в последние дни его былого могущества. И самое главное — как его отец покинул ее. Она всегда ненавидела Рэма из-за его отца. Она не уставала повторять ему о том, что нисколько не сомневается — сын никогда не любил ее, даже в младенчестве.

Он ощутил к ней что-то вроде жалости. Ее темные волосы были аккуратно уложены в прическу служанкой, которую она стегала розгой, когда девушка чем-то вызывала ее неудовольствие. Прическа выглядела немного старомодно — вне всякого сомнения, так укладывали волосы там, в Корамвисе, исчезнувшем с лица земли. Шпильки блестели фальшивой позолотой, а ее уши оттягивали тяжелые черные жемчужины — искусственные, получавшиеся, когда вместе с песчинкой в тело моллюска впрыскивали черную тушь.

Она взглянула на него, и ее переносицу прорезали глубокие складки, уголки сухих губ дернулись вниз.

— Я не видела тебя уже больше года, а теперь ты вламываешься сюда в таком виде и с таким позором. И я еще должна ухаживать за тобой? Как, скажи на милость? Что он скажет мне, когда вернется?

— Твой дружок-купец не скажет ничего, если у него есть хоть немного ума. Кроме всего прочего, он получит денег из сундуков принца, которому я служу.

— Да, это может ему понравиться, — сказала она язвительно.

— Или он может взять одну из своих веревок и повеситься.

Сквозь рубаху, которую кое-как набросили ему на плечи, он чувствовал, как сочится, запекаясь коркой, его кровь. Комната закружилась, и прежде чем Рэм успел что-либо сообразить, он рухнул на колени, и его стошнило прямо ей под ноги.

Она брезгливо отскочила, осыпав его бранью. Под конец, видимо, исчерпав все ругательства, она выговорила его имя — с таким презрением, на какое только была способна.

— Даже королей иногда тошнит, матушка, — отозвался он, сплюнув.

— Рармон! — завизжала она, давясь злобой. — Рарнаммон...

Он поднялся, и боль, пронзающая тело, наполнила его отчаянием. Судя по всему, дела здесь шли неважно, поскольку торговец пенькой, недавний покровитель его матери, и двое из трех слуг были в отъезде. Сырая кладовая, которую те занимали, стояла пустая, и Рэм мог отлеживаться там. От щедрот Кесара его будут кормить и, возможно, даже проследят за тем, чтобы он остался в живых.

Рэм терпеливо дожидался, когда поток ее жалоб иссякнет, зная, до какой степени бесполезно взывать к ее милосердию. Ребенком он уже раз или два тщетно пытался делать это, когда Лики била его головой о стену или когда, поймав его на воровстве из ее кармана, сунула его руки в кипяток.

Когда-то она была очень хорошенькой, но в какую же уродину превратилась сейчас! Его чуть было не стошнило еще раз, но каким-то чудом он сдержался, зная, что она сочтет это новым оскорблением, и все это будет тянуться до бесконечности.

К середине дня колесница преодолела изрядный отрезок белой дороги, ведущей из Истриса в Иоли и занимающей двое суток. К исходу дня предполагалось добраться до берега узкого пролива, в котором лежал островок Анкабек. Ночевать собирались в скромных придорожных гостиницах, которые были заранее оповещены. Дорога была прекрасной, а в жаркую пору вряд ли что-то могло задержать небольшой караван, пусть даже его скорость и без того была невелика. Хиддраксы, чистокровные скакуны, обычные в сердце Виса, были далеко не столь свойственны Кармиссу, а лошади из Шансара-за-Океаном совершенно не выдерживали долгих путешествий и встречались еще реже. Поэтому колесница была запряжена породистыми

зеебами, способными идти вскачь, но весьма недолго.

Принцесса сидела в подушках, читая или просто глядя по сторонам на подсвеченную солнцем дымку. Девушка, ее спутница, флиртовала с одним из двух всадников, сопровождающих колесницу. Если повезет, небольшой кортеж вполне мог вернуться обратно в столицу еще до того, как на небе вспыхнет Застис.

Золотистый день полыхнул огненным закатом, клонясь к сумеркам. Они ехали по холмистой местности, которая завтра должна была плавно перетечь в Иоли, выйдя к северному взморью. Показались башенки постоялого двора, а над их крышами уже загорались первые звезды.

Прежде чем войти во двор, Вал-Нардия прикрыла лицо покрывалом. Ее мантии, эскорта и служанки было вполне достаточно, чтобы внушить уважение, не вызвав при этом ненужной суматохи. Одна из младших принцесс, она путешествовала просто как знатная дама. Так ее и приняли на постоялом дворе.

В комнатке, которую ей отвели на верхнем этаже второй башни, она поужинала тем, что ей принесли. Вино было желтым — такое делали на Равнинах. Виноградники Кармисса, сожженные двадцать лет назад, когда его побережья обстрелял флот из-за океана, до сих пор не вошли в полную силу. Напитками этого края стали пиво и жгучее белое пойло из раздавленных и перебродивших ягод.

За открытыми ставнями безраздельно властвовала ночь. Вал-Нардия отослала девушку и осталась одна.

Она уселась в кресло, раскрыв книгу, но ее боязливые мысли бродили где-то далеко. До нее донеслись звуки музыки — мелодия была неистовой и завораживающей. Пели песню, и против воли она вслушалась, пытаясь разобрать слова. Ей удалось различить всего одно или два, долетевшие до нее сквозь толстый пол и через открытые окна нижнего этажа, но внезапно она уловила имя — «Астарис». Значит, это была песня о Ральдноре, сгинувшем герое-полукровке, и о кармианской принцессе, его возлюбленной, красноволосой Астарис, которая, как говорили, была прекраснейшей женщиной в мире.

Вал-Нардия невольно коснулась своих густых волос. Когда песня кончилась, девушка отправилась в постель.

Она лежала на подушках с широко раскрытыми глазами. Шумный постоялый двор уже утих, а Вал-Нардия еще долго смотрела в ночь за окном, время от времени вполголоса бормоча известные ей ритуальные молитвы Анакир, Повелительнице змей — ибо она одна стояла между Вал-Нардией и ее снами, полными ужаса и страсти. Наконец она все-таки уснула, и ей привиделся

брат, стоящий на высоком холме у моря, которое волновалось под порывами ветра. Она поняла, что позвала его — он придет к ней, и тогда ей не будет спасения. И в ее сне все так и было.

Они охотились, и охота вышла удачной. Возвращаясь обратно в сумерках по городским улицам, полным грохота колес и цокота копыт, король, как всегда, выделялся из своей свиты — золотая смеющаяся фигура на янтарном коне. Звенели приветственные крики, женщины, свешиваясь с балконов, бросали вниз цветы. Сузамуну эм Шансару нравилась грубоватая шумная простота его прежнего двора среди родных болот и скал, и он перенес ее и сюда. Болтали, что в молодости, годы спустя после того, как присвоил корону Кармисса, он переодевался то нищим, то гончаром, то скотоводом и бродил по городам, как когда-то делали боги, играя с человечеством. Тех, кто был добр к нему, он впоследствии награждал — любезным дамам жаловал ларцы с драгоценностями, какому-то конюху, бросившему несчастному попрошайке монетку, подарил жеребца. Тех же, кто плохо обходился с ним в его странствиях, он вызывал к себе во дворец и открывал страшную правду, лишая бедняг дара речи. Наказание было заслуженным, ибо те, кто не узнавал своего короля по цвету волос или кожи, должны были понять, что это он, хотя бы по резкому акценту и ломаному языку Висов.

Однако в последние десять лет он немного смягчился, предпочитая, чтобы его знали тем, кем он был — аристократом и повелителем. Былой титул «Король-пират», прежде забавлявший Сузамуна, теперь мог заставить его нахмуриться и прикрикнуть на того, кто произнес это вслух. В жены он брал только своих соотечественниц, а его немногие висские любовницы как одна осветляли волосы и белили кожу.

Процессия ввалилась во дворец, и веселый шум тут же разнесся по всем его уголкам — топот ног и лязг оружия, собачий лай и шипение охотничьих калинксов, но все перекрывал гомон людей, желающих веселиться. Сузамуну был по душе почти любой шум. В длинный зал, сверкающий огнями, вбежали менестрели, и он наполнился пением смычков и грохотом барабанов.

Неожиданно Сузамун, только что оглушительно хохотавший, умолк. Его светлые брови грозно сдвинулись.

В зал вошел Кесар эм Ксаи с парой совершенно одинаковых черных калинксов, шествующих перед ним на поводке, и одним из своих солдат за спиной.

Казалось, что Кесар, которому не повезло родиться с черными волосами Виса, надменно выставляет напоказ эту черноту. Его

гвардия — ни для кого не было секретом, что ее число далеко превышает дозволенный десяток — на всех церемониях появлялась исключительно в черных кольчугах. Сам он обычно, как и сегодня, одевался в черное, оживленное лишь роскошным оплечьем с ало-золотой огненной ящерицей, которую эм Ксаи избрал своим гербом. Амрек, проклятый тиран и угнетатель Дорфара, тоже носил черное, точно подчеркивая предпочтение, отдаваемое своей расе. А Кесар... даже его калинксы были черными, как ночь. И, разумеется, великолепными. Где только он брал деньги на покупку или разведение таких зверей? Мать почти ничего не оставила ему после себя, а отец-шансарец и вовсе не озаботился такими мелочами.

Сузамун изучал калинксов — их холодные голубые глаза источали злость, но рука, держащая поводок, непререкаемо правила ими. На сегодняшней охоте они преследовали добычу вместе со всеми и первыми загнали зверя, действуя слаженно и в то же время отдельно от прочей своры, что было большой редкостью. Сузамун тут же испытал острое желание заполучить их, но королю было неприлично и неудобно требовать чего-либо от младшего принца. Почему-то эм Ксаи постоянно вызывал у него беспокойство.

Король остерегался Кесара — и не любил его. То, что столь незначительная персона привлекает к себе такое внимание, уже само по себе было предосудительно.

Кесар неторопливо дошел до конца зала, где среди своих братьев и фаворитов стоял его повелитель. С появлением принца зал выжидающе притих, так что стала слышна мелодия, которую наигрывали музыканты. Кесар в упор посмотрел на короля — ленивым, непроницаемым и бесстрастным взглядом — и лишь потом отвесил изящный легкий поклон.

Два калинкса, камнем застывшие на плетеных поводках, прижали увенчанные кисточками уши. Злобные твари восприняли злость короля и теперь показывали ее всем собравшимся.

— Мы весьма вовремя устроили охоту, — рассмеялся Сузамун. — Ты приятно провел время, Кесар?

— Да, мой повелитель, — принц чуть усмехнулся. Оба они говорили на языке родины Сузамуна, нынешнем языке кармианского двора.

— Тебе стоит поблагодарить за это своих котиков.

— Верно, мой повелитель. Дорфарианские калинксы обычно бывают лучше всех.

Сузамун метнул на них жадный взгляд. Во имя янтарных сосков Ашары, почему такое ничтожество владеет столь великолепными зверями?

— Дорфарианские, говоришь? Должно быть, они обошлись тебе недешево.

Кесар снова усмехнулся.

— Несомненно, мой повелитель. Но я купил их не ради своего удовольствия. Сегодня я желал испытать их в деле, чтобы убедиться, действительно ли они стоят таких денег. И, поскольку это так, я буду счастлив, если ваше величество окажет мне честь, приняв их в дар.

Толпа негромко ахнула, послышались смешки, потом аплодисменты.

Потребовать их было неудобно — теперь же стало неудобно отказаться от них.

Теперь усмехнулся Сузамун. Он щелкнул пальцами, и мальчишка-грум тут же подскочил, чтобы принять поводок у Кесара. Выученные в совершенстве, коты не издали ни звука протеста, хотя уши у обоих встали торчком. Их торжественно вывели из зала. Сузамун взял себя в руки, подошел к Кесару и обнял его.

Придворные снова зааплодировали.

Подали ваткрианское вино, и Кесар выпил с королем и его братьями. Уль склонился к уху Сузамуна.

— Я не забыл, — кивнул король. — День — забавам, вечер — делу. Господа, следуйте за мной наверх. Ты тоже, эм Ксаи. Можешь оставить здесь своего солдата.

Поднявшись по лестнице, они вошли в один из залов Совета. Там уже горели светильники. Стену украшала выложенная мозаикой карта мира, включающая и очертания второго континента. Названия наиболее значительных стран и их главных городов были выложены золотом, и сильнее всего бросалось в глаза слово «Шансар». В разделяющих их морях резвились мозаичные рыбы, а подводные вулканы изрыгали киноварь.

Сузамун направился прямиком к карте и встал, разглядывая ее. Когда он обернулся, его лицо было самодовольно-царственным и напыщенным. Он быстро обвел взглядом собравшихся, точно убеждаясь, что никто не насмехается над ним. Но среди них не нашлось такого глупца. Даже заносчивый Кесар принял непроницаемый вид, время от времени чередуя его с вежливой улыбкой или столь же вежливым выражением внимания.

— Сегодня твоя сестра отбыла на Анкабек, — произнес король.

— Да, мой повелитель.

— Мы с удовольствием исполнили ее желание посвятить жизнь Ашаре, единственной истинной богине.

Кесар поклонился.

— Вал-Нардия так и лучилась благодарностью, мой повелитель.

Король бросил недоверчивый взгляд на молодого человека, но его поведение было безукоризненным.

— А ты? — спросил Сузамун. — Как мы поступим с тобой?

— Мой король знает, что может распоряжаться мною, как посчитает нужным.

Сузамун ткнул рукой в карту.

— Закорис, — произнес он. — Все мы помним, не так ли, как мой собрат из Вардата взял черный Закорис и как тот пал? И как потом потерпевшие поражение закорианские лорды вторглись в Таддру? Теперь они обосновались на северных побережьях Таддры и оттуда нападают на Дорфар. Мой собрат из Дорфара, король Ральданаш, сын Ральднора, уведомил меня, что эти пираты опустошают его северные берега. Гарнизоны северо-восточных городов Кармисса также послали мне известие, что там были замечены так называемые вольные закорианские разбойники, а на берегах Дорфара — костры.

Пятнадцать лет назад все это вполне могло позабавить Сузамуна, Короля-пирата, но сейчас он ни словом, ни жестом не упоминал о своем прошлом.

— Ради безопасности Кармисса и дабы проявить заботу о землях Повелителя Гроз, — важно изрек он, — я решил послать войско и флот, чтобы разбить этих пиратов. Я лично участвовал в морской битве при Карите, когда Висы подожгли воду и волны побелели от костей желтоволосых людей.

Похоже, его братья тоже вспомнили это. Их лица были неподвижными. Немногие советники-Висы, находившиеся в зале, опустили глаза. Один лишь Кесар в своих черных одеждах не отвел взгляда, и его глаза встретились с глазами короля.

— Командование этими силами я намерен поручить человеку молодому и решительному, который пока не слишком известен в Кармиссе, но отнюдь не потому, что лишен достоинств, — если в его словах и крылся сарказм, то король никак не подчеркнул его. — Принцу из старинного королевского рода, в чьих жилах течет кровь народа богини. Кесар эм Ксаи, я предлагаю этот пост тебе. Ты примешь его?

— Вы делаете мне честь, повелитель, — лицо Кесара осталось неподвижным. Он просто продолжал смотреть в глаза королю. Сузамун пожал ему руку, а присутствующие в зале члены Совета сердечно поздравили его.

Вольные закорианцы плавали небольшими группами, но было очевидно, что флот, который отправит против них Сузамун, будет

ничуть не больше. Кроме того, это будет флот, расслабившийся за мирное время и по большей части висский, поскольку те шансарцы, кто хотел остаться под парусом, вернулись на родину. К этому стоило прибавить отсутствие подготовки, небольшие размеры кораблей, обленившееся флотское командование, а в довершение всего — поставленного во главе захудалого принца, опытного в морских сражениях ничуть не больше, чем огненное существо с его герба, саламандра.

Все это можно было представить как блестящую возможность выдвинуться. Но с равной вероятностью это могло стать верной дорогой к бесчестью и бесславной гибели.

Долгий северный закат почти догорел, когда, разрезав розовую воду, к каменному берегу Анкабека со скрежетом пристала барка. Им все-таки не удалось избежать задержки — один из зеебов потерял подкову, пришлось на несколько часов остановиться в блистательном Иоли. Но, разумеется, барка дождалась их, так что их прибытие на место стало лишь делом времени — море было спокойным, и таинственный островок, вырастая перед ними из путаницы света и теней, казался зачарованным, священным — каким ему и полагалось быть.

Вар-Нардия смотрела на него со странной тоской, тронутая красотой открывшегося вида в последних болезненных отблесках зари.

На пригорке над пристанью приютилась деревушка. К песчаному берегу двигались мужчины с факелами в руках, среди которых виднелась единственная женщина, похожая на призрак. Сумерки почти сомкнулись над островом.

Свита принцессы уже вернулась на барку, лишь девушка-горничная, задержавшаяся с вещами, вдруг расплакалась и кинулась целовать руки Вал-Нардии. Принцесса принялась ласково утешать служанку, но все ее внимание было приковано к женской фигуре, идущей среди факельщиков. Потом та подошла, и служанка упала на колени.

Женщина была с Равнин. В этом не могло быть никакого сомнения. Ее волосы под дымчатой вуалью были светлее утреннего неба. На льдисто-белом лице горели глаза, золотые в свете факельных огней.

Она оглядела Вал-Нардию, казалось, пронзая ее насквозь. Принцесса не противилась этому взгляду, наоборот, глазами, разумом и душой раскрылась ему навстречу, не чувствуя никакого страха, лишь безмерное изумление. Неужели Равнинная жрица прочла ее мысли? Что ж, тем лучше. Пусть все ее грехи и печали выйдут наружу. Тогда она может со временем надеяться

на исцеление.

— Мы ждали вас, госпожа, — сказала женщина ровным негромким голосом. Эта фраза заключала в себе всю учтивость той, кто, будучи дочерью богини, могла позволить себе великодушие.

— А я, — тихо произнесла Вал-Нардия, — жаждала оказаться здесь.

Жрица бросила взгляд на факельщиков, которые подхватили скудный багаж Вал-Нардии. Они зашагали обратно, мимо деревушки, поднимаясь выше по склону. Не сказав больше ни слова, жрица двинулась за ними, и Вал-Нардия последовала ее примеру.

Барка уже почти скрылась за краем воды.

Темная тропинка перед ними уходила в еще большую тьму, теряясь меж высоких деревьев. Их листья, выхваченные из темноты танцующими огнями факелов, оказались красными — то были священные деревья из храмовых рощ Равнин. Налетевший вечерний бриз наполнил рощицу звенящим шелестом, играя тонкими дисками из светлого металла, свисающими с веток. Они шли уже почти час.

Храм Ашары, она же Ашкар, она же Анакир, стоял на самой верхней точке островка. Черный в черноте ночи, без единого огонька, без каких-либо украшений, он отличался от храмов Равнин лишь размерами. Вертикальная щель двери была очень высокой. Процессия ни звуком не обнаружила своего присутствия, но черные двери распахнулись внутрь. За ними забрезжил тусклый свет — единственный признак жизни, теплившейся в храме.

Факельщики аккуратно опустили свою ношу прямо на пороге, развернулись и двинулись обратно. Они были Висами или полукровками, кармианцами с примесью шансарской или ваткрианской крови, но обученными или вообще выросшими в другой традиции. Они вообще едва ли походили на людей.

Жрица встала на пороге.

— Ты входишь в Святилище богини, — произнесла она. — Всех, кто ищет Ее, она ждет. Тем же, кто не ищет Ее, нет пути сюда.

Казалось, что-то запело прямо в сердце Вал-Нардии — словно перезвон тех дисков, что висели на деревьях. Она быстро вошла в Святилище, и двери без чьего-либо видимого участия захлопнулись у нее за спиной.

2

Церемония проходила на широкой приподнятой террасе перед храмом. В прошлом это здание принадлежало кармианской богине любви, Ясмис, но она была ниспровержена и изгнана в маленькие святилища Города Наслаждений. Теперь здесь был храм Ашары, водяной Анакир. Ее небольшую статуэтку вынесли наружу, и теперь она стоял на золотом рыбьем хвосте с восемью руками, простертыми, как лучи.

Личный маг-жрец короля принес в жертву белого теленка. В Шансаре было принято всегда чтить Ее кровью перед сражением.

Небо над их головами было ясным и чистым, но Звезда уже появилась на нем и по ночам горела рядом с луной. В эту пору все имело чувственный подтекст — даже колдовство и религия, не говоря уже о войне. Такое время совершенно не подходило для сражений, и это ни для кого не было тайной. Светловолосые обитатели второго континента заявляли, что невосприимчивы к Застис, но было замечено, что на самом деле они не вполне безразличны к ней, и со временем их чувствительность только возросла — по крайней мере, у тех, кто долго жил на землях Висов. Лишь бледный народ степи, эманакир, в пору Красной Луны оставался столь же холоден, как и всегда.

Рэм переминался с ноги на ногу, позвякивая кольчугой. Другие тоже переминались, толпа волновалась и перешептывалась.

Жрец выкрикнул пророчество о победе, зазвенели кармианские гонги, и толпа с облегчением завопила.

Так много церемоний — и так мало кораблей! Точнее, всего три. Три корабля с неполной командой и гребцами, не желающими грести. Пришлось пообещать им двойную плату, которая оставалась пустым обещанием, пока Кесар лично не нашел где-то недостающие деньги. К тому же корабли эти были уже немолоды — элита кармианского флота тридцатилетней давности, кое-как подлатанная, но в любой момент готовая дать течь. Капитаны тоже присутствовали на церемонии, готовые отправиться в гавань и взойти на борт. Им предстояло плыть вдоль берега к выходу из пролива. Принц эм Ксаи с двадцатью своими людьми — ко всеобщему потрясению, он признался в том, что численность его гвардии вдвое превышает дозволенную — должен был выехать вперед и ожидать свой крошечный флот в Тьисе, городке, откуда пришли последние сведения о подозрительной активности закорианцев.

Это был фарс, и все эти религиозные украшения лишь делали

его еще более мерзким.

Рэм снова переступил с ноги на ногу, растревожив шрамы, и подумал о Дорийосе.

Рэм, когда-то носивший имя Рармон, отлеживался после порки шесть дней. Врач, которого за плату привел к нему один из слуг торговца, отлично знал свое дело, и он быстро шел на поправку. Но в бесконечно долгие часы, лежа на животе во влажной жаре подвальной кладовой и слушая плеск моря о стену, Рэм был исполнен смутной ненависти ко всему вокруг. Раз или два к нему приходила Лики. Не то чтобы она обходилась с ним очень дружелюбно, но хотя бы присылала слугу с супом, хлебом и пивом. К счастью, пиво и прописанные врачом лекарства служили отличным снотворным, тем более действенным, чем меньше терзала его боль.

На шестой день перед самым рассветом Застис зарделась губительным багрянцем. Рэм выбрался из своей кладовки, воспользовался удобной ванной комнатой, имевшейся в доме торговца, и отправился на поиски матери. Она еще не вставала. Торговец должен был появиться дома уже завтра. Рэм оставил Лики два серебряных кармианских анкара, бросив их поверх дешевых украшений, рассыпанных у ее зеркала. Она не могла не понять, что это значит.

На улице у самых ворот Рэм столкнулся с одним из своих товарищей-солдат.

— Меня послали за тобой. Нашему принцу велено покончить с Вольными закорианцами в Тьисе, и нам с тобой предстоит отправиться на смерть вместе с ним.

Они посмеялись, и Рэм согласился прийти во дворец к вечеру. То, что Кесар позвал его в столь необычный поход вскоре после того, как отправил к палачу, вызвало у него странное чувство. Возможно, это ничего не значило. Эм Ксаи мог просто наугад назвать номер, который у Рэма был девятым, остальные же девять Девятых по каким-то причинам не подошли или что-то вроде этого...

В любом случае визита в Город Наслаждений было не избежать, и его толкал туда не просто страх погибнуть в этом походе. Днем квартал выглядел не столь роскошно, как ночью, но, разумеется, посетителей там все равно хватало. Повсюду било в глаза ослепительное сияние солнца на дешевых блестках. Свернув под небольшую причудливую арку, ведущую в Оммосский квартал, он вскоре очутился в Доме Трех вскриков, в который раз поморщившись от этого названия, и постучал в дверь.

Дряхлый оммосец, которого Рэму всегда хотелось придушить, тут же высунулся из приоткрытой щели, точно черепаха из

панциря, и впустил его.

— Проходите, дорогой господин. Он свободен. Он ждет вас с тех самых пор, как Звезда раскрыла свое око — так сильна его любовь к вам.

Рэм бросил монетку старому мерзавцу и зашагал по спиральной лестнице, грязной и бесконечно длинной. Она составляла сильнейший контраст с помещением наверху, куда он вошел, постучавшись. Эта просторная комната на последнем этаже была чистой и тихой, напоенной запахом цветущих кустов, которые Дорийос выращивал в двух керамических вазах у окна. Сам Дорийос сидел сейчас между ними, занятый одним из бесчисленных сломанных музыкальных инструментов, которые он собирал, чинил, какое-то время играл на них, а потом продавал, а чаще просто дарил кому-нибудь.

Однако, увидев гостя, он широко улыбнулся, отложил свое занятие и пересек комнату. Приподнявшись на носки, он слегка поцеловал Рэма в губы.

— Я-то думал, что ты хранишь себя для меня, — добродушно произнес Рэм. — А ты, оказывается, пускаешь в комнату кого попало.

— Я узнал твои шаги еще на лестнице, а когда ты постучал, и вовсе не осталось никаких сомнений.

Дорийос был прекрасен — чистокровный кармианец с кожей цвета меда, глазами как два черных оникса и великолепными темными волосами, отливающими густой медью. Одет он был очень просто, зато украшений на нем было в избытке. Золотая цепь, висевшая у него на шее, попала к нему от Рэма в те не столь давние дни, когда тот промышлял разбоем. Но золотая капелька в его ухе была подарком от другого.

Привычный к целительной боли и поглощенный лишь своей страстью, Рэм тут же забыл об этом. Сбросив одежду, он услышал восклицание и удивился, что могло вызвать его.

— Твоя спина! Кто это...

— Ах, это... У меня вышла размолвка с лордом Кесаром. Ничего страшного, все уже почти прошло.

— Ничего страшного?!

— Мне стоило предупредить тебя.

— Стоило. Кто тебя лечил?

— Врач.

— Чей?

— Я отлеживался в доме у Лики. Пожалуй, это было ошибкой. Но ей доставляет такое удовольствие питать отвращение ко мне!

— Надо было прийти сюда, — сказал Дорийос так мягко, что Рэм воззрился на него широко открытыми глазами.

— Ты был… ты мог быть занят.

Дорийос улыбнулся.

— Когда тот старик у входа говорит, что я люблю тебя, он не лжет. Я позаботился бы о тебе и не стал никого пускать.

— Никаких других клиентов.

— Я зарабатываю этим на жизнь с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать и меня продали в дом простых радостей, — пожал плечами Дорийос. — Но я больше не раб и занимаюсь этим лишь потому, что умею это делать.

— Да, тут ты прав, — кивнул Рэм, и на этом разговор прекратился.

Звезда сделала их первую близость лихорадочной, быстро завершив ее пронзительным, задыхающимся наслаждением, но, едва оторвавшись друг от друга, они возобновили ласки, на этот раз уже более медленно, растягивая удовольствие.

В углах уже собрались тени цвета степного янтаря, когда Рэм вернулся к постели и положил на ладонь Дорийоса кольцо. Камень в нем был того же цвета, что и тени на стенах.

— Эй, — произнес Дорийос. — Я же не беру с тебя платы.

— Это подарок.

— Я знаю, сколько стоит янтарь, — повисла пауза. Потом Дорийос спросил: — Ты уходишь воевать с этими проклятыми закорианцами, не так ли? Я слышал на рынке. Вместе с твоим принцем Кесаром, который приказал спустить с тебя шкуру.

— Похоже на то, — Рэм не говорил о предстоящем походе. Но, как шансарцы хвастались тем, что могут читать мысли родных и любимых, так и они с Дорийосом время от времени чувствовали друг друга столь хорошо, что это превращалось почти в связь разумов.

— Я не стану говорить, чтобы ты был осторожен. У тебя нет выбора. Я не стану даже говорить, что люблю тебя, ибо вижу, что тебя это не трогает.

Рэм пожал плечами. В глазах Дорийоса плескалась странная боль, которой не было даже тогда, когда он увидел его едва зажившую спину. Черные волосы, крупными завитками сбегающие по шее, упали ему на низкий широкий лоб. На миг он стал пронзительно красив, каким бывал лишь в отдельные мгновения.

Из комнаты снизу донесся какой-то шум, бормотание и вскрики, а потом шлепок мягкого хлыста, непохожего на Шкуродер до такой степени, до какой вообще можно представить.

— Слава богине, у Гхила снова появилось занятие, — благочестиво произнес Дорийос, и оба юноши рассмеялись. Так что их расставание было если и не радостным, то по крайней

мере веселым...

Напряжение толпы заставило Рэма очнуться от воспоминаний. Похоже, должно было произойти еще что-то.

Кесар в своей угольно-черной кольчуге стоял перед алтарем. Вся эта суета с жертвами и молитвами привлекла к нему людское внимание. Он казался полным достоинства, но одновременно натянутым, как струна — сильный, впечатляющий и изысканный.

Принесли огромную чашу чеканного серебра, в которой с шипением извивался клубок змей. Толпа мгновенно утихла в ожидании излюбленного колдовского трюка шансарцев. Маг-жрец запустил руку в чашу и вытащил, сжимая в кулаке, громадную змею длиной больше человеческого роста. Змея извивалась, ее чешуя отливала металлическим зеркальным блеском — и вдруг она расплющилась, став прямой и твердой, и неподвижно застыла в руке мага.

Толпа ахнула. Змея, как все и ожидали, превратилась в меч.

Король Сузамун прошел по террасе. Все уже отметили, что ни его братья, ни законные наследники не появились на этой церемонии. Он взял меч, в который превратилась змея, и вручил Кесару эм Ксаи.

— Ты отправляешься исполнять нашу волю. Так иди же, и да будет с тобой наше благоволение — и Ее тоже.

Кесар принял меч, безошибочно ощущая настрой толпы, и вскинул вверх, чтобы все его увидели. Когда он заговорил, его голос, прозвучавший впервые за всю церемонию, был поразительно холодным и низким. Он взлетел над толпой с такой легкостью, словно его хозяин был актером, привычным к игре перед многотысячной публикой.

— В честь моего короля и во славу богини... — Кесар сделал паузу и в тот самый миг, когда толпа уже приготовилась разразиться приветственными воплями, выкрикнул с внезапной звонкой страстностью: — И за Кармисс, Лилию морей!

Толпа мгновенно с жаром подхватила его клич. Это была стрела, пущенная прямо в сердца Висов.

«Хорошо сказано, мой лорд», — подумал Рэм, криво усмехаясь внутри себя. А потом пришла удивительно ободряющая мысль: «Похоже, что он вовсе не намерен положить нас всех в этом Тьисе».

Это было восьмидневное путешествие по путаным прибрежным дорогам. Каждый день двоих из двадцати отправляли вперед маленького отряда, чтобы не упускать из виду три кармианских корабля. Рэм, в первый же день попавший в такой авангард, заметил и еще кое-что: желая избежать открытого

объявления войны Закорису-в-Таддре, корабли шли не под Лилией Кармисса и не под шансарской богиней-рыбой. На их чистых парусах горела алая саламандра.

Через пару дней отряд верховых вырвался вперед. Теперь двоих посылали следить за кораблями не вперед, а назад, и их доклады были совершенно однообразными. Три корабля держались на плаву, паруса не спускали, все еще питая какие-то надежды, весла лениво трогали воду. Погода была знойной и почти безветренной. Солдаты перешучивались меж собой по поводу того, что лучше — весь день трястись на зеебе или страдать на веслах. Они знали, что сначала должны добраться до Тьиса, туда и стремились. Но на последнем ночлеге перед тем, как, по расчетам, должен был показаться город, из сумерек выехала пара всадников, причем с совершенно неожиданной стороны — от самого Тьиса.

— В чем дело? — осведомился у гонцов Кесар. Он сам правил своей колесницей, только что сошел на землю и теперь снимал перчатки, одновременно слушая доклад.

— Мой лорд, король не послал нам никаких предупреждений... С вами лишь этот крошечный отряд?

— Есть еще корабли примерно в дне пути позади нас, — сообщил Кесар.

— Благодарение богам... то есть богине... если только их можно поторопить.

— Возможно. Полагаю, вы ожидаете личного визита пиратов Вольного Закориса?

— Да, мой лорд. Прошлой ночью они напали на Кармисс к западу отсюда. Мы видели горящие деревни. Бедные деревни, мой лорд. Они подожгли их просто из злобы. Мы боимся за Анкабек...

Кесар, и так поразительно собранный, казалось, подобрался еще сильнее, и его люди знали, почему — на Анкабек только что отправилась любимая сестра принца.

— Но в таком случае на острове зажгли бы сигнальные костры, — торопливо продолжил гонец, почуяв неладное, — а мы ничего не замечали. Кроме того, закорианцы с суеверным страхом относятся к святым местам.

— Только не к святилищам богини-женщины, — возразил Кесар. Лицо у него было страшное.

— Они появились с другой стороны, мой лорд, — быстро сказал гонец. — С востока, далеко от священного острова. Днем над дозорной башней под Тьисом поднимался красный дым. Перед самым закатом прибыл человек, который видел их своими глазами. Они стоят на якоре в нескольких милях от берега.

— Сколько у них кораблей?

— Семь, мой лорд. — уверенно, почти пренебрежительно ответил гонец, еще не знавший подробностей о флоте, посланном из Истриса.

Лишь один из солдат Кесара посмел выругаться.

— Полагаю, у вас есть веские причины считать, что они не собираются нападать на вас немедленно, — после некоторой паузы сказал гонцу принц.

— Сейчас Застис, мой лорд. На закорианских кораблях обычно есть женщины. А деревни, которые они ограбили, славятся своими пивоварнями. Должно быть, сейчас они празднуют. Если нам повезло.

— Прямо скажем, вам не слишком-то повезло, — уронил Кесар.

Кесар отправил одного всадника обратно к кармианским кораблям. Приказ слышали все. Галеры должны были идти на полной скорости, сажая на весла матросов, когда гребцы будут нуждаться в отдыхе. Это было неслыханно, и вряд ли такой приказ мог обрадовать моряков. Кесар ожидал, что корабли войдут в бухту к юго-востоку от Тьиса на рассвете следующего дня. Нетрудно было представить себе реакцию на это распоряжение. Закончив, он отозвал в сторону сержанта своей гвардии, велел ему что-то и снова взобрался на колесницу. Они двигались быстро, но не на пределе сил, и зеебы вполне могли выдержать еще несколько часов скачки в теплой красной ночи.

— Эй, Девятый и двое Четвертых, у ваших скакунов самый свежий вид. Следуйте за мной.

Трое солдат побежали к своим животным. Рэма, к его крайнему изумлению, мучило нестерпимое любопытство. Через минуту они уже неслись за колесницей по разбитой дороге во всю прыть своих зеебов.

Кесар был в Тьисе за два часа до полуночи. С его упряжки летела пена, удила покраснели от крови, а трое его солдат, проделавшие путь верхом, едва дышали. Скачка была жестокой.

Распахнулись ворота, а следом за ними — двери скромного особняка. Вис, правитель городка, лично ввел принца эм Ксаи в богато украшенный зал, где ему подали вполне приличный ужин со сладким и ароматным вардийским вином.

— Невозможно выразить, как мы благодарны королю, — произнес правитель.

— Еще бы вы могли это выразить, — отозвался Кесар, отрезая себе кусок жаркого. — Он послал три полусгнивших лохани с экипажами, которые, добравшись сюда, слишком устанут за время пути, чтобы еще и сражаться. И в любом случае это произойдет

слишком поздно. Если ваш городок переживет это приключение, вам надо будет благодарить за это меня.

Правитель изумленно уставился на высокого гостя, но тут же взял себя в руки.

— Вы поняли? — уточнил Кесар.

Правитель, побледнев, кивнул и плеснул себе вина. Эм Ксаи посмотрел на дрожащие руки, унизанные дорогими кольцами, по которым струилось вино, пролитое мимо кубка.

— Каковы запасы вина в Тьисе? — лениво спросил он.

— Что вы имеете в виду, мой лорд? — недоуменно уставился на него правитель.

— Дело пойдет быстрее, если вы будете отвечать на мои вопросы вместо того, чтобы задавать свои, — проговорил Кесар с пугающей усмешкой. — Сколько бочонков, мехов и кувшинов вина, по вашей оценке, находится в Тьисе на сегодняшний вечер?

Правитель сглотнул, прикинул что-то в уме и дал ответ.

— Превосходно, — подвел итог Кесар. — Я заметил, что вы предотвратили паническое бегство. Продолжайте действовать в том же духе. Поднимите вашу гвардию, а также всех остальных, у кого есть руки и ноги, чтобы носить вино. В качестве места сбора вполне сойдет площадь перед этим домом.

Правитель, совершенно ошеломленный, не двинулся с места. Кесар придвинул к нему флягу с вином, чуть не забрызгав его:

— Можете подать своим подчиненным благой пример.

Очень медленно правитель поднялся и побрел к выходу с флягой в руках.

Сначала город, поднятый среди ночи, решил, что Вольные закорианцы уже напали, и воцарился хаос. Лишь Кесар, разъезжавший по улицам на одном из зеебов правителя в сопровождении его же гвардии, вносил в эту сумятицу безжалостный и непререкаемый порядок.

Через некоторое время его странный приказ был выполнен. Сосуды с вином со столов, полок и из погребов собрали на площади.

Рэм, таскавший вино вместе с остальными, видел, как город охватывает веселье. Перед лицом опасности любые действия, пусть даже столь безумные, были лучше, чем пассивное отчаяние. К тому же посмеяться действительно было над чем. Старушки катили бочонки, в утешение то и дело затевая перебранки с приятельницами, а солдаты время от времени прерывались, чтобы прижать в укромном уголке у стены какую-нибудь девушку, ничего против этого не имеющую. На небе горело око Застис, и страх смерти, несомненно, добавлял остроты любым ощущениям

жизни.

Тьис был висским городом — Кесар не заметил ни одного обладателя светлой кожи или белокурых волос, хотя вряд ли они совсем тут не водились. То, что Кесар был темноволосым, вполне могло ободряюще подействовать на жителей. Да и трое его солдат тоже были кармианцами.

Рэм понимал в происходящем ничуть не больше, чем любой в Тьисе — пока горожане не начали приносить иные вещи. Тогда он осознал все, и его охватила злобная радость — он был уверен, что план провалится. А впрочем, не так уж и уверен. Закорианцы уже были пьяны и к тому же преисполнены спеси и презрения. Кроме всего прочего, это был единственный шанс, оставшийся Кесару — иначе следовало бежать, поджав хвост.

Они стояли, чернея на фоне рассветного неба — три у входа в небольшую бухту, еще четыре чуть ближе к берегу. Здесь было достаточно глубоко для них — корабли были большими, но при этом маневренными. Двойные ряды гребных люков сейчас пустовали, черные паруса были спущены. Будь они подняты, на каждом из них можно было бы различить серп луны, расколотый оскаленным драконом — герб старого Закориса. По обеим сторонам остроконечных носов таращились нарисованные красные глаза. Стремительные, мощные и низкие, корабли глубоко сидели в воде. Они уже успели поживиться на южном побережье Дорфара и вдоволь натешиться в деревнях Кармисса визжащими женщинами и янтарным пенистым пивом.

Однако, несмотря на оргию, на каждом носу стояли вахтенные — люди со свирепыми закорианскими профилями и черной или темно-бронзовой кожей. В их краю ненавидели светлую расу еще до Амрека и задолго до того, как Ральднор, этот ублюдок из Сара, почти столь же темнокожий, как они сами, поставил на колени их столицу Ханассор. Теперь они считали справедливым возмездием нападение на Кармисс, да и на любое другое место, где приветствовали вторжение желтоволосых или покорились ему — а желтая раса, надо сказать, проникла повсюду. Сейчас Закорис находился в Таддре, но пока не имел достаточных сил, чтобы вести войну против всего мира. Но дни Черного Леопарда еще вернутся. Ибо такова воля Зардука, и Рорна, и прочих мужских богов Вольного Закориса.

Когда заря уже целовала губы бухты, перед ними, точно видение, возник большой корабль.

На рассвете в пролив меж Дорфаром и Кармиссом вошла приливная волна. Только она и могла принести сюда этот корабль, ибо рассветный ветерок едва шевелил его паруса, на

которых горела алая ящерица, а гребные люки были наглухо задраены.

Взревел сигнальный рожок. Эхом отозвались остальные.

Вскоре после этого две черные биремы — всего две, ибо они не отнеслись к противнику всерьез — двинулись на корабль-призрак.

Рабы, прикованные к веслам, были вполне работоспособны, поскольку им выдали лишь по одной кружке пива, а женщин им не полагалось вообще. На протяжении веков пытка Застис считалась дополнительным изощренным стимулятором для таких, как они. В эту пору, скованные и не имеющие никаких возможностей утолить свой телесный голод, кроме самых грубых и простейших, некоторые из них доходили под светом Звезды до безумия. Зато остальные тратили на веслах энергию, не имеющую иного выхода, добавляя кораблю скорости.

Мгновенно утратив сонный и ленивый вид, биремы бросились в погоню за жертвой, точно две поджарые черные гончие. Они настигли ее меньше чем через милю и не стали нападать, поскольку она явно была покинута и плыла по воле волн.

Подобные вещи не были редкостью. Пиратствуя, они не раз натыкались на такие суда. Заплывшие жиром торговцы со своими изнеженными экипажами прыгали в лодки или добирались до земли вплавь при одном взгляде на превосходящую численность морских разбойников. Так случалось довольно часто, и, как результат, легкая добыча тоже не была редкостью, поскольку, спасая свои жизни, купцы бросали груз на корабле.

Вскоре пираты зацепили находку крюками, хлынули через борта и убедились, что под палубой никто не таится — корабль был пуст, как перевернутый вверх дном кувшин.

Но, с другой стороны, как раз кувшины-то и были полны.

Их добычей стала ни более ни менее, как плавучая винная лавка — трюмы были забиты бочонками из циббового дерева, кожаными мехами, каменными и глиняными кувшинами. В них плескались душистые хмельные вина Ваткри, Вардата и Тарабанна — единственное благо, которое способен породить этот проклятый континент за адскими морями Эарла.

Они знали, что Тьис лежит в нескольких милях от берега, но он мог и подождать — долгое ожидание развязки лишь придаст остроты его страху. Кто-то пошутил, что, похоже, корабль выслали навстречу сами горожане, желая задобрить их, и это вызвало немалое веселье.

В конце концов в порыве братского единения было решено забрать груз с корабля и вернуться к своим, чтобы разделить его с

остальными пятью биремами. Галеру с саламандрой подожгли и, отплывая, увидели, как за их спиной отразилась в воде новая заря.

Разумеется, вина оказалось недостаточно, чтобы просто пустить его по кругу. В традициях их края было драться друг с другом за различные блага. В драке несколько человек искалечили, иных приложили до потери сознания, а двух-трех и вовсе прикончили. Однако веселое хмельное буйство было общим, бурным и безоглядным, поэтому, когда закорианцы поняли, что их провели, было уже слишком поздно.

Когда первые жертвы ощутили признаки недомогания, их немедленно принялись дразнить слабаками. Пьяные, валяющиеся без чувств или катающиеся по полу, хватаясь за живот и извергая содержимое желудка, считались явлением одного порядка. Но через некоторое время тот же недуг поразил моряков на всех кораблях. Страшные спазмы терзали их горло и внутренности, в глазах мутилось, они не могли ни двигаться, ни говорить. Людей рвало кровью, и даже самые недоверчивые в конце концов прозрели. В вино явно был подмешан какой-то сильнодействующий яд. Они не знали, убивает ли он наверняка — в некоторых случаях это казалось весьма вероятным, в других даже произошло. Но весь их ужас и бессильная ярость были напрасны. К тому же капитаны и офицеры тоже пили это вино — даже больше, чем все остальные. Корабли охватило смятение, и в самый разгар этого смятения две кармианские галеры обогнули мыс за Тьисом и незаметно пробрались в бухту.

Те немногие, кто не пил или пил, но совсем чуть-чуть, побежали или поползли к своим местам. Хорошо помня свою выучку, эта горстка людей попыталась пустить в ход огнеметные машины, которыми были оснащены два из семи кораблей Вольного Закориса. Но огонь погас, а вместе с ними угас и боевой дух людей. Единственный выпущенный снаряд не достиг цели и с шипением утонул в море. Те из пиратов, кто еще был способен стоять, не смогли оказать никакого достойного сопротивления. Некоторые, кому удалось прочистить желудок, кое-как добрались до бортов, выхватив ножи и мечи. Тут и там мелькали стрелы, выпущенные из лука, или брошенное кем-то копье. Но большая их часть пролетела мимо цели, и закорианцы совсем пали духом.

Первое кармианское судно, в отличие от Вольных закорианцев, было вполне готово к бою. На его палубе от щедрот Сузамуна установили одну из огромных катапульт, приспособленных шансарцами для морских сражений. Кесар эм Ксаи, расположившись на носу, отдал приказ стрелять. В тот же миг катапульта загремела и ударила. С ревом и свистом рассекая

воздух, пламенный шар обрушился на ближайший черный корабль. Теперь расчет катапульты мог стрелять более прицельно, и гигантская ложка снова и снова с грохотом пружинила, выбрасывая пылающий заряд.

Пламя объяло Вольных закорианцев. Те, кто мог, бросались в море, где кармианцы одного за другим добивали их копьями и пиками, точно рыбу острогой. Те, кто все еще не оправился от отравления, помутившись рассудком, пытались взывать о помощи к кораблям с саламандрами на парусах. Из плотного облака жирного дыма доносился треск ломающихся снастей на пиратских биремах. Мачты рушились, взметая снопы искр. Но и среди этого шума кармианцы, даже находясь на изрядном удалении, слышали вопли гребцов, оказавшихся в смертельной ловушке под пылающими палубами вражеских кораблей.

Капитан первого кармианского судна обернулся к принцу эм Ксаи. В его жилах тоже текла смешанная кровь, но в модном сейчас стиле героя Ральднора он обладал очень темной кожей и золотистыми волосами.

— Мой лорд, всем известно, что закорианские пираты сажают на весла только рабов.

Кесар лишь взглянул на него, равнодушный и далекий.

— Мой лорд, те, кто сейчас горит там заживо — элисаарцы, искайцы, таддрийцы. Мы не воюем с их землями.

Кесар одарил его такой завораживающей улыбкой, что капитан улыбнулся в ответ прежде, чем успел спохватиться. Но уже через миг принц перестал улыбаться.

— Если это так заботит вас, капитан, можете отправиться туда и вызволить их. Разумеется, при условии, что отправитесь туда в одиночку.

Честно говоря, немногие испытывали сострадание к мукам закованных рабов. Слишком уж ничтожны были в самом начале кармианские шансы на успех, сейчас ставший несомненным. Кто-то начал кричать, остальные подхватили, снова и снова повторяя: «Эм Ксаи! Эм Ксаи!» И этот ликующий шум постепенно почти заглушил другой — от гибнущих кораблей и людей.

К середине утра лишь угольно-черные разводы на воде, обгорелые обломки да поднимающийся к небу дым напоминали о том, что здесь затонули закорианские пираты.

Тех, кому удалось добраться до берега — не более тридцати — добивали конные гвардейцы Кесара и кучка вопящих матросов, жаждущих крови. Это была бойня — даже не убийство. Не исключено, что кому-то удалось бежать, поднырнув под корабли и добравшись до берегов Дорфара, но эта возможность была совсем

невелика. Даже если огонь и копья пощадили их, море и яд, скорее всего, оказались не столь милосердны.

Долго еще после этого в Тьисе поднимали тосты во славу своего вина. Городской летописец поспешил занести в хроники все, что было добавлено в вино той ночью. А это было все, что угодно, чем можно отравиться — ядовитые травы, соединения опия, масло для светильников, рвотные и слабительные средства, даже мази для зеебов, — лишь бы обладало слабым вкусом и еще более слабым запахом, либо было сладким на вкус. В бочки и кувшины пошли даже духи. Для Вольных закорианцев все вина южного континента были невиданно ароматными и сладкими, поэтому они отнесли необычную густоту и неожиданную реакцию ноздрей, неба и желудка на счет отсутствия привычки — и стали пить дальше. Может быть, вино и не убило их само по себе, но все равно стало причиной их смерти.

Кесар возвращался в Тьис, и золотое сияние дня гасло на его потемневшем мече. Это был не тот меч, в который маг превратил змею, а его собственный клинок, выкованный год назад, когда он еще не задумывался ни о каких сражениях. Но закорианцы, которых он настиг на холме, не были первыми людьми, убитыми принцем.

Тот меч был у Рэма, которому тоже прежде доводилось убивать. Сверкали белые зубы, оскаленные в застывшей усмешке, но глаза оставались неподвижными и холодными, и в них жила смерть.

Болтали — Рэм не раз слышал об этом, — что Кесар, еще пятнадцати или шестнадцати лет от роду, время от времени запирался где-нибудь с вооруженным преступником и бился с ним насмерть, оттачивая мастерство. Принцы северного Виса иногда упражнялись подобным образом, пусть даже не в королевских академиях боевых искусств — но за дверями всегда стояла вооруженная стража, готовая в любой момент прийти хозяину на помощь.

Они потеряли всего пятерых, и ни один из них не был гвардейцем Кесара.

Женщины Тьиса наперебой предлагали себя победителям, и экипажи кармианских кораблей, стоящих в бухте, рыскали по городу, нанося, пожалуй, не меньший ущерб, чем могли бы Вольные закорианцы.

Правитель дал пир, пусть и без вина, в честь принца и его капитанов. Четыре девушки танцевали для них под музыку арф и барабанов. Девушки были висские, и когда они выгибали смуглые спины, длинные черные волосы рассыпались по полу.

— Моя дочь, — с гордостью сказал правитель, указав на

самую соблазнительно выгнутую спину. Когда Кесару вежливо предложили ее на ночь, он скромно согласился.

Комната для гостей оказалась тесной, с траченными молью занавесками.

Рэм обнаружил, что его назначили дежурить у двери на вторую половину ночи. Это была, как он решил, неплохая шутка.

Девушка не хотела уходить от него, не то решив извлечь из этого какую-то выгоду, не то просто не насытившись, а может, по обеим причинам сразу. Он взял ее снова, на этот раз небрежно, почти грубо, и выставил за дверь. Униженная, она набросила свой полупрозрачный наряд и удалилась.

Кесар лежал на постели, глядя на сводчатый потолок комнаты.

Из окна доносился разгульный шум, время от времени мелькали лихорадочные отблески огней, хотя уже меньше чем через два часа должно было взойти солнце. Принц задумался, много ли разрушений успеют произвести к рассвету солдаты с его кораблей. То, что его гвардия непричастна к этому, не должно было вызывать сомнений ни у кого. В любом случае происходящее в Тьисе совершенно не интересовало никого за его пределами.

Они хотели немедленно послать в Истрис известие о своей победе. Он приказал им подождать...

Внезапная вспышка фонаря или факела выхватила из темноты обнаженный церемониальный меч, прислоненный к стене.

Кесар пристально взглянул на него. Меч лишь немного не доставал до половины роста высокого человека и был тяжелым, сделанным лишь для красоты. Сегодня он таскал его на этот провинциальный пир вместе со своим знаменем Саламандры — подобное оружие годилось лишь на это. Да еще на то, чтобы под прикрытием иллюзии и манипуляций фокусников выдать его за живую змею.

Он стал понемногу погружаться в сон, довольный и насытившийся. Слегка притупились глухая ярость и глухая тоска по тому, что он утратил, терзающие его душу, хотя тело и было расслаблено. Интересно, как там сейчас Вал-Нардия? Опаляет ли ее плоть жгучее застийское желание?

И вновь на лезвии меча блеснул огонек блуждающего факела.

Кесар не заметил на тонущих пиратских биремах ни одной женщины, по крайней мере, не помнил этого. Возможно, все они были в мужской одежде, не позволяющей различить их в этом дыму, или просто задохнулись под палубами, а их воображаемые

крики утонули в общем шуме.

Он отмахнулся от этой праздной мысли, мало-помалу успокаиваясь.

Отблески все играли и играли на мече. Сквозь полусмеженные веки Кесару казалось, будто металл плавится, покрываясь золотистой рябью и ручейком сбегая по стене... Он перевернулся на живот и заснул.

Разбудило его легкое прикосновение чьей-то руки к щиколотке. Он мгновенно стряхнул с себя сон и весь подобрался, но железным усилием воли заставил себя лежать тихо и совершенно неподвижно, словно ничего не почувствовал.

Может быть, девушка решила вернуться? Нет, прикосновение было не женским. Значит, убийца. Но как? На окне решетка. Тогда номер девятый у дверей — как там его, Рэм? — предал или просто оказался слишком беспечным и погиб, ничему не наученный поркой.

Чувство осторожного касания ушло со щиколотки, но не исчезло вовсе — продвинулось вдоль икры, затем по бедру...

Внезапно он понял, что это. Убийца, вполне возможно — но не человек. Его мгновенно бросило в пот — это не было подвластно его контролю. Тяжелое липковатое змеиное тело мгновенно замерло, наверное, почувствовав его пот, его страх. Ибо он действительно боялся. Он разделял подспудное отвращение всех Висов к этим тварям, и его вряд ли можно было назвать иррациональным. Судя по размеру, не большому и не маленькому, змея, которую он так остро ощущал на своем теле, с немалой вероятностью была ядовита.

Она уже проскользнула по его ногам, мягко прошуршала по ягодице, задержавшись в ложбинке у основания хребта.

Кесар прикусил язык, прижимаясь к кровати в ужасающем напряжении, которое, однако, не должно было выдать себя ни единой дрогнувшей жилкой.

Тварь лежала у него на хребте, приподнимаясь и опускаясь в такт его дыханию, которое участилось, но едва-едва заметно. Она могла броситься на него в любой миг. Даже если он будет лежать неподвижно, достаточно любого резкого звука из города.

Она поползла снова.

Теперь она была у него в волосах, на миг запутавшись там, потом скользнула к левому плечу.

Чем ближе укус к горлу или голове, тем он губительнее. Казалось, змея раздумывает. Он лежал лицом к другому плечу, отвернувшись от нее. Она коснулась его предплечья — так легко, что это показалось почти лаской, потом стекла по руке, задев бок лентой своего тела.

Змеиная голова была совсем рядом с ладонью Кесара. Он так остро ощущал ее присутствие, что почувствовал, как она приподняла голову, и невольно и неизбежно напрягся, ожидая броска. Если ее зубы вонзятся в плоть, действовать нужно будет молниеносно — вырезать ножом место укуса, потом прижечь... Тем временем змея положила голову ему на ладонь и замерла.

Он тоже замер, ожидая. Змея не шевелилась. Казалось, она может лежать так вечно... или до тех пор, пока ее не потревожат.

Усилием воли Кесар заставил себя забыть о страхе. Прикинул положение змеи, не видя ее, при помощи одного лишь осязания, постарался определить угол, который плоская голова образовала с его пальцами — рукой спящего, развернутой ладонью вверх, беззащитно раскрытой, ставшей колыбелью для змеи. У него есть лишь одна секунда...

Единым судорожным движением он сжал кулак, и череп змеи оказался в стальных тисках.

Хвост мгновенно забился, заметался, больно хлеща его по боку, груди и бедру. Но хватка сильных пальцев воина не позволяла разомкнуть смертельно опасные челюсти. Теперь он мог даже различить ее — чешуйчатое тело, еле видное в темноте.

Подняв руку, Кесар с силой швырнул змею о стену, и голова, едва освободившись из захвата, в следующий же миг расплющилась о штукатурку. Оглушенная змея упала на плиты пола. Молниеносно схватив меч, лежащий рядом с кроватью, Кесар обрушил его на змею. Лезвие слегка притупилось о сегодняшних закорианцев, но все же перерубило тварь почти пополам.

Мертвая, все еще содрогающаяся в агонии, но уже безопасная, она лежала у его ног.

И тут дверь с грохотом распахнулась, и в спальню с занесенным мечом ворвался солдат по имени Рэм, черный на фоне освещенного прямоугольника двери. Кесар смутно вспомнил, что издал громкий хриплый крик в тот миг, когда разрубал змею.

— Мой лорд...

Кесар приподнял окровавленную змею кончиком меча и показал Рэму.

— Здесь оказалось на одну танцовщицу больше, — выговорил он. — Принеси сюда один из тех канделябров и посвети. Только закрой дверь, а не то весь Тьис притащится посмотреть, что случилось.

Рэм подчинился, вернувшись с источником света и плотно закрыв за собой дверь.

В тусклом свете оплывших свечей Кесар увидел, что

церемониальный меч исчез со своего места у стены. Принц швырнул останки мертвой змеи туда, где тот стоял.

— Колдовство, — произнес он раздумчиво. — Тут поневоле поверишь в него. Интересно, это Ашара-Анакир ополчилась на меня, заставив все это время считать змею клинком? Никогда не доверяй женщинам! — он сел на кровати. — Но ты им и не доверяешь, не так ли, Девятый?

Рэм недоуменно взглянул на него. Кесар пожал плечами.

— После порки ты отправился к матери. Если у тебя нет любящей женщины, которая будет ухаживать за тобой в таком состоянии, значит, ты больной или урод, если только не родом с Равнин. Или же предпочитаешь мальчиков.

— Или моя женщина просто не из тех, кто любит нянчиться с больными.

На это Кесар не стал возражать, взял со столика кувшин и принялся жадно пить прямо оттуда. Этой ночью там было пиво. На него накатила запоздалая реакция, и тело, еще минуту назад полностью подчиненное воле, начало бить дрожью. Это было все равно что расплакаться. Но он не стал обращать на это внимание.

— Ты бросился мне на помощь, словно калинкс, Девятый. А вдруг ты застал бы меня в руках четверых, вооруженных до зубов? Или ты просто решил, что мне приснился застийский сон?

Рэм ничего не ответил.

— Думаю, что могу тебе доверять, — продолжил Кесар. — Разумеется, если я узнаю, что это не так, то тут же прикажу убить тебя. А если что, я обязательно это узнаю, мой Рэм.

— Я совершенно в этом уверен, мой лорд.

— Каким бы образом ни проделали этот трюк со змеей, за этим кто-то стоит. Может, даже сам Сузамун.

— Или один из наследников, позавидовавший вашему внезапному взлету. Кто-нибудь из его братьев. Или принц Джорнил.

— Не лишено проницательности. Но это значит, что я должен был погибнуть в бою с пиратами, не так ли? Уловку со змеей предусмотрели на случай, если я все-таки не погибну.

— Вы еще не послали в Истрис гонца с вестью о победе, — заметил Рэм.

— Тоже верно. Можно послать его прямо сейчас. С вестью о победе... и о том, что я при смерти из-за укуса змеи. Я хочу скрыться от дальнейших покушений, которые вполне возможны. Это очень надежное убежище, но я смогу взять туда лишь одного спутника — и там мне понадобится искренность... Тебе когда-нибудь приходилось выдаивать яд из змеи, Рэм?

— Нет, мой лорд.

— Ничего, сейчас попробуешь. Тварь в самом деле ядовитая, но она уже мертва. Это совершенно безопасно, если у тебя на руках нет царапин или ссадин.

— Ни единой, мой лорд.

— Тогда делай то, что я скажу тебе. Возьми нож, — Рэм приблизился, и принц улегся обратно на кровать, указав на кувшин с пивом. — Выпей, если хочешь.

Рэм сделал глоток.

— Побитый ребенок, — произнес Кесар с закрытыми глазами, — все время пытается задобрить своего жестокого родителя и завоевать его благосклонность и любовь. Ты тоже собираешься вести себя так?

— Я старше вас, мой лорд. Года на два, думаю, — Рэм склонился над змеей и ножом широко раскрыл ее челюсти, как велел ему принц. — Что это за место, где вы собираетесь скрыться?

Глухой голос, раздавшийся из постели, был еле слышен:

— Анкабек, остров богини.

Их отъезд был обставлен со всеми предосторожностями. В Тьисе должны были узнать обо всем лишь после того, как они покинут город. Вне всякого сомнения, молва разнесет историю о том, что произошло. Принц, судя по его облику, Вис, внезапно ставший героем, чья жизнь столь же внезапно оказалась в опасности. Мысль о предательстве будет слишком очевидной, чтобы отмести ее.

Правитель, осведомленный о беде, уже обронил несколько неосмотрительных фраз, выдающих подобные подозрения.

Корабль был легким парусным суденышком, пропитанным запахом рыбы. Они захватили с собой четверых гребцов из Тьиса. Вместе с принцем эм Ксаи на борт поднялся сержант его гвардии и один солдат. Все это произошло на рассвете. Принц не мог идти сам, поэтому на корабль его пришлось нести. Поняв, как плох эм Ксаи, правитель встревожился. Он видел тело змеи и был почти уверен, что его недавнему спасителю не жить, несмотря на пресловутое целительское искусство жрецов Анак.

Корабль отчалил от берега и скрылся за мысом.

Они шли полным ходом — ветер был довольно свежим, гребцы изо всех сил нажимали на весла. Им заплатили золотом. Кроме того, все они кое-что задолжали тому человеку, что сейчас скрывался в тени навеса, натянутого над палубой.

С левого борта плавился в мареве зноя темный берег, на вспененной веслами воде играли солнечные зайчики. Позже, когда они свернули к северу, на горизонте показалась еле видная

кромка дорфарианского побережья, далекая, сапфирово-синяя, чуть светлее моря. Где-то в проливе имелось течение, сворачивающее к маленькому островку. Они поймали его, и оно понесло их к цели.

Тьисский кораблик подошел к пристани священного Анкабека незадолго до заката, в том же месте и почти в тот же час, что и храмовая барка, доставившая сюда Вал-Нардию.

Вот только его здесь не ждали.

Пока гребцы без сил висели на веслах, из каменной деревушки на склоне показалась группа мужчин. После кратких переговоров один из них склонился взглянуть на лорда, лежащего под навесом.

Затем мужчины удалились, и Кесар зло обругал их. Однако еще прежде, чем солнце окунулось в море, они вернулись обратно с плетеными носилками. Храм согласился принять больного. Остальным было дозволено переночевать на берегу, но утром они должны были вернуться в Кармисс.

Светлокожее лицо Кесара было белым, как мел, глаза, обведенные темными кругами, запали, кожа блестела от пота, пропитавшего всю одежду, роскошные волосы слиплись. В волнении он начал восклицать нечто бессвязное, повторяя, что его жизни грозит опасность, и кто-то должен оставаться с ним.

Видя, в каком он состоянии, и не желая волновать его еще больше, носильщики согласились, чтобы Рэм тоже пошел с ними.

В угасающем вечернем свете смотреть было почти не на что: красное небо, красные листья на высоких деревьях. Надвигалась ночь. Наконец показался угольно-черный храм, темневший на вершине среди догорающей меди заката. Свернув в сторону, носильщики двинулись по тропинке, ведущей к группе строений. Там кое-где виднелись огоньки, а храм, безглазая и бездушная масса, оставался далеким во всех смыслах этого слова.

Носилки внесли в хижину с беленными стенами. Кесар, которого переложили с носилок на соломенный тюфяк, казалось, был без сознания.

— К вам придут.

Один за другим носильщики вышли из хижины и исчезли в зарослях деревьев.

Рэм бросил взгляд на постель, и Кесар усмехнулся ему. Хижину освещал фитилек, плавающий в жире. Его неровный свет и болезнь, куда менее опасная, чем казалось со стороны, придавали нечто демоническое лихорадочному взгляду принца.

Примерно через минуту на площадке перед строениями показался жрец.

Рэму приходилось слышать о жрецах и жрицах Анкабека. Очевидно, они во всем копировали своих собратьев с Равнин-без-Теней. Если в их намерения входило казаться черными призраками, то это им отлично удавалось.

Фигура, чье лицо скрывал капюшон, склонилась над принцем.

— Кто ты? — отчетливо спросил Кесар. — Ты моя смерть?

— Здесь нет твоей смерти, — отозвался жрец.

По спине у Рэма пробежал холодок.

Жрец не задал ни одного вопроса, а лишь легко коснулся лба Кесара, его горла и паха. Кесар оттолкнул руки. Они были светлыми — куда светлее его собственных.

— Змеиный яд почти покинул тебя, — сказал жрец. — Я приготовлю лекарство. Спи. Ты поправишься.

— Нет, — прохрипел Кесар с отчаянной яростью. — Я умираю. Думаешь, мне не понятно?

— Жизнь священна. Тебя вылечат.

— Слишком поздно.

Жрец развернулся, собираясь уходить.

— Здесь моя сестра, — громко и отчетливо прошептал принц. — Моя единственная родная кровь. Принцесса Вал-Нардия из Истриса.

— Да, — кивнул жрец.

— Я должен увидеть ее, — взмолился Кесар. — Поговорить с ней перед смертью.

Спине Рэма снова стало холодно. Ему сделалось настолько не по себе, что он даже отошел к двери, подальше от своего хозяина.

Жрец ничего не ответил.

— Неужели ты откажешь мне? — воскликнул Кесар. — Скажи ей, что я здесь, и почему. Скажи ей, что я умираю, слышишь, жрец?

Казалось, что яд в его крови вдруг обратился в острые лезвия. Он упал навзничь, раздирая тюфяк ногтями. Глаза слепо уставились в потолок. На его левом предплечье, бесцветные и воспаленные, виднелись следы змеиных зубов, очень отчетливые в желтом свете.

Когда яд из желез змеи был выдавлен почти до капли, Кесар поднял ее с пола и проткнул свою плоть острыми зубами. На них оказалось достаточно ядовитой слюны, чтобы добиться нужного результата, но недостаточно, чтобы причинить какой-то серьезный вред. Ему, как он сам сказал, действительно нужна была искренность, чтобы воспользоваться покровительством священного острова. По крайней мере, боль, несомненно, была настоящей, как и лихорадка — небольшая жертва во имя плана. Но теперь, похоже, к этой боли примешивалась какая-то иная.

Рэм прислонился к косяку. За дверями хижины расстилался равнодушный пейзаж, не имеющий к ним никакого отношения. Деревья источали дурманящий аромат. Мерцали запутавшиеся в листве звезды. Красная Луна плыла в туманной дымке. Где-то заиграла свирель, мелодия была нежной и призывной. Рэм вспомнил Дорийоса.

За спиной у него Кесар, хрипло дыша, бился на кровати, призывая на голову жреца все напасти Эарла — представление, которому, похоже, не верил ни один из них.

Рэм сделал шаг в сторону, пропуская жреца на молчаливую площадку, в призрачно реальную ночь.

3

Вал-Нардия стояла неподвижно, окруженная темнотой, а перед ней в стеклянном подсвечнике трепетала тонкая храмовая свеча.

Если не считать свечи, храм был пуст.

Это делалось для того, чтобы послушница могла вызвать в воображении важный образ. Если ей очень хотелось, это могло быть даже явление Самой богини.

Вал-Нардия прожила на Анкабеке уже двадцать дней. Сначала она была натянута, точно струна, страстно желая броситься в безопасные объятия этой религии, столь загадочной и всеобъемлющей, и раствориться в ней. И одновременно она страшилась, что руки богини не удержат ее, и она сорвется, попав в когти собственных мыслей и снов, которые набросятся на нее, подобно кровожадному тирру. Но вскоре ее лихорадочные метания и сомнения уступили место безмятежности. Она погрузилась в удивительно светлую незримую атмосферу, присущую огромному храму. Неожиданно для нее самой все возвышенное, что имелось в ее душе, всколыхнулось непрошеной музыкой.

Даже зов Застис можно было направить в иное русло, использовать другим образом, заставить это пламя гореть в других сосудах. Она начала постигать восхитительную свободу человеческого духа, вдруг с изумлением открывшего, что посредством самого себя можно достичь единения с бесконечностью.

Но это знание и состояние сейчас были для нее главнее всего. Она еще не успела постичь до конца, что может владеть или миром, или духом, однако ее душа способна переживать столь же увлекательные приключения, как тело, а возможно, и более увлекательные.

Поэтому она оказалась не готовой и беззащитной. Пришла жрица, висская женщина, но несущая на себе печать храма, и принесла ей новость.

И теперь единственный образ, который Вал-Нардия могла представить за пламенем этой свечи, был образ ее брата. Образ Кесара, которого уносило к берегам смерти менее чем в миле от этой комнаты.

Фонари на площадке почти не горели. Темное пятно, движущееся по ней, было неотличимо от окружающей тьмы, пока не попало в тусклый луч света, пробившегося из хижины.

Стройная женская фигура, закутанная в плащ.

Рэм поднялся навстречу, ожидая.

Никакая охрана здесь была не нужна. Только не здесь. Никакой убийца, даже подосланный самим королем, не отважился бы осквернить это святилище. Но Кесар не мог полностью поверить в это и требовал охраны. Человек, сам способный на вероломство, редко верит кому-то другому. Рэму снова вспомнилось исходящая криком пылающая бухта Тьиса, но он отогнал это воспоминание. Он сам натворил вполне достаточно, чтобы найти, чем казнить себя, если ему так этого захочется.

Он решил, что это жрица, и приготовился к осторожному учтивому противостоянию, когда в свете масляной лампы под ее капюшоном вдруг вспыхнули красные блики.

— Госпожа...

Принцесса Вал-Нардия взглянула на него широко раскрытыми глазами, точно собираясь что-то спросить, но потом вопрос явно стал не нужен. Она прошла мимо него в хижину.

Рэм посмотрел ей вслед и увидел Кесара. Лекарство не слишком его успокоило. Настоящая или преувеличенная, лихорадка все еще била его, заставляя метаться на тюфяке из стороны в сторону. Подпертая грубыми подушками, его голова запрокинулась. Вид у него был жуткий, как у мертвеца, еще не понявшего, что он мертв, и по инерции продолжающего жить. Она не могла не испугаться.

Рэм хотел что-то сказать, но в этот момент живой мертвец подал голос, коротко приказав ему уйти прочь. Потом он велел Вал-Нардии задернуть занавес.

Шаги солдата замерли вдалеке. Повисла долгая тишина, не нарушаемая ни единым звуком.

— Кесар, — прошептала Вал-Нардия.

— Подойди поближе. Змеиный яд не заразен.

Она не шелохнулась.

— Тебе передали то, что я просил?

— Что ты можешь умереть, — проговорила она. — Мне сказали.

С мертвенно-бледного лица на нее смотрели затуманенные глаза.

— Ты им поверила?

Она не сняла капюшона, и сейчас он скрывал ее склоненное лицо.

— Я проснулась на рассвете. Мне показалось, что это был сон — какая-то бескрайняя мертвая тишина вокруг меня... А потом вечером мне сказали, что ты здесь... и почему.

— Ты должна была знать, что меня отправили сражаться с закорианскими пиратами в проливе.

— Я ничего об этом не слышала. Здесь, на Анкабеке, мы отрезаны от мира.

— Мы? Получается, моя славная победа ничего для тебя не значит. Как и моя смерть — по приказу Сузамуна.

— Король.... — голова поднялась, и черный капюшон наконец-то стремительно слетел с ее пламенных волос. Она увидела, что он не отрывает от нее глаз, и умолкла.

— Король догадывается, — проговорил он медленно, — чего я могу достичь вопреки всем его уловкам. Может быть, он понял, что мне мало клочка болота в Ксаи и десятка солдат за спиной, — казалось, Кесара отпустило напряжение, которое владело им все это время. — Но это больше не имеет значения. Если я умру, то перестану быть угрозой для него.

Не видя ее, он услышал шелест ее плаща. Потом аромат, не то каких-то духов, не то запах самой ее кожи, волос, души, хлынул в его сознание. Он не поднимал век. Почему-то в черноте перед ним стояло пустое пространство на месте меча, прислоненного к стене его спальни в Тьисе, меча, превратившегося в змею — или при помощи какой-то немыслимой хитрости украденного сквозь прутья оконной решетки перед тем, как впустить туда змею.

Затем пальцы Вал-Нардии, точно невесомые птички, опустились на его воспаленный лоб. Их прохладная нежность вырвала у него вздох.

— Не говори о смерти, — сказала она. — Поверь в свое исцеление, и ты выздоровеешь. Тебя никогда не оставили бы здесь одного, если бы думали, что ты при смерти.

— Почему? — прошептал он. — Со мной мой солдат. И потом, они прислали тебя.

— Меня никто не присылал. Мне просто передали, что ты зовешь меня.

— И ты из жалости и сострадания преодолела отвращение и заставила себя прийти к умирающему.

Она отняла руку от его лица, и он тут же сжал ее в своей. Потом открыл глаза и посмотрел на нее, прямо в ослепительное сияние ее красоты, в которой, казалось, сосредоточился весь свет крошечной комнатки. Она была бледна и явно боялась за него, а потому пока не помнила о том, что боится его самого.

— Кому еще мы с тобой могли доверять с самого детства, кроме друг друга? — произнес он.

Ее ресницы затрепетали. В глазах блеснули слезы.

— Кесар...

— Если ты хочешь, чтобы я жил, я буду жить — ради тебя. Яд, болезнь, рана в любом бою — все это ничто. Я пройду сквозь огонь и воду и выйду целым и невредимым. Ты можешь сделать меня неуязвимым.

Она заплакала. Но даже заливаясь слезами, не отняла руки.

Потом, когда лихорадка отступила, он уснул. И во сне заговорил с ней, назвав ее так, как когда-то в детстве — Улис. Так назывался редкий алый цветок, сейчас произраставший только в садах Кармисса.

Рэм вернулся и остановился в десяти шагах от занавешенной двери. Его отослали, а больше заняться на острове было нечем. Темнота под деревьями не таила в себе угрозы. Не таила вообще ничего.

Чувство, гнетущее его, исходило от самой хижины. Скорее всего, его источником был принц Кесар эм Ксаи. Рэм не собирался лезть в чужие дела и с радостью ушел, не испытывая даже любопытства. Он не мог понять, что это за чувство. Оно было смутным, но угрожающим, точно шаги неизвестного, услышанные слепым.

Во второй раз оглядев площадку, Рэм снова отошел в темноту, на этот раз к невысокому выступу, на котором стоял храм.

Анкабек затопила мертвая тишина. Человеку, привыкшему к ночам в Истрисе или в походных лагерях, подобная тишина была неведома и казалась пугающей. Казалось, она вот-вот разорвется зловещим шепотом.

Перед храмом деревья расступились, и сквозь полупрозрачное кружево облаков проглянуло воспаленное око Застис. Тьма налилась багровым.

Рэм остановился, разглядывая храм с его огромными закрытыми дверями и стенами, в которых не было окон.

Зачем он сюда пришел? Чтобы взглянуть на все это?

Как ни странно, он явно не был первым, кому пришла в голову эта мысль: белые люди Равнин строят свои города и храмы из черного камня, а темнокожие Висы — из хрусталя и камня белее соли.

Рэм снова двинулся вперед. Его охватило до странности неодолимое желание коснуться этих дверей, у которых был такой надежный, такой неизменный вид, может быть, даже ударить по ним кулаком. Все равно его не пустят внутрь. Он ведь не был ни верующим, ни прислужником. Ашара, Ашкар, Анакир — его мать почитала других богов, главным образом Ясмис.

Когда он был уже почти у самых дверей, величественные

створки качнулись внутрь с еле слышным шумом. Должно быть, ими управлял какой-то механизм, скрытый под порогом. Войти мог любой, у кого хватало ума приблизиться. Разумеется, именно так об этой богине и говорили: кто ищет Ее, найдет, кто не ищет, для того Ее нет.

Слабое сияние, такое неуловимое, что его едва ли можно было назвать огоньком, теплилось внутри храма. Он мог войти — или уйти прочь.

Рэм, которого когда-то звали Рарнаммоном, вошел в храм. После того, как он сделал несколько шагов, двери так же почти бесшумно захлопнулись за ним, и он заколебался, оглянувшись. Но они должны открыться снова, когда он будет возвращаться. Они не таили в себе ловушки. Он двинулся дальше.

Галерея была величественной, но без каких-либо украшений, из простого темного камня, который, против ожиданий, ничуть не усиливал звука его шагов. Даже эха не было. Источник слабого света, казалось, был где-то впереди. Но постепенно он различил, что впереди нет ничего, кроме пустой и безликой стены. Однако он продолжил свой путь и в конце концов заметил, что в самом конце галерея разделяется на два коридора. В каждом из них свет горел уже более уверенно, и они, изгибаясь, уходили вдаль. Он наугад свернул в левый и двинулся вдоль него. Свет определенно стал ярче, но и здесь тоже не было никаких украшений — ни росписи, ни резьбы. Все достояние покоренного шансарцами Кармисса пошло на то, чтобы создать это место, как и дары Дорфара, и дань из Зарависса, Элисаара и Ланна. Оно могло бы стать одним из роскошнейших чудес континента, невиданной сокровищницей, на страже которой стоял бы храм — но на Анкабеке не было стражи. Были только тайны.

Коридор повернул наружу, потом снова внутрь, закругляясь, но свет начал неутешительно меркнуть. Потом стена впереди закончилась, и Рэм, завернув за угол, оказался точно в таком же месте, как то, где был несколько минут назад — у гладкой стены в месте слияния трех галерей, в одной из которых он и стоял, самой просторной, ведущей к высоким запертым дверям. Они как две капли воды напоминали входную дверь.

Рэм зашагал к этому новому выходу, но теперь двери никак не отреагировали на его приближение. Поэтому он вернулся назад и ступил в левый изгибающийся коридор. Пройдя по нему, он, как и ожидал, очутился в правом коридоре у входа.

Он вполголоса выругался. Должно быть, здесь был какой-то секрет, хранящийся в самом сердце каменного мешка, к которому вели эти бесконечно кружащие коридоры. Однако добраться до него было не так-то просто. На черном камне не было никаких

знаков.

Внезапно этот нескончаемый круг, лишенный окон и смысла, наполнил его сомнениями. Свет, у которого, казалось, не было никакого источника, начал тревожить его. Он снова проделал весь долгий путь обратно, к первым дверям, и...

Боль копьем расколола его череп.

Он прижался к стене, потрясенный и обессиленный — прошлый раз был совсем недавно! Потом мир померк, и нахлынуло видение.

Из темноты выступила маска, одна половина которой была изваяна из черного мрамора, а другая — из белого. Потом ее сменила вторая, наполовину золотая, наполовину серебряная. А за ней третья — полуогонь-полуснег...

Из-под маски показалось лицо. Это был закорианец, кричащий и бьющийся в агонии. Его отравили вином — нет, не вином, а плодом, желтым плодом, валяющимся у него под ногами. За его спиной рвалось к небу пламя костра. Вдруг огонь растекся, и оказалось, что это полыхают корабли, отражаясь в черной воде. Пылал и сам воздух — там, где рдела Застис. Потом пламя улеглось. На его месте стояли три женщины. Волосы одной были словно снег, у другой — как смоль, а у третьей — будто кровь. Он заронил семя в лоно каждой из них, и в каждой начал всходить росток новой жизни. Женщина со смоляными волосами подняла кулак, ее лицо исказилось, став уродливым. Это была его мать, Лики. Она метнулась к нему с занесенным прутом, и он вскинул руку, прикрывая голову.

— Нет!

Собственный голос изумил его. Это был голос не ребенка, а взрослого мужчины.

Перед ним стояла женщина. Это была не Лики, а незнакомка, висская женщина в храмовых одеждах. Ее руки были спокойно опущены вдоль тела. За спиной у нее маячили две призрачные тени — мужчины-жрецы.

Два припадка за такое короткое время... Это было почти забавно. Когда оно случится в следующий раз? В будущем году? Завтра? Может быть, в гуще сражения, и он будет убит, потому что из-за видения не сможет управлять собой. Нет, не из-за видения. Из-за безумия.

— Простите меня, — выговорил Рэм. — Я пытался отыскать внутреннее святилище. Я очень устал. Голова кружится...

Темные глаза жрицы встретились с его светлыми, и мгновенно он понял — так отчетливо, как если бы та сама сказала ему об этом, — что она не поверила его словам. Она все знала, и мужчины у нее за спиной тоже знали, что он одержим.

Висы переняли у людей Равнин их дар мысленной речи. Неужели она заглянула внутрь его черепа?

— Ты хотел найти Святилище богини? — переспросила она.

— Оно хорошо спрятано.

— Я покажу тебе.

Рэм заупрямился. Его мутило, в мозгу мгновенно всплыли все суеверия, а в душу закрался смутный страх.

— Нет.

— Идем, — сказала она, и его глаза последовали за ней, хотя он сам не двинулся с места.

Она подошла к гладкой стене меж тремя галереями, опустилась на колени и склонилась, словно хотела поцеловать камень. Тяжелая глыба задрожала, часть ее медленно откинулась назад. Оттуда хлынул поток света. Значит, здесь был такой же механизм, как и в дверях, пусть и не столь послушный. Возможно, на стене все-таки имелись какие-то знаки, понятные тем, кого учили распознавать их.

Ему больше не хотелось войти в их храм. Слишком долго он метался в лабиринте и слишком дорого это обошлось ему. И все же, наверное, у него не было выбора.

Рэм зашагал следом за жрицей, а два жреца, точно стражи, двинулись следом за ним. Возможно, несмотря на все это действо, он совершил святотатство, и они намерены покарать его. Неожиданно ему пришло в голову, что он ожидает наказания в каждом закоулке своего жизненного пути, ожидает и больше не протестует против этого — и, возможно, здесь кроется его роковая ошибка.

Открывшаяся часть стены образовала наклонный мостик, который соединился с пролетом ведущих вверх ступеней. На самой его вершине открылась арка, из которой и лился свет.

Жрица скользила перед ним. Встав под аркой, она превратилась в темный силуэт, потом отступила в сторону и исчезла из виду. Рэм двинулся к арке.

Сердце храма, о чем можно было догадаться по бесконечным поворотам, было круглым. Там не было никаких колонн — и опять-таки никаких украшений. По всему периметру пола из отверстий вырывались струи огня вулканического вида и явно искусственного происхождения. Они озаряли высокие своды огромного черного зала и рассыпали каскады бликов по самому полу, выложенному невиданной мозаикой. Цвета переливались, сплетаясь один с другим, точно нити в замысловатом узоре; тут и там вспыхивали драгоценные камни. Казалось, здесь изображены мириады легенд и снов — фигуры людей и зверей, крылатые твари, колесницы, корабли и несущиеся по небу золотые звезды.

Он окинул это великолепие взглядом и тут же забыл о нем. Ибо здесь было еще кое-что, захватившее все его внимание.

В дальнем конце просторного зала на фоне золотого занавеса резко выделялись четыре черных колонны. Отсекая от зала область в форме полумесяца, занавес был не менее шестидесяти шагов в длину, а в высоту неизмеримо больше. Он сбегал вниз тяжелыми складками, и отблески огня, игравшие на нем, превращали его в поток раскаленной лавы. Он состоял из чешуек чистейшего золота, из бесчисленных тысяч таких чешуек. При взгляде на него переставал беспокоить вопрос, куда ушли щедрые пожертвования Висов.

— Все храмы Равнин были устроены подобным образом, — подал голос один из жрецов.

— И столь же изысканно убраны? — в изумленном гневе бросил Рэм.

— Да, века назад, — ответила женщина. — Столь же изысканно, даже еще изысканнее.

— А что там, за этим занавесом? — спросил Рэм.

— Там Она.

— Ваша богиня, — он пожал плечами, чтобы унять дрожь.

— Анакир.

Внешний храм и все эти галереи были лишь уловкой, защитной мерой. Никто не смог бы попасть сюда без приглашения. И все же они зачем-то привели его сюда, ибо почувствовали в нем нечто запредельное. Он должен сопротивляться — или утратит себя. Эта мысль заставила его поморщиться, ибо была нелепой. Но странное чувство никак не проходило. Рэм уже собрался уйти, когда заговорил один из мужчин у него за спиной — тот, который до сих пор ни разу не нарушил молчания.

— Пройди по мозаике, — сказал он негромко. — Когда твои ноги ступят на летящих драконов, занавес откроется.

— Опять хитрости. И все для того, чтобы поразить легковерных?

Скрытая капюшоном голова жреца поднялась. Глаза, взглянувшие прямо в его собственные, оказались одного цвета с чешуйчатым занавесом.

— Только логика, — возразил человек с Равнин. — Приблизившись к Ней так сильно, ты выражаешь желание увидеть Ее. Но нельзя увидеть Ее сразу же и видеть все время. Как тогда мы сможем помнить, что есть Она, и для того, чтобы приблизиться к Ней, нужно очень этого захотеть? То, что дается легко, никто не ценит.

Рэм снова обернулся и оглядел занавес. Его роскошь и

переливы пламени на его чешуях притягивали против воли.

Он не искал на мозаичном полу никаких драконов, но, должно быть, наступил на них шагов за двадцать до занавеса — тот улетучился, подобно сверкающему ветру. Меж двумя центральными колоннами возвышалась статуя, и это зрелище остановило его, точно удар.

Статуя была совсем небольшой, всего раза в три выше, чем он сам. Может быть, лишь самую чуточку больше. Ее красота, совершенство всех ее черт заставляло забыть, что Она всего лишь изваяние. И при этом Она была причудливой, нечеловеческой и грозной. Было странно думать, что люди и прочие существа мира могут считать Ее своей матерью. (Он криво усмехнулся, вспомнив, какая мать досталась ему самому.)

У ее подножия — явное потакание слабостям второго континента — в бронзовом корыте, точно вода, колыхались змеи. Они свободно заползали туда и покидали его сквозь отверстия, ведущие в их норы под полом. Их золотые чешуйки мерцали точно так же, как крупная чешуя на занавесе и как извивающийся кольцами хвост богини, ибо ниже пояса Она тоже была змеей. Восемь Ее рук были в традиционной манере подняты вверх или простерты вперед. Он не знал, что они означают, но некоторые из них казались милостивыми, а другие — жестокими. Ее глаза, казалось, встретились с его глазами. Светлые глаза Равнин.

Возможно, в его жилах тоже течет немного Равнинной крови — но тогда Лики непременно гордилась бы этим. Для него же не было никакой разницы.

Ему случалось мельком видеть образы этой богини в храмах Ашары в Истрисе и Иоли, но они очень отличались от изваяния, которое сейчас высилось перед ним, невзирая даже на то, что рыбий хвост Ашары превратился в хвост водяной змеи. Да и ваткрианская, и вардийская Ашкар тоже не вполне походили на эту статую. И все же, когда Рэм увидел Анакир эм Анкабек, слепленную с Повелительницы Змей, таинственного божества Равнин-без-Теней, в глубине его души поселилась уверенность в том, что он уже видел Ее, безмерно давно и очень далеко. Может быть, даже до своего рождения.

Выше площадки, к западу от храма, красные деревья уступали место дубам, меж которых проглядывало синее море нескончаемого дня. В траве стояла небольшая статуэтка Анакир, явно сделанная чьей-то неопытной рукой. Перед Ней не было никаких приношений, ибо они были на Анкабеке, и Она ни в чем не нуждалась.

С тех пор, как его отпустила лихорадка, Кесар почти все

время спал. Жрецы приходили и уходили, как дни и ночи. Рэм дежурил у двери или где-нибудь поблизости, если только Кесар сам не отсылал его прочь. Оставалась только Вал-Нардия. Проснувшись прошлой ночью, Кесар обнаружил, что она сидит на низкой скамеечке, измученная и забывшаяся сном. Ее голова покоилось рядом с ним на его подушке. Раньше их объединяла лишь их кровь — брата и сестру. Теперь, все так же оставаясь братом и сестрой, они вместе приходили сюда посмотреть на гладь моря. У него было время, чтобы спокойно выздоравливать. Перед отъездом он приказал двум своим кораблям вместе с командами оставаться в Тьисе, где они и сами рады были остаться, восхваляемые и обожаемые, хотя городу, пожалуй, уже не суждено было оправиться от пережитого. А пока требовалось время, чтобы гонцы добрались до Истриса — тот, которого он отправил к королю, и другой, отправленный с иными целями, на следующее утро после нападения змеи.

Вал-Нардия, сейчас еще бледнее, чем Кесар, сидела рядом с ним. С глазами, устремленными на океан, она вслух вспоминала об их детстве, проведенном в Истрисе, о старой башне в нижних садах, с которой они смотрели на далекую гавань, о вылазках в холмы. И о летнем Празднике Масок пять лет назад, когда они нашли друг друга в огромной толпе и мгновенно узнали один другого. Кесар прихлебывал из фляги разбавленное водой вино и ел фрукты, которые она уговаривала его попробовать. Он купался в ее любви, позволяя ей видеть лишь слабость, которая уже почти покинула его, и ничего больше. А она — он сознавал это — позволяла ему вводить себя в заблуждение.

Но, говоря об Истрисе, она вдруг, точно случайно обмолвившись, упомянула о его отъезде — и тут же побледнела еще сильнее.

— Когда ты сможешь вернуться без опаски? — спросила она. — Неужели в Кармиссе тебе постоянно придется бояться за свою жизнь?

— Я всегда за нее боялся. Именно так мне удалось избежать куда худших вещей, чем та змея. Но я предвидел это — морское сражение с закорианцами, попытку убийства... Понимаешь, Улис, рано или поздно такие вещи должны были случиться. И очень важно быть готовым к этому.

— Значит...

— Значит, мои люди в столице шепнут кое-что кому надо. Пойдут слухи. Мой героизм будет у всех на устах, и вероломство, которым мне отплатили за него — тоже. Когда я вернусь, под копыта моих скакунов будут бросать цветы, и король не осмелится снова покуситься на меня.

— Я стану молиться Ей, чтобы все так и случилось. И чтобы Она хранила тебя.

— В Тьисе богиня стала его оружием против меня. Ее меч, Ее змея.

— В этом виноват он, а не воля богини, — Вал-Нардия в замешательстве отвернулась от брата. — Ты уверен, что это был король?

— А кто еще?

— Какой-то другой недоброжелатель.

— Ты думаешь, у меня их столько, что я могу выбирать?

— Твое честолюбие пугает меня, — сказала она тихо. — И не оно одно. Это оно наживает тебе врагов. Почему ты не хочешь измениться?

Она ступила на опасную тропинку, и Кесар уклонился от ответа — лег на траву и заявил, что у него разболелась голова.

Потом, уже начиная дремать рядом с нею, он проговорил:

— Я рад, что ты уехала сюда. Здесь тебе ничто не угрожает, а там тебя могут использовать для воздействия на меня. Ты — мое единственное уязвимое место.

— Ты пожертвуешь мной точно так же, как всем остальным, — сказала она отстраненно, без малейшей обиды или негодования.

— О нет, — возразил он. — Только не тобой.

Не тобой...

Кесар пробыл на Анкабеке десять дней, когда из Кармисса пришла лодка. Уже совсем стемнело, и на небе рдела Звезда. Из деревушки прибежали мужчины, и прибывший ступил на прибрежный песок, пристально глядя на них.

— Меня прислал к принцу Кесару эм Ксаи король Сузамун.

Эта маленькая ложь помогла незнакомцу в конце концов оказаться в храмовом приюте, в той бедной хижине, где сейчас стоял Кесар, исцелившийся и грозный в тусклом свете коптящего фитиля.

— Добрый вечер, Третий.

Прибывший, один из десятка Третьих гвардии эм Ксаи, отсалютовал.

— Мой лорд, у меня новости для вас.

Солдат принялся рассказывать. Принц и сержант его гвардии редко доверяли подобные вещи бумаге. Когда доклад был закончен, выражение лица Кесара совершенно не изменилось. Разумеется, удивляться тут было нечему. Все шло по плану. Всадники, не останавливаясь и меняя скакунов на свежих, проделали обратный путь вдвое быстрее. Свое дело они сделали

лучше некуда. Висская часть Истриса только и говорила, что о нем. Вернуться сейчас было столь же мудро, как прежде — скрываться.

— А корабли в Тьисе?

— Получили приказ возвращаться. Капитаны и несколько избранных людей приняли в подарок от правителя колесницы и зеебов и по суше отправились к самой юго-восточной деревушке на истрисско-иолийской дороге. Там они будут ждать вас.

— А после этого въедут со мной в Истрис, — прибавил Кесар, широко усмехаясь.

Корабли идут слишком медленно. Нельзя допустить, чтобы его триумфальное возвращение в столицу запоздало или было испорчено. Эти придирчивые светловолосые слизняки-полукровки, дрожавшие на своих кораблях, которые слишком перетрусили, чтобы сражаться, зато потом мямлили что-то о правах рабов — пусть плетутся по улицам позади него, с его калинксами и собаками. И пусть все кармианцы-Висы видят его и слышат о нем!

— На рассвете мы поплывем обратно. Где спят гребцы?

— На берегу, мой лорд.

— Можешь остаться в этой хижине. Разделишь ее с Девятым. Уверен, что он не станет возражать.

Солдат отступил в сторону, Кесар вышел в дверь и направился вверх по склону, к храму. Озадаченный, номер третий решил, что принц отправился возносить благодарность Ашаре.

Маленькие металлические диски на ветвях деревьев трепетали, издавая еле уловимое зловещее гудение, от которого все волоски у него на коже вставали дыбом.

Он миновал огромные храмовые двери и зашагал вдоль черной стены. Во время их бесконечных разговоров сестра как-то ненароком упомянула о том, где живут послушники. И так же, словно ненароком, по мере того, как его здоровье улучшалось, она проводила с ним все меньше времени.

Вскоре в стене показалась арка. Он прошел сквозь нее во внутренний двор. Над дверью, коптя, неровным пламенем горел единственный факел, вставленный в какой-то розоватый камень. Ветер над морем окреп. Завтрашнее плавание могло стать нелегким испытанием.

Кесар постучал в дверь. Решетка поднялась, и в тусклом сиянии светильника показалось смуглое лицо.

— Кто здесь?

— Принц Кесар эм Ксаи. Я пришел попрощаться с сестрой. Впустите меня.

— Вам нельзя внутрь.

— Или ты меня пустишь, или я выломаю дверь.

— Это священное место.

— Так пусть оно таким и останется. Не стоит осквернять его насилием.

Послышалось перешептывание, и лицо за решеткой исчезло. Кесар ждал. Сила, которая переполняла его и не потерпела бы отказа, похоже, была уверена, что в конце концов отказа не будет. Через минуту до него донесся скрежет засова, и дверь открылась.

Он ступил в сумрачный коридор и тут же ощутил на своем запястье бесплотную руку. Оглянувшись, он увидел женщину с Равнин, причем, судя по ее виду, чистейших кровей. Ее узкая ладонь прикрывала огонек свечи от ветра, рвущегося в приоткрытую дверь.

— Вы увидите Вал-Нардию. Она здесь. Следуйте за мной.

Он так удивился, что едва не рассмеялся. Слишком уж они наивны — или куда более хитры, чем он думает.

Кесар пошел за женщиной и огоньком — оба были бледными и в этих мрачных коридорах казались призрачными. Они тянулись с милю — извилистые, как змеи, с уклоном то вверх, то вниз, и все, как один, лишенные освещения. Время от времени свеча выхватывала из тьмы какое-то ответвление или дверную нишу. Он заподозрил, что весь этот мрак предназначен для того, чтобы сбивать с толку незваных гостей или непосвященных посетителей вроде него.

Женщина резко остановилась. Они стояли перед еще одной дверной нишей.

— Это келья Вал-Нардии, — обернулась к нему жрица. — Она рядом, в святилище. Не стоит тревожить ее. Ее медитация скоро закончится. Она вернется и сама найдет вас.

На миг он заподозрил, что это какая-то хитрость, но потом жрица сказала:

— В этих стенах наверху есть щели, выходящие в небо. В предрассветных сумерках здесь будет сносная видимость, и принцесса сама сможет указать вам дорогу.

Ее невозмутимость заставила его приподнять бровь.

— Вы полагаете, что я проведу здесь всю ночь?

Она лишь взглянула на него. Лицо ее было непроницаемо. Только желтые глаза придавали ему какой-то цвет, да еще фиолетовый камень во лбу — Змеиное Око, камень богини.

— Вообще-то я намерен покинуть остров еще до рассвета, — произнес он.

— Тогда она зажжет вам фонарь.

Внезапно Кесар рассмеялся.

— Сколько вы хотите за это? Или просто нужно принести что-нибудь в дар храму?

— Мой лорд, — отозвалась жрица, — единственный дар, который требуется, будет принесен.

— Сплошные загадки. Так сколько?

— Мой лорд, — повторила жрица, ничего более не прибавив. Он увидел, как она склонилась над огоньком, и услышал змеиное шипение — она задула свечу. В непроглядной тьме он не видел и не слышал, как она ушла. Из щелей наверху, если они и были, не просачивалось ни капли света. Должно быть, луна и Звезда стояли на другой стороне неба.

Кесар нащупал дверь и почувствовал, как она подалась. В комнате горел светильник, и он вошел, захлопнув за собой дверь, точно желал отгородиться от тьмы, стоящей за ней. Этот разговор разозлил его. Он огляделся и сейчас же заметил занавешенный проход. За отдернутым занавесом оказался еще один неосвещенный коридор, ведущий, судя по всему, в то самое святилище, о котором упомянула жрица. Выругавшись, он снова задернул занавес и принялся разглядывать пустую комнату.

Маленькая и строгая, она показалась Кесару некрасивой. В углах лежали и стояли вещи Вал-Нардии — сундуки, которые он видел в день ее отъезда из Истриса, ларец элирианской эмали и скромный плащ, который она носила здесь. Постель была узкой и низкой. На подушке лежал увядший цветок, который он сам накануне воткнул ей в волосы. Кесар поднял его. Тот еще сохранил остатки аромата, но теперь от него больше пахло Вал-Нардией, и он смял его в руке.

До него донесся шелест занавеса — и протяжный вздох.

Кесар обернулся. Она была боса и обходилась без свечи в этой темноте. Сейчас вид у нее был полуослепленный — то ли светом в комнате, то ли им самим.

— Как ты здесь оказался? — спросила она.

— Твои жрицы пустили меня. Я пришел попрощаться. Завтра на рассвете я отплываю.

— Но... — выговорила она растерянно. В отличие от лица жрицы с Равнин, на прекрасном лице Вал-Нардии можно было читать, как в раскрытой книге. Она бежала сюда в поисках убежища, но ее убежище оказалось с ним заодно. Ее предали.

— В этой комнате нет окон, — сказал он. — Отсюда не видно неба. И звезд. Даже Застис.

Она шагнула к нему.

— Ты должен уйти. Сейчас же.

— Когда ты верила, что я могу умереть, то была полна горя и страха. А теперь вышвыриваешь меня отсюда, может быть, на

смерть, словно куклу, которая тебе надоела. Неужели ты так и относилась ко мне все эти годы, с самого детства? Я был для тебя игрушкой. Удобной и полезной. Деревянной или тряпичной.

— Нет, — прошептала она. — Это ты так относишься ко мне, — ее медовые глаза расширились. — Как к чему-то полезному. К восхищенной рабыне. Это ты играл со мной. Ты пользовался мной в своих целях.

— Что ж, тогда я воспользуюсь тобой и сейчас, — произнес он. — А ты, Вал-Нардия, воспользуйся мной.

Она открыла рот, и он понял, что сейчас оттуда вырвется крик. Но прежде чем она успела издать хотя бы звук, он одним прыжком преодолел расстояние, разделявшее их, и схватил ее. Ни газовое платье, в которое она была одета, ни рубашка под ним не были для него препятствием. Ему казалось, что он чувствует все ее тело до мельчайших подробностей, как будто оба они уже обнажены. Руку, зажавшую ей рот, он убрал, и ее место заняли его губы. Она принялась отбиваться, как в прошлый раз, но сейчас намного более яростно. Даже пыталась укусить его — за губы, за язык, сражавшиеся с ее губами. Но это ни к чему не привело — она просто не могла заставить себя причинить ему боль, даже сейчас. Его охватила пронзительная жалость к ней, но эта жалость тоже была любовью. Он отстранился от ее губ, боясь, что вот-вот разрыдается. От его поцелуя у нее перехватило дыхание, и сейчас она вряд ли смогла бы закричать. Кроме того, кто здесь может услышать ее?

Ее руки продолжали колотить его по груди, царапать его. Она вцепилась ему в волосы, попыталась разодрать горло, но снова не смогла пересилить себя. И все это время она продолжала повторять слова мольбы и протеста — нет, нет, нет — перемежая их с его именем, он же повторял ее имя или детское прозвище — Улис. Это превратилось в литанию, бесцельную и лишенную всякого смысла.

Он поднял ее на руки, отнес к убогой кровати, положил на постель и сам лег рядом.

Ее плоть мгновенно отозвалась в мучительной агонии Застис. Он и сам не заметил, как одну за другой расстегнул застежки ее платья, распустил грубую шнуровку. Нашел ее груди, накрыл их ладонями, касаясь, пробуя их на вкус, упиваясь их сладостью. Она все еще отбивалась, хотя ее руки хватались за него, словно она была утопающей. Но он безжалостно втолкнул ее обратно под воду и сам пошел ко дну вместе с нею. Комната казалось алой от ее волос, шелковистых, как лепестки улиса — не только на голове, но и между бедер тоже.

Когда он взломал последние врата, ее глаза широко

раскрылись, встретившись с его глазами. Пальцы сжали его плечи, губы жадно приникли к его губам, позабыв наконец все слова. Почти мгновенно она превратилась в водоворот, затягивающий его в свою бездонную глубину, растворяющий его. Она закричала, громче и громче, исступленно, нескончаемо. Казалось, она умирает в его объятиях, но где-то там, в ее смерти, была и его смерть тоже. Он отпустил ее, но ее суть осталась с ним — теперь уже навсегда.

В мертвой тишине, наступившей после, он усмехнулся, ощущая под собой ее волосы, ее тело, и подумал, что это еще одна его победа, причем весьма убедительная.

4

Первый из наследников Сузамуна, старший законный сын, проснулся на ложе любви и толкнул девушку, лежащую рядом с ним.

— Что это еще за шум?

Девушка не знала. Не смогла ответить на этот вопрос и вторая, когда он толкнул ее.

Принц Джорнил встал с кровати в страшном бешенстве. И отец, и мать его были шансарцами, но, рожденный и выросший в Кармиссе, Лилии океана, он превратился скорее во вьющееся растение, чем в дерево. У него не появлялось даже минутных сомнений в себе или своем будущем. Сбить с него спесь мог лишь отцовский гнев.

Он встал, безупречно красивый в утреннем золоте, льющемся из окна, и, не веря своим ушам, прислушался к реву, доносившемуся с улицы. Он ничего не мог понять. Этот шум не имел к нему никакого отношения.

Когда слуга доложил Джорнилу, что это гул толпы, собравшейся полюбоваться на возвращение принца эм Ксаи в Истрис, наследник громко рассмеялся.

Нанятые распространители слухов отлично отработали свою плату. Потом в игру вступили настоящие слухи, искусно переплетенные с истиной. Став лагерем на восточных холмах над городом, возвращающиеся герои задержались, отправив вперед гонца, чтобы тот привез им лучшие наряды для пышного въезда в город. Каким-то образом принцу Кесару удалось убедить всех, что Сузамун одобрит торжественную встречу победителей, а про один погибший корабль никто даже не вспомнит. Он был умен, поэтому три его капитана со своими офицерами тоже считали себя умными, и убедить их не составило никакого труда.

На самом же деле Сузамун эм Шансар отнюдь не собирался привлекать всеобщее внимание к их подвигам. Получив новости от гонца, которого послал Кесар, король приготовил вялую одобрительную речь, которую должен был зачитать перед Советом лорд-правитель. Сам король собирался спустя какое-то время лично принять принца эм Ксаи, поблагодарить его, кинуть подачку в виде какого-нибудь незначительного дара и мягко, с великодушной краткостью, распечь за потерянную галеру. Что же до въезда в Истрис, то Кесар с двумя десятками своих людей были вольны въехать в любое время. Корабли тоже могли свободно войти в гавань.

Вся эта затея была театральной, придуманной лишь ради того, чтобы выказать заботу Сузамуна о чистоте берегов. Сам он считал опасность, исходящую от Вольных закорианцев, меньшей, чем та была на самом деле — иначе отправил бы сражаться с ними своих капитанов на кораблях, построенных в Шансаре, и под командованием своего брата Уля.

Но Сузамун не принял в расчет висскую часть Истриса. Да, шансарцы тоже питали слабость к действам, но то были действа иного рода, зачастую магические или мистические, почти всегда символические. Из неважных событий редко раздували что-то большее. Когда толпы выходили на улицу встречать короля с охоты, Сузамун не понимал, что люди радуются самому событию, нарушающему размеренный ход вещей, а вовсе не его венценосной особе.

К тому же все упиралось в организацию. Люди начали выходить на улицы еще на рассвете: имелось положение, по которому улицы должны быть свободными, поэтому толпа собиралась по обеим их сторонам. Женщины, собиравшие и покупавшие цветы, сплетничали о лорде, которому собирались их бросить. И были другие, которые с самого начала говорили: наконец-то появился темноволосый человек, который защитит их честь и безопасность.

К полудню нетерпение достигло предела. Люди все прибывали и прибывали, ими уже были заполнены все улицы и проспекты от Белых ворот Истриса до самого дворца. Вытащенные из сундуков знамена развевались, свисая из окон. Лоточники продавали длинные цветные вымпелы, колокольчики и визгливые дудочки вперемешку с вином и сладостями. Лишь храм Ашары, последний бастион на пути к дворцу, казалось, не проявляет к происходящему ни малейшего интереса.

Через несколько минут после полудня начали разноситься слухи о приближении шествия.

И сразу же за этими глашатаями со стороны Иолийской дороги в Белые ворота въехал принц эм Ксаи, со всех сторон окруженный своей процессией.

Первыми шли барабанщики — шестеро, в вороненых кольчугах, задавая бодрый ритм. Прямо за ними двигались музыканты, играющие на бронзовых горнах и трещотках, а следом за ними несли высоко поднятое знамя с Лилией Кармисса. Затем, соблазнительно покачивая бедрами, шли две девушки, едва ли не единственной одеждой которых были цветные ленты, с лилиями в волосах. Они вели на веревках, свитых из цветов, двух черных кастрированных бычков, тихих и смирных. Толпа быстро уловила намек, хотя, возможно, тут не обошлось без помощи.

— Вольный Закорис! — поднялся крик.

Вольный кастрированный Закорис, идущий на поводу у нежной Лилии. Девушки кокетничали с толпой, то и дело заливаясь румянцем. Они были местные и получили за этот выход столько, сколько им и во сне привидеться не могло. Бычков тоже нашли у местных крестьян.

Проехал десяток верховых солдат, за ними прошли еще двое, несущие гордо развевающееся знамя с гербом Кесара — золотой саламандрой на алом фоне. Одобрительный ропот сменился горячими приветственными криками. Толпа принялась выкликать его имя, точно так же, как во время морского боя в Тьисе: «Эм Ксаи! Эм Ксаи!»

Они уже видели его, стоящего на бронзовой колеснице. Сегодня он был одет в темно-красное — цвет вина, при помощи которого он обманул и перебил пиратов. Зеебы в его упряжке были черными, совсем как его волосы. Несмотря на гул, он превосходно удерживал своих скакунов в повиновении, к тому же одной рукой. Вторая почти праздно лежала на поручне колесницы, небрежно сжимая хлыст с золотой рукояткой. Все символы были точными. Лишь немногие не уловили их, хотя большинство и не смогло бы облечь их в слова. Поза, исполненная непринужденной силы и изящества, и воинственная мужественная красота, которой дышал Кесар, окруженный своими людьми в черных доспехах, вызывали ощущение, что ему подвластно все в этом мире. Образ короля. Короля Висов.

Толпа впала в неистовство, и цветы посыпались на него дождем.

Время от времени он поворачивался, благодаря их легким поклоном. В нем не было ни несдержанности Сузамуна, ни прикрытого фальшивой улыбкой презрения его наследников. Кесар был совсем иным. Его учтивость и исходящая от него уверенность покоряли. У всех было ощущение, что их заметило — и по праву — какое-то божество.

Таково было воздействие, оказываемое Кесаром на людей. Он осознавал его и пользовался им искусно и беззастенчиво, ибо ему пришлось терпеливо ждать такой возможности.

За Кесаром скакали еще двадцать гвардейцев — все Вторые и Пятые из сотни. В общей сложности в этой процессии шествовало почти сорок его солдат.

Герои с кораблей, ехавшие следом, были разодеты куда пышнее и, разумеется, мгновенно вызвали в толпе небывалое оживление. Но они отчетливо ощущали привкус уксуса в этом меду. Даже светловолосый и темнокожий капитан, носивший, как множество других, имя Ральднор и ехавший на дорогом скакуне,

знал, что не он сегодня герой дня.

Когда принц добрался до храма Ашары, толпа уже была вне себя, и за одуряющим запахом раздавленных цветов никто не заметил того, что над священной террасой не поднимаются дымки курений.

Эм Ксаи ступил на площадь, и люди бросились к нему. Его гвардия добродушно сдерживала их, ибо никто не хотел ничего дурного, желая лишь приблизиться к своему кумиру.

Черных бычков на цветочных веревках подвели через площадь к храму и заставили подняться по ступеням. За ними последовали принц с гвардией, а следом хлынула толпа.

Жрецы, которые подглядывали в глазки, явно встревожились, но никто из них не вышел навстречу.

Кесар стоял, безупречно владея собой, в спокойном ожидании, всем своим видом показывая, что здесь нет его вины, и он не придает этому особого значения. Однако толпа разразилась криками по адресу служителей богини. В конце концов один-единственный взволнованный жрец поспешно сбежал с крыльца и тут же был встречен оскорбительными аплодисментами. Он был шансарцем, по крайней мере, вполне шансарцем, чтобы выполнять строгие ограничения храма Ашары.

Он поспешил к Кесару. Но прежде чем жрец успел хоть что-то сказать, Кесар заговорил своим хорошо поставленным голосом:

— Я здесь для того, чтобы перед лицом всех этих людей принести жертву богине в благодарность за мою победу в Тьисе.

Жрец огляделся, принял какое-то решение и убежал.

Толпа зашумела, протестуя, потом умолкла, с нетерпением ожидая, что же предпримет Кесар.

Тот немного поколебался, точно в раздумьях, а затем направился прямо к мраморному алтарю на террасе. Он ничего не сказал, но, повинуясь движению его руки, черные бычки пошли к нему. Теперь их вели мужчины, а девушки куда-то делись.

Кесар вытащил нож. Лезвие было отточено до бритвенной остроты — он ожидал подобного исхода. Молниеносно, с поразительной и грозной точностью он взмахнул рукой, одним ударом перерезав оба бычьих горла.

Кровь хлынула густой алой струей. Огромные головы повисли, черные тела забились в агонии и почти одновременно рухнули на землю. Вымокшие в крови цветочные гирлянды расплелись, пачкая ступени алым. Но Кесар оказался настолько быстр, что на его великолепный наряд не попало ни капли. Даже его руки остались незапятнанными.

Так приносили жертвы короли — века назад, в далеком прошлом...

Жрец, всего-навсего побежавший за помощниками, выскочил на террасу вместе с собратьями. Но в нем уже не было никакой надобности.

Король, обнаженный, если не считать набедренной повязки, только что закончил упражняться на мечах и шел принимать ванну. Именно в это время и в таком виде он намеревался принять Кесара. Это было важно, ибо короля давно так не оскорбляли. Было совершенно необходимо, чтобы молодой человек в темно-красном прочувствовал всю меру этого оскорбления.

— Ну, — обратился к нему Сузамун, в конце концов небрежно позволив рабу набросить ему на плечи мантию. — Каковы будут твои объяснения?

— Объяснения чего, мой повелитель? — Кесар эм Ксаи воззрился на короля с безграничным недоумением.

— Твоего пышного шествия по моим улицам, вот чего.

— Мой повелитель, вы позволили нам войти, когда нам будет угодно. Ваши подданные решили поприветствовать нас от вашего имени.

— От моего имени? Да вы вели себя так, будто снова завоевали Закорис, а не потопили горстку каких-то жалких лодок!

— Семь кораблей, мой повелитель.

Сузамун завернулся в мантию, сел и глотнул вина. Больше никому выпить не предложили. В комнате хватало народу, с интересом наблюдавшего за этой сценой. Старший сын короля, принц Джорнил, жевал инжир и разглядывал наряд Кесара. Как почти месяц назад его отец позавидовал калинксам, так теперь сын возжелал этот изысканный костюм. Джорнила выводил из себя тот факт, что человек, у которого не было никаких доходов (и который ничуть не заслуживал их иметь) мог позволить себе таких портных и такую ткань — шелк, похожий на тончайшую, искусно выделанную кожу.

— Семь кораблей, — повторил король. — Ты хочешь сказать, что у тебя не двоилось в глазах?

Повисла долгая пауза. Оскорбительный вопрос явно требовал ответа.

— Их было семь, мой повелитель, — твердо сказал Кесар. — Если вы не доверяете моим подсчетам, спросите у капитанов, которых сами назначили. У Лиоса или Ральднора эм Иоли.

— Не собираюсь ни о чем у них спрашивать. Я лишил их своей милости. Вместе с тобой.

Снова повисла долгая тишина. Кесар не поднимал глаз, отчетливо сознавая, что может увидеть в них Сузамун.

— Прошу прошения, мой король. Когда вы посылали меня в Тьис, я счел, что с вашего благословения еду добыть себе немного славы.

— Вот как? Тогда тебе следовало дождаться, когда я прикажу тебе это. Тебя, висская собака, послали сжечь кучку мусора в море. Не более того.

По комнате пробежал слабый шепоток. Сузамун поднял глаза, точно призывая дерзких говорить громче, и все смолкли.

До дворца дошли слухи, ходившие по улицам: якобы Кесар был послан в прибрежный городок благодаря происка какого-то недоброжелателя, весьма высокопоставленного, который позавидовал ему. Лишь искусство жрецов Анкабека спасло принцу жизнь.

То, что король не упомянул о пребывании Кесара на Анкабеке, тоже очень бросалось в глаза.

Кесар молчал. Он ждал, когда король поймет, что его немилость в данном случае отдает низостью. Но тот не понял — или не захотел понять.

— Ты вступил в мой город, как молодой леопард, — бросил Сузамун эм Шансар. — Теперь ты уползешь обратно, как мышь. Немедленно отправляйся в свое имение в Ксаи.

Кесар поднял голову, и его глаза сверкнули, точно занесенные ножи.

— Да, моя саламандра, — усмехнулся Сузамун. — Твой огонь погас.

Оборванец низко поклонился — уже в третий раз с тех пор, как вошел.

— Они продают пряди черных мужских волос, выдавая их за ваши, мой господин. Поэт сочинил превосходную хвалебную песнь и сейчас распевает ее по всему восточному городу. А женщины — хотя им-то никто ничего не платил — просто сходят с ума по вам, забыв про всех своих любовников...

— Хорошо, — отозвался темный силуэт в кресле. И добавил, обращаясь к другому человеку, к несказанной радости оборванца: — Заплати ему, сколько я говорил.

Когда наемник удалился, Кесар поднялся и наполнил стеклянный кубок водой. Для вина сейчас было совсем не время.

Его ошибка заключалась в недопонимании того, что он играет против полного болвана. Сузамун оказался настолько глуп, что не догадался сделать правильный ход — ход, который сложил бы все кирпичики один на другой...

Кесар глотнул горькой воды.

— Что там еще?

Сержант его гвардии передал ему какой-то пакет. Его открыли и проверили, после чего Кесар изучил содержимое.

— Третье любимое кольцо Ральднора эм Иоли. Знак любви?

— Лучший, чем если бы он написал об этом, мой лорд, — сержант оскалил зубы в усмешке.

— Согласен. Отповедь Сузамуна пришлась ему не по вкусу. Но вместо того, чтобы винить меня, он винит короля. Еще один дурак. Только, пожалуй, более удобный, ибо держит свои обещания. Твои люди готовы выезжать?

— Да, мой лорд. Одна пятая, как вы приказали. Те, кто прослужил вам дольше остальных.

— В Ксаи им не понравится. Впрочем, и мне тоже… Да, есть еще кое-кто. Один из Девятых, Рэм. Кармианец со светлыми глазами, у которого имеются приятели в Оммосском квартале.

— Знаю такого. Недавно мы отделали его Шкуродером.

— Отыщи его и прикажи выезжать. Король велел мне убраться из Истриса до рассвета.

За дверями поднялся какой-то шум. Часовой ударил копьем в пол. В следующий миг дверь распахнулась настежь. На пороге появился слуга и пропел по-шансарски:

— Первый наследник волей Ашары, принц Джорнил Истрисский.

Джорнил быстро проскочил мимо него и вошел в комнату.

Кесар глянул на него. Джорнил ответил ему таким же взглядом. Тусклый вечерний свет ласкал его, точно влюбленная женщина. Дверь за его спиной закрылась.

— Польщен, — отрывисто бросил Кесар. — Вы явились помахать мне на прощанье?

— Я явился приказать тебе оставить здесь это одеяние, когда ты будешь уезжать.

Секунду Кесар недоуменно глядел на него, потом внезапно рассмеялся. Он взял еще один кувшин с вином и сделал знак сержанту. После того, как дверь закрылась в третий раз, Кесар налил вина наследнику Сузамуна.

Джорнил отставил чашу из дымчатого стекла, даже не пригубив.

— Берите, — подбодрил Кесар. — Неужели вы опасаетесь, что я что-то подсыпал туда?

Джорнил просиял. Это было сказано на языке Висов. Несмотря на то, что слуга объявил о его приходе по-шансарски, Джорнил с большим трудом разговаривал на языке своих предков.

— Нет. Но мне не нравится твое вино.

— Оно с виноградников Кармисса.

— В самом деле? Однако вернемся к одежде.

— Разумеется, мой принц, — отозвался Кесар, взявшись за застежку туники. — Прямо сейчас?

— О, можешь просто оставить ее здесь. Я пришлю за ней кого-нибудь.

— Прикажите хорошенько выстирать ее. Я проехал в этом по меньшей мере три мили.

Джорнил поднял чашу с вином, оглядел ее, снова отставил.

— А правда ли то, что говорят? Что мой отец пытался убить тебя?

Кесар задумался.

— Это не так. Но мне интересно, откуда вы взяли, что кто-то об этом говорит?

— На улицах только об этом и болтают. Ядовитая змея в Тьисе...

Кесар рассмеялся. Джорнил засмеялся тоже, хотя и не собирался делать этого.

— Так, небольшая рана в бою. Никакая не змея. И совершенно не вижу, зачем Сузамуну убивать меня, — добавил он, — если в его власти услать меня в Ксаи и обречь на смерть заживо. Это куда хуже.

Джорнил, который не очень-то любил Кесара, но тем не менее неодолимо к нему тянулся и с самого детства регулярно завидовал ему как проклятый, изумленно фыркнул.

— Я могу приехать навестить тебя там.

— Ради богини, не делайте этого. Приезд члена королевской семьи в Ксаи убьет вашего отца на месте. Не стоит. Лучше помните обо мне здесь. Носите мой наряд вместо меня. Говорят, в эту краску добавили кровь тринадцати девственниц, чтобы добиться нужного оттенка.

Разрываясь между доверием и насмешкой над застийским возбуждением, Джорнил поднял чашу с кислым молодым вином и осушил ее.

Ксаи находился на равнине к юго-западу от Кармисса, очень далеко от столицы. Путь туда занимал от пятнадцати до семнадцати дней, в основном из-за скверных дорог или вообще полного их отсутствия. Постоялые дворы там тоже были скверными или вообще отсутствовали. Стада диких зеебов носились по плоской равнине, как будто сами не желали где-то задерживаться. На землях поместья ютились две деревеньки. Сама усадьба была настоящей развалиной. Островки тропического леса, плавающие в заболоченном озере, придавали дому особую атмосферу и запах.

В детстве Кесар провел в этом забытом богами месте вполне достаточно, чтобы отдавать себе отчет, как сильно ненавидит его.

Он метался в своем заточении, как раненый лев. Ночами, а время от времени и в ослепительные дни, Застис овладевала им, заставляя искать облегчения у жалких женщин, бывших его собственностью. Он ездил верхом, упражнялся с оружием и пытался охотиться на этой бесплодной земле. Солдаты, которых он взял с собой, упивались дрянным местным пивом, а потом извергали его наружу, на все лады проклиная Сузамуна, Кесара и всех богов сразу.

Он пробыл там не меньше месяца, прежде чем получил известие. Оно пришло оттуда, откуда он его отчасти даже ожидал — от капитана-полукровки Ральднора эм Иоли.

Двенадцать дней спустя тот сам появился в Ксаи в сопровождении всего лишь троих человек. Добрый знак.

Они устроились на плоской крыше виллы, под навесом. Солнце клонилось к островкам леса на озере, стаи галдящих птиц то опускались на воду, то вновь срывались с нее.

— Я все больше и больше прозреваю, — с мягкой настойчивостью объявил Ральднор эм Иоли. — Нас просто использовали. Меня, моих товарищей-капитанов и вас, лорд принц. Нас собирались принести в жертву. А потом Сузамун послал бы кого-нибудь из своих фаворитов очистить моря от врагов, и тот прославился бы за наш счет. Мы, как те слуги, что пробуют угощения на королевском пиру, должны были умереть, испытав на себе силу яда.

Кесар еле заметно усмехнулся. По его знаку служанка вновь наполнила кубок иолийца.

— Так что ничего удивительного, что вместо награды нас ждало наказание, — продолжил эм Иоли. — Меня разжаловали из капитанов. И оштрафовали — оштрафовали, клянусь Ашкар, за то, что устроил недозволенное представление для толпы! — он сделал глоток. Кровь светлой расы досталась ему не из Шансара, а из Вардата, поэтому он назвал богиню вардийским именем. И это было очень кстати, поскольку можно было не опасаться, что в нем вдруг пробудится солидарность с земляками. — Сузамун что, совсем спятил?

Кесар пожал плечами.

— Король верит в превосходство своей желтой расы. Те, в ком течет смешанная кровь — пусть даже воплощенная в столь славных цветах, как у тебя — пятно на безупречной чистоте его народа. Признаюсь, что до Тьиса я не вполне осознавал это. А теперь, Ральднор, я гадаю, долго ли вообще мне осталось

осознавать что бы то ни было.

— Значит, вы все еще опасаетесь за свою жизнь?

— Если я сгину в Ксаи, никто этого не заметит.

— Вы не правы. Столица до сих пор восхваляет вас, даже сейчас.

— Значит, я могу быть спокоен до тех пор, пока толпа помнит меня. А потом — возможно, еще одна змея.

— Он может дотянуться до любого из нас.

— Безусловно.

Они снова выпили. Ральднор эм Иоли грохнул о стол пустым кубком.

— И какой у нас выход, кроме как бежать из Кармисса, словно преступники?

— Вряд ли я смогу выбраться с острова, раз сам король заточил меня здесь, — возразил Кесар. — Возможно, он только и ждет, чтобы я это сделал. Тогда можно будет обвинить меня в измене и казнить — все по закону.

— Все-таки он безумец.

— Одержимый, несомненно. Но разве после войны Равнин у людей темной крови осталась хоть какая-то надежда?

Ральднор, которому стало не по себе, инстинктивно пригладил волосы. До недавних пор его внешность, которой он был обязан своим блистательным именем, была ему скорее на руку, чем наоборот. Сам богоподобный Повелитель Гроз Ральднор был полукровкой.

Солнце уже плескалось в воде, догорая и уходя ко дну, как корабли Вольных закорианцев. Вино тоже почти кончилось.

— Беринда, — повелительно обратился принц к служанке. Та бросила на него робкий и забитый взгляд человека, рожденного рабом, и ускользнула, чтобы вновь наполнить кувшин.

— В любом случае я удивлен, что ты счел меня достойным своей заботы, — раздумчиво произнес Кесар. — После того нашего спора на море...

— Из-за рабов на галерах, которых вы оставили гореть заживо? — Ральднор бестрепетно встретил его взгляд. — Этот поступок показался мне омерзительным, мой лорд. Но именно ваша безжалостность, хоть она и воистину отвратительна мне, сулит вам в моих глазах — как бы это выразить? — великое будущее. Блестящее будущее. Вы уничтожите все, что встанет у вас на дороге.

— И ты, — заключил Кесар, — решил, что разумнее будет рискнуть и остаться рядом со мной, чем оказаться у меня на пути.

Ральднор кивнул с немалой долей иронии. Он был поразительно умным и восприимчивым человеком, и именно эти

качества время от времени толкали его на опрометчивые и неразумные поступки.

— Ты спрашиваешь, можно ли как-то противостоять злой воле короля, — снова заговорил Кесар. — Думаю, что да. Нужно нечто, столь явно показывающее всем его причастность к этому, чтобы он никогда больше не осмелился снова покуситься на нас. Нечто, проникнутое такой насмешливой справедливостью, чтобы Истрис до конца жизни помнил это. И обидное, если ты предпочитаешь, чтобы твоя месть была болезненной.

Ральднор вздрогнул. Сейчас он находился рядом с тем же человеком, что и тогда, на борту кармианской галеры. Но он хорошо чувствовал обстоятельства и умел к ним приспосабливаться.

— Прошу вас, мой лорд, просветите меня, — сказал он с недрогнувшим лицом.

Кесар в двух словах обрисовал свой план.

— Клянусь всеми богами, разрази их гром! — выдохнул Ральднор, чья висская мать была шлюхой, довольно известной в иолийском Городе наслаждений.

По крыше, выделяясь на фоне бронзовеющего вечернего неба, возвращалась с вином служанка Беринда. Она не слышала ни слова из того, о чем говорилось, да это ее и не интересовало. Ее занимали куда более существенные вещи. Наклонившись, чтобы наполнить кубок Кесара, она вспомнила ночь, проведенную с ним на ложе, и вдохнула его пряный мускусный запах, тут же ударивший ей в голову.

Он не обратил на нее внимания.

Жрица Эраз ощутила, что в Святилище бесшумно вошел кто-то еще, скрываясь за занавесом из золотой чешуи. Своим внутренним зрением Эраз заглянула туда — и мгновенно узнала пришедшую, не только по ней самой, но и по крошечному, еле уловимому второму существу внутри нее, теплившемуся слабее, чем остывший уголек.

Была пора, когда огоньки храмовых светильников еле мерцали, а занавес перед богиней не поднимался от простого наступания на летящих мозаичных драконов. Стоял час между полуночью и зарей, в древних мифах Равнин-без-Теней зовущийся Часом Волка. Час бессонницы, сомнений и ненависти к себе, а иногда и смерти.

Равнинная жрица вышла из-за занавеса и очутилась в сердце Святилища. По мозаичному полу она прошла туда, где стояла принцесса Вал-Нардия — одна, с низко склоненной головой, в молчании.

— Ты ищешь богиню?

— Ищу, — Вал-Нардия запнулась. — Но Ее не найти.

— Да. Так всегда бывает.

Опущенное лицо Вал-Нардии отвернулось в сторону.

— Я согрешила. Я недостойна Ее.

— Если б ты считала себя недостойной Ее, то не пришла бы к Ней, Вал-Нардия Истрисская.

— Я согрешила... согрешила... Позвольте мне признаться в своем грехе и наложите на меня кару.

— Это обычай народа твой матери. Анакир не карает, не приносит страданий. Ее простертые руки, являющие собой возмездие, разрушение, мучение и неотвратимые бедствия — всего лишь символы. Мы сами навлекаем на себя пытки. Мы сами караем себя.

— Мой грех...

— Твой грех лишь потому грех, что ты его так называешь.

— Нет же! Помогите мне! — вскрикнула Вал-Нардия, вскинув на жрицу глаза и цепляясь за ее одеяние.

— Помощь в тебе самой, — отрезала Эраз. — Ты сама должна помочь себе. То, что мы совершили — прошлое. Мы либо вновь и вновь переживаем его, либо позволяем ему уйти.

Вал-Нардия ахнула.

— Вы ненавидите меня! — выдохнула она вдруг. — Ваш народ ненавидит всех нас, тех, в ком течет кровь Висов. Мне здесь не место. Это ваша богиня, а не моя.

Эраз даже не взглянула на нее. Ее глаза казались двумя горящими светильниками, а она сама — кем-то отличным от человека.

— Твоя, если ты примешь Ее. Тебе не нужны мои утешения, принцесса. Именно этому мы пытаемся научить тебя. Тебе нужна лишь Она. Ты должна почувствовать в себе Ее силу.

— Вы не хотите даже выслушать меня. Мое преступление...

Золотые глаза обратились на нее.

— Сначала попытайся найти силы в себе. Потом, если не сумеешь, можешь прийти ко мне.

Вал-Нардия бросилась прочь. Она пронеслась по мозаичному полу и, добежав до одного из потайных выходов, выскочила на улицу.

Эраз осталась стоять. Она разделила свое сознание на две разных личности, как ее учили. Первая сказала ей: у этой девушки не хватит силы духа перенести все испытания. Она ничего не понимает. Эраз ответила: у каждого из нас достаточно силы духа, чтобы вынести все, что угодно. Долгие века мой народ верил, что он — жертва, обреченная терпеть страдания и гибнуть,

а в конце концов и вовсе исчезнуть с лица земли. Потом он поверил, что ему суждено стать властелином мира, как в глубокой древности, и теперь идет по этому пути. Все, что происходит с Вал-Нардией, в руке богини. Она должна постичь это. Но я думаю, что ее судьба не позволит ей сделать это.

Далеко-далеко она ощутила Вал-Нардию, бегущую по подземелью храма, окутанную черной пеленой стыда, и крошечную, совсем недавно зажженную свечу новой жизни в ее чреве — гораздо более темную и неразличимую для нее, чем все остальное.

Над Истрисом бушевали сухие грозы без дождя. В городе уже начали поговаривать о возможной засухе. Потом набухшие тучи прорвало ливнем и ярким летним градом, высекавшим искры там, где он падал на камень или металл.

В последнюю четверть Застис наступал кармианский Праздник Масок. На закате по мраморным мостовым все еще бежали ручьи дождевой воды, но небеса уже полностью очистились от туч, от самого зенита до пурпурного моря.

Город загудел, как огромный барабан, улицы вспыхнули блуждающими огоньками, которые вихрем разлетелись во все стороны. Флюгеры из цветного стекла, укрепленные на уличных фонарях, окрашивали тутовые деревья на бульварах в янтарь и индиго, цвета Эарла — пока их не разбили. Зажиточные горожане и наиболее богатые из простонародья прогуливались в немыслимых одеяниях, скрываясь под масками солнца, луны, Алой Звезды, зверей, демонов и баналиков.

Сам дворец, который и без того редко бывал неосвещенным после наступления сумерек, сверкал, точно костер, и оттуда неслась какофония музыки и шуток.

Ходили слухи, что поздно ночью в город может выйти сам король, скрывшийся под золотой маской, как, если верить преданиям, он любил развлекаться в былые годы. Скольким нищим сегодня достанутся лошади? Сколько тринадцатилетних девственниц десять месяцев спустя станет хвастать, что Сузамун эм Шансар имеет отношение к громко вопящему младенцу, болтающемуся на пружинистой пуповине?

Ходила и другая молва, зародившаяся где-то в портовых кварталах — будто Кесар эм Ксаи вернулся без разрешения короля. Еще до того, как кончился дождь и небо прояснилось, об этом говорили повсюду. О слухах доложили даже самому королю, но тот презрительно высмеял их.

— Кто такой Кесар эм Ксаи? — осведомился Сузамун. — Я уже когда-то слышал это имя?

Ночь плыла, вино лилось не хуже дождя, любовники, охваченные томлением Застис, уединялись на порогах, на крышах, в увешанных бубенцами повозках, лихорадочно целуясь не скрытыми под маской губами, либо приподнимая маски и тут же вновь опуская их. У выпивших больше, чем следовало, случались видения. То один, то другой хвастался, что видел принца эм Ксаи, делил с ним кружку пива в переулке Светильников или обсуждал пиратов в нижнем городе. Или он якобы показался где-то, закутанный в плащ, с несколькими своими солдатами, по какому-то не очень секретному делу, но в маске, как и все остальные. Он стал новым призраком.

Вообще-то Истрису было не привыкать к призракам на Празднике Масок. Сам героический Ральднор эм Анакир не раз проносился по его улицам в колеснице вместе с красноволосой кармианкой Астарис, а люди валились на колени и в подпитии падали в обморок. Разумеется, скорее всего, кто-то просто наряжался так, желая разыграть горожан — какой-нибудь темнокожий мужчина в светлом парике и превосходной подделке под старинный дорфарианский чешуйчатый доспех. А постоянное смешение крови привело к тому, что теперь красноволосых женщин вокруг было не счесть.

Джорнил, Старший сын, Первый наследник короля, уже не помнил, откуда изначально взялась эта идея. Он считал ее целиком и полностью своей, и она ужасно нравилась ему с его тщеславием, склонностью к злым выходкам, завистью и недалеким умом.

Все началось с того, что изысканный наряд изумительного кроваво-красного оттенка потребовалось слегка переделать. Кесар был тоньше Джорнила в талии и бедрах, и к тому же более длинноногим. Когда же костюм подогнали под нового владельца — под тем предлогом, что более широкие плечи Джорнила требовали немного расставить его, — появилось мнение, что Сузамун может не обрадоваться, увидев своего наследника в облачении опального принца.

Джорнил остерегался отца. Прочие наследники были еще детьми, поэтому нечего было бояться попасть к нему в немилость или лишиться хотя бы части своих привилегий. Дело было скорее в чем-то неуловимом, в более сильной личности его родителя, которая пугала Джорнила с самой колыбели и в какой-то степени — даже больше, чем жизнь в Кармиссе — сделала его таким, каким он был сейчас.

Так что он не стал сразу же облачаться в доставшийся ему наряд Кесара, подыскивая удобный случай надеть его так, чтобы

это сошло ему с рук. А потом, незадолго до праздника, появилась еще одна идея.

На самом деле предостережение насчет костюма исходило от одного из тех портных, что перешивали его. Надеть же его в ночь карнавала предложила девушка, искусная не только в постели. Оба получили щедрую плату за эти услуги принцу Джорнилу из рук молодого человека с круто вьющимися черными волосами — Виса, но более светлоглазого, чем большинство. Лишь девушка узнала в нем одного из тех, кто раньше появлялся в обществе принца эм Ксаи, но у нее хватило ума тут же забыть об этом.

Слухи о том, что Кесара видели в Истрисе, немало позабавили Джорнила. Когда он покинул шумный пир во дворце и отправился переодеваться в красные одежды Кесара, маска в виде солнца оказалась как нельзя кстати, чтобы скрыть его возбуждение.

Повзрослев, Джорнил начал очень болезненно относиться к Кесару. Эм Ксаи сам позаботился об этом, зачастую применяя нечестные приемы. Теперь же появилась возможность на одну ночь превратиться в Кесара, и это было так упоительно! В этом крылся некий вызов. Вдобавок то, что, появившись в городе в чужом обличье, он продолжит легендарную традицию своего отца, придавало затее дополнительную остроту.

Сузамун сойдет с ума, если когда-нибудь узнает об этом. Но Джорнил, хотя и опасался своего отца, не питал ни малейшего почтения к его способности рассуждать.

Переодевшись в красный костюм, он скинул маску-солнце. Та, которую он надел взамен, была ничем не примечательной, если не считать того, что одна ее половина была черной, а другая — белой. Светлые волосы принца скрыл густой черный парик.

Джорнил оглядел себя в зеркале, вышел из комнаты и двинулся по коридору для слуг во внутренний дворик, стараясь широко шагать в подражание Кесару. Там он вскочил на черного зееба, а свита из пяти солдат в зачерненных кольчугах развернула небольшое знамя с огненной ящерицей.

Они поспешили в город.

Была уже почти полночь. В одних кварталах карнавал был в самом разгаре, в других, наоборот, сошел на нет.

Когда раздались первые крики: «Эм Ксаи! Это принц эм Ксаи!» — Джорнил широко усмехнулся под своей маской.

Он усмехался еще долго, пока у него не свело челюсти. И даже ни на миг не задумался, почему его, явно имевшего все, чего был лишен Кесар, так тянет влезть в его шкуру, почему это доставляет ему такое наслаждение.

Его удовольствие и возбуждение неизбежно переплелись с

зовом Застис. Он начал желать женщину и принялся оглядываться по сторонам в поисках подходящей.

Как он, так и его свита к тому времени были уже изрядно пьяны. Выехав на площадь, где все еще кипело празднество, он решил сойти с зеева и двигаться дальше пешком. Телохранители расчищали ему дорогу. Процессия вилась по площади, крича и распевая песни, а уличные артисты жонглировали горящими головнями. Он обернулся поглядеть на это, когда из толпы вдруг выступила девушка и бросилась к нему.

Ее лицо скрывала маска калинкса, но выбивающиеся из-под нее надушенные волосы рассыпались по почти ничем не прикрытым плечам и груди. Это была темнокожая висская женщина. Она прильнула к нему.

— Господин мой Кесар, — проговорила она хрипло, — закорианские пираты убили моих братьев. Вы отомстили за меня и за других таких же, как я. С тех пор я полюбила вас. Ясмис услышала мои молитвы и привела вас сюда, рискуя навлечь на вас гнев короля. Я шла за вами многие мили, не осмеливаясь заговорить. Умоляю, не гоните меня.

Джорнил учащенно задышал. Протянув руку, он сорвал с нее маску, как, по его мнению, непременно поступил бы Кесар. Она была очень хорошенькой и даже чем-то напоминала ту девушку, что когда-то жила во дворце у эм Ксаи.

Он прошептал что-то ей на ухо. Она приникла к нему, искусно прижимаясь к его телу сквозь наряд Кесара.

Девушка повела Джорнила через площадь, его пятеро солдат потащились следом. Они свернули в проулок, потом в какой-то дворик перед темным полуразрушенным домом.

Расстегиваясь на ходу, Джорнил поспешил в темноту за дверью, шумно дыша, и прижал девушку к стене. Его солдаты отирались под дверью в надежде, что когда принц натешится, им тоже удастся поразвлечься.

Запрокинув голову, чтобы допить вино из почти опустевшего меха, пятый солдат поперхнулся. Со стены на него падало небо, и почему-то с ножом, который оказался у него в горле вместо вина.

Повозка, увешанная лентами и бубенчиками, со звоном прогрохотала по улицам, увлекаемая тройкой насмерть перепуганных зеебов. Когда она увязла в густой толпе и люди забрались на нее, чтобы взглянуть на поклажу, то обнаружили только один груз.

Это было тело принца Кесара эм Ксаи, одетого в красный наряд, цвет которого все же не мог скрыть множества ран. Его кололи и резали, пронзали и рвали на части, оставив нетронутым

лишь лицо под маской. Когда же маску сняли, то лицо, открывшееся под ней, оказалось лицом королевского наследника, Джорнила.

Ночь медленно ползла к утру, но в комнате без окон этого не было видно, как не было видно ни луны, ни звезд, ни даже самой Алой Звезды. Он был прав, ее брат Кесар.

Ей стоило лишь подумать об этом, чтобы вновь ощутить его руки и губы на своей коже, его тело на своем теле и внутри него, снова пережить то исступление, до которого он неоднократно довел ее за недолгие часы, проведенные ими вместе в ту ночь. Каждая близость изнуряла ее, опустошая, выпивая все силы до капли. Она больше не могла думать, не могла бороться с этим — ни физически, ни душевно. Она лежала под ним, рядом с ним, сливаясь с его телом, распластанная по своему аскетическому ложу, в колыбели его рук, в упоительном заточении. И внутренний голос снова и снова упрекал ее, напоминая, что ее плоть жаждала его столь же сильно, как он сам жаждал ее. Отпираться бесполезно — это не было насилием. Все так, как сказал Кесар — он воспользовался ею, а она им. Они пытались уничтожить один другого, разбиваясь, точно волны, о берега страсти и жизни друг друга. По крайней мере, так ей казалось.

Потом он покинул ее, чтобы вернуться в Истрис — не просто ушел. Он был уверен. Его уверенность и сила сияли жгучим темным огнем в этой тесной неосвещенной комнатке, и она не хотела, чтобы он уходил. Она боялась, ибо с его уходом оставалась совсем одна. Ей некуда будет деться от осознания того, что они наделали.

Кесар поцеловал ее и отстранил от себя, на этот раз очень ласково.

«Я вернусь. Я заберу тебя из этого каменного мешка, когда смогу, когда ты будешь в безопасности. А пока жди меня здесь».

Он поцеловал ее еще раз, поцелуем любовника, и она снова упала на простыни. Он вышел из комнаты и ушел, а она стала для него очередной победой, оставшейся позади, утратившей свою первостепенную важность. О, никто не знал этого лучше, чем она.

Для нее же…

Он превратился в исполина, заслонившего собой все ее горизонты. Она сбежала от него, но он ее настиг. Богиня Анкабека дала ему средство, поэтому свет богини померк для Вал-Нардии. Теперь в ее душе безраздельно властвовал Кесар. Его черные помыслы. Его сила. Тень поверх тени.

Как вообще могли они появиться на свет, близнецы, но воплощения совершенно противоположных принципов, да еще

разного пола? Вал-Нардия — сама робость, бегущая от мира. И он — охотник, разрушитель.

Кесар был злом. Она знала это. Она знала это еще с детства. Жестокий и безжалостный, он обладал душой, в которой недоставало какой-то важной частицы.

Она так долго противилась этому — но так и не нашла никакого средства. И все же такое средство было. Она осознала это вместе с другим неумолимым осознанием.

Сначала она пыталась вести себя так, словно все течет по-прежнему. Но ее тело, которое вероломно предало ее в его руки, насмехалось над ней, довольное тем, что натворило, принявшее на себя его мету. Ибо в ее теле был ребенок. Ребенок ее брата.

Вал-Нардия решила, что совершила глупость, обратившись к жрице с Равнин. Народ Равнин очень отличался от Висов, но ничем не напоминал и расу Континента-Побратима. Он был неповторим и в своем бесстрастии безжалостен почти так же, как Кесар.

Она поднялась. В бегстве от мира она очутилась на перекрестке трусости и отваги и сама выбрала свой путь.

Она спокойно встала на скамеечку. Проведя слишком много ночей без сна, она страшно устала. Одной рукой она безразлично накинула себе на голову петлю из алого шнура, свисающую с потолочной балки.

То, что должно было случиться, пугало ее лишь самую малость. Шея у нее была очень хрупкой. Именно так окончила свои дни ее собственная мать. И точно так же, как Вал-Нардия, девочка восьми или девяти лет, обнаружила ее, войдя в комнату, кто-то другой скоро войдет в эту комнату и обнаружит Вал-Нардию.

Еле слышно вздохнув, она с необыкновенной грацией соскользнула со скамеечки.

Кесар допоздна засиделся над вином, потом прихватил с собой в спальню его остатки и ту девушку, что приносила его.

Легкий запах заболоченного озера раздражал его, как и все, что происходило этой ночью, но о чем он пока не мог узнать. Праздник Масок подарил ему занесенный кинжал, Ральднор эм Иоли помог нацелить клинок, а Наследник короля, если Джорнил остался верен себе, сам бросился на него.

Этот план начал вызревать в сознании Кесара в тот самый миг, когда Джорнил приказал ему отдать свой парадный наряд.

Люди Ральднора распустили слухи о возвращении Кесара — ложные, разумеется. Рэм, которого видели портной и девушка, предложил использовать заброшенный дом. Он сам когда-то

устраивал такие засады и знал в городе несколько подходящих домов еще с тех времен, когда занимался разбоем.

Убийство совершили люди эм Иоли. Если совершили. Если все пошло по плану. Если. Вот что не давало ему покоя. Кесар обязан был сидеть здесь в неведении, и все должны были знать, что он сидит здесь в неведении. В этом-то и была вся суть.

В конце концов вино и девушка все же помогли ему расслабиться. Он провалился в глубокий сон — куда глубже, чем сердце земли, которой он владел.

И в этом сне темноту внутри его сознания вдруг разметал ураган. С криком он проснулся, и девушка схватила его за плечо.

— Это сон, мой господин, всего лишь сон, — бормотала она, пытаясь успокоить его.

— Нет, не сон, — он отпихнул ее, выскочив из постели. Она робко протянула руку, но Кесар ударил ее.

Она упала, тихонько заскулив, а он выбежал по лестнице на плоскую крышу. Там он стоял в ночи, залитой красной кровью Звезды, ощущая ее пульсацию в своей крови и глядя на темнеющий лес. Внутри у него была пустота. Словно отмер какой-то важный орган, а он все равно продолжал жить.

Он не знал, что это такое, но постепенно, насилуя себя, выдрал это ощущение из своего сознания. И отшвырнул прочь. И еще дальше...

Когда он вернулся, девушка так и лежала, распластавшись по полу.

— Иди сюда, — приказал он. — Ты была права. Это всего лишь сон.

Она подползла обратно к кровати и ласкала его до тех пор, пока он не захотел ее. Взяв ее, Кесар снова заснул, а Беринда свернулась в клубок, как кошка, прижимаясь к его спине с улыбкой ребенка, получившего прощение.

5

В синих сумерках, более не окрашенных Застис, мелькали руки мага, испуская потоки света. В неглубокой чаше поблескивали белые кости недавно убитого животного. За окном над бухтой висели звезды. На самой высокой дворцовой крыше тоже дымилась звезда, ужасный маяк для всего Истриса — погребальный костер в честь покойника королевской крови, горевший, по обычаю Шансара, уже больше месяца.

— Ну? — проскрежетал наконец Сузамун. — Что ты видишь?

Личный маг Сузамуна поднял голову, и таинственное мерцание вокруг костей померкло.

— Вы мудро поступили, мой король, вызвав его из Ксаи.

— В самом деле? Эту мысль подал мне мой совет. Черные народы, желтые народы... Наш маленький герой сделался знаменитостью. Мой Вис не очень-то переживает по поводу своего изгнания. И эти слухи, будто я пытался убить его, да еще дважды — сначала в Тьисе, а теперь здесь, в столице, но мои убийцы по ошибке напали на моего собственного наследника... Клянусь Ашарой! Это здешние мерзавцы, черный и коричневый сброд, напились и убили его, моего мальчика, узнав его даже в этих проклятых краденых одеждах. Или, может быть, Вольные закорианцы. Лазутчики, которые решили отомстить Кесару и ошиблись... — его голос сорвался. Сузамун действительно оплакивал сына, однако делал это в тайне от всех. Глаза его были сухи, но когда ему доставили тело, он в ярости разрыдался. Помимо всего прочего, Джорнил был символом неколебимости шансарского владычества в Кармиссе, продолжением династии королей-завоевателей. Теперь старшему из законных наследников Сузамуна было всего семь лет. Прочие были бастардами-полукровками или дочерями. Бесполезными.

— Мой король, — заметил маг Сузамуна, — даже Верховный правитель должен иногда прислушиваться к желаниям народа. Вы не могли поступить иначе, кроме как вернуть принца эм Ксаи к своему двору.

— И теперь я должен ласкать его, любить его, ублажать его, чтобы он сидел тихо. Хотя это из-за него погиб мой сын. А ведь я ни разу даже на собаку руки не поднял. Никогда! Все эти истории о Тьисе — сплошная ложь.

— Вы полагаете, что принц Кесар тоже может быть причастен к убийству Наследника?

— Не знаю. Вольные закорианцы, чернь, Кесар — почему бы и нет? Будь мы в Шансаре, я подверг бы его проверке, Трем

Испытаниям — огнем, водой и железом. Но я не осмеливаюсь поступить так же здесь, в этой стране лгунов.

— Вы правильно делаете, что потворствуете ему, мой король. Созвездия, под которыми он родился, просто поразительны. И еще здесь сказала свое слово богиня, негромко, неразличимо, но бесспорно.

— Что ты имеешь в виду? — Сузамун, нетерпеливый и испуганный, замедлил шаги.

— Судьба принца Кесара отмечена Печатью богини. Нет смысла сопротивляться ему, мой король.

Сузамун вздохнул. Ему хотелось вина и шума, шансарской тризны длиной в десять ночей, громких погребальных песен и тостов в честь ушедшего, которые утолили бы его печаль. Но все это уже случилось. А этой ночью за его столом будет сидеть Кесар. Сегодня в полдень он без лишнего шума прибыл обратно, проехав по городу неузнанным, таясь, как вор. Как, возможно, один из подосланных им убийц.

Связать Кесара с гибелью Джорнила не было никакой возможности — если не считать одежды, в которой погиб наследный принц. Но, невзирая на Печать богини, дипломатию, магию и прочие пустяки, Сузамун видел все происходящее под странно искаженным углом, с точки зрения того, кем он был когда-то — вождя племени из края знамений и саг. Если Кесар решил, что король пытается убить его, и в отместку подстроил убийство принца, переодетого в его костюм, чтобы обвинение в этом пало на Сузамуна, то по шансарским меркам это была месть высшего разряда. И король, расценивая это как месть, отнесся к ней с должным почтением.

Однако он не усматривал в этом никакой существенной угрозы лично для себя. Это было бы совершенно нелепо. Кесар был никем и ничем, он лишь на краткий миг завладел умами Висов. И даже после смерти главного наследника Сузамун и пять его братьев продолжали стоять между всеми остальными и престолом Кармисса.

Пламя на крыше дворца понемногу меркло. Огонь угасал, как угасала Застис в небесах, пламя любви, жизни и смерти, и тем показывал, что меж всеми этими вещами нет особой разницы.

Лето тоже вспыхнуло перед тем, как окончательно умереть. На деревьях шелестели листья, подобные язычкам пламени. Тростник на прудах и озерах пожелтел, затем почернел, закаты стали долгими и тягучими.

После Тьиса и Анкабека Рэм, повинуясь планам своего хозяина, ждал продолжения. Во второй половине дня, перед тем,

как отправиться в Ксаи, Кесар вызвал его к себе. Впервые Рэм оказался внутри этих скромных покоев вместо того, чтобы стоять на страже у их дверей. Судя по всему, способности юноши были замечены, и их хотели использовать еще раз — те самые способности, о которых Рэм уже почти год был счастлив не вспоминать... Аккуратно сочетая смутные угрозы и как бы ненароком врученные деньги, он сделал нескольких людей зависимыми от Кесара и вынудил их исполнять его волю. В результате Джорнил стал горстью праха, а Кесар возвратился в Истрис и обосновался в новых, куда более роскошных покоях, что явно доказывало его близость к королю.

Сложившееся положение не переставало смущать Рэма. Живущий за счет человека, чей холодный клинок ненависти, хоть и убранный до поры в ножны, всегда был готов нанести удар в спину, Кесар был сама безмятежность. Лишь напряженный застывший взгляд изредка выдавал истинное состояние его души. Эм Ксаи отдавал себе полный отчет во всем, что творится вокруг, и всегда был настороже. Его мозг не прекращал работать ни тогда, когда он пил вино Сузамуна, ни тогда, когда на улице к нему подбегали девушки, желающие поцеловать его. Такое положение, поддерживаемое ироническим осуждением Сузамуна и славой жертвы, могло продлиться долго — до тех пор, пока Висы Истриса мало-помалу не забудут и о хитрости Кесара, и о его роскошном въезде в город. Это лишь вопрос времени. И тогда, только тогда, ему будет подстроена какая-нибудь случайность. Кесар понимал это едва ли не более отчетливо, чем король.

Однако сам Рэм был весьма далек от спокойствия. Снова и снова он подумывал о том, чтобы оставить службу у принца. Это означало потерю приличного жалования, но Рэм прекрасно понимал, что при таком положении дел ему приходится опасаться и за свою жизнь тоже. Однако свободный полет без постоянного заработка ничуть не привлекал его. Имелось и другое обстоятельство, удерживающее Рэма — сам факт выполнения подобных заданий для кого-то привязывает исполнителя к этому человеку гораздо сильнее, чем страх или расчет.

Но, помимо всего этого, Рэма беспокоила еще одна вещь.

Это был второй припадок с видениями, случившийся с ним в Анкабеке почти сразу же после первого, так что теперь он днем и ночью пребывал в напряженном ожидании новых приступов. Даже сейчас он был готов к чему-то подобному. И в придачу — ночь в храме и статуя женщины-змеи, образ, столь необъяснимо знакомый ему...

В город пришли грозы, хлещущие, словно бичи. Ночи из прохладных сделались весьма холодными. Кесар вручил щедрые

дары королевскому совету и его главе, однако надо было придумать что-то еще, дабы обезопасить себя на время холодов — настроение в городе стремительно менялось. Буря повредила часть крыши храма Ашары. В ветреную погоду куски черепицы падали на улицу и разбивались. Шансарцы и Висы в равной степени были напуганы таким предзнаменованием, которое всегда можно истолковать в дурном смысле.

Скромно, но открыто, в своем обычном черном, сопровождаемый лишь двумя телохранителями, Кесар посетил храм, чтобы помолиться Ашаре о счастливом упокоении души Джорнила. Истрис, настороженный случившимся, наблюдал за этим не без одобрения.

Тоскливое письмо Лики каким-то чудом отыскало Рэма на квартире, которую он снял к тому времени. Торговец пенькой ослабел и стал капризен. Сама Лики тоже жаловалась на здоровье. Судя по всему, она нуждалась во враче, а ее покровитель, расстроенный из-за своих потерь, не желал посылать за ним. Плохо скрытая мольба о помощи была приправлена рассуждениями о том, как она всегда была добра к своему нелюбимому сыну. Всей душой ненавидя ее, но не умея поступить иначе, Рэм послал ей денег.

Спустя час его вызвали в нижний дворец.

Стрелы дождя без промаха били по улицам и по открытому двору. Кесар подошел к нему торопливо, спасаясь от ливня. Над их головами то и дело сверкали причудливые сполохи лиловых молний.

— Он придумал кое-что, чему не откажешь в разумности, — без предисловий начал Кесар, и Рэм понял, что речь идет о короле. — Он желает вернуть ко двору мою сестру. Я весьма дорожу ею. Поэтому ее легко можно использовать против меня.

Рэм кивнул. Кесар протянул ему запечатанный пакет.

— Отвези ей это письмо. Именно ей, понятно? И как можно быстрее. Твой скакун вон там, а в сумке хватит денег, чтобы купить другого, если загонишь этого.

— Анкабек, — протянул Рэм. Ему совсем не хотелось возвращаться в это место.

Кесар взглянул на него, и Рэм понял, что у него нет выбора. И снова он испытал нечто вроде страха. Его облекли доверием, большим, чем он способен был снести, и это доверие могло обернуться смертью, стоило лишь промедлить еще миг.

Весь путь пришлось проделать под дождем. Высокое небо над горной страной ревело и грохотало, а Иолийская дорога была липкой, как патока.

На побережье волны с неистовством обрушивались на берег. Поначалу никто не хотел перевозить Рэма, но когда он сунул рыбакам денег, те согласились, не переставая проклинать его. Правда, с берега волны казались куда страшнее, чем были на самом деле.

После обычного набора действий, сопровождающих высадку, его провели к храму по длинной, ведущей в гору дороге, под проливным дождем, красным от облетающей листвы священных деревьев.

Рэм провел в каменном здании три часа, пытаясь развести огонь пожарче, чтобы обсушиться, и время от времени делая попытки разыскать кого-то, кому можно сообщить, что он привез срочное послание для принцессы Вал-Нардии. В конце концов он оставил оба эти занятия и задремал — тогда-то за ним и пришли, и ему снова пришлось выйти под проливной дождь.

Его провели в храм, и в одном из двух изогнутых коридоров перед ним снова предстали магически открывающиеся двери. Он сам был поражен тем, до какой степени не желает вновь попасть под своды храма. Однако на этот раз коридор вел вниз, возможно, даже под центральную часть строения. Путь закончился в какой-то незначительной комнатке, которую внезапно озарил призрачный свет. Рэм понимал, что все это призвано произвести на него впечатление, но тем не менее не чувствовал ничего особенного.

Она была жрицей, белокожей жительницей Равнин с фиолетовым Змеиным Оком на лбу. Все остальное было золотым — волосы, глаза, чешуйчатые одежды, подобные памятному для Рэма занавесу. Золотом были покрыты также ее веки, губы и ногти. Никто не предупредил о ее появлении, и теперь она спокойно стояла, внимательно изучая Рэма, и под этим пристальным взглядом он ощутил, как его покидает большая часть воли.

— Тебя прислал принц Кесар?

— Да, — негромко ответил он. Ее голос звучал не по-человечески. Он был словно эхо — и не снаружи, а внутри него самого.

— Ты привез письмо для принцессы.

Так он и знал заранее.

— Что случилось? — спросил он. — В чем дело?

— Рарнаммон, — произнесла она в ответ. Именно так, не иначе.

Это напугало его, ибо не было объяснения тому, что она знает его истинное имя. Страх не позволил ему спросить об этом. Все, что он смог — лишь повторить свой первый вопрос:

— Так что же случилось?

— Ты пойдешь со мной и сам увидишь, что случилось, — ответила она. — Потом ты вернешься к ее брату, расскажешь ему о том, что увидел, и передашь все, что будет тебе сказано.

Они прошли по длинному коридору, слабо освещенному узкими, слишком высоко расположенными окнами, пока перед ними не оказалась железная дверь, похожая на вход в тюрьму. От этой двери вниз вели ступени, и вскоре два жреца в капюшонах распахнули перед ними еще одну дверь.

Как и в прошлый раз, Рэм чувствовал себя беспомощным и лишенным воли, увлекаемым куда-то в бездну. В голове его возник звон, он вновь ощутил себя во власти непонятной стихии, как незадолго до того в рыбацкой лодке — мир вокруг стал хаосом.

Теперь вокруг тянуло дымом благовония, непохожего на те, что использовались в храме Ашары — более неуловимое, более темное, пропитывающее все вокруг. Прежде ему доводилось слышать, что здесь вообще не воскуряют благовоний. Прозрачный занавес откинулся в сторону, за ним второй. Все эти благовония и завесы окутывали происходящее таинственностью. Рэм ощущал странную пустоту в глубине тела, словно был голоден. Откуда-то донеслось пение — монотонные звуки, сгустившиеся вокруг него, одно и то же повторяющееся слово, а может быть, это лишь чудилось ему — «Астарис, Астарис, Астарис...»

Внезапно звуки замерли, дым благовония развеялся. Рэм и жрица вошли в самое обычное помещение без окон, освещенное факелами. В центре комнаты стояла то ли кровать, то ли кушетка, накрытая тканью. Золотая жрица, сверкающая в свете факелов, потянула за шнур, и драпировки соскользнули.

На кровати лежала молодая женщина, которую Рэм несколько раз мельком видел в Истрисе и более отчетливо разглядел здесь — принцесса Вал-Нардия. Она спала, ее волосы рассыпались по подушкам, придавая им глубокий кровавый цвет. В следующий миг он заметил кое-что еще: под черной рубашкой ее живот высоко вздымался, своей округлостью оповещая о ранней беременности.

— Да, — кивнула жрица на его мысленное замечание. — Теперь подойди ближе, но ничего не касайся.

Против воли Рэм повиновался. Теперь он отчетливо видел ужасные отметины на шее. Каким-то немыслимым образом здешним обитателям удалось придать лицу вид живого — язык принцессы не вываливался изо рта, а глаза из глазниц.

— Кто это сделал? — пересохшими губами спросил Рэм. То, что это работа людей короля, он не заподозрил и на миг.

— Вал-Нардия сама ушла из жизни. Она отчаялась. Она так и не успела ничему научиться.

Непроизвольно скривив губы в презрительной усмешке, Рэм резко повернулся к жрице. Ее лицо вовсе не было безмятежным, наоборот, оно выражало искреннюю печаль — но эта печаль относилась исключительно к последней из произнесенных ею фраз.

Тогда он спросил:

— Когда она сделала это с собой? Вчера? Или даже сегодня?

— Несколько месяцев назад, — спокойно ответила жрица.

Он хотел возразить, что это невозможно, но смешался и замолчал. Наконец он задал другой вопрос:

— Как вам удалось сохранить ее... такой?

— Настоящие лекарства, настоящие травы. И конечно, кое-какие приемы из тех, что считаются магией среди Висов. Способы, известные в древних храмах. Однако это сделано не для того, чтобы надругаться над нею, Рармон. Ее тело пусто, ее дух свободен. Мы сохраняем тело лишь для того, чтобы выжил младенец в ее чреве. Когда наступит срок, мы извлечем ребенка из материнской утробы, и тогда ее тело обретет свободу смерти.

То, что жрица употребила это сокращение его имени, потрясло Рэма едва ли не больше, чем его полное древнее имя из ее уст. Его бросило в пот, хотя в комнате было холодно.

— Этот ребенок важен, — выговорил он. — Важен для вас.

— Разумеется, важен.

— Но почему? Как вы узнали об этом?

Она улыбнулась, и Рэм снова был удивлен — чистокровные представители ее расы улыбались не так уж часто. Может быть, потому, что слишком много страдали в течение долгих веков. Ее улыбка мягко и вместе с тем насмешливо говорила: «Ты знаешь наши возможности». Но, воздев руки грациозным движением, словно в висском театре, вслух она произнесла лишь одно слово:

— Анакир.

Он еще раз бросил взгляд на мертвую принцессу и тотчас отвел его в сторону. В его мозгу словно раздавался некий шепот, смутно напоминающий о том, что он хотел забыть. Его внутренний взор видел трех женщин — со светлыми, темными и красными волосами — и ясно различал чрево каждой из них, как и то, что находилось в чреве...

— А отец? — спросил он, как о само собой разумеющемся.

— Вернись к нему и расскажи о том, что видел, и о том, что я тебе поведала, — ответила жрица.

— Значит, вы знаете, что отец ребенка — ее брат.

— Так же, как и ты знаешь это, Рармон.

— Не называйте меня так.

— Это твое имя.

Он ощутил слабость. Ему захотелось немедленно покинуть эту комнату, и он кинулся к двери.

— Больше не могу, — бросил он на ходу.

В соседней комнате оказались несколько женщин, которых он не заметил раньше. Невзирая на тошноту, сейчас он немного успокоился, словно от дуновения ветра или ледяной воды.

Когда они поднялись наверх, он сказал жрице, желая, чтобы кто-то подтвердил для него реальность и нормальность всего увиденного:

— Тогда я отвезу письмо назад, ему.

— Да, — ответила она, — так же, как было отправлено назад другое послание.

— От Сузамуна? — так и замер Рэм.

— От короля.

— Его гонец был тут раньше меня?

— Да, он уехал вчера. Секретное поручение. Но мы умеем хранить свои секреты ничуть не хуже. Посланец короля знает далеко не все из того, что я рассказала тебе. Однако король получит весть о ее смерти раньше, чем об этом узнает принц.

Хотя подземелье храма осталось позади, сейчас Рэм уже бежал. Он мчался через весь остров под струями дождя. На берегу он набросился на хозяина лодки, повалил его наземь и в кровь разбил ему губы, чтобы заставить снова спустить лодку на воду.

Возвратившись на материк, он едва не загнал насмерть сперва одного зееба, а затем и другого, которого ему пришлось украсть, ибо продать его отказались.

По дороге в Анкабек из головы у него не выходило, что вот она, возможность уйти со службы у Кесара. Вдоль берега располагалось немало других портов. Он мог рискнуть и наняться на какую-нибудь старую торговую посудину, чтобы перебраться через пролив в Дорфар. Но нет, только не сейчас. Между приступами безумных видений и размышлениями о странностях храма Рэм все время видел Кесара с его сестрой — то в подземелье, то на вершине холма. Изгнанник из мира обычной, разнополой любви, он был очарован образами их близости, словно некими таинственными обычаями, которых он никогда не знал и не желал знать. В них таилось безумное очарование совершенно чуждых ему вещей. Их близкие отношения не затрагивали его расчетов, хотя, возможно, могли объяснить причину самоубийства Вал-Нардии.

Больной или здоровый, Кесар всегда смотрел на нее таким взглядом, какого Рэм не замечал за ним ни в каких других

случаях. И теперь король получит весть о ее смерти раньше, чем брат.

Мимолетно Рэм подумал, что Сузамун может этим воспользоваться.

У каменщика была тусклая нездоровая кожа — казалось, на нее отбрасывают тень его светлые волосы, которыми тот втайне гордился и носил их длинными, согласно велению моды. Двое солдат пришли к нему домой и привели его сюда с массой предосторожностей, окольными путями, вынуждая молчать и обещая щедрую награду, а острия их мечей так и сверкали в свете факелов. Человек, сидящий перед ним в кресле, был Кесар эм Ксаи. Каменщик никогда не видел его, но ему доводилось слышать, как описывали принца. Похоже, что Кесару тоже было известно о нем кое-что. Парочка таких вещей, о которых сам каменщик предпочел бы забыть...

— Должен ли я считать, что за мной следили, мой господин?

— На твоем месте я считал бы именно так.

— Но какой интерес может испытывать ваша светлость...

— Храм Ашары, — уронил Кесар эм Ксаи. Каменщик так и разинул рот от изумления. — Тебе поручается ремонт кровли вокруг Восточного купола.

Каменщик кивнул. Он был рад такой ответственной работе, которая, будучи хорошо выполнена, принесет ему почет и приличное вознаграждение. В нескольких местах кровля съехала с места из-за бурь, сделавших очевидной ее ненадежность. Однако Восточный купол был ее самой головоломной частью — слишком велик был его вес, слишком много украшений требовалось сохранить.

— Есть мнение, что, оставшись неукрепленной, эта часть кровли может полностью обрушиться, — произнес Кесар. — К примеру, во время снегопада.

— Да, господин принц, в самом деле. Весьма вероятно. Тяжесть снега и холод сделают всю конструкцию хрупкой, расшатают ее. Это очень опасно. Часть перекрытия может упасть прямо внутрь храма.

— Когда? — спросил Кесар.

— Что «когда», мой господин?

— Когда это может произойти, если оставить все как есть?

— Уже начато восстановление...

— Отвечай на вопрос, который я задал.

— Будьте уверены, принц Кесар, даже если сейчас вообще не трогать кровлю, это произойдет не раньше, чем через несколько лет.

Каменщику не хотелось встречаться взглядом с темными висскими глазами принца, однако пришлось. С замирающим сердцем он услышал слова Кесара:

— Вот увидишь — не только перекрытие, но и весь Восточный купол упадут внутрь храма раньше, чем закончится первый месяц снегов.

Каменщик едва не лишился сознания. Он смутно ожидал чего-то, но уж никак не этого.

— Но, мой господин...

— И случай для этого представится, — ровно продолжал Кесар, — во время какого-нибудь религиозного ритуала, когда будет присутствовать весь двор. Разумеется, и сам король, и его братья.

Каменщик упал на колени. Ноги отказывались держать его, он едва не обмочился. Услышанное означало, что с этого мгновения он под неусыпным наблюдением — и под угрозой быстрой смерти от рук людей Кесара, если выдаст или хотя бы попытается раскрыть замысел принца. Невозможно было сообщить об этом яснее. Восточная часть храма считалась традиционным королевским местом — прямо напротив статуи богини. Если купол упадет, то сокрушит все под собой в пыль... в месиво...

— Вижу, ты обдумываешь мои бесхитростные слова и то, что должно за ними последовать.

— Вы убьете меня в любом случае, — прохрипел каменщик. — Даже если мне удастся сделать это, разве могу я рассчитывать на жизнь после такого?

— Булочник, который подсыпает яд в свое тесто, быстро остается без покупателей. Позволь удивить тебя: если могу, я веду честную игру. Те, кто служат мне, не остаются без награды. Боль в уплату получает лишь тот, кто навлек на себя мой гнев. Твой выбор прост: согласишься — будешь в выигрыше, откажешься — получишь возмездие за все свои грехи. Если мне покажется, что меня хотят предать, ты рискуешь потерять свое положение и, может быть, найти конец на дне залива.

По-прежнему стоя на коленях, каменщик начал всхлипывать. Кесар внимательно наблюдал за ним.

— Но разве возможно обрушить все в такие точные сроки?

— Тебе помогут. Завтра кое-кто зайдет к тебе домой, чтобы обсудить подробности. Ошибки быть не должно. А теперь убирайся. Твои слезы и моча, которой ты залил пол, ничего не изменят.

Когда каменщик ушел — потайными путями, имевшимися в новых покоях, — Кесар направился к себе в спальню. Девушка,

которую он привез из Ксаи, рассматривала лежащую перед ней раскрытую книгу с золотым обрезом. Разумеется, читать она не умела.

При звуке его шагов она вскинула глаза и поклонилась ему. Она была не лишена привлекательности, здорова и еще больше похорошела от питательной и полезной еды, которую ей давали теперь. Кроме того, она была слабоумной. Такое сочетание свойств вполне устраивало Кесара. Сейчас ему не был нужен никто, включая шлюху в постели, кому он не мог бы всецело доверять.

Он подумал о Вал-Нардии. Ей должно было хватить здравого смысла, чтобы поступить так, как он велел ей в письме — притвориться больной и не допустить, чтобы ее увезли из святилища.

При мысли о ней он ощутил непонятную пустоту, точно отмер какой-то воспаленный нерв. В Анкабеке он напился с ней огня. Та единственная ночь стоила всей поры Застис. Почему же сейчас, когда он вспомнил о ней, пришло ощущение потери? Неужели он пресытился, как пресыщался всеми остальными? Нет, здесь было что-то иное.

Он отбросил задумчивость и сделал несколько шагов к своей надежной девушке, что когда-то приносила ему вино. Вроде бы еще осталось время до того, как, согласно придворному распорядку, начнется обед...

Времени не осталось. Снаружи о мраморный пол ударили копья, раздался стук в дверь. Его вызывал Сузамун.

Опасений у Кесара было не больше, чем в любое другое время. Он жил, оберегаемый своим незримым внутренним часовым, все время чуя возможную опасность, как зверь. Это не доставляло ему ни неудобства, ни удовольствия — он просто пользовался этим чутьем, ибо таков был его образ жизни. Тех, кто жил иначе, Кесар считал бездельниками или дураками.

Цвет светлого двора Сузамуна собрался не в обеденном зале, а в одном из боковых покоев с расписанными стенами. Зрелище было вполне обычным — бродили слуги, королевские приспешники небрежно взирали на окружающее, прихорашивались или хмурились. У фонтана двое советников обсуждали столь легкомысленную тему, как гонки колесниц в Иоли. Кесар кивнул им, они поклонились. Рядом с королем стояли его братья — Уль и еще один, сводный, со шрамом на лице, тоже из числа фаворитов. Однако что-то было не так, и в следующий миг Кесар понял, что именно — не слышалось громкой музыки, которая доставляла такое удовольствие шансарскому двору.

— Иди сюда, Кесар! — внезапно крикнул Сузамун через всю комнату.

Его тон казался доброжелательным, как и все время после вызова из Ксаи. Обычное прежде обращение «висская собака» больше не употреблялось. Но сейчас в оклике короля имелся другой оттенок. В его голосе звучала глубина, какая бывает у жреца, произносящего слова священного ритуала.

Кесар направился вперед. Он выглядел невозмутимым, однако его настороженность возросла до немыслимых пределов.

Он был еще шагах в тридцати от короля, когда Сузамун опять заговорил в необычном тоне:

— Кесар, сегодня я получил плохие новости. Очень плохие.

В мозгу Кесара мелькнуло предположение, что его посланец встретился по дороге с секретным гонцом короля. То есть Вал-Нардия уже получила приглашение ко двору и отказалась от него, и теперь речь идет о доверии к нему, Кесару — обвинение, замаскированное сожалением, возможно, вежливый приказ уговорить сестру вернуться.

Теперь Сузамун сам шагнул навстречу ему. Его лицо прорезали морщины, на нем не читалось ничего, кроме оцепенения. Толпа в покоях затихла, превратившись в глаза и уши.

— Очень плохие новости, — снова повторил Сузамун. Кесар замер в ожидании.

— Я скорблю, слыша это, мой повелитель.

— О да. Увы, у тебя есть несомненный повод для скорби. Не прошло и двух часов, как из Анкабека доставили эту весть. Твоей сестры... — королевский голос дрогнул, в нем послышалось колебание. Кесар продолжал ждать. — Твоей сестры, принцессы Вал-Нардии, больше нет в живых.

Те, кто стоял ближе к принцу, увидели, как все краски исчезли с его лица, точно порыв ветра загасил светильник. Но и только. Он не произнес ничего. Король подошел к нему и взял за руку в знак соболезнования. По комнате из конца в конец пронесся шепоток, и вновь стало тихо.

— Мне претит еще больше отягощать твою потерю, однако я обязан это сделать, — громко произнес король. — Вал-Нардия повесилась. И еще... она ждала ребенка. Она убила себя и его. Одна богиня знает, что заставило ее пойти на такое.

Разумеется, они говорили по-шансарски. Но теперь Кесару показалось, что он никогда не знал этого языка — фразы долетали до него без всякого смысла. Комната наполнилась туманом, пол ушел у него из-под ног. Так вот откуда явилось ощущение пустоты, гибели нерва, вот что вызвало ночной кошмар

в Ксаи...

Он словно утратил контроль над своим сознанием, и сквозь него одно за другим поплыли видения: маленькая девочка смеется; юная девушка поет, краснеет от смущения, расчесывает волосы; молодая женщина обнимает его и прижимается своими губами к его губам.

Наверное, можно уйти отсюда... Нет, невозможно. Обманчивый туман предательски полон народа. Враг в волнении сжимает его руку. Действо продолжается. Сейчас надо выказать страдание, приличествующее случаю — и ничего более.

Она повесилась. Вал-Нардия убила себя. И ребенок, их... его ребенок...

Наверное, его руки похолодели, словно он сам уже был мертв. Сузамун не мог не ощутить этот холод, ибо все еще сжимал ладонь принца. Но, по крайней мере, ладонь эта была тверда и не дрожала.

Кесар ответил на пожатие королевской руки.

— Мой повелитель, — произнес он. Голос его был выразительным, хотя и приглушенным, словно был специально поставлен для сцены. — Вы проявили слишком большую заботу, взяв на себя труд лично донести до меня эту весть. Я недостоен вашей доброты. Что до моей сестры, то я ничего не знал о ребенке и не берусь судить, почему она сделала это с собой. Богиня забрала ее к себе. Сейчас Вал-Нардия с Ней, в Ее всезнающих и прощающих руках. Моя печаль иссякнет лишь вместе с моей жизнью. Едва ли можно выразить, мой повелитель, насколько поддерживают меня в этот миг ваши утешения.

В тумане вокруг принца перешептывались на его счет. Он даже смог улыбнуться. Сузамун выпустил его руку, но их взгляды оставались скрещенными, и Кесар знал, что его глаза кричат громче, чем лицемерие короля. Что ж, пусть Сузамун читает в его взгляде все, что ему вздумается. Скоро это перестанет иметь значение.

Она пронеслась по воздуху, словно музыка, ее светлые одежды и кроваво-красные волосы отражались в полированном полу. Она летела с цветами, ей было десять лет, ее маленькая грудь едва проступала под платьем, за руку она тащила куклу. «Кесар, где ты? Я не могла найти тебя».

Вал-Нардия...

Он пил вино с этими людьми и отправился с ними к столу. Он даже ел вместе с ними. Он разговаривал с ними на отвлеченные темы. Эти люди выражали сочувствие его потере. Они произносили соболезнования, превозносили ее красоту, и он благодарил их с огромной учтивостью.

Ему хотелось растерзать их на куски, содрать кожу, раздробить кости.

Не будет ничего странного, если король отпустит его немного раньше — но не слишком рано. Она была всего-навсего женщина, даже не его жена или мать, много меньше, чем друг, отец, брат, сын... Хотя, возможно, он потерял и сына тоже, но этого им знать уж точно не следовало.

Выждав подобающее время, он испросил позволения уйти и покинул королевские покои.

За два часа до рассвета Рэм оказался у дверей новых покоев принца. Показав двоим часовым-Седьмым бумагу с подписью Кесара, он вошел. Рэм слишком много времени провел в седле, а не спал еще дольше. Он не сомневался в том, что прибыл слишком поздно, хотя изо всех сил пытался двигаться быстрее.

Оказавшись в первой комнате, он огляделся. Светильники все еще горели на своих подставках. К стене прижималась девушка из Ксаи, Беринда, ее телячьи глаза были полны неизъяснимого страдания. Она ничего не сказала. Рэм подошел к внутренней двери и постучал. В ответ не донеслось ни звука. Тогда Рэм распахнул дверь и вошел в спальню.

Здесь не горели светильники, лишь слабый свет луны проникал через окно. Напротив окна был отчетливо виден стройный мужественный силуэт Кесара.

— Мой лорд, это я, Рэм.

— Я знаю, что Рэм. Будь ты кем-то другим, ты не прошел бы мимо часовых. Они не спят. Никто из вас не спит после порки, — голос его звучал ровно и спокойно.

— Мой лорд, я пытался добраться до вас прежде, чем король...

— Нисколько не сомневаюсь.

Повисла пауза. Потом Кесар спросил:

— Где ее похоронили?

Рэм не был уверен ни в чем. Он слишком устал и не имел сил оценивать обстановку. Но надо было говорить.

— Мой лорд, кто-нибудь упоминал о ее беременности?

— Да. Мне сообщили об этом.

— Тамошние жрецы считают, что могут сохранить ее до нужного срока.

Кесар не шевелился и молчал.

— Каким-то образом им удалось удержать ее тело на грани жизни и смерти. Они утверждают, что могут какими-то магическими зельями поддерживать ее в таком состоянии, пока не родится младенец. Может быть, это ложь. Однако все

выглядело очень убедительно, и вполне может случиться именно так, как сказала мне та женщина.

— Отлично, — отозвался Кесар так, словно все изложенное было вполне вероятно. Чуть помолчав, он продолжил: — Я отправлюсь туда. Он только и ждет этого, он доволен тем, что у меня горе. Он думает, что моя поездка будет напрасной, но я хочу сам убедиться во всем. Ты сделал все, что мог. Теперь убирайся.

— Мой лорд, поняли ли вы...

— Нет. Это полная бессмыслица, как и все остальное. Убирайся.

— Мой лорд...

— Во имя несуществующих вонючих бездн Эарла — убирайся. Иди развлекайся со своим мальчиком-шлюхой или выпусти кишки своей сварливой мамаше. Все, что угодно, только прочь от меня, — Кесар слегка возвысил голос и повернулся. В руках он держал нижнюю половину разбитого кувшина, снова и снова крутя ее в пальцах. На дне черепка плескалась темная жидкость — то ли вино, то ли кровь. Лунного света хватало, чтобы разглядеть: Кесар плачет. Не скрытно, хотя ни поза его, ни голос не выдавали этих слез, но горько и безутешно, как ребенок.

Рэм отступил на шаг, повернулся и вышел из спальни. Закрыв за собой дверь, он услышал короткий смешок Кесара, в котором звучало презрение.

В конце концов никто не попытался расследовать то, что произошло в Анкабеке. Король, похоже, желал держать Кесара возле себя, обеспечивая принца удобствами и поддерживая его. Даже если то, что Кесар быстро пришел в себя, раздражало Сузамуна, он ничем не выдал этого. Король разобрался в правилах игры — по крайней мере, так ему казалось — и теперь играл со всем азартом интригующего увлечения.

Кесар не говорил о Вал-Нардии на людях, да и в частных разговорах не задавал вопросов о месте ее захоронения и не слушал сказок о Равнинном колдовстве, будто бы позволяющем ребенку развиться в утробе мертвой матери. Посланцу короля показали скромный камень, якобы установленный на месте ее сожжения близ храмовой ограды. Для почитателей богини самоубийство не было ни грехом, ни почетным уходом из жизни. Ни о каком позоре не было и речи. Для мелкой аристократки было сделано все необходимое.

Кесар, казалось, безропотно принял и королевскую благосклонность, и глухую стену смерти. Многие считали его нынешним королевским фаворитом. Его достойное переживание столь очевидно тяжелой утраты вызывало восхищение.

Спустя несколько дней после своей безумной скачки из Анкабека, проходя нижним городом, Рэм встретил Дорийоса под охраной старика-черепахи из Дома Трех вскриков. Дорийос подошел к нему — тонкий, изящный, с безукоризненными манерами, — остановился и произнес:

— Я давно уже не виделся с тобой.

Рэм улыбнулся, но эта улыбка относилась скорее к красоте Дорийоса, сияющей, как светильник в ненастный день.

— Мне жаль, что так получилось.

— Жаль меня — или себя самого?

Рэм снова улыбнулся.

— Значит, теперь ты влюблен в него, — просто сказал Дорийос. Улыбка на лице Рэма тут же погасла. — Я говорю о твоем господине, — пояснил юноша. — О твоем принце.

— Очнись, — ответил Рэм. — Перестань говорить, как невинная девица. Это именно то, чего я всегда избегал.

— Ты уже научился речам влюбленных, — Дорийос опустил ресницы.

Рэм пошел прочь, оставив бывшего любовника стоять, где стоял. Свет его красоты медленно поблек для него, как блекнет небо на излете лета.

Небо стало свинцовым, задули сильные ветры. Потом все стихло, сделалось серым и спокойным. Теперь небо превратилось в низкий потолок из тонкой слоновой кости, наглухо скрывший солнце и вот-вот готовый просыпаться снегом.

Ральднор эм Иоли с привычной небрежностью опирался о колонну крытой прогулочной галереи, втайне любуясь собой, яркостью своих белокурых волос, оттененной темным мехом плаща и соперничающей со слепящей белизной заснеженного сада.

Когда на Истрис упали первые снежинки, он осознал, что вновь стал изгоем для высшего общества. Первая оттепель принесла ему положение на периферии двора. Теперь пришла пора второго снегопада, снега, который лежит не менее трех месяцев — город затянуло Равнинной белизной, в гавани потрескивал лед. Ральднор же сейчас гулял по королевским садам, дружески беседуя с влиятельным чиновником. Остановившись среди колонн, он заметил лорда-правителя, главу королевского Совета, который медленно и задумчиво бродил, сопровождаемый своей свитой. Когда они поравняются друг с другом, то волей-неволей обменяются несколькими вежливыми словами.

Ральднор был доволен собой. Он помогал Кесару, многим

рискуя ради него, однако все было очень аккуратно продумано. Кесар был словно особо отмечен печатью истинного превосходства. Его безжалостность и магнетическая сила его личности, отточенная постоянным применением, были приметами величия.

Создатель королей. Вот титул, с которым заигрывал Ральднор.

Он вложил часть собственных доходов, чтобы помочь подкупить совет. Сейчас все его члены стали сговорчивы и легко склоняемы к любым решениям. Золото Кесара, так изумляющее всех, кто считал его погрязшим в нищете, приумножалось благодаря аккуратному обращению надежных банкиров, а также благодаря рискованным торговым предприятиям, приносившим постоянный, хотя и тайный доход. Кесар начал заниматься этими делами еще в тринадцать лет. Уже одно это достаточно впечатляло, как и то, что, даже будучи мальчишкой, он ничего не расточал понапрасну и жил так, словно на самом деле был беден, позволяя деньгам умножиться и не выставляя их напоказ, пока не понадобится.

Лорд-правитель был уже почти рядом, полу-Вис, полу-вардиец, как и сам Ральднор, но с темными волосами и более смуглой кожей — одна из подачек Сузамуна для ублажения народа.

— Добрый день, лорд-правитель.

— Доброе утро. Только очень уж холодное.

— Придется терпеть до весны, мой лорд.

Лорд-правитель остановился, за его спиной встал секретарь, чуть поодаль — телохранитель. Остальные участники прогулки не могли не заметить, кто остановил лорда-правителя Истриса.

— Должен поблагодарить тебя за вино, Ральднор. В такую погоду вино этого урожая просто великолепно.

Ральднор поклонился. Два кувшина, о которых не упомянул собеседник, были богато отделаны драгоценными камнями и металлами.

— Завтра мы возносим благодарение за нового наследника, — продолжил лорд-правитель. — Хвала Ашкар, что плач по сыну столь быстро сменится гимнами радости в честь рождения другого!

— Да, это так.

Они продолжали стоять, восхваляя благость Ашкар.

В первый день снегопада у одной из надменных шансарских жен Сузамуна родился мальчик. По древнему дорфарианскому поверью это значило, что вернулась душа Джорнила. Завтра весь двор должен был сквозь снегопад проследовать на колесницах к

храму Ашары, где как раз сейчас была приостановлена до весны работа по ремонту кровли. Строительные леса поднимались до самого верха, как фантастический лес, и вся конструкция надежно удерживалась рычагами и кронштейнами.

— Перед тем, как отправиться в храм, непременно выпью чашу твоего доброго вина, — произнес лорд-правитель. — Думаю, что в храме будет не слишком тепло.

Он направился дальше, оставив Ральднора эм Иоли в полном удовлетворении. Сам Ральднор не должен был присутствовать на церемонии в храме. Для его отсутствия не было никакой причины. Создателю королей просто ничего не сообщили.

Над заливом гулял сильный ветер, по улицам клубилась снежная пыль. Сквозь нее пробирались члены королевского дома. Шансарские лошади вязли в снегу и скользили на ледяных коврах.

Как и ожидалось, внутри храма не было тепла, сквозняки заставляли дрожать пламя светильников. Но Ашара, стоящая в восточной части храма на сверкающем рыбьем хвосте, укрытая лишь резными волосами, не чувствовала холода.

Младенца грела не кровь, а благовония. Разноцветные стекла в высоком окне окрашивали своими отсветами дым курильниц, сквозь который сейчас несли нового наследника, успокоенного сонными зельями, чтобы показать его богине.

Сузамун стоял в тени ее четырех правых рук, позади него — Уль и младшие братья со своими сыновьями, избранная знать. Многие ожидали, что принц Кесар будет находиться рядом с королем. Однако Кесар снова повторил ту же самую ошибку. До недавнего времени скромный и достойный, он в конце концов выказал столь же ясно, как и после возвращения из Тьиса, насколько мало ценит королевскую милость. После этого последовало особое распоряжение, относящееся к его месту в храме. Сузамун, к этому времени мягкий как бархат, лично проследил, чтобы принц Кесар стоял как можно дальше от него.

Медленно тянулась церемония, которую в Шансаре полагалось проводить на голой скале или в какой-нибудь хижине перед идолом.

Среди песнопений сверху послышался невнятный треск, на который почти никто не обратил внимания. Из членов королевской семьи один принц Уль инстинктивно бросил взгляд наверх, прочие, обратив взоры к королю, увидели, как тот улыбается и кивает. Как и большинство остальных, он принял этот шум за одинокий порыв ветра, налетевший на какую-то плохо закрепленную подпорку. Перед церемонией придворные

чиновники обследовали состояние крыши и признали его безопасным.

Среди нескольких человек, вскинувших головы наверх, не было принца Кесара. Он тоже слышал этот странный звук, однако отлично знал, что это такое.

Спустя пять или шесть минут послышался другой звук, вынудивший жрецов прекратить пение. Поначалу едва различимый, но постепенно нарастающий, он напоминал шум водопада. Сверху посыпалась пыль, заклубилась в воздухе и осыпала алтарь.

Теперь вверх посмотрели уже почти все, кто был в храме. Чистый бледный свод над головой богини выглядел вполне прочным. Затем раздался оглушительный грохот. Заплакали женщины, послышались крики. На площади перед храмом кричали еще громче. Огромный пласт снега соскользнул с крыши и обрушился наземь. Народ немедленно осознал, что происходит, хотя обычно подобных вещей не случалось до весны. Волна понимания накрыла присутствующих с головой. Все увидели, как Сузамун улыбнулся еще раз и шагнул вперед, под прикрытие рук богини.

И тут раздался пронзительный женский вопль.

На своде появилось множество трещин, покрывших его, словно гигантская паутина. Затем он раскололся, как скорлупа яйца. С громом, в вихре белой пыли восточная крыша рухнула в храм. Многотонная кладка полетела вниз с быстротой стрелы, осколки ее ударились оземь и разлетелись во все стороны, поражая камень и плоть. Огромное многоцветное окно раскололось.

Долгое эхо сильнейшего грохота смешалось с криками ужаса и агонии. Устрашающий столб пыли встал от земли до самых небес. Сквозь эту пыль было почти невозможно разглядеть что-либо, кроме беспорядочно мечущихся фигур и отдельных бликов огня от раздавленных светильников. И среди всего этого виднелось жуткое, невозможное зрелище — силуэт богини Ашары с наполовину снесенной головой напротив разбитого цветного окна, сквозь которое в храм врывался холод.

Лоб принца Кесара кровоточил, задетый осколком камня, однако он первым призвал своих людей к немедленным действиям. Пренебрежение Сузамуна обеспечило ему место в стороне от главных разрушений. Теперь он, казалось, был потрясен тем, что остался жив, но остальные вокруг него могли лишь бессмысленно взирать на происшедшее. Кто-то пытался отползти, многие взывали к своим богам (и далеко не все — к Ашаре).

Кесар повел два десятка своей гвардии, находившихся в храме, прямо в глубину столба пыли. Тут же из углов на помощь им бросились стоявшие там люди. Знать наравне с простыми солдатами вытаскивала из-под немыслимых завалов окровавленные, задыхающиеся, покрытые пылью тела. Сам Кесар работал наравне со всеми в какой-то леденящей лихорадке. Некоторые из блоков кладки оказались не под силу людям, нужно было привлечь зеебов. Рабы в ужасе бежали из храма. Повсюду стоял ужасающий общий крик.

Поначалу из-под камней удавалось извлечь только мертвых. Уль лежал на алтаре с расколотым черепом, рядом с ним — главный жрец. Младенец, новый наследник, оказался раздавлен этими двумя телами.

Когда люди Кесара освободили лицо Сузамуна от битого камня, тот был все еще жив. Кесар быстро подошел к нему и опустился на колени. Грудь короля придавил камень непомерной величины. Изо рта у него струйкой бежала кровь. Его глаза медленно обратились к принцу.

— Держитесь, мой повелитель. Сюда ведут зеебов, чтобы поднять этот камень.

Столб пыли постепенно рассеивался, сквозь него стали видны совершенно не задетые или легко раненые люди, столпившиеся вокруг. Ужасающий общий крик перешел в не менее ужасающие приглушенные стоны без слов.

Кесар не отходил от короля, пока в разрушенный храм не привели животных, презрев святость места. После этого он поднялся и принялся помогать работам по разбору завалов.

Как и предполагалось, никто из тех, кто находился в центре под Восточным куполом, не уцелел. Четверых младших братьев короля с трудом опознали. Сводный брат короля со шрамом на лице лежал, убитый упавшей рукой Самой богини. С груди Сузамуна сняли камень, он пытался взглянуть на свои раны, однако никто не сомневался в том, что он не протянет долго. Было непонятно, как вообще он смог столько продержаться под такой тяжестью.

Его голову приподняли и осторожно положили на подушки, чтобы он мог видеть небосвод над собой. Подошел едва держащийся на ногах жрец и зашептал молитву. Кесар снова опустился на колени. Толпа молча наблюдала, а в разбитое окно врывался снежный ветер.

Через несколько мгновений Сузамун умер.

Если он и понял, что произошло, то был не в состоянии вымолвить ни слова. А Кесар, перепачканный своей же кровью, с таким изяществом и таким непоколебимым упорством продолжал

стоять на коленях перед человеком, которого убил. Никто из тех, кто видел его, не смог бы забыть, как он выглядел в своей судорожной попытке спасти короля, и в каждой его черте сквозил врожденный аристократизм.

Однако в конце концов все увидели знамение в том, что случилось. Все выглядело так, будто сама Ашара предала проклятию Сузамуна и весь его дом. Это было более чем понятно любому.

Правда была известна только инженерам. Полость под верхним слоем кровли, скрытая от посторонних глаз, и маленький огонек, оставленный рядом с горшочком нефти, были придуманы и просчитаны далеко отсюда. Вся эта схема математически выстраивалась опытными людьми, знакомыми с величинами и архитектурными формами, а также людьми, сведущими в убийстве. Когда загорелась нефть, огонь перекинулся на точно сбалансированные опоры купола. Все было тщательно продумано, оставалось лишь привести план в исполнение, дождаться момента, когда куполу должно неминуемо обрушиться. Исполнению замысла способствовали небрежение чиновников и погода, а может быть, сама судьба. Или Ашара.

Тем не менее имело смысл побеседовать с каменщиком и теми людьми, которые работали на восточной крыше. Но ни одного из них не удалось найти. Было решено, что они бежали от руки правосудия.

Совет расположился в комнате с картой на стене, прямо под мозаикой.

По городу все еще разносился траурный звон колоколов, а над дворцовой крышей снова озаряло полночную тьму красное око погребального маяка. Вторая жена Сузамуна, мать ребенка, погибшего вместе с ним, лишила себя жизни часом позже. Они были отважными и порывистыми, эти женщины Шансара. Ее положили рядом с мужем, ребенок покоился у нее в руках. Братьев поместили в нескольких шагах от короля. Семья собралась вместе в последний раз — и навеки.

Теперь Истрис и весь Кармисс ждали известия о том, кто примет бразды правления. В том, кто станет королем, сомнений не было — старший из оставшихся наследников, семилетний принц Эмел. Однако, учитывая то, что он был еще ребенком, следовало назначить регента и прочих охранителей его статуса. Уль с братьями и всеми их законными старшими сыновьями погиб вместе с Сузамуном. Это была самая настоящая катастрофа, из тех, что остаются в легендах. Теперь предстояло сделать выбор

из множества полукровок или младших сыновей, которые сами были слишком молоды и никому не известны. Они не принимали никакого участия в политической жизни города.

Уже разгорались споры. Обсуждалось, что лорд-правитель сам может предпринять шаги к регентству, оставив прочих далеко позади. Из углов, где сидели люди, купившие место в совете и поддерживающие то ту, то другую позицию, доносились короткие презрительные насмешки. Однако по большей части эти выходки исподтишка были возмущением спокойствия и не более того. Лорд-правитель заставил их умолкнуть и заявил, что у него нет склонности к регентству, даже не возникало подобного желания.

В этот момент в центр протиснулся человек, жестом показавший, что желает говорить.

Шансарские обычаи племенных советов сильно размыли стандартные кармианские установления. Во времена Висов подобное было невозможно. Однако лорд-правитель сделал знак:

— Мы согласны предоставить вам слово, Ральднор эм Иоли.

Ральднор шагнул вперед и огляделся. Он привык командовать кораблями, когда ему поручали это; данное собрание совершенно не вдохновляло его.

— Мой лорд-правитель и вы, господа — слушайте. Когда взошла Застис, семь закорианских пиратских галер разоряли берега Кармисса и Дорфара. Король Сузамун, мудрый и осторожный правитель, послал человека, которому доверял, освободить моря от разбойников. Не отдавая себе полного отчета в силах Вольных закорианцев, король дал этому человеку для выполнения его миссии три корабля не из самых лучших. Мне это известно — я был капитаном на одном из них. Когда стало ясно, сколь силен враг, против которого нам предстоит бороться, я предложил вернуться домой. Однако мой командующий, Кесар эм Ксаи, удержал нас там, где мы находились, и с большим искусством и доблестью, пожертвовав одним из помянутых кораблей и потеряв пятерых людей — всего пятерых, господа! — одержал победу.

По залу прокатился одобрительный шум, в основном с тех мест, где сидели Висы.

— Простите мое воодушевление, — продолжал Ральднор. — Тот эпизод произвел на меня сильнейшее впечатление. Принц Кесар — зрелый вождь, известный в Истрисе как один из элиты общества. Более того, он королевской крови. Его отец был шансарским офицером, а его мать — принцессой кармианского королевского дома, чьи корни уходят во времена Рарнаммона...

Ральднору пришлось прерваться, ибо зал наполнился криком. Это был старый клич — «эм Ксаи!». Стоя в центре этого

неистовства, Ральднор задумался. Он плохо слышал, что творится вокруг, вспоминая вопли рабов, прикованных к веслам и горящих заживо. Об этом следовало помнить. Однажды, когда ты станешь бесполезен для него, он и тебя оставит гореть.

В совете воцарилась сумятица, все совещались. Без сомнения, всем было все известно, просто ждали подходящего случая. Трое из этих людей были попросту куплены.

Вскоре члены совета удалились в соседнюю комнату, чтобы вынести окончательное решение.

Ральднор по-прежнему пребывал в задумчивости и не разгуливал по коридорам, подобно остальным. В одном из покоев даже играли музыканты, специально приглашенные по такому случаю, их музыка то сливалась с колокольным звоном, то оттеняла его.

Несчастный случай привел к концу династию Сузамуна. Было ли это волей Ашкар?

Ральднор, веривший в случайности, никак не мог поверить именно в эту случайность. То, что он оказался в стороне от этого ошеломляющего заговора, злило его и одновременно приносило некоторое облегчение. Но он считал, что имеет достаточно здравого смысла, чтобы не выказывать никаких эмоций.

Колокольный звон прекратился. Около полуночи по залам пробежала вереница гонцов.

Зал с картой снова заполнился встревоженными советниками. Лорд-правитель поклонился им всем.

— За принцем-королем Эмелом уже послали. Время для ребенка, конечно, позднее, но по законам Континента-Побратима, его родины, он обязан присутствовать, — последовала пауза, затем лорд-правитель продолжил: — Мы также послали за принцем эм Ксаи.

Немного времени спустя няньки подвели к дверям сонного светловолосого мальчика, и два стража ввели его в зал совета. Принц-король Эмел занял предложенное место и снисходительно принял леденец от лорда-правителя.

Кесар появился целым часом позже.

Он вошел в зал совета, и толпа расступилась перед ним. Он был словно воплощение немой грозы, в своих черных одеждах, с черными волосами, развевающимися от быстрой ходьбы, с застывшей на лице скорбью. Все это время он провел возле королевского погребального костра вместе с другими скорбящими, которые должны были оставаться там всю ночь.

— Просим прощения, принц Кесар, за то, что оторвали вас от караула смерти.

— Я могу вернуться обратно, — произнес Кесар.

По залу пронесся шепоток. Ральднор Иолийский прислушивался, против воли охваченный благоговейным трепетом. Этот человек был неподражаемым актером. Его вход, его взгляд, самый звук его голоса заворожили всех.

— Да, мой лорд, вы можете вернуться. Но сначала я обязан спросить вас, во имя богини и волей совета Истриса — согласны ли вы стать регентом Эмела, сына Сузамуна, до тех пор, пока он не достигнет надлежащего возраста, чтобы принять трон Кармисса?

Ответа не последовало. Все замерли. Кесар стоял посреди зала, прямой, как клинок.

Тишина разбудила ребенка, заснувшего на своем месте. Он открыл глаза и увидел наискось от себя высокого человека, подобного тени. Тень сдвинулась с места и направилась к принцу Эмелу. Спустя мгновение она опустилась на колени у его ног.

Пока звучали слова согласия, Эмел, ожидая момента, чтобы отправиться назад в постель, сонно разглядывал блестящую черную гриву человека, которому суждено было стать его смертью.

6

Холодный, белый, точно мраморный мир.

Тянулись месяцы долгого снега, пейзаж, казавшийся неизменным, был преображен, заново вылеплен из этой белизны. Безветрие, сверкание, серебристая ледяная поверхность заливов — Кармисс лежал, как во сне, скованный зимой.

Рэм снял новую квартиру, хотя и большую, но отлично хранящую тепло. Здесь нашлись даже миловидные и искусные ночные друзья, которых при желании можно было нанять в ближайшей винной лавке. Про себя Рэм молился, чтобы прошла тоска по Дорийосу. То и дело он представлял себе возвращение в Дом Трех вскриков, в то же время зная, что этого никогда не случится.

Переменилось и положение Рэма в личной гвардии принца эм Ксаи. После Праздника Масок его жалование чудесным образом увеличилось. Чуть позже, через пять дней после бешеной скачки из Анкабека, произошло изменение в его статусе — Рэм перестал числиться под номером. Существовало уже тринадцать Девятых, но он больше не был одним из них. Внезапно он стал старшим над пятьюдесятью людьми, которые именем принца должны были подчиняться только Рэму. Это продвижение дало ему особое место в иерархии гвардии, которая возросла уже почти до двухсот человек. Сержант, когда-то поровший Рэма, теперь раскланивался с ним уважительно и на равных.

Сознавая все особенности своего нового положения, Рэм был далек от благодушия. По большей части от него требовалось организовывать эскорты.

Он регулярно тренировался в подвале дворца — меч и щит, борьба без оружия или иные упражнения, требующие четкой координации обеих рук. Несколько раз он заставал за подобными упражнениями самого принца. В первый же день снегопада Кесар вызвал Рэма ко двору вместо одного из наемных мастеров боя. Почти полностью обнаженные, они сражались полчаса. Чувственный оттенок, столь же свойственный подобным единоборствам, сколь неуместный, злил Рэма. Наконец ярость завладела им настолько, что он сбил с ног почти ошеломленного Кесара.

Того это, казалось, позабавило. Рэм знал, что принц просто позволил себе ослабить внимание. Ему приходилось видеть, как умеет сражаться Кесар — даже в учебных поединках. Эта победа была несправедливой. Почти оскорбительной.

Когда восточная часть крыши храма Ашары погребла под

собой Сузамуна и его родню, Рэма не было в здании, он даже не дежурил на площади. Он понимал, что готовится нечто, знал — что-то должно произойти. Однако размеры случившегося потрясли его.

Ему было приказано командовать отделением гвардии Кесара во время похоронной процессии и страшного шансарского караула смерти. Медленно двигаясь сквозь снежную пелену следом за укрытой пурпуром колесницей, он испытывал такое же чувство неловкости, как после той ошеломительной победы в тренировочном зале. Как-то слишком легко все это произошло. Когда появились гонцы, оскальзываясь на льду в свете факелов, чтобы позвать Кесара на совет, Рэм продолжал стоять, ничем не выражая своих чувств, но желая рассмеяться, выругаться, сделать хоть что-то, дабы провозгласить грандиозную и зловещую сущность всего происходящего.

Но теперь эм Ксаи был регентом. Его секретная гвардия стала официальной вплоть до последнего солдата. Его покои стали еще более роскошными и теперь находились в верхней части дворца.

За несколько месяцев он проделал огромный путь. В конце концов он стал нести ответственность лишь перед расположенным к нему советом и перед семилетним ребенком, который, если верить слухам, обожал его.

Он должен убить ребенка. Это было очевидно.

Как долго он позволит ему существовать? Год? Два? Сколько жизни познает принц-король Эмел, прежде чем какое-нибудь неведомое и непредсказуемое несчастье не сделает все бесполезным? Любые чувствительные мысли о детстве или кровном родстве стали теперь нелепостью.

С той самой ночи, когда он вернулся из Анкабека, у Рэма не осталось и следа беспокойства за своего хозяина. Публичные стенания по Вал-Нардии были безупречны и уже в силу этого насквозь притворны. Или все же где-то оставались муки, которые прервало появление Рэма? О существовании червя терзаний мог знать лишь сам Кесар.

На таинственное же колдовство Анкабека Кесар, казалось, вообще не обратил внимания — в отличие от самого Рэма.

Вопреки всем рассуждениям и объяснениям Рэм твердо верил во все, о чем сказала ему золотая жрица. В то, что за милями снегов и холодной воды, под промерзшей землей, в холодном мертвом чреве бессознательно подрастал для пробуждения плод кровосмешения Кесара и Вал-Нардии, плод их мучительной любви.

Ожидая в передней принца, Рэм знал, что находится там из-за Анкабека. Воздух был наполнен чем-то тяжелым, некой гнетущей

неотвратимостью.

Кесара не было еще некоторое время.

Через переднюю прошел врач, вышедший с женской половины. Беринда, девушка, которую Кесар привез из Ксаи, зачала во время Застис. Рэм видел ее, когда она шла мимо — с гордостью и одновременно стесняясь своего большого живота. Вчера, задолго до срока, у нее начались схватки. Пошли слухи, что она потеряет ребенка, что он будет мертворожденным. Возможно, из-за своего слабоумия она была не приспособлена для вынашивания детей. Все это напоминало некое извращенное знамение, искаженное эхо того, что ждало на острове.

Сквозь длинное окно Рэм видел колоннаду в широком дворе внизу. Вскоре он увидел Кесара, идущего рядом с принцем-королем. Эмел был возбужден, хихикал, его бледное лицо раскраснелось. Скривившись, Рэм отвернулся от окна.

Через несколько минут Кесар вошел в переднюю. Его матовая, чуть смуглая кожа казалась бледнее из-за траурного кармианского пурпура, надетого в знак скорби по Сузамуну. После известия о смерти Вал-Нардии он не облекался в этот цвет.

Они прошли во внутренние покои. Едва закрылись двери, Кесар мгновенно изменился. Рэм понял, что видит истинное лицо принца.

— Анкабек, — произнес Кесар. — Ты помнишь? Несколько месяцев назад.

— Да, мой лорд.

— Расскажи мне снова то, что рассказывал той ночью.

— Вы не поверили этому, мой лорд.

— Нет. Расскажи еще раз.

Рэм принялся более подробно, чем прежде, рассказывать о жрице, о том, что она сообщила ему, и о том, что ему было показано. Слушая рассказ, Кесар внимательно наблюдал за ним. Истинное лицо принца было спокойным и одновременно угрожающим. Стоит ли бояться?

Когда Рэм закончил рассказ, повисло молчание. Потом Кесар подошел к комоду, отпер ящик, достал бумагу и, обернувшись, протянул ее Рэму:

— Прочти это.

Рэм исполнил приказ.

— Они прислали...

— Человека, не назвавшего своего имени. Он пришел к моему сержанту и оставил это ему. Похоже, он знал верные пути. Откуда?

— Не от меня, мой лорд.

— Я и не считаю, что от тебя.

— Здесь говорится...

— Здесь говорится, что мой ребенок родится на рассвете в день Львиного праздника по шансарскому календарю.

— Девятое утро от сегодняшнего дня.

— Дорога туда займет не меньше семи дней. Если вообще найдется дурак, который пустится в такой путь по снегу.

— Это дает вашей светлости день на то, чтобы принести подходящие извинения.

— Ничего это не дает. Все вполне ясно. Они определенно ждут моего прибытия.

Рэм промолчал.

Кесар налил себе вина и осушил кубок до дна. Он пил так же взахлеб, как в Тьисе, после нападения змеи.

— Я хочу, чтобы ты остался здесь, не дремал и был настороже, — произнес он, отвернувшись от Рэма. — Ральднор может какое-то время поиграть в свои игры в Истрисе. Ради него же самого я надеюсь, что он не осмелится на это. Мое место займет лорд-правитель. Ты расставишь своих людей везде, где необходимо, чтобы сохранить надлежащий порядок. И обращай внимание на все, о чем я мог забыть. Ясно?

— Да, мой лорд.

— Как повезло однажды главарю маленькой, но многообещающей шайки головорезов, — Кесар опять повернулся к Рэму с самой чарующей из своих улыбок. — И как повезло мне, что ты оставил их ради меня!

Рэм стоял, как каменный. Разговор по непонятным причинам ужаснул его. Конечно, Кесар уже скрыл свое истинное лицо, хотя в нем еще оставался сероватый оттенок. Впрочем, этот оттенок мог быть просто реакцией на погоду. Шансарская кровь плохо переносила здешние жгучие морозы, а Кесар, хоть и вспоминал об этом крайне редко, все же был наполовину шансарцем.

— Я возьму десять или двенадцать человек. Этого достаточно, чтобы управиться с лодкой. Я предпочел бы иметь тебя рядом с собой, но мне очень нужно, чтобы ты остался здесь в мое отсутствие.

Опять эта безошибочная попытка выказать случайное и убийственное доверие...

Неожиданно откуда-то из-за стен донесся ужасный крик. Рука Рэма потянулась к кинжалу, но Кесар сделал беспечный жест:

— Это всего лишь та маленькая сучка из Ксаи. Должно быть, ей сказали, что ее ребенок мертв.

Кесар колебался. Что-то мелькнуло в его глазах и в тот же миг исчезло.

Путешествие к могиле сестры было по меньшей мере странным для этого времени года, однако вполне извинительным и, возможно, достойным уважения. Оно показывало абсолютное простодушие принца.

Он никогда не пошел бы на это, рискуя потерять все, что выиграл, даже не будь вокруг снежной пелены. Нелепость. Невзирая на то, что он знал о ее смерти, он так и не постиг это до конца. Для него она продолжала жить где-то вдали, ее жизнь не погасла. Анкабек опровергал оба эти чувства — непреложность ее смерти и внутреннее неприятие этой смерти.

Какими бы колдовскими чарами они ни опутали ее, он должен был положить этому конец. Или каким-то чудом она вновь была жива, словно не случалось ничего иного? Эти мысли не покидали его, проделав весь путь вместе с ним, высовываясь из-за его плеча, словно демон, до самого побережья.

Покончив с собой, она победила его презрение, его ужас и ненависть. Их мысленная связь, случайно унаследованная с шансарской стороны, осталась неразвитой, хотя с самого их рождения была частью их самих. Он не умел распознать ее и никогда не принимал в расчет — даже тогда, когда проснулся в Ксаи от собственного крика, и после, когда пытался вспомнить то пробуждение. И тем не менее самим фактом этой связи Вал-Нардия вынудила его участвовать в своей смерти.

Совсем другим делом была вина за ее смерть. Ее он принимал, и она жгла его, точно клеймо от раскаленного железа. До конца своих дней он будет жить с этим чувством, вспоминая ее полет, который теперь все время стоял у него перед глазами.

Его проводили в неказистую комнату под храмом.

— Ну? — вопросительно произнес он.

Перед ним стояла женщина Равнин. Казалось, что она — одна из тех, о ком рассказывал Рэм, однако сейчас она была одета иначе. Ее украшения были просты, и лишь фиолетовый драгоценный камень над ее бровями что-то означал.

— Вы прибыли вовремя, лорд принц, — произнесла она.

— К завтрашнему рассвету, согласно вашим указаниям. А если бы я опоздал?

— Не думаю, что это могло случиться.

Сидеть было не на чем. Кесар прислонился к стене, с его плаща стекал снег, таявший на плечах. Этот снег осыпался на принца с деревьев, когда он шел по острову, хотя воздух был совершенно спокоен, как и море.

— Я хотел бы знать ваше имя, — сказал он, чтобы хоть как-то поддержать беседу.

— Эраз, мой лорд.

— О, имя кормилицы героя Ральднора.

— Я родилась в Хамосе.

— Еще и деревня, в которой вырос герой. Я имел в виду — не в большом городе...

— Для вас приготовлена комната на территории послушников.

Внезапно Кесар сам вспомнил ее. Это была та самая сука, которая той ночью проводила его к сестре, как самая настоящая хозяйка публичного дома. «Сколько вы хотите за это? Или просто нужно принести что-нибудь в дар храму?» — «Единственный дар, который требуется, будет принесен». Он должен был вспомнить раньше, но его глаза были ослеплены восьмидневным созерцанием снежных равнин, болели от этого и от недостатка сна, а все тело ныло от усталости.

— Прежде всего, — произнес Кесар, — я хотел бы видеть мою сестру, принцессу Вал-Нардию, — он запнулся и без всякого выражения спросил: — Почему вы сказали Сузамуну, что она умерла? Чтобы защитить ее?

— Она умерла, мой лорд.

— О нет. Мертвые женщины не вынашивают детей.

— Прошу прощения за то, что продлеваю ваше горе, лорд принц...

— Не беспокойтесь о моем горе. Беспокойтесь лучше о том, решу я или нет сделать факел из вашего проклятого храма.

— Вы не поступите так, — мягко ответила она. — Вы слишком долго поднимали вашу репутацию в Кармиссе на недосягаемую высоту. Столь непопулярное деяние может разрушить все, что вы создали.

— Хорошо. Тогда сами. Официальное сожжение или другой погребальный ритуал, принятый на ваших Равнинах. Когда будет обнародовано ваше не слишком-то святое колдовство.

— Лорд Кесар не верит в колдовство.

— Это так. Но вы можете попытаться разубедить меня.

— Тогда идемте.

Он снова позволил проводить себя. Когда они вошли в помещение, оно оказалось перегорожено полупрозрачным расшитым занавесом.

— Не дальше, мой лорд.

— Что же удерживает меня по эту сторону занавеса?

— Немногое. Но вы можете убить своего ребенка.

— При условии, что я допускаю, будто там есть ребенок.

— При условии, что вы допускаете, будто там ребенок, — кивнула жрица.

Сквозь полупрозрачный занавес можно было разглядеть очертания кровати, но что лежит на ней, оставалось скрыто. Вокруг ложа стояли жаровни, как, впрочем, и во всех остальных помещениях, через которые им пришлось пройти. Жрецы впустили их в комнату, жрицы совершенно бесшумно сновали меж дымками курений и тонкими полотнищами завес. Все было необычным, но не имело особого значения. Пока что не подтвердилось ничего из страстных рассказов Рэма.

— На этой завешенной кровати может лежать кто угодно, — заметил Кесар. — Может быть, там крестьянская девушка, которой пора рожать, напичканная вашими зельями.

Эраз вскинула левую руку, и занавес, скрывающий кровать, внезапно начал сворачиваться и подниматься наверх. Эффектный колдовской трюк. Вероятно, в полу или где-то еще находился какой-нибудь невидимый рычаг.

Занавес исчез, не оставив даже тени, и кровать открылась.

Кесар не сказал ничего. Долгое время он стоял неподвижно, глядя на лежащее тело сестры в черном одеянии, на ее красные волосы. Ее вздымающийся живот казался огромным из-за заключенного в нем пленника, руки, как белые цветы, ниспадали с обеих сторон, из-под черного одеяния виднелись обнаженные ступни.

Эраз легонько коснулась его руки. Он посчитал этот жест знаком того, что должен подойти к кровати, и порывисто шагнул вперед.

— Не сейчас, мой лорд.

— Что тут творится? — спросил он, и эти ненужные, неумные слова повисли в пустоте.

— Магия, если угодно. Мы исполняем волю богини.

— В бездну вашу богиню. Она умерла... вы говорите, что она мертва?

— Она мертва. Но ребенок жив, и в нужный срок, на рассвете, появится на свет.

— Почему?

— Потому что таково желание Анакир.

— Но почему именно ребенок Вал-Нардии? И мой? — он слышал звук своего голоса. В его вопросах не было смысла. Кесар спрашивал о том, что не имело для него значения. Значение имело нечто другое, но он не умел спросить об этом.

— Дети одного лона, рожденные вместе, — отозвалась жрица. — Двойня соединилась и создала третьего. Врата. Если говорить в духовном смысле, то по большому счету это не ваше дитя, мой лорд. Это другое дитя, оно старше. И все же это порождение двойни, двоих, ставших одним. Одно, в котором

слились двое. Но я не могу донести этого до вашего сознания, мой лорд. Пусть кто-нибудь проводит вас в приготовленную комнату. Отдохните там.

— Я останусь здесь, — уронил он. — Велите принести сюда постель и немного еды. Именно сюда. Я не сойду с этого места, пока вы не сотворите свое колдовство.

— Вы устали. Пусть будет так, как вам угодно.

Он ухватил жрицу за запястье. Этот жест должен был причинить ей боль, и Кесар хотел этого. Сквозь пелену снежной слепоты, туманившую его взгляд, ее глаза сверкали, как далекие огни.

— Как бы вы ни служили вашей богине, попытайтесь вспомнить, кто я такой.

Однако она не ответила, каким-то образом освободилась от него и исчезла, словно задула свечу. Это было нелепо. Все казалось нереальным. Но даже оставшись один и видя перед собой Вал-Нардию, он не мог преодолеть тонкой газовой преграды.

Ему принесли кресло, еду и питье. Своих людей Кесар оставил в деревне, а потому потребовал, чтобы жрецы сами попробовали принесенную пищу и вино. Этот ритуал давно стал его привычкой, и на самом деле сейчас он не считал необходимым соблюдать его.

Он упрямо восстанавливал силы, не имея ни малейшего желания заснуть. Наконец его тренированное тело, словно послушный пес, подчинилось его требованиям. Вернув себе бодрость, Кесар сел и стал смотреть на Вал-Нардию сквозь муть в глазах и занавес.

Около полуночи, как ему показалось, в комнату стали входить люди в черных одеждах, скрытые капюшонами. Они молча выстраивались вдоль стен и замирали в молитве, точно сонные птицы. Затем вошли женщины. Они молча прошли за занавес и скрыли от него все.

Кесар поднялся, однако ему тотчас же преградили путь. Он шагнул обратно и встал перед занавесом.

Появились жрицы, и среди них — другая женщина, не из храма, скорее из ближайшей деревни или другого поселения на острове. Она была из Висов — достаточно было взглянуть на нее, чтобы это понять. Возле занавеса она остановилась, сняла башмаки и сбросила перед всеми платье, под которым больше ничего не было. Женщина вступила в пору поздней зрелости и была не слишком привлекательной, но крепкого сложения. Занавес раздвинулся. Кесар не видел прохода, но женщина прошла сквозь него. Только она одна. Ее обнаженная плоть

выглядела на редкость неуместно среди атрибутов утонченного колдовства.

Вокруг послышалось монотонное пение и сразу же вызвало раздражение Кесара. Назойливо повторялось одно слово, или несколько одних и тех же слов — снова и снова. Свет погас, и все погрузилось во мрак.

Женщина подошла к его сестре. Принц наконец понял, кто это такая — повивальная бабка для мертвой.

Стоя возле занавеса, он продолжал смотреть, но ничего не происходило.

Так продолжалось около часа. Кесар подошел к столу и выпил вина, чтобы и дальше держаться на ногах. Он хотел стать свидетелем тому, как после какой-нибудь чудовищной магической вспышки меж раздвинутых мертвых ног его сестры покажется чужой младенец, которого вскоре предъявят ему как его собственного сверхъестественного отпрыска.

Предчувствие рассвета разбудило одного из двенадцати людей Кесара, и он вышел из холодной деревенской лачуги, где их разместили, желая помочиться.

В глубине обнесенного стенами двора был проход наружу. Там, внизу, море накатывалось на каменистый берег. Облегчившийся солдат, проклиная холод, все же был захвачен странной, незнакомой красотой рассвета. Он подошел к низкой стене и посмотрел вдаль на восток.

На горизонте, как клубы пара от дыхания на морозе, нависали облака цвета молочного янтаря. Сквозь этот янтарь прокладывал себе путь золотой луч.

Бесплотное мерцание облаков приглушило яркость солнечного диска. Солдат мог смотреть прямо на него, пока он поднимался — круглый, светящийся, загадочный, точно в мире родилась новая планета. И в самом деле, этот восход был подобен рождению ребенка, чья круглая головка пробилась из чрева облака.

Солдат не знал, зачем их притащили в Анкабек. Говорили, что это вызвано какой-то обязанностью по отношению к могиле сестры принца, но такое дело вполне могло подождать оттепели.

Но восход все так же держал его на месте, посреди снежного безмолвия, и солдат ощущал, что он — единственный человек на земле, который встал, чтобы увидеть явление солнца.

Пение прекратилось. Что-то произошло, но Кесар не был в этом уверен. Неужели он все-таки заснул стоя и пропустил самое главное? Затем он увидел, как склонилась женщина из деревни.

Ему показалось, что комната содрогнулась от беззвучного грома, но он не знал, что это была сама Сила.

Равнодушные руки находились теперь внутри неподвижного тела Вал-Нардии — повитуха исполняла свою обязанность.

Появилась кровь. У Кесара перехватило дыхание. Он ожидал, что девушка закричит или шевельнется, но она лежала спокойно... словно ничего не чувствовала.

В руках у женщины оказался младенец. Принц видел это. Окровавленная дергающаяся веревка еще привязывала ребенка к телу его сестры, но вот блеснул нож, и веревка упала вниз, точно мертвая змея в Тьисе. Повитуха что-то сделала с ребенком, потом повернулась и вытянула руки, показывая его тем, кто находился за занавесом.

Не раздалось ни звука.

Руки и головка ребенка медленно двигались, он жил, но не кричал. Кожа его была такой белой, словно он светился. С глаз Кесара словно упала пелена, и он смог определить, что плод его семени и мертвого лона Вал-Нардии был девочкой. Дочь.

В дверях на его пути мгновенно оказалась жрица Эраз.

— Да, — вырвалось у него. — Я видел, что это случилось. Я свидетель вашего колдовства.

— Теперь вас проводят в комнату, где вы сможете отдохнуть.

Он с трудом удержался на ногах, хотя видел ее очень отчетливо.

— Когда я проснусь, я могу свернуть вам шею, — выговорил он.

В деревне на берегу отлично вымуштрованные солдаты Кесара нетерпеливо ждали его возвращения и, как им было приказано, пытались расплатиться за принесенную еду. Однако плата осталась нетронутой. Кроме того, они даже не пробовали заигрывать с местными женщинами, хотя больше здесь было решительно нечем заняться. Пока разгорался день, они сожалели о том, что и вторую ночь им придется провести как на помойке.

Однако у Кесара имелись другие планы на их счет.

Он уже проснулся, оделся для дороги и допивал оставленное вино, когда к нему вошел жрец.

— Прекрасно, — произнес Кесар, завидев его. — Найди Эраз и приведи ее ко мне.

Жрец, принадлежащий к темной расе, взглянул на него. Его взгляд был точно таким же, как и у всех обитателей Равнин. Кесар не обошел это вниманием и добавил:

— Или ты это сделаешь, или этим займусь я сам. Мне кажется, ты предпочтешь первое.

— Прямо скажем, жрица Эраз не относится к разряду простой прислуги, — ответил жрец по некотором размышлении.

— А я, прямо скажем, не намерен дожидаться.

— Мой лорд, — прошелестел жрец, — в нашей религии служитель богини равен королю, если не более того.

В два шага Кесар пересек комнату и ударил жреца так, что тот отлетел в угол, капюшон скатился с его головы. На миг в углу комнаты оказался просто поверженный Вис.

— Ты убедился, что мне нет дела до вашей религии? — произнес Кесар. — Теперь иди и исполни то, что я велел. А по дороге распорядись принести еще вина.

Эраз сама принесла ему вино, словно решив поиграть в его служанку. Это был вардийский ликер того же сорта, какого не знали Вольные закорианцы.

— Вероятно, вы не любите вина Равнин-без-Теней, — произнесла она.

— Верно. Я не люблю ничего, что исходит оттуда.

Он полностью восстановил силы, по крайней мере, так ему казалось. Внешне в нем не было никаких признаков упадка, ни намека на боль или сердечную тяжесть.

— Вы скоро покинете нас.

— Как только вы подготовите тело моей сестры для дороги.

Эраз глянула ему в глаза. Ее собственное лицо не выражало ничего.

— Вы не доверяете храму исполнить погребальные ритуалы над ней?

— Вы сожжете ее, не так ли? На ваших Равнинах принята кремация.

— Как и в Шансаре, кровь которого течет в ваших жилах и текла в ней самой. Однако там останки следует предать земле, а не развеивать по ветру, и отметить камнем место захоронения.

— Она будет похоронена в Истрисе, по старому обычаю.

— Очень хорошо, мой лорд. Я подумаю об этом. Не надо бояться разложения. Наши снадобья сохранят ее красоту нетленной, пока вы не доберетесь до столицы, и даже еще дольше.

— Я начинаю думать, что прежде всего ваши снадобья могли убить ее.

— Вы не должны так думать, мой лорд. Вы знаете правду. Если вы снимете золотое ожерелье с ее горла, то увидите...

— Да, — произнес он. — Но в таком случае вы обязаны понимать, насколько я ошеломлен вашими достижениями.

— А как же ребенок? — мягко спросила Эраз.

— Она пополнит ваши святые ряды, — отозвался принц. Он

пил вардийское вино и вновь наполнял кубок, чтобы опять осушить его одним глотком.

— Это не так, мой лорд. Она не наша.

— Мне нет дела до этого.

— Она ваша дочь, — возразила Эраз.

— Маленький белый слизень. Оставьте ее себе.

— Нет, мой лорд, — бесстрастно произнесла она. — Ребенок должен ехать с вами.

— Только потому, что он мой? Плод кровосмешения? На побережье Ланна это вообще ничего не значит.

— Тогда отправьте ее в Ланн, мой лорд. Но оставаться здесь она не должна.

— Из-за кровосмешения?

— Анакир, — только и произнесла жрица.

— Эта ваша вонючая женщина-змея. Наверное, она хочет, чтобы мой ребенок погиб. Одного дня от роду, в снегу. Не думаю, что кто-нибудь из моих людей сможет кормить ее грудью. Почему бы вам самим не убить ее? Задушить, уморить голодом или холодом — но здесь? Почему вы вообще позволили ей появиться на свет?

— Наши снадобья, которые так смущают вас, могут сохранить и ребенка. Она будет спать до самого Истриса, не чувствуя голода. И останется теплой, даже если будет лежать непокрытая рядом со своей матерью.

— Это невозможно.

— Так же невозможно, как и то, чему вы были свидетелем на рассвете, мой лорд.

Люди, которые принесли на берег деревянный ящик, помогли разбить лед, и лодку снова можно было спустить на воду.

Солдаты Кесара не выражали ни малейшего недовольства, хотя солнце уже опускалось в океан, и весь запад, и вода, и небо, окрасился зловещим пурпуром.

Лодка двигалась среди заката по ледяной каше, покрывавшей море. Подул легкий ветерок, и команда поставила парус, желая воспользоваться этим. Не было слышно ничего, кроме шелеста паруса, легкого шума волн и плеска весел. Остров Анкабек исчез вдали, последний луч на миг высветил его причудливые очертания — словно плавучий череп.

Кесар сидел на носу перед парусом, рядом с длинным ящиком. Ящик был надежно закреплен и закрыт, и в нем спал живой ребенок, словно все еще заключенный в чреве матери. В крышке ящика были проделаны отверстия для воздуха. Он стоял возле ног Кесара, и принц не смотрел на него.

Последний закатный луч исчез, и на море опустилась тьма. Звезд на небе не было, лишь платиновым блеском мерцал вдали заснеженный берег Кармисса.

Спустя час после отплытия, в полной темноте, солдаты Кесара услышали, как со скрежетом выдранных гвоздей открылась крышка гроба. Однако никто не произнес ни слова, все продолжали грести. С самого начала службы у Кесара они твердо усвоили: все, что касается принца, не имеет к ним никакого отношения.

Под прикрытием паруса Кесар вглядывался в лицо Вал-Нардии. Ее горло было прикрыто ожерельем их матери с черными жемчужинами. Жрица не солгала, красота его сестры не померкла — ее ужасная, бессмысленная красота... Ему казалось — будь она жива, все, что произошло между ними, непременно повторилось бы.

Он поднял ее тело из ящика, оставив спящего ребенка, завернутого в покрывала, среди тряпья, которым был устлан гроб. Ему не было дела до того, что случится с этим созданием.

Кесар держал сестру на руках, ее голова покоилась на его плече, лавина ее волос закрывала их обоих. Сейчас, во тьме, ее волосы казались столь же темными, как его собственные.

Так они и двигались к Кармиссу по безмолвному блестящему морю, точно корабль призраков.

Открыв дверь, Рэм пропустил в свою квартиру двоих гостей. Еще двое заняли посты в проходе, и дверь захлопнулась.

На улице стояла оттепель, мокрый снег облеплял дома, дребезжали ставни. Плащ гостя промок насквозь, и он небрежно бросил его поперек кресла.

— Смею думать, что деньги и документы уже отправлены, — произнес Кесар.

— Да, мой лорд.

— И ты со своими людьми уже наготове.

— О да.

— Ты сбит с толку всем этим, мой Рэм?

— Ровно в той мере, в какой вы потребуете, мой лорд.

— Мои требования — это особые условия. Корабль, которым ты воспользуешься, называется «Лилия», хозяина зовут Дхол. Когда ты прибудешь в порт Амланна, то вместе с людьми Дхола отправишься к моему торговому агенту в столице. Она ничего не понимает, — прибавил Кесар, заметив, что Рэм взглянул на девушку. — Решительно ничего. Она считает, что ее собственный ребенок, который умер, вернулся к жизни, и никто пока не лишает ее этой иллюзии.

Кесар выжидающе посмотрел на Рэма. Беринда стояла рядом в мокром плаще и улыбалась младенцу, которого держала на руках. Она выглядела куда более вменяемой, чем когда бы то ни было.

— Значит, я должен передать агенту в Амланне ваше письмо и ребенка, — продолжил Рэм. — А потом?

— Возвращайся назад морем. Он найдет для ребенка уединенный дом и даст мне об этом знать. Где-нибудь, докуда Анкабек не доищется даже со своей поганой магией. Как знать, вдруг в один прекрасный день девчонка принесет мне пользу? А если нет, пусть хотя бы будет бесполезной для моих врагов.

— Это ребенок вашей сестры, — поколебавшись, заметил Рэм.

— Нет. Она отказалась выносить ребенка. Они заставили носить ее мертвое тело, вот и все.

— А колдовство для вас ничего не значит.

Кесар усмехнулся, но в его глазах был лед. Сам того не желая, Рэм встретился с ним взглядом.

— Я здесь не для того, чтобы рассуждать о своих чувствах, а для того, чтобы вручить тебе это отродье и его сопливую няньку. Я достаточно долго думал, можно ли оставить его на берегах Кармисса. Твоя же работа — переправить его из моих нелюбящих объятий в Ланн. Понятно?

— Да, мой лорд.

— Да, мой лорд. Ты всегда ведешь себя как принц, а не как разбойник, мой Рэм. Да и выглядишь ты тоже скорее как принц. Одна из моих девиц однажды заявила мне, что ты чем-то похож на старые статуи Рарнаммона.

Рэм хорошо вышколил себя. Его сердце неровно забилось, но внешне он остался бесстрастным. Отвернувшись, Кесар подхватил свой плащ.

— На корабле ты будешь чем-то вроде мелкого аристократа, который путешествует с охраной, любовницей и любимым бастардом, — заметил он. — Судно отплывает с утренним приливом.

Когда Кесар вышел, два телохранителя, сопровождавшие его, спустились вслед за ним по лестнице, звеня оружием. Рэм замер и продолжал стоять на месте, как прикованный, пока по аллее не пронесся удаляющийся стук копыт зеебов.

Он снова взглянул на Беринду, желая понять, как она отнеслась к тому, что ее земное божество покинуло ее. Но теперь ребенок был ее новым божеством. Своим помраченным умом она верила, что это ее дитя, что жизнь, исторгнутая смертью из ее чрева, смогла вернуться от ее крика, и теперь ребенок живет и дышит. В конце концов, это касалось лишь ее одной.

Рэм усадил девушку в кресло и принес ей подогретого вина с пряностями, о котором не побеспокоился Кесар эм Ксаи. Отхлебнув вина, Беринда рассмеялась над ребенком. Рэм чуть приподнял одеяло. Под ним спал младенец с белой кожей, на его головке паутинкой росли белые волоски. Все шансарское, разве что глазки окажутся темными...

Когда он объяснил Беринде, что им пора отправляться в путь, она послушно поднялась с места, и одеяло соскользнуло с детского личика.

Сердце Рэма снова сильно забилось, и тому была единственная причина — глаза младенца вовсе не были темными. Они напоминали затуманенные золотые солнышки.

Путь через море должен был занять девять или десять дней, но мог быть и короче при благоприятных сезонных ветрах. Когда же по левому борту покажется берег Ланна, следовало держаться вдоль него и идти до порта Амланна еще от шестнадцати до восемнадцати дней.

«Лилия» была торговым судном, тяжелым кораблем с огромными парусами. Его владелец Дхол в прошлом работал на деловых агентов принца, теперь же отошел от дел. Он разместил Рэма в своей личной каюте, отнюдь не блещущей роскошью. Трое солдат Рэма спали под навесом на палубе, заливаемые потоками дождя — впрочем, как и сам капитан. В каюте Рэм устроил ложе для девушки и ребенка, а сам ложился на полу, что несказанно удивило бы Дхола, вздумай он посмотреть, как устроились его пассажиры.

Время года было не лучшим для плавания, однако Дхол, жадный до денег, всегда выходил в море задолго до остальных торговых судов Истриса. На этот раз погода благоприятствовала плаванию, невзирая на дождь и ветер. Направление ветров оказалось вполне подходящим, и к полудню девятого дня за пеленой дождя уже проступила смутная тень ланнского берега.

— Нравится вам наша еда? — поинтересовался Дхол за праздничным ужином в каюте, который был устроен для гостей, чтобы отметить приближение к Ланну. Рэм сдержанно поблагодарил хозяина за угощение.

Сидя на кровати, девушка играла с малышкой, что-то говорила ей. Пока Дхол пытался завести беседу, поминая недобрым словом погоду на море, мысли Рэма свернули на ребенка.

Девочка действительно была не вполне нормальной. Рэм задумался, не привел ли этот кровосмесительный союз к какому-

нибудь пороку. Но не к чему-то обычному, вроде глухоты — девочка реагировала на звуки. И не слепота — она явно видела их, хоть и по-своему, по-младенчески. И явно была способна сама издавать звуки, хотя он еще ни разу не слышал, чтобы она плакала. Смутно он догадывался, что она не кричала даже в миг своего рождения. Но тогда что в ней было такого непохожего на других младенцев? Может быть, лишь игра его собственного воображения. Пожалуй, ему доводилось видеть меньше младенцев, чем другим мужчинам, и прежде он никогда не находился рядом с женщиной и ребенком.

— Клянусь богами и Ашарой, главная мачта так трещала...

Эти слова Дхола прервал какой-то шум снаружи. Внезапно раздались неясные крики, не имеющие отношения к вседневной корабельной жизни. Дхол бросил взгляд на дверь.

— Что это? — спросил Рэм. Девушка даже не обратила внимания на крики.

— Пойду посмотрю. Может, кто-то увидел большую рыбу. Обычно они пытаются достать таких рыб гарпуном, — Дхол поднялся на ноги. — Продолжайте ужинать, господин.

Голова Рэма закружилась, внутри образовалась пустота. Приступ был не похож на другие — не было ни головной боли, ни полной реальности видения. Однако внезапно Рэму почудился на месте Дхола другой человек, и один из железных светильников, сорванный с подвески чьей-то злой рукой, с огромной силой отлетел в сторону и ударил этого человека по голове. Рэм встал, и видение отступило. Дхол как раз выходил и ничего не заметил.

Почти бессознательно Рэм последовал за ним.

На палубе шумели, и причина криков была очевидна. С северо-востока сквозь пелену дождя приближался большой черный корабль с красным пятном на носу. Он был уже так близок, что его бортовые огни превратились в два огненных глаза, пылающих во мраке, а над ними в вышине ясно различались двойная луна и дракон Старого Закориса.

— Пираты! — Дхол задрожал от страха.

— От них можно уйти? — быстро спросил Рэм.

— Нет, нечего и пытаться. Мы никогда не видели, чтобы кто-то из них заходил так далеко на юг...

Пока матросы носились мимо него с криками, Рэм вглядывался в сумрак. Черный корабль был словно неупокоенный призрак, вернувшийся из Тьиса, чтобы отомстить.

— Какие будут приказания, ваша честь? — к Рэму пробились трое его солдат.

— Хозяин корабля сказал, что не сможет уйти от них, и, похоже, это правда. Биремы Вольных закорианцев хорошо

приспособлены для гонки. А этот корабль довольно неуклюж. Однако, без всяких сомнений, попытается уйти.

— Это уже чувствуется, — бросил один из солдат.

Гребцы и в самом деле заняли все места внизу. Весла заработали в новом, бешеном ритме — люди гребли, спасая собственные жизни.

— Если это нам не удастся, что вероятнее всего... — Рэм взглянул на призрак за завесой дождя. Сквозь шум, стоящий на «Лилии», он уже мог различить отдаленные голоса, радостные крики Вольных закорианцев. — Поскольку сейчас у нас недостаточно вина, чтобы отравить их всех, — при этих словах трое солдат усмехнулись, — вот там, впереди, корабельная шлюпка. Отвяжите ее и спустите на воду. Ваша забота — ребенок и девушка.

— Да, ваша честь.

Через минуту закорианцы протаранили их корабль.

Торговца охватила дрожь. Крики радости и ужаса смешались и заглушили плеск шлюпки, спущенной на воду. Один из людей Рэма спустился в нее по веревке, сражаясь с качкой и едва не сорвавшись. Рэм уже вывел девушку, но она, прижимая к себе ребенка, отшатнулась с криком «Нет!»

Вольные закорианцы кинулись на матросов, как бушующее море, заполнив всю палубу. Над суматохой взлетели первые крики умирающих.

— Заберите у нее ребенка и бросьте в шлюпку, — приказал Рэм двум оставшимся солдатам. Третий, в лодке, уже стоял наготове, чтобы поймать младенца. — Да не промахнитесь. Вы знаете, чей это может быть ребенок.

Второй солдат кивнул, шагнул к Беринде и вырвал ребенка из ее рук. Беринда начала кричать.

Оставшийся солдат резко развернулся, поднял меч, и пиратская кровь хлынула на палубу, мешаясь с дождем. Рэм обернулся как раз вовремя, чтобы перехватить нож, направленный ему в спину. Он ударил закорианца между глаз и, когда тот покачнулся, всадил собственный нож в его подмышку, на которой была огромная дыра. Противник упал, но еще четверо, переступив через умирающего, набросились на Рэма. Второй солдат выдернул свой клинок из массы волос и сухожилий. Рэм осознал, что девушка перестала кричать.

— Малыш в безопасности, в лодке, — произнес торопливым полушепотом второй солдат. — Девушка тоже...

Едва он выговорил это, как один из закорианских ножей, направленных ему в горло, достиг своей цели, заставив его умолкнуть. Как только он упал, второй кармианец свалился,

точно подкошенный, на его тело, и пират склонился над ними, чтобы вытащить свой кинжал.

На Рэма напали двое закорианцев, к ним на помощь спешил третий. Казалось, что у этой неравной борьбы может быть лишь один исход.

Рэм занес меч и отсек ухо одному из противников. Выбросив вперед нож, он вонзил его в чье-то запястье, перехватил за руку с ножом ближайшего закорианца и, продолжая удерживать его, поставил пирата перед собой. Выкрикивая проклятия, закорианец пытался высвободиться из железного захвата, а другой тем временем снова и снова пытался нанести удар Рэму в спину. Рэм устремился к борту корабля, таща с собой захваченного закорианца. Ему удалось выбить нож из руки пирата, но при этом он на миг ослабил хватку, хотя тут же снова прижал противника к себе. Теперь Рэм чувствовал спиной борт. Он с силой оттолкнулся, в ушах у него засвистел ветер. Он все еще сжимал закорианца в тисках своих рук, но мгновение спустя оттолкнул его от себя.

Когда Рэм вошел в воду, холод, казалось, отнял у него сразу все силы. Вынырнув, он услышал плеск неподалеку — это упал пират.

Теперь Рэм пытался разглядеть шлюпку.

Его пальцы коснулись дерева — и в тот же миг руки закорианца обвились вокруг его тела. Одна из них поднялась, и Рэм понял, что в ней зажат второй нож. Он попытался ударить снова, однако в ледяной воде это получилось плохо. Но тут над ним склонился его третий солдат, и убитый закорианец обмяк, освободив Рэма.

Солдат втащил Рэма в шлюпку.

— Ты мог бы уже отплыть, — выговорил Рэм. От холода его зубы лязгали, и слова звучали невнятно. — Хвала богам, что этого не случилось.

Однако оставшийся в живых солдат, ткнув мечом куда-то в море, снова склонился над водой. Из его глаза торчало черное древко стрелы.

Рэм поднялся и подтащил непослушное тело к стонущей девушке и молчащему ребенку, прикрыв их собой.

— Все хорошо, — произнес он. — Замри и не дергайся. Все в порядке, — и нервно рассмеялся.

К лодке летели новые и новые стрелы, но безуспешно. Океан стал неспокойным, и шлюпку относило все дальше от кораблей.

Наконец Рэм осмелился подняться. Никто их не преследовал, лишь несколько тел беспорядочно плавало на поверхности воды. Корабли, сцепившиеся, как калинксы в драке, были уже в

полумиле от них. «Лилия» горела.

Рэм взялся за весла и начал грести. Память подсказывала ему, что земля на востоке.

Лодка набрала воды, однако чудом удержалась на плаву. Время шло, Рэм греб, не чувствуя ничего, кроме напряжения мышц, скрипа лодки и леденящей хватки холода. Он продолжал грести, словно во сне или кошмаре, и очнулся, лишь когда лодка ткнулась носом в обледенелый берег. Дождь прекратился.

Он слышал, как вслед за ним вылезла на землю девушка, и постарался получше спрятать шлюпку на случай, если Вольные закорианцы все-таки решат погнаться за ними. Во впадине на склоне невысокого холма он развел огонь. День постепенно начинал рассеивать ночную мглу, и Рэм увидел лицо Беринды. Ее глаза были полны страха, который, казалось, поселился в них навечно. Она смотрела на него и боялась его, боялась всего на свете. Крепко прижимая к себе ребенка, она, несмотря на нестерпимый холод, обнажила грудь, чтобы покормить его. Это несколько успокоило девушку и порадовало Рэма.

Он распластался на твердой земле и окинул взглядом далекие холмы, голубеющие под снежным покровом. За холмами виднелись горные вершины, которых коснулись первые рассветные лучи. Надо было как можно скорее пускаться в путь. Северный Ланн был необитаем. Они находились за много миль от места, где можно было найти хоть какую-то помощь. Земля была пуста, как чистая синяя чаша.

Из-за округлой женской груди на него смотрели глаза малышки. Казалось, что они отчетливо видят его. Меж сном и явью он вновь ощутил странность ребенка. «Что это?» — подумалось ему. В какой-то миг Рэму показалось, что он начинает понимать... Девочка звала его. Каким-то непостижимым образом она говорила с ним, но без слов. Постепенно он стал думать о чем-то мудром, о каких-то чисто духовных высотах, заключенных в крохотном и беспомощном тельце...

В этих глазах была душа. Она помещалась в теле младенца, но не была душой младенца.

Потом его свалил сон, и сознание ушло. А когда оно вернулось, девушки с ребенком нигде не было.

Беринда шла вперед, склонившись над малышкой. Она рассказывала ребенку сказки. Собственные неудобства теперь ничего не значили для нее. Она испытывала надежду. Ночные беды стали ошибкой. Она избавилась от них, оставив позади погасший огонь и спящего мужчину. Теперь она будет искать

своего господина, своего темного и прекрасного лорда, который заботился о ней, который стал отцом ее ребенка и еще раз сделает все для их безопасности.

Она не ощущала, что все это уже было однажды. Никакая тень другой висской женщины, идущей со светловолосым ребенком на руках, не возникла в спутанных фантазиях Беринды. Ей никогда не рассказывали о Ломандре, которая унесла ребенка по имени Ральднор от злобы Корамвиса... А если и рассказывали, то Беринда это забыла.

Солнце стояло высоко, она спокойно продолжала путь, когда что-то шевельнулось на скале над ее головой. Это был белый волк, казавшийся огромнее неба, а за ним виднелись еще три его сородича.

Беринда закричала. Но она ушла слишком далеко, чтобы быть услышанной.

КНИГА ВТОРАЯ
ДИТЯ ЗАРИ

7

После дождей родилось молодое лето и зашагало по холмам.

Светлым вечером из леса вышел охотник с добычей на плече и остановился, чтобы окинуть взглядом землю, долину, расстилавшуюся внизу, и деревню, где он жил. В деревне было не более десятка домов, однако в каждом из них жило много людей. Ближайший город располагался в семи днях пути верхом, а в деревне было лишь два зееба. Многие жители никогда не видели этого города.

Охотник был невежественным, но жил мирно. Теплые тени, бегущие по холмам, и яркое окончание дня очаровывали его без всяких слов, не требуя знания. Кроме того, его семья должна была хорошо поужинать этим вечером, еды хватало даже на то, чтобы поделиться с соседями.

Что-то заставило его оглянуться — то ли яркие лучи солнца, то ли шепот травы на холмах.

Охотник замер, не дыша. Его рука потянулась к ножу, висящему на поясе, но больше он ничего не сделал.

По холму, прямо под ним, двигались три существа — одно из тени, два других из света. Пара волков, черный и белый, оба одинаково эффектные и по цвету, и по размерам. А между ними был еще кто-то. Ребенок — девочка, как понял охотник, разглядев едва проступающие бугорки груди. Она явно была дочерью народа Равнин — белее белого волка, а ее волосы, струящиеся до самой земли, но взлетающие при каждом ее шаге, казались бледно-золотыми, как рассвет.

Застыв на месте, охотник мог только смотреть. Ему доводилось слышать о подобных вещах, о диких детях, воспитанных зверями. Но замереть его заставил обычный страх. Если волки увидят добычу, которую он несет, они непременно нападут на него. И ребенок вместе с ними, ибо девочка была их сестрой и больше не принадлежала людям.

Черный волк остановился и повернул голову. Охотнику было хорошо видно, как расширились ноздри зверя. Тут же заволновался белый волк, обернулся и посмотрел на человека. Последней взглянула на него девочка.

Как только она повернула голову, страх охотника одновременно уменьшился и усилился, но теперь это был страх иного рода. Девочка была обнажена, но голову ее украшал венок из цветов. Охотник испугался едва ли не больше, чем поначалу, ибо ее взгляд вызвал в нем какое-то странное чувство. Доселе ему не приходилось испытывать ничего подобного.

Угасающий свет дня стал совсем зыбким. Некое новое ощущение проскользнуло в сознании охотника, подобно тому, как волна омывает камень, и его страхи исчезли. Он без всякой боязни стоял перед огромными волками и нечеловеческим ребенком и продолжал смотреть на них, пока они не повернули головы и не направились дальше по холму, в сумрак.

Когда охотник вернулся домой, его жена сидела за ткацким станком, однако тотчас же вскочила с места и с радостным возгласом бросилась навстречу мужу. Он разделал мясо, она быстро приготовила его, а немного позже отнесла часть жаркого в закрытом блюде в соседнюю хижину, где прилег отдохнуть ее муж, которого она не хотела тревожить.

Еще немного позже под свисающим с потолка уютным светильником охотник с женой сели играть в настольную игру на самодельной доске, переставляя забавные фигурки, вырезанные охотником из кости. Жена выиграла, как это нередко случалось, и оба изрядно позабавились.

А еще позже, когда они уже легли в постель, в теплой темноте, он сказал:

— Сегодня я видел на холме волчьего ребенка.

— Так и знала, что случилось что-то необычное, — отозвалась его жена. — Я думала об этом весь вечер.

— Почему же ни о чем не спросила?

— Я знаю, что ты сам все расскажешь мне, когда придет время.

Он действительно рассказал ей об увиденном. Потом оба они заснули и спали до рассвета. Разбудило их блеяние рыжей овечки со двора — она тоже проснулась и теперь просила есть.

Жена охотника поднялась и оделась, поцеловала мужа.

— Ты спи, а я пойду к Баббии.

Он с улыбкой повернулся на бок, а молодая женщина вышла из спальни, на ходу заплетая свои черные волосы. Она очень любила своего мужчину, несмотря на то, что он был двенадцатью годами старше нее. У нее были для этого свои причины. Он был замечательным человеком, а кроме всего прочего, еще и ее отцом.

Солнце уже стояло над холмом. Рыжая овечка резвилась во дворе. А на склоне холма стояла, застыв в ожидании, волчья девочка, и лицо ее было обращено к двери их домика.

У жены охотника перехватило дыхание, как у него самого вечером. Это был чистый трепет благоговения. Фигурка на холме, не старше десяти лет, казалась похожей на костяные игрушечные фигурки из настольной игры.

Волков нигде не было видно — только волчья девочка с

цветами в золотых волосах.

Жена охотника скользнула обратно в дом. Быстро положив на одно блюдо кусок пирога и горсть ягод, а на другое поставив кружку вина из деревенских погребов, она снова вышла из дома, поклонилась и отнесла угощение за деревню, поставив оба блюда неподалеку от склона. Девочка внимательно наблюдала за ней. Молодая женщина вернулась в деревню, вошла во двор и поцеловала в нос рыжую овечку:

— Тебе нужно оставаться здесь, а то могут прийти ее братья и съесть тебя.

Девочка никак не могла слышать то, что говорила женщина, но неожиданно на ее лице появилась улыбка. Она спустилась по склону и подошла к блюдам. Она вела себя совсем не как волчий ребенок и, похоже, знала, для чего предназначены блюда. Изящным движением она взяла с одного блюда ягоду и положила ее в рот. Затем подняла кружку со второго блюда и отпила из нее. После этого девочка аккуратно отошла от угощения, повернулась и убежала, словно призрак, носимый ветром.

Жена охотника весело рассмеялась — красота движений девочки доставила ей удовольствие.

— Она вовсе не волчий ребенок, — сказала она мужу, когда тот окончательно проснулся. — Она баназ, — так назывались сказочные ланнские духи, хранители деревень.

— Значит, это степная баназ.

— Почему бы и нет? С тех пор, как их король сделал их всех господами, они ходят по всему Вису, как им хочется, а их духи не отстают от них.

Около полудня в деревне раздались крики. Хозяева четвертого и пятого домов увидели волка, сидящего на склоне холма и смотрящего на деревню. Мужчины выбежали на улицу, громко топая башмаками. Охотник тоже вышел из дома и узнал черного волка, который спокойно сидел, вывалив язык.

— Неси свои копья! — окликнули его соседи.

— Нет-нет, — возразил охотник. — Этот зверь знаком с баназ.

— Ерунда. Это волк, и мы должны убить его, пока он не напал на нашу скотину или на нас самих.

Один из чьих-то младших сыновей размахнулся и бросил в волка разбитый глиняный горшок, но не попал. Волк часто и шумно задышал, как делают в жару собаки — а может быть, засмеялся.

В этот миг жена охотника вышла на склон, направляясь к волку с блюдом вчерашнего мяса. Люди закричали.

— Погодите, — осадил их охотник. — Моя дочь-жена кое-что смыслит в этих делах, — однако, несмотря на это, сам положил

руку на рукоять ножа, так же, как вчера вечером, когда стоял на холме.

В нескольких шагах от зверя женщина поклонилась и поставила на землю блюдо. Волк подошел и начал есть, она же спокойно спустилась вниз.

Когда волк покончил с трапезой, он повалился на спину и принялся кататься в пыли, потом встал — уже серым волком — и убежал прочь.

Деревня загудела.

Целый месяц, почти до самой Застис, все так и продолжалось. На окраине деревни появлялся волк или сама волчья девочка. Они не приносили никакого вреда ни домашним животным, ни детям. Всякий раз им делали подношения — теперь уже не только жена охотника, но и другие жители деревни. Женщины, работающие на виноградниках, стали смотреть на волков, как на пару больших собак. Мужчины оставляли для гостей часть добычи, и часто можно было услышать что-нибудь вроде: «Белый волк сегодня не приходил, я не видел его на склоне».

Обитатели холмов были простодушны и в то же время обладали знаниями. Они допускали подобные вещи.

Для девочки они соорудили маленький алтарь и стали класть на него все, что могло ей понравиться — цветы, мед, бусы. Однако все это оставалось нетронутым.

В одно прекрасное утро жена охотника отворила дверь своей хижины и увидела перед собой волчью девочку. Она молчала, а может, и вовсе не умела говорить, ибо провела среди диких зверей те годы, когда складывается речь. Но она улыбалась, и улыбка эта была вполне дружелюбной. Женщина отступила назад, и волчий ребенок вошел в дом.

Жена охотника не имела ничего против, однако не знала, что ей теперь делать. Она изучающе смотрела на девочку-баназ. Девочка задержалась возле занавески, отгораживающей постель, потом повернулась и показала ослепительно белым пальцем на круглый железный котел.

— Позволь мне поучиться у тебя, — сказала она.

Молодая женщина застыла на месте. Ее несказанно изумило то, что ребенок заговорил с ней. Когда изумление прошло, она с радостным чувством осознала, что баназ вообще не произносила слов — это было только впечатление. Она говорила, как умеют люди Равнин, словно изнутри ее головы.

Девочка оставалась у них лишь несколько дней и ночей. Она быстро поняла, как быть человеком. Казалось, она всегда это

знала, и ей нужно было лишь напомнить.

Впервые в жизни она оделась в красивое платье, которое отдали хозяева шестого дома, родители юных дочерей. Теперь она могла всегда оставаться одетой. Она с одинаковым интересом наблюдала за работой ткацкого станка, прислушивалась к бульканью пищи, варившейся в горшках, и блеянию Баббии. Она заплетала волосы и расплетала их. Она мылась в ручье, хотя жена охотника заметила, что от настоящей баназ, какой была девочка, всегда пахнет чистотой и каким-то естественным цветочным ароматом.

Она знала язык Висов, хотя не слишком-то нуждалась в этом знании, потому что с необыкновенной деликатностью брала любые сведения прямо из сознания людей. Однако никто, кроме жены охотника, не разговаривал с ней, да и это бывало редко.

По ночам возле двери хижины спали два волка.

Деревенские жители оставили алтарь неприкосновенным.

За эти несколько дней жена охотника привязалась к девочке и полюбила ее, как полюбила бы дочь-сестру, которую боги пока что ей не даровали. Однако в деревенской одежде, с убранными волосами девочка казалась намного старше. Она выглядела не ребенком, но маленькой женщиной.

На пятый день жена охотника плакала, а девочка расчесывала ей волосы заботливыми руками, и ее глаза напоминали два солнца, затуманенных отдаленной добротой.

— Ты должен одолжить зееба, — сказала жена охотнику. — И отправиться на юг.

Он нахмурился, жена печально смотрела на него, а девочка молчала.

— Зачем?

— Она сказала мне — так же, как говорит все остальное. Она хочет, чтобы ты отвез ее в город и продал там, как рабыню.

— Есть закон, запрещающий продавать людей Равнин, — отозвался охотник.

— Сегодня она собирала травы в холмах, чтобы выкрасить кожу и волосы.

Охотник в изумлении уставился на девочку, будто видел ее впервые. В его душу проник неясный страх. При свете лампы он разглядел, что волосы девочки стали темно-каштановыми, как кора дерева, а кожа потемнела, хотя до сих пор на ней не было даже легчайшего загара.

На голубоватых холмах появились волки, черный и белый, и несколько миль бежали рядом с повозкой и зеебом. Девочка заботливо смотрела на них, но не произнесла ни звука. Однако

волкам, судя по всему, было приятно то, что она говорила им мысленно.

Когда волки бросились назад и больше не вернулись, охотник произнес:

— Ты уносишь с собой удачу из моей деревни.

Однако он уже знал, что эти слова несправедливы, в чем сам смог убедиться в недалеком будущем.

Город Ольм располагался в туманных приграничных землях, там, где Ланн смыкался с Элиром. Над городом возвышались горные вершины, составляющие основу пейзажа. Когда-то между горными хребтами находилось древнее королевство Зор, теперь оставшееся без правителя и попавшее в зависимость от короля в Амланне. Все эти века Зор сохранял свою старую народную религию: там поклонялись женскому божеству, которому были посвящены змеи.

Повозки, трясущиеся по дороге на рынок Ольма, были полны самых разных товаров на продажу. Иногда на городском рынке продавали даже рабов, хотя в Ланнелире, как и в коренных ланнских землях, рабство было отменено. Редкое исключение составляли светловолосые выходцы из Шансара и Вардата, которые возродили ослабевшую было торговлю. Сейчас на втором континенте было без счета рабов-Висов, принадлежащих светловолосым хозяевам. Вот и сейчас на рынке Ольма стояли несколько белокурых вардийцев, торгующих плотью всех видов, и, прихлебывая вино из чаш, любовались женщиной на помосте. Это была танцовщица со змеями из Зора. Серебряные кольца огромной змеи обвивали ее бронзовое тело, а она проскальзывала сквозь них, чарующе выгибаясь.

Сафку, дочь ланнского наместника в Ольме, наблюдавшую за этим зрелищем сквозь занавески носилок, оно только злило. Впрочем, ее злило все: весь мир, собственная молодость и полное отсутствие каких-либо видов на будущее. В своих фантазиях она иногда представляла, что в один прекрасный день какой-нибудь лорд, путешествующий по Ланнелиру, увидит ее, прельстится и увезет прочь, в другой замечательный мир. Однако она знала, что слишком невзрачна, чтобы произвести на кого-то такое впечатление.

— Идите дальше, — равнодушно бросила она носильщикам.

Сопровождавший ее верховой склонился к носилкам и объяснил девушке очевидное: на их пути стоят вардийцы, которые вполне могут отказаться пропустить носилки, пока не закончился танец. Неужели ей так нужен скандал?

— Что ж, раз я должна ждать здесь, то хотя бы взгляну на

прилавки, — вздохнула Сафка. С понурым выражением на лице она выбралась из носилок, сверкнув эмалевыми бусинами в волосах, и направилась вдоль торговых рядов. Телохранитель спешился и пошел за ней, привычно держа руку на рукояти меча.

Девушку везде узнавали и приветствовали со всей возможной учтивостью. Лишь вардийцы не обратили на нее никакого внимания.

Капризная и упрямая, Сафка эм Ольм без особой цели подошла к клеткам с разноцветными птицами, которые оказались прямо перед ней. Притворившись, будто внимательно разглядывает птиц, девушка исподтишка бросала взгляды на торговцев у помоста. Ей не нравилась ни белая кожа завоевателей, ни их язык, но сквозь всю неприязнь пробивалась мысль, что кто-нибудь из них мог бы счесть ее интересной, хотя бы потому, что она темна, а они светлы — красивый контраст...

Однако никто из них не обернулся в ее сторону.

Танцовщица на помосте закончила исполнять свой ритуал — для нее этот танец был ни больше ни меньше как ритуалом — и ушла прочь, опутанная змеей. Вскоре стало ясно, что теперь возвышение будет использовано для рабского аукциона.

Дочь наместника стояла под палящими лучами солнца, собираясь понаблюдать за торгами.

Вардийцы так и притягивали ее, в особенности один из них. Девушка задумалась, можно ли будет развлечься с этим чужеземцем. До восхода Застис оставалось совсем немного. Может ли этот человек оказаться хорошим любовником? Поговаривали, что мужчины из другого мира невосприимчивы к Застис, но разве так бывает?

Первые владельцы показали свой товар. Пока оценивали и продавали эту партию, вардийцы и пальцем не пошевелили. Вслед за ней на помосте оказались рабы из коренных земель Ланна — скованные одной цепью трое мужчин и несколько женщин. В них не было ничего исключительного, все имели неряшливый вид. Несомненно, до нынешнего положения их довели долги.

Один из вардийцев, тот самый, который привлек внимание Сафки, указал на последнюю из женщин.

О ней никак нельзя было сказать, что она неряшлива. Это была девочка лет одиннадцати или двенадцати, с длинными пышными волосами, с кожей, слишком светлой для чистых Висов, но чересчур смуглой, чтобы считаться одной из желтого народа.

— Двадцать медных парингов за ребенка, — выкрикнул вардиец.

— Двадцать, хозяин? Это не...

— Вардийская медь, а не грязная ланнская.

Сафка тут же перенесла свою злость на этого человека, говорившего с акцентом, позорившего ее страну... и даже не взглянувшего на нее!

— Десять паринго в серебром, — выкрикнула она звонким, как колокольчик, голосом. — Отличное серебро из дома наместника. Ничего чужеземного.

Тут и там в ланнской толпе послышался смех.

Вардиец обернулся. Его взгляд был открытым, влекущим и одновременно таил угрозу. Девушка выдержала этот взгляд, хотя лоб ее покрылся потом. Невольно ее пальцы накрыли счастливый браслет, который она носила на левом запястье и никогда не снимала. Не торопясь, вардиец снова повернулся к помосту.

— Пятнадцать паринго вардийского серебра, во имя Ральднора.

— Во имя Ральднора и Яннула Ланнского, одного из его капитанов! — закричала Сафка, совсем потеряв голову. Толпа зашумела еще сильнее. — Двадцать серебряных паринго!

Вардиец снова обернулся. Теперь в его глазах не было ничего, кроме желания уничтожить ее на месте. Оставив недопитое вино, без единого слова он вместе с товарищами направился по рынку прочь от торгов. Девушка почувствовала себя глупо, совершенно дурацки, и ей захотелось поскорее оказаться в одиночестве.

Ланн, оставшийся нейтральным в войне Равнин, отдал герою Ральднору для сражения с дорфарианскими угнетателями многих своих сыновей — и не последним среди них был Яннул, замечательный акробат, который вместе с Ральднором учился солдатскому мастерству в Зарависсе, а после применял эту науку, пройдя бок о бок с героем и его армией по всем землям Виса. И именно Яннул, никто иной, совершил вместе с Ральднором путешествие, которое закончилось на поросших лесом берегах Континента-Побратима. Одни считали, что друг героя остался в Анкире, столице Дорфара, при ваткрианском короле, сыне самого Ральднора. Другие говорили, будто Яннул вернулся в Ланн. Сафка пожалела о том, что его здесь не было. Желтые люди ходили по всему Ланну, как по своему дому, и давно напрашивались на то, чтобы кто-нибудь поставил их на место. Только ради этого, честно говоря, она и затеяла торг с ними...

Тут она, наконец, вспомнила о том, что купила рабыню.

Следуя за носилками Сафки, девочка дошла до каменного дома наместника с единственной башенкой. В руках хозяина торгов остался счет, который требовалось оплатить. Волосы у этого человека доходили до самых лопаток, что выдавало в нем жителя холмов. В городах мужчины обрезали волосы строго по

линии шеи — по моде Ваткри и Вардата. Не исключено, что этот житель холмов продал ей собственного ребенка.

Расстроенная Сафка едва взглянула на свое приобретение. Во дворе дома она велела прислуге хорошенько вымыть девочку, а затем накормить и переодеть, чтобы рабыня пришла к ней в спальню еще до вечерней трапезы.

Однако тени были еще короткими, когда две девушки Сафки в ужасе вбежали к ней. Когда смуглая девочка погрузилась в воду, им показалось, что она сверкает, как звезда.

— Белая кожа... желтые волосы... Ох, госпожа, конечно же, она с Равнин...

— И еще она немая, госпожа, — добавила вторая служанка. — Не может вымолвить ни слова.

Сафка быстро вышла из спальни и отправилась сама взглянуть на ребенка.

Девочка сидела в воде, где ее оставили служанки, и выглядела совершенно спокойной. Конечно же, она была с Равнин — даже кровь второго континента не давала столь ослепительной белизны. Сафка мгновенно осознала весь ужас положения, в котором оказалась. За продажу выходцев с Равнин полагался штраф и порка, а за покупку такого раба могли назначить любое наказание, какое сочтут достаточно строгим. Что же ей теперь делать?

— Малышка, ты можешь меня слышать? — ласково спросила Сафка.

Девочка с необычным и очень серьезным лицом взглянула на нее и кивнула.

— Тебя взяли по ошибке, — твердо произнесла Сафка. — Я отпущу тебя, как только явится чиновник, чтобы получить деньги. Есть ли у тебя такое место, куда ты хотела бы вернуться? Может быть, на Равнины? — Сафка все больше и больше ощущала дикость своего положения. — Должна ли я отправить тебя туда? Слишком дорого, я этого не смогу!

Девочка покачала головой.

Это было очень странно — она не произнесла ни слова, однако Сафка была уверена, что ее жест не означал безусловного «нет». Скорее — «Пока нет».

Застис заливала небо кровавым светом.

Сафка взяла в любовники одного из своих носильщиков. Другого выбора у нее не было. По крайней мере, такое соглашение нельзя назвать неразумным — мужчина был привлекателен, здоров и, самое главное, подчинялся ей. Сафка, отнюдь не красавица, в душе негодовала из-за того, что

вынуждена покоряться силе Красной Луны. В то время как она, насытившись, должна была отпустить любовника из своей постели, ее братья проводили целые ночи с женами и наложницами, а ее хорошенькая сестра, занимавшая в доме более значительное положение — со своим знатным избранником. С тех пор, как Сафка поняла, что не в ее власти выбирать, с кем получать удовольствие, она решила, что лучше уж вообще обходиться без близости. Потому-то нынешней ночью она не пустила в свою постель никого и горела там в одиночестве.

В полночь, так и не заснув, она в гневе спустилась вниз, надеясь успокоиться в прохладном дворе возле фонтана. Дойдя до небольшой колоннады, она замерла на месте.

Желтая медь, которой был украшен фонтан, казалась сейчас красноватой, вода переливалась, как нити стеклянных бус, а все остальное было погружено во мрак. Почти все. Возле бассейна стояла белая девочка с Равнин, и с ней было что-то еще...

В груди Сафки перевернулось сердце. В первый миг она не поверила своим глазам. Вокруг хрупкого детского тела обвилась несколькими кольцами огромная змея, очень похожая на ту, с которой танцевала на рынке девушка из Зора. Но для той девушки такой танец был вполне обычным, ведь ее с детства обучали обращению со змеями. Эти огромные гадины, хоть и не были ядовиты, с легкостью могли переломать кости небольшому животному — и даже раздавить грудь сильного мужчины, если бы пожелали проверить таким образом силу своих смертоносных объятий. Что же говорить о тоненькой, как тростинка, девочке?

Каким образом эта тварь пробралась во двор — влезла в какую-то дырку на кухне или переползла через высокую стену, — сейчас не имело значения. Рука Сафки сама потянулась к шее, туда, где висел в ножнах небольшой кинжал, украшенный элирианской эмалью. Слишком маленькое лезвие — надо целиться точно в глаз змее. Может быть, после смерти твари ее тело ослабеет, и кольца разожмутся.

Если бы девочка не была немой, она могла бы позвать на помощь.

Но почему же тогда не закричала сама Сафка?

В тот миг, когда у нее в голове мелькнула эта мысль, Сафка услышала звуки — низкое, мелодичное воркование, исходящее от немого ребенка. В этот же миг девочка подняла голову и взглянула Сафке в глаза. Они смотрели друг на друга — и дочь наместника медленно поднесла к шее руку с кинжалом и опустила его обратно в ножны.

Служанки Сафки говорили ей, что девочка, кажется, может подзывать к себе птиц прямо из воздуха, рассказывали, как с ней

играли две забавных мартышки из Корла. Но такое...

Искусство девушки из Зора ничего не значило в сравнении с тем, что видела сейчас Сафка. Девочке незачем было бояться. Она повелевала огромной змеей или, по крайней мере, общалась с нею. Кольца змеи свободно обвивали детское тело, а плоская голова медленно двигалась среди золотых волос.

Кроме того, девочка вовсе не была немой. Звуки, которыми она обращалась к змее, это гипнотическое воркование, были на удивление членораздельны. Имея развитое голосовое устройство и отлично зная язык Висов, девочка не пользовалась ими только потому, что считала речь излишеством. В один миг Сафка поняла все это и сразу приняла, как должное. Без всякого протеста она стояла и невидящим взглядом смотрела на свою рабыню с Равнин. Никто не дал девочке никакого имени. Все звали ее по предполагаемому месту рождения, и всех это устраивало. Она не привлекала к себе внимания. Наместник не удостоил ребенка даже взглядом.

Девочка переменила позу, змея скользнула вперед, ее голова легла на маленькие раскрытые ладони. Глаза обеих, и ребенка, и змеи, были бледно-золотыми, и казалось, что они светятся.

Сафка решила, что девочка предлагает ей змею, подносит ее, как подарок, со всей ее ужасающей силой. Может быть, все и впрямь было так. Сафка прикоснулась к своему счастливому браслету и попятилась. Брызги фонтана прохладным поцелуем легли на ее плечо.

— Она не сделает ничего дурного, — сказала девочка.

Сафка уже открыла рот, чтобы закричать — и не закричала. Ее сердце гулко забилось, она шагнула вперед и приняла змею с рук девочки в свои собственные.

Она была тяжелой, одновременно влажной и сухой — ни с чем не сравнимое ощущение. Сафке казалось, что поднялся каждый волосок на ее теле, но не от страха, а от чего-то другого. Она вздрогнула, но тут же расслабилась. Змея слегка сжала ее кости, и Сафка осознала все величие ее силы, которая не могла причинить ей никакого вреда — ведь она находилась под защитой девочки.

«Как я могла бояться ее? — отчетливо подумала она. — Она же так прекрасна!»

Все продолжалось лишь несколько мгновений. Потом змея сползла вниз, словно утекла, оставив Сафку, которая вся трепетала, но через миг успокоилась. Змея исчезла прежде, чем девушка успела это заметить.

Сафке хотелось поговорить с девочкой, задать ей множество вопросов, но теперь та молчала, как обычно. Сколько ей лет? Она

выглядела и старше одиннадцати, и вместе с тем моложе.

«Откуда ты пришла?» — снова и снова мысленно спрашивала Сафка, уверенная в том, что девочка услышит ее, если захочет, и в том, что девочке понятно: своим вопросом она имеет в виду не какую-то землю или народ, но что-то другое, более определенное.

Однако девочка, как поняла Сафка, не ответила.

8

Засады на амланнской дороге ни для кого не были новостью и никого не могли удивить. Прошлой ночью в придорожной таверне получили не совсем обычное, но достаточно серьезное предупреждение, из которого все стало понятно. Если отвлечься от проблем, то само по себе место было красивое — холмы, поросшие густой высокой травой, спускались прямо к дороге. Люди выскочили словно из-под земли, подобно демонам, крича для пущего устрашения, и обрушились на всадников и пять грохочущих фургонов.

Однако фургоны оказались полны обнаженных мечей. Кровь брызнула и запачкала винные бочки и тюки шелка, с которых сбились защитные покрышки из шкур овара.

Рэм извлек меч из путаницы чьих-то кишок, ударом кулака отбросил тело прочь и тут же отвесил следующему разбойнику такого пинка, что тот кувыркнулся через голову, перелетел через фургон и нашел свой конец под острыми копытами зеебов.

Схватка закончилась. Тела разбойников лежали вдоль дороги, кое-кто свешивался с фургонов. Троим или четверым удалось улизнуть, и теперь они продирались сквозь густые заросли на склоне холма, причем тому, который карабкался последним, даже удалось прихватить кое-какой товар.

— Вот этот, — показал Рэм. — Сними-ка его оттуда.

В воздухе просвистело копье, и разбойник замертво свалился в траву. Остальные даже не оглянулись и вскоре исчезли из виду.

В прежние времена, еще пару лет назад, по этой дороге можно было ездить, не опасаясь подобных приключений. Однако с тех пор, как Вольные закорианцы вошли в проливы между Дорфаром, Оммосом и Ланном, несколько пиратских кораблей бросили якоря в гавани Амланна, а их команды устраивали наземные вылазки. То же самое творилось близ южных портов Элира. Таким образом, торговый путь в столицу перестал быть столь безопасным, как прежде. Любой ценный груз, ушедший от закорианцев, становился добычей ненасытных ланнских грабителей.

Однако Рэм неплохо знал обычаи разбойников — ему и самому когда-то доводилось грабить на больших дорогах. Организуя сопровождение столь ценных грузов, какие лежали сейчас в фургонах, он обеспечивал себе полную финансовую независимость. Под его началом ходило два десятка отчаянных и сообразительных головорезов, и он мог бы нанять и больше, возникни в этом необходимость. Может быть, это было меньше,

чем те пятьдесят человек, которыми он командовал в Кармиссе, под Саламандрой лорда Кесара. Но дела сложились так, что возвращаться туда не имело ни малейшего смысла. В любом случае Кесар больше не нуждался в нем. Шесть лет назад по Истрису прокатилась чума, и как ни оберегали принца-короля Эмела, он все же заразился и вскоре умер. Менее чем три месяца спустя короновали Кесара эм Ксаи. Он взял себе двух королев — шансарскую принцессу из дома Сузамуна и висскую женщину.

Но все это происходило в другом мире. Сюда новости доходили с опозданием и вызывали лишь слабые отголоски эмоций.

С той далекой поры минуло восемь лет, плюс месяцы жары и власти Застис. Сейчас тому ребенку должно быть чуть меньше девяти. Однако не было оснований предполагать, что девочка осталась в живых. Впрочем, невзирая на это, все эти восемь с лишним лет Рэм пытался разыскать ее и ту девушку, Беринду, кочуя по Ланнелиру с севера на юг и обратно, но не находя никаких следов.

Рэм продолжал заниматься охраной торговцев, которой с самого начала занялся именно потому, что этот промысел давал ему возможность путешествовать по всему Ланну, но сейчас он уже перестал понимать, зачем продолжает поиски. Может быть, просто по привычке. Девочка не могла остаться в живых. Неизвестно где, ветер гулял над ее маленькими косточками, а ее необычная взрослая душа, должно быть, парила над ними.

Радовало Рэма лишь то, что за все эти годы с ним не случилось ни одного видения.

Иногда ему вспоминалась Лики, и он гадал, живет ли она по-прежнему с торговцем пенькой или сменила его на кого-нибудь другого. Даже память о Дорийосе порой пролетала по мыслям Рэма, как опавший лист. Но думать слишком часто о Кесаре он себе не позволял.

— Рэм, у этой грязной свиньи есть золотые пряжки. Они тебе нужны?

— Нет. Делите между собой все, что найдете.

Люди занялись дележом, обыскивая трупы перед тем, как оттащить на обочину. Рэм оставлял за собой такие следы по всему Ланну. Кто-то поднялся по склону холма и подобрал товар, который пытался унести грабитель.

Потом фургоны снова двинулись в путь. Охрана, соблюдая полный порядок, прятала обретенное добро и попивала вино до самого города.

Король и королева жили в Амланне, во дворце с красиво

расписанными стенами и пятью башнями, связанными между собой. Раз в несколько месяцев они выходили на лестницу, усаживались в кресла из слоновой кости под небольшими зонтиками и в окружении стражи и знати вершили правосудие для всех, кто в нем нуждался. Этот обычай, тоже пришедший из Ваткри, Вардата и Тарабанна, смущал Рэма. При всей симпатии к правителям его солдатское сознание ясно видело возможную опасность. Ему так и мерещился убийца, притаившийся на лестнице, между красными и голубыми колоннами. Меж тем для народа гибель владык обернулась бы большой печалью. Брат и сестра, согласно ланнской традиции, оба они были молоды, прекрасны и справедливы.

Всего за две улицы от Дворцовой площади имелась неплохая таверна. Когда Рэм вошел, помещение озарял желтый свет, несколько жонглеров перебрасывались факелами и колокольчиками, и все дышало уютом.

Рэм устроился в темном углу на месте, оставленном специально для него, и сидел, потягивая ланнское вино в ожидании заказанной еды. Здесь он должен был встретиться с торговым агентом. Фургоны отправились на склады товаров, и уже разнесся слух о засаде и о том, каким отчаянным храбрецом показал себя Рэм из Кармисса. За приключение в дороге полагалась дополнительная плата, и он радовался за своих людей. Что же до него самого, то он разглядывал темное вино и размышлял так, как позволял себе лишь изредка — о том, почему занимается тем, чем занимается, о никчемности своей жизни и отсутствии других путей. Рэм твердо знал, что в его жизни не было ничего такого, что заслуживает особого внимания несуществующих богов или даже его собственного.

Подняв голову, он увидел двоих, входящих в таверну. Они остановились, чтобы посмотреть на жонглеров, и по таверне пронесся легкий разноголосый шумок, означающий, что эти двое — важные персоны.

Рэм с любопытством принялся разглядывать вошедших. Старшего из них он не знал. Это был ланнский Вис средних лет, однако крепкий, как человек, которому довелось повоевать, и с исключительной координацией движений, которая угадывалась даже тогда, когда он стоял спокойно. Он был одет исключительно изящно, чтобы не сказать — экстравагантно, и в отличие от большинства амланнских мужчин, носил очень длинные волосы, как было принято в старину. Рэм много раз бывал в Амланне и мог узнать большинство придворных в лицо — он часто встречал их неподалеку от дворца, а город был не так уж велик. Однако вошедший не вызвал у него никаких воспоминаний.

В этот миг один из жонглеров прошелся колесом и встал на ноги перед гостем. Тот рассмеялся и бросил ему обязательную монету, затем двинулся вперед по просторной комнате, поглядывая по сторонам. Тут и там поднимались приветственные чаши, и он благодарил легким наклоном головы. Второй гость шел рядом с ним, улыбаясь, с гордым и важным видом.

Этот второй был юношей лет девятнадцати. Едва взглянув на него, Рэм уже не мог оторвать глаз. Юноша был полукровкой с матово-смуглой кожей, светлее, чем обычно у Висов, и волосами чернее воронова крыла. В глазах его ободок из темной бронзы окружал топазовую сердцевину. В общем, до смерти красив...

Вскоре оба гостя оказались у стола Рэма.

— Добрый вечер, — заговорил старший. — Мы не помешаем твоему обеду, если устроимся здесь?

Рэм продолжал вглядываться в незнакомца, сидя в тени колонны. Он уже готов был ответить что-нибудь неподобающее — но тут таверна внезапно перевернулась и встала вниз головой.

Перед ним по-прежнему сидел мужчина, только теперь он был на тридцать лет моложе, а юноша исчез, и все вокруг было залито солнечным светом, в котором клубились пылинки.

— Прошу прошения, — осторожно произнес Рэм, — похоже, вы меня знаете, но я...

— Яннул Ланнец. Мы служили вместе, ты и я.

Таверна вновь вернулась на место. Рэм сглотнул. Как быстро на этот раз...

— Что случилось? — спросил гость с несколько озабоченным видом.

— Вас зовут... — Рэм торопливо прокашлялся, — Яннул.

— Я предпочел бы отрицать это, но вижу, что ты узнал меня.

— Яннул Ланнец, один из капитанов героя Ральднора.

— Когда-то был, — видимо, приняв это за разрешение, Яннул присел к столу. Юноша сделал то же самое.

— А говорят, что вы в Дорфаре.

— Тоже был когда-то, а теперь тут. Вот мой сын, он родился здесь. А ты — Рэм эм Кармисс, охраняющий караваны, который когда-то был солдатом короля Кесара.

— Откуда вам это известно?

— Я спрашивал о тебе кое-кого. То, как ты разделался с разбойниками на дороге, выдает хорошую школу обращения с оружием. А сегодня днем ты задержался, я так считаю, чтобы поднести костяные шпильки богиням.

Подошел слуга.

— Кувшин вашего лучшего вина, я плачу, — бросил Ланнец.

— Господин, если вы окажете нам честь, платит таверна...

— Если я буду слишком часто оказывать вам честь, вы окажетесь на улице. Возьми деньги. И за еду для этого господина тоже.

Слуга удалился.

— Чего вы хотите? — спросил Рэм.

— Мой сын, — коротко ответил Яннул.

Рэм взглянул на улыбающегося юношу и снова перевел взгляд на Яннула.

— Не понимаю.

— Ты видишь, что творит Вольный Закорис. Через год или около того разразится страшная война, и ее не миновать.

— Если вы так говорите, значит, вам что-то известно.

— Да, кое-что. Лар-Ральднор, который сидит рядом со мной, хочет, когда наступит подходящее время, набрать войско и отправиться к Верховному королю в Анкиру.

— Повелитель Гроз, без сомнения, будет благодарен за такую поддержку.

Яннул, прищурившись, смотрел поверх головы Рэма, словно что-то отыскивая взглядом.

— Мой отец считает, что я мог бы отправиться, будь у меня хоть небольшой запас боевых навыков, — вдруг произнес юноша, и голос у него оказался под стать внешности. — Это возможно. Он сам научил меня многому, но мне нужно больше. Мы хотели спросить, не могли бы вы...

— Оставить прибыльное дело, чтобы натаскивать тебя в искусстве убивать. Так, да?

Юноша по имени Друг Ральднора — никак иначе его звать и не могли — взглянул в глаза Рэму.

— Я знаю, что убийство — это не игра. Отец выучил меня этому, как и всему остальному. Но новое королевство Йила эм Закориса в Таддре — всего лишь база, и всему миру известно...

— Нет, — снова перебил его Рэм. — Прошу прощения, но нет.

Принесли вино. Яннул поднял кувшин, но Рэм накрыл ладонью свою чашу.

— Выпей, — сказал Яннул. — Мы еще разговариваем.

Рэм позволил вину пролиться в сосуд.

— Я считаю, что разговор окончен. Вы можете купить другого учителя для своего сына.

— Где, здесь? Здесь нет даже армии.

— А шансарцы?

— Они неистовы в сражении. Это не лучший вид боя — если человек не рожден для такого неистовства, он неминуемо будет убит.

— Он не хочет, чтобы я уходил, — вставил Лар-Ральднор. —

Я только что пытался его уговорить. Что ж, если вы отказываетесь, я справлюсь сам.

— Ланн — вполне приятное место, — заметил Рэм.

— Он перестанет быть таким, если однажды ночью придет Вольный Закорис и захватит его.

Яннул выругался.

Рэм понял, что отец видит в сыне самого себя, такого же неукротимого духом, как тот молодой капитан, который рядом с Ральднором эм Анакир сражался со всей ненавидящей мощью Виса. Что-то странное проснулось в душе Рэма. У него никогда не было сына, к добру или нет, но ему не было дано испытать подобные чувства. Но сейчас впервые за последние пятнадцать лет ему захотелось знать своего отца или, по крайней мере, его имя.

В противоположном углу Рэм заметил торгового агента, с разинутым ртом глядящего на Ланнца. Яннул перехватил его взгляд и поднялся со скамьи. Поднялся и юноша. Он больше не протестовал, но казался чересчур спокойным.

— Если вдруг переменишь свое мнение — здешний хозяин знает мою усадьбу и дорогу к ней. Всего четыре мили от Амланна, и виноград у нас замечательный. Подумай об этом еще раз.

Волки на склоне скользили по льду, выхватывая друг у друга какие-то клочья. Рэм знал, что это такое. Ребенок.

Рядом с ним стоял Кесар и смотрел на волков. «Это ничего не значит для меня», — сказал он.

Волки лежали, завывая. Кровь проточила во льду дымящиеся канавки. Кесар исчез. На его месте теперь стоял сын Яннула и мягко говорил:

— Ничего страшного. Это просто сон.

Рэм проснулся весь в соленом поту, словно выплыл из ланнского океана. Его знобило, хотя ночь была жаркой.

Уже несколько лет ему ничего не снилось, хотя поначалу сновидения стали для него кошмаром. С того самого первого утра в Ланне он стал просыпаться от того, что видел во сне, как исчезли девушка и ребенок. В то утро, не найдя их, Рэм прошел по холмам и встретил людей из маленькой деревушки, которые возвращались с охоты на волков. Они взяли его с собой и позаботились о нем. Однако им не встречались ни женщина, ни младенец. Скорее всего, во время снегопада на них напали волки. Воображение быстро дорисовало картину, и больше он никого не расспрашивал.

Съедена заживо — это хрупкое, совершенно беспомощное

создание...

Рэм встал с постели, подошел к окну и взглянул на Амланн, на его поздние огни, на пять башен дворца.

Сын Яннула, возникший в его сновидении — вот что было необычно.

Сын Яннула... В возрасте этого мальчишки Рэм сворачивал шеи для того, чтобы воровать кошельки. Лар-Ральднор хотел научиться сворачивать шеи для того, чтобы спасти мир.

Вернувшееся этой ночью безумие с видениями потрясло Рэма. Он думал, что уже навсегда освободился от него. Странным было то, что в этот раз у видения имелся какой-то смысл. Кем он был в тот момент на бурлящей площади, краем глаза видя за спиной черные джунгли, каким человеком, который служил с Яннулом? И где? Ответ был очевиден и уже в силу этого невозможен: он был Ральднором, сыном Редона и Ашне'е, Ральднором эм Анакир, мессией Равнин.

Дни шли за днями, а работы все не было. Никто не отправлял товары в порт Амланна. Отдельные караваны уходили на юг, но у них имелась своя постоянная охрана. Пятеро из людей Рэма попросили отставки и ушли в том же направлении — в Ланнелире их ждали семьи. Что до другого дела — неустанных безрезультатных поисков, — то сейчас во дворе таверны напротив Рэма стоял человек.

— Я слышал, что вы ищете следы женщины и ребенка, господин.

— Да, это так.

— Я свернул со своего пути, чтобы зайти сюда.

— Не сомневаюсь.

Наступило продолжительное молчание, после которого обескураженный человек произнес:

— Далеко на севере живет кармианская женщина.

— Да?

— У нее есть ребенок около семи лет, смешанной крови и очень хорошенький.

Рэм не пошевелился. Ему и прежде рассказывали подобные истории, часто попросту лгали. Иногда это заставляло его сдвинуться с места, однако он никогда не находил того, что искал.

— И этот ребенок — мальчик, — сказал он.

— Нет, девочка.

— Вы разговаривали с этой женщиной?

— Да. Но я не сказал ей, что вы ее разыскиваете.

— Как она вам показалась?

— Немного глуповата, — отозвался человек. — Медлительная. Но, в общем, добрая. А ребенок просто сияет.

Рэм почувствовал, как напряглись его мышцы.

— И вдобавок прихрамывает, — сказал он.

— Ребенок? — нахмурился человек.

— Или женщина, — невозмутимо добавил Рэм.

Человек облизал губы и решился:

— Да, господин.

Рэм рассмеялся. Так было лучше, чем напускать на лицо мрачно-отсутствующее выражение, перенятое от Кесара. Человек, который немного знал о том, что разыскивает Рэм, но не был в курсе подробностей, еще побормотал что-то, нахмурясь, но вскоре поспешил исчезнуть.

Рэм прогулялся по улицам, по рынку, отстраненно взглянул на дворец. Когда-то Яннул, капитан Ральднора, проскакал всю дорогу по глубокому снегу, чтобы уговорить своих короля и королеву, бывших тогда еще детьми, заключить союз Ланна с Равнинами.

Говорили, что Яннул женился на женщине Равнин. А теперь у них вырос славный сын, который хочет отправиться в Дорфар.

Дорфар. Земля дракона. Теперь земля богини.

Улицу перешел молодой человек, на миг показавшийся Рэму похожим на сына Яннула. В последнее время Лар-Ральднор занимал слишком много места в сознании Рэма. Даже ночью оно не отвлекалось ни на какие другие образы. Рэм был осторожен. Юноша находился в том возрасте, в котором появляется чувственность, порой подавляемая, а порой подпорченная. А Рэм за всю свою жизнь (за исключением нескольких подвернувшихся случаев) не делил компании ни с кем, кроме тех, кто делал это за плату...

Однако прошли еще ночь и еще день, прежде чем он узнал дорогу и выехал из Амланна, направляясь к усадьбе Яннула.

Этот дом ничуть не походил на простую деревенскую ферму, скорее его можно было назвать виллой, выстроенной, как решил Рэм, на дорфарианский лад. Его окружали голубоватые холмы, так же, как окружали они все в Ланне, а вдали за домом в лучах восходящего солнца мерцали горные вершины. Возле дома раскинулись плодовые сады и виноградники. В долине, по которой бежал ручей, паслось стадо оринксов, многие из которых плескались в воде. Из небольшого загона выглядывали зеебы, а по внутреннему двору с пронзительными криками бегали серые бисы, хлопая крыльями и вытягивая длинные шеи.

— Великолепно, — произнес Яннул, встретив Рэма в

прохладе дома. — Мы здесь рано завтракаем. Ты успел как раз вовремя.

Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами и сели за обеденный стол. Равнинная жена Яннула, в платье под цвет своих волос, говорила тихо, но так и сияла. Она помогла двум служанкам накрыть на стол, а потом села за него вместе с семьей. Лар-Ральднора не было — он ушел на охоту за диким котом, который уже несколько раз нападал на стада оринксов. Второй сын Яннула был намного моложе и удался в мать — весь золотистый, лишь глаза черные. Он внимательно прислушивался к разговору и без всякого смущения участвовал в нем. Судя по всему, он очень тянулся к старшему брату.

Яннул и Рэм закончили этот день, сидя на террасе и играя в ланнскую настольную игру. Когда почти совсем стемнело, Яннул помог слугам зажечь светильники. Высоко в небе уже горела Алая Звезда.

— У меня создалось впечатление, что мать часто била тебя, — заметил Яннул после того, как Рэм выиграл первую партию.

Рэм застыл.

— Прости мою бесцеремонность, — извинился Яннул. — Просто я заметил, как ты вздрогнул, когда мальчик в четвертый раз потянулся за сливами, и Медаси шлепнула его по руке. Обычная шутка, ласковый шлепок, не более того.

Рэм растерянно промолчал, а Яннул продолжил:

— Ей сейчас тяжело. Она любит обоих сыновей, но Лар-Ральднор ее первенец. Мы даже не надеялись, что Медаси сможет выносить ребенка после всего, что ей пришлось пережить в старом городе, в этих Равнинных руинах. Очень долгое время у нас не было никого. Поэтому он и она часто бывают нежны друг с другом, словно любовники... я не имею в виду наши ланнские обычаи, любовь и близость совсем не одно и то же. Если он уедет в Анкиру, она зачахнет. И в то же время она хочет, чтобы он отправился туда и сражался против наползающей тьмы. Но, конечно, она очень боится. Мы ведь помним, на что это было похоже.

— А на что это было похоже?

— Ты хочешь, чтобы я в двух словах рассказал тебе всю историю войны?

— Хотя бы попытайтесь.

— Как ты думаешь, почему я здесь прячусь? — вздохнул Яннул. — Год я воевал, после этого долгие годы играл в политику в Дорфаре. С меня хватит. Однако я вовсе не рассчитывал, вернувшись, превратиться в памятник ланнскому героизму, — к

лампе подлетел мотылек, чтобы погибнуть в ее пламени, но Яннул, с величайшей осторожностью и ловкостью жонглера, которым когда-то был, перехватил его и выпустил обратно в ночь. — Ральднор придумал лучше. Он просто исчез.

— Почему?

— А почему бы и нет? Он исполнил все, о чем его просили, потеряв при этом все человеческое в себе. Он стал богом. Боги же либо уходят в запредельное, либо низвергаются. Либо исчезают. После него остался сын, Ральданаш Ваткрианский, нынешний Повелитель Гроз. Был еще один сын, но дорфарианцы что-то сделали с ним или попытались сделать. Его мамаша была дурой и сукой. По-моему, тот ребенок умер.

По телу Рэма прошел холодок. Ему вновь представились волки, рвущие...

— А что ты скажешь о последней битве под Корамвисом? — спросил он. — Колдовство, землетрясение, вмешательство богини? Что из этого правда?

— Правда и неправда здесь перемешаны. Я могу рассказать тебе кое-что о жителях Равнин. Можешь мне поверить, они не принадлежат этому миру. Однако это относится не ко всем из них. Медаси не такая. Когда мы выбили драконью гвардию Амрека из города руин, я думаю, только она стояла между мной и безумием. Я пришел туда, не ведая печали, в надежде на справедливость. Я умел убивать, и это удавалось мне без труда. Потом мне стала понятна суть жителей Равнин, — блеск в глазах Яннула погас, точно он всматривался в далекое прошлое. — Я помню, как они ходили по заснеженным улицам после избиения гарнизона Амрека — те самые люди, которых мы пришли спасать от тирании. Они были похожи на молчаливых волков, их глаза сверкали, как льдинки — в них не было ничего человеческого. Тогда моя душа ослабела. Прежде я никогда не видел такого. Люди второго континента совсем другие, по сути, это светлые Висы. Но эманакир — это только они. Их можно встретить в Зарависсе, в Дорфаре. Они почти сплошь белые — волосы, кожа, даже желтые глаза бледнеют и горят ледяным огнем, — Яннул усмехнулся. — Так вот, о последней битве под Корамвисом. Через посредство Ральднора они осознали в себе Пробудившуюся Змею. Висы в Корамвисе тоже осознали, что это такое. Эти люди вызвали землетрясение силой своей воли, хотя, может быть, это россказни. Но тогда нам так не казалось. Нас должны были победить, и никакие неожиданности не представлялись возможными. Даже выманив их армию из Корамвиса, мы были обречены на уничтожение. Что ж, если победа силой оружия была невозможна, пришлось призвать на помощь иные силы. Они

хотели жить. Мы тоже. Это было что-то вроде молитвы — без слов, но воздух на многие мили был так напряжен, словно кто-то непрерывно дергал за какие-то незримые нити. Единственным нашим шансом было чудо. И чудо случилось, Корамвис пал. А что до явления богини — да, было и оно, однако ему есть вполне разумное объяснение.

На гребне ближайшего холма появились горящие факелы. Охотники возвращались домой.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Рэм.

— В потаенном подземном храме близ Корамвиса стояла гигантская статуя богини. Землетрясение подняло ее в воздух. Она была достаточно большой и яркой, чтобы мы увидели ее с огромного расстояния, даже сквозь дым и сумрак. Потом она упала в озеро в низине. Вот и все.

Спустя полчаса на террасу вошел Лар-Ральднор с двумя хвостами диких котов, хищников, которые зверски убивали оринксов, но никогда не ели их мяса.

— Я даже не думал, что вы согласитесь, — произнес юноша, вступая в свет лампы, и с нескрываемой радостью взглянул на Рэма.

«Как он радуется возможности отправиться в Дорфар», — подумал Рэм, ответив Ральднору усмешкой.

Боевые занятия оказались самой легкой частью его жизни. Так он занимался с большинством всадников охраны, находившихся в его распоряжении, да и сам постоянно упражнялся, едва для этого представлялась возможность, гоняя своих людей или в одиночку. А Лар-Ральднор, выносливый и сильный юноша, привычный к охоте и верховой езде, с раннего детства обучавшийся у Яннула самым разным акробатическим трюкам, проявлял способности и интерес к новым упражнениям и видел в них смысл. Сам Яннул обучался в Зарависсе, чья Воинская академия славилась не меньше, чем аналогичные заведения в Элисааре, Кармиссе и Дорфаре. Более того, его наставником был жестокий закорианец, уроки которого считались одними из лучших. Сам Яннул считал себя чересчур старым для того, чтобы передавать кому-либо свои навыки. Однако его сын, с которым занимался Рэм, был отнюдь не новичком и нуждался скорее в шлифовке своих умений.

Но и все остальное было легко. Слишком легко. Домоправитель принял Рэма в общий круг, надев ему на голову что-то вроде обруча, означающего право входить в дом.

В усадьбе Яннула Рэм чувствовал себя как дома, хотя какой-то частью себя старался отстраниться от излишних удобств и

душевной близости с домашними. Однако он привязался даже к Медаси с ее замечательной улыбкой — такой она была скромной и простой. Однажды, войдя на террасу, он увидел их с Яннулом — они стояли, взявшись за руки и склонив головы так, что соприкасались лбами, словно юные любовники. Увидев Рэма, они не отпрянули друг от друга в смущении, а просто разняли руки, продолжая улыбаться друг другу.

Не возникало проблем и с Застис. Никто не запрещал ему короткие поездки в Амланн, а в тамошнем Городе Наслаждений тоже имелся Оммосский квартал. Он постарался со всей мыслимой вежливостью избежать общения с тремя юными служанками, предоставленными Яннулом в его распоряжение, которые заигрывали с Рэмом с самого его приезда. В городе он находил другие объекты для удовлетворения своих желаний.

Однако Рэм подозревал, что Яннулу известны его пристрастия, и занятия с юношей не должны были иметь к этому никакого отношения. Сын Яннула был впечатлительным и благородным. Рэм дал себе слово соблюдать предельную осторожность.

Лар-Ральднор встречался с девушкой из соседской усадьбы. Возможно, ее родители надеялись на брак дочери с сыном капитана героя. Девушку же и юношу заботили лишь их ночи под Застис, пылающей над холмом.

Нередко, возвращаясь под утро из Амланна, Рэм видел, как Лар-Ральднор спускается по склону холма. Возможно, это было для юноши своего рода скрытностью. В такие минуты Рэму одновременно делалось очень легко и невыносимо тяжело.

Практика в ударах и захватах, соприкосновение железных или деревянных мечей — или просто кожи — все это было невинной физической провокацией, доступной Рэму. Нагрузки, если они достаточно велики, хорошо лепят мышцы. Обычно они сражались, обнаженные по пояс, благо здесь не было излишне приличных дам, которых это могло шокировать. Однако в настоящем бою спина, руки и ноги, как правило, защищены доспехами, значит, требовались и занятия в настоящих доспехах.

Лар-Ральднор собирался уехать по окончании месяцев Застис. Ему предстояла долгая дорога в Дорфар через элирианский порт Хлика. Это дело было уже наполовину решено. Уже ушли письма, разумеется, адресованные самому Повелителя Гроз.

Медаси подолгу смотрела на старшего сына, и ее лимонные глаза в эти мгновения были такими застывшими, словно слезы замерзли на них.

Однажды утром на подсохшей грязи вокруг загона бисов

обнаружились волчьи следы. Ни одна из птиц не пропала. Никто из животных не поднимал ночью шума. Тем не менее было решено выследить незваных гостей. В такой близости от города волки в Ланне обычно делались прожорливыми и беззастенчивыми ворами. Кроме того, у них хватало хитрости и осторожности, чтобы не попасть в западню.

Яннул, вместе со слугами занятый заготовкой леса, послал двоих из них в усадьбу, чтобы подготовиться к охоте. Он выбрал людей, опытных в таких делах, угрюмых, но не выказавших неудовольствия. Увидев, как они седлают зеебов, Лар-Ральднор тут же решил, что сегодня вместо упражнений с мечом отправится на охоту.

— Присоединяйтесь ко мне, — предложил он Рэму. — Вы охотились на волков в Кармиссе, не так ли?

Рэм действительно охотился на волков в истрисских холмах в одну чересчур долгую зиму и даже ел их мясо. Однако вот уже восемь лет волки были для него чем-то иным — воплощением ужаса, ночным кошмаром. Даже здесь, в доме Яннула или на перинах амланнского Города Наслаждений, ему несколько раз снился тот самый сон.

Но невзирая на это, они взяли зеебов, оружие, еды в кухне и вместе с людьми Яннула отправились на охоту.

Собака сразу взяла волчий след и не теряла его всю дорогу, однако он оказался слишком длинным. К полудню они проскакали немало миль вверх и вниз по холмам, но нашли лишь одну покинутую пещеру.

На землю спустилась жара. Охотники заехали в лес, чтобы подкрепиться в тени деревьев. Двое слуг ели с сонным видом. Даже собака отдыхала, прикрыв глаза и вывалив язык. Пока солнце так пекло голову, двигаться дальше было бесполезно.

Среди деревьев под холмом обнаружилось большое чистое озеро. Прежде, чем он сам осознал, что делает, Рэм уже плыл по нему вместе с юношей. Легкий завтрак не мешал им, но вскоре оба перевернулись на спину и отдались во власть воды, то закрывая глаза, то поглядывая на солнце сквозь листву.

— Этот волк должен быть где-то поблизости, — сказал Лар-Ральднор. — Мы выйдем на него еще до захода солнца, — и тут же прибавил: — Я еще ни разу никого не убил сам, и доволен этим. Конечно, сейчас это нужно и будет сделано, но мне это неприятно. И об убийстве людей я думаю то же самое.

— Людей убивать легче, — отозвался Рэм.

— Вы хотите сказать, что люди глупее животных?

— Нет. Но убивать их легче.

— Может быть, вам и в самом деле легче, — произнес юноша

после долгого молчания.

Разговор прервался. Тишина стояла такая, что в воде было нетрудно заснуть.

Наконец Лар-Ральднор поплыл к берегу. Рэм видел его загорелое тело, золотую полосу среди темных деревьев. Властное плотское желание заставило Рэма снова пуститься вплавь, ныряя и выныривая. Он не собирался выходить из воды, пока не утихнет зов Застис. Но тот опалял его не хуже солнца.

Когда в конце концов Рэм выбрался на берег, Лар-Ральднор лежал на животе с закрытыми глазами, подложив под голову скрещенные руки. И вдруг, когда он подошел к своей одежде, раздались проклятья, сделавшие бы честь солдатским казармам в Истрисе.

— ...Анак! Кто это с вами сделал?

— Что именно?

— Следы от кнута на вашей спине. От кнута с шипами.

Рэм совсем забыл об этом. Прошло так много времени с тех пор, как кто-то последний раз обращал на это внимание. И этим «кем-то» был Дорийос...

— Восемь лет назад на службе у моего короля я заснул на посту, — ответил он, смутившись про себя и удивляясь горечи, прозвучавшей в его словах.

Без предупреждения — он не услышал, как подобрался к нему Лар-Ральднор — Рэм ощутил на своей спине теплую и ласковую руку юноши. Не приглашение — самое обычное прикосновение, сопереживание...

— Не надо, — не успев взять под контроль свою реакцию, Рэм оттолкнул его.

— Прошу прощения, — голос юноши дрогнул. — Вам же не было больно, правда?

— Нет, не было.

Рэм торопливо оделся. А Лар-Ральднор за его спиной так и остался обнаженным.

9

За одним холмом открывался другой. Они толпились друг за другом, а дальше виднелись горы.

Рэм вернулся обратно через лес, кивнул слугам, играющим в кости, вскочил в седло и поехал прочь. Он намеревался дать себе полчаса, а потом снова вернуться. После этого все должно было пойти своим чередом.

Одна из гор двигалась. Точно огромный корабль, она плыла к нему, закрывая собой горизонт. Ее вершину уже несколько часов озаряли лучи предзакатного солнца. Ниже, в скалистом склоне холма, зияла черная дыра — может быть, волчье логово? Нет, не оно.

Неподалеку в полях виднелась хижина. Неожиданно из нее вышла женщина. Казалось, она заметила его — помахала рукой и поспешила навстречу. Она двигалась, кокетливо покачивая бедрами, но когда она приблизилась, он мгновенно заметил, какая она грязная, старая, жалкая и вдобавок явно душевнобольная.

— Не хотите ли заглянуть ко мне в дом?

Мир раскололся, как разбитое зеркало. Видение по кускам исчезало.

— Не хотите ли заглянуть ко мне в дом?

Он снова обрел нормальное зрение. Он видел далекие горы, незыблемо стоящие в прежнем порядке, холмы, озаренные послеполуденным солнцем. Пещера исчезла, но ни поле, ни хижина, окруженная плодовыми деревьями, никуда не делись.

— Господин! — позвала его женщина. — Господин?

Женщина тоже никуда не делась. Однако она вовсе не была ни старой, ни грязной. Ее взгляд был прямым и располагающим, а черные волосы стягивал красный шарф, украшенный бусинками.

Рэм глянул на нее внимательнее. Ее приветливость не была наигранной. Но еще более естественным показалось ему то, что внезапно приветливое выражение ее лица сменилось ужасом. Она повернулась и с криком побежала прочь от него.

Из хижины выскочил звероподобный верзила. Он пробежал по полю, женщина бросилась к нему, а он поймал и крепко обнял ее, нехорошо глядя на Рэма.

— Что ты с ней сделал? — прорычал человек-зверь. — Она ничем не могла тебе повредить. Она должна была предложить тебе гостеприимство, вот и все. Прочь отсюда!

— Я не знаю, почему она закричала, — ответил Рэм. Холмы медленно двигались, однако сейчас причиной этого было не

видение — просто у него кружилась голова.

— Наверное, ты ударил ее. Он ударил тебя, Беринда? — с неподдельной нежностью спросил хозяин хижины. — Ты только скажи мне, а уж я его проучу!

Холмы перестали двигаться. Теперь они врезались в небо, будто ножи.

Рэм спешился и направился к мужчине.

— Она удивила меня своим криком. Может быть, у меня чересчур свирепый вид? Но неважно. Она ведь кроткая, не так ли? — этим мягким словом в Ланне называли слабоумных. Услышав его, мужчина немного смягчился, хотя и не утратил защитного пыла.

— Что ж, какая есть. Но мне она вполне подходит. Она нарожала мне целый выводок детей, и ни один из них не слаб на голову.

— Мои извинения, — Рэм подошел ближе и протянул горсть монет, но мужчина оттолкнул деньги. Они были не так уж желанны для жителей холмов, чаще здесь использовался натуральный обмен. И все же примирение состоялось.

— Видишь, Беринда, ты ошиблась. Теперь улыбнись, сердечко мое, улыбнись ради меня.

Беринда с готовностью посмотрела на него и улыбнулась во весь рот.

Рэм столько лет искал ее — а теперь не узнал. Хотя она-то вспомнила его, точнее, какую-то мрачную тень из своего несчастливого прошлого. Конечно, он был причиной того ужаса, который она испытала. С ним было связано падение с корабля, ледяная вода, неприветливый берег... А теперь она жила здесь, где ее любили и ценили, всего в одном дне езды от Амланна. Все эти годы...

— Беринда? Кармианское имя.

Мужчина лишь махнул рукой — его это не волновало.

Вместе они направились к хижине, где она родила целый выводок детей. Был ли один из них...

Нет. Боги могут дать много, но не более того.

— Беринда, — негромко позвал Рэм. Она повернулась к нему, и он улыбнулся ей, дружелюбно, но не выдавая себя. Похоже, она уже забыла, что он значил в ее жизни.

— У нас есть вино, — сказала она. — Сладкое вино из спелых груш.

— Она редкая мастерица принимать гостей, — мужчина тоже улыбнулся, гордясь ее хозяйственностью.

Рэм забыл про волка, про охоту и даже про сына Яннула.

Он сидел в чистом маленьком домике, куда то и дело вбегали и снова выбегали двое детей — странно, что он не слышал их звонких голосов, спускаясь по склону холма. Еще один малыш ползал в тряпье, а четвертого ребенка Беринда кормила грудью.

Именно такой он видел ее в последний раз — кормящей младенца. Но теперь у нее на руках лежал другой младенец. Ни один из ее детей не был тем ребенком.

Беседа никак не завязывалась, время текло медленно, однако хозяева не собирались указывать ему на дверь. Сам же он не мог уйти. В конце концов у них с хозяином нашлась тема для разговора. Рэм упомянул о том, что оказался здесь, выслеживая волков. После этого случилось нечто странное: мужчина бросил взгляд на свою жену и ответил:

— Да, здесь в округе есть волки, но нам от них нет никакого вреда.

Когда солнце стало клониться к закату, мужчина потребовал ужин. Она со смехом положила сопящего младенца и побежала готовить еду, сама словно ребенок, забавляющийся с игрушками. Однако, когда на столе появился ужин, все было очень вкусно — но Рэму все равно кусок не лез в горло.

— Угощайтесь, — подбодрил его муж. — Мы не так бедны, как кажется.

Но он не мог есть, так же, как не мог уйти. И самое главное — не мог расспросить ее о прошлом.

Тени сгустились, и Беринда зажгла огонек над бурой плошкой с маслом. Муж ее лег спать. Женщина взяла на руки младенца, остальные дети сбились в кучу возле ее юбок, словно голуби, ждущие зерна.

— Расскажи сказку про волков, — попросила старшая девочка.

Рэм, закаленный в схватках, привыкший жить в нескольких шагах от смерти и прекрасно владеющий собой, ощутил, как замирает у него сердце.

Беринда начала рассказывать.

Она делала это так, как делают дети, не всегда связно — он же видел отчетливые картины. Появились образы, навеянные ее бормотанием, звуки и запахи, все вместе. Все...

Когда над ней на скале появился белый волк, словно вылепленный из снега, она закричала, но помощь была далеко, и никто ее не слышал.

Спустя мгновение волк направился к ней. Она попыталась бежать, однако волк и его сородичи легко догнали ее и окружили плотным кольцом. Все это время она не выпускала ребенка, и все

это время, пока она кричала, плакала, пыталась бежать, падала на колени, младенец оставался спокойным. В конце концов волки стали легонько подталкивать Беринду, и она поняла, что ей надо подняться на ноги. Так она и сделала. Они снова начали подталкивать ее, и она догадалась, что они хотят увести ее в какое-то другое место.

Объятая ужасом, она повиновалась. Слюна капала из волчьих ртов, пачкая ее одежду. Так они и шли, спускаясь, поднимаясь, кружа, пока волки не привели ее к пещере. Это было волчье логово, здесь они жили и сюда приносили добычу. Однако начался дождь, а в пещере можно было укрыться от дождя. Беринда вошла в пещеру, села и тут же погрузилась в дремоту.

Когда она очнулась, волки лежали рядом с ней. Некоторые из них спали. Тепло их тел приятно согревало ее. Она уже почти не чувствовала неприятного запаха, ударившего ей в нос, когда она входила. Беринда выросла в трущобах Ксаи и провела свои первые годы среди отвратительных человеческих запахов, порождаемых нуждой и болезнями. Но сами волки не пахли ничем, они были здоровыми зверями. Вот в чем была разница.

Позже в пещеру пришли другие волки, и Беринду снова охватил страх. Что, если вновь прибывшие не проявят к ней такого внимания, как первые? Однако казалось, что волкам нет до нее никакого дела. Более того, они принесли добычу, которую разорвали на части с рычанием. Ей тоже поднесли кусок сырого мяса. В первый день она не могла его есть, но на второй день голод взял свое, и когда ей опять что-то принесли, она поела.

Потом она кормила ребенка, сидя в их кругу. Волки, похоже, проявляли уважение к этому занятию, некоторые внимательно наблюдали, виляя хвостами, как собаки.

Через некоторое время, подталкивая и дергая за одежду, они показали ей дорогу к ручью. Когда пришла весна, освобождая землю от снежного плена, Беринда нашла подо льдом опавшие плоды и съела их. Она предлагала плоды и волкам, и те ели их из ее рук.

Она испытывала благодарность за тепло, которое они дарили ей холодными ночами. Ее успокаивала их жизненная сила. Она уже давно забыла все свои страхи.

Для «кроткой» Беринды все это не было дико. Как прозрение, к ней пришло осознание того, что она и волки — это что-то одно. Она воспринимала происходящее с детской невозмутимостью.

Ребенок, тоже принятый в братство, спокойно лежал в середине пещеры или спал на руках у Беринды под слабыми лучами солнца на склоне холма. Иногда она даже ненадолго оставляла ребенка с волками, полностью доверяя им.

Когда пришло лето, четверо волков показали ей, что они покидают пещеру, и она с ребенком должна идти с ними.

Ей было жаль уходить, но зов летнего волчьего гона передался и ей, и она не пыталась повернуть назад. Они направлялись на юг. (Этого не было в ее рассказе, но иначе быть не могло. Расстояние, которое они прошли, впечатляло.)

В течение всего пути волки кормили и сопровождали ее, как обычно. Из ее рассказа можно было понять, что волки стали ей приятнее, чем люди. Порой она даже забывала, что сама человек.

Поэтому, когда однажды один из волков привел ее на такое место, откуда была видна деревня в окружении засеянных полей, у Беринды не возникло желания идти туда. Однако волк явно хотел дойти до деревни, так что они отправились вместе, играя по дороге — подкрадываясь друг к другу в густой траве. Ребенка она оставила на склоне холма.

Вскоре волк и Беринда оказались в толпе народа. Люди кричали, одни разбегались, другие швырялись в волка всем, что попадется под руку. Волк убежал. Беринда тоже хотела убежать, но ее схватили и затащили в ближайший дом, чтобы она нашла убежище в деревне.

Напрасно пыталась она освободиться, напрасно пыталась объяснить людям, как ей нужно уйти за волком, к своему ребенку. Слишком сбивчива была ее человеческая речь, и ее причитания приняли за простую истерику. Потом, когда коренные области Ланна стали такими, какими они были теперь, ее, наконец, поняли и поверили ей — но было уже слишком поздно. Волки и ребенок исчезли навсегда. Она с криками и плачем бегала по холмам, звала их, но не слышала отклика. С нее начисто смыли волчий запах, в ее руках больше не было любви. Беринда рыдала на улице и спала под открытым небом, отвергая всякое участие.

Тут-то ее и нашел мужчина. У него не было ни семьи, ни жены, и близился восход Застис. В Беринде его привлекло не только непривычное кармианское очарование — возможно, его тронула глубина ее отчаяния. Каким-то образом ему удалось пробиться к ее душе, может быть, благодаря осторожной заботе, предназначенной лишь ей одной.

Она вошла в его дом, поначалу очень робко. Однако он, несмотря на зверовидный облик, и в самом деле был хорошим человеком. А потом случилось чудо, какое однажды сотворил для нее Кесар, даже лучше, потому что на этот раз ребенок родился живым. Ее руки вновь наполнились любовью.

И вот теперь она жила здесь, ее блестящие глаза переполняло счастье, а вокруг губ от смеха разбегались веселые морщинки.

— А когда ты снова нашла меня? — спросила старшая

девочка, заглядывая в лицо Беринде.

Видимо, это был обычный вопрос. Смуглая девочка верила в то, что именно она была ребенком, унесенным волками, который чудесным образом вернулся в материнское лоно и родился во второй раз.

— Когда моя утроба снова наполнилась, в ней была ты, — из ответа Беринды можно было понять, что сама она думает точно так же.

— А где же я была до этого?

— Летала в воздухе, — ответила Беринда и рассмеялась вместе с детьми.

Что-то в последней фразе приковало внимание Рэма, несмотря на все, что он услышал. Душа, рожденная воздухом и томящаяся в ожидании — это напоминало дорфарианское поверье о том, что некоторые души возвращаются на землю в еще не рожденных детях от их плоти, либо в детях их кровной родни. Отсюда брала начало безумная традиция Повелителей Гроз, провозглашавшая наследником не старшего, а последнего сына, зачатого королем перед смертью. Традиция, которая дала Ральднору эм Анакир право на трон Корамвиса.

Смуглая девочка посмотрела на Рэма, безошибочно угадав, что он внимательно слушает и верит всему невероятному, что рассказывает мать.

— Зимой волки приходят к нашей двери, и мы кормим их, — сказала она. — Прямо с рук. Мы не боимся, и они нас не боятся.

Он поверил и этому. Все встало на свои места. Кормить волков как домашних животных было уже сущим пустяком.

— В поле кто-то есть, — произнес старший мальчик.

Беринда повернулась и безмятежно выглянула в дверной проем.

Рэм вышел из дверей и на фоне лилового неба, которое на востоке окрасилось малиновым в отсветах поднимающейся звезды, увидел всадника, держащего под уздцы второго зееба.

— Рад, что отыскал вас, — сказал Лар-Ральднор. — Мы так и не нашли волка, хотя здесь повсюду чувствуется волчий запах. Собака прямо-таки обезумела от него, — лицо его при этих словах было неподвижно, как камень.

— Долго ли ты искал меня?

— С тех пор, как нигде не увидел вас после купания. Собака помогла.

— Но ведь отсюда не так уж далеко... — неуверенно начал Рэм.

— Около двух часов верхом. Мы искали дольше, кружили, я пытался заставить собаку идти по вашему следу, не отвлекаясь на

волчий.

— Я и не думал, что заехал так далеко.

— Конечно, нет.

— А где люди твоего отца?

— На том же месте. Я думаю, нам надо скорее уезжать отсюда. Они сильно напуганы.

— Мне кажется, что ты напуган еще больше.

— Что такого я сделал, чтобы обидеть вас? — произнес Лар-Ральднор после паузы, опустив глаза.

— Ничего такого ты не делал. Дай мне еще минуту, и я отправлюсь с тобой.

Перемена настроения юноши смутила Рэма — он словно увидел себя со стороны в своих попытках закрыться от всего, что может (или не может) случиться.

Он чувствовал себя опустошенным. Теперь даже забота о юноше не имела для него особого значения, но все еще оставалось что-то, ради чего он был обязан сдерживаться.

Рэм вернулся в хижину, может быть, ради того, чтобы попрощаться с хозяевами, как любой случайный путник. Однако все, казалось, уже забыли о его существовании. Старшая девочка играла волосами матери, остальные дети и сам хозяин спали.

Покинув их, Рэм вскочил на зееба и двинулся вверх по склону рядом с очень учтивым и очень рассерженным сыном Яннула.

Все кончилось. Но в том числе кончилась и уверенность в смерти, и каким-то образом это ощущение было связано с легендами. Ребенок мог остаться в живых. После того, что рассказала Беринда, такое вполне можно предположить. Однако в этой земле ему приходилось слышать о тех, кого люди называли «волчьими детьми». В Кармиссе тоже были подобные легенды, может быть, они были везде. Истории о сиротах, воспитанных волками, которые сами становились волчатами — выли, как волки, бегали и охотились с ними.

Значит, если девочка выжила, то теперь она стала тем, кем стала. Вероятнее всего, бдительные охотники наткнулись на нее, когда она пыталась утащить овцу или оринкса — а может, и человека, — и убили. Давным-давно.

Конечно, он может попытаться продолжить поиски, но даже если он найдет ее, девочка останется волком.

Восемь погибших лет. И после этого — такой итог...

Все кончилось.

В холмах они устроили что-то вроде стоянки, поспали немного и отправились дальше. За всю дорогу Лар-Ральднор с Рэмом не обменялись и словом. Говорить было не о чем. Поиски,

которыми занимался Рэм, оставались его личным делом.

Едва на рассвете в поле их зрения появилась усадьба Яннула, он осознал, что может случиться дальше. Был только один шаг, которым можно как-то отвратить это.

— Наверное, они беспокоятся, — сказал он Лар-Ральднору. — Может быть, нас даже искали этой ночью.

— Пожалуй.

— Это моя вина. Я прошу прощения. Я поговорю с твоим отцом.

— А вам не кажется, что я сам могу с ним поговорить? — резко ответил Лар-Ральднор, и Рэм впервые услышал металл в его голосе.

— Как тебе будет угодно, — пожал он плечами.

— Ему больше незачем учиться у меня, — сказал Рэм Яннулу чуть позже. — Вы сами уже достаточно вложили в него. Так или иначе, в нем есть сила духа, и у него светлая голова. Мне думается, вы ожидаете от Ральданаша, что он поставит вашего сына командовать. Что ж, мальчик справится с командованием лучше, чем кто-либо другой.

— И все это ты выяснил во время вашей несостоявшейся охоты на волка? — спросил Яннул, поднося ему чашу вина. Рэм поблагодарил, сел, но не обратил внимания на вино.

— Вы и без того щедро заплатили мне. Не стоит выбрасывать деньги, если в этом нет нужды. А для партнерства в поединках ему хватит того молодого слуги... забыл, как его зовут.

— Ты настроен против моего сына, — сказал Яннул. Он говорил серьезно, не спеша. Рэм ничего на это не ответил, с беспокойством глядя на дверь. — Я знаю о твоих пристрастиях, но мне казалось, что его они не коснутся.

— Мой лорд, — холодно отозвался Рэм, — он воссияет для вас в Дорфаре, как яркий факел. Но у меня есть свои дела в Амланне...

— Я доверяю тебе, — перебил его Яннул. — Отчего же ты не доверяешь сам себе?

Рэм замер. Все вокруг застыло.

— Или ты считаешь, что столь хорошо воспитанный юноша не сможет достаточно громко сказать «нет»? — продолжал Яннул. — Он сможет сказать «нет», Рэм. В моем сыне нет оммосской крови.

У Рэма перехватило дыхание, словно его ударили.

Имя Оммоса, узкого клочка земли, когда-то жестоко попиравшего Равнины, давно уже имело отвратительное значение — мерзость, отбросы. В то же время в этом краю существовал

культ близости мужчины с мужчиной, поэтому его имя стало привычным обозначением порока мужеложства. Логично и нелогично. Люди Равнин ненавидели Оммос. Яннул тоже должен был его ненавидеть. Для него он был сплошным извращением и грязью.

— Я лишь высказываю свое мнение, — вновь заговорил Яннул. — Подумай. Ты совсем недолго живешь в моем доме, рядом с моим сыном. А мне все было известно с самого начала.

Дух Рэма был сломлен, он чувствовал себя побежденным.

— Да, большая честь, — произнес он. — Что ж, будьте довольны тем, что я останусь.

— Если ты останешься, я стану считать это своей победой.

— Почему же, во имя богов?

— Есть причины. Ты мне кого-то напоминаешь. Может быть, мою молодость и все, что в ней было наилучшего и наихудшего.

Не видя ничего перед собой, Рэм направился к двери.

— Нет, — через силу сказал он. — Я не приму вашего предложения. До сих пор я принимал все, но теперь не могу, — он хотел еще что-то сказать, но не смог подобрать нужных слов. Ему вспомнилась давняя порка в Истрисе, дом Лики, рвота от боли, когда он стоял перед ней, не в силах совладать с собой. Здесь было почти то же самое. А кроме этого, не было ничего. Товарные фургоны и голодные, как волки, разбойники, ночи Застис, проведенные в домах простых радостей. Теперь ему не светила даже рассветная звезда ребенка, ему оставалось только идти, не зная куда, без надежды, в пустоту.

— Рэм, — окликнул его Яннул.

— Я уже принял свою долю побоев, — отозвался Рэм. — Так же, как принимал все побои до сих пор. От Кесара. От защитников Лики с их жирными руками. Пинки самой Лики и ее проклятый кипяток...

— Что ты сказал? — переспросил Яннул.

Рэм усилием воли приказал себе молчать. Сорвался, надо же...

— Ничего, — уронил он, уже подходя к дверям.

— Я расслышал имя Лики.

Почему бы не ответить? Он никогда не говорил о ней, но сейчас уже наговорил слишком много для того, чтобы что-то скрывать.

— Женщина, которая была моей матерью. Она блистала при дворе Корамвиса и была любовницей какого-то Дракон-Лорда. Но в дни моего детства все это было уже в прошлом — и она отыгрывалась на мне. Она все время била меня. А зачастую это за нее делали ее приятели, чтобы поберечь ее нежные кулачки, — он

опять помолчал. — Судя по всему, мой отец бросил ее. Понятия не имею, почему. Но я никогда не знал его, и это мой позор.

Он повернулся и уже вышел во двор, когда услышал крик Яннула.

— Подожди, во имя бездн Эарла!

Что-то заставило Рэма оглянуться.

Яннул стоял в дверном проеме, его лицо стало серым, невзирая даже на темный цвет кожи. У Рэма промелькнула мысль о внезапной болезни. Тем не менее он очень спокойно отозвался:

— Правда, мой лорд. Вы не можете сказать мне ничего, что вынудит меня сейчас остаться здесь.

— Ничего? А если я скажу, что ты сын Ральднора эм Анакир, бога и героя, истинного Повелителя Гроз всего Виса? — на лице Яннула появилась усмешка. — Это может вынудить тебя остаться?

С аллеи, обсаженной кустами, на террасу залетали светляки. Рэм, который на самом деле был Рармоном, сыном Ральднора, сына Редона, стоял, наблюдая за ними.

Разговор длился целый день. Он был ошеломлен и в конце концов почувствовал оцепенение, будто от очередной порки. Такое оцепенение наступало перед агонией. Ему рассказали все, что только можно. Слишком много. Он был переполнен новым знанием. Не иметь ничего и неожиданно получить такое...

В конце концов, наверное, боги все же существуют где-то и, если верить сказаниям, играют с людьми в свои настольные игры.

Лики. Как часто она бормотала себе под нос о своем страстном любовном приключении с членом королевской семьи. Любовница героя Ральднора, которая утомила его. Он предпочел ей нареченную невесту короля. Спустя год Лики вступила в заговор против его жизни — так ненавидела она Ральднора эм Анакир, отца своего сына.

Отчего эта сука никогда не говорила ему об отце? Из-за своей злобы? Или она слишком тяжело переживала это? Для такой женщины, как его мать, эта история должна была стать очень сильным ударом, за который она тяжело поплатилась.

После того, как все было сказано и сделано, Ральднор охотно позволил забрать от себя этого сына — зачатого без желания и отринутого вместе с женщиной. Может быть, как сказал Яннул, богиня использовала Ральднора, задушив в нем все человеческое и заставив выполнять свою волю. Но даже если это так, Ральданаша в Ваткри он завел с любовью и с определенной целью. Бастард же, рожденный Лики, не значил для него ничего.

Вот она, ступенька на гладко вымощенной дорожке. Рэм знал об этом. Все его тело напряглось, но вскоре напряжение

схлынуло. Он прекратил сражаться с собой.

— Я могу уйти с террасы в один миг, — произнес Лар-Ральднор.

— Не сомневаюсь.

— Если вы хотите остаться в одиночестве...

— Мы все и всегда в одиночестве.

Лар-Ральднор («названный так в честь моего отца!» — пронеслось в голове у Рэма) рассмеялся своим серебристым смехом.

— Все тот же Рэм, несмотря ни на что, — юноша сделал шаг и остановился неподалеку от Рэма, но все же не рядом с ним. — Должен ли я теперь называть вас «мой лорд»?

Рэм ничего не ответил на этот выпад.

— Что вы собираетесь делать? — Лар-Ральднор был настойчив.

— Ничего. Мало что изменилось.

— Изменилось все, и вы это отлично знаете.

— Об этом знаю только я и твоя семья.

— Мне кажется, что отец знал это с самого начала, — сказал Лар-Ральднор. — В тот первый вечер, когда мы вернулись домой, он сказал мне: «Этот человек похож на Ральднора. То, как он вел себя перед Анак, делает ему честь». Я думаю, отец ждал вас, чтобы вы дали ему ключ к разгадке тайны, даже если сам он не до конца понимал, в чем эта тайна.

Рэм наблюдал за светляками. Он чувствовал себя молодым и испуганным, словно вернулись его пятнадцать лет. Слишком поздно для того, чтобы принять этот груз. Он должен был знать обо всем с самого начала — или не знать никогда.

— У вас есть полное право поехать со мной в Дорфар, — снова подал голос Лар-Ральднор. — Представьтесь Повелителю Гроз от имени моего отца, а я смогу все подтвердить. Ральданаш приходится вам сводным братом. Вы хотя бы видели его?

— Наверное, нет, — отозвался Рэм. Он направился прочь вдоль террасы, но сын Яннула последовал за ним.

— Поедем со мной в Анкиру, Рэм, — настаивал Лар-Ральднор. — Там не просто война, там происходит что-то совершенно особенное. Это место не похоже ни на одно другое место на земле из-за того, чем оно было, и из-за того, что там теперь. Вы должны его увидеть. Походите по этому городу. По законам Дорфара вы ничем не угрожаете положению Ральданаша, ведь вы — первенец, пусть и незаконный... ох, простите! Однако вы — часть легенды, существующей в этом мире.

В красочных выражениях Рэм объяснил, куда он готов засунуть эту легенду.

— Путь до Хлики займет четверть месяца. Еще шесть дней — через море до Зарависса. Дорога в Дорфар отсюда представляется мне длиннее любой другой, — Рэм оглянулся и оказался лицом к лицу с юношей. — Как ты думаешь, за все это время я смогу удержаться от того, чтобы протянуть к тебе руки? Мы можем закончить этот путь заклятыми врагами.

— Видимо, я чего-то не знаю... — Лар-Ральднор выглядел растерянным.

— Если твой отец знает обо всем, должен знать и ты. Сможешь ли ты быть готовым к неожиданным поворотам и достаточно громко сказать «Нет»?

— Я люблю отца, — ответил Ральднор. — Люблю и доверяю ему во всем. Он тратит на меня много времени и способен подолгу говорить со мной — но все-таки не все свое время.

— Ты хочешь сказать, что способен отнестись к себе как... как к моей подстилке?

— Нет. Этого я не говорил.

Занятый собственными мыслями, Рэм посмотрел вдаль.

— Когда моя мать была моложе, чем я сейчас, — произнес юноша, — она убила человека. Он — ваш отец — заставил ее сделать это своей мысленной речью и силой своей воли. Это случилось, когда освобождали разрушенный город на Равнинах, захваченный Амреком. Она никогда не забудет об этом.

— С этим надо что-то делать.

— А что? Никто из нас не знает, что таится в нашей крови, в душе, в сознании. Но мы обязаны понять, на что мы способны — или не способны. Не надо всю жизнь бороться с этим, но не надо и отпускать это на волю. Это как дыхание, Рэм. Если оно нам нужно, мы дышим и не задумываемся об этом. Так лучше — не задумываться.

Светляки повисли на кустах, словно крохотные фонарики в дворцовом парке.

— Поедем со мной в Анкиру, Рэм, — повторил юноша после долгого молчания.

Волк, который оставил следы вокруг загона бисов и так измучил охотников в тот памятный день, больше не возвращался. О нем никогда не вспоминали. Даже спустя много лет, если заходила речь о нем, его называли исполнителем воли Анакир, Ее посланцем. Один лишь Рэм никогда не позволял себе говорить о нем в таком духе.

В конце концов небольшой отряд отправился из усадьбы под Амланном в Дорфар еще до захода Застис.

На холме разыгралась сцена между Лар-Ральднором и его

ланнской девушкой, обвинившей его во всех грехах. Были сказано все, что обычно говорится в таких случаях. Они расставались, и даже торопливая близость не смягчила их горечи. Медаси вела себя куда более сдержанно. Она не плакала, хотя слезы стыли в ее глазах. Да и у самого Яннула глаза увлажнились.

Рэм ничего этого не видел. Он ждал своих попутчиков в городе. Это расстояние было для него не только географическим, но и психологическим.

10

Они еще не успели выехать из города, когда он забурлил от избытка новостей. Все эти новости были такого свойства, что, едва успев попасть в гавань Амланна, тут же становились известны всем жителям города и успевали долететь до самых его окраин. Черный Леопард Закориса-в-Таддре разорил берега Кармисса и Оммоса. Кесар эм Кармисс собрал флот в Истрисе и готовился дать достойный отпор бесчисленным Вольным закорианцам. Пиратских кораблей насчитывалось уже около пятидесяти — целый флот, хотя, возможно, это число было завышено. Они отступили от юго-западных берегов Кармисса, переключившись на грабеж оммосского Карита, города, который когда-то пытались взять, но не взяли ваткрианцы.

Флот Кесара, выстроенный в согласии с давними традициями Висов и использующий шансарское знание моря и кораблей, тоже неимоверно возрос и по количеству, и по мощи. Создавалось впечатление, что он готовился к этому дню все последние семь лет, пока Дорфар, гнездо Равнинных победителей, пребывал в дремоте.

Впрочем, как водится среди людей, эти сплетни воспринимались как далекие от ланнской жизни или проходили по разряду излишне дурных прогнозов. Морские сражения — еще не война, по крайней мере, живущих на суше она не касается. Однако все это предвещало ужасное продолжение. Кармисс, Оммос и даже восточный Дорфар могли противостоять главному удару, но под силу ли им выгнать закорианцев из ланнских вод? Побережью Ланна угрожала серьезная опасность. Несмотря на мелкие победы, порт Амланна оставался чрезвычайно уязвимым и представлял собой лакомый кусок для пиратов. В один отнюдь не прекрасный день на рассвете королевская гвардия вышла из города в порт — скорее наблюдатели, чем реальные защитники. А уже в полдень гавань и дорога в порт были обстреляны.

Рэм успел узнать большую часть этого, еще сидя в таверне. Когда он встретился с Лар-Ральднором, они почти не обсуждали сложившееся положение — так, перебросились парой фраз. Юноша был в курсе дел, но его мало беспокоило то, что он покидает город в столь тревожное время. И сам он, и даже его слуга разделяли мнение Рэма, что боевой флот Истриса выполняет свои задачи весьма умело, и разбитые Вольные закорианцы скорее нанесут удар по восточным окраинам Дорфара, которые ближе к их дому — если у них еще остались силы наносить удары где бы то ни было.

Рэм считал, и не без основания, что Кесар эм Кармисс попросту не предпринимает никаких действий, пока не будет уверен в их полном успехе. Слухи гласили, что король сам командует своим флотом. Что ж, у него уже имелся кое-какой опыт в этом деле.

Казалось, что грозная тень войны отдалилась в никуда за раскаленные дни и запредельные ночи их путешествия на юг. По мере их продвижения эта тень блекла сами собой. Когда они достигли Ланнелира, слухи о неминуемой войне поддерживал лишь караван, к которому они присоединились, и слухи эти были столь фантастичны, что почти никто не верил в их правдивость.

Непредвиденная помеха обрушилась на путников, когда они добрались до Ольма.

Разъездные обязанности Рэма уже пару раз приводили его в этот небольшой городок. Пять лет назад он даже провел несколько дней, объезжая здешние предгорья. Он тогда разыскивал очередную лже-Беринду, однако когда нашел ее, она оказалась полукровкой, как и ее дочь. В этих местах его беспокоил неистребимый дух Зора, старого забытого королевства с его черноволосой висской версией Ашары-Анакир.

На сам Ольм он тогда обратил мало внимания, как, впрочем, и на этот раз. Однако по городку таинственным образом разнеслась весть, что в его ворота въехал сын самого Яннула. Так что не успели они как следует расположиться в таверне, как появился гонец и передал им просьбу наместника перебраться в его более чем скромный дворец.

В бархатисто-темном небе мерцали искры звезд и багровела Застис.

Ужин был подан в парадном зале дворца, в крыше которого открыли отверстия — через них виднелось небо и поступал свежий воздух.

С каким-то легким удивлением Рэм осознал, что его истинная суть так и осталась известна лишь ему самому, и его позабавило то, что за этим длинным столом он сидит на куда более низком месте, чем Лар-Ральднор. Женщина, которую усадили рядом с ним, была младшей, незаконной дочерью наместника. Это было странное создание — то непроходимо упрямое, то глуповато-капризное и переменчивое, словно застигнутое в разгар причудливого изменения внешности и сути. Кое-кто шептал, что в ее жилах течет кровь дорфарианских аристократов, однако ее мать была простой незнатной ланнелирской женщиной. Мысли девушки блуждали где-то далеко от зала, и Рэма это только

радовало.

Проникнувшись тем, о чем говорилось на усеянной светляками террасе Яннула, и соблазнившись этим в своей претензии на самоконтроль, Рэм стал еще больше беспокоиться, пытаясь обрести покой. Невозможно — однако есть вероятность, что все-таки случится, притом совершенно неожиданно... Тут было от чего растеряться. И одновременно ему дали понять, что чрезвычайно ценят его как человека и как друга.

А впереди ждал Дорфар, цель, заполнившая его внутреннюю пустоту, которая образовалась после прекращения поисков ребенка Кесара. Дорфар приводил его в замешательство, но при этом обещал что-то неясное, какое-то вознаграждение за всю пережитую боль.

Он с головой ушел в самокопание. Скучный обед и необщительность леди Сафки весьма способствовали этому.

Прежде чем гостям показали их спальни, в зале состоялось представление. Это было запутанное аллегорическое действо о победе Ральднора эм Анакир над Повелителем Гроз Амреком. В нем то и дело появлялись разнообразные боги и вестники судьбы, один неубедительнее другого.

Сын Яннула сидел рядом с привлекательной законной дочерью наместника. К всеобщему удовольствию, молодые люди были заняты друг другом и уделяли мало внимания ужасающе нудному действу. Зато леди Сафка выглядела очень заинтересованной, чем немало изумила Рэма. Вскоре он понял, что ее внимание поглощено лишь одним человеком — девочкой-полукровкой лет двенадцати.

Считалось богохульством играть роль Самой Анакир, поэтому девочка воплощала некую символическую идею, сидя во время всего представления на маленьком позолоченном троне. Она была одета как ланнская жрица, с головой, окутанной молочно-белой вуалью, открывающей лишь ее высокий лоб и обведенные краской глаза. Рэм сидел слишком далеко и не мог разглядеть их цвета, однако прядь волос, выбившаяся из-под вуали, была темной. Но самым интересным в ней были две живые змеи, которые оплели ее обнаженные белые руки, извиваясь и скручиваясь в кольца. При этом девочка не выказывала ни малейшего отвращения. Висы, даже полукровки, даже те, кто поклонялся богине, всегда избегали прикасаться к змеям, так что было понятно, почему девочка оказалась в такой роли.

Может быть, именно по этой причине Сафка так взволнованно наблюдала за ней. Наверное, девочка была ее любимицей, что бы за этим ни скрывалось. Рэм заметил, как на пальце девочки сверкнуло кольцо, то ли золотое, то ли янтарное.

Наконец представление завершилось, и вскоре все смогли отправиться спать.

Рэм пожелал спокойной ночи своей необщительной соседке. Видимо, его сочли слишком незначительной персоной, чтобы предложить девушку для постели. Однако темный коридор, ведущий к предназначенной ему спальне, освещал слуга, идущий впереди Рэма с факелом.

Неожиданно впереди, откуда-то со стороны, появился еще один огонек. Это оказался небольшой бронзовый светильник, свет которого выхватил из темноты тонкое белое лицо с опущенными глазами, все еще обведенными краской. Сейчас девочка была без змей, хотя руки ее оставались обнаженными. Ноги ее тоже были босы, а голову и лицо больше не скрывала вуаль.

Рэм решил, что девочка — попросту служанка, идущая с чьим-то поручением, и больше не обращал на нее внимания. Но когда он поравнялся с ней, тонкие пальцы коснулись его ладони, и он непроизвольно сжал в ней какой-то маленький предмет.

Без единого звука девочка исчезла. Рэм знал это, даже не оглядываясь.

Только оставшись один в комнате, он разжал ладонь. Там оказалось колечко с ее пальца. Оно было янтарным, гладким, прозрачным, как вино Равнин, и еще хранило тепло ее руки. И от него исходил некий странный внутренний трепет, словно оно было живым. Рэм тут же уронил кольцо на пол, будто прикоснулся к одной из ее змей.

Чуть позже он понял, в чем дело. Так призывала его леди Сафка. Видимо, кольцо, выданное служанке на время представления, впитало в себя зов Застис.

От всей души он пожелал избегнуть этой ловушки. Едва ли было удобно отсылать кольцо обратно и огорчать ее. Пожалуй, лучше забыть его где-нибудь, к примеру, во дворе. Скорее всего, дворцовый слуга, который найдет вещицу, не отважится присвоить ее.

Все, что могло в нем заключаться, было простейшим магнетизмом, которым янтарь обладает даже сам по себе. Или еще чем-то, исходящим от Звезды, взятым взаймы отголоском ее силы.

Рэм разделся и лег в постель. В голове у него была полная пустота.

Сафка... Какое-то знание, относящееся к ней, или к тому, что произойдет с ее участием, почти лежало в руках, но не давалось, ускользало, металось, как путаница света и тени.

Рэму снились белые волки, бегущие по холмам с янтарными склонами. За ними ехал на колеснице человек, одетый во все

черное. Правой рукой он держал поводья, а в левой у него был хлыст с золотой рукояткой, постепенно превратившийся в змею.

— Где ты была? — спросила Сафка девочку с Равнин, когда та вошла к ней в спальню.

Девочка кротко взглянула на нее и покачала головой. На языке жестов, которым они пользовались между собой, это означало, что вопрос не требует ответа.

— Мне не хочется, чтобы ты показывалась в зале, — произнесла Сафка.

Виновен в этом был один из ее братьев. Он вошел к ней в комнату без предупреждения и сразу же увидел девочку.

Ему немедленно захотелось уложить ее к себе в постель. Ялеф любил совсем юных женщин, обеим его женам едва исполнилось тринадцать лет. А эта девочка была столь утонченна — она уже умела держаться и двигаться так, как может не всякая придворная дама. И куда изящнее, чем Сафка, ее сестра и обе жены Ялефа, вместе взятые.

Сафка не знала, сколько лет девочке, однако не сомневалась, что та еще не достигла брачного возраста. Когда Ялеф отмахнулся от этого довода, она попыталась напомнить ему, что белая кожа и светлые глаза — признак холодной крови эманакир. Она также поставила его в известность, что девочка немая, отстает в развитии и имеет привычку брать в постель змей. Последнее обстоятельство поубавило напор Ялефа, и он отступился.

Однако когда пришла весть о прибытии сына Яннула и уже шла подготовка к приему, Ялеф вернулся и заявил, что девочка должна показать свое искусство в играх со змеями.

Сафке было нечего возразить.

В конце концов белокурые волосы снова были выкрашены в каштановый цвет по просьбе самой девочки. Она написала эту просьбу своей рукой, так что никаких сомнений возникнуть не могло. Умением писать она была обязана Сафке. Или не была... Женщина, которая занималась с ней, заметила, что девочка необыкновенно быстро выучила все буквы. Сафка, пришедшая на второй и последний урок, была изумлена. У нее создалось впечатление, что девочка с Равнин всегда знала, как следует писать, и ей нужно было лишь немного напомнить...

А сейчас девочка подошла к ней и принялась расчесывать ее волосы.

Сафка тотчас же успокоилась, ее мышцы расслабились. Она полуприкрыла глаза, поглядывая в зеркало, где плавно двигались маленькие руки и пряди ее собственных волос.

Но покой оказался недолгим. Вскоре Сафка заметила, что с пальца девочки исчезло янтарное кольцо. Кольцо подарили Сафке, и она владела им, хотя небольшие изящные украшения, прямо скажем, совсем ей не шли. Теперь же оно было потеряно или украдено. Сафка уже открыла рот, чтобы спросить, где и когда оно пропало... «Или было передано кому-то другому», — вдруг мелькнуло у нее в голове. При этой мысли губы девушки сжались в строгую тонкую линию.

Неужели она спасла девочку от Ялефа лишь затем, чтобы та заключила соглашение с кем-то другим, у нее за спиной?

Полная ревности и порожденных ею подозрений, она напряженно застыла под успокаивающими движениями гребня.

На следующее утро юный, но знатный гость отбыл, оставив старшую дочь наместника досматривать сны в постели. Возможно, результатом этой ночи станет ребенок — в таком случае это будет гордость для всего Ольма.

Сафка, в которой темперамент преобладал над всеми остальными свойствами, швырнула через всю спальню глиняную вазочку, с мрачным удовольствием услышала, как та разбилась, после чего громко приказала подать носилки.

Тот, другой человек, друг сына Яннула, так мало интересовался Сафкой, словно она была прокаженной! Обида кипела и клокотала в ее душе. Сафка забыла ту ночь, когда огромная змея нежно обвила ее кольцами. Вместо этого ей припомнилось смертное ложе матери, отсутствие близких, отсутствие даже разговоров... Сафка стиснула браслет на запястье и приказала носильщикам прибавить шагу, погнав их, как калинксов.

Когда она вернулась, в углу наружного двора ее встретил Ялеф. Рядом с ним стоял высокий светловолосый человек. В своем внутреннем неистовстве Сафка сначала даже не узнала его — а когда узнала, сердце ее упало.

— Этот господин из Вардата сказал, что у тебя есть девочка, которую он хочет купить.

— Нет, — вырвалось у Сафки.

— Увы, — произнес Ялеф. — Я уже привел ее и отдал ему. Его слуга увел ее с собой. Здесь ее больше нет. Она не приносила тебе пользы, Сафка. Да и никому другому в нашем доме.

— Ваш брат получил ровно столько, сколько вы заплатили за нее, висская госпожа, — усмехнулся вардиец. — Двадцать парингов настоящего ольмского серебра.

У Сафки не было сил ни двигаться, ни говорить. Кто она такая? Незаконная дочь. Может быть, даже не от семени

наместника. И если эм Вардат знал ее историю с самого начала, то мог с легкостью плевать на ее интересы.

Она изо всех сил старалась сдержать слезы. Ей трудно было даже представить, почему ей так хочется плакать. Был ли причиной этому приступ ревности, связанный с потерей чего-то, что она так и не сумела понять — или одно лишь осознание невосполнимой потери? Но кем же, в конце концов, была эта девочка? Волшебницей, умеющей заклинать змей?

— Зачем она нужна вам? — наконец прошептала она, обращаясь к вардийцу.

— Когда я видел ее в последний раз, выяснилось, что ее висский загар — обман, маскировка для рабских торгов. На самом деле ее кожа белая, а глаза желтые. В ее жилах течет изрядная доля степной крови. Если высветлить ей волосы, она будет выглядеть безупречно. А степняки дают хорошее вознаграждение тому, кто вызволяет их детей от злых хозяев-Висов. В конце концов, жители Равнин — избранный народ, — усмехнулся он. — Так же, как и мы — отмеченные Богиней.

Ялеф нервничал, но вместе с тем испытывал удовольствие от переживаний Сафки. Девушка опустила голову.

«Больше я никогда ее не увижу», — думала она.

В Хлике не было ничего интересного, лишь корабли заходили в гавань и снова уходили, перевозя товары из Зарависса, Ланнелира и Ланна. На холме среди жмущихся друг к другу хижин и палаток возвышалась стройная башня из темного камня, одна из тех, что во множестве строились в Элире для наблюдений за небесами. Астрология, магия, мистика и отстраненность от мирских забот — такова была сущность Элира. Здесь не было королей, а основным ремеслом считалось производство украшений из эмали. Вассальная верность этого края (если здесь вообще знали, что значат эти слова) была навеки отдана Ланну. Храмы Элира, встречавшиеся редко, в отличие от астрологических башен, строились, на Равнинный лад, из черного камня и были очень древними.

Корабль вышел из Хлики еще до рассвета и взял курс на Зарависс.

Рэм стоял на палубе и смотрел на восход, когда в его ладони вдруг оказалось янтарное кольцо.

У этого было простое объяснение. Той ночью в Ольме он сбросил одежду на пол. Утром он вспомнил о кольце и начал искать его, в том числе и на полу — но не нашел. Лишь сейчас он понял, что кольцо закатилось в складки одежды и скользнуло в обычные для одежды авантюриста потайные ножны в рукаве, а

теперь от случайного движения выкатилось прямо ему в ладонь. Воровской карман. И сам он невольно оказался вором.

Рэм взглянул на кольцо. В нем больше не ощущалось никакой жизни. Просто ободок из янтаря.

Однако у него не было никакой возможности вернуть эту вещицу в Ольм. Тогда Рэм решил отдать кольцо Лар-Ральднору — пусть подарит его какой-нибудь девушке.

Невольно в памяти всплыло кольцо с янтарем, которое он когда-то подарил Дорийосу. А из воды тем временем всплывало янтарное солнце.

Ночью он проснулся от того, что кольцо горело в его ладони, точно живой уголь. А может быть, он только вообразил, что проснулся. Так или иначе, сновидение все еще длилось. Крики, шум, красное зарево, и сквозь все это он видел мирную палубу, парус, наполненный ветром, навесы и людей, спящих под ними. На носу корабля дремал вахтенный — а сквозь него, сквозь ночь, багровую от Застис, сверкали лезвия мечей, и двери рушились с громким треском...

— Что это? — заслышав голос Лар-Ральднора, видение отступило, а затем и вовсе померкло.

Рэм был не в состоянии ответить. Неожиданно он ощутил, как его пальцы разжимаются, услышал проклятие Лар-Ральднора, и кольцо исчезло из его ладони.

Ночь прояснилась. Теперь он видел только море, небо и корабль.

— Янтарь, — произнес Лар-Ральднор. — Он горячий и красный, как уголь.

— Анкабек, — отозвался Рэм. К нему вернулось дыхание. Он слышал собственные слова и понимал только то, что их подсказывает ему кто-то другой. — Кесар выиграл сражение. Вольные закорианцы разбиты.

— Откуда вы знаете? — спокойно спросил Лар-Ральднор.

— Просто вижу. Картины, возникающие в сознании. Со мной случается такое время от времени. Я долгие годы живу с этим, но не знаю, откуда оно взялось. Может быть, от моего отца, — Рэм невидяще уставился в спокойную, безмятежную ночь. — Закорис. Побежденный, но яростный в отчаянии, как раненый тирр. И эта ярость пала не на Ланн, Дорфар или Оммос. На Анкабек.

Водон эм Закорис проиграл сражение — и вместе с ним свою жизнь, хоть и уцелел в бою.

Тридцать восемь кораблей, повернувших домой с тяжелым грузом добычи, взятой на юго-западных берегах Кармисса,

оставив позади маленький, но богатый оммосский порт Карит, встретились с флотом кармианского короля, качавшимся на волнах, словно плавучий город.

Корабли Закориса-в-Таддре до сей поры оставались пиратскими, однако их паруса всегда несли символы Старого Закориса. Против них плескались паруса с кармианской лилией, а на носу у каждого развевался штандарт с алой Саламандрой — вызов против вызова. Объявив войну закорианцам, Кесар оказал им честь.

Корабли сошлись. Черные биремы с перепуганными рабами на веслах и бешеными леопардами Йила на палубах, готовыми к бою. И небольшие маневренные кармианские суда шансарского образца, легкие, как лебеди, что очень нравилось Кесару (единственное из шансарского, что вообще нравилось ему). Их гребцы сидели на веслах ради денег и славы. Пятьдесят три кармианских корабля, огромное количество огнеметных машин, чуть меньше — громадных баллист, посылающих гигантские железные стрелы на шестьдесят локтей. Эти стрелы пробивали борта, расщепляли мачты, а с более близкого расстояния с легкостью могли сделать из небольшого судна два еще более маленьких. И еще шесть громадных катапульт, одиннадцать безоткатных бомбард, плюющихся нефтью — и почти пять тысяч бойцов на палубах.

До сих пор никто не выходил против Вольного Закориса с таким вооружением и в таком числе. Неистовые, как было известно всем, закорианцы почти всегда одерживали победу, используя фактор внезапности, либо устраивали сокрушительный разгром, либо, на худой конец, уходили от врага с небольшими потерями. Но сейчас дело было не столько в силе и преимуществе, сколько в планомерной подготовке к решающему сражению. Почти сразу же их суда были плотно окружены. Когда заработали пиратские метательные машины, их встретили огнем заградительные орудия передовых галер, так что каждые два из трех закорианских снарядов, столкнувшись в воздухе с встречными, летели совсем не туда, куда были нацелены — многие на свои же корабли. Этот прием применялся не так уж часто, однако люди Кесара овладели им в совершенстве. Все кармианские машины были тщательно построены и прекрасно отлажены, а их ложки делались с расчетом на немалый вес снарядов. Первый удар Вольных закорианцев был отбит без труда, а затем последовал ответный залп с кармианской стороны.

Пока над морем поднимались клубы дыма, а кармианские клинки из огня и ветра разили без промаха, Водон направил свою личную галеру на захват королевского корабля под знаменем

Саламандры, отошедшего к северу. Гибель кармианского короля могла переломить весь ход боя.

Однако судну Водона не удалось вовремя догнать Саламандру — раньше до нее добрались две другие закорианские биремы. Водон видел, как они взяли ее на абордаж — что-то уж слишком легко... В следующий миг все стало ясно — на палубе королевского корабля стояли всего лишь чучела в матросской одежде.

Шутка посреди кровавой бойни. А за ней последовала другая шутка, весьма памятная многим по событиям двадцативосьмилетней давности. Нападавшие все еще стояли в растерянности на борту «захваченного» корабля, когда Саламандра взорвалась. Корабль был начинен нефтью и теперь медленно горел. Точно так же загорелось море под Каритом в дни войны Равнин, погубив флоты Ваткри, Вардата и Шансара.

Водон бросился бежать, преследуемый горящими обломками и бегущим по воде пламенем. Два других корабля, охваченные паникой и огнем, пошли ко дну вместе с фальшивой Саламандрой. Вдобавок из произошедшего Водон сделал вывод, что сам Кесар вообще не принимает участия в сражении, и это удручило его еще больше.

Ко времени заката над морем горело лишь солнце.

В тучах дыма пять обожженных и потрепанных закорианских кораблей уходили от места сражения. Точнее, удирали — иначе это назвать не получалось. Судно самого Водона, сохранившее большую часть абордажной команды, было третьим из них. Их гнал лишь инстинкт. После такого поражения, после выказанной слабости для закорианцев не осталось места, куда они могли бы сбежать.

Они шли сквозь ночь с безумной скоростью, никто их не преследовал, однако два судна из пяти были в таком жалком состоянии, что вскоре затонули. Оставшиеся на плаву три корабля бросили гибнущих на волю океана, не переживая об их судьбе. Были и другие, скончавшиеся от ран — эти тоже пошли на дно, прямо ко двору Рорна.

Но Рорны на корабельных носах, получившие щедрые подношения после Карита, сейчас снова были голодны.

Когда над морем занялся рассвет, бросили якорь, чтобы дать рабам передышку — не из жалости, но по необходимости. Некоторые из рабов были уже мертвы, и их тела тоже получило море. Таддрийцы, элисаарцы, отты, искайцы, корлы — вода приняла всех. Среди них был даже один раб со светлыми волосами, полукровка из Старого королевства, ныне именуемого Вардийским Закорисом.

Водон стоял на палубе с двумя своими офицерами — палубным и тем, что командовал гребцами — и двумя их заместителями.

Все лица были отмечены печатью страшного знания. Возвращение в Закорис-в-Таддре означало потерю чести, влекло за собой забвение и мучительную смерть — таково было обычное воздаяние проигравшим. Иным выбором было традиционное самоубийство, обычный выход в непреодолимых обстоятельствах. Водон, как предводитель, обязан был казнить четверых, стоящих перед ним, а потом лишить жизни себя самого. Лишь таким путем они могли спасти от позора свои семьи, сохранив им то немногое, что у них было. По крайней мере, их имена останутся чистыми.

За ночь кораблям не удалось уйти далеко — течение подхватило их и отнесло в узкий пролив между Дорфаром и Кармиссом.

Мужчины с темной кожей стояли, глядя на волны. Волосы их были черными, чего не могло быть, плавай они в западных и южных океанах. Их обесцветила бы соль тех морей — прямое следствие близости к великому морю Эарла, где вулканы выплевывают пламя, словно рыбы — фонтанчики воды.

Наконец Водон вернулся к действительности и жестом показал, что остальные могут спуститься вниз.

— Подожди, — схватил его за руку палубный офицер.

— Чтобы быть публично выпоротым, медленно расчлененным на части и выпотрошенным? Ну уж нет.

— Ты не понял меня. Прежде чем уйти, я предлагаю тебе еще одно дело.

— Какое?

Палубный офицер показал рукой куда-то в сторону пролива.

— Нам все равно идти если не к Зардуку, то к Рорну, так давай сделаем им подарок. Разрушим одно из жилищ женской богини желтых людей, — при этих словах обожженные лица слегка оживились. — Храм Анак.

— Разве их король К’сар не защитит его?

— Никогда не слышал, чтобы он заботился о нем. К’сар хочет вернуть назад мужских богов Кармисса, а Анак жертвует одни отбросы.

Оба рассмеялись. С двух соседних кораблей донеслись сигналы вахтенных рожков.

С приливом все три корабля повернули к Анкабеку.

В лучах заката три корабля выглядели точно три зловещих тени наступающей ночи. К счастью, на острове богини отдавали себе отчет в том, что даже полная неприкосновенность

священного места не всегда способна уберечь от вторжения. Порядок действий на этот случай был жестко определенным, и все жители острова знали его.

Прибрежная деревня молниеносно опустела. Остальные разрозненные обитатели острова были предупреждены сигнальными кострами на скалах, и к храму поспешили первые беженцы.

Приближаясь к острову, Вольные закорианцы не видели в окружающей тьме ничего, кроме этих костров, однако вид пламени, обычной приметы катастроф, лишь вдохновил их.

Причалить к Анкабеку не получилось — глубина у берега не была рассчитана на осадку бирем. Корабли встали на якорь в миле от берега и спустили на воду шлюпки. Но еще задолго до того, как они высадились, все живое на острове — мужчины, женщины, дети и даже их домашние животные — укрылось в недрах храма.

Само собой, Вольные закорианцы обыскали деревню и, прежде чем лезть вверх по склону к храму, подожгли ее.

Жрица Эраз в своих золотых одеждах шла к Святилищу подземными коридорами. С тех пор, когда она последний раз нуждалась в ауре подобного облачения, прошли годы. Более восьми лет. Но одеяние все так же блестело и переливалось, да и сама Эраз казалась ничуть не старше, чем тогда, когда в этом самом золоте принимала молодого солдата из гвардии принца Кесара — Рэма, которого на самом деле звали Рарнаммон, и замысел богини лежал на нем, подобно отсвету факела. В тот миг он был посланником не просто по названию, и послание, передаваемое через него, не могло быть выражено словами либо действиями — лишь отчеканено в душе самой Силой. Эраз умела понимать и передавать веления Силы, у него же была способность воспринять их.

Жизнь его тела продолжалась, его будущее лежало на гранях незримого бриллианта, образованного скрещением планетных сил. А жизнь ее тела должна была завершиться этой ночью. Ее слегка печалило это — она привыкла и научилась любить свое тело, как вместилище и зримый облик души, обитающей в нем. Ей было странно и немного страшно представить, как она покинет тело и останется один на один со своей душой, встретившись с прежней памятью, как с кем-то незнакомым. Это был страх беспамятства — но после смерти память возвратится. Ей незачем было бояться, что, умерев, она станет чужая самой себе.

Эраз собралась с духом и прошла в последнюю дверь,

ведущую в Святилище. Она вошла туда последней. Дверь тут же закрылась за ней и отлучила ее от всего земного.

Золотой занавес, скрывавший статую богини, еще не поднимался.

В зале осталось сколько-то свободного пространства, хотя здесь уже собралось все население острова — мужчины и женщины из деревни, послушники, жрецы и жрицы. Домашние животные тоже были здесь. Мычали коровы, попирая копытами древние мозаичные изображения героев, ручные грызуны сновали туда-сюда, развлекая детей.

Увиденное снова опечалило Эраз. Однако души зверей и людей не могли погибнуть. Все они должны были обрести новую жизнь, если не в этом мире, то где-то еще. Ничто не могло произойти из ничего.

Все взгляды обратились к ней, и она ощутила, как сила ее ауры касается, обнимает, окутывает их. Они не могли знать обо всем. А если бы и могли, то не способны были уверовать. Теперь ей, их духовной матери, предстояло держать в своих руках их души, подобно тому, как Анакир держит земную твердь, или тот извечный критерий, который они тоже именовали Анакир, держит все и вся в этом мире. Эраз чуть усмехнулась, но в этой усмешке не было ни капли высокомерия.

А снаружи на них уже мчался, готовый прыгнуть, Черный Леопард.

Ауру Вольных закорианцев она тоже ощущала — она была подобна наползающей грозовой туче. Смерть, душевные мучения и презрение к мукам других.

Неужели ей, Эраз, наделенной той же силой, что и Ральднор, сын Редона, и собранным здесь людям Равнин, насквозь пропитанным этой силой, суждено повторить единожды случившееся, чтобы не стать безвинными жертвами? Однако то место, где герой применил свою магию, вызвав землетрясение, разрушившее Корамвис, находилось по соседству с мощнейшим источником Силы — потаенным пещерным храмом, созданным древними предшественниками Эраз, теми, кто установил там огромную статую Богини. Именно на эту накопленную веками энергию наложилась личная мощь Ральднора. Анкабек же отнюдь не являлся местом силы, несмотря на то, что сам остров лежал на одной из тех силовых линий, которые, как шрамы кровью, набухали судьбами планеты — той, что пролегла к Корамвису из потаенного королевства Зор.

А впрочем, она не вправе сидеть без дела, погрузившись в символьные расчеты. У тех, кто здесь, нет сил, чтобы противостоять врагам — ни физических, ни душевных. А у их

врагов силы вполне хватает — и эта сила все ближе и ближе.

Когда она подняла голову, вокруг стоял ужасающий шум.

Из толпы слышались женские крики. Здесь не было никого, кто не понимал, что за звуки доносятся снаружи: Вольные закорианцы добрались до наружных дверей храма и начали выламывать их. Имея кое-какое представление об устройстве Анкабека, они не поленились ради этой цели снять тараны со своих кораблей.

Но невзирая на это, страшный шум пока еще доносился издалека.

— Мы хорошо защищены, — начала свою речь Эраз. — Наружные двери не так уж легко вынести, хотя в конце концов их все-таки вынесут. Святилище надежно закрыто, и непохоже, чтобы закорианцы смогли пробить камень или сломать механизм, даже если им очень повезет...

Она заглянула в лица людей и поняла, что не имеет права длить их беспочвенные надежды.

— Однако им может прийти в голову сунуться сюда через территорию послушников, — продолжила Эраз. — Тамошние коридоры идут под храмом и ведут к лестнице, проходящей между внешними и внутренними стенами нашего зала. От нее нас отделяют лишь одни металлические двери. Сейчас вы все видели, как я вошла через них, — на миг она осеклась. В груди у нее холодело каждый раз, когда она заглядывала в эти лица. — Эти двери достаточно сложно устроены, и чтобы пробить их, надо знать их слабое место. Любые другие захватчики побились бы о них лбом и в конце концов отступились от сердца храма. Однако эти Вольные закорианцы — не любые другие. Впереди у них не осталось ничего, кроме смерти и позора. Они поистине безумны в своей жажде разрушать и убивать, и эта жажда не позволит им отступить. Они найдут способ пробиться к нам. Может быть, у них уйдут на это часы, но рано или поздно мы услышим, как подается внутренняя дверь, ибо вечных дверей не бывает.

Заплакали женщины. Охваченные общим страхом, заплакали и дети. Даже животные начали беспокоиться. В зале воцарился ужас. А она была обязана сказать им все до конца...

— Всем нам хорошо известно, сколь жестоки Вольные закорианцы. Но эти безжалостны даже по их собственным меркам. Для нас у них найдутся самые изощренные пытки, которые мне не под силу описать. Вспомните сами, что слышали о них. Они не пощадят никого из нас, но смерть наша будет долгой. Даже детей и зверей они убьют непредставимо ужасным образом и будут пить нашу кровь, смешанную с вином. И наконец, сожгут все, что останется, — Эраз снова осеклась, но заставила себя продолжать:

— Статую Анакир вытащат, разобьют и утопят в море, перед тем ободрав с нее все драгоценности и вырвав ей глаза, а драгоценный занавес порвут в клочья, деля добычу на всех. В Закорисе-в-Таддре они будут хвастаться этими трофеями, но еще сильнее — тем, что пресекли жизнь одного из Ее воплощений.

Эраз умолкла, ожидая, пока не утихли стенания и не спустилась ледяная тишина отчаяния. В этой тишине стало слышно, как трещат наружные двери. Звук был омерзительный, он привел в оцепенение даже саму Эраз.

Жрица хотела жить сама и желала жизни всем этим людям — но не собиралась длить жизнь до того мгновения, когда раздастся такой же жуткий треск внутренних дверей. Оглядев стоящих перед ней, она ощутила, как сквозь нее течет Сила и передается от нее всем остальным.

— Души не умирают, — произнесла Эраз. — Смерти нет. Таковы законы Богини. Смерть — лишь переход. Плоть остается на земле, а душа возрождается, очищенная от всей суеты. Именно этому учит нас Богиня через свой символ и образ — змею, которая, сбросив кожу, очищается от бренного и остается жива. И мы тоже останемся живыми, живыми и прекрасными, как звезды в небесах.

Она ощущала их всех. Каждое сознание было как пламя, горящее без всякой ее поддержки. На лицах уже не было страха. Эраз взмахнула рукой — занавес поднялся, и статуя богини предстала во всем своем величии. Она выждала, когда все обратят на нее свои взоры.

По полу расползались змеи. У них имелись свои потайные пути. Единственная жизнь на Анкабеке, которой суждено уцелеть...

Снаружи в треск подающейся двери вплетались приглушенные вопли. Ничего другого различить было невозможно, да и отголоски воплей казались абсолютно нечеловеческими.

Эраз вновь сделала жест, и к ней подошел молодой жрец с огромной чашей. Она приняла сосуд из его рук. Все взоры обратились на чашу. Тогда Эраз снова начала говорить.

Снадобье в чаше было таддрийским, однако известным и в других местах Виса. Оно приносило оцепенение и даровало смерть без боли, обращая тела в подобие камня. Те воины-Висы, что вечной стражей стояли в могилах своих королей, с очень большой вероятностью подвергались его воздействию. Сейчас оно было разведено и перемешано в такой пропорции, чтобы смерть, оставаясь безболезненной, наступила почти мгновенно. Легкий уход, подобный сну — достаточно сделать один маленький

глоток из чаши.

— Если кто-то хочет отказаться от этого снадобья, — сказала она в заключение, — пусть заявит об этом сейчас. Еще осталось время, чтобы укрыться в нижних коридорах — закорианцы пока не обнаружили их. Есть небольшая надежда отсидеться в каком-нибудь закоулке и потом сбежать. Не могу вам обещать, что вас так никто и не найдет, и в любом случае этот выход доступен немногим. Но я обязана предложить вам выбор.

Из толпы донесся глухой ропот, но никто не тронулся с места.

— Тогда пусть каждый из вас, кто способен на это, подойдет ближе к Богине. Выпив сами, дайте выпить и своим животным. И не надо бояться. Мы уйдем все вместе, и наши души полетят, как стрелы, выпущенные из одного лука.

Жрец, рожденный на Равнинах, первым отпил глоток из чаши, не выказав при этом ни страха, ни растерянности. Выпив, он улыбнулся всей толпе и передал чашу в другие ладони. Какой-то миг все смотрели на него — молодого, прекрасного и спокойного, с глазами, полными света.

Чаша пошла по кругу. Висы и степняки, жрецы и жители деревни — все пили по глотку. Пили дети, маленькие ручные зверьки и домашняя скотина. Не отказывался никто. Губы сталкивались у краев чаши, и это ощущение было словно поцелуй — поцелуй смерти. Снадобье не имело вкуса — даже вкуса простой воды.

Последняя, кто принял чашу, одна из жриц, заглянула в нее — и, не выпив, поднесла Эраз. Это была совсем юная девушка с черными волосами. Она всхлипнула. В чаше осталось лишь немного осадка на дне.

— Пей, — велела Эраз. — А потом коснись моих губ своими. Мне этого хватит, я не лгу тебе.

Девушка послушно выпила последний глоток снадобья и впилась влажным ртом в губы Эраз.

Шум снаружи прекратился. Зато из-под пола донеслось что-то вроде рокота пробуждающегося вулкана. Пиратам удалось найти подземные коридоры. Скоро они будут у внутренних дверей.

Наступил покой, пока еще хрупкий, как пыльца на крыльях бабочки. Эраз ощущала, как одна за другой гаснут искры чужих сознаний. Маленький огонек в ее собственном мозгу замерцал, дрогнул и начал меркнуть. Рядом с ней лежал молодой жрец с Равнин, уже давно мертвый, а она не могла даже повернуть головы, чтобы взглянуть на него.

Уходить из жизни было сладко, словно засыпать. Все они верили ей и тому, что лежало вне ее. Все печали уплыли прочь.

Сердце Эраз было полно радости.

Наконец погасли все огоньки до единого. А затем и Эраз погрузилась в миг или век забвения, по ту сторону которого ее ждала новая жизнь.

Когда люди Водона сокрушили последнюю дверь, жажда крови, так долго сдерживаемая и отвергаемая, была единственным, что осталось в них. Каждый из них стоял на грани безумия.

Они вломились в двери с воем и боевыми кличами, задние в нетерпении напирали на передних. И вдруг все замерло.

Они ждали чего угодно, оставлявшие за собой разоренные деревни и города, вопящих женщин и устрашенных мужчин, приученные без страха смотреть на что бы то ни было — но не на такое.

Свет факелов тысячей отблесков отражался в мозаике на полу. В этих отблесках, на другом конце зала, возвышалась огромная статуя демоницы желтых людей, опираясь на хвост и вздымая змеиные плети рук. А у ее подножия недвижно застыли все жители Анкабека. Многие смотрели в глаза ворвавшихся пиратов ясным, немигающим взглядом. Их лица были спокойными, кое-кто даже улыбался.

И еще здесь были звери — на руках у детей или стоящие рядом со своими хозяевами. И дети, и звери — все смотрели одинаково спокойно...

Еще одна дверь рухнула внутрь. Еще одна волна неистовых мужчин хлынула в Святилище — и тоже остановилась на бегу, словно споткнувшись.

Прошла минута.

Затем раздался крик. Кричали Вольные закорианцы. Брошенные в панике копья упали к ногам людей Анкабека, не породив ни малейшего отклика. Лишь от движения воздуха, вызванного полетом копий, шелохнулись складки одежды и волосы нескольких женщин.

— Что это?! — выдавил кто-то из пиратов.

— Клянусь Зардуком, не знаю, — подался вперед Водон. — Наверное, какой-то транс...

Внезапно один из младших закорианцев кинулся через весь храм. Он протиснулся через неподвижную толпу к высокой женщине в одеянии, золотом, как хвост ее богини, и с криком нанес ей удар ножом под правую грудь. Точнее, попытался нанести — скользнув по ее груди, как по мрамору, клинок с треском выломился из рукояти. Теперь в крике закорианца слышался ужас. Он отшатнулся от неуязвимой женщины, от

улыбающихся статуй со светом в глазах, от пегой коровы, от шелковистой крысы на плече девочки — от всей этой плоти, переставшей быть плотью.

— Колдовство! — завопил он и бросился прочь из храма.

— Если это и колдовство, то они обратили его против себя, — Водон не без труда овладел собой. — Обдирайте драгоценности. Статую вынесите и бросьте в море. И все сожгите — деревьев снаружи полно. Не оставляйте ничего тем, кто высадится здесь после нас! — он отвернулся и сплюнул.

Под бесстрастными взглядами живых изваяний он перерезал горло сначала своим офицерам, затем их заместителям и в заключение полоснул длинным ножом по своей шее.

И почти тут же его люди бросились бежать, переступая через его тело.

Ночь наполнилась багрянцем, более жарким, чем свет Застис. Священные деревья с листьями цвета пламени обратились в черный пепел.

Когда пираты, оставшиеся без главаря, дотащили свергнутую статую Анакир до края утеса, то вознесли хвалу своим богам. Она стала их подарком Рорну — лишенная всех драгоценностей, словно нагая, и слепая, ибо они выдрали ее топазовые глаза.

Затем они вернулись на пепелище и принялись пить храмовое вино над дымящимися трупами.

На рассвете поднялся ветер. Он безжалостно гнул обгорелые стволы деревьев, вздымая в воздух тучи золы и пыли.

Вольным закорианцам сразу же не понравился этот ветер. Некоторые шептали, что он полон каких-то кружащихся силуэтов — призраки совершали свой полет, как стрелы, выпущенные с одного лука...

Корабль мертвого Водона затонул вскоре после того, как взял курс на север.

Лишь одному из желтых глаз богини удалось достичь Вольного Закориса.

Жарким элирианским полднем вардийский купец объявил привал. Примерно в миле от них на фоне тусклого неба вздымались скалы, а на них — две башни, вырастающие до самых облаков. Здесь же низвергался с огромного валуна небольшой водопад, впадая в образованное им самим озерцо.

Двое слуг вардийца и погонщик скота устроились перекусить в стороне. Отара буйных ланнских овец блеяла неподалеку, пощипывая сухую траву. Тут же кружили на привязи двое калинксов, черных, как базальт. Этих сторожевых зверей

начинали обучать еще детенышами — ягнят подкладывали к кошкам рядом с котятами, они сосали одно молоко и не сильно отличались по характеру. В Вардате такие твари не водились. Там даже не загоралась Алая Звезда, как и нигде над Континентом-Побратимом.

Степняки-эманакир не были подвержены чувственному воздействию Звезды. Раса второго континента тоже претендовала на это. Но вардийский купец давно уже знал, что его народ лишь уклоняется от этого влияния, не следует ему — и то же самое подозревал за людьми Равнин.

Он сидел у входа в самодельный шатер, только что поставленный им собственноручно, и разглядывал девочку-полукровку. Она несла вино погонщику и слугам, как ей было поручено, но вела себя отнюдь не как прислуга. На вид ей было лет тринадцать. Тонкая гибкая талия, легкий изгиб бедер, изящные холмики грудей — и великолепная белая кожа, которой словно никогда в жизни не касалось солнце.

Вскоре девочка и ему принесла кувшин вина, как всегда, опустив глаза. Еще ни разу он не встречался с ней взглядом. Желтые глаза, да... Он обратил на них внимание с самого начала.

— Сегодня слишком жарко, чтобы двигаться дальше, — бросил торговец. — Мы останемся здесь до завтрашнего утра.

Он знал, что девочка немая. Пожалуй, оно и к лучшему. Она наполнила чашу хозяина и покорно остановилась перед ним, все так же не поднимая глаз.

— Ты ведь не боишься меня? — спросил торговец. — Конечно, не боишься. Я помогаю тебе добраться до родных мест, спас тебя от жадных Висов. Почему бы тебе не отблагодарить меня?

Он выждал, но она даже не шелохнулась.

— Ложись со мной, — приказал он наконец.

Девочка не выказала ни радости, ни страха. Она просто стояла, и все.

— Не беспокойся, — торопливо прибавил вардиец. — Я вижу, что ты еще совсем молода, и буду осторожен. У тебя уже кто-то был до меня?

Она снова никак не ответила. Он прикинул, имеет ли смысл силой вынудить ее к подчинению. Ему не очень хотелось так поступать.

— Иди к воде и вымойся. За скалой тебя никто не увидит. А потом возвращайся в мой шатер.

К его облегчению, девочка развернулась и пошла к водопаду. Может быть, она и не девственница. Тогда ее безразличие — знак покорности, а не страха.

Солнце еле проникало сквозь ткань шатра, и в нем царила густая красноватая полутьма. Но когда девочка вошла туда, вместе с ней вошел свет — и остался там. Какой-то миг торговец не мог понять, в чем дело, а потом так и вскочил с изумленным восклицанием:

— Клянусь Ашкар! Эти скоты из дерьмового городишки в холмах выкрасили тебе волосы!

Теперь светлые пряди, сбегающие по плечам девочки, отливали золотом. Она была чистокровной дочерью Равнин.

И она была красива, более того — запредельно прекрасна, словно белоснежный мрамор, украшенный золотом. Ее глаза блестели, словно от слез, но это был их собственный внутренний свет.

Медленно приблизившись к ней, вардиец ощутил трепет неодолимого желания. Кончиками пальцев он коснулся края ее одежды. Снять ее не составило никакого труда, и она оказалась перед ним — совершенно обнаженная.

И снова он был потрясен. Ее высокая грудь была увенчана сосками, покрытыми позолотой. В ее пупке блестела капля желтой смолы. Волосы меж ее бедер напоминали путаницу металлической нити.

— Не бойся меня, — пробормотал торговец.

— Это ты боишься...

Услышав ее голос, он едва не подскочил. Девочка не могла говорить — и не говорила. Слова прозвучали прямо у него в голове. Вардиец был знаком с мысленной речью, ему самому доводилось пользоваться ею в кругу семьи — правда, по большей части в детстве. Так что поразила его не мысленная речь сама по себе, а то, насколько непохоже это было на все, к чему он привык.

Торговец содрогнулся. Казалось, глаза девочки затмили весь мир. Тогда вардиец упал на колени. Он припал к земле в благоговейном поклоне, прежде чем успел сообразить, зачем это делает — и лишь тогда его накрыло пониманием.

От сияния, испускаемого девочкой с Равнин, за ее спиной на раскаленно-красной стенке шатра встала тень. Тень, намного выше, чем сама девочка, но тоже с длинными волосами и высокой грудью. Множество рук тени простирались в разные стороны, а нижняя часть тела представляла собой скрученный в кольца длинный хвост.

— Ашкар! — еле выдавил вардиец.

Он застыл в поклоне. Волны наслаждения и священного ужаса катились через него одна за другой, отражаясь на лице, пока он не провалился в беспамятство.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ГОРОДА ОГНЯ И РЖАВЧИНЫ

11

Тихим вечером заравийский корабль вошел в родную гавань. Наутро Рэм и Лар-Ральднор верхом направились в столицу, лежащую в глубине континента.

Лин-Абисса была первым настоящим городом, в котором оказался Рэм за последние восемь с лишним лет, а для Лар-Ральднора — вообще первым в жизни. Амланн был не в счет — очарование этого славного раскрашенного городка заключалось именно в его небольших размерах.

Высокие стройные башни, чьи хрустальные окна так и вспыхивали на солнце, мощные стены с бастионами, бойницами, крытыми переходами — сочетание утонченного изящества и непреклонной силы. В этом был весь Вис с его красотой и превосходством, все теми же — даже в изменившемся мире.

Рэм и Лар-Ральднор вступили в город через Ворота Тыкв, над которыми развевалось знамя с заравийской женщиной-драконом. Рассказывали, что во время войны Равнин тиран Амрек обвинил заравийцев в том, что они используют Анакир в качестве эмблемы. В самом деле, между ними имелось некоторое сходство.

При нынешнем неспокойном положении на морях всем так и мерещились повсюду закорианские шпионы. В воротах требовали бумаги, которые имелись далеко не у всех. Восторг от лицезрения первого висского города изрядно поблек в долгой очереди на входе. Наконец Лар-Ральднор смог предъявить свою верительную грамоту — письмо Яннула с печатью Совета послевоенного Корамвиса, которую тот все еще имел право использовать. Им тут же предоставили эскорт для сопровождения в королевский дворец.

Оба они рассчитывали на подобное обхождение (а слуга так и вовсе был уверен в нем), и Лар-Ральднор тут же в шутку предложил назваться вымышленными именами.

Люди на широких улицах оборачивались им вслед. Мимо проносились колесницы, запряженные быстрыми, как молнии, скакунами Междуземья.

Однако когда Рэм с Лар-Ральднором выехали на угол Красного рынка Лин-Абиссы, их глазам предстала весьма впечатляющая картина перемен.

В Амланне встречались и представители светлой расы, и полукровки, но все они происходили из Вардата или Шансара. В Зарависсе им довелось взглянуть на тарабинского купца, следующего через порт в носилках; их откинутые занавески позволяли всем видеть, как он смеется и ест сладости вместе со

своей висской подружкой.

Но до сих пор ни ланнцам, ни самому Рэму не приходилось видеть иных чистокровных людей Равнин, кроме кроткой Медаси.

Красный рынок лениво шевелился, придавленный полуденным зноем. Под навесами с бахромой были разложены самые разные товары. Здесь даже можно было купить рабов, выставленных на продажу в увитой цветами клетке. Десять солдат эскорта добродушно расталкивали в стороны толпу, прокладывая дорогу важным гостям, когда все вокруг неожиданно замерло. Лишь стадо вьючного скота с ревом продолжало ломиться в проход между палатками.

Капитан эскорта вскинул руку в кольчужной перчатке, чтобы остановить их, и продолжал держать, словно рука застыла в жарком воздухе. На рынок явно вошел кто-то, еще более важный, чем даже гости из Ланна.

— Кто там? — поинтересовался Лар-Ральднор.

— Из Степей, — капитан наконец-то опустил руку.

— Но кто именно? — удивленно вскинул брови юноша.

— Не имеет значения, — уронил капитан, ничего тем не разъяснив.

— Вы хотите сказать, что остановили движение, желая освободить путь одному из...

— Одному из чистокровных порождений богини. Именно так.

Лар-Ральднор глянул на Рэма, пожал плечами и усмехнулся.

— Тоже мне повод для гордости!

Рэм ответно рассмеялся, но никто его не поддержал. В нахлынувшей тишине он окинул взглядом обстановку: носилки, верховые, рабы с опахалами и зонтиками — совсем как в Кармиссе...

Затем в поле его зрения возникло «порождение богини», медленно идущее вдоль улицы простых смертных. Женщина — одна, без спутников и провожатых.

Она была одета очень просто — но в платье из шелка. Волосы ее были самыми светлыми, какие только доводилось видеть Рэму — белыми, как снег, и почти столь же ослепительно белой казалась кожа. Обе руки женщины были унизаны рядами янтарных браслетов — единственные ее украшения. Правда, вокруг ее шеи обвивалось ожерелье в виде змеи из белой полированной эмали, но вот ожерелье шевельнулось, и Рэм понял, что змея живая.

Женщина-эманакир шла, не обращая внимания на толпу вокруг. Она даже не смотрела по сторонам. Лишь раз взгляд ее обратился на окружающий мир — в ту сторону, где, не сходя со своих скакунов, замерла в ожидании стража. Глаза женщины

были отнюдь не золотыми, они, как и волосы, казались почти бесцветными, вылинявшими до белизны, словно у змеи-альбиноса. Рэм ощутил, как вдоль его спины пробегает холодок. Капитан почтительно поклонился.

В следующий миг остановилась и сама женщина, обернувшись к торговцу фруктами. Тотчас же продавец и его помощник забегали, выставляя перед эманакир корзины с апельсинами и гроздьями винограда. Присмотревшись, она выбрала один плод и молча указала на него. Его тут же обтерли и поднесли женщине. Так же молча, без благодарности и платы, она приняла дар и удалилась.

— Я начинаю понимать, почему мой отец покинул Дорфар, — задумчиво сообщил Рэму Лар-Ральднор, когда они продолжили путь к витым металлическим колоннам, отмечающим вход во дворец.

Сейчас в Зарависсе правил Тханн За'ат, старший из одиннадцати внуков Тханна Рашека.

Гостям была назначена аудиенция, но в ожидании ее пришлось провести целых два часа в очаровательной комнате с фонтаном. О да, это был совсем не Ольм... Наконец слуга провел их в другое помещение — больше размером и с куда более роскошным фонтаном. Король праздно сидел в окружении пары телохранителей, двух девушек-менестрелей и рассеянных по всему залу придворных. Здесь также были двое людей с Равнин — не столь льдисто-бесцветные, как женщина на рынке, но все же сидящие отдельно под декоративным деревцем и не участвующие в общей беседе.

Король приветствовал сына Яннула Ланнца, равно как и его спутника. Стайка придворных зааплодировала.

Встав с места, король подвел Лар-Ральднора к людям Равнин. После должной паузы, призванной выказать незаинтересованность, те поднялись и поклонились сыну Яннула.

— Мы прекрасно помним всех союзников, сражавшихся рядом с нами, — произнес один из них. — Имя вашего отца никогда не изгладится из нашей памяти.

Тханн За'ат безропотно проглотил это. Намек был весьма неприкрытым: хотя Зарависс и называл себя союзником Равнин, но, по сути дела, всего лишь оставался нейтральным.

— Вы прибыли в удачное время, — сообщил он сыну Яннула. — Сейчас при дворе находится сын второго из знаменитых капитанов Ральднора эм Анакир — нашего собственного Зароса.

Этот намек тоже был очевиден — король желал напомнить

степнякам, что во времена войны не все заравийцы отсиживались дома.

Положив руку на плечо Лар-Ральднора, Тханн За'ат стал прогуливаться по комнате. Один из телохранителей неслышной тенью следовал за ними.

— Вы тоже направляетесь в Дорфар? — обратилась к Рэму одна из дам. Тот ответил утвердительно. — Как и я. Я поеду туда вместе со свитой принцессы. Долгое и довольно утомительное путешествие. Вы что, не знали об этом? — дама усмехнулась. — Откуда же вы прибыли? Ах, из Ланна? Ну разумеется, до Ланна никогда не доходят последние новости. Как раз сейчас дочь короля отправляют к Повелителю Гроз. Этикет неумолим — даже Верховному королю положено забирать свою невесту из отцовского дома. Но, увы, Ральданаш вынужден оставаться в Анкире, пока не прекратятся все эти разговоры про войну... — ее покровительственная усмешка сделалась еще ярче, а подведенные глаза внимательно смотрели на Рэма. — Их первая близость не застанет Застис. Хотя я думаю, что это не имеет значения. Говорят, Ральданаш холоден. И это — сын героя Ральднора! Вы думаете, такое возможно?

— Как вы справедливо заметили, мы в Ланне живем совсем без новостей, — ответил Рэм и, вежливо извинившись, отошел, чтобы наполнить чашу вином.

Однако и в самом деле имело смысл присоединиться к громоздкой свадебной процессии, которая должна была отправиться в Дорфар в ближайшие пять дней.

Дочь За'ата была помолвлена с Повелителем Гроз еще в шесть лет, но это являлось простой формальностью. Ральданаш, вступив на престол Дорфара в тринадцать, годом позже обзавелся своими первыми тремя королевами. Теперь же у него был целый выводок жен — почти из всех стран Виса, а также из Шансара и Вардата. Увы, Зарависс не имел принцесс, достаточно взрослых для постели и достаточно молодых для замужества, и до сих пор отставал в этом вопросе.

Но, похоже, Улис-Анет эм Зарависс наконец-то вошла в долгожданную пору. От матери она унаследовала кармианскую кровь — та же заравийско-кармианская смесь, которая даровала миру легендарную Астарис.

— Что ж, по крайней мере, у нее красные волосы, — пару дней спустя заявил Лар-Ральднор. Он стоял, опираясь о перила, и беседовал с Рэмом. — И очень светлая кожа. Во всяком случае, так говорит одна из ее дам. Вы ее знаете, такая молодая, с которой я...

— Знаю.

— Я слышал и еще кое-что.

— Ты научился сплетничать, как самый настоящий заравиец, — раздраженно бросил Рэм.

— А чем еще здесь заниматься? Мы до сих пор не познакомились с Айросом, сыном Зароса. А именно он назначен командовать личной гвардией Улис-Анет, которая будет сопровождать ее в пути и в Дорфаре. Что, кстати, не слишком-то мудро.

— Почему же?

— Потому что Айрос — ее любовник.

— Я считал, что обычай требует вручать королю его невесту с невзломанными печатями.

— Можно делить ложе и избежать потери девственности.

— Если этот Айрос столь сдержан, то, полагаю, сумеет обуздать свою ревность в Дорфаре, — заметил Рэм.

— Или сумеет сохранить прежние отношения. Улис-Анет — всего лишь второстепенная жена, у нее нет шансов стать Верховной королевой. Так что к ней не будут иметь никаких претензий, если только она не обзаведется ребенком.

В тот вечер Айрос все время был на виду. За обедом он сидел рядом с королем, а после был замечен запросто играющим в кости с двумя сыновьями Тханна За'ата.

Даже одетый в обычную форму старшего офицера, сын Зароса был исключительно красив. О его отце можно было сказать то же самое — и не только в молодые годы, но и до сих пор. Однако характер Айроса был совсем иным. Зарос имел репутацию хитроумного авантюриста, умеющего пользоваться любой благоприятной возможностью и одержавшего одну из убедительных побед в войне Равнин лишь благодаря своей ловкой выходке. Айрос же умел шутить и смеяться, выказывал незаурядный ум, но наряду с этим часто проявлял совершенно павлинье высокомерие и гнев. Знакомясь с Лар-Ральднором, который был моложе его на несколько лет, Айрос коротко блеснул улыбкой и тут же спросил:

— Нам весь вечер надо вешаться друг другу на шею во имя дружбы наших отцов? Или я могу с чистой совестью вернуться к своей игре?

— Пожалуйста, — сдержанно ответил Лар-Ральднор. — Я даже не мечтаю о том, чтобы задержать вас.

Айрос вспыхнул, чего не могла скрыть даже его по-заравийски смуглая кожа.

— Рад, что вы понимаете простые солдатские удовольствия, — сказал он, скривив губы. — Хотя сами вы еще не солдат, не так ли? Уже присмотрели себе что-нибудь в Дорфаре?

Лар-Ральднор вскинул на него свои Равнинные глаза.

— Простите? — переспросил он.

— Вы хотите сказать... — нахмурился Айрос.

— Я хочу сказать, что ваши кости ждут вас.

Айрос нехорошо усмехнулся — но и только. Он в самом деле развернулся и ушел. Следующие три броска были им проиграны, и Рэм с Лар-Ральднором услышали это через весь зал, даже сквозь музыку, под которую танцевали девушки.

Что ж, так или иначе, но с Айросом они повидались. Принцессу же Улис-Анет Рэму удалось увидеть лишь перед самым отъездом свадебной процессии.

— Что случилось? — спросил сын Яннула, выходя на балкон.

— Я думал, ты сейчас с дамой принцессы, — отозвался Рэм.

— Там я уже был. Скоро рассвет, надо бы прилечь хоть ненадолго. Мы отбываем через несколько часов.

Рэм сквозь зубы пробормотал, что точное время королевского выезда до сих пор непонятно, и это просто подлость.

— И все-таки вы не ответили, в чем дело. Это из-за...

— Нет, — отмахнулся Рэм. — Время Застис кончилось. К тому же здесь полдворца не брезгует заниматься этим по-оммосски. Иди спать.

Лар-Ральднор кивнул и, помедлив, исчез.

Предрассветный воздух был свеж и прохладен. Чуть синеватая тьма казалась идеальной грифельной доской, на которую так хорошо ложатся образы и мысли.

Попытаться вспомнить, когда это случилось впервые. Боль, пронзающая череп — а затем образ, видимый как наяву и затмевающий остальной мир...

Годы юности. Рэм восстановил в памяти даже время и место — Истрис, винная лавка на Кувшинной улице, где он тогда как следует напился. Тогда он выбросил это из памяти, списав на опьянение, теперь уже и не вспомнить... И следующих двух или трех видений, свалившихся на него — тоже не вспомнить. Имели ли они какое-то отношение к его жизни или к чему-то еще? Очень может быть. В конце концов, пророческие, сверхчувственные, какие бы то ни было — все они имели смысл. Даже то видение, которое застило ему глаза у дверей Кесара и тем подвело под порку.

Как раз его он мог вспомнить вполне четко: женщина с красными волосами, застывшая, словно камень — и мерцание новой жизни в ее чреве.

И Кесар, ступивший на путь, закончившийся тем безумным и роковым прощанием с сестрой — сестрой, которую он любил

плотской любовью, Вал-Нардией, ставшей его возлюбленной в Анкабеке. Возлюбленной и матерью его ребенка.

И второе видение в глухом кольце храмовых коридоров Анкабека, от которого сейчас осталась лишь обгорелая скорлупа. Три женщины — с белыми волосами, с красными и с черными как смоль. И три зародыша внутри них, словно серебристые пузырьки...

Рэм припоминал прочие подробности, и все они, подтверждая недавно услышанное, имели отношение к Ральднору эм Анакир. Его — да, отцу.

Уже видение в Анкабеке дало ему подсказку, кто он такой. Ему показали трех женщин, носивших семя Ральднора. Беловолосая Сульвиан Ваткрианская — мать Ральданаша, нынешнего Повелителя Гроз. Черноволосая Лики, его собственная мать — разве сам Рэм не узнал ее по удару? И третья в этом раскладе, женщина с красными волосами — несомненно, Астарис.

Сколько людей знает, что она носила третьего ребенка Ральднора? Ни в одном предании об этом не говорилось ни слова. Даже Яннул не ведал о том.

Вне всякого сомнения, этот ребенок потерян. Ральднор и Астарис ушли неведомо куда. Их потомок, если он выжил, имел достаточно времени, чтобы обнаружить себя — но этого не произошло. Однако почитатели Анакир в Анкабеке как-то узнали о его бытии и об утрате этого бытия, и установили точное соотношение этих двух факторов. Они искали правильное сочетание плоти и крови. Может быть, странно и нелепо, но они предвидели и предсказали то, что случилось между Кесаром и Вал-Нардией. Плоть от плоти людей, в которых кровь Висов смешалась с иной, колдовское соединение близнецов, и еще — знамение знамений...

Неудивительно, что Анкабек удерживал от смерти тело Вал-Нардии, чтобы ребенок родился в срок...

«Верю ли я хоть во что-то из этого? Допускаю ли саму возможность вмешаться в священное таинство?» — Рэм затряс головой. Нет. Это лишь кислый осадок перегоревшей похоти и бессонница. Для чего им было выводить ее, как племенного скакуна — для того, чтобы их магия позволила ей сгинуть в волчьей стае?!

С той ночи, когда Рэм увидел нападение на Анкабек сквозь зримую реальность заравийского корабля, он прятал янтарное кольцо среди своих вещей, остерегаясь новых приступов. Достать его сейчас, подержать в руках, надеть — может быть, тогда все разъяснится? Но как раз полной ясности Рэм и не хотел.

В конце концов ему был дан еще один знак, чтобы испытать

на прочность его безумие.

В свою последнюю ночь во дворце отца она пришла на пир. Еще до ее появления весь зал перешептывался, сколь прекрасна эта поздняя дочь королевского рода — и как похожа она на Астарис, красивейшую женщину в мире!

Рэма все это нисколько не впечатляло. Как правило, женщины не нравились ему. Если они были красивы, то вызывали в нем чувство мрачной отчужденности, но чаще он просто не замечал их.

Улис-Анет вошла в зал вместе со своими дамами.

Ее блестящие волосы были ярко-красными, как и говорилось ранее, и тот же оттенок повторялся в ее платье с поясом из красного золота. На ее шее сверкало ожерелье из полированных аметистов — камней, наиболее почитаемых в Зарависсе, ибо аметист был драгоценностью, сильнее всего напоминающей цвет Змеиного Ока.

Она была тоненькой и изящной. И тут Рэм осознал, что ее фигура и походка напоминают ему кое-кого другого...

Потом она приблизилась, и он увидел ее лицо.

Улис-Анет, по слухам, похожая на Астарис, была почти точной копией Вал-Нардии, сестры-возлюбленной Кесара.

Йеза, чья кожа благоухала травами, в которых она возлежала с Лар-Ральднором, была слишком умна, чтобы шуметь у дверей спальни своей госпожи. Однако она вполне могла остановиться и немного послушать.

Из-за дверей доносились два голоса, но отнюдь не сливающихся в песне любви. Прислушавшись, Йеза покачала головой и пошла прочь, все так же беззвучно.

За дверью стоял Айрос, не снявший ни единой детали своего изысканного наряда. Горел единственный светильник, и под ним сидела Улис-Анет, одетая для сна, хотя еще и не думала ложиться.

— Итак, мадам, я покидаю вас, — холодно произнес юноша. — И это конец.

— Ты вообще не должен был приходить сюда.

— Потайная дверь осталась незапертой и без охраны. Если вам так хотелось избавиться от меня, надо было поставить там нескольких людей. Они могли бы убить меня и тем освободить вас.

Девушка вздохнула. По ее шее, все еще украшенной аметистами, заметались лиловые сполохи.

— Ты знаешь, Айрос, что я желаю тебе лишь добра. Но тебе стоило бы как следует подумать, прежде чем наносить мне

ночной визит.

— Значит, мне надо дождаться, когда мы выйдем в путь, и нахально войти в ваш шатер на глазах у всех? Или ждать до самого Дорфара, пока ваш король с белыми волосами не устанет от вас? Судя по тому, что я слышал, это случится весьма быстро. Если он вообще удосужится лечь с вами в постель.

Улис-Анет уронила голову на руки. Она устала от этого спора, который за последние несколько месяцев повторялся снова и снова.

— Даже если в Дорфаре я буду жить как девственница, между нами все равно ничего не будет, — сказала она глухо.

— Значит, я ничуть вам не дорог.

Вся сдержанность разом покинула принцессу, и она резко поднялась.

— Не будь дураком, Айрос. Ты думаешь, я желаю этого союза? У меня нет выбора, и никогда не было. Как и у тебя. Ты не даешь мне покоя...

— Я и сам не знаю покоя!

— А что еще я могу сделать? Сбежать с тобой, словно сельская девица, которую против воли выдают замуж за крестьянина? Я была обещана Повелителю Гроз еще до того, как мы встретились. Ты знал об этом. И знал, что из этого следует.

В глазах Айроса сверкнула ненависть.

— Я люблю вас! — воскликнул он. Если бы Йеза решилась подслушивать у дверей именно сейчас, то осталась бы довольна.

— Любовь? Что ж, в твоей власти выбирать, кого любить. Но не в моей.

— Однажды вы уже выбрали меня, — чуть более мягко напомнил Айрос.

— О да, — она закрыла глаза.

— И если Беловолосый возьмет вас, то узнает, как далеко вы зашли в своем выборе.

— По-моему, это не имеет значения, если прошло достаточно много времени, — возразила Улис-Анет.

— Он так высоко вас ценит!

Улис-Анет отвернулась. Она подошла к зеркалу и увидела в нем свое очаровательное лицо и ласкающие глаз линии фигуры. А за спиной — прекрасного и разъяренного демона, который вторгся в ее и без того неприятный мир. Она не любила Айроса, но привыкла к его нежности и страсти. Теперь Улис-Анет усомнилась — в самом ли деле она так много значит для него? Не будь принцесса связана обязательствами с Дорфаром, она могла бы выйти замуж за Айроса, чтобы упрочить положение его семьи. Наверняка он ценил бы ее взгляды и ее королевское

происхождение — и изменял бы ей часто и неприкрыто, с кем попало.

Не дождавшись ответа, Айрос шагнул к драпировке, скрывающей потайную дверь, в ярости сорвал занавес с колец и швырнул его на каменный пол.

Держась все так же прямо, принцесса подошла к двери и заперла ее, затем села у окна и стала смотреть на восход солнца. Ложиться спать было уже слишком поздно.

12

Караван принцессы, как во сне, медленно брел сквозь летнюю жару. Порой казалось, что он и вовсе не движется. Под небесами, усыпанными звездной пылью, равнины сменялись холмами, а холмы — новыми равнинами. Они попадали в какой-нибудь замечательный город, окунались в его жизнь — и снова двигались дальше, к новому городу, который манил их своими огнями с другого края ночной долины.

Для Рэма это путешествие стало порой странного безвременья. Лар-Ральднор не так уж часто бывал рядом с ним — с наступлением темноты юноша шел к Йезе, юной главной даме принцессы, днем же был принят в круг королевских приближенных. Сама Улис-Анет заметила его и явно выказала свою симпатию. Это еще больше разжигало гнев Айроса, командующего ее охраной, в то же время удерживая его на расстоянии. С закаменевшим лицом сын Зароса ехал во главе строя своих людей. Его отношение к своей царственной избраннице было столь безупречно вежливым, что поневоле наводило на подозрения. Вокруг не было никого, включая последнего конюха или пажа, кто не догадывался бы, каковы истинные отношения королевской дочери и начальника ее гвардии. В один не слишком-то прекрасный день один из солдат был высечен в сотне шагов от стоянки и брошен полумертвым на полуденной жаре. Вина его заключалась лишь в том, что Айрос услышал, как тот насвистывает некую песенку двусмысленного содержания, и отнес это на свой счет.

По ночам он устраивал у себя в шатре грубые и шумные приемы или носился по окрестностям на колеснице, освещенной факелами, оглашая ночь хриплыми криками. В городах он подцеплял самых ярких и доступных женщин и в течение всего обеда напоказ домогался их.

Как-то раз на одной из возвышенностей от кромки горизонта донесся нарастающий шум — это мчалось стадо диких зеебов. Лишь в последний миг животные свернули в сторону, прочь от огней стоянки.

Гуляя в сумерках по холмам, вдалеке от шатров, Рэм наткнулся на мужчину и женщину, которые сплели объятия в зарослях папоротника. Это были Лар-Ральднор и его девушка. Стараясь не шуметь, Рэм поспешно удалился, оставшись незамеченным.

Застис ушла с небосклона, и наверное, лишь это родило в

нем непонятную отрешенность. Недавние ланнские переживания словно стали не его, а чьим-то чужим воспоминанием. Теперь сын Яннула казался таким далеким — просто приятный молодой человек, хороший товарищ... моложе Рэма лет на сто. Он с трудом узнавал его.

Оммос, край с дурной славой.

Они увидели Уткат на равнине Орш, где Ральднор эм Анакир когда-то разгромил армию Висов, потом — руины Гопарра, который тот же Ральднор эм Анакир стер с лица земли за измену. Однако история все еще продолжалась. Меньше месяца назад флот Вольных закорианцев сжег Карит, и по всей местности тут и там двигались войска, пропускающие караван лишь после выяснения, в чем заключается его миссия. Уроженцы Оммоса были темноволосыми, темнокожими и говорили с таким сильным акцентом, что, казалось, создавали новый язык из знакомых слов. Не считая войск, все королевство казалось голым и пустынным, и города по ночам выглядели темными.

В Хетта-Паре им устроили прием. Старую столицу разрушила война Равнин, а новый город еще не поднялся — сейчас это был всего лишь небольшой поселок на краю развалин. Правил в Оммосе не король, а человек родом с Равнин, зовущий себя Хранителем. Двор, если его можно так назвать, тоже был полностью Равнинным.

Три или четыре часа невеста Ральданаша и ее свита высидели среди незатейливых публичных развлечений. Затем всех разместили в тесных покоях, если можно обозначить этим словом то, что был способен предложить им этот городок. Те же, кто решился взглянуть на убожество новой Хетта-Пары и развалины старой, вернулись с рассказами о храме Анакир из черного камня, чьи входы охранялись степной стражей; о древних танцах с огнем в тавернах на развалинах, где юноши и женщины снимали с себя одежду огнем горящего факела — и об огненном боге Зароке, которого люди с Равнин бросили в яму. Оммосцы раболепно мочились на него, словно исполняли некий ритуал перед захватчиками, и при этом украдкой делали священные жесты, прося у бога прощения.

Между Хетта-Парой и границей пришлось сделать еще бессчетное число остановок. Лишь через пять дней они подошли к реке и увидели восстановленный пограничный форпост, тоже некогда перемолотый войной. Увенчанная чашей дорфарианская сторожевая башня в знак приветствия взметнула сиренево-голубое тусклое пламя.

Дорфар.

«Мой отец пришел сюда, не зная, как знаю я, ни о своем происхождении, ни о сомнительных правах на престол, ни о своем наследии. Скрывающий беспокойство под дерзостью, чувствующий опасность, влюбленный в эту землю и ненавидящий ее, ее символы и тень, распростертую над нею...» — Рэм огляделся.

Земля. Горы. Небо.

«Что же значит Дорфар для меня?»

Для въезда в Анкиру Лар-Ральднору предоставили колесницу и упряжку чистокровных скакунов, а из дорожного сундука был извлечен его лучший наряд.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он Рэма.

— Как договорились. Сначала тебя представят ко двору. В подходящий момент ты сунешь ему письма Яннула. Он их прочтет.

— Если верить тому, что я слышал о нем — может и не прочесть.

Рэм кивнул — он и сам собирал сведения о Повелителе Гроз, где только мог.

— Тогда вежливо, но настойчиво ткни его носом в печать Корамвиса.

— Но разве вы сами не будете рядом со мной в зале для приемов?

— Если удастся.

— А где вы будете во время торжественного въезда?

— Где-нибудь позади колесниц. Не на виду.

Лар-Ральднор внимательно посмотрел на Рэма.

— Вы сами знаете, что ваше безразличие происходит не от скромности, — наконец произнес он. — Это гордость. Вы словно говорите: мне известно, кто я такой, а он пусть выясняет это сам. Не так ли?

Этот разговор происходил близ старой белой дороги, пересекающей равнину под Корамвисом. Стояли сумерки, шатры уже были разбиты — в последний раз. Завтра им предстояло войти в новую столицу. Внизу, в долине, над древними сторожевыми башнями повисло легкое перышко дыма, чуть темнее вечернего неба.

— Даже выяснив все, что должно, он может оттолкнуть это знание, — сказал Рэм. — Это вполне вероятно.

— Если я хоть сколько-то разобрался в нем, он не захочет так рисковать. Вы нужны ему как друг, а не как враг. Подумайте, сколько неприятностей вы сможете доставить ему, будучи

отвергнутым.

— Я-то подумал. Но Ральданаш тоже способен подумать. Боюсь, он сочтет меня достойным аккуратного убийства.

— Здесь вам не Кармисс, — усмехнулся Лар-Ральднор.

Рэм почувствовал, что захвачен врасплох. Неужели юноша настолько хорошо осведомлен о его службе у Кесара?

На склоне над равниной, где землетрясение взметнуло землю холмами причудливой формы, замерцали ночные огни нового города. Когда Лар-Ральднор удалился, призванный в шатер принцессы, Рэм остановился и долго смотрел на город.

Раньше здесь были фруктовые сады и циббовые рощи, но потом их сожгли или вырубили. Именно на этой земле случилась последняя битва той войны. Весь день Рэм обращал внимание, что чем ближе к городу, тем чаще люди суеверно перешептываются.

Он вдруг подумал: тем, кто в одиночестве ночует на этих холмах, должно казаться, что они слышат звуки войны и стоны боли, и чувствуют, как начинает содрогаться земля. Он был почти готов к приходу нового видения. Но ничего не появилось. Лишь сверкание далеких огней Анкиры — и никаких следов призраков.

Принцесса Улис-Анет была одета во все белое. Когда прошло первое ошеломление, Рэм отметил, что кожа у нее все же темнее, чем была у Вал-Нардии. Белизна одеяния символизировала ее пригодность для Верховного короля светлой расы. Для этого она была немного смуглее, чем надо, но это лишь добавляло ей притягательности — она казалась статуей из светлого золота. Ажурная сетка с вплетенными рубинами прикрывала ее рубиновые волосы.

Перед ее колесницей и следом за ней скакали люди Айроса, слепя глаза полированным металлом оружия и доспехов. На их копьях трепетали знамена Зарависса и сверкали гербы Тханна За’ата.

Караван принцессы стал всего лишь еще одним обязательным элементом действа.

Танцовщицы, весь наряд которых состоял из сверкающей росписи по телу и ошеломляющих крохотных зеркал в паху, акробаты, чародеи, достающие из воздуха светящиеся шары. Двенадцать молочно-белых калинксов — трудно представить, где их нашли, скорее, просто выкрасили — тащили три золоченых повозки, с которых девушки в алых одеяниях Ясмис, заравийской богини любви, бросали в толпу цветы, сладости и мелкие монетки. До принятия закона Анакир во время обручальных и свадебных шествий полагалось провозить статую самой Ясмис. Теперь этого не было.

Колесницы катились. Музыканты играли.

Там, где новая дорога шла среди полей и садов, ее обступали крестьяне. Они поднимали детей, чтобы те могли рассмотреть процессию. Девочки-подростки осыпали проезжающих цветочными лепестками и во все глаза любовались на солдат.

Примерно в четверти мили от ворот процессию встретил почетный эскорт во главе с посланником Ральданаша.

Рэм впервые увидел белые знамена Анкиры, и среди них — эмблему своего сводного брата, законного сына героя Ральднора. Личным символом Ральданаша была бронзовая змея, свернувшаяся кольцами вокруг черной грозовой тучи. Обуздание мощи — такова была идея этого герба, доступная любому, кто его видел.

Корамвис считали чудом Севера. Анкире, выросшей на его руинах, было на что опереться.

Яннул покинул город прежде, чем тот был достроен. Послевоенный Совет, состоящий вперемешку из Висов, степняков и выходцев с Континента-Побратима, вполне сохранял единство под началом своего прежнего главы, Матона. Старик, чудом уцелевший во время землетрясения, получил эту должность именно из-за своей старости, делавшей его безопасным. Под его началом возрождался город над долиной и насаждались леса на западных склонах. Он пережил уход Яннула и смерть еще одного, кто в своем роде тоже был другом Ральднора — Дракон-Лорда Крина. Крин умер как раз в тот год, когда юный король въехал в Анкиру. Матон прожил до ста двенадцати лет — не такой уж запредельный возраст для Висов, но примечательный на фоне потрясений его эпохи. Он застал первые годы правления Ральданаша и успел увидеть Анкиру достроенной. До самого конца Матон сохранял свой ум и, как говорили, свою бесполезность. Теперь главой Совета Анкиры стал ваткрианец, троюродный брат короля.

Высокие и толстые стены — в этом крылся некий смысл. До недавнего времени вокруг королевского дворца вообще не было никакой ограды.

Белый камень, украшенный светлым золотом и хрусталем — символ Белого Огня. Столица была молода — моложе Рэма — и, конечно же, прекрасна. В нее вложили всю славу и величие послевоенного времени. Десять храмов богини сверкали под солнцем на ее террасах.

Однако Анкира не оставляла ощущения молодости, или красоты, или даже старости, скрытой под молодостью и красотой, как под вуалью — древний Вис гневно кричал в ее оковах. Она

вообще не имела вкуса, как пресная лепешка.

Хотя, пожалуй, что-то все же ощущалось.

Непривычно ранняя жара, и еще — какой-то терпкий привкус в воздухе. Рэм похлопал по шее своего зееба, желая унять его дрожь. Вероятно, животному передалось его собственное напряжение.

Однако вокруг воцарился совершенно невозможный покой — с тех пор, как они въехали в ворота, вокруг них, на обочине дороги, на крышах и балконах домов, толпились люди. Их крики, лязг доспехов, музыка — все вместе прямо-таки оглушало. Но сейчас этот шум, который поначалу казался невыносимым, словно засосало в какую-то воронку или огромную вязкую пещеру без эха.

В Анкире, как и в Корамвисе, имелась аллея Рарнаммона, но здесь она была гораздо длиннее, а ширина ее позволяла проехать в ряд десяти колесницам. Вдоль всей аллеи высились огромные статуи: драконы, змеи, реже — человекоподобные исполины. Там, где она вливалась в дворцовую площадь, на тяжелом постаменте, возвышаясь над прочими изваяниями, стояла гигантская статуя самого Рарнаммона на колеснице, сделанная из золота и позолоченной бронзы. В глазницах, затянутых стеклом цвета шафрана, пылали светильники, что создавало потрясающий эффект. И в тени этого изваяния стоял Повелитель Гроз, публично встречая свою заравийскую невесту.

Теперь тишина стала тяжкой, словно огромное одеяло, накрывшее площадь.

Процессия двигалась вперед: колесницы, сверкающие стражи Айроса, женщина с рубиновыми волосами в увитом цветами экипаже...

— Идет гроза, — произнес кто-то позади Рэма. — Гляньте, как деревья шатаются!

Рэм невольно оглянулся. Деревья над стеной стояли неподвижно. И за спиной у него никого не было — по крайней мере, столь близко, чтобы сказать и быть услышанным.

— Магия, — снова послышался хриплый голос, теперь уже прямо перед ним. Рэм почти ощущал чье-то дыхание на своем лице — но рядом с ним по-прежнему никого не было. — О боги! Что это?

Рэм поднял взгляд на холмы над городом. Там показались белые башни — но лишь на миг. Сверкнула красная вспышка, и скала под стенами Корамвиса беззвучно рассыпалась в пыль, фонтаном хлынув вверх. Затем холмы снова сдвинулись, и белые башни, точно жертву, швырнуло в чернильно-черное небо.

Но даже когда это случилось, Рэм отдавал себе отчет, что на

самом деле этого нет. Он чувствовал под собой зееба и по-прежнему сжимал поводья в руке. Его глаза были широко открыты, и он отчетливо знал, где находится. Затем все замерцало; холмы были совершенно неподвижны, свет летнего утра мягко струился меж ними...

Спокойно, без суеты, Рэм подумал: «Это знак. Грядет землетрясение».

Зееб вскинул голову и натянул поводья. И не он один. Насколько можно было заметить, все животные в процессии начали беспокоиться. Люди, вынужденные сдерживать их, невольно заражались этим непонятным волнением.

Рэм отмечал это без малейшего ужаса, лишь с уже знакомым чувством отрешенности. Твердой рукой смиряя своего зееба, он оставался настороже.

Аллея расширилась, переходя в огромную площадь. Впереди, за спиной у подавляющей своей мощью статуи Рарнаммона, высился Холм Верховных королей, уступами поднимающийся к дворцу, а еще выше в обрамлении деревьев сверкал старейший храм Анакир Дорфарианской. На переднем плане — знамена, блеск снаряжения, фигуры Повелителя Гроз и его придворных. По всей площади толпились люди, а сзади напирали опоздавшие, народ стекался на площадь, где и так было не протолкнуться. Некоторые даже взбирались на постамент Рарнаммона и устраивались среди колес бронзовой колесницы.

Внутри самой процессии и то было больше свободного места. Рэм медленно пробирался меж колесницами, раздвинувшими свой строй, пытаясь выбраться.

Однако прежде чем ему это удалось, он ощутил, что под его ногами словно бьется пульс самой земли. И снова все замерло. Дрожь земли — или его собственная? Затем, перекрывая шум и гул голосов, раздался низкий глубокий рев. Сначала люди не поняли, в чем дело, если вообще услышали новый звук — но тут зазвонили колокола, привезенные из Корамвиса. Причудливо нанизанные на общую веревку, они чувствовали поступь землетрясения и отвечали на нее своей дрожью. Казалось, что колокола плачут, предупреждая о беде. И их услышали.

Крики радостного возбуждения тут же сменились воплями ужаса. Началась давка. Тут и там взывали: «Анак! Анак!» Заравийцы из окружения принцессы были еще более напуганы, чем городские Висы. Это была не их страна, и они не хотели умирать здесь. Все вокруг стало неуправляемым: животные метались и вставали на дыбы, волочились перевернутые колесницы, люди падали, а толпа по обеим сторонам процессии билась, как раненый зверь, но не могла сдвинуться с места. Зато

двигалась сама земля.

Зееб под Рэмом плясал, пытаясь удержать равновесие, и, только смиряемый железной рукой хозяина, подавлял желание кинуться прочь, лягая всех окружающих. Рэм поднял глаза к небу. Сверху, со статуи Рарнаммона, с воплем рухнул человек, врезавшись в самую гущу толпы. Счастье, что сама огромная статуя пока не пыталась сдвинуться с места — лишь вздрагивала, угрожая сбросить и остальной человеческий груз.

Сквозь нагромождение колесниц Рэм кое-как пробился к центру процессии, где в окружении солдат Айроса находился церемониальный экипаж Улис-Анет. Однако здесь не осталось и следа прежнего стройного порядка.

Одна из повозок богини любви перевернулась, юная служительница Ясмис лежала мертвая, а над ней стоял калинкс, порвавший свою упряжь. Получив полную свободу среди окружающей паники, он вырвал сердце девушки и теперь стоял среди ее крови и рассыпанных сладостей, разрываясь между страхом и желанием убивать. Никто не решался прикончить его, хотя все понимали, что, едва земля перестанет дрожать, зверь снова бросится на людей. Рэм изогнулся, заглянул в холодные глаза калинкса и одним движением перерезал ему горло. Переступив через тело зверя — зееб всхрапнул, но повиновался, — Рэм протиснулся в самую гущу конных всадников.

Заравийцы кричали, взывая к своим богам. Чей-то неожиданно взлетевший меч — не иначе, его владелец пытался с его помощью прорваться в какой-то иной мир, где земля не трясется — задел плечо Рэма, не защищенное доспехом. Показалась кровь. Рэм обернулся и нанес ответный удар обезумевшему меченосцу. Когда тот тяжело осел наземь, взору Рэма открылась увитая гирляндами колесница принцессы. Знамена упали, возничий исчез неизвестно куда. Охваченные паникой скакуны рвались прочь из упряжи, их ржание ничем не отличалось от женских криков из толпы. Улис-Анет оставалась в колеснице, но не могла подхватить упавшие поводья — впрочем, в любом случае не с ее весом было сдерживать упряжку. Неподалеку снова блеснул металл — теперь мечи вылетали из ножен со всех сторон. Айрос и его капитаны прокладывали дорогу к принцессе сквозь толпу, не щадя ни своих же людей, ни обнаженных танцовщиц.

Тем временем землетрясение почти сошло на нет. Твердь едва заметно подрагивала, как человек, которого только что стошнило. Для того, чтобы полностью пресечь панику, требовались лишь несколько минут и некоторая доля

хладнокровия. Тяжесть ушла из воздуха, на толпу мало-помалу нисходило облегчение. Животные ощутили бы это первыми.

Но прежде чем наступило спокойствие, лихорадочные усилия солдат Айроса освободили дорогу перед колесницей принцессы. Таким образом, скакуны наконец-то смогли сделать то, чего так жаждали все это время — рванули вперед и понеслись с неистовыми криками, летевшими за ними, как обрывки флагов. Гвардия, только что так стремившаяся к принцессе, мгновенно кинулась прочь от взбесившейся упряжки. Рэм видел, как Айрос метнулся в сторону, как его меч обрушился на плечи ближайших солдат — но это лишь подхлестнуло их безумие.

Рэм слегка ударил каблуками в бока своего зееба — этого оказалось вполне достаточно — и во весь опор бросился за колесницей.

Та неслась впереди, набирая скорость, девушка в ней судорожно вцепилась в борта. По пути колесо намотало на себя длинные волосы одной из упавших танцовщиц и какое-то время волокло тело несчастной по мостовой. Танцовщица не издала ни звука, ибо была мертва. Столь же безмолвна оставалась и Улис-Анет.

Колесница летела прямо на короля и его свиту. Стоя у постамента, зажатые со всех сторон, они могли лишь следить за приближением своей смерти.

Звон колоколов умолк.

Рэму доводилось бывать в подобных переделках, и он знал, как себя вести.

В его сознании мелькнула лишь одна, довольно неуместная, мысль: «Кесар мог бы спланировать это». Затем он поравнялся с неистовой упряжкой.

Размахнувшись, Рэм обрушил меч на голову одного из скакунов. Удар был столь силен, что пробил череп. Животное рухнуло на полном скаку, вырвав меч из его руки, но остальные продолжали нестись, не в силах остановиться. Инерция движения закрутила скакунов вокруг мертвого товарища, колесница начала опрокидываться — и все это прямо на пути Рэма. Он едва успел рвануть своего зееба в сторону. В глаза Рэму плеснуло вулканической лавой волос Улис-Анет, и в тот же миг он выхватил девушку из экипажа и перекинул через седло.

Колесница помчалась дальше, мимо них. Однако упряжка уже была сбита с направления — не прошло и секунды, как животные упали, окончательно запутавшись в вожжах и постромках, ломая ноги и шеи.

Это хорошо, что он все еще не утратил воинскую выучку Кармисса, насмешливо подумал Рэм, с жалостью глядя на

погибших скакунов. Жалость и насмешка — вот и все, что ощущал он в этот миг.

Он остановил зееба, соскользнул вниз и осторожно снял принцессу.

— Благодарю тебя, — выговорила она, глядя в глаза Рэму.

— Это честь для меня, мадам.

Оба осознавали бессмысленность своих слов. Стоя на площади, на залитой кровью белой мостовой, среди мертвых тел и обломков колесницы, они горько рассмеялись.

Вокруг повисло напряженное безмолвие — и вдруг оно сменилось безудержным ликованием. Заравийцы, блистательно провалившие свою работу, кинулись поздравлять чужеземца, который сумел спасти их главное достояние.

От дворца навстречу им двинулась группа людей.

— Вы ранены? — спросил Рэм у принцессы.

— Нет. Но ты весь в крови.

— Пустяки. Какой-то дурак зацепил мечом.

— Это не выглядит как пустяк.

— Я солдат, госпожа, — веско произнес Рэм. — Я знаю, когда ранен, а когда нет. Но ваше беспокойство столь великодушно.

— Землетрясение... уже кончилось? — неожиданно спросила она. Его мнение по поводу спасения, ран, землетрясений и всего прочего разом стало для нее непререкаемым. Рэм с улыбкой кивнул.

Невероятно, но их обмен любезностями казался вполне уместным среди окружающего кошмара. Хотя это ничего для него не значило, Рэм не мог не оценить красоту Улис-Анет, ее величественную осанку и самообладание. Но вот ее взгляд скользнул по мертвой танцовщице — и тут же сместился в сторону.

— Наверное, это знак, — голос принцессы дрогнул. — Я слышала, что когда король, мой будущий супруг, еще мальчиком входил в Анкиру, земля тоже ужасно тряслась.

Что-то происходило с ними — невидимое, неощутимое, но всеобъемлющее, как смертельная болезнь.

— Что это? — успела спросить девушка.

Но тут группа людей, идущая от дворца, подошла к ним.

Улис-Анет тут же окружили. Рэм обнаружил, что его отделила от принцессы целая толпа народу — Висы, ваткрианцы, но выходцев с Равнин среди них не было. Затем перед ним возник еще один человек, одетый во все белое, как и Улис-Анет. Его белоснежный плащ скрепляла золотая змея, чьи чешуйки сверкали, как монетки. Волосы мужчины казались еще белее, чем его одежды, однако лицо было смугло-золотистым, словно кора

молодого деревца. Он был потрясающе красив той же красотой юного бога, какой, если верить слухам, был наделен Ральднор эм Анакир. Но рост их был совершенно одинаков — и Рэм глянул ему прямо в глаза, того же цвета, что и стекло в глазницах статуи Рарнаммона. Того же цвета, что и глаза самого Рэма...

— Кто он? Откуда взялся этот герой-Вис? — зашептались вокруг.

— Кто ты? — властно спросил его Ральданаш, Повелитель Гроз.

Город, неважно, потрясенный знамением или нет, вложил факел в его руку. И теперь он не мог погасить его, не уйдя прочь.

— Мое имя Рармон, — ответил он. — Я сын твоего отца.

В темноте над равниной ярко горели глаза статуи Рарнаммона, затмевая прочие огни города.

— Откуда мы знаем, что лорд Яннул не ошибся? — спросил Венкрек. — Или не был сознательно введен в заблуждение? — он посмотрел на сына Яннула и усмехнулся.

— Вы знаете, мой повелитель, что это не так, — спокойно ответил Лар-Ральднор. — Он сообщил это вам через меня.

— Ваша преданность достойна вашего отца. Но после стольких лет...

— Повелитель, мой отец еще не старик, память его крепка. Он провел немало времени рядом с Ральднором эм Анакир и хорошо знал его. И снова увидел Ральднора в этом человеке, его сыне. В письме Яннула ясно сказано, что лорд Рармон ничего не знал о своем происхождении. Его мать не потрудилась просветить его на этот счет.

— Его мать, о да... Ее имя — не такая уж редкость среди кармианских Висов. Думаю, в тех краях можно отыскать не одну Лики с... прошу прощения, с сыном-бастардом.

— Но она прислуживала Астарис при корамвисском дворе.

— Это она так говорила. Или же лорд Рармон, — Венкрек сделал ироничный акцент на титуле, — утверждает, что говорила.

Рэм, ставший Рармоном, отвел взгляд от глаз своего тезки там, внизу, и быстро сжал плечо Лар-Ральднора.

— Вам не кажется, что для этого разговора еще не время, пока здесь нет короля? — обратился он к Венкреку. — Если, конечно, ваше мнение не важнее того, поверит ли мне Повелитель Гроз.

Улыбка Венкрека стала холоднее, затем и вовсе исчезла. Он был лордом-правителем Анкиры, а потому его благорасположение можно было завоевать, или вынудить к нему силой, или даже купить. Ваткрианец с волосами цвета масла, он

являл собой чистейший образец тех, кого Яннул называл светлыми Висами второго континента. Рэм частенько встречал в Истрисе эту породу людей, причем как светлых, так и темных.

Прочие люди в маленьком зале были членами Совета. По традиции, все они происходили из разных народов. Два дорфарианца, кто-то из Тарабанна, шансарец, еще один ваткрианец. Похоже, ланнцы и заравийцы, которые во времена Яннула занимали почетные места, теперь оказались не в чести и отправились по домам. Впрочем, людей с кровью Равнин в этом зале также не было.

«За исключением меня, — иронически подумал Рэм-Рармон. — И сына Яннула».

Раздался давно знакомый звук — стража ударила древками копий в мрамор пола. Двери распахнулись, и вошел король в сопровождении двух телохранителей. Согласно обычаю, Повелителя Гроз охраняла особая, избранная гвардия. Она носила старинные чешуйчатые доспехи времен Ральднора, но покрытые золотом и украшенные гербом Ральданаша — неумолимой змеей, сжимающей грозовую тучу.

Пока прочие сгибались в поклоне, Ральданаш бросил пристальный взгляд на своего новоявленного брата. В ответ Рармон ограничился медленным вежливым наклоном головы.

Повелитель Гроз уселся, члены Совета последовали его примеру. Но прежде чем Венкрек взял слово, Ральданаш вскинул руку.

— Сын Яннула, — он произнес это по-висски, как и тогда, на площади. Видимо, не в пример Кармиссу, такова была здешняя мода. Даже Венкрек пользовался этим языком.

Лар-Ральднор вышел вперед, снова поклонился и был удостоен ответного кивка. Было заметно, что юноша сильно впечатлен, и неудивительно: появление короля выглядело просто ошеломляюще, словно вошел оживший герой мифа, облик же его был воистину совершенством. Даже когда он молча сидел, вокруг него распространялась аура чего-то запредельного, не вполне присущего смертным. Скупые жесты, почти всегда бесстрастное лицо — красота и ореол власти с не меньшим успехом сообщали значимость каждому его слову. Ральданаш был на год младше Рармона, и по дорфарианским законам это обеспечивало ему неотъемлемые права.

Нельзя сказать, что Рэма не задевала нелепость такого положения вещей. Но после землетрясения он считал, что обязан воздерживаться от скептицизма.

Надо сказать, что потери оказались невелики: погибло всего шесть человек. В Корамвисе это были бы тысячи. С утра до ночи

толпы людей приходили в храмы Анакир возблагодарить богиню и помолиться о том, чтобы толчки не повторились. По сути, это служило единственным доказательством того, что катаклизм в самом деле имел место.

Однако у Рэма имелось собственное доказательство. Вымывшись и переодевшись, как подобает, в свой лучший, сдержанно роскошный наряд, он достал кольцо из Равнинного янтаря. Вещица налезла ему лишь до второго сустава на мизинце левой руки. Именно этого пальца, и именно от этого места, с младенчества не хватало у его отца...

Честно говоря, у него не было никаких разумных причин надеть это кольцо. Дурацкий подарок, сделанный женщиной в Застис, у которого непонятно откуда взялись некие странные свойства. Кольцо хранило температуру его кожи, и Рэм вообще не ощущал его на руке.

— Я напишу Яннулу о том, как порадовал меня твой приезд, — сказал король Лар-Ральднору. — Завтра у нас будет возможность побеседовать наедине. А сейчас будь как дома в моем городе и моем дворце. От тебя потребуется лишь одно.

Отвлекшись от своих мыслей, Рармон пристально взглянул на собеседников. Он угадал — или предвидел, — что должно произойти, и напрягся в ожидании.

— Из самых лучших побуждений Яннул Ланнец назвал тебя в честь своего повелителя, — произнес Ральданаш. — Сейчас имя Ральднора употребляют повсюду. Но для меня это в первую очередь имя моего отца. Таким образом, здесь и во всех прочих местах, где мне потребуется твоя служба, ты откажешься от его имени, — Лар-Ральднор так и раскрыл рот, воззрившись на короля, однако счел за лучшее промолчать. — Вместо него ты можешь пользоваться блистательным именем своего отца, которое все помнят столь же хорошо. Отныне ты — Лар-Яннул.

Юноша понял, что возражения бесполезны. Он поклонился в третий раз и отошел. Видно было, как побледнел он под своим легким Равнинным загаром. Венкрек невольно дернулся, но король уже смотрел только на Рармона.

— Теперь ты, — произнес он.

Рармон ждал, снова глядя в глаза королю, и не мог оторвать взгляда — его глаза были двумя бездонными колодцами, испускающими свет из своей глубины. Глаза мага...

— При множестве свидетелей ты заявил, — продолжал Ральданаш, — что являешься сыном моего отца от его кармианской любовницы.

— Его бастардом, — ровно произнес Рармон.

— Именно так. Следовательно, ты не претендуешь на

Дорфар?

— Я не претендую ни на что, мой повелитель. Кроме правды о том, кто я и что я.

Ральданаш поднялся.

— Следуй за мной, — приказал он Рармону, и они направились к дверям — король с телохранителями и его сводный брат. Венкрек тоже устремился за ними, да и все прочие поднялись со своих мест, но король остановил их одним взглядом.

— Лорд-правитель Венкрек, и вы, господа — благодарю вас за присутствие, но в этом вопросе я буду разбираться по-своему. Доброй ночи.

Они прошли в двери, которые тут же захлопнула стража, оставив по другую их сторону всех любопытствующих.

Здание Совета стояло напротив Холма Верховных королей. От дворца через неглубокую расселину к нему вел крытый переход, богато украшенный резьбой.

До сих пор Рармон видел лишь покои для гостей. Личный дворец короля отличался сложной и тяжеловесной архитектурой — множество башен и галерей, собранных вокруг бесконечных внутренних двориков. Говорили, что дворец полностью повторяет устройство того, который разлетелся в пыль и прах на холмах Корамвиса.

Сейчас они вошли в длинный зал, озаренный факелами на колоннах. В их свете Рармон отчетливо увидел тех, кто ждал их.

Их было семеро, и все словно светились изнутри нестерпимым накалом — очень светлые кожа и волосы, ослепительно белые одежды. Сейчас Рармон осознал, что их пристрастие к белому было в немалой степени нарочитым. Не все они выглядели столь обесцвеченными, как женщина с заравийского рынка. Кроме них, в зале находился мужчина, Вис с достаточно темной кожей, в желтом одеянии дорфарианской Анакир. Он сидел на корточках чуть поодаль от прочих, но выглядел столь же безучастным, как и они. Несомненно, он находился здесь неспроста.

Телохранители удалились. Ральданаш прошел в зал, Рармон проследовал за ним мимо степняков, подобных белым свечам.

Никто не поклонился, не встал на одно колено по обычаю Висов. Вместо того каждый приложил руку ко лбу, затем к груди — знак почтения, присущий лишь аристократам, к тому же весьма древний. Очень странно, поскольку это был жест гордых людей — а Рармон хорошо знал историю и помнил, каким был этот народ еще не так давно. Изгои, гонимые и презираемые,

обреченные на уничтожение и не желающие сопротивляться… пока Ральднор не указал им иного пути. И теперь — такое…

Трое из них были женщинами. Все посмотрели на вошедшего короля, затем перевели взгляд на Рармона.

Он ощутил, почти услышал нечто неуловимое — но не ушами. Они разговаривали мысленно, и, возможно, король тоже участвовал в этой беседе. Какая-то особенность крови Ральднора, которой сам Рармон, увы, был лишен. Он чувствовал на себе взгляд семи пар глаз, цвет которых разнился от прозрачно-лимонного до льдисто-бесцветного. Змеиных глаз.

— Это твои судьи, — обратился к нему король.

— И в чем мое преступление?

— Ни в чем — если только ты сказал мне правду.

Рармон невольно передернулся от холодка, пробежавшего по спине. «Моя кровь на четверть такая же, как у них. Ровно на столько же, что и у короля — только на четверть».

— Мой разум открыт для них, — произнес он вслух.

— В тебе слишком много крови Висов, — подал голос один из семерых. — Тебя нельзя прочесть.

Слова прозвучали так отчетливо, но были столь неожиданными по смыслу, что Рармон заподозрил: они вырвались нечаянно.

— Ваши адепты умеют читать мысли Висов, — сказал он.

Эта его реплика была оставлена без внимания. Все повернулись и двинулись через зал за Ральданашем. Рармону оставалось лишь последовать за ними, выказывая тем свою добрую волю. Жрец-Вис остался на месте, но почтительно простерся на полу, когда они проходили мимо. Такое проявление вежливости было свойственно Таддре.

За дверями расстилался сад, взбегающий вверх по склону холма. Звезды ярко мерцали на небе там, где их не закрывало здание. Аромат деревьев казался смутно знакомым. Священная роща, а в ней — храм из черного камня.

Он был не больше обычного святилища в какой-нибудь Равнинной деревушке. Изнутри храм освещался подвесным светильником. Ни статуй, ни других украшений — только камень, запотевший от холода, несмотря на минувший жаркий день.

Двери захлопнулись. Ральданаш прошел к центру храма, похожего на гробницу.

— Встань рядом со мной, — коротко приказал он.

Рармон повиновался. Его снедало странное предчувствие. У каждой из религий есть свои тайны и обманы. Что должно произойти здесь? Семеро людей с Равнин встали вдоль стен — снежные силуэты на черном фоне.

Раздался звук. Беззвучный звук, вызвавший в памяти то незримое движение воздуха, которое предшествовало земным толчкам. Но это было не просто предчувствие.

Ральданаш стоял лицом к нему. С некоторым опасением Рармон отметил, что оба они приняли одну и ту же позу (причем сам он сделал это совершенно непроизвольно) — ноги расставлены, левая рука свободно отведена в сторону, правая протянута вперед. Почти стойка бойца. Янтарное кольцо начало понемногу нагреваться. Здесь явно имелся источник Силы. Мимолетно Рармон заметил, что в легком жжении, исходящем от янтаря, нет ничего неприятного, но был готов скинуть кольцо, если оно вдруг раскалится докрасна, как на корабле из Хлики.

Затем новый свет хлынул прямо из камня у них под ногами, круговерть исходящей ниоткуда бесцветной энергии. Он окутывал их, медленно прибывая, как вода в бассейне. Колдовство?

Сквозь этот свет Рармон увидел лицо Ральданаша, сделавшееся полупрозрачным. Однако вместо костей черепа сквозь него проступили другие лица — призрачные, с размытыми чертами. То же самое видел и Ральданаш в лице Рармона. Вот призрак Лики, вот черты, могущие принадлежать лишь Ральднору, наследие долгой линии королей и жриц. И множество образов его собственной жизни, слитых воедино — вор и головорез, капитан гвардии Кесара, любитель мальчиков.

Кольцо раскалилось, казалось, что оно сделано из расплавленного металла. Это пугало Рармона, так что он едва не сорвал его и не отбросил прочь. Но странным образом боль не приходила, словно он был саламандрой в пламени...

Потом свет ушел. Кольцо снова стало не теплее руки, на которую надето. Ральданаш сделал шаг назад, прочь от него.

— Ты не лжешь, — раздался за спиной Рармона голос одного из семерых. — В тебе частица мессии Ральднора, а через него — и Ашне'е. Более того, богиня оставила мету на твоей душе.

Рармон никак не отреагировал на эти слова. Он продолжал смотреть на короля.

Эманакир по одному покинули храм. В открытую дверь проник холод ночи, и Рармон ощутил, как прохладный храм делается для него близким и теплым.

— Что теперь? — спросил он у Ральданаша.

— Ты тот, кем себя назвал, — был ответ. И более ничего.

Как ни в чем не бывало они приблизились к двери.

— И что это дает мне, мой повелитель?

— Все, что угодно. В рамках моей власти.

Снаружи блестели чешуйчатые доспехи — телохранители с факелами стояли на лужайке перед храмом.

— Может быть, начнем с небольшого подарка? — предложил Рармон.

Ральданаш замер. Рармону стало интересно, что подумала Улис-Анет, когда впервые увидела своего невозможного супруга.

— Речь идет о сыне Яннула, — пояснил он. — Для некоторых людей, мой повелитель, имя значит очень много. Это магия, ключ к их личности. Ваши отцы были друзьями. Почему бы не позволить мальчику носить то имя, которое ему дано?

— Он больше не в Ланне, — возразил Ральданаш.

— Он уже уяснил это. Вы заставили его стыдиться. Вы хотите, мой повелитель, чтобы из-за вашей причастности ни у кого не осталось желания носить имя вашего отца?

Ральданаш, выглядящий совсем как уроженец Равнин, похоже, теперь решил предъявить висскую часть своей крови. Он бросил взгляд в сторону телохранителей.

— Ты говоришь «ваш отец», хотя обращаешься ко мне, как к брату, — уронил он.

— Я прошу вас о милости. И эти люди, которым вы доверяете, сказали, что я на самом деле ваш брат.

Последовало долгое молчание. Ветерок донес из общего храма выше по холму обрывок какого-то гимна — пение, перемежаемое ударами в литавры и хоровыми вскриками. Воистину, Дорфар сделал Ее своей.

— Он не может носить имя Ральднора, служа мне, — наконец выговорил Ральданаш.

— Вот как? А если бы на него претендовал я?

— А ты претендуешь?

— Если бы такое случилось? — настаивал Рармон.

Они снова смотрели в глаза друг другу, как тогда, в комнате из черного камня. Время повернуло вспять. Рармон пришел на встречу с королем, не собираясь задавать ему вопросы. Такой вызов не мог быть ни брошен, ни принят, ибо они не были равны. Для низших достаточно приказов.

— Да, — внезапно произнес Ральданаш. — Мне было сказано в храме, так, как ты не можешь слышать — из разума в разум. Моя душа не отмечена богиней. Я всего лишь король.

— Не понимаю вас, мой повелитель.

— Я не боюсь тебя, Рармон. У меня есть внутренняя сила, которой ты лишен, и права, которых нет у тебя. Кроме того, я видел, что ты вор, которому сейчас нечего украсть. Но мне показали и кое-что еще: ты станешь чем-то большим, чем мог бы стать я.

— Я так ничего и не понял, мой повелитель, — послушно кивнул Рармон. — Если вы захотите изгнать меня из Анкиры,

должен ли я принять это?

Но Ральданаш молча побрел прочь. Его особая гвардия, среди которой были и люди темной расы, просверкала за ним блестящими доспехами. Рармон же так и остался стоять во дворе, пока его не разыскал там дворцовый смотритель. Он желал обсудить с гостем, какие покои отвести ему во дворце, и прочие подобные вопросы.

Все это время с холма по-прежнему доносилось пение. Рармон и понятия не имел, что причиной этого является он сам.

— Еще вина?

Таддриец вежливо отказался. Если перебрать живительной влаги, пусть даже из погребов верховного жреца, завтра это обернется тяжелейшим похмельем.

Где-то позади роскошного зала — «погреба» верховного жреца — в глубине храмовой рощи затихали песни и крики. Время близилось к полуночи. Хозяин давно отослал слуг и теперь сам наполнял свой кубок.

— Ты в самом деле уверен? — отрывисто спросил он. Таддриец собрал все свое терпение. Благословенный уже четырежды задавал ему этот вопрос, причем в последний раз — два часа назад. Что ж, по крайней мере промежутки не сокращаются.

— Добродетельный отец, вы послали меня туда, как своего свидетеля, и я послушно ждал в зале. Факелы горели ярко. Они вошли. У меня было меньше минуты, прежде чем король и эманакир увели его в личный храм Повелителя Гроз. И все это время я видел его не ближе, чем вон те светильники слева от нас.

— Тем не менее, — настаивал верховный жрец. Само собой, он был дорфарианцем. Когда-то давно они стали расой хозяев, и эта нить тянется до сих пор.

— Тем не менее я, как уже сказал вам, а вы передали прихожанам, лично убедился в том, что человек, называющий себя Рармоном — воистину сын Ральднора.

— Однако ты говоришь, что он не вполне похож...

— Тот Ральднор, которого я удостоился лицезреть... о, немного мужчин могли бы сравниться с этим! Так же, как немного женщин могли бы сравниться с нею. И все же сходство очевидно. В своем роде этот Рармон весьма хорош собой. Под определенным углом его черты напоминают лицо статуи Рарнаммона. Сам Ральднор, говорят, выглядел именно так.

Верховный жрец кивнул и снова принялся за свое вино.

Таддриец решил, что сейчас не время озвучивать мысль, пришедшую ему в голову, когда в зал вошел король, а следом за

ним — мужчина с более темной кожей. Внезапная, отчетливая и совершенно очевидная мысль: «Теперь это разделено между двоими». Беловолосый ваткрианец получил красоту — но вместилищем силы стал другой.

Он был еще ребенком, когда ему довелось увидеть Ральднора эм Анакир. Это случилось на рассвете, в мятежном таддрийском городке. Дым пожарищ и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака. И вдруг среди этого хаоса показалась самая обычная крестьянская повозка, какие делают в джунглях. Однако те два создания, что сидели в ней, ни в коем случае нельзя было назвать обычными. Бог и богиня. Лишь годы спустя он узнал, что это были Ральднор, сын Редона, и Астарис — женщина, которую он любил. Сочетание банальности их отъезда из городка с величием их сверхъестественного облика, по сути, и создало таддрийского жреца — вместе с его привычкой все оспаривать. Его не устраивали некоторые особенности культа богини. Мифологии следовало бы управлять жизнью людей, а загробное бытие лучше предоставить ему самому. Религия призвана помогать смертным в их бренном существовании, а не дурманить их надеждой на запредельное будущее. Разве правильно жить лишь грезами о смерти?

— Так или иначе эманакир испытают его, — произнес Благословенный, подавляя отрыжку.

— Без сомнения, Добродетельный отец.

— Но ты — ты уверен?

О милосердная Анак! Промежутки между вопросами снова уменьшаются.

— Наидобродетельнейший, как я уже говорил...

— Да-да, — верховный жрец явно злился на таддрийца, но и на себя самого тоже. Благополучный исход землетрясения, безусловно, пополнил казну храма. Наверное, Благословенный желал пойти и пересчитать прибыль. Самое богатое подношение сделал молодой заравиец, начальник личной гвардии принцессы-невесты. Он был совершенно ошеломлен историей со скакунами, которые понесли во время землетрясения, но уже достаточно пришел в себя, чтобы посетить храм этим вечером. Однако таддриец усомнился, что лорд Айрос здесь лишь для того, чтобы возблагодарить Анакир за спасение жизни. Было видно, что его раздирают гнев и отчаяние. По всем признакам Айрос влюбился в принцессу, и ничего хорошего из этого выйти не могло. Как известно, Ральднор эм Анакир тоже был любовником нареченной своего Повелителя Гроз.

— Несомненные знамения, — заключил верховный жрец, поднимаясь. В самом деле, пора было расходиться. — Сыновья

героев стекаются сюда, в сердце Виса. Если грядет война, это благая примета для нас.

Таддриец простерся перед Благословенным, поднялся и ушел.

Если грядет война? Тут и ребенок мог бы сказать — не «если», а «когда». Собственно, уже сказал — игры анкирских детей превратились в одно сплошное сражение, причем нижние улицы предпочитали играть за Вольных закорианцев. Война, проклятие людей... А эта война хуже любой другой. В своем изгнании Закорис сделался хищным демоном. Ради своей мести он пытается разобщить всех Висов, и если ему удастся победить, то не останется камня на камне, а каждый клочок земли почернеет от огня и крови.

Но степняки не уклонялись от этого. В их жизни уже был один необыкновенный триумф. Кроме того, разве их богиня не учит, что душа живет вечно? Так что тут такого, если умрет плоть? Смерть — всего лишь сброшенная кожа. Когда-то эта философия делала людей пассивными — сейчас же оправдывает их неистовство и отсутствие жалости.

Проходя через храм, таддриец коснулся губами позолоченных чешуек богини. Ему была по душе сама идея богини-змеи, уставшей от людей.

Далекая, едва слышная гроза бормотала над горами. Прозрачные молнии были словно разбавленное молоко, но все же подсвечивали здесь и там потоки воды — дождь, стоящий стеной, наполнял разбитые бассейны и пересохшие лужи. Сполохи играли над рекой, освещая ее вместе с уличными фонарями, огнями храмов и окнами домов.

На другом берегу реки лежал мертвый Корамвис, раздробленный на кусочки.

Рармон оставил колесницу в миле отсюда, привязав зеебов. Сегодня он счел нужным запрячь именно зеебов, не желая рисковать хрупкими и ненадежными скакунами.

Он сам не знал до конца, зачем приехал сюда. Сейчас, когда все уже случилось, это, возможно, было чем-то вроде попытки бегства. Его отец наверняка ощущал то же самое, попав в ловушку своей блистательной личины — первого среди людей Амрека.

С удивлением Рармон отметил, что без ошибки пролагает путь по разрушенным улицам — наверное, его вело нечто, перешедшее от отца. Хотя он сомневался, что после землетрясения даже Ральднору удалось бы отыскать дорогу туда, куда нужно.

Единственным надежным ориентиром служила река Окрис, озаренная молниями. Огромный мост рухнул в воду. Сквозь

разбитую и вздыбленную мостовую буйно проросли трава и кусты — скоро уже тридцать лет, как ничто не мешало им расти и процветать. Кое-где сохранились остатки зданий, башня, колоннада — но и они были сплошь оплетены ползучими растениями и молодой древесной порослью. Рармон слышал, как орут в ночи дикие коты, устроившие себе логова в развалинах.

Порывы ветра гнали вдоль переулков пыль пополам с мраморной крошкой. От реки шел запах гниения. Повсюду ржавел металл. Весь город проржавел, как сломанный меч.

Пройдя еще немного, Рармон остановился и посмотрел через реку.

Когда слева от него возникло неясное движение, он не спеша обернулся, вытаскивая нож. Не исключено, что разбойники, как и звери, устраивают здесь свои убежища. Но тут кольцо вспыхнуло, и Рармон насторожился. Не угроза — однако нечто странное... Он помедлил, вглядываясь в темноту. За разрушенной аркой из белого висского камня тенью стояла еще одна — тоже разбитая, но черная. А под ней шевельнулся кто-то... Девушка.

Рармон медленно направился к ней. Собственно, для такой осторожности не было причин, он же не мог порвать видение, как паутину.

Вокруг стояла ночь, но под черной аркой было светло, как днем. Не глядя на Рармона, девушка доставала воду из колодца. Совсем юная, лет тринадцати или четырнадцати, но прекрасная отнюдь не только своей юностью. И волосы, и кожа — безупречно Равнинные.

Наполнив кувшин, девушка поставила его на бедро и подняла голову. Рармон встретился с нею взглядом — чему она не позволила случиться в доме наместника Ольма, — и затрепетал, осознав, кто это.

Он громко окликнул ее, но пустые развалины поглотили его голос.

13

Когда-то, в незапамятные времена, городом правила королева. Ее звали Ашнезеа, и от этого имени пошли многие другие, такие, как Аниси или Ашне'е. Древний, как мир, он многое повидал — легендарное величие, упадок своего народа, завоеванного и угнетенного, гонения со стороны Висов, беспощадное преследование Амрека. Его подчиняли, наводняли войсками, которые ненавидели и боялись как самого города, так и его жителей. Затем на его черные камни ступил спаситель, и город увидел низвержение Висов и пробуждение Змеи Равнин. И первый укус Змеиных зубов.

Теперь он лежал в руинах, этот город на Равнинах-без-Теней. Он утратил все, даже свое имя — если вообще когда-нибудь имел его.

Сквозь его обветшалые стены пробегали звери, путники входили и выходили, когда хотели. Все в мире изменилось — но только не эти руины. Тому, кто входил сюда через незащищенные ворота, ложился на плечи тяжкий груз минувших веков и загадки города.

Хойт рассчитывал заехать в один из двух или трех крупных степных городов, поднявшихся на Равнинах. Может быть, в Хамос. Тогда, в Элире, лежа в шатре и ожидая девочку, он решил оставить ее себе, если она ему понравится. Конечно, сначала он дал бы ей свободу, чтобы не обижать эманакир, и привязал ее к себе лишь силой любви. И вот она пришла. Он увидел ее волосы, ее глаза, а затем — Тень богини.

Когда сознание вернулось к Хойту, девочки — девушки — уже не было в шатре. Все еще дрожа, он вылез наружу, желая убедиться, что ему ничего не приснилось. Погонщик и слуги спали, а девушка сидела подле сторожевых калинксов, охраняющих овец.

Хойт со страхом приблизился к ней. Она не прогнала его, не поразила мгновенной смертью. И тогда он опустился перед нею на колени и попросил простить его.

После этого девушка продолжила путь в крытой повозке, которую Хойт приобрел в ближайшей деревне. Иногда он подходил спросить, не нужно ли ей чего-нибудь, но девушка лишь улыбалась. Ее улыбка прямо-таки завораживала, и, во всяком случае, лучше уж так, чем швыряться молниями. Ее тень в дорожной пыли теперь была просто тенью обычной девушки. Слуги Хойта, вардийцы, как и он, с уважением относились к ее

светлым волосам. Они приписывали его заботу о ней обычному деловому благоразумию и сами опекали ее из тех же побуждений.

Хойту доводилось слышать немало историй о воплощениях в смертных того или иного божества. Война Равнин закончилась до его рождения, но еще была свежа в памяти людей — не в последнюю очередь благодаря народной фантазии, измышлявшей новые и новые ее подробности. Эпоха чудес все еще длилась. Поэтому причастность к чуду не столько беспокоила, сколько волновала и возбуждала Хойта. К тому же в Вардате, где по сей день жрицы свободно расхаживали среди львов и даже беседовали с ними, а мысленная речь между близкими родственниками была нередким явлением, сама жизнь вынуждала людей проще относиться к чудесам.

Вступая на Равнины, Хойт вдруг осознал, куда должен направиться. Она не говорила с ним на эту тему — он просто стал знать, и все. Купец был слегка разочарован, так как город руин не обещал никакой деловой выгоды и, как ему казалось, никакой славы для девушки. Однако он повиновался без слова.

Темный древний город, притаившийся в неглубокой лощине, не вызвал у Хойта никаких теплых чувств и не удивил его. Единственной неожиданностью для него стало то, что здесь до сих пор обитает немало людей. Имелся даже заравийский торговый квартал, населенный людьми хитроумными и склонными к риску. Они восстановили старую рыночную площадь и вернули ей древнее Равнинное название — Лепасин. Дома вокруг площади тоже отремонтировали и укрепили. Жизнь в этом квартале отнюдь не казалась бледным призраком себя самой, как в прочих местах города — тут она была яркой и полнокровной, и вардиец снял жилье именно здесь. Фасад его дома выходил окнами прямо на рынок, задние же окна смотрели на склон, уступами взбегающий ввысь. В отдалении темнели два заброшенных дворца, скорбно хранящие тайну своего упадка и разрушения. Весь остальной склон порос травой и мелким кустарником. Здесь паслись те овцы Хойта, что еще не были проданы, на ночь укрываясь во внутреннем дворике.

По утрам женщины отправлялись за водой к древним колодцам. Они наполняли свои кувшины и болтали, создавая видимость нормальной жизни.

Основным населением города по-прежнему были полукровки, ибо еще не так давно, когда ни Висы, ни светлая раса не желали признавать их за своих, руины являлись их единственным убежищем. Чистокровные степняки в основном подались в молодые города Равнин, такие, как Хамос или Мойя, или в мир

Висов, где для них теперь стали открыты все дороги. Здесь же остались люди с обочины жизни, более кроткие духом, пусть и носители чистой крови. Их было не так уж мало, но все равно лишь незначительная доля от всего народа. Люди Степей обрели себя и по большей части стали совсем не такими, как были — точнее, стали такими, как были вечность назад.

Когда девушка появилась на Лепасине, кучка болтающихся без дела, а может быть, просто самых услужливых тут же бросилась показывать ей дорогу. Даже в этих местах люди всегда выказывали огромное почтение к эманакир, а с ее внешностью девушка не могла быть никем иным.

Едва она подошла к старому колодцу, как тут же две или три женщины поспешили к ней, желая предупредить.

— Не трудитесь, молодая госпожа — колодец пуст. Идите лучше к другому, на Южной террасе. Мы покажем вам, где это.

Девушка остановилась и посмотрела на советчиц. Несомненно, она услышала их, так как наклонила голову и чуть улыбнулась, но тем не менее взошла по ступеням, ведущим к колодцу. Стоя в оправе полуразрушенной арки, она казалась видением или сном.

Женщины начали переговариваться. Они были полукровками и не любили силой навязывать свое мнение. Поэтому они спокойно ждали, когда девушка убедится во всем сама, чтобы проводить ее к действующему колодцу на другом конце Лепасина.

В этот час на рыночной площади шла оживленная торговля или просто обмен товаров. Но те, кто оказался рядом, с интересом наблюдали за девой-эманакир у пересохшего колодца. Молодой человек наполовину заравийской крови, оставив на брата прилавок с овощами и расписной керамикой, поспешил к кучке женщин у колодца. Девушка-степнячка заинтересовала его до такой степени, что он поднялся по ступеням и заговорил с ней.

— Вода ушла отсюда еще во времена моего отца. Неужели эти безмозглые куры не сказали вам? Позвольте, я провожу вас к другому колодцу.

— Подожди, — мягко ответила девушка.

Юноша хотел возразить, но вдруг осекся и поднес руку ко лбу. Именно там, в голове, прозвучал этот мягкий голос. В силу своей смешанной крови он крайне редко слышал мысленную речь, да и то с трудом разбирал услышанное. Столь четкий ответ девушки потряс его до глубины души. И, как когда-то герой Ральднор, он сразу же проникся любовью к женщине, подарившей ему этот миг чистого слияния разумов.

Когда степнячка опустила ведро в колодец, он без

возражений позволил ей сделать это. Вытянув ведро назад, она опрокинула его в кувшин. Юноша не смотрел на ведро — только на нее, — но не мог не услышать плеска. Бросив взгляд на кувшин, он увидел, что тот и впрямь мокрый.

Женщины внизу тоже увидели это и заволновались, указывая друг другу на капли влаги. Кто-то вскрикнул.

Тем временем степнячка протянула кувшин юноше.

— Пей.

Слово — если это было слово — возникло у него в мозгу, ясное, как стекло. Он обнаружил, что его руки дрожат, принимая кувшин и поднося его к губам. Затем дрожь ушла, и он не смог сдержать восхищенного возгласа. Все лица тут же обратились к нему.

— Это вино! — в голосе юноши слышалось недоверие и одновременно восторг, почти исступление. Со всех сторон начали сбегаться люди, вопрошая и перекликаясь. Раздались возгласы: «Обман! Колдовство!»

Девушка отступила в сторону, не мешая людям опускать ведро в колодец и снова вытаскивать. Жидкость пробовали, восторгались, переливали в свою посуду — и опять опускали и доставали ведро, пробовали и выкрикивали что-то неразборчивое.

Наблюдая за этой картиной из окна, вардиец Хойт тоже ощутил невольный трепет. Он знал, что колодец пересох — заравиец, сдавший ему жилье, предупредил его еще вчера. Слыша крики, Хойт понимал, что девушке не угрожает никакая опасность. Однако что-то заставило его подняться и выйти на площадь, чтобы принять участие в происходящем.

По большому счету это был один из традиционных религиозных трюков, присущих его континенту, особенно Шансару. Символические превращения: посох или меч становился змеей, дерево — камнем, или камень извергал воду, которая обращалась в кровь при проклятии и в вино при благословении. Так что чудо, совершенное девушкой, было вполне обычным для его родины. И все же, непонятно почему, Хойту так хотелось попробовать этого вина, чтобы вместе с другими издать восторженный вопль...

Когда он вышел на порог, один из слуг поймал его за рукав.

— Вы знаете, что творится, господин? — возбужденно спросил он. Хойт кивнул. — Так вот, они пытаются покупать у нее вино!

Хойт от души рассмеялся — это чрезвычайно позабавило его, торговца до мозга костей. Разве можно купить чудо?

Суматоха вокруг колодца с вином продолжалась до самого

полудня. С наступлением жары активность на рынке улеглась или, по крайней мере, поутихла. Вновь прибывшим рассказывали о происшествии и предлагали проверить самим. Колодец не пересыхал.

Что до девушки, то она спокойно сидела на верхней ступеньке у колодца и вглядывалась в лица окруживших ее людей. Иногда взгляд ее скользил над толпой. Казалось, она чего-то ждет, но не знает, откуда явится знак: из толпы, изнутри нее самой, с неба?

Те, кто знал, что Хойт имеет отношение к девушке, засыпали его вопросами:

— Она никогда не разговаривает?

— Она не говорит вслух. Только изнутри. Она эманакир.

— А откуда она взялась? Из-за моря?

— Вы имеете в виду — из моей страны? Нет. Я нашел ее в Ланнелире.

Он чувствовал себя именинником, ибо имел честь сопровождать ее. Машинально он потянулся и зачерпнул из ведра. Вино было желтое, очень чистое — настоящее вино Равнин. Все пили его, выпил и вардиец. Наверное, что-то в нем изменилось...

С легким удивлением он обнаружил, что дремлет на скамейке, удобно прислонившись к стене. Было очень жарко. Случилось что-то очень странное, но в этом не было ничего неприятного или неправильного. Все происходило как должно.

Вся площадь Лепасин была забита народом. Даже на террасах холма сидели люди — на битых камнях или прямо на траве, прячась от солнца под самодельными зонтиками. В окнах и дверных проемах виднелись лица. Те, кто имел крепкие руки, взобрались на развалины древних дворцов. И в довершение всего Хойт увидел важные бородатые морды нескольких своих овец, выглядывающие из-за колонн.

Солнце перевалило через зенит.

И вот девушка поднялась со ступеньки.

Все наблюдали, как она спускается и идет через весь рынок. А затем сотни людей добровольно, послушно снялись с места и последовали за ней.

Она прошла через весь разрушенный город, по его маленьким дворикам и пыльным улицам. В двадцати-тридцати шагах за ее спиной следовала толпа народу. В некоторых местах, где каменная кладка грозила обвалиться и перекрыть дорогу, девушка останавливалась и, казалось, раздумывала, не стоит ли свернуть. Но тут же молодые мужчины во главе со светловолосым

заравийцем забегали вперед и с криками и смехом, вздымая густую пыль, расчищали ей путь.

Похоже, девушка была хорошо знакома с историей.

Она подошла к дому, который когда-то принадлежал человеку по имени Орван и служил своеобразным приютом отверженных. В свое время там нашел убежище Ральднор, а также Рас, будущий предатель. Девушка в одиночестве вошла в дверь, миновала круглый зал, помедлила и снова вышла. Шествие продолжилось. Она свернула к дому в верхнем квартале, где прежде жил оммосец Йир-Дакан, но заходить туда не стала. Столбы у входа, увенчанные ликами Зарока, давно пали под ударами молотов. Пройдя через весь город, девушка подошла к заброшенному дворцу, откуда дорфарианский гарнизон правил Равнинами. Именно здесь колокол вызванивал комендантский час, здесь задумывались зверства и грабежи — и именно здесь в ночь Пробуждения по слову Ральднора весь гарнизон погиб, захлебываясь кровью.

Девушка ступила под холодные своды дворца и задержалась там. Лишь немногие последовали за ней, чтобы не упускать ее из виду и, в случае чего, защитить. Люди вообще редко отваживались зайти в это здание. Среди Висов и полукровок оно пользовалось недоброй славой, а для чистокровных степняков до сих пор оставалось средоточием боли и горя.

Были и другие места, которые посетила девушка. Еще один дом, где жил Ральднор; импровизированная кузница, в которой был выкован первый дорфарианский меч с грубым, но страстным изображением Анакир (он и сейчас висел на одной из ее опор, медленно ржавея); улица, где, по преданию, Ральднор убил огромного белого волка.

Солнце клонилось к горизонту, наливаясь предзакатным золотом.

Толпа по-прежнему следовала за ней по пятам. Некоторые возбужденно переговаривались. Иные утратили понимание происходящего, гадая, что заставляет их двигаться за легкой фигуркой девушки, которая даже ни разу не оглянулась на них.

Тени по-вечернему удлинились, когда она снова привела их на Лепасин. Черные разбитые колонны древних дворцов пронзали рдеющее небо.

Те немногие торговцы, что остались на рынке, уже прибрали на ночь свои прилавки и ушли домой. Тут и там горящие факелы отмечали бдение горожан на площади. Многие окна окружающих домов тоже были освещены — люди желали видеть, что будет дальше.

Девушка поднялась по ступеням на северо-восточную

террасу, где находился действующий колодец. Сияние закатного неба очерчивало ее силуэт, так что на фоне темных камней она сама казалась светящейся.

Меж небом и землей повисло тяжелое безмолвие. Умолкли птицы, утих ветер, даже вечернее солнце словно замерло. Вот-вот произойдет нечто совершенно невероятное, невозможное по меркам обычной жизни... Висов на площади охватило нетерпеливое ожидание пополам со страхом, их души словно привстали на цыпочки. Люди Равнин чувствовали смутную боль в душе, как будто там открывались старые раны.

Девушка воздела руки.

Хойт Вардиец, торговец самой различной живностью от овец до рабов, испытал запредельное парящее чувство, знакомое по храмовым башням Континента-Побратима, где душа отделяется от тела и отправляется в свободный полет. Толпа вокруг раскачивалась в экстазе, накаляя воздух своими эмоциями. И вот родился звук, слышимый даже не ушами, но всем телом, словно кто-то вновь и вновь трогал незримую струну гигантской арфы. Казалось, что девушка наполнилась огнем, как светильник из алебастра. Ее волосы мерцали, шевелились, дрожали, словно пламя на ветру, которого не было.

Толпа застонала. Не от страха — это было что-то вроде крика, исторгнутого наслаждением.

Того, что случилось дальше, не ожидал никто.

В небо рванулся свет, башня света, в основании которой стояла девушка. Вернее, должна была стоять, поскольку свет был столь силен, что совершенно растворил ее силуэт. Какой-то миг не было ничего, кроме света. Затем он обрел форму.

И этой формой была Анакир.

Она вздымалась, как башня. Она парила. Ее плоть была белой горой, змеиный хвост — огненной рекой в половодье. Золотая голова касалась зенита — и там, в вышине, плескались Ее змеиные волосы, подобные молниям и молнии порождающие.

Ее нечеловеческое лицо было едва видно — так высоко и далеко, что казалось недостижимым, даже когда Она склонилась к потрясенным зрителям. На Ее шее лежало ожерелье из тронутых солнцем облаков, некоторые из них отрывались от него и медленно плыли прочь. Ее глаза были ярче, чем два слепящих солнца. И восемь рук, простертых в том же жесте, какой сделала девушка, невесомо парящие в воздухе — лишь запястья и длинные пальцы чуть шевелились. Струящийся змеиный хвост сгибался и разгибался.

Она была — живая. Она смотрела на людей, и, не имея сил выдержать Ее взгляд, они падали ниц, а некоторые — сразу в

обморок.

Пять бесконечных мгновений стояла пред ними Анакир. Наконец Ее сияние стало нестерпимо ярким, а затем обжигающая белизна погасла, оставив лишь что-то вроде тени в закатном небе. Еще через миг не стало даже тени.

Придя в себя, Хойт увидел девушку, которая стояла у колодца, словно никак не затронутая той сущностью, которую только что воплотила. Она выглядела спокойной и полной сил. Вардиец с трудом нашел в себе силы, чтобы взглянуть ей в лицо — и оно было лицом Анакир. Оно всегда было им.

Оставив свою госпожу в опочивальне, Йеза с надеждой помедлила в передней. Ей так хотелось услышать стремительные шаги Повелителя Гроз! Но комнаты, озаренные свечами, были тихими и спокойными, как стоячий пруд. Как всегда... Никто не распахивал дверей перед прекрасным беловолосым королем, сгорающим от желания.

Йеза вздохнула. По большому счету, он мог прийти к невесте уже сегодня ночью — обряд обручения допускал это. Однако вмешались непредвиденные события — сначала неожиданно явивший себя миру принц Рармон, а затем прибытие посла из Кармисса, предвещающее серьезные изменения в королевских планах. Тем не менее свадьба, невзирая ни на что, должна была состояться завтра. Йеза нагрузила работой всех дам Улис-Анет — достать и подготовить роскошное одеяние, драгоценный головной убор, ароматические масла из цветов, способных вызвать желание. Завтра вечером покои принцессы будут перенесены в другую часть дворца. Она станет одной из пятнадцати младших жен Верховного короля. Неужели она, изысканное воплощение Зарависса, не удостоится даже одной ночи со своим супругом? Всем было хорошо известно, что каким-то несчастным образом ни у одной из жен Ральданаша — как младших, так и старших, светловолосых королев с другого континента — не получалось зачать. Правда, некоторые наложницы имели детей, но они считались незаконными, и никто из них не обнаруживал сходства с ваткрианским королем.

Возможно, он поражен мужским бессилием? Всем было столь же хорошо известно, что он даже не держит мальчиков для удовольствия.

Но ведь не могут же боги — особенно богини — желать, чтобы прервалась законная линия героя Ральднора!

Йеза вышла наружу, в один из внутренних садов дворца — и тут же какой-то мужчина железной хваткой сжал ее запястье. Девушка взвизгнула. Однако ночной дворец всегда был полон

любовных вздохов и вскриков, и чтобы привлечь стражу, требовался совсем другой шум. Но не успела Йеза набрать в грудь побольше воздуха, как разглядела знакомые точеные черты в свете, падающем из полуоткрытой двери.

— Лорд Айрос?!

— Он у нее? — отрывисто бросил тот.

— Ты имеешь в виду короля? Это его право, — вызывающе ответила Йеза.

— Я спрашиваю тебя не об этом, шлюха.

— Я не то, чем ты меня...

— Отвечай, или я сломаю тебе руку!

Йеза тут же поверила ему. Прежде Айрос мало занимал ее, хотя его пылкие взгляды и волновали воображение девушки. Но за время долгого пути ее безразличие понемногу переросло в интерес.

— Нет. Она одна. Но, мой лорд, ты не можешь войти туда.

— Еще как могу. Я подкупил семь человек, чтобы быть уверенным в этом. Как, по-твоему, мне удалось пробраться незамеченным так далеко?

— Если кто-нибудь застанет тебя с принцессой, она умрет. Так же, как и ты.

— Кто может застать нас? Во всяком случае, не ее жених. Разве что ты сама выдашь меня.

Йеза заглянула в его сверкающие глаза — и дрогнула. Когда Айрос привлек ее к себе, целуя, она тихонько пискнула и растаяла в жаре его тела, хотя и знала, что он предназначен совсем другой женщине. Затем он оттолкнул ее, и Йеза едва не рухнула в траву. Дверь захлопнулась. Взволнованная и оскорбленная, неожиданно она обнаружила, что когда Айрос прижимал ее к себе, то сунул ей меж грудей золотую монету.

Отношение короля по-прежнему было далеким от братского дружелюбия. Ничего не изменилось, и было ясное ощущение, что и не может измениться.

— Добрый вечер, Рармон.

— Добрый вечер, мой повелитель. Сожалею, что задержался.

— Вижу, ты явился на мой зов прямо с колесницы. Прогуливался в холмах?

— В руинах, мой повелитель.

— О да, Корамвис... Нам всем случалось съездить взглянуть на него. Но мне кажется, что ты бывал там уже неоднократно.

Рармон промолчал. Не исключено, что его сводный брат-король приказал следить за ним. Сам Рармон возвысился слишком недавно, чтобы позволить себе аналогичные действия в

отношении короля. Его гвардия полностью состояла из солдат Ральданаша. В своем нынешнем положении он даже не мог просто набрать для себя людей с улицы.

С той удивительной ночи правосудия эманакир Рармону не доводилось оказываться наедине с Повелителем Гроз. Разумеется, время от времени он видел Ральданаша, поскольку, к ужасу Совета, был официально признан его братом. Лорд-правитель Венкрек даже затеял собственное тайное расследование, менее мистическое и более прозаическое. Тем временем поднялся такой шум, что трудно было услышать самого себя.

Вызов короля не слишком удивил Рармона — он не мог не знать о прибытии кармианского посла. И хотя прошлое возникшего из ниоткуда сына Ральднора не афишировалось и даже не уточнялось, Рармон счел нужным обрисовать его в общих чертах. Ральданаш знал, что его сводный брат служил Кесару по меньшей мере два года. Вполне достаточно для того, чтобы...

— Похоже, я должен ехать на восток, — произнес Ральданаш. — Это будет официальная поездка. Король Кармисса послал в Дорфар своего человека, весьма ценного советника. Я должен лично встретить его близ Кумы. Предполагаются военные учения. Ты помнишь, как кармианцы потопили корабли Вольного Закориса?

— Разумеется.

— Мне интересно твое мнение по поводу предполагаемой стратегии, ибо ты имеешь представление о целях Кесара и его способе мышления. Поэтому ты поедешь со мной.

Рармон неохотно кивнул. Ему пришло в голову, что у короля могут быть свои скрытые причины для такого решения. Хотя бы то, что ему станет спокойнее, если за пределами Анкиры брат-бастард все время будет у него на глазах.

— Наша поездка должна храниться в тайне. У Вольных закорианцев есть лазутчики в Дорфаре. Я выезжаю завтра, и чем большим сюрпризом это станет для столицы, тем лучше.

— Я полагаю, мой повелитель, что сначала вы все-таки женитесь на заравийской принцессе.

— О да. Оскорблять Зарависс не входит в мои планы. Я возьму ее с собой. Кстати, это будет прекрасным оправданием поездки — показать новой жене свои владения. Тханн За'ат будет польщен. Ни одна из моих женщин не была удостоена такой чести, — Ральданаш не улыбался. Казалось, что его немыслимо отстраненный взгляд сосредоточен на вещах, не имеющих отношения ни к женитьбе, ни к войне. — Так что я намерен возложить на тебя еще одну обязанность — стать моим посланцем. Сегодня же вечером зайди в покои Улис-Анет и все ей

расскажи. Она должна быть готова к отъезду сразу после утренней церемонии.

— Не поздно ли? — произнес Рармон, помедлив пару мгновений. — Скорее всего, она уже отдыхает.

— Если ты возьмешь с собой двух стражников и дворцового смотрителя, твой визит будет вполне официальным. Подожди, пока женщины вызовут принцессу, и лично расскажи ей обо всем. За исключением кармианских проблем, естественно, об этом я подумаю позднее. И конечно же, принеси извинения. Тебе понятно, почему я прошу об этой услуге именно тебя?

— Нет, мой повелитель, — ответил Рармон, хотя у него имелись кое-какие предположения.

— Потому что этикет требует в этом случае кого-нибудь высокопоставленного, и в то же время он должен быть причастен моим планам. Мне хочется, чтобы ты дал понять это моей невесте.

— Да, мой повелитель, — Рармон снова помедлил и очень мягко заметил: — Но, боюсь, принцессу удивит, что вы не явились к ней сами, дабы сообщить о своих секретах.

— Если я являюсь туда сам, — ответил Ральданаш таким же ровным тоном, — то принцесса решит, что я пришел осуществить свои супружеские права.

Искренность, с которой король произнес эти слова, могла бы показаться забавной, если бы не обеспокоила Рармона. В поведении Ральданаша не было и следа смущения или уныния.

Пожалуй, умнее всего было промолчать. Так Рармон и сделал.

Выйдя от короля, он вызвал двух стражников и послал за дворцовым смотрителем, а сам попытался связать воедино открывшиеся ему факты. Итак, король не слишком-то желает свою последнюю жену — если вообще способен желать хоть кого-то. Ему было бы исключительно удобно свести ее со своим столь драматически объявившимся сводным братцем. Позже можно будет застигнуть их вдвоем и как следует покарать обоих. Рармон не имел оснований думать, что королю известны его постельные предпочтения, даже после того, как эманакир порылись в его сознании. Во всяком случае, ситуацию, которую можно поставить в вину, нетрудно и подстроить. С другой стороны, Рармон не мог с уверенностью подозревать Ральданаша в подобных намерениях. По сути, в отношении короля не было уверенности ни в чем — ни в дурном, ни в хорошем. Он обладал потрясающим очарованием, но не было никакой ясности, как он может использовать это свойство в личной жизни и в делах правления.

Когда маленькая процессия во главе с дворцовым смотрителем свернула из одного роскошного коридора в другой, путь ей преградил не кто иной, как сын Яннула.

— Нельзя ли вас на пару слов? — вежливо, но твердо обратился он к Рармону.

Лар-Ральднор, более известный во дворце как Лар-Яннул, являл собой зрелище совершенного спокойствия. Однако его глаза, казалось, кричали: «Это жизненно важное и срочное дело». Рармон отошел от эскорта, и они уединились в амбразуре окна.

— Он придет сегодня ночью к Улис-Анет?

— Если ты имеешь в виду Ральданаша, то не придет. Я несу ей послание от него.

— Кто-то пустил по дворцу рискованные слухи. Якобы сегодня ночью король намерен осуществить свои супружеские права. Йеза случайно подслушала эти россказни.

— Я так понял, что принцесса не одна?

— Этот проклятый шут Айрос подкупил все, что попалось ему на пути, и пролез через сад. Но чтобы уйти, ему придется пробраться через переднюю, поскольку стража сменилась. А передняя полна людей из королевского окружения.

— Ясно.

— Если возникнет хоть малейшее подозрение, что этот мужчина идет от принцессы... вы знаете, что гласит закон Дорфара по поводу супружеской измены. Ральднор промахнулся всего лишь на длину клинка, не так ли? — сын Яннула улыбнулся, потом рассмеялся. Рармон был впечатлен его актерским талантом. — Вы можете что-нибудь сделать?

— Может быть. При условии, что никто из них не ударится в панику.

Они обменялись улыбками и расстались. Рармон двинулся дальше со своим эскортом и через несколько минут подошел к покоям принцессы. Стража отсалютовала ему. Кроме нее, в коридоре отиралось несколько придворных прихлебателей.

Когда двери отворились, Рармон увидел, что передняя в самом деле полна народу — заравийские слуги, даже писцы, словно в столь поздний час принцессе могло прийти в голову отправить письмо. Все они, похоже, были разочарованы, увидев в дверях Рармона, а не самого Ральданаша. Дамы Улис-Анет, по крайней мере, большая их часть, тоже толкались здесь. К счастью, невзирая на свой испуг и неопытность, Йеза успела вернуться.

С совершенно излишней пунктуальностью дворцовый смотритель уведомил о прибытии принца Рармона, прибавив, что он здесь по поручению Повелителя Гроз. Его слова возымели действие — лица у всех тут же сделались очень серьезными.

Выражаясь театральным языком, публика застыла в ожидании.

Рармон счел за благо вмешаться — поблагодарил всех собравшихся и отпустил их. Его личный авторитет вкупе со славой подействовал на толпу — менее чем через минуту передняя опустела. Тогда Рармон обратился к Йезе, попросив ее войти и доложить госпоже о его приходе.

Повисло напряженное молчание. Зная вспыльчивый характер Айроса и его любовь к эффектности, можно было ожидать, что он выскочит из комнаты с обнаженным мечом, и солдатам Ральданаша придется вступить с ним в схватку. Однако тихое бормотание за дверью не давало оснований для беспокойства. Йеза выскользнула из комнаты, плотно притворив за собой дверь. В ней тоже совсем не чувствовалось отчаяния.

Рармон ожидал, что Улис-Анет выйдет следом за ней, оставив доказательства своей вины за дверью. Поэтому он был весьма удивлен, когда Йеза сообщила:

— Мой лорд, принцесса еще не ложилась. Как брат короля и ее сиятельный родственник, вы можете войти.

Это настолько противоречило здравому смыслу, что на миг Рармон заподозрил, нет ли здесь какой ловушки. Он прошел в спальню, гадая, не прячется ли Айрос в шкафу для одежды. У него было сильное ощущение, что здесь разыгрывается один из традиционных театральных фарсов.

Однако Айрос стоял у дальней стены, на всеобщем обозрении. Улис-Анет, несмотря на разложенное ночное одеяние, повернулась к Рармону. Йеза закрыла дверь и на всякий случай прислонилась к ней.

— Как видите, мы в вашей власти, — выговорила принцесса. Ее голос был тихим, но не дрожал, как у Йезы.

— Я здесь по поручению короля, — уверенно произнес Рармон. — Мне надо сообщить вам кое-какие новости. Затем я удалюсь. На то, что Повелитель Гроз посетит вас сегодня ночью, можно не рассчитывать. Так что в ближайшие пятнадцать минут этот господин может без страха покинуть ваши покои через переднюю — я позабочусь, чтобы там никого не было. Для полной безопасности пусть он накинет какой-нибудь скромный плащ, который принесет ему Йеза. Кому будет интересен еще один бездельник-писец?

Айрос вспыхнул и выругался, но ему хватило ума не повышать голоса.

Улис-Анет не отводила взгляда от Рармона.

— Благодаря вам я не погибла и осталась цела во время землетрясения. Наверное, вы возмущены, застав меня в таком глупом и опасном положении?

— Вы сами придумали себе опасность. Ко мне это не имеет никакого отношения.

— Мой лорд, ко мне это тоже не имеет отношения, — вскинула голову принцесса. Во взгляде и плотно сжатых губах чувствовалось напряжение. Рармон снова невольно поразился тому, как она до невозможности похожа на Вал-Нардию. Но лишь внешне — внутреннего сходства было куда меньше. — Я чувствую, что могу вам доверять, принц Рармон. Так будьте же свидетелем, что я не приглашала сюда этого мужчину и не желала видеть его здесь. По сути, мой лорд, я прошу у вас защиты от него.

Айрос издал какой-то невнятный звук, причем довольно громко. Он явно был готов закричать или разразиться гневной речью. Поэтому Рармон бросился к нему и наотмашь ударил по лицу. Айрос отлетел к стене.

— Тише, будь ты проклят! — прошипел Рармон, сдавив ему горло. — Она отреклась от тебя, разве ты не слышал? Ты втянул ее в эту авантюру против ее воли.

Айрос продолжал сопротивляться, но было видно, что его пыл почти угас, и Рармон рискнул выпустить его.

— Эта сука всего лишь оговаривает меня, чтобы отпереться самой, — уронил он.

— Не смей бросаться подобными словами. Стоит этой женщине захотеть, и она может обвинить тебя в попытке изнасилования. Если ты хоть сколько-то ценишь ее, призови на помощь свои хорошие манеры. И свои мозги — дабы признать очевидное.

Айрос потрогал свой подбородок. Он терпеть не мог, когда что-либо наносило ущерб его красоте.

— Жду тебя на Северной аллее, за Лисьим садом, — твердо продолжил Рармон. — Если задержишься здесь, я буду вынужден вернуться. После чего ты будешь обвинен в том, что проник сюда ради насилия, и ответишь перед моими людьми.

— Да как ты смеешь! Ты, кармианский выскочка! — Айрос чуть не плакал от досады. Что ж, ему не довелось служить у Кесара, и он еще многого не знал о жизни.

— Постарайся усвоить, мальчишка, — отчеканил Рармон, — кем стал я, прибыв сюда, и кем остался ты. Ты болван и хвастун, но, по крайней мере, живой. Однако если ты будешь упорствовать в своей глупости, мне ничего не стоит исправить это положение.

Немного позже они встретились на Северной аллее. Разговор был очень краток — видимо, Айрос и впрямь начал осознавать, кто такой теперь лорд Рармон.

Когда начальник заравийской гвардии скрылся среди аккуратно подстриженных садовых зарослей, Рармон перевел дух и прислонился к колонне. Он следил за луной, медленно катящейся к горизонту, и вдруг почувствовал, что янтарное кольцо у него на пальце начинает остывать. Оно было горячим с того момента, как сын Яннула заговорил с ним в коридоре. Но почему? Какое-то новое предостережение?

Подумав о кольце, он невольно обратился мыслью к той, что подарила его. Он видел ее дважды: во плоти в Ольме и призраком на развалинах Корамвиса. На самом деле ей не больше девяти — так почему же она предстала перед ним четырнадцатилетней девушкой?

Где она? Очевидно, что больше не с волками. И что ей надо от него? Когда он устремился к ней, она попросту исчезла. Чары рассеялись от приближения или неосторожного вскрика. Но осталось ощущение какого-то вопроса. Или просьбы. И еще эта связь через кольцо...

Странно, но Рармон больше не верил в нее. Как и в ее богиню.

14

После ухода короля Улис-Анет осталась сидеть под гаснущими светильниками, такая же неподвижная, как любой другой предмет в ее шатре.

В этот день они выехали в Куму и долго тряслись по узкой дороге меж холмов. Улис-Анет пустилась в путь прямо в свадебном наряде, даже цветы в ее волосах все еще были свежими. Вечером они разбили лагерь на поляне среди холмов, освещенной факелами и звездами, к которым она уже начала привыкать. Именно тогда ей поднесли свадебный дар от супруга — ожерелье в виде золотых целующихся птиц, перемежаемых гроздьями плодов из розового кварца и сапфиров, а к нему — тяжелые серьги той же работы. Очень достойный подарок — и более чем уместный. Улис-Анет знала, что сегодня ночью король обязан прийти к ней. Так и случилось.

Светильники догорали, в воздухе висел густой запах благовоний, кувшины с вином стояли наготове. Служанки нарядили ее для первой брачной ночи.

Король прибыл в сопровождении эскорта. Мужчины с факелами распевали дорфарианские свадебные песни, мешая их с ваткрианскими — время от времени среди чужеземных слов можно было уловить вполне родные непристойности. Затем мужчины удалились, вслед за ними удалились ее дамы, и она впервые осталась наедине с Ральданашем в ароматном полумраке шатра.

Тогда, на Холме Верховных королей, среди царящего вокруг хаоса, Улис-Анет впервые увидела, насколько красив ее будущий супруг. Однако ничто в ней не отозвалось на эту красоту, как на что-то желанное. Красота Ральданаша не была влекущей, она ничего не обещала. Принцесса знала, что он пришел сюда не для того, чтобы любить ее, и была совершенно права.

— Я вижу, вы все понимаете, Улис, — сказал наконец король.

Ей следовало выбирать слова, но она злилась — даже не на него лично, а вообще на все. Сдержанная и учтивая ярость переполняла ее.

— Не совсем, мой повелитель. Но я знаю, чего вы от меня ждете.

— Ничего.

— Вот именно — ничего.

— Мне очень жаль, если это ввергает вас в уныние, — произнес Ральданаш. — Поверьте, наш бесплодный союз — вовсе не мой выбор. Мы оба жертвы политики, — он сел и с

безучастным видом продолжил свою речь: — Лишь по этой причине я обязан какое-то время побыть с вами этой ночью, а также всеми остальными ночами нашего путешествия. Будет довольно странно, если я не стану так поступать — в глазах людей это прямое оскорбление для вас. Понимаю, что такой подлог может показаться обидным, но, смею надеяться, вы покоритесь неизбежности. Когда мы вернемся в Анкиру, у вас будет право распоряжаться своими ночами, как вам угодно. Я не буду возражать, только соблюдайте приличия и не порочьте мое имя.

— Значит ли это, что я могу заводить любовников, мой повелитель?

— Если пожелаете, Улис. Это будет только честно, ибо я никогда не возлягу с вами.

В общем, она уже не ожидала, что это когда-то случится — и все же была до глубины души потрясена его холодностью.

— Вы попираете все брачные установления и традиции Дорфара, — вырвалось у нее.

— Возможно.

— Но почему? Или вы так преданы вашим светловолосым женам, королевам из Шансара и...

— Я не предан ни одной из женщин, — перебил ее король и, чуть усмехнувшись, добавил: — И ни одному из мужчин.

Против воли Улис-Анет содрогнулась. У нее было чувство, будто она погружается внутрь себя, в самые глубины — и что-то толкало ее все глубже и глубже...

— Не будет ли дерзостью, мой повелитель, если я спрошу, в чем причина этого?

— У вас есть право спрашивать о чем угодно. Беседа — единственное, чем я способен скрасить часы вашего одиночества. По крайней мере, я могу быть честным с вами, — Ральданаш сделал паузу и снова заговорил: — В землях за океаном существует обычай посвящать себя богине. Он предполагает полное воздержание, в том числе и в чувствах. Человек не занимается любовью и никого не любит — он верен лишь богине и ее земле, которая есть воплощение богини. По большей части это относится к жрецам. Но так случилось, что я тоже призван. Не то чтобы меня вынудили или научили — просто однажды я почувствовал, что принадлежу к этим избранным. В Ваткри таких людей называют Сыновьями Ашкар, они считаются святыми и время от времени могут творить чудеса. К несчастью, настала пора, когда мне пришлось покинуть родину, чтобы стать Верховным королем здесь, на севере. Помимо всего прочего, в мои обязанности входит продолжить династию отца. Однако это

ничего не меняет. Внутренний голос всегда сильнее, чем любой крик снаружи, надо лишь прислушаться к нему... Род Ральднора закончится на мне.

— Но вы могли не заставлять себя...

— Мне знакомо вожделение, — просто сказал он. — Прежде оно часто одолевало меня в Застис. Но это в прошлом. Теперь я обуздал свои желания.

— Это какая-то загадка, мой повелитель, — Улис-Анет не могла сдержать изумления.

— Никакой загадки. Просто у Висов не существует организованного культа безбрачия как источника Силы. У людей Равнин, эманакир, он был всегда. В известной степени это относится и к моему народу. Поверьте, подавление половой энергии — вовсе не ужасная кара бессилием и бесплодием, которую жрец-Вис может обрушить на грешника. Плотское влечение — это мощь, которая способна перерождаться, накапливаться, использоваться в иных целях. Эманакир долгое время славились тайной храмовой наукой любви. Со временем они научились управлять близостью и превращать взрыв наслаждения в сияющий ключ к магической энергии. Накопленная и направленная, такая энергия способна на многое. Разве странно, что механизм зарождения жизни как таковой можно использовать для созидания и иными способами?

Откровенность речи Ральданаша в сочетании с ее бесстрастием смутила принцессу. Она более не осмеливалась говорить на эту тему — король же, еще раз удивив ее, перевел разговор на Зарависс. Целых два часа они вели беседу, в ходе которой король объяснил ей истинную цель поездки в Куму. Теперь она знала — там должно произойти что-то важное.

После его ухода Улис-Анет ощутила себя усталой и подавленной. Но когда это оцепенение прошло, она ошеломленно поняла, что возбуждена до жара и покалывания в теле, словно в пору Застис. Она была обманута в своей жажде близости — и сейчас сила желания, о которой рассуждал король, казалось, заполнила весь ее шатер.

Кума тоже изрядно пострадала во время войны. Теперь следы давних пожаров на скорую руку маскировались цветами, яркими лентами и вымпелами. Городок был потрясен блеском королевской свиты в той же мере, в какой Анкира — отъездом короля из столицы. На следующий же день после прибытия была объявлена охота на восточных холмах. Наместник города пытался протестовать, не уверенный в успехе затеи — в прошлом году всю область накрыла сильнейшая засуха, и дичи в лесах было очень

мало. Но Повелитель Гроз проявил твердость в своей прихоти: ему хотелось ощутить вкус преследования. Вместе с охотничьей командой из города отправилась едва ли не треть прибывших повозок, королевские шатры и даже королева вместе с небольшим отрядом заравийской стражи и придворными дамами. Если Кума и мыслилась как место для неких более значительных событий, то ее наместника в известность об этом не поставили.

Высоко в холмах, на выжженной солнцем равнине, королевская команда разделилась. Оставив шатры цвести на берегу неглубокой речки, король со сводным братом и двумя дюжинами гвардейцев во весь опор рванули вверх по склонам. Грохот колесниц и поднятая ими пыль разносились далеко по окрестностям. При столь ревностном отношении к охоте это была, прямо скажем, на редкость неудачная тактика.

С вершины бурого холма можно было охватить взглядом мили и мили пространства до самого моря, сверкающего, как змеиная чешуя, под кобальтовым небом. А еще взору открывалась долина внизу, на которой расположилась другая охотничья команда. Темный шатер, а вокруг него снуют туда-сюда люди и зеебы.

Король взмахнул рукой, и на ветру заплескалось знамя Анкиры.

Те, внизу, в ответ подняли свой флаг. И это была не Лилия Кармисса — на черном полотнище полыхала ярко-алая Саламандра.

Рармон, прежде звавшийся Рэмом, почувствовал, как деревенеет его спина. Он уже начал оборачиваться к Ральданашу — и тут полог темного шатра откинулся. Оттуда вышел человек и застыл, глядя вверх, в их сторону. Это был Кесар.

Колесницы начали спускаться.

— Мой повелитель, — наконец решился Рармон, — никакой это не советник. Это их король.

— Ты узнаешь его? — спокойно спросил Ральданаш. — Я подозревал что-то в этом роде. Говорят, что он нередко сражается на своих кораблях в одежде простого солдата. Ему нравится быть в гуще событий.

Их группа перевалила через гребень, и колесницы мягко покатились в долину.

Было ли в запасе у Ральданаша что-то, кроме подозрений? Это знал только он сам.

Рармону ничего не оставалось делать — с тяжелым сердцем он начал готовиться к неминуемому противостоянию.

В двадцати шагах от шатра колесницы остановились. Белый

знаменосец выступил вперед, воткнул в землю свой штандарт и провозгласил:

— Мой лорд, перед вами Ральданаш, сын Ральднора, сына Редона, нынешний Повелитель Гроз Дорфара, Король Драконов всего Виса.

С противоположной стороны такого действа не последовало. Кесар просто шагнул вперед и отдал честь Повелителю Гроз. Тот приветствовал его легким наклоном головы, как подобает при встрече двух королей.

Минувшие восемь лет прибавили физической силы человеку, которого помнил Рармон, при этом не нанеся ни малейшего ущерба его изысканности. Как и у Рармона, у него было сложение воина — гибкое, стройное тело, словно отлитое из стали. На правой скуле, под глазом, появился маленький шрам не больше детского ногтя. Никаких иных отметин время не оставило. Разве что глаза сделались чернее и глубже, взгляд их стал непроницаемым, при этом пылая силой и цепкой наблюдательностью. Последние остатки юношеской угловатости исчезли без следа — Кесар стал таким, каким должно.

Как всегда, он был одет в черное, без гербов и знаков. Черноволосый, в черных одеждах, он застыл напротив белокурого Ральданаша в светлом одеянии. Снова любимая им театральность. Они были словно две фигуры на игральной доске.

Ральданаш сошел с колесницы.

— Смею надеяться, что в ваше отсутствие с Кармиссом ничего не случится.

— Вижу, меня узнали, — едва заметно усмехнулся Кесар.

— Мой брат помнит вас, — отозвался Ральданаш.

Рармон в свою очередь слез с колесницы и направился к королевскому дуэту. Похоже, одна из фигур решила использовать его в качестве пешки. Следуя указующему жесту Повелителя Гроз, король Кармисса обратил взгляд на Рармона. Да, это были истинно глаза Кесара — под их взглядом невольно хотелось упасть на колени. Рармон подошел ближе. Несомненно, Кесар признал его, но не собирался подавать виду. Это не удивило Рармона — так и должно было произойти.

— Ваш брат, мой лорд? — небрежно переспросил Кесар, когда его бывший солдат встал рядом с Повелителем Гроз. Ральданаш воздержался от ответа, предоставив это право самому Рармону.

— Незаконнорожденный сын Ральднора эм Анакир от его кармианской любовницы, — произнес тот, стараясь избежать как вызывающего, так и оправдательного тона.

Кесар, не отрываясь, смотрел на него. На Рармона, которого

знал как Рэма. Того, кто получил десять ударов кнутом по прозвищу Шкуродер, кто выдоил яд из змеи в Тьисе. Того, кто скакал без отдыха, чтобы доставить весть о смерти Вал-Нардии — слишком запоздавшую, чтобы чем-то помочь. Того, кто поднялся на борт корабля Дхола с его новорожденной дочерью на руках. И не вернулся обратно.

Кесар ничего не забыл. Рармон прочел это в его глазах.

Затем губы кармианского короля тронула тонкая улыбка, придавшая ему немыслимое очарование, и он решился признать своего прежнего слугу.

— Да, что-то кармианское тут, несомненно, есть, — бросил он и повернулся к Ральданашу: — Мой лорд, не лучше ли нам войти в шатер, чтобы обсудить наши дела?

Передний полог был откинут, и послеполуденное солнце заливало шатер. В тридцати шагах от него несли караул двое стражей — белый и черный.

Кесар пригласил за стол переговоров одного из своих помощников, а также писца, чтобы фиксировать разговор. Двое людей Ральданаша сидели позади своего повелителя. Рармон устроился в отдалении, как требовала его роль молчаливого наблюдателя.

Подали кармианское вино. Отпив, Рармон признал, что тамошние виноградники уже почти оправились от ущерба, нанесенного войной.

Совещание длилось больше часа. Они разобрали в деталях и одобрили победу флота Кесара, потом речь зашла о резне в Анкабеке. «Малодушное и нечестивое деяние. Богине должно быть уплачено кровью», — заметил по этому поводу Кесар. При этом он старался не смотреть в сторону Рармона, который хорошо знал всю глубину любви Кесара к Анакир и вполне мог поделиться этим знанием с остальными.

В свою очередь по указанию Повелителя Гроз его помощники доложили о набегах Вольных закорианцев на дорфарианское побережье. В связи с этим была восстановлена и приведена в порядок система обороны северного и восточного берегов, бездействовавшая со времен войны. Этот факт ни для кого не стал открытием.

Далее стороны занялись подробным рассмотрением Старого Закориса, уже двадцать девять лет лежащего под властью Вардата. Как предмет торга край не представлял решительно никакого интереса. Ваткри и Вардат состояли в незыблемом союзе, и претензии Вардата, безусловно, подтвержденные битвой, осадой и капитуляцией, нельзя было сбросить со счета. Но, так

или иначе, Йилу эм Закорису удалось вернуть свой венец. И все говорило о том, что он с жадностью поглядывает в сторону остального континента, накапливая силы для его захвата.

Пошел второй час переговоров.

Получив знак от Ральданаша, один из его помощников поинтересовался, как много кораблей осталось у Вольных закорианцев после того гибельного рейда.

— Согласно докладам, от нас ушли всего десять, — ответил истрисский помощник. — Это были те самые демоны, что разрушили Анкабек. На момент, когда священный остров оказался под защитой короля Кесара, в наступлении участвовало не менее десяти кораблей.

— Я слышал, что Анкабек вообще не имеет военной защиты. Считается, что святым землям она не нужна, — с наивной улыбкой заметил помощник Ральданаша.

— У вас неверные сведения. На острове размещено воинское подразделение. Кроме того, морской гарнизон на кармианском побережье занимает очень выгодную позицию, чтобы наблюдать за порядком в этом месте. Если на то будет соизволение богини, он готов выступить в любую минуту.

Звучный голос Кесара прервал зарождающуюся перепалку:

— К тому же в том сражении участвовали далеко не все корабли Йила. Немалая их часть стоит в Закорисе-в-Таддре. Как известно, Таддра богата лесом, и пиратам есть из чего строить свой флот.

— От наших таддрийских лазутчиков мы получили сообщение о наличии второго флота не менее чем в сотню кораблей, — вставил помощник Ральданаша.

— Мои собственные источники подтверждают, что два флота Йила стоят на рейде в заливах северо-западного побережья, — кивнул Кесар. — Та сотня, о которой вы упомянули, является частью меньшего из них.

Это стало новостью. Помощник Ральданаша нахмурился и бросил взгляд на Повелителя Гроз.

— Ваши источники славятся своей безупречностью, — заметил Ральданаш.

— Безупречных источников не существует, — отмахнулся Кесар. — Но этим я склонен доверять.

— В таком случае что они сообщают по поводу Южной дороги?

Кесар улыбнулся и подлил вина себе и Повелителю Гроз, заставив покраснеть второго дорфарианца, в чьи обязанности входило следить за кубками.

— Вы имеете в виду пресловутый путь, который Йил

прокладывает сквозь джунгли к Вардийскому Закорису?

— Именно. А через него — и к западным пределам Дорфара.

— Безнадежное дело. Йил использует эту работу как каторгу для осужденных. Им приходится выгрызать у джунглей каждый кусок земли — за десять лет удалось проложить лишь десять миль дороги. Да и то, если команды рабов не будут трудиться там день и ночь, поддерживая расчистку, лес снова все поглотит.

— Пограничные посты Вардийского Закориса видят в джунглях огонь и дым, — подал голос помощник Ральданаша, осекся — не остановят ли его? — и, не дождавшись, продолжил: — Они ждут дождливой погоды и затем поджигают деревья. Дождь не дает случиться лесному пожару, однако там, где надо, земля расчищена превосходно.

Лицо Кесара осталось неподвижным, и это бесстрастие лучше всяких слов дало понять Рармону, что тот знал об этом и раньше.

— Ваше величество понимает, — высказался наконец Кесар, — что Кармисс, как один из ближайших соседей Дорфара и ваш преданный вассал, без промедления выступит на вашей стороне.

— Благодарю вас от имени Дорфара, — склонил голову Ральданаш.

— А через Кармисс, — вкрадчиво добавил Кесар, — вы можете получить поддержку Ланна и Элира.

Это было ошибкой.

— У Ланна нет армии, — громко заявил помощник Ральданаша, бросив взгляд на своего повелителя. — А Элир — вообще дикая местность.

— Тем не менее в обеих областях хватает молодых людей, жаждущих вступить в армию, и можно объявить военный призыв.

— Эти сведения передал вам ланнский король? — уточнил Ральданаш.

— Король Ланна внял моему братскому совету, — ответил Кесар.

В шатре повисла тишина. Казалось, она сгустилась в нечто осязаемое у стенок из шкуры овара, пологом перегородила выход наружу. Кесар отхлебнул из кубка и кивнул своему истрийскому помощнику.

— Король Ланна опасался вторжения Вольных закорианцев и обратился к нам в поисках защиты, — пояснил истриец. — Спустя пятьдесят четыре дня после рейда закорианских кораблей король Кесар великодушно пришел на помощь своему собрату.

Еще одна ошибка.

Помощник, сидевший рядом с Ральданашем, резко вскочил на ноги. Он был полукровкой, но темнее своего товарища,

пожалуй, на добрые три четверти дорфарианец. Бросив молниеносный взгляд на Кесара, он громко и раздельно произнес:

— Повелитель Гроз, только что нас оповестили об оккупации Ланна Кармиссом.

— Сядь, — приказал Ральданаш, оставаясь все так же спокоен.

Помощник сел. Руки у него тряслись. Кесар предложил Ральданашу еще вина, и тот, кивнув, придвинул кубок.

— Лорд Кесар, — проговорил он затем, — что бы ни значили ваши слова, мы желаем услышать пояснения.

Рармон наблюдал за профилем Кесара. Он был совершенно невозмутим. Казалось, идет обсуждение какой-нибудь торговой сделки.

— Я ваш покорный слуга, Повелитель Гроз, и не могу ослушаться приказа, — он выдержал значительную паузу и продолжил: — Ланн, не имеющий собственных средств обороны, что вообще-то странно, обратился ко мне с просьбой о защите. В данный момент мои корабли патрулируют береговую линию, чтобы предупредить нападение с моря. Также я ввел в страну некоторое количество сухопутных сил на случай, если морское заграждение будет прорвано.

— И каковы эти силы, мой лорд?

— Достаточно серьезные, — Кесар не сумел скрыть усмешку.

— Таким образом, это вторжение в Ланн, — подвел итог Ральданаш.

— Ни в коем случае, Повелитель Гроз. Меня пригласили туда войти. Полагаю, что теперь Ланн займется созданием собственной армии. Когда опасность минует, Кармисс сможет убрать свою крепкую руку.

Никто не рассмеялся.

— Это сделано без всяких ухищрений, — продолжил Кесар. — Кармианские маневры проводились открыто, любой мог их наблюдать. Возможно, морское патрулирование, введенное после анкабекской трагедии, смутило иных наблюдателей, и они неправильно истолковали нашу миссию милосердия в Ланне. Однако поверьте — я не ставлю своей целью кого-то обмануть. Я сам излагаю вам эти события, мой лорд, прежде чем ваших ушей достигнут искаженные слухи.

— Что скажешь? — спросил Ральданаш.

— Все так повернулось, что вам вряд ли требуется мое мнение, — пожал плечами Рармон.

Колесницы медленно поднимались по склону. Солнце уже клонилось к закату.

— Ты прав, нужды нет. Но допустим, что мне просто интересна твоя точка зрения.

— Кесар так долго играет в свои игры, что это вошло в его плоть и кровь — собирать сведения, интриговать и захватывать. Он хотел Кармисс и получил его. Но на этом он не остановится. Он наслаждается самим процессом приобретения. И он большой мастер этого дела, — ни разу еще Рармон не позволял себе столь откровенно высказаться о своем бывшем хозяине. Он никогда не испытывал особой верности Ральданашу и теперь спрашивал себя, в чем же тут дело. Возможно, в духе соперничества с братом-королем?

— И чего же он хочет теперь? — спросил Повелитель Гроз.

— Всего. В перспективе — весь мир. Однако это дело будущего. Сейчас же он опасен для нас тем, что может выбирать...

— Между Закорисом с одной стороны и Дорфаром и Междуземьем — с другой, — закончил Ральданаш.

— Да, мой повелитель. Именно так. Кесар может объединиться с вами или же направить послов к Йилу. У него достаточно сил, чтобы нарушить равновесие. Дорфар же, будучи заперт между Вольными закорианцами и кармианским Ланном, не сможет спокойно развиваться. Кесар показал вам кулак в надежде, что вы все поймете правильно и предложите ему выгодную сделку.

— О да.

— Вам остается надежда, что у Закориса не найдется для Кесара ничего интересного.

— Йил завел себе нового советника в Таддре. Это блестящий стратег, к тому же умеющий манипулировать людьми. Боюсь, он сумеет изобрести достойную приманку для Кесара. Разумеется, помимо основной — объединения сил во имя завоевания мира.

— Да, это лакомый кусочек, который они всегда держат наготове.

— Кесар кажется тебе таким ненасытным?

— У него была голодная юность, — пояснил Рармон. — Сузамун швырял ему кости и корки, как собаке. Поэтому голод Кесара превратился в болезнь, и потребуется целый мир, чтобы насытить его.

— Ты очень уверенно судишь о Кесаре, — заметил Ральданаш. — Как я и думал.

— Вы знали, что увидите здесь именно его, а не кого-то из младших принцев.

— Я предполагал это.

— Нет, мой повелитель, — покачал головой Рармон. — Вы знали наверняка.

Королевский возничий хлестнул скакунов, и колесница Ральданаша поспешила вперед, к черному экипажу, который резко выделялся на фоне наползающей грозы.

Сейчас вокруг находилось больше людей Кесара, чем прежде. Должно быть, раньше они стояли на дальних холмах. Даже так, сохраняя расслабленный и непринужденный вид, они выглядели угрожающе. Можно не сомневаться — лорда Кесара никто и пальцем не тронет. Его даже не посмеют отравить во время роскошного ужина на лоне природы, куда он приглашен в качестве официального союзника Дорфара. Полная беспечность Кесара свидетельствовала, что он, как всегда, все досконально рассчитал, и самая возможность случайного злодейства исключена начисто.

Гроза началась, когда они перевалили за первый холм.

Но еще до того, как ударил гром и хлынул дождь, мысли Рармона неожиданно повернули в другом направлении. И теперь, направляя колесницу сквозь потоки воды, он гадал, не стоит ли ему предупредить Ральданаша. Затем у него возник мгновенный порыв заранее известить обо всем Кесара. Но по здравом размышлении он отверг оба варианта.

Прошло уже восемь с половиной лет. И если за праздничным столом напротив Кесара окажется красноволосая копия Вал-Нардии, то, скорее всего, это не будет иметь никакого значения.

Солнце уже давно село. Дождь по-прежнему хлестал, изливаясь на небольшой лагерь, на скорую руку разбитый у речки.

В большом королевском шатре было сервировано пятьдесят шесть блюд. Взор гостей услаждали дорфарианские танцовщицы, девушки из Кумы подливали гостям вино. Но этим женское общество и ограничивалось — офицеры не привели своих дам, младшая супруга Повелителя Гроз тоже отсутствовала. Распоряжение пришло, когда уже зажгли светильники — Ральданаш вежливо попросил ее покинуть шатер, ибо поводом для пира был всего лишь небольшой праздник, не имеющий общественного значения.

Когда доели первую перемену блюд и подали вторую, а из ярко освещенного шатра донеслась громкая музыка, принцесса подслушала разговор помощников Ральданаша, которым не терпелось поделиться с кем-нибудь тем, что они услышали на совещании. Новостей накопилось много, и весь Дорфар должен был немедленно узнать их.

Улис-Анет не интересовалась политическими раскладами, ибо ей отводилась в них слишком незначительная роль. Поэтому

имя Кесара эм Кармисса оставалось для нее не более чем именем. То, что она слышала об этом человеке — тиран и возможный враг, — не вызывало желания общаться с ним, но даже это не имело для нее особого значения.

Однако ее снедало беспокойство. Заснуть не получалось, а необходимость сидеть в закрытом шатре, куда ее отвела одна из дам, ничуть не радовала принцессу.

Снаружи, под дождем, стоял на часах один из солдат Айроса.

Принцесса окинула мысленным взором жизнь, которую ей отныне придется вести, и то, что она увидела, заставило ее расплакаться. В своем унизительном положении Улис-Анет не ждала от будущего ничего хорошего. Но мудрость подсказывала ей, что нет ничего глупее слез.

Человек встал у входа, стряхивая дождевые капли с плаща.

— Добрый вечер, Бийх, — произнес Рармон.

— Великие боги, Рэм! Ни за что бы не подумал, что ты меня вспомнишь!

— Мне кажется, Бийх, что ты и сейчас не думаешь. Теперь я уже не Рэм.

Сначала истрисский солдат решил обидеться, но затем смирился.

— Да, вы высоко поднялись в этой жизни. Прошу прощения, мой лорд.

— Итак, — кивнул Рармон, — ты здесь по поручению Кесара. Что ему надо от меня?

— Он хочет увидеться с вами.

— Мы виделись во время ужина.

— Увидеться наедине, лорд Рэм... то есть Рармон.

— Нет.

Бийх уставился на старого товарища. Он был еще одним из Девятых в тайной гвардии Кесара, но, в отличие от Рэма, так и не поднялся по жизненной лестнице, оставшись простым солдатом и посыльным.

— Но, мой лорд...

— Твой король мог бы подумать, как будет выглядеть со стороны, если я тайно прошмыгну в его шатер, а потом назад, — внушительно произнес Рармон. — Будь добр, напомни ему, что я больше не состою у него на службе.

Бийх помедлил, видимо, не веря своим ушам, затем развернулся и скрылся за стеной дождя. Рармон уселся на стул и приготовился ждать.

Не исключено, что Кесару придет в голову банально убить его. Но вряд ли это случится прямо здесь, на нейтральной земле

для дипломатических переговоров. Сейчас все слишком остро и нестабильно, чтобы решиться на такой шаг, как убийство... Рармон ощущал, что до сих пор не знает чего-то существенного, что не должно ускользнуть от него.

Однако он знал, что должен сделать Кесар.

Ждать пришлось менее получаса. В плеске дождя раздался шум шагов и вспыхнули дымные огни двух факелов. Пришельцы перебросились словами с дежурившими снаружи людьми Рармона — один из них порывался войти в шатер с докладом, но был вежливо отстранен. Вместо него появился солдат Кесара, поставил на пол большой кувшин вина и удалился. Следом за ним вошел сам Кесар.

Казалось, что он наполнил шатер наэлектризованной тьмой. Это было что-то нематериальное, но чрезвычайно мощное.

Совсем так же, как восемь лет назад, когда Рармон прощался с ним в Истрисе, Кесар сбросил мокрый плащ, на котором играли блики от светильников и тени.

— Наш приход сюда был ярким и шумным, — сказал он вместо приветствия. — Твой король обязан знать, что я здесь. По крайней мере, мы приложили для этого все усилия.

— Отравлено? — Рармон указал на кувшин с вином. — Или я достоин лишь ножа в спину?

Кесар пристально взглянул на него.

— Встань, — приказал он.

Медленно, без видимого усилия Рармон поднялся. По лицу Кесара нельзя было прочесть никакого намека, никакой разгадки происходящего.

— Теперь расскажи, где ты оставил ребенка моей сестры.

Рармон внутренне собрался. Тот человек, которым он был, и тот, которым мог быть сейчас — он соединил их и велел им отвечать.

— В Ланне, мой лорд.

— Где именно в Ланне?

— Пираты захватили корабль Дхола — вы должны были слышать об этом. Я доставил их на берег. И там девушка сбежала от меня и унесла ребенка.

— Значит, ты признаешь, что подвел меня тогда. Пытался ли ты искать ребенка?

— Да, мой лорд.

Кесар помолчал, но продолжения не последовало.

— И что же ты нашел? — спросил он наконец.

— Волков, — произнеся это слово, Рармон почувствовал, как когти непостижимого рока сомкнулись на его плече. Почему он пошел по неверному пути? Не оттого ли, что сверхъестественный

вариант событий был неприемлем для него? А может быть, оттого, что ненавидел Кесара — или оттого, что все еще был привязан к нему?

Вероятно, самого Кесара не так уж заботило все это. Для него ребенок был просто болтающейся нитью, которую можно обрезать или привязать — ничего иного с ней не сделаешь. И точно такой же болтающейся нитью был Рармон, которого можно убить или забыть. Или сначала убить, а потом забыть.

— И ты не соизволил явиться ко мне с рассказом, — наконец сказал Кесар.

— Я же подвел вас, как вы справедливо заметили.

— А теперь, после всего, ты нашел себе убежище. И как-то сумел обработать Ральданаша. Я слыхал, что он равнодушен к женщинам. Это так?

Неужели они снова в Истрисе? Ни в каком ином месте этот разговор просто не мог происходить.

Рармон не ответил. Кесар взял со столика одну из золотых чаш и наполнил ее вином из кувшина. Однако пил он без всякого удовольствия.

— Я все сильнее подозреваю, что уже тогда, в Кармиссе, тебе было известно, кто ты такой, — задумчиво произнес он. — Очевидно, тогда ты занимался сбором разных сведений, чтобы преподнести их в дар своему равнинно-ваткрианскому королю.

— Это не так, — коротко отозвался Рармон.

— С другой стороны, — продолжал развивать свою мысль Кесар, — ты вполне мог бы остаться в Дорфаре и собирать разные сведения в дар мне, — с этими словами он протянул Рармону недопитую чашу.

Дождь немного приутих. В наступившей тишине громовой раскат прокатился по небу и унесся куда-то вдаль, за двадцать холмов.

— Лорд Кесар, кажется, я уже доказал, что слуга из меня плохой, — твердо сказал Рармон. — И не забывайте, кем еще я являюсь. Мы с ним братья.

— О да, ты всегда был принцем, мой Рэм. Вором, головорезом, наемником — и принцем...

— А также сыном Ральднора эм Анакир, — добавил Рармон.

Взгляд Кесара скрестился с его взглядом. Затем эм Кармисс дотянулся до чаши, из которой так и не отпил Рармон, и нарочно выплеснул вино на ковер. Швырнув чашу обратно на столик, он вышел из шатра.

Кесар, владыка Кармисса и лорд-протектор Ланна, прошел через дорфарианский лагерь, направляясь к более скромной кармианской стоянке на другом берегу речки. Его факелы больше

дымили, чем освещали путь, хотя дождь уже совсем прекратился.

Большой шатер Повелителя Гроз стоял возле узкого каменного мостика. Поодаль от него был возведен другой шатер для его последней, явно избыточной жены. В отсветах факелов поблескивали доспехи заравийцев. Полог был откинут, чтобы впустить дождевую прохладу. Внутри сидела женщина и читала при слабом освещении догорающих ламп.

Ее неясный силуэт чем-то смутил Кесара, но он тут же выбросил из головы это видение.

На исходе ночи, в час, который на Равнинах называют Часом Волка, Кесар внезапно вынырнул из сна и теперь лежал, уставившись во тьму широко раскрытыми глазами.

Ему приснился ребенок — колдовская дочь Вал-Нардии, а, может, всего лишь умерший принц-король Эмел. Припомнить точнее Кесару не удавалось, сон уже отлетел. Но он чувствовал во всем теле напряжение, как от неистовой яростной борьбы.

Он поднялся, хлебнул из кувшина разбавленного вина.

Делая это, Кесар представил в темноте лицо умирающего мальчика со светлыми волосами и вгляделся в него — без всяких угрызений совести. Эмел был напуган. Несмотря на свои девять лет, мальчик, похоже, понимал, что умирает, и не от чумы, а от чего-то куда более изощренного.

Толпы перед дворцом уже выкрикивали имя Кесара. Когда мальчик впал в кому, регент покинул его на смертном ложе. В следующий раз он увидел Эмела уже в ящике с пряностями, куда поспешно поместили тело. Погода стояла исключительно жаркая. С мрачным удовлетворением Кесар приказал соорудить сыну Сузамуна висский склеп в Кармианской королевской усыпальнице вместо того, чтобы предать тело огню по шансарскому обычаю. Понадобился закрытый гроб. Бальзамировщики, нанятые Ральднором эм Иоли, шептались, что тело начало разлагаться слишком быстро и неестественно, словно после яда, и это делает их работу почти невозможной. Но эти разговоры очень быстро пресекли. Как бы то ни было, когда Кесар произносил надгробную речь, толпа рыдала. Месяцем позже она посадила его на трон Истриса.

Память об Эмеле быстро заглохла.

Таков был второй ребенок, который подстерегал его во сне.

Когда Кесар покинул свой шатер, небо уже тронула предрассветная бледность. Скоро начнут просыпаться люди. С восходом кармианцы собирались в обратный путь. Цели достигнуты. Дорфар был оценен и, кажется, готов оказаться соблазненным.

Кесар побрел по берегу, прочь от обоих лагерей. Вокруг него высились деревья и шуршал пышными метелками тростник. Ночь цепко держала землю в своих объятиях. Речка, слегка вздувшаяся после грозы, журчала по камням. Кесар остановился под деревом, глядя на бегущую воду.

Память о пропавшем ребенке не желала уходить. Забавно, ему ведь совершенно не было дела до этого. Исчезнувшая девочка причинила ему даже меньше боли, чем убитый им Эмел. Даже колдовство утратило свое значение, став неважным после стольких лет. Еще тогда, годы назад, услышав о гибели корабля Дхола, Кесар решил для себя, что его ребенок мертв...

Что-то мелькнуло в тени на противоположном берегу. Кесар поднял глаза — и в полумраке над низкой водой увидел свою сестру Вал-Нардию.

Сперва он испытал лишь смятение, легкое, как порыв ветра — не более. Это мог быть просто призрак, порожденный его воображением. Но затем в пустоту захолодевшего сердца хлынуло понимание. Женщина была отчетливо видна в предутреннем сумраке, вода дробила на куски ее отражение. Она существовала. Вторая волна смятения стала куда сильнее — она накатилась на Кесара быстро и мощно, совсем как тогда, при известии о ее смерти. Отхлынув, она оставила его опустошенным, и в этом опустошении он шагнул с берега в речку.

Улис-Анет в оцепенении смотрела на идущего к ней мужчину, невольно отступив на полшага — и понимая бессмысленность этого отступления. Бегущая вода, как и переход через нее, была знаком, символом. Не в ее власти было уйти, и она осталась на каменистой отмели, наблюдая за незнакомцем. Он вышел на берег и остановился менее чем в шаге от нее. Осторожно взял ее руки в свои, ощутив шелк кожи и живое тепло плоти. Свет падал на нее сквозь кружево ветвей, и пламя ее волос, красное, как кармианский цветок, было первой краской, подаренной миру рассветом.

— Улис, — сказал он.

Услышав свое имя из уст незнакомца, Улис-Анет смогла лишь растерянно взглянуть на него. Ее словно парализовало или сковало чарами — у нее не было сил даже попытаться освободиться от этого прикосновения...

Она всю ночь пролежала без сна в душном шатре, слишком возбужденная, чтобы заснуть, и слишком усталая, чтобы подняться. Где-то за час до рассвета что-то погнало ее прочь из шатра и королевского лагеря. Это был необдуманный, ребяческий поступок. Она даже отослала своего телохранителя, и солдат, решив, что она идет искать короля, не стал спорить. В полном

одиночестве, беззащитная, Улис-Анет достигла берега этой символической реки — и тогда из темного леса на другом берегу вышел мужчина, одетый во все черное. Поначалу она решила, что это один из кармианских офицеров, и осознала весь ужас своего положения. Она уже хотела без промедления броситься в бегство, но затем увидела его глаза — ни темнота, ни расстояние не помешали этому.

Именно так он и удержал ее — своим взглядом. Его напряжение вкупе с какой-то скрытой силой личности обрушились на девушку, полностью лишив ее воли. Она лишь тупо стояла и ждала, пока он не вышел из воды и не взял ее за руки.

Это прикосновение наполнило жизнью нереальную сцену. Замирая от ужаса, Улис-Анет уступила своим желаниям и открылась той ошеломляющей силе, что струилась от незнакомца. Она не видала его прежде, но ей вспомнилось подслушанное вчера описание, и она вдруг поняла, что перед ней — король Кармисса. И в этот миг он назвал ее по имени.

Его голос прозвучал хриплым измученным стоном. Против всякой логики, полуосознанно Улис-Анет поняла, что если он для нее — незнакомец, то она для него — нет.

Без слова, без движения стояла она перед Кесаром.

— Ты не призрак, — произнес он. — Тогда как ты оказалась здесь?

«Не призрак... Значит, я для него — кто-то давно умерший?» — подумалось ей. По-прежнему не находя слов, она молча покачала головой и почувствовала, как он еще сильнее сжал ее пальцы.

— Она лежит в истрисском мавзолее, — снова произнес мужчина. — Ты не можешь быть ею, — затем голос его стал мягче, и он спросил почти обычным тоном: — Так кто же ты тогда?

— Вы назвали меня по имени, — слова вырвались у нее, прежде чем она осознала, что способна говорить.

— Улис, — повторил он. И хлынули слова и титулы, ничего не значащие в этот миг: — Улис-Анет эм Зарависс, дочь Тханна За'ата, жена Ральданаша.

«Это все про меня?» — мелькнуло в голове у принцессы.

Мужчина словно обрел цвет. Сила, по-прежнему исходящая от него, опаляла Улис-Анет, как темное солнце. Но тень безумия, лежавшая на всем его облике, куда-то отступила.

— Одна из жен Повелителя Гроз, — уронил он, все так же держа ее в плену своих рук и глаз.

— Но кто же та, за которую вы меня приняли? — спросила

она.

— Я не принимал. Это ты и есть.

— Нет, — испугалась она, и это была первая ее попытка сопротивления. Но он все так же не спускал с нее взгляда и не ослаблял своих рук — и она снова сдалась.

— Ты была еще ребенком, когда она умерла, — сказал король. — Сейчас тебе столько же лет, как ей тогда, Улис-Анет, жена Ральданаша Дорфарианского.

— Пустите меня, лорд Кесар, — попросила она.

Он едва заметно улыбнулся и выпустил ее руки — ослабевшие, будто разом лишенные костного мозга.

Было почти невозможно отвернуться от него... С огромным усилием Улис-Анет все же сделала это и двинулась прочь сквозь лес. Но и теперь, спиной, она ощущала его взгляд — он завораживал ее, даже когда она его не видела. Поднявшись на гребень холма, Улис-Анет не выдержала и обернулась.

Солнце уже взошло, и теперь силуэт мужчины казался темнее, чем тени деревьев. Ей чудилось, что этот человек получил странную власть над ней, непонятным образом привязав к себе ее душу.

Улис-Анет еще раз собрала все силы, чтобы заставить себя идти дальше.

Совершенно обессиленная, на свинцовых ногах, она двинулась к лагерю Повелителя Гроз.

Грозы не прекращались всю обратную дорогу до Анкиры.

Горячие новости, дошедшие до слуха Ральданаша в черном шатре на холмах Кумы, теперь горячо обсуждались в столице. С одной стороны — Закорис-в-Таддре, с другой — кармианский Ланн... Два этих клинка грозили сомкнуться на Междуземье, как ножницы.

Через двенадцать дней после возвращения Ральданаша в Анкиру небольшой конвой из трех кораблей вышел во Внутреннее море из маленького порта Тос на западе Дорфара. Его целью был Континент-Побратим, а ценным грузом — вести. Но путь туда и обратно требовал долгого времени — не один месяц, да и то, если ничего не случится.

Грозы терзали небо Анкиры, обрушиваясь прямо на здание Совета.

Сын Яннула стоял посреди княжеских покоев Рармона.

— Значит, он намерен оставить Ланн смешанным с грязью под каблуком Кармисса? — выговорил он со спокойствием отчаяния.

— Основной враг Ральданаша — Вольный Закорис, —

отозвался Рармон. — У Дорфара не хватит мощи, чтобы воевать еще и с Кармиссом. Да и духу не хватит. Стоит нам двинуть войска в Ланн, и флот Йила обрушится на Дорфар, как прибой на берег.

— Понятно. Ланн остается в рабстве. Что ж, Рэм, вы можете гордиться своим прежним хозяином.

Рармон предпочел оставить без внимания этот выпад в свою сторону.

— Что ты собираешься делать? — спросил он вместо этого.

— Возвращаться в Ланн, что же еще? Письма не ходят ни туда, ни оттуда. Моя семья в Ланне, а здесь я не очень-то нужен. И ведь отец предупреждал меня! Надо было слушать его советы.

— Почему бы тебе для начала не послушать меня?

— Вас? — во взгляде Лар-Ральднора сквозило юношеское пренебрежение. — Я больше не знаю, на чьей вы стороне, мой лорд.

— Ни на чьей.

— Однако Кесар заявился к вам в шатер с большим шумом.

— Я не оставил ему другого выбора. И шум он устроил специально для того, чтобы ты и король были в курсе дела.

— Возможно. Прошу простить мою несдержанность — сейчас я слишком злюсь. Но я знаю, что делать. Ральданаш может лишить меня имени, но не крови. Я должен уехать, и я возвращаюсь домой.

— Когда же?

— Завтра, — Лар-Ральднор тяжело вздохнул и заговорил о другом: — Вы даже не попали бы в этот уголок земли, если бы не тот наш давний разговор.

Его взгляд был тверд и чист. Рармон снова почувствовал очарование той далекой ночи Застис. Терраса у дома Яннула, мерцающие светлячки и неясное чувство, которое ушло и больше не вернется…

— Рэм, — обратился к нему Лар-Ральднор, но теперь это была оговорка без всякого сарказма. — Вы понимаете, что именно вы, а не я, воздвигли преграду меж нами? Я пытаюсь услышать вас с самого Амланна. Вам стоило лишь позвать меня. Но вы этого не сделали.

— Но ты никогда не говорил со мной об… об этом. Я был уверен — ты не можешь дать мне то, чего я желаю.

— Этим все не исчерпывается. Есть и другие вещи — но, возможно, они совсем не желанны для вас. Похоже, вас интересует только близость, во время которой не надо смотреть мне в лицо и вообще принимать в расчет. Помнить, что я могу мыслить. Что я живой человек, такой же, как и вы. Я все еще не

забыл, как вы сказали тогда: человека убить легче, чем зверя.

Они застыли, молча глядя друг на друга, пока Лар-Ральднор не повернулся к двери:

— Если отплыть из Зарависса, путь займет целую вечность. Но говорят, что теперь корабли снова заходят в Карит.

15

Ланн под пятой Кармисса так и сверкал оружием, непривычным для этой земли. Проход войск «миссии милосердия» разбил дороги в пыль, из которой дожди с успехом сделали грязь. Главный гарнизон расположился в Амланне, временно заняв крупнейший портовый склад, второе подразделение разбило палаточный городок в королевском парке. Повсюду, в любом хоть сколько-то значимом городе, были размещены кармианские части. Дороги тщательно патрулировались под тем предлогом, что Вольные закорианцы, если им вздумается напасть, могут появиться в любом месте и под любой личиной. В деревнях мужчин грабили, а над женщинами издевались, мотивируя тем, что эти люди якобы поддерживают Вольных закорианцев или просто симпатизируют им. Подобные случаи выявлялись и сурово карались кармианским верховным командованием — если их удавалось доказать, а это случалось весьма редко.

Все корабли, совершающие рейсы между Амланном и другими городами, снабжались военным эскортом, чтобы защитить их от нападения закорианцев. Восточные порты северного Зарависса и даже Оммоса снова были открыты. Из политических соображений кармианские эскортные галеры даже не подходили к Междуземью ближе ограничительной зоны в пять миль.

Однако имелось и другое ограничение. В Ланне был введен комендантский час — по официальной версии, чтобы упорядочить движение и торговлю.

Звук колокола, разносящийся в сумерках, заставлял стыть кровь в жилах Яннула. Когда впервые раздался этот звон, Медаси прибежала к мужу и целый час, как ребенок, рыдала в его объятиях. Этот звук был прекрасно знаком выходцам с Равнин-без-Теней. В городе руин каждый день на закате отзванивали комендантский час Амрека — и после этого звона кулак и сталь на всю ночь вступали в свои права.

Сейчас, в полдень, в старинном зале расписного амланнского дворца, Яннул снова перебирал в памяти опасные эпизоды своей боевой молодости. Его мучили тяжелые предчувствия. С годами он стал тяготеть к мирной жизни и так надеялся найти ее дома...

В зал быстрым шагом вошел его новый хозяин, главнокомандующий армии Кесара в Ланне. Он был полукровкой того типа, который вошел в моду благодаря Ральднору Сариту — смуглый, со светлыми волосами, — и вдобавок носил имя в честь

героя. Однако он предпочитал выставлять на обозрение лишь свои висские черты.

Подали вино и печенье. Они уселись перед окном, из которого открывался роскошный вид на парк: облетающие деревья, промокшие палатки и кармианский взвод, марширующий в грязи.

— Думаю, не надо объяснять, зачем вас попросили сюда явиться, — начал разговор Ральднор эм Иоли.

Яннул вежливо посмотрел на командующего.

— Вы великий ланнский герой, — продолжал эм Иоли. — Нам было непросто разыскать вас, хоть вы и живете совсем близко. Но в конце концов короля убедили раскрыть вашу тайну.

— И как здоровье короля?

— Его врачи уверяют, что лихорадка пошла на убыль.

— Как вы могли заметить, — произнес Яннул, — в отношении к своей королевской семье Ланн — весьма варварская страна. Король и королева имеют для ланнцев особое, мистическое значение. Их внезапная смерть станет... крушением всего.

Ральднор эм Иоли рассмеялся.

— Дорогой Яннул, неужели вы считаете, что мой повелитель Кесар способен отдать приказ об убийстве ваших короля и королевы? Это как-то не пристало благодетелю. Не забывайте, что ваш король сам просил лорда Кесара ввести войска в Ланн.

— О да, — съязвил Яннул. — Наша признательность изливается на вас дождем.

Однако кармианский Ральднор тоже не был лишен остроумия.

— А дождь-то прекратился, — спокойно заметил он, выглянув в окно.

Конечно же, никакого приглашения не было. Приглашением стала сама эта безоружная страна, которую любому хищнику нетрудно было положить под себя. После победоносного морского сражения, достойного войти в историю, кармианские корабли встали на ремонт в ланнском порту, где их приняли с почестями. Уходить они не торопились, ссылаясь на то, что какие-нибудь грабители из Вольного Закориса могут мимоходом заглянуть сюда. Некоторое время спустя небольшая часть войск встала под стенами Амланна и предложила свои услуги королю. Тот отнюдь не страдал излишней наивностью, но кармианцы уже стояли на пороге, и не было способа не пустить их внутрь. Ликующий народ приветствовал их и осыпал цветами. А еще через десять дней тысяча кармианских пехотинцев и четыре сотни кавалерии с колесницами высадились на берег и быстро направились в

столицу. Там на воротах уже стояли свои люди, так что войска беспрепятственно вошли в город. Прошли экстренные переговоры, и за какой-то день Ланн перестал быть Ланном.

Сам Кесар не участвовал в этой высадке — в это время его видели в каком-то другом месте. Вторжение было всего лишь проявлением его доброты.

— Итак, — произнес кармианский Ральднор, — все, что нам от вас нужно, это маленькое представление.

— Увы, я давно уже не акробат.

— Это как сказать, — они обменялись усмешками, после чего эм Иоли продолжил: — У нас возникло небольшое затруднение, и мы не хотим, чтобы положение усугубилось. Ваш король, как только он выздоровеет, должен обратиться к своим подданным. Мы хотим попросить вас о небольшом одолжении: присутствовать рядом с королем и сказать ему несколько ободряющих слов.

— И по какому же поводу я должен его ободрять?

— Вы уважаемый человек, Яннул, — вздохнул Ральднор эм Иоли. — Почти мифическая личность. Вы сведущи в политике. Убедите свой народ. Объясните, что Кармисс — его друг, и покажите, что вы сами верите в это.

— Да, дождь прекратился, — произнес Яннул. — Это несомненно.

Повисла тягостная пауза.

— Подумайте о радостях жизни, уважаемый, — решил зайти с другого конца Ральднор эм Иоли. — Ваша усадьба, ваши угодья. Ваша жена — если я ничего не путаю, она из эманакир. Ваши сыновья. Сокровища. Было бы очень жаль лишиться всего этого...

— Вы угрожаете мне? — перебил его Яннул.

Кармианский Ральднор ничего не ответил.

— Как вы изволили заметить, — снова заговорил Яннул, — я здесь что-то вроде народного героя. Тут уже говорилось о любви ланнцев к королевской семье. Так вот, нечто подобное существует и по отношению ко мне. Уничтожьте меня — и получите большие проблемы повсюду, вплоть до Ланнелира. Кроме того, позвольте напомнить вам, что в нашей стране хватает шансарцев, вардийцев и других народов второго континента. В войне они сохранили нейтралитет по отношению к Ланну, а после нее развернули на нашей земле процветающую торговлю. Думаю, они будут очень недовольны, если вы поставите ее под угрозу.

— Лорд Кесар сам наполовину шансарец.

— Лорд Кесар не склонен вспоминать о шансарской половине своей крови. Но, смею думать, то, что Континент-Побратим не виден с нашей земли, не отменяет его существования.

— Я полагаю, что теперь вы угрожаете нам? — выпрямился

Ральднор.

— Ни в коем случае, — отозвался Яннул. — Я лишь сообщаю, что когда король публично скажет то, что вам угодно, я заявлю о своем несогласии.

Ральднор эм Иоли вернулся в свои хорошо охраняемые дворцовые покои, испытывая легкое раздражение.

По большому счету, такой камень преткновения, как Яннул, не имел особого значения. Но именно здесь и сейчас об этот камешек можно было споткнуться и больно расшибиться. Ральднор намеревался произвести впечатление на Кесара — но отнюдь не ради того, чтобы тот еще раз повысил его в воинском звании. Он не забывал потаенную мысль, посетившую его в истрисском зале Совета: однажды, когда ты станешь бесполезен для него, он оставит гореть и тебя.

Со своим соглашательством Ральднор эм Иоли уже слишком давно следовал к зениту за темной планетой Кесара. Слишком много приложено усилий, и весьма мучительных, чтобы укрепить свою удачу. К тому же он усвоил несколько важных уроков от самого Кесара и, в порядке подстраховки, готовился нанести смелый удар в его же стиле. Когда его послали с миссией в Ланн и Элир, Ральднор решил, что его отсутствием в Кармиссе воспользуются для проведения рутинной, но исчерпывающей проверки. Поэтому он привел все дела в полнейший порядок, а единственную опасную улику забрал с собой. Это было исключительно простое и в то же время гениальное решение.

Такой поворот мыслей принес некоторое облегчение, и проблему Яннула было решено отложить на потом.

Ральднор вышел в закрытый коридор, который привел его в скромную комнату с разбросанными по ней ланнскими подушками. Посреди комнаты сидела сердитая девочка и дразнила котенка калинкса. Ее длинные светлые волосы были убраны лентами, светлая кожа — разрисована изысканным узором, поверх которого сверкали украшения.

— Мелла, если ты будешь дразнить этого кота, он тебя цапнет.

Девочка подняла глаза, и на ее лице появилась недовольная гримаска.

— Как ты смеешь...

— Ты же знаешь, что я забочусь о твоем благополучии.

Мелла оскалилась. Она дернула котенка за хвост и в награду за это получила кучу острых когтей и зубов. Оставив свою жертву визжать над царапинами и укусами, котенок прошмыгнул мимо Ральднора в коридор и выскочил в крошечное окошко,

оставленное открытым специально ради него.

Разъяренное создание зализывало раны. Люди Ральднора знали Меллу как юную любовницу хозяина, которую тот привез из поместья в Иоли. На свой лад она была вполне хорошенькая, хотя грудь у нее была совсем маленькой, а ступни, наоборот, великоваты. Но, в конце концов, Ральднор имел право на собственные вкусы в отношении постели.

— Сколько мы еще пробудем здесь? — капризно спросила Мелла.

— А что, ты скучаешь? Мои нижайшие извинения. Но ты знаешь, зачем я привез тебя сюда. И, надеюсь, понимаешь, как мне приходится крутиться, чтобы усыпить бдительность Кесара.

— Кесар! — голос Меллы стал пронзительным от отвращения.

— Да, что касается бдительности Кесара: тебе следует проявить терпение. Я уже предупреждал — будь поаккуратнее со своей ненавистью к нему.

— А что мне делать с моей ненавистью к тебе?

— С какой стати тебе меня ненавидеть? — спокойно возразил Ральднор. — Я твой спаситель, тебе полагается благодарить меня.

— Благодарить за то, что со мной сделали это? — внезапно расцарапанные руки Меллы рванули лиф платья. Ральднор отвел глаза. Это зрелище до сих пор вызывало у него отвращение, хотя однажды ему довелось путешествовать в Оммос, обитель женоненавистников, где подобное приходилось созерцать с утра до ночи.

— Да, благодарить, — подтвердил он, разглядывая роспись на стене. — Потому что это сохранило тебе жизнь.

— Жизнь — прекрасная штука, — скривилась Мелла с презрением, какое возможно лишь в пятнадцать лет. — Но как насчет моих прав?

— Тише, пожалуйста! Снаружи под окном кармианские часовые.

— Нет, ты скажи! — прошипела Мелла и истерически расхохоталась.

— Объясняю тебе снова и снова: такие вещи, как права, надо заслужить. Но сейчас твоя сдержанность — главный залог твоей безопасности. Или ты хочешь вдобавок лишиться еще и языка?

Мелла побледнела. Слезы хлынули у нее из глаз вместе с краской. Она униженно ползала у ног Ральднора. Чего только не намешано в этом существе!

Медаси вышла из маленького садика. Скупое осеннее солнце играло на ее волосах.

— А по-другому нельзя? — спросила она.

— Думаю, нет.

Она уселась подле мужа, и Яннул взял ее за руку.

— Все это кажется таким странным, — протянула она.

— Прости. Я обещал тебе здесь мирную жизнь...

— А разве она существует хоть где-нибудь?

Какое-то время они еще сидели и беседовали, вспоминая былые времена. Яннул понимал ее тревогу. Ему хотелось крикнуть ей: «Мы пережили многое, значит, можем пережить и это».

Но как же тяжело было уходить отсюда, бросить усадьбу и землю, оставить Ланн! В юности он сделал это без колебаний, веря, что всегда может вернуться. Сражаясь рядом с Ральднором из Сара, Яннул уже не был столь уверен в этом. Но все-таки он выжил и в конце концов вернулся домой через Внутреннее море, да не один, а с золотоволосой девушкой. А дома его ждало потрясение. Старая ферма в холмах стояла пустая, с рухнувшей крышей, и птицы вили гнезда в ее стенах. За колодцем он обнаружил камень над могилой своей матери. Разыскав одну из сестер в другой долине, куда она вышла замуж за чужака, он услышал печальную повесть о тяжелых временах. Две других его сестры умерли, причем одна — родами. Один из братьев отправился наниматься в армию Равнин, но так и не добрался туда, а если даже и добрался, то погиб где-нибудь в Оммосе или Дорфаре — известий от него не было. Скорее всего, в этом стоило винить грабителей или кораблекрушение. Другие братья ушли на север, охотиться и осваивать дикие земли, и больше Яннул с ними не встречался.

Все эти потери оставили шрамы на его сердце. Пока он каждый день подвергался опасности, ему и в голову не приходило усомниться в безопасности своей семьи. Темными холодными ночами его грела память о родных, и Ланн был для него далеким маяком, который никогда не погаснет. Мать, как всегда, с ребенком под сердцем; сестры распевают песенки, толкаясь возле ткацкого станка, или нянчатся с бедными замерзшими птичками; братья хвастаются, что в один прекрасный день будут есть за одним столом с королем в Амланне. Да, Яннул создал прекрасную грезу. Теперь воспоминания об этих наивных картинках разбивали ему сердце.

Утешила его Медаси. Не только словами или прикосновениями — самим своим присутствием. Она давала ему, разом лишившемуся всех родных, ощущение семьи. Прежде Яннул испытывал к Медаси чувственное влечение, ему нравилось быть ее защитником, но лишь в те дни горьких откровений он

начал любить ее по-настоящему.

А затем его земля стала давать первые плоды. Его усадьба среди голубоватых холмов, которые, как годы спустя заметил Рэм, являются фоном для любого ланнского пейзажа, ожила и расцвела. Теперь в их доме рядом с любовью уживался достаток. Вскоре появились и сыновья — жизнь радовала их своими щедрыми дарами.

Когда со стороны Вольного Закориса начала надвигаться тень, они осознавали угрозу — но именно осознавали, а не строили вокруг этого всю свою жизнь. Никакая тень не способна заслонить весь свет разом.

Но кармианское вторжение было совсем иным — оно обрушилось на них подобно снегу среди летнего зноя. Так приходит конец света.

— Басьяр хороший человек, — произнес Яннул. — Наполовину заравиец, финансовый гений и пройдоха, но заслуживающий доверия. Он сохранит хозяйство в лучшем виде, если, конечно, ничего не случится. Если же оправдаются худшие ожидания, он спасет, что сможет, и сбережет до нашего возвращения.

Медаси улыбнулась. Басьяр, управляющий Яннула, всегда оказывал ей знаки внимания на свой заравийский манер. Ей нравился этот добрый человек, опасный лишь для своих врагов.

— Еще одна удача — то, что мы нашли вардийцев, согласных взять нас с собой, — продолжал Яннул. — Кармисс все еще предупредителен с желтоволосыми народами.

Они выработали план отъезда еще вчера, как только Яннул получил приглашение во дворец. Он сразу понял, что это значит, и нисколько не ошибся. Вряд ли светловолосый кармианец промедлит с выводом: если герой Ланна не слушается по-хорошему, пора применять другие рычаги воздействия.

Вардийский караван выходил к югу завтра на рассвете, и Яннул с женой и младшим сыном должны были присоединиться к нему. Медаси была эманакир, мальчик, светлый, хоть и с темными, как у отца, глазами, тоже имел на себе достаточную мету Равнин. По дороге в Ланнелир к ним будут относиться с заботой и уважением. В Элире кармианское владычество все еще было достаточно условным. Если же им удастся добраться до Равнин-без-Теней — они окажутся на территории Междуземья, куда еще не дотянулись жадные руки Кармисса. Пока не дотянулись...

— А если вернется Лар-Ральднор? — вдруг спросила Медаси, когда они уже все обсудили.

— Из последнего письма видно, что в Дорфаре он в полной

безопасности. У короля должно хватить здравого смысла не отпускать его. Ральданаш позаботится о нашем сыне.

— Он может не послушаться короля.

— Он послушается. Лар-Ральднор знает, что мы не пропадем. Он останется там, где есть, и подождет вестей от нас. А мы дадим ему знать, как только доберемся до Равнин.

— Ты прав, — ответила Медаси со вздохом. Она не плакала. Лишь глаза ее кричали, не в силах оторваться от сада, где цвели лилии, а по ночам на кустах пламенели светлячки.

И снова на Яннула нахлынули воспоминания: разрушенный Равнинный город под снегом, кровь и мертвые тела дорфарианцев на его улицах — и эманакир, скользящие мимо, как молчаливые волки с горящими глазами. И еще — дом Йир-Дакана со своими собственными мертвыми, на этот раз оммосцами. Круглый зал и что-то непонятное, неописуемое, наполовину свисающее из чрева-печи Зарока, а чуть в стороне — Медаси, вцепившаяся в стол. Она взглянула на него, вскочила и бросилась к двери, пытаясь сбежать. Когда Яннул схватил ее за плечи, девушка завопила, а затем распростерлась у него на груди. «Зачем, зачем меня заставили его убить?» — кричала она, и ее слезы жгли ему кожу даже сквозь ткань одежды.

Той ночью она спасла его рассудок своим вопросом. А он, вероятно, сделал то же самое с нею.

Однако Яннул знал: даже сейчас, спасаясь от новых притеснителей, она боится возвращаться на Равнины.

Тем временем началось создание ланнской армии.

Любой Вис или достаточно темный полукровка старше двенадцати лет оказывался годным, точнее, уязвимым. Рекрутов заманивали, а где надо, и принуждали.

В Амланне и других городках был объявлен всенародный призыв. Всех подходящих кандидатов обязали явиться на местный вербовочный пункт. Тем, кто не желал подвергать этому себя или своих сыновей и при этом не мог откупиться, наносили визит кармианские солдаты. Три-четыре разнесенных в щепки верстака, упряжка зеебов, изъятая для военных нужд, несколько разбитых пивных бочонков — этого хватило, чтобы преподать урок. Мужчины и юноши потянулись на призывные пункты, где зачислялись в ланнское ополчение. Над каждой из наспех возведенных казарм пылал факел — символ Ланна — под огромной ярко-алой Саламандрой.

Войска Кесара добрались даже до маленьких деревушек, разбросанных по предгорьям. Их они попросту завоевали. Мужчин вытаскивали с полей или из постелей, ударами валили наземь,

вязали и тащили к солдатской жизни. Дома оставались рыдающие женщины и дети, обреченные голодать без кормильцев.

Такие картины можно было наблюдать по всему югу. На севере, по слухам, творились еще худшие дела.

Когда вардийский караван достиг границы с Ланнелиром, он наткнулся на сожженную деревню. На ближайшем холме лежали два трупа женщин, замученных насильниками до смерти. Неподалеку были брошены убитые старики, не представлявшие интереса для призыва. Остальных женщин и домашний скот угнали для прокорма и ублажения доблестных кармианских воинов.

Вардийцы не стали вмешиваться — все равно тут уже ничем не поможешь. Мертвых не поднять, а кармианцев слишком много.

А на заднем плане, окружая Ланн стеной, стояли горы и слепо глядели в небо.

В Ланнелире, в доме наместника Ольма, спала Сафка. Ей снилась Равнинная девочка. Она стояла под окном, и полная луна золотила ее волосы.

«Подойди и посмотри», — сказала она, как всегда, без слов.

Сафка недоверчиво приблизилась к окну. Она даже не надеялась, что когда-нибудь снова увидится с девочкой. Пытаясь разглядеть, где та стоит, Сафка вдруг заметила, что во сне вид за ее окном совсем не такой, как наяву. Она разглядела горы, которые вздымались за городом, а вверх по горам ползла, извиваясь и сверкая, громадная змея. Затем девушка разобрала, что это не змея, а просто потоки света.

— Куда они направляются? — спросила Сафка, и девочка с Равнин объяснила ей.

Сафка снова не поверила.

И тут она увидела, как на вершине горы лунный свет сгустился в ослепительный женский силуэт с хвостом змеи. Непонятно почему, но это очень обрадовало Сафку, и она рассмеялась.

Она проснулась, все еще смеясь. И поняла, что теперь знает имя девочки.

В Ольме было размещено всего пятьдесят солдат короля Кесара. Они заняли два каменных дома, чьи владельцы попросту сбежали. Для себя и приближенных офицеров капитан потребовал квартиры во дворце. Вербовка началась в первое же утро. Наместник сам вышел на рыночную площадь и обратился к жителям Ольма с просьбой о сотрудничестве. Кармисс, говорил он, уже помог Ланну создать собственные силы самообороны, в

которых он так нуждался. Население не противилось. Несколько дней на призывной пункт текла мужская река, в результате чего население Ольма изрядно уменьшилось. Остались лишь те, кто уже совсем ни на что не годился.

Кармианский капитан остался доволен наместником. Помимо всего прочего, он делил ложе с его законной красивой дочерью. Этот человек очень гордился тем, что поднялся до такой высоты из низинных и нездоровых портовых районов Истриса, и не был способен говорить ни о чем, кроме своей карьеры. Законная дочь наместника не возражала — казалось, похвальба любовника даже забавляет ее.

Ялеф, старший сын наместника, сбежал в Элир с шайкой похожих на него друзей и несколькими девушками-акробатками.

Каждый раз, глядя на Саламандру, пламенеющую над воротами дворца, Сафка вспоминала, как прежде злилась на людей из Шансара и Вардата, мечтая, чтобы вернулись времена Висов. Вот они, вернулись! Ее терзали стыд и отвращение.

Тому была и еще одна причина. Ее третий брат имел наглость предложить ее, Сафку, одному из кармианских сержантов на время пребывания в городе. На что тот ответил: «У этой суки нет ни груди, ни зада, одни ноги. Кстати, где я мог видеть ее лицо? Ах да, на горшке без ручек».

Весь вечер она проплакала, мечтая убить этого человека. В конце концов она уснула — и увидела во сне Равнинную девочку, горы, огни и Анакир.

Утром, не имея ни дел, ни планов, она принялась обдумывать свой сон.

Если не считать кармианского вторжения, самой популярной темой в Ольме на тот момент была магия Равнин, толпы в венках из цветов, бродящие по черному городу руин, неземной свет и прочие знамения. Одна такая история, рассказанная торговцем, привела в восторг всю рыночную площадь. Там упоминались волки, бегающие рядом с этими странными людьми, дружелюбные и безопасные, и змеи, обвивающиеся вокруг них вместе с цветочными гирляндами. Сафка припомнила, как вокруг нее самой обвивалась огромная змея, которую дала ей девочка, и затрепетала. Значило ли это, что девочка добралась до Равнин-без-Теней и показывает там свои чудеса? И может ли быть такое, что она, умея передавать мысли и обладая силой, послала Сафке видение?

Но почему? Это было полным безумием.

В конце концов Сафка призвала к себе толковательницу снов, беззубую старуху, которая жила в хижине у городских ворот, так легко распахнувшихся навстречу Кармиссу. Когда-то давно Сафка

уже обращалась к старухе, хотя, будучи по природе скептиком, так и не поверила ей до конца. Однако старая женщина знала все городские сплетни и была весьма умна. Причем, как выяснилось, свой ум она прилагала не только к ремеслу, поскольку до сих пор не привлекла к себе внимания чужеземцев.

Нетрудно было разгадать ту часть сна, где потоки огня поднимались в горы. Даже без объяснений девочки Сафка знала, что наверху, в сердце гор, лежит древнее королевство Зор. Редко кто отваживался добраться туда по узким извилистым тропам, которые зимой становились и вовсе непроходимыми.

Почти безупречное убежище.

Что-то странное начало происходить с Сафкой, словно в ее крови родилась какая-то беззвучная дрожь. Она понятия не имела, что это такое, но вспомнила, что уже ощущала нечто подобное в присутствии девочки с Равнин.

Однако теперь Сафка прислушалась к трепету своей души где-то внутри костей.

И вдруг комната, где она сидела, начала меркнуть и куда-то поплыла. Испугавшись, девушка попыталась вернуть ее на место. Но струна незримой арфы вздрагивала снова и снова...

Снаружи на площади равняли строй новобранцы из Ольма. Если они ошибались, кармианский офицер мог ударить их палкой, словно рабов. А несколько дней назад одного из них с исключительной жестокостью выдрали кнутом.

Этажом ниже ее сестра ворковала, угощая засахаренными фруктами своего кармианского любовника. Две обезьянки из Корла, боявшиеся офицера, верещали в углу.

До Сафки вдруг дошло: она видит и слышит то, что никак не может видеть и слышать, находясь у себя в комнате!

«Ашни», — прошептала она. То было имя девочки. Оно осталось с ней после сна, как и еще что-то, о чем Сафка пока не догадывалась.

Комната снова начала плыть. В приступе странного восторга Сафка отбросила сопротивление и позволила ей истаять.

Женщину под покрывалом, появившуюся у дверей солдатской казармы, тщательно обыскали на предмет оружия. При этом двое часовых развлекались, отпуская сальные шуточки и призывая женщину разделить их удовольствие. Будь сейчас время Застис, она не отделалась бы так легко. Ее закрытое лицо не вызвало у них ни капли интереса, и вряд ли они узнали в ней дочь наместника. Зато предложенные ею деньги были приняты с большой благодарностью. У нее хватило ума оставить дома все украшения, кроме счастливого браслета на левом запястье,

который она никогда не снимала. Но в общем, ее пропустили без всяких проблем. Обычное дело — женщина пришла к своему мужчине.

В низком каменном зале, куда направилась женщина, сидело взаперти около двухсот мужчин — две трети всех рекрутов, набранных в Ольме.

Те из них, кто постарше, были равнодушны, понимая, что для кармианских начальников жестокость всего лишь развлечение. Иные же, совсем молодые, почти дети, чувствовали себя несчастными. Некоторые из них лежали ничком и плакали. Все это была не более чем пища для мечей. Однако в этом мясе имелась и кость — закаленные охотники, погонщики караванов, строители и даже собственная ольмская гвардия. Эти сильные люди день ото дня наливались яростью.

Сафка достала огарок, который разрешили ей пронести часовые, и зажгла его, затем подняла с пола пустой светильник и тоже зажгла.

Мужчины вокруг забеспокоились.

Когда волна стихийного возбуждения докатилась до дальнего конца зала, из-за колонны вышел кармианский офицер — еще один враг, на которого она не рассчитывала. Разумеется, этот полукровка принадлежал к армии Кесара — в Ольме не так уж много людей со светлыми волосами. Этот был как раз светловолосый, что сильно осложняло задачу.

— Что ты тут делаешь? — спросил он, хватая ее за руку.

Сафка, не видя ничего от страха, приподняла свое покрывало и улыбнулась. Свободной рукой она начала вынимать шпильки из прически, освобождая волосы.

— Ваш благородный капитан прислал меня, чтобы скрасить вам ночь.

Голос у нее так дрожал, что было чудо, как он вообще расслышал ее. Даже сейчас Сафка сжалась, боясь, что офицер найдет ее совсем неаппетитной и прогонит. Однако тот лишь проворчал что-то и прижал ее спиной к стене позади колонны.

— Вот и славно. Только зачем тебе свет, безмозглая кобыла?

Он сразу же перешел к делу, запустив руку ей между ног. Сафка собралась с духом и заставила себя сделать то, что должно — воткнула шпильку прямо в ухо мужчине. Воздух с хрипом вырвался у него из груди — приглушенный, но все равно отвратительный звук. Все закончилось очень быстро. Это был прием убийц, о котором она когда-то давно слышала от Ялефа.

Мужчина рухнул на землю, Сафка упала рядом, и ее стошнило. Она корчилась, словно пытаясь извергнуть душу из своего тела. Когда она пришла в себя, один из ланнских рекрутов

поддерживал ее голову. Сафка отшатнулась.

— Мы все видели, госпожа, — произнес солдат. — Неужели наместник послал вас на такой позор — играть шлюху в нашей казарме? Не беспокойтесь, мы скажем, что это наша работа, — раздался гул одобрительных голосов. Она огляделась, прижав покрывало к губам. Вокруг нее толпилось человек тридцать. — Они хотят скормить нас Вольному Закорису. Лучше уж умереть здесь.

Она увидела, что на плечах ланнца пламенеют рубцы от кнута, и поняла, почему он слишком возбужден, чтобы спать, и слишком обижен, чтобы хотеть жить.

Опираясь на колонну, Сафка поднялась на ноги. Ей поднесли воды, и она выпила.

— Умирать незачем, — сказала она. Люди глядели на нее с опаской, уже зная, еще до того, как услышали, чьим посланцем является девушка. — Будь у вас чуть больше мужества, вы могли бы захватить кармианцев врасплох и попросту перерезать их.

— Это не поможет, госпожа. Избавимся от этих — придут другие. Нас затравят собаками, изловят. И убьют наши семьи без всякого милосердия.

— Есть место, где нас не достанут, — проронила Сафка. Мужчины напряглись в ожидании. — Это Зор.

Повисла совершеннейшая тишина. Первым решился заговорить сын купца:

— Это невозможно. Дорога туда слишком трудна. Сколько из нас сможет пережить ее? И что ждет в конце? Руины. К тому же близятся холодные месяцы. Мы замерзнем насмерть и потеряем все.

— Вы и так уже все потеряли, — возразила Сафка, удивляясь самой себе. — Кесар эм Кармисс отнял у нас все. Давайте вернем себе хотя бы свободу. Или вы предпочитаете пасть в бою — с Леопардом Закориса, или с Дорфаром, или еще с кем-нибудь, кого пожелает завоевать Кесар Черный?

Шум вокруг нее усилился.

— Она рисковала жизнью, чтобы высказать нам это, — произнес один из мужчин, снедаемый лихорадочной дрожью.

И тогда Сафка медленно заговорила. Ее голос стал глубже, вызывая трепет не только у окружающих, но и у нее самой:

— У меня было видение. Богиня Анак послала меня к вам.

В этот миг все они принадлежали ей. Мужчины окружали ее, некоторые из них были молоды и благородны. Они смотрели только на нее, и их лица были озарены исходящим от нее светом. Никогда в жизни ни один мужчина не смотрел на нее так.

Кто-то вытащил меч у убитого офицера. Минутой позже на

яростный вопль Сафки в зал ворвались часовые, и девушка испытала сомнительную радость, увидев, как они упали замертво.

Больше не встречая препятствий, ланнцы толпой выбежали из каменного дома. Вновь и вновь сверкали мечи — они убивали любого кармианца, который попадался им на пути. Часть солдат, осознав, куда дует ветер, засела во втором каменном доме, расположенном напротив, и выстроила баррикады. Однако, пока те ланнцы, что были снаружи, методично выносили двери, рекруты внутри второго дома, каким-то таинственным образом узнав о том, что происходит — не исключено, что с помощью мысленной речи, — выбили кармианцев из здания.

«Вот так оно и случилось тогда, на Равнинах», — подумала Сафка, стоя посреди этой ночи, наполненной криками, стонами и пламенем. Но прежде, чем она успела удивиться нелепости своей мысли, уравнявшей ланнцев с эманакир, испачканные кровью люди подхватили ее и понесли на рыночную площадь, озаренную светом факелов. Кто-то ударил в комендантский колокол, и весь Ольм, покинув свои дома, вышел в ночь.

Когда из дворца прибыли остальные кармианцы, их перебили до последнего человека.

Сафку поставили на перевернутую повозку. Ей надо было что-то сказать людям, которые собрались вокруг нее. Она смотрела в испуганные или разъяренные лица тех, кто снова обрел свободу, и думала: «Что я должна говорить?»

Но она уже знала. Сафка простерла руки к толпе и ощутила, как эта ночь, огни и та глубина, что открылась в ней самой, поднимают и влекут ее.

— Анакир, — сказала она, и у толпы вырвался единый вздох. — Анакир пришла к нам, так же, как долгие годы приходит ко всем, кто угнетен. Она в горах — Анакир, черноволосая змеиная богиня Ланна.

Не прошло и пяти дней, как они собрались и выступили в путь. Люди и провиант прибывали из окрестных деревень, тех самых, что казались вымершими с начала кармианского вторжения. Большая часть горожан тоже двинулась в горы. Удалось даже отыскать девушку из Зора, танцовщицу со змеей, чтобы она стала их проводником.

Тем, кто не решился уйти, нанесли легкие раны, чтобы помочь им оправдаться перед кармианцами. Одним из этих людей был наместник. Даже когда Ольм опустел в результате мятежа горожан, он продолжал писать донесения в ставку Кесара в Амланне. Делал он это левой рукой, ибо на правой была повязка. Он специально попросил ланнца с мечом не жалеть его и резать

глубже. Теперь рана отлично загноилась, а значит, наместника никто не посмеет обвинить.

Дороги, ведущие к подножию гор, были ровными и отлогими. Даже дождь поначалу приутих. Двигаясь к Зору, Свободные ланнцы собирали поздние цветы, плели венки и время от времени пели песни.

Когда вардийский караван остановился в холмах на ночлег, дождь вернулся опять, за что никто в Ланне не был ему благодарен. К нему добавился холодный ветер. Лето кончилось — вместе с миром.

Все уже слышали о волнениях в Ольме. Прямо перед закатом их обогнал отряд кармианских солдат, которые направлялись как раз в ту сторону, бряцая доспехами и оружием. Из осторожности караван исключил Ольм из числа возможных стоянок.

Ночь стояла отвратительная.

Свалив в одном углу фургона свои нехитрые пожитки, Яннул сидел и наблюдал за Медаси, которая, взяв тоненькую костяную иголку, вышивала бисером. Их младший сын сидел под навесом у огня и играл в кости с вардийским мальчишкой.

Вдруг раздался цокот еще чьих-то копыт. Трое всадников приблизились к лагерю, эффектно выхваченные светом костра из косых штрихов дождя.

На миг Яннулу показалось, что это преследователи из Кармисса, и рука его потянулась к ножу. Затем они услышали мужской голос:

— Мы не причиним вам вреда. У меня сообщение для ланнцев, если они тут есть, — он выждал и, не увидев никаких ланнцев, все же продолжил свою речь: — Сообщение таково: часть Ланна остается свободной. Тех, кто желает присоединиться к Свободному Ланну, мы ждем в миле к востоку отсюда, у скалы с четырьмя деревьями, в течение одного часа. Предупреждаю — мы ждем только друзей. А это, — человек вытянул из ножен меч, блеснувший под дождем, — ждет кармианских тирров и иных предателей!

Снова зацокали копыта зеебов — всадники удалились, оставив вардийцев обсуждать происшествие. Сын Яннула подбежал к фургону от костра.

— Это был кармианский клинок, — заметил Яннул. — А на нем самом — кармианская кольчуга.

— И что это значит? — спросила Медаси.

— Не знаю. Похоже на небольшое восстание. Помнишь, что говорили про Ольм?

Она посмотрела на мужа. В ее прекрасных глазах отражались

пламя костра и дождь.

— Что ж, иди и взгляни, — сказала она.

Мысленная речь между ними была довольно редкой и всегда удивляла Яннула, но сейчас Медаси явно прочла его мысли. Он поцеловал ее и ушел, оставив их с сыном под охраной вардийцев.

Пустившись вдогонку за тремя ланнцами, он нагнал их в четверти мили от лагеря. Мечи наготове, лица хмурые. Горько усмехнувшись, Яннул направился к ним с мыслью: «Вот и опять вернулись времена Ральднора».

— Стой! Кто ты?

— Меня зовут Яннул. Я ланнец, как и вы.

Они переглянулись.

— Возраст вроде подходит, — сказал один из них с сомнением. — И волосы длинные. Говорят, он носит длинные волосы. Но ведь он должен быть в Дорфаре.

— Не будь дураком! — возразил другой. — Конечно же, это он. В Застис я видел в Ольме его сына и разговаривал с ним. Это Яннул.

Они обступили Яннула и засыпали его вопросами.

— Да, — ответил он. — Я сражался вместе с Ральднором, сыном Редона.

Трое, натянутые, как струны, разглядывали Яннула сквозь пелену непрекращающегося ночного дождя, словно все еще не веря.

— Теперь я хочу услышать вашу историю, — добавил Яннул.

Они укрылись от дождя под выступом скалы. Яннул слушал их рассказ о том, что случилось в Ольме на самом деле — о знатной девушке, которая оказалась жрицей, потому что Анакир послала ей вещий сон. Они шли в Зор. Большая часть народу уже ждала в предгорьях, но ольмские всадники все еще разъезжали по деревням, призывая людей следовать за ними.

Их пыл в какой-то момент увлек Яннула, но затем искра в его душе снова погасла. Ланнцы уговаривали его поддержать их начинание, укрепив его своим авторитетом. Но Яннул думал: «Все это уже было в моей жизни — герои, чудеса... Сейчас я хочу только тепла, безопасности для моей семьи и покоя».

— Скажите, — спросил один из всадников, — а ваша женщина... ваша жена — она из эманакир?

Яннул ответил что-то, что почти сразу же вылетело у него из головы, но изрядно поубавило их горячность. Он объяснил, что желает их делу всего самого наилучшего, но сам отправится в Междуземье.

— Он нужен Ральданашу, — пробормотал кто-то из них. — Там ведь с одной стороны — Черный Леопард Вольного Закориса,

а с другой — эта проклятая Саламандра.

Последовал прощальный обмен любезностями. Вскоре Яннул уже ехал назад, к вардийским фургонам.

Медаси тоже переместилась под навес у костра, к сыну, темные глаза которого так и сияли. Кивнув им, Яннул уселся перед огнем и начал пересказывать то, что ему удалось узнать, а также то, что он думает по этому поводу. Никто из вардийцев не подходил, чтобы не мешать их разговору. Торговцы были любопытны, но отнюдь не стремились узнать что-то лишнее — это вполне может не довести до добра.

— Там чуть больше тысячи человек, и я уверен, что по большей части женщины и дети. Если снег выпадет рано и застанет их в горах, они просто погибнут. Это, конечно, более возвышенно, чем смерть за Кармисс. Но все равно это смерть.

— Но, Яннул... — вздохнула Медаси. — Как же твоя страна?

— Моя страна — вот это все. А не глупое мятежное бегство в скалы.

— Твоя страна — это все, что ты есть. Это почти твоя душа, Яннул.

— О да. Именно поэтому я покидаю ее. И поэтому сражался с Ральднором за твой народ, раз уж мой собственный не желал обнажать меч.

— И так же, как твоя душа, она повсюду с тобой, — продолжала Медаси. — Куда бы ты ни поехал, где бы ты ни сражался.

— Тогда она пребудет со мной и на Равнинах. Или в Зарависсе, или еще где-нибудь.

— Нет, — возразила она. — В тот день, когда в Амланне ударил комендантский колокол, ты обнял меня и сказал: «Ланн перестал быть Ланном».

Яннул отвел взгляд. Слезы застилали ему глаза.

— Но сердце Ланна осталось свободным, — произнесла Медаси, и что-то в ее тоне заставило снова взглянуть на нее. — А вот у нас нет своей земли. Мы — эманакир, люди Равнин — раса, живущая на чужой земле, на земле Висов. Нам негде пустить корни, у нас нет воплощения нашей души. Ничего, кроме скитающегося духа народа и звезды богини.

Яннул ждал, затаив дыхание. Она никогда не говорила с ним так — за все эти годы, в которые он был рядом с ней, ложился с ней, видел, как она носит и нянчит его сыновей... любил ее...

— Но ты сделал мой народ своим, Яннул, — продолжала Медаси. — Ты сделал меня своей сестрой и женой. И потому твоя земля стала моей, — она перешла на шепот: — Зор, Свободный Ланн, горы... Давай пойдем с ними!

Она снова выглядела, как девушка — не старше, чем в тот день, когда Яннул впервые увидел ее в доме Йир-Дакана. Он все еще ошарашенно смотрел на свою жену, когда услышал голос сына:

— Если Анакир позвала их, она не даст им пропасть. Разве ты не понимаешь, отец?

— Да, — тихо сказал Яннул. — Кажется, понимаю.

Остаток ночи и весь следующий день они провели в пути. Яннул выбирал дороги и тропинки, все время забирая наверх, к предгорьям. Местами они ехали на зеебах, но кое-где приходилось спешиваться и вести животных в поводу. Он не знал здешних мест, но опыт скитаний юности научил его запоминать и никогда не забывать новую дорогу.

Из своей поклажи они оставили только самое ценное или то, что было дорого сердцу. Остальное пришлось бросить, как и при отъезде из усадьбы. Кое-что удалось продать, чтобы купить еды в дорогу. Некоторые вардийцы из каравана подумывали отправиться с ними, но товарищи их отговорили. Провожали Яннула очень тепло, желая ему успехов. «Ашкар да пребудет с вами!» — произнес кто-то им вслед. Выучив язык второго континента во время пребывания в тех местах, Яннул мог поговорить с любым из каравана на его родном наречии и за это пользовался особенным уважением.

На вторую ночь они нагнали трех ланнцев, которые приезжали в их лагерь. Те устроили стоянку в высокой горной пещере. Их миссия оказалась не бесплодной: к ним присоединились пять-шесть деревенских мужчин, семь женщин и ужасно вздорная свинья. Все, кроме свиньи, сердечно встретили семью Яннула и не стали доискиваться до причин их решения.

С рассветом они снова вышли в путь. Осенняя погода — дождь и порывистый ветер — затрудняла продвижение, но была надежда, что в той же мере она помешает и их преследователям. А то, что кармианцы уже идут по их следу, было весьма вероятно.

На рыночной площади наместника Ольма раздели до нижнего белья и отвесили ему четыре удара розгой. Прямо скажем, это не улучшило его характера.

Вскоре показался первый горный склон. Иссиня-серый, похожий на шкуру окаменевшего древнего чудовища, он устрашающе протянулся перед путниками. За ним вставали другие горы, стеной перегораживая небо.

Им удалось разыскать тропинку, такую же старую, как сами холмы, местами заваленную обломками валунов. Выше тропинка

переходила в тот самый легендарный путь в Зор: природа сама прорезала сотни футов в камне, людям пришлось лишь чуть подравнять ее творение. Дорогой пользовались зорцы, хоть и редко — маги, бродячие торговцы, танцовщицы со змеями и сами змеи.

Люди и зеебы бились целый день, чтобы одолеть этот первый подъем. Свинья отказалась карабкаться наверх, и после долгих споров деревенские женщины решили отпустить ее на волю. Яростно хрюкая и визжа, она припустила по осыпающемуся склону.

На закате путники достигли перевала. Дождь, видимо, решил немного передохнуть. Багровое сверкающее светило опускалось за перевал, озаряя новые вершины впереди. Когда же солнце ушло, отсветы его еще долго горели на верхушках скал.

Наконец они ступили на нижнюю дорогу, которая привела их в лагерь Свободного Ланна.

Во время первой встречи с героем Яннулом Сафка очень нервничала, а потому вела себя несколько вызывающе. На миг ее даже посетила недостойная ревность — до этого она была для своих людей предводителем и талисманом в одном лице. Она пыталась бороться с собой. Порой ей казалось, что внутри нее бесконечно ссорятся два разных человека. Но в конце концов Сафка научилась урезонивать и утихомиривать свою вторую половину.

Надо отдать должное, Яннул и впрямь был впечатляющей личностью. Его жена-эманакир очень понравилась беженцам из Ольма и сразу завоевала их глубокое уважение. С этим Сафке было легче смириться — Медаси чем-то напоминала ей пропавшую девочку, хотя если не считать цвета кожи, глаз и волос, они были очень разные. Дочь наместника никому не рассказывала о той, чье имя было Ашни. Ей казалось, что для этого еще не пришло время.

— Вы столько сделали и столь многим рискнули лишь из-за своего сна? — спросил у нее Яннул почти сразу же после того, как их представили друг другу.

— А разве вы поступали не так же, лорд Яннул? — парировала Сафка, с вызовом глянув ему в лицо поверх костра.

Тот не ответил на вызов — отвел глаза. Он выглядел усталым и побитым жизнью под своим внешним великолепием.

— Похоже, что я не меняю своих привычек, — сказал он с усмешкой.

Яннул ощущал смутное беспокойство в присутствии этой женщины, какое-то непонятное противостояние с ней, хотя не мог

объяснить, в чем тут дело. Она выглядела вполне искренней и глубоко взволнованной, воздавая ему так много почестей, что в ответ он мог лишь улыбаться.

— Мы привыкли, что Анак — богиня мира, — сказал Яннул чуть позже, свернувшись рядом с Медаси под самодельным навесом. — Но в последнее время она сделалась воинственной. Теперь она учит женщин, как использовать для убийства шпильки и ножи.

Он почувствовал, как передернулась Медаси, и пожалел о сказанном. Ему очень не хотелось, чтобы ее беспокоили призраки с Равнин-без-Теней. А то, что творилось сейчас, до дрожи напоминало тогдашние события. Жители Ольма тоже вырезали свой оккупационный гарнизон и теперь искали убежища в разрушенном городе...

— Это толкование Сафки, — отозвалась Медаси. — И оно как две капли воды похоже на то, что когда-то предложил нам Ральднор. Ответить силой на силу. Может быть, мы не правы. Наверное, Анакир показывает нам и другой путь, но мы его не видим.

Медаси умолкла, и Яннул подумал, что она заснула, но спустя какое-то время вдруг снова послышался ее голос:

— Знаешь, когда-то моя бабушка рассказывала мне одну историю. О том, почему богиню изображают с восемью руками, хотя на самом деле их у нее всего две.

— Я слышал, что это по аналогии с пауками, — ответил он. — Восьмирукая, потому что самка паука сильнее самца.

— Да нет же! — чуть рассмеялась Медаси, и ее смех порадовал Яннула. — А история такова. Как-то один простак случайно забрел в священную рощу и столкнулся там с Анакир. По простоте своей он не испугался, да и богиня была добра к нему. Они разговорились, и он спросил: почему у Ее статуй восемь рук. Он же видит своими глазами — у нее две руки, как и у всех. И Анакир ответила: «Это потому, что невинность способна смотреть на Меня только так. А статуи ваяют те люди, которые видят Меня не глазами». Простак извинился и попросил объяснить еще раз — он не понял. Богиня ответила: «Ты никогда не поймешь Моих слов. Но мне хватает и того, что ты просто знаешь Меня».

Яннул долго лежал, обнимая жену и вслушиваясь в тихие звуки засыпающего лагеря. Ее рассказ распускался у него в душе теплым цветком. И снова он услышал, как, засыпая, она пробормотала «Лар-Ральднор». Но вскоре он тоже уснул и все позабыл.

Они шли уже пять дней, обходя огромные валуны, протискиваясь в узкие щели, карабкаясь на высокие скальные кручи, понукая и уговаривая своих зеебов и прочий домашний скот. Наконец они вышли на открытую каменную платформу, с которой можно было обозреть уже проделанный ими многотрудный путь. Этот день оказался несчастливым для беженцев. На одном из участков пути каменная осыпь, которую им пришлось преодолевать, подалась под ногами, и один из мужчин свалился в ущелье. Зеебы, которых он держал, получили свободу, и вслед за ним полетела повозка с мукой и вяленым мясом. Им стоило большого труда сдержать крики отчаяния. Жена погибшего несколько миль оглашала ущелье жалобными причитаниями, пока Сафка на своих отекших ногах не вернулась к ней и не попросила горевать немного потише.

Когда в сумерках разожгли костры, несколько ольмийцев снова подошли к краю платформы, чтобы осмотреться. Отсюда был виден даже самый первый склон, который им пришлось преодолевать. Но, кроме этого, они различили вдали множество огней лагеря, разбитого внизу у входа на горную дорогу.

— Кармианцы, — озвучил очевидное Яннул.

— Они отстают от нас дней на пять, — прикинул ланнец, который прежде был офицером стражи ольмского дворца, а теперь считался капитаном в их невоенном походе.

— Да, но им легче двигаться, — возразил Яннул. — У нас женщины, дети, животные и поклажа. И еще... мне довелось иметь дело с человеком, который служил у Кесара эм Кармисса. Он рассказывал не так уж много, но его реакции говорили сами за себя. В общем, будь я солдатом Кесара, я просто не посмел бы подвести своего повелителя.

За два часа до рассвета они подбили итоги.

Яннул переговорил с зорской девушкой-проводником. Это было странное создание, с черными волосами, извивающимися, как плети — или как змеи, да и в движениях ее было нечто змеиное. Из суеверного страха — говорили, что из храмов Истриса давно исчезли змеиные гнезда — кармианцы изрубили на куски ее любимую змею в Ольме. До сих пор было очень мало известно об отношениях зорской танцовщицы с ее партнером-змеей, но, скорее всего, это было то, что в ученых книгах именуется духовным родством. Змея могла быть для нее членом семьи, практически другом. Так или иначе, девушку переполняло горе и молчаливая ярость, что отнюдь не делало проще общение с ней. Говорила она на языке Висов, но то ли на весьма архаичном, то ли на независимо развившемся диалекте. Ее акцент был более приятен для слуха, чем придыхательное бормотание оммосцев,

элисаарцев, или, того хуже, закорианцев, вечно глотающих гласные, но едва ли не сильнее затруднял понимание. Положение усугублялось еще и тем, что сама девушка никогда не бывала на своей родной земле. Ее мать родила девочку в Ланне и, когда она подросла, обучила танцу со змеей. Так что Вашту (так ее звали) хоть и знала умозрительно, как пройти в Зор, но сама прежде не ходила этой дорогой.

— Верхний туннель... Ты помнишь, Вашту, сколько до него осталось?

— Десять дней и еще десять дней, — отозвалась девушка. Или ему только послышалось?

— И как мы найдем его?

— Пещера. Сквозь всю гору.

Снова пошел дождь, затем перешел в град. Льдинки мелькали в воздухе, как стремительные кинжалы, и так же больно секли. Там, где градины ударялись о камень, рождались маленькие мертвенно-бледные вспышки. Теперь склоны отвесными стенами поднимались по обеим сторонам прохода. Время от времени сверху падали камни, награждая людей ссадинами и вызывая сильнейшую панику.

Все понимали, что кармианцы висят у них на хвосте. Они гнали их, как добычу. Правда, оба отряда не видели друг друга — извилистый путь мешал обзору.

Хотя теперь люди шли почти без остановок и отдыха, они понимали, что оторваться от погони им не удается.

Ланнский офицер собрал пятьдесят человек, чтобы перекрыть дорогу, в надежде задержать, а если повезет, то и уничтожить преследователей. Они обратились к Яннулу, который дипломатично привлек к обсуждению Сафку.

— Мы видели кармианские костры, — сообщил ей Яннул. — Но это лишь то, что мы смогли разглядеть. Пятьдесят человек способны удерживать проход не более пятнадцати минут. Надо сразу приготовиться к тому, что нас станет на пятьдесят человек меньше.

Сафка посоветовалась с Яннулом и, ссылаясь на его авторитет, приняла решение отказаться от этого опасного деяния.

На двадцать третий день похода люди были измучены, многие больны, и почти все — во власти уныния. Вдобавок снова пошел град, который нещадно колотил по лицам и спинам. И никаких признаков обещанной Вашту пещеры. Только скалы по обе стороны дороги да вдалеке — мрачные пики, больше не отливающие синевой. Но хуже всего было ощущение травли, сознание, что люди Кесара — за их спинами.

На двадцать четвертый день, вскоре после рассвета, перед

ними выросла новая гора, стоящая прямо у них на пути. Оползень, очевидно, вызванный снегопадом, случился здесь около года назад. Эту громаду невозможно было ни обойти, не преодолеть. Единственное, на что она могла сгодиться — стать опорой для их спин, когда они встретятся лицом к лицу с кармианцами.

— Мне снился сон, — сказал сын Яннула. — Я видел другую сторону горы — там, за ней, огромная долина. Наверное, это Зор. Думаю, мой сон значит, что мы найдем проход.

Яннул ничего не ответил. Единственное, что он мог сказать: «Мой сын, ближе к Зору ты уже не подойдешь». Сейчас его занимали совсем другие мысли. Он хотел знать, сможет ли в случае крайней опасности сам убить жену и сына, чтобы спасти их от кармианского надругательства. Конечно, слышать о таком приходилось нечасто (Вольные закорианцы не в счет), да и женщина-эманакир в принципе священна. Но очень может быть, что сейчас, когда кармианцы не намерены оставлять живых свидетелей, об этой святости никто не вспомнит. Как известно, Кесар изгнал Ашару-Анак из храмов Истриса. К тому же Яннул припомнил сожженную деревню, мимо которой шел их караван. Нет, эманакир не будут здесь священными.

Но убить ее, убить мальчика... при одной мысли об этом горло Яннула сводило судорогой. Он не знал, что делать, а потому продолжал молча слушать.

— Еще там есть город, виднеется вдалеке. Он очень большой, но совсем заброшенный. Из черного камня, как на Равнинах. Ты говорил, что степные города черные, да, отец?

— Говорил, — кивнул Яннул.

— Но сама долина плодородная. Там растут фрукты, я видел овец и оринксов. И реку.

— Говорят, покинутый город похож на сломанный меч, — вмешался ольмский офицер. Яннул и не заметил, как тот подошел. — Будто бы он портится, ржавеет вдалеке от всех. Но тот город не такой. Я чувствовал — он жив. Там был свет. Ты тоже видел свет?

— Да, — ответил сын Яннула. — Когда темнеет, в руинах видно какое-то пламя.

— Тогда это город огня, а не ржавчины, — произнес еще кто-то.

Яннул почувствовал, как у него внутри что-то сжалось.

— Вы хотите сказать, что оба видели тот же сон, что и мой сын?

— Может быть. А вы, лорд Яннул?

Он помедлил с ответом. На дне его сознания шевельнулось нечто. Да, он видел сон, но решил, что это известный ему город на Равнинах — правда, очень удивлялся тому, что долину пересекает река...

В сотне шагов от них стояли Медаси и Сафка. Позади них вдоль дороги, от нижнего ее конца, бежал человек. Яннул поспешил к нему.

— Мой зееб пал замертво... Мне пришлось бежать несколько миль, — еле выговорил тот, задыхаясь. — Они уже совсем близко. Сто человек или даже больше. Они увидели моего товарища и пронзили его копьем. Меня не заметили, но это уже неважно... Госпожа, это снилось мне всю прошлую ночь, пока я трясся в седле. Я видел долину. Но мы никогда не попадем туда.

По толпе пронесся вздох. Оказалось, что все видели один и тот же сон, но обнаружилось это только сейчас. Ланнцы не способны воспринимать мысленную речь. Такая же всеобъемлющая связь умов была вообще запредельной и, стало быть, магической. А значит, на каком-то немыслимом уровне — допустимой и принятой.

Сафка взобралась на обломок скалы. Стоя на возвышении, она вскинула руки.

Яннул глядел на нее, не отрываясь. Одна часть его души, философская, благоговейно трепетала, в то время как простая человеческая была очень смущена.

Когда Сафки коснулась благодать богини, и она, по сути, стала ее жрицей, эта совсем не красивая женщина совершенно изменилась. Словно где-то внутри нее — в ее теле, за ее лицом — взошло солнце и пробивалось сквозь нее наружу. Именно так думали люди, глядя на Сафку в ту ночь, когда убивали кармианцев в Ольме. Преображенная.

Внезапно Яннул услышал внутри себя голос женщины из прошлого: «Никто из нас не сможет причинить ему зло. Он принадлежит богам, а боги защищают своих». Эти слова относились к Ральднору. К Ральднору, вышедшему из леса на втором континенте, отмеченному Анакир.

Сафка начала что-то выкрикивать. Она говорила людям, что богиня рядом и спасет их. Внезапно погода улучшилась, ветер утих. Теперь Сафку было хорошо видно и слышно. Она не впадала в транс, не закатывала глаза, не дергалась, пуская слюни и завывая. Она по-прежнему имела полную власть над собой, но интуитивно организовывала себя так, чтобы чудесная энергия могла беспрепятственно идти сквозь нее к людям.

Это была не ее сила. Кто-то направил ее на Сафку. Или подарил...

Она была очень похожа на ту, что исходила от Ральднора. Он вполне мог передать ее сыновьям… Однако Рэм тоже был сыном Ральднора. Его аура была потрясающей, царственной, но почти совершенно человеческой. Он не умел ничего запредельного или ничем не выказывал, что умеет. Ральданаш, которого Яннул запомнил совсем мальчишкой, пожалуй, имел больше сходства с отцом, но был холоден, как остывшие угли. Ральднор, даже ставший богом, никогда не был таким.

Яннул любил Ральднора, как брата, даже сильнее, чем своих братьев по крови. И эта любовь никуда не делась, хотя Ральднор ушел из их жизни еще поколение назад.

Но что толку сейчас думать об этом?

Сафка тем временем продолжала говорить с возбужденными, наэлектризованными ольмийцами. Но Яннул больше не слушал ее, ибо услышал нечто иное. Что-то беззвучное.

Он уже слышал такое прежде — на Равнинах под Корамвисом, в ночь перед последней битвой. Какая-то безмолвная дрожь воздуха и земли, повсюду…

Сила.

Внезапно он снова ощутил себя молодым — как тогда, и, как тогда, был напуган, но теперь каким-то новым страхом. Яннул твердо знал, не умея объяснить, почему — что-то вот-вот случится. Энергия, сила… и смерть. Возможно — горный обвал, который погребет под собой кармианских солдат, преследующих беженцев лишь потому, что им отдали такой приказ. Возмездие падет на их головы, ибо они трусы, а малодушие всегда порождает зло.

Яннул полуобернулся. Теперь все люди стояли так, чтобы видеть нижний конец дороги, откуда должны были появиться кармианцы.

Он бросил взгляд на сына. Юное открытое лицо было полно какой-то дикой силы — лицо мужчины, нет, лик демона. Яннулу хотелось кричать. С чем бы они ни столкнулись, это не несло им ответа. Встретить меч мечом, упредить смерть иной смертью… Они убили Корамвис, сломили мощь Виса и изменили мир. И что принес этот новый мир? Еще больше убийств, еще больше боли — до бесконечности. Огненный круг…

— Нет, — услышал он голос. Чей на этот раз? Рука, стиснувшая его ладонь, была тверда и прохладна. — В степном городе Ральднор заставил нас убивать. Я помню это слишком хорошо. Каждую ночь во сне я переживаю это снова и снова. Но сейчас все будет иначе.

Медаси. Теперь Яннул чувствовал себя маленьким ребенком и вцепился в ее руку, словно в материнскую.

Снова поднялся ветер.

И вот из-за плавного поворота горной дороги показались вражеские солдаты.

Кармианцы проделали тот же нелегкий путь наверх, но у них обошлось без потерь. Они знали, что от них ждут осмотрительности.

Их капитан, не так давно назначенный на эту должность лично Кесаром, все еще находился под впечатлением встречи с королем и сумел заразить солдат своим воодушевлением. Согласно его плану никто из мужчин Ольма не должен был остаться в живых. Женщин предполагалось отправить рабынями в Кармисс или использовать тем же способом на месте для нужд оккупационной армии.

Выехав из-за поворота, капитан увидел людей, сгрудившихся впереди. Они стояли, чуть ли не вжавшись спиной в стену. Капитан придержал зеeба, решив подождать, пока подтянутся остальные солдаты. Отсюда будет удобно командовать копьеметателями. А сейчас можно присмотреться к бунтовщикам и произвести отбор, пока основные силы не приступили к расправе.

Но прежде, чем все это начало выполняться, капитан заметил мужчину, стоящего на дороге как раз между солдатами и беженцами.

Странно, но не было похоже, что он вышел из рядов восставших. И конечно, он никак не смог бы незаметно вскарабкаться по склону. Может, вылез из какой-то пещеры?

Капитан поднял руку, останавливая строй. Похоже, назревала проблема. Мужчина был полу-Висом, с очень темной кожей, однако роскошная грива его волос казалась серебристо-белой, а светлые глаза даже с такого расстояния сверкали, как бриллианты.

За спиной у себя капитан уловил приглушенные возгласы и проклятия, ему даже почудилась испуганная молитва. Впрочем, его собственной спине тоже стало холодно, и он не сразу понял, почему, пока не разглядел на мужчине драконью кольчугу старого Корамвиса. Он был высок, этот мужчина, и выглядел, словно король, но лицо — лицо его было ликом божества.

Некоторые из солдат упали на колени. Зеебы испугано ржали, офицеры выкрикивали какие-то приказы, но голоса их срывались от страха.

Перед ними на дороге стоял Ральднор эм Анакир.

Капитан пытался совладать с собой. Надо было срочно что-то делать — но что?

Затем все окончательно вышло из его власти.

Воздух за спиной героя-бога наполнился огненным сиянием. Мир вокруг постепенно померк, осталось одно это сияние, достающее до неба. Оно сложилось в силуэт, который нельзя было спутать ни с чем — змеехвостая богиня, Ашара-Ашкар-Анакир, Повелительница Змей.

Крики стихли. Кармианцы смотрели на нее, застыв в безмолвии и неподвижности. Капитан пребывал в том же странном оцепенении. Страха он не ощущал. Он чувствовал ужас, переходящий в экстаз.

Гигантское видение не полностью уплотнилось, оставшись полупрозрачным. Но все же можно было разглядеть, что богиня выглядит не совсем так, как доводилось раньше слышать солдатам. Ее волосы были черными, а кожа — темной бронзой Ланна. Ее хвост, черно-чешуйчатый с золотыми отметинами вдоль всех колец, мерцал и шевелился. Лишь глаза, взирающие на солдат откуда-то из поднебесья, были янтарными, как положено.

В них не было проклятия. Скорее они направляли кармианцев.

И вдруг все стало легко и просто. Они развернулись, переседлали присмиревших зеебов и двинулись обратно.

Где-то мили три кармианцы возвращались назад по своему прежнему пути, пребывая в покое и умиротворении. Лишь потом капитан, ехавший последним, не без усилия пришел в себя...

...только для того, чтобы услышать грохочущий звук обвала. Каменная масса обрушилась на дорогу, надежно отрезав восставших от их гонителей.

16

Когда от колоннады отделилась какая-то фигура и бросилась к нему, Рармон отреагировал быстрее, чем его телохранитель. Однако незнакомец с поклоном упал на одно колено — знак почтения в висском Кармиссе.

Подошел телохранитель Рармона, держа руку на эфесе меча.

— Встань, — он слегка подтолкнул коленопреклоненного человека.

— Только когда мне велит лорд Рармон.

Телохранитель вопросительно глянул на хозяина.

— Вставай, — приказал тот. — И объясни, что тебе надо.

Мужчина поднялся. Он был Висом, причем очень темным. Даже более того. Хотя он говорил без акцента, весь его облик выдавал закорианское происхождение.

— Мой лорд, я хотел бы сказать вам несколько слов наедине.

Рармон возвращался с тренировки через главный двор перед дворцом Анкиры. Это было весьма оживленное место, где пересекалась большая часть дворцовых путей. К тому же фонтан, увитый диким виноградом, всегда привлекал толпы знатных бездельников. Более неподходящего места для беседы наедине невозможно было представить. Даже не оглядываясь, Рармон был уверен, что на них уже обратили внимание все, кто только мог.

Он велел телохранителю отойти в сторону и обратился к незнакомцу:

— Из какого ты народа?

— О да, лорд принц, во мне есть закорианская кровь. Но наполовину я дорфарианец. Я занимаюсь тем, что прощупываю военных советников Повелителя Гроз. Платный поставщик сведений, но работаю против Йила.

— Иными словами, перебежчик.

— Нет, лорд принц. Я родился в Вардийском Закорисе. Мой король, Сорм Вардийский — союзник Дорфара, и я служу Дорфару.

— Кто послал тебя ко мне?

— Тот, кого вы предали, лорд принц.

— Интересно, кто бы это мог быть? — Рармон внимательно глянул на собеседника. Тот на мгновение отвел взгляд, но тут же снова посмотрел ему в глаза.

— Могущественный повелитель, по-прежнему помнящий вам цену, хотя вы и забыли его щедрость.

— Все понятно. Вардийский закорианец, помогающий Дорфару и представляющий Кесара эм Кармисса. Ты сам не

путаешься во всем этом?

— Мой лорд, я передаю сообщения тех, кто мне платит.

— И какое сообщение ты приготовил для меня?

— Пока никакого. Я здесь, чтобы спросить вас: не будете ли вы так любезны принять вестника от лорда Кесара?

— Он прекрасно знает, что нет. Я уже говорил ему. После чего возникает вопрос: зачем он вообще тебя прислал? Не для того ли, чтобы мой сводный брат увидел, как я беседую с закорианским шпионом?

Темнокожий Вис очень осторожно отступил на шаг.

— Стоять! — приказал Рармон. Тот остановился. — Поскольку слухи об этом эпизоде немедленно пойдут по всему дворцу, я обязан позаботиться о чистоте своей репутации. Иди за возмещением к Кесару, если останешься без пары зубов, — развернувшись с кошачьим проворством, он от души заехал незнакомцу в челюсть и, возвысив голос, объявил на весь двор: — Вот все, что найдется у меня для Закориса.

Не оглядываясь, Рармон продолжил путь к колоннаде и далее — в свои покои.

Венкрек, подозрительный, как и положено хорошему лорду-правителю, мог заранее подготовить этого человека. Всесторонняя проверка — нынешняя верность Дорфару, былая верность Кармиссу. Очень хотелось верить, что это всего-навсего проверка, а не начало дискредитации.

Обсуждение будущей войны длилось весь этот месяц. Кесар, захвативший Ланн и Элир, получил весьма выгодные предложения, но отвечать на них не спешил, отделываясь вежливыми, ничего не значащими посланиями. Создавалось впечатление, что по каким-то причинам он решил отказаться от предлагаемого союза. Дорфару, который уже почти успокоился в отношении своих восточных границ, теперь снова приходилось заниматься этим вопросом. Таким образом, ни переговоры, ни военное искусство не дали никаких плодов. Хладнокровие Ральданаша все больше походило на безразличие или обычную Равнинную пассивность.

Что до выходцев с Равнин, то, когда их удавалось где-то встретить, они поражали своим полным отчуждением. Они скользили по улицам или дворцу, ни во что не вмешиваясь, ничего не замечая. Люди кланялись им и отстранялись, стараясь держаться поодаль. Детям не разрешали играть поблизости от домов эманакир. Их не столько уважали, сколько боялись, а уж больше или меньше, чем Вольного Закориса, Рармон судить не брался.

Шел дождь, с деревьев сыпались листья. Анкира была полна

мрачных прогнозов и совершенно идиотской показной храбрости.

В прошлом году на излете лета Рармон еще звался Рэмом и прочесывал холмы Ланна в поисках ребенка Кесара...

Если вдуматься, Дорфар дал ему слишком мало. Роскошь, власть, титул — все это обесценилось и ничего не значило для него. Случись война, он получит армию честных восторженных солдат и верный шанс умереть. Снова пусто. Нет, Дорфар ничего не дал Рармону.

Раз или два он подумывал, удалось ли сыну Яннула добраться до родины. Но теперь и Яннул, и Лар-Ральднор стали для него обитателями страны по имени Прошлое.

Человек, который поджидал Йезу, старшую даму Улис-Анет, не был закорианцем.

Он перехватил ее, когда она вместе с прочими придворными дамами возвращалась из храма Анакир на Холме Верховных королей. Стояли ранние сумерки, дождь утих, хотя резкий порывистый ветер с северных гор заставлял гнуться деревья священной рощи. Однако стоило мужчине заговорить с Йезой, всегда полной надежд на новую связь, как та охотно отошла в сторону. Остальные дамы, приняв это за любовное свидание, продолжили свой путь.

Несколькими часами позже, готовя госпожу ко сну, Йеза выдернула маленькую прядку кроваво-красных волос под тем предлогом, что ее никак не удается уложить. Затем, когда королева удалилась в спальню, Йеза прихватила один из серебряных шнурков, которые были вплетены в прическу Улис-Анет во время обеда.

Сначала, когда ей предложили стащить что-нибудь из вещей хозяйки, девушка оскорбилась. Но посредник, с которым она беседовала, был так очарователен и убедителен... В конце концов, человек, пославший его, был готов вскоре вернуть безделушку, да еще с вознаграждением. Причем вещице вовсе не надо быть ценной — лишь бы по ней можно было сразу же опознать королеву.

Шнурок, по мнению Йезы, был хорошим выбором — уместно и со вкусом. Даже если посредник соврал, и она не получит никакого вознаграждения, все равно оказать такую услугу ее бедной одинокой госпоже и прекрасному лорду Рармону — само по себе удовольствие.

После отъезда Лар-Ральднора Йеза откровенно скучала. Ее уныние усугублялось еще и тем, что теперь Айрос крайне редко появлялся в покоях Улис-Анет. А Йеза имела несчастье внушить себе, что влюблена в лорда Айроса. Она бы не усомнилась в своей

победе — разве он не бросал на нее заинтересованные взгляды? — но не с такой соперницей, как королева.

С другой стороны, она жалела свою госпожу, томящуюся без мужского внимания. Йеза, как главная смотрительница ее покоев, прекрасно знала, что хотя Ральданаш и уединяется время от времени с женой в ее спальне, но так ни разу и не возлег с ней. После охоты в Куме Улис-Анет сделалась очень странной, замкнутой и безразличной ко всему. Казалось, она наблюдает образы внешней жизни, но не желает их осознавать. Королева вела себя, как человек, приходящий в себя после долгой и тяжелой болезни — с той только разницей, что здесь об улучшении говорить не приходилось.

Что же до лорда Рармона, то с той самой ночи, когда он избавил Улис-Анет от позора, Йеза была совершенно уверена, что он любит ее госпожу. Разве не он героически спас ей жизнь, когда задрожала земля и скакуны понесли? Разве не он изгнал лорда Айроса из ее окружения? Да и с Улис-Анет, по мнению Йезы, все было понятно — она явно испытывала страсть к сводному брату короля. Она доверила ему свою честь, позволив войти в спальню, где прятался Айрос. И из Кумы, где они все время могли видеться, королева вернулась сама не своя, словно оставила душу на тех холмах.

Посредник, с которым Йеза встретилась в сумерках, убедил девушку в том, что ее выводы правильны. Его хозяину, лорду Рармону, объяснил он, нужен какой-нибудь подарок от королевы. На прямую просьбу она ответит отказом из верности Ральданашу. Хотя, откровенно говоря, Рармон — именно тот любовник, который защитит Улис-Анет и будет беречь ее честь лучше, чем свою собственную.

Естественно, должна соблюдаться строжайшая секретность.

Почему бы не заручиться какой-нибудь мелочью без ведома королевы? Тогда в этом не будет никакой ее вины, но лорд Рармон посчитает себя вправе явиться к ней в покои. А если двое таких людей окажутся наедине в комнате, где имеется кровать, неужели природа не возьмет свое?

Йеза в этом не сомневалась. Более того, она даже подозревала, что все это организует сам Повелитель Гроз. Ей доводилось слышать, что все его жены обречены проводить ночи в одиночестве, но им не возбраняется решать эту проблему своими средствами.

К тому же Йеза обратила внимание, что покои королевы через сад для прогулок соединены с цепью бесконечных внутренних двориков, обычно пустынных и приводящих в конце концов к внешним окраинам дворца. Очень удобно для тайных

посетителей.

Ни на минуту не забывая о знаке любви, переданном на хранение слуге Рармона, Йеза оставила незапертой дверь, ведущую в этот сад.

Айрос эм Зарависс, начальник личной стражи одной из младших жен Повелителя Гроз, сидел у подножия Холма Верховных королей и пытался напиться. Настроение у него было отвратительное. Сегодня вечером он попробовал раздобыть себе должность в армии, готовый перебить всех до единого Вольных закорианцев, лишь бы забыть язвительные упреки из уст Улис-Анет. Однако его взятку с пренебрежением отвергли, и теперь Айрос чувствовал себя оскорбленным и никому не нужным. Оттолкнуть его, сына Зароса, героя войны Равнин! Дорогое вино из дорогой таверны лилось рекой, но не утишало ноющей обиды.

Высоко в небе пылали огненные глаза статуи Рарнаммона.

Неожиданно из тени с поклоном выступил человек и что-то протянул Айросу.

— Вы узнаете этот локон, мой господин?

Айрос честно взглянул, благо городское уличное освещение вполне позволяло это сделать.

— И еще шнурок. За ужином вы могли видеть его вплетенным в прическу.

— Где ты взял это?! — воскликнул Айрос.

— Не надо волноваться, мой господин. Моя хозяйка была бы рада успокоить вас. Она просила, чтобы вы посетили ее этим вечером.

Айрос качнулся вперед, и человек отпрянул.

— Улис! — язык и голова были тяжелыми, но сердце изо всех сил пыталось совладать с ними.

— Вам надлежит явиться в место, указанное в записке. Будьте там в полночь, мой господин.

Даже не взглянув в записку, Айрос тупо смотрел вслед слуге. Волны сильнейших чувств захлестывали начальника заравийской гвардии. Но сегодня любовь исцелит его душевные раны.

Он никогда не сомневался, что она позовет его обратно, как только сможет позволить себе это. Айрос поднес локон к губам, вдыхая знакомый аромат. Страсть накатила на него, словно в Застис, и он уже воображал, что скажет своей возлюбленной и что будет делать с ней.

Наконец он прочитал зажатую в кулаке записку. Путь ему был назначен длинный и запутанный — видимо, ради соблюдения секретности.

Среди ночи Улис-Анет внезапно проснулась от смутного страха, не имевшего никаких оснований. В ее спальне царил привычный покой. Горели, потрескивая, ароматические лампы, в золоченой клетке сонно встрепенулась птичка.

Ей приснилась лодка под парусом, чернеющая на фоне закатного моря. Она медленно приближалась к заснеженному берегу. В лодке сидел всего один человек, но она не могла разглядеть его лица.

И он держал ее на руках.

Королева встала с постели. Она чувствовала страх. Или это был не страх?

В тот же миг из дверного проема донесся мужской голос. Улис-Анет была настолько потрясена, что смогла лишь молча обернуться — медленно, почти спокойно. Там стояли двое в белых плащах особой гвардии Ральданаша.

— Простите, госпожа, вы должны пойти с нами, — сказал один из них. — Одевайтесь скорее, у нас мало времени.

Улис-Анет, все еще во власти своего оцепенения, не пошевелилась.

— А в чем дело?

— Повелителю Гроз донесли, что на королевскую землю проникли убийцы из Вольного Закориса. Находиться во дворце небезопасно. Всех королевских женщин приказано переправить в более надежное место.

— Очень хорошо.

Они удалились, задернув за собой занавеску.

Ее сердце все еще бешено колотилось в груди, но не от страха — она до сих пор находилась под действием своего сна. Тем не менее Улис-Анет быстро оделась, прихватила накидку и вышла в прихожую к белым плащам.

В коридорах было темно и тихо, как всегда в этой части дворца. Мужчины шли по обе стороны от нее, напряженные и настороженные. Убийца мог притаиться в каждом углу, за каждой колонной. Они дошли до стены парка, где их ждали открытые ворота. Прямо в их проеме стоял крытый экипаж. Удивляло отсутствие часовых у одного из входов на территорию дворца.

— Куда меня повезут? — спросила она.

— Садитесь, госпожа. И скорее, во имя вашей безопасности.

Она повиновалась. Белые плащи остались снаружи. Дверца торопливо захлопнулась, и экипаж немедленно тронулся с места.

Они неслись быстрым галопом, причем куда-то в гору — может быть, к храму Анакир? Видеть дорогу Улис-Анет не могла — окна были закрыты наглухо, и открыть их не получалось. С возрастающей тревогой она обнаружила, что и дверца заперта

снаружи.

Королева была пленницей, которую мчали навстречу неведомой судьбе. «Неужели Ральданаш решил меня убить?» — внезапно мелькнуло у нее в голове.

Ночью руины Корамвиса выглядели пустынными и жуткими. Айрос сошел с колесницы и пешком направился к берегу Окриса. Указания в записке были четкими и подробными — одиноко стоящий дом, а рядом, во дворе, высокое дерево. Он поднялся на крутой берег, спотыкаясь об обломки известняковых плит, и толкнул разбитую дверь. За ней обнаружилась лестница, на верхнюю ступеньку которой ложился топазовый отсвет светильника.

Айрос усмехнулся с облегчением и ощутил, как вожделение теплом разливается по его животу.

Поднявшись по лестнице, он оказался в полутемной комнате. И в свете единственной бронзовой лампы обнаружил, что окружен людьми в угольно-черных кольчугах и с нехорошими ухмылками.

— Не совсем то, чего ты ждал, да, заравиец? — бросил один из них.

Айрос попытался выхватить меч, но ему не позволили. Сам он был без доспеха, и ничто не помешало кому-то ткнуть его ножом под ребра, достав до самого сердца.

Он еще не умер, когда его стаскивали вниз по лестнице. Но это был уже не тот надменный офицер и самодовольный красавец. Он снова стал мальчиком, плачущим в душе о Зарависсе, где отец со смехом катал его на плечах, о свете, о жизни...

Но все, что он увидел в эту последнюю минуту, были жестокие звезды Дорфара и ненасытный зев черной дорфарианской реки, распахнувшийся, чтобы поглотить его.

Зеебы неслись во весь опор, Улис-Анет трясло и швыряло из стороны в сторону. Казалось, безумной скачке не будет конца. Но в конце концов дверца экипажа отворилась, и Улис-Анет увидела, что дорфарианские предгорья стали куда ближе. Беспорядочно сгрудившиеся строения прояснили все остальное. Она находилась на окраине Корамвиса, вдали от равнины, на которой стояла Анкира. Неподалеку виднелись развалины пристани, за ними угадывалась древняя река.

Экипаж был окружен солдатами. Торопливо подскакали еще двое — те, кто сопровождал ее по дворцу, но больше не в белых плащах и без эмблем особой гвардии.

Улис-Анет стояла и молча смотрела на них. Она не боялась, а

скорее испытывала перед ними холодный почтительный трепет, словно ребенок перед взрослыми.

Один из солдат приблизился к королеве и предложил ей кубок с вином. Это не укладывалось у нее в сознании. Она не взяла кубка и поинтересовалась:

— Это яд?

— Нет, госпожа. Мы не намерены вредить вам. Наоборот, нам приказано о вас заботиться. Но часть пути нам придется проделать по реке, и это поможет вам уснуть.

— Я вовсе не хочу спать.

— Да, госпожа. Однако путешествие утомит вас. И вы можете поднять шум.

— Вы служите не Повелителю Гроз. Куда вы хотите меня везти?

— Сейчас не время для вопросов, госпожа. Пейте, будьте так добры.

— Или мы погрузим вас в сон другим способом, — раздался сзади еще один голос.

— Но вы же не намерены вредить мне, — холодно напомнила королева, удивляясь, как вообще сохранила способность разговаривать.

— Вам и не будет вреда от этого. Просто легкое нажатие сбоку на горло. Но неприятное. Лучше сделайте, как вас просят.

Она сделала шаг назад, огляделась. Бежать было некуда. Пришлось взять кубок. Сквозь запах вина проступал аромат каких-то трав, не более того. Наверное, яд должен пахнуть по-другому? А впрочем, какая разница?

Выпив, она уронила кубок. Один из мужчин поднял его, другой — подхватил королеву. Снадобье подействовало: Улис-Анет была безвольной и беспомощной. Она припомнила, когда ей довелось испытать подобное состояние, сообразила, куда ее тогда заставляли идти, и испытала смутный стыд.

К тому времени, когда женщину опустили на дно лодки, она полностью потеряла сознание. И хотя она была молода, прекрасна и соблазнительна, мужчины хорошо знали, почему не имеют права позабавиться с ней.

Они гребли вверх по течению.

Когда занялась заря, они были уже за много миль от старой пристани.

Ральданаш спокойно слушал лорда-правителя.

— Повелитель Гроз, факты прямо-таки вопиют, — рассуждал Венкрек. — Часовые уверяют, что ничего не видели — должно быть, кем-то подкуплены. Двое из вашей особой гвардии найдены

в кустах убитыми и раздетыми донага. Очевидно, заравийцы воспользовались их одеждой для маскировки. Следы экипажа, как мы обнаружили, ведут в холмы, к руинам Корамвиса. Мои люди обыскали всю эту местность, но ничего не нашли. Похоже, что это ложный след для отвода глаз. Мы также исследуем пути, ведущие на юг — в Оммос и Зарависс...

— Ваши выводы, лорд-правитель? — прервал его Ральданаш.

Венкрек бросил на него пристальный взгляд. Говорить или нет? Они знали друг друга еще детьми в Ваткри. К тому же Венкрек был слишком взбешен, чтобы следовать этикету.

— Ральданаш, эта висская сука выставила тебя на посмешище!

Король оставил выпад без ответа. По нему вообще нельзя было ничего прочесть — ни ревности обманутого супруга, ни страсти, ни даже удивления.

— Простите, мой повелитель, — взял себя в руки Венкрек, — просто мне чрезвычайно дорога ваша честь. Вам нужны мои выводы? Очень хорошо. Вывод здесь может быть только один: ваша супруга, королева Улис-Анет, подло сбежала с начальником своей гвардии Айросом. Всем известно, что они были близки еще до вашей свадьбы. Заравиец сообщил об этом всему городу, оплакивая разлуку с любовницей по кабакам и публичным домам Анкиры.

Несколько советников, которые разделяли точку зрения лорда-правителя, приглушенно зашумели. Один из них, Вис по происхождению, взял слово:

— Вашему величеству следует утешиться тем, что эта двое не сумеют скрыться — их обнаружат, куда бы они ни сбежали. Мой совет — последуйте старинным законам Дорфара. Этого Айроса надлежит публично оскопить и затем повесить. А женщину...

— Я помню наказание для оступившихся жен короля, — перебил его Ральданаш. — Колья и костер.

— Снисходительность здесь неуместна, — настаивал Венкрек. — Будь она из народа богини — с Равнин или с континента, где вы родились, — тогда еще может быть. Но она Вис.

Висский советник заметно изменился в лице.

— Вы еще не поймали ее, — напомнил Ральданаш. Его царственно-прекрасная голова развернулась, и он взглянул через всю комнату на сводного брата. — А что скажешь ты, Рармон?

— Вам нужно мое согласие или мое мнение, повелитель?

— То, что будет полезнее.

— Повелитель Гроз, — вмешался Венкрек, — прежде лорд Рармон сам должен ответить на несколько вопросов Совета.

— Что еще за вопросы? — обернулся к нему Рармон.

— По поводу ваших переговоров с Вольными закорианцами.

— Какие переговоры имеются в виду? — заинтересовался Ральданаш.

— Боюсь, Повелитель Гроз, сейчас не время... — попытался увильнуть Венкрек.

— Лорд Венкрек, если вы пытаетесь в чем-то обвинить меня, то для этого сгодится любое время, — возразил Рармон.

Ральданаш поднялся, и все посмотрели на него.

— Лорд-правитель, соберите Совет в два часа пополудни. До этого времени все свободны. Благодарю вас за те усилия, которые вы прилагаете к моей пользе. До свидания, господа, — и небрежно прибавил уже от двери: — Идем со мной, Рармон.

В одной из роскошно убранных дворцовых комнат Повелитель Гроз опустился в кресло и указал Рармону на другое.

— Итак? — произнес он.

— Надеюсь, ваше величество получило мой доклад? — поинтересовался Рармон.

— О закорианском шпионе, который подстерег тебя во дворе с фонтаном? Да. Я знаю этого человека, он желает работать с нами. Но, помимо этого, имеют место другие вещи. Письма от Вольных закорианцев, которые ты получаешь. Знаки, которыми обмениваешься на прогулках. Некоторые шпионские донесения, которые касаются тебя, пусть и косвенно.

— Неужели вы считаете меня столь безмозглым, чтобы проделывать все это у вас на виду?

— Все может быть, — ответил Ральданаш. — Но лично я в этом сомневаюсь. Возможно, здесь замешан кто-то еще?

— Значит, я не потерял вашего доверия? — склонил голову Рармон.

— Я чувствую, что против тебя работают могущественные силы.

— Вы позволите мне разоблачить их?

— Если сможешь. Но, возможно, эти силы принадлежат не только людям.

Рармон, казалось, колебался. Пока он не позволял себе обратиться к янтарному кольцу, не желая испытывать его обжигающее, пусть и безболезненное воздействие.

— Так что насчет Улис-Анет? — чуть мягче спросил король.

Рармон сосредоточился.

— Бегство заравийской королевы случилось очень кстати, — уронил он.

— Согласен. К тому же оно перекликается с историей Ральднора и Астарис.

— Было бы слишком идеально свалить его на Айроса. Однако она порвала с ним.

— Я довел до сведения королевы, что она может приглашать к себе, кого ей вздумается, при условии соблюдения приличий, — сообщил Ральданаш, и даже в эту минуту его лицо ничего не выражало.

Сдавшись, Рармон судорожно сжал кольцо правой рукой — и тут же отдернул ее. Кольцо не обжигало палец, на который было надето, но другую вторгшуюся руку прямо-таки опалило. От Ральданаша это не ускользнуло, но он не стал делать никаких замечаний.

— То, что Айрос был одержим вашей женой, знали все вокруг, — твердо сказал Рармон. — И кто-то мог этим воспользоваться. Таким образом, этот кто-то с большой вероятностью увез королеву помимо ее воли. А отсутствие ее офицера подстроили, чтобы навести умы на версию совместного бегства. Слишком уж удачное совпадение. Не удивлюсь, если сейчас тело Айроса кормит птиц-падальщиков или рыб на дне реки.

— И кому же до такой степени нужна моя жена?

— Такой человек есть. Насколько мне известно, он никогда ее не видел, но я могу и ошибаться. Это Кесар эм Кармисс.

— То есть он решил пожертвовать дружбой с Дорфаром? — Ральданаш принял версию Рармона без возражения, даже не спросив его о причинах таких подозрений.

— Если вам так нужен этот союз — что ж, у вас на руках есть готовое объяснение. Продолжайте считать, что ее похитил заравиец.

— Понятно.

— Я могу заняться поисками тела Айроса и других улик. А вам следует послать наперехват людей на колесницах. Я думаю, они поплывут на восток по Окрису. Кесар наверняка держит за пределами Дорфара корабль, готовый в любую минуту сняться с якоря. Разумеется, если вы схватите его людей, о союзе с Кармиссом придется забыть. Но не сомневаюсь, что и это он предвидел заранее.

До заката оставалось еще около часа. Храм Анакир утопал в темно-золотом сиянии. Принц Рармон пришел сюда заранее по двум причинам, связанным с официальным культом, в том числе и по той, что имела отношение к Повелителю Гроз. Весь церемониал здесь был висским — шумным и экзотическим. Даже пышность мистических действ Ашары не шла с ним ни в какое сравнение. Но сейчас храм стоял, погруженный в глубокую

тишину, пахло благовониями и циббовым деревом, а перед гигантской статуей горел лишь один светильник.

Карабкаясь по горбатым улочкам заросшего лесом холма, Рармон вспоминал Анкабек. Однако между этими священными местами не было ничего общего. Хотя наиболее значимые ритуалы обычно не проводились так близко к дворцу, а священная проституция практиковалась в других храмах города, тем не менее это место впечатляло своей роскошью, красотой тленных вещей. Изумительная мраморная статуя, украшенная золотом и драгоценными камнями, была выше анкабекской Анакир. Но обращалась она в основном к уму и вкусу людей, а не к их сердцу.

Из-за перегородки вышел жрец в желтом одеянии и низко поклонился, чего никогда не сделал бы служитель Ашары.

— Мне очень жаль, лорд Рармон. Молодая женщина умерла. Этот яд действует медленно, но наверняка. Мы смягчили ее боль и придали ей мужества, но предотвратить смерть не смогли.

Бедняжка Йеза попалась в ловушку, увязнув в чужих интригах слишком глубоко, чтобы выбраться назад. В последний момент, уже слабея, она пришла в храм за помощью, и это было ее единственным мудрым решением. Теперь Рармон мог восстановить ход событий. Они стащили какую-то вещицу Улис-Анет, чтобы выманить Айроса на свидание, и, несомненно, расплатились с Йезой. Похоже на старый элисаарский прием — монета с острым краем, а на нем яд. Девушка не замечала мелкую царапину на пальце, пока не стало слишком поздно.

— Мне тоже очень жаль, — сказал Рармон. Однако смерть Йезы подтверждала его умозаключения столь же несомненно, как если бы та рассказала обо всем сама. — Вы правильно сделали, послав за мной. Я распоряжусь о богатых приношениях для Анакир.

— Благодарю вас, лорд Рармон.

Внезапно Рармон вспомнил маленького смуглого жреца. Это был таддриец, который присутствовал среди эманакир в ночь его испытания. Тот самый, которому в детстве довелось увидеть, как Ральднор и Астарис ушли в джунгли.

— Собственно, я уже принес подарок богине, — сообщил Рармон. — Или вам, — он достал янтарное кольцо, сейчас совершенно холодное, и протянул жрецу.

— Нет, мой лорд, — покачал головой таддриец. — Я не могу взять его.

— Почему же? Янтарь с Равнин — ценная и, несомненно, святая вещь.

— Так же, как и вы не можете подарить его, мой лорд, —

даже коренастая крестьянская фигура не умаляла достойного, почти благородного вида жреца. — Это ваша мета, принц Рармон. Вы не можете сложить ее с себя. Снять ее может лишь тот, кто ее возложил, и никто иной.

— Но это же всего-навсего кольцо.

— Не совсем. В нем сила. Это дар лично для вас, который нельзя передать другому.

— Мне казалось, что вы признаете лишь практическую сторону культа.

— Да, мой лорд. Магия сама по себе — очень практическая вещь.

— Тогда я просто положу кольцо на Ее алтарь.

— Нет, — возразил таддриец. — Это не просто украшение, от которого вы пытаетесь избавиться — это ваш рок, которого не избежать.

Рармон вдруг осознал, что все это время слегка теребит свое кольцо.

— Правильно ли я чувствую, что вокруг меня в воздухе висит нечто вроде грозы? — задыхаясь, спросил он. — Я не верю в Анакир. Я вообще не верю в богов.

— Мой лорд, Анакир — всего лишь символ, олицетворение той Силы, которая есть в каждом из нас, — ответил таддриец. — Она — лицо, внешняя форма, в которую мы облекаем красоту, силу, любовь и мудрость. Так же, как письменность — видимая форма звуков речи, которые мы лишь слышим.

— Вы стоите под Ее изображением и говорите мне это?

— И заметьте, Она не поразила меня насмерть, — на лице жреца появилась обезьянья усмешка. — Истина не может быть богохульством, если бог является воплощением истины.

Рармон повернулся и пошел меж колонн храма, а затем меж деревьев священной рощи. Грозное предупреждение судьбы гремело над его головой, словно набат.

Прошел дождь, и все следы, оставленные какими бы то ни было повозками, оказались смыты. Рармон отправил пятерых своих людей на юг вдоль темного берега реки. Им попадалось все, что угодно — заброшенный разбойничий притон, чье-то гнездышко для любовных свиданий, но только не то, что они искали. В конце концов они растревожили логово диких кошек и были вынуждены отступить. Рармон видел, как пляшут среди руин отсветы факелов.

Разбирательство в Совете задержало его до полудня. Ему пришлось на это пойти, чтобы отвести от себя обвинения Венкрека в сношениях с Вольными закорианцами. Но откладывать

поиски до утра Рармону не хотелось — это значило потерять даже те следы, которые пока сохранились. Наконец близ какого-то старого дома одному из его людей попалась на глаза нераспряженная колесница с совершенно измученными скакунами. Дверца колесницы была украшена эмблемой Зарависса.

В доме на верхнем этаже обнаружилась лампа с остатками масла. В ее свете Рармон разглядел на полу черные пятна уже засохшей крови. Они привели на берег реки.

— Он на дне, мой лорд, — заметил один из солдат.

— Да, — кивнул он. — Я тоже так считаю.

— Несчастный сукин сын.

Рармон отослал заравийскую колесницу назад в город в сопровождении двух человек. С ним остались трое, один из которых отошел по нужде к дереву во дворе. Обратно он не вернулся.

Двое оставшихся солдат рвались выяснить, что с их товарищем, однако Рармон сдержал их. С края склона им удалось разглядеть торчащие из-за ствола ноги в башмаках. Если их владелец и прилег отдохнуть под дерево, то явно вечным сном.

— Проклятые грабители, — пробормотал один из двоих.

— Грабители не посмели бы убить солдата королевской гвардии так близко от города... — в этот миг совсем близко от себя Рармон услышал чей-то резкий выдох, как перед прыжком, и тут же отскочил в сторону.

Из темноты выскочил человек, вскрикнул, ударившись об угол каменной террасы, но успел достать своим клинком одного из гвардейцев. Второй дорфарианец крутнулся на месте, одной рукой выхватывая меч, а другой, в которой был горящий факел, ткнув в лицо новой фигуре, появившейся из тьмы. Волосы нападающего вспыхнули, он с воплем кинулся прочь, но тут возникли еще двое с мечами и взяли дорфарианца в клещи.

Видимо, кто-то заткнул рот вопящему хорошим ударом — его крики разом стихли, и в наступившей тишине Рармон услышал, как хрустнули шейные позвонки дорфарианца. Другой солдат тоже не подавал признаков жизни.

— Бросайте меч, принц, — раздалось сзади. — Сами видите, он вам не поможет.

В свете уцелевшего факела Рармон увидел, что окружен более чем десятком вооруженных людей в вычерненных кармианских кольчугах, но без эмблем.

— Мы ждали, что вы придете сюда, — пояснил голос, показавшийся знакомым. — Ваш прежний хозяин, Кесар, способен читать ваши мысли не хуже степняка.

Говорящий выдвинулся вперед. На нем тоже был черный доспех, но не кольчуга, а плотный панцирь из шкуры овара. Это был тот самый закорианец из двора с фонтаном.

— Да-да, — усмехнулся он. — После всех своих отступничеств я в конце концов решил вернуться к старому хозяину — королю Йилу эм Закорису. Ваш Кесар немало укрепил меня в этом решении. Вижу, вы потрясены, лорд Рармон?

Он сделал повелительный жест в сторону кармианцев:

— Отберите у него меч, нож и прочее оружие. Любые драгоценности отдавайте мне. Для начала я возьму вот это кольцо.

Помощи ждать не приходилось. Двоих на колеснице, видимо, тоже перехватили и прирезали. Сражаться в таких условиях означало верную смерть, а к этому Рармон был совсем не готов.

Его швырнули на колени перед тем, как сорвать с него пояс с оружием. За этим последовал удар в спину — сродни раскату грома. Рармон упал лицом в черную грязь и почувствовал, как из одной его руки выхватили меч, а с другой сдернули кольцо-мету. Тут же раздался вопль — разумеется, кольцо обожгло руку похитителя. Очевидно, его поспешно отбросили, ибо раздался звук удара о камень и приглушенный звон, с каким обычно бьется очень толстое стекло. Вольный закорианец грязно выругался.

На этот раз Венкрек не успел выступить с обвинением. Его опередил пергамент, доставленный к воротам залов Совета. Он гласил: «Властители Дорфара, больше вам не травить волка. Он сбежал к своим братьям из Вольного Закориса со всеми сведениями о ваших военных планах и на бегу смеется над вами и вашей глупостью».

Путешествие по реке сменилось долгой поездкой в колеснице. Затем другая лодка доставила ее на борт черной галеры, возвышавшейся, как ночь, над утренним морем. Улис-Анет видела это урывками, поскольку ее продолжали опаивать дурманящим снадобьем. На корабле она была даже рада этому, ибо шторм не прекращался почти все время их короткого плавания.

Когда королева наконец очнулась, она снова была на земле. Определить, что это за земля, ей не удалось.

Однако ее последнее пробуждение заставляло заподозрить, что сон все еще длится. Она находилась в пышно украшенном доме, окна которого выходили в заросший сад. За ним до горизонта раскинулась возделанная долина.

Когда полностью ушла слабость, вызванная снадобьем, Улис-

Анет начала присматриваться к тому, что ее окружало. Обстановка вполне соответствовала рангу пленницы — она получала все, к чему привыкла во дворце, включая изысканную и красиво сервированную еду, дорогие притирания и шкатулки с драгоценностями.

Ей прислуживали две женщины. Они справлялись со своими обязанностями не хуже, чем ее собственные дамы, охотно и подробно отвечали на все вопросы Улис-Анет, если дело не касалось места заточения, а также таинственной личности, поместившей ее в эту роскошную клетку.

«Но я все-таки в Кармиссе?» — спрашивала королева. И слышала в ответ: «Взгляните на этот жемчуг, госпожа. Не правда ли, он идеально подходит к бархату?»

Жемчуг был черным — традиционная кармианская драгоценность. Это могло сойти за косвенный ответ, если уж нельзя было получить прямой.

В общем, Улис-Анет и не хотела знать — ее вопросы были продиктованы лишь остатками гордости. Куда проще притвориться несведущей и напуганной, в том числе и перед самой собой.

Дом, который скорее хотелось называть виллой, охраняла вооруженная стража. Она могла беспрепятственно перемещаться по башне, в которой пришла в себя первым утром, но остальная часть виллы была недоступна. Садом она тоже наслаждалась лишь с балкона. Вдалеке Улис-Анет видела людей, работающих на полях, но никаких слуг, кроме ее собственных, в доме не появлялось. Это радовало ее. Окажись кто-нибудь поблизости, она была бы обязана позвать на помощь, и неизвестно, чем бы все кончилось.

Так прошло четыре дня, по ощущениям Улис-Анет — вдвое больше. Она плохо спала по ночам, ее тело было истерзано — но не болезнью. Порой, пытаясь что-нибудь читать, сидя на балконе или бродя по своим покоям, она чувствовала в доме какое-то движение — едва слышные разговоры, чьи-то шаги, — и ее сердце на миг замирало в надежде. Она ждала Его. Но ее ожидания ни разу не оправдались.

Однако на пятый день незадолго до заката она убедилась, что Он уже близко. Дамы доставили ей новые пышные одежды и изысканные украшения. Укладывая ее волосы, они выглядели взволнованными. В комнате, которая служила ей столовой, поставили жаровни и воскурили благовония, принесли и зажгли дополнительные свечи.

— Будем надеяться, — едко бросила Улис-Анет прислужницам, — что лорд Кесар не заставит себя ждать.

Когда те ушли, она принялась нетерпеливо расхаживать по комнате.

Будучи пленницей, она не имела выбора, принимать гостя или нет. Однако эта простота была обманчивой. Все выглядело так, будто от нее ничего не зависит, но Улис-Анет вдруг поняла, что не хочет лгать самой себе. К соответствующей жизни ее готовили с детства. После того, как шесть лет назад ее отдали Повелителю Гроз, она ждала от судьбы лишь то, что причиталось ей по праву рождения и положения. Увы, она оказалась не нужна Ральданашу. Улис-Анет вняла предостережениям и честно старалась быть терпеливой, готовясь провести в смирении всю свою жизнь. А затем из предрассветной темноты близ Кумы возник Кесар и, как в древнем сказании, перешел черную реку, отделяющую жизнь от призраков. Он привязал ее к себе тенью, павшей на ее лицо, пожатием рук, терпким желанием на дне глаз. В отличие от Ральданаша, Кесар неистово жаждал ее. А она... Да, ей нравилось быть желанной для этого мужчины.

И тут ее честность взбунтовалась.

Что ж, прекрасно, она примет его. Но не такой! Не нарядной и усыпанной золотом, приготовленной для него, словно еще одно изысканное блюдо на стол!

Она подбежала к зеркалу и принялась оттирать лицо от краски, разрушила сооружение на голове и тряхнула рассыпавшимися волосами. Отшвырнув бархат и самоцветы, Улис-Анет надела платье, в котором ее привезли сюда. По ее просьбе его постирали и вернули обратно — тогда она еще не знала, зачем ей это надо. За время путешествия платье потерлось, потускнело, кое-где даже порвалось.

Она едва успела.

Пока она стояла перед зеркалом, оценивая свое преображение, наружная дверь открылась и снова плотно притворилась. Улис-Анет осознала, что не может пошевелиться.

Так она и увидела его — в зеркале. Он прошел через всю комнату с ее свечами, жаровнями, накрытым столом и встал в проеме внутренней двери, как в раме.

«Он уже здесь, — уговаривала она себя. — Обернись и встречай его, как хотела. Не бойся, это всего лишь отражение в зеркале». Но от одного вида этого человека она забывала, как надо дышать. Каким-то образом она все же обернулась, стараясь смотреть сквозь него, расширив зрачки, лишь бы не встретиться с ним взглядом...

— Я думал, что женщины оденут вас, как подобает, — произнес Кесар. Уши не глаза, их не закроешь, и самый звук его голоса пронзил ее насквозь.

— Они сделали все, как вы хотели, — ответила Улис-Анет. — А затем я сделала то, что хотела я сама.

— Пусть так.

В его голосе не было ни раздражения, ни радости. Вообще ничего. Он снова вышел во внешнюю комнату, и ей пришлось последовать за ним, чтобы спросить:

— Могу я, наконец, получить объяснения по поводу того, что сделали со мной по вашему приказу?

Он был во всем черном. В Дорфаре она слышала, что это его обычная манера одеваться. Кесар казался воплощением тьмы, особенно на фоне пламени свечей. Он налил вина и предложил ей. Она отказалась. Тогда он выпил сам — залпом, до дна.

— Вы находитесь в имении моего советника Ральднора, в Иоли, — пояснил он. — В ближайшее время вас перевезут еще куда-нибудь. Приношу свои извинения, что пока не могу принять вас в своей столице, Истрисе.

— Значит, я ваша заложница для воздействия на Дорфар?

— Нет, — ответил он. — Вы просто — моя.

— Такое оскорбление Повелителя Гроз повлечет за собой войну.

— Война случится так или иначе. Подобные вещи не становятся предлогом, если под ними не лежит более серьезной причины.

— Но почему вы...

— Вы знаете, почему.

Невольно она взглянула ему в глаза. Теперь их разделяло всего несколько шагов. Улис-Анет отвела взгляд, чувствуя, как кровь стынет у нее в жилах.

— Я напоминаю вам какую-то женщину, которая умерла.

Кесар не ответил.

«Мне тоже придется умереть, прежде чем я покорюсь», — мелькнуло в голове Улис-Анет. Пустая мысль, глупый ритуал. Даже ей самой это казалось до отвращения неприемлемым.

За дверью раздались голоса. Получив разрешение хозяина, незнакомые слуги внесли обильный ужин и удалились. Кесар жестом пригласил ее за стол.

— Благодарю вас, мой лорд. Я не горю желанием отведать нового зелья.

— Вы собираетесь морить себя голодом во имя добродетели?

Их глаза снова встретились.

— Не рассчитывайте, что я с радостью приму от вас хоть что-нибудь, — бросила Улис-Анет.

Кесар медленно подошел к ней, пересекая освещенную комнату, как раньше темную и безмолвную реку, но не коснулся

ее.

— Голодовка — медленный и неприятный способ, — произнес он, вытащил из-за пояса кинжал и протянул ей изящным движением, как прежде протягивал кубок с вином. — Она убила себя, почему бы вам не сделать то же самое?

Улис-Анет даже не взглянула на кинжал. Он ничего не значил для нее, ибо она хорошо знала, что ни при каких обстоятельствах не совершит самоубийства. Его слова значили гораздо больше.

— Кем была эта женщина? — спросила она.

— Моей сестрой.

Улис-Анет отшатнулась.

— Вы предлагали кровосмешение своей сестре? И она предпочла смерть...

— Что еще?

Теперь она смотрела на него во все глаза, пытаясь разглядеть насмешку, гнев или боль. И ничего не увидела. Он был такой же, как Ральданаш. Вот только под этим черным холодом таился неистовый огонь — единственное и страшное отличие.

«Нельзя напрашиваться на крайние меры, подталкивать его к жестокости или насилию», — твердила Улис-Анет, как заклинание. Это опять же было бы слишком просто. Лучше мягко уступить силе и снять с себя вину.

— Позвольте мне удалиться, — попросила она.

Даже это могло показаться излишне вызывающим. Она потупила взгляд, старалась выглядеть холодной и смиренной. Бесцветной. Это было нелегко.

— Совсем не обязательно, — ответил Кесар с убийственной учтивостью. — Я поем где-нибудь в другом месте.

Он направился к двери. Улис-Анет по-прежнему не отрывала глаз от пола. Она не знала и не могла знать, что в этом скромном платье, с распущенными волосами и без краски на лице была более, чем когда-либо, похожа на Вал-Нардию в то утро, когда та объявила о своем отъезде на Анкабек.

У дверей Кесар обернулся.

— Завтра я переведу вас в дом поближе к столице. Вам в нем понравится, к тому же там очень приличная дорога. Вы сможете получить все, что захотите.

— Тогда разрешите мне вернуться в Дорфар, — произнесла Улис-Анет, обращаясь к мозаичному полу Ральднора эм Иоли.

— Забудьте о Дорфаре. Когда закончится война, я подарю вам Кармисс.

В изумлении она снова, не удержавшись, подняла глаза на него.

— Да, — подтвердил Кесар. — Моя первая супруга, Верховная

королева Кармисса, Ланна, Элира и всех земель, которые я завоюю. Или вы думали, что я привез вас сюда лишь для того, чтобы предложить вам вина?

И снова дверь отворилась и так же плотно закрылась за его спиной. Кесар удалился, оставив ее наедине с обедом и мыслями.

Далеко отсюда, этой же ночью, Ральднор эм Иоли стоял в своей амланнской спальне и читал донесение, пока под одеялами беспокойно ворочалась ланнская девушка.

Донесение гласило, что мятежники в Ланнелире вырезали оккупационный гарнизон, укрылись в горах и сейчас находятся в полной безопасности благодаря исключительно своевременному обвалу. К этому добавлялись очень странные подробности о каких-то мистических явлениях. Что ж, придется искать момент, чтобы лично заглянуть туда...

«Я становлюсь тяжелым на подъем», — подумал Ральднор.

Единственное, в чем он по-прежнему не терял бдительности — это постельные утехи с местными девушками. Ту, что сейчас лежала в его кровати, доставили с великими предосторожностями и так же тайно уберут еще до рассвета. Он не хотел, чтобы об этом знали его солдаты, ведь у него имелась официальная любовница, которую он повсюду возил с собой — но никогда не спал с ней.

Могли найтись те, кто захочет воспользоваться этим обстоятельством. А кое для кого Мелла и сама по себе была весьма привлекательна.

Размышляя о своей подстраховке, самом рискованном предприятии в его жизни, Ральднор отложил донесение в сторону.

Мелла...

Рано или поздно настанет день, когда Кесар перехитрит сам себя, и небеса рухнут. И вот тогда Ральднор Создатель королей достанет из навозной кучи свою жемчужину.

Бальзамировщики, которые вовсе не были бальзамировщиками, прибыли из Оммоса и с честью выполнили свое задание. Их рассказы о якобы имевшем место отравлении, пресеченные лично Кесаром, предназначались лишь для его ушей и были насквозь лживы. Мальчика и вправду кормили зельями, но не совсем теми, какими указывал регент. Под их действием принц потерял сознание, однако смерть за этим не последовала. Кесар смотрел на пустой ящик, смердящий прахом совершенно постороннего человека, в самом деле умершего от чумы. Заглянуть в него он не пожелал. Да и с какой стати? Ральднор и раньше совершал чистые убийства по поручению повелителя, его

репутация была безупречной. В Усыпальницу Королей лег пустой, искусственно утяжеленный гроб.

Ребенок же был очень аккуратно и умело прооперирован, став евнухом. Он воспитывался на задворках Иоли и вскоре стал достаточно женственным, чтобы сойти за девушку — разумеется, кроме интимных ситуаций.

При умелом содействии принц-король Эмел вполне мог в один прекрасный день вернуть себе трон Истриса. Однако, зная, чем он стал, нетрудно было предсказать, что долго он там не задержится. Ужасная правда могла вскрыться, и тогда Ральднор, так долго прозябавший в стороне, шагнет через него к своей славе.

Кесар освободил Ральднора от многих моральных ограничений. Эм Иоли не задумывался над этим, но он давно уже не был тем, кто пришел в отчаяние, слыша крики рабов на горящих галерах в Тьисе. Урок оказался усвоен, и скрытая жестокость стала чертой его характера. Он выучился бессердечию у своего повелителя — но для Кесара оно было лишь средством достижения цели, и сами по себе чужие страдания никогда не забавляли его.

Ральднор же получал удовольствие, причиняя боль другим, о чем и предстояло сейчас узнать ланнской потаскушке.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ЧЕРНЫЙ ЛЕОПАРД

17

Должно быть, в Дорфаре уже идет снег...

Здесь снега не было и в помине. Лето длилось гораздо дольше, а зима так и не наступала.

Они прошли через горы по древнему ущелью. С дорфарианской стороны этот проход хорошо охранялся. Тут и там на скалах виднелись сторожевые башни, из скал же и высеченные, ощетинившиеся копьями. Даже вступив на землю Таддры, путники еще долго натыкались на дорфарианские посты. Однако Каал Закорианец был известной личностью — он уже не раз ходил этой дорогой, и всегда с правильными паролями и бумагой с печатью совета Анкиры. Там его держали за шпиона Повелителя Гроз. Что ж, это было почти правдой. В Вольном же Закорисе считали, что Каал работает на короля Йила. Таким образом, он мог беспрепятственно ходить туда и обратно, иногда в одиночку, иногда со слугами. На этот раз с ним были два телохранителя и раб.

Телохранители были довольно светлыми Висами — такой оттенок кожи часто встречался в Зарависсе или Кармиссе. Раб выглядел чуть-чуть темнее — возможно, из дорфарианцев. Похоже, он часто бывал ленив, непослушен или попросту неосторожен, за что его приходилось непрерывно бить. Его лицо покрывала корка из ссадин и запекшейся крови, а на спине сквозь дыры в лохмотьях виднелись старые следы кнута. На щиколотках у него болтались цепи, достаточно свободные, чтобы переставлять ноги. Он тащил поклажу, перед ним шел первый телохранитель, а сзади — второй охранник и сам Каал, который время от времени щелкал раба по спине хлопушкой с длинным языком, вообще-то предназначенной для мух.

Пройдя ущелье, они добрались до Тумеша, затем резко свернули на запад. Лучшим способом передвижения по джунглям Таддры всегда считался сплав на плотах по рекам. Увы, эти пути постоянно зарастали водяной зеленью. До того, как Йил со своими войсками вторгся в Таддру, реки регулярно очищались и были вполне удобны для сплава. Однако в последние десятилетия эта земля предпочитала быть непроходимой со всех направлений. Итак, найдя реку и плоты, Каал и его люди продолжили путь.

Солнце почти не показывалось из-за крон деревьев, увитыми лианами и гигантскими папоротниками. Речная вода, цвета патоки и густая, как суп из рептилий, была совершенно не годна для питья. Горные хребты северного Виса почти скрылись из виду, лишь изредка мелькая в просветах меж деревьями.

С утра до вечера они погибали от жары. Ночь была прохладнее, но все равно не позволяла расслабиться, пугая звуками ночной жизни джунглей.

А в Дорфаре, должно быть, уже холодно и идет снег...

Самое первое избиение предназначалось для маскировки.

— Сами понимаете, мой лорд, кто-нибудь может вас узнать, — с усмешкой заявил Каал, когда они поднялись в холмы за Корамвисом, — Но под синяками и кровью это будет непросто даже для вашего сиятельного брата.

Его сковали, тем не менее пятеро кармианцев на всякий случай вцепились в него со всех сторон. Даже из такого положения Рармон смог применить пару приемов, так что один из солдат заорал и отлетел прочь с выбитой коленной чашечкой. Но оковы на ногах сказывались очень сильно. В конце концов Рармон смирился и позволил Каалу избить себя — зачем оттягивать неизбежное?

Каал обрабатывал Рармона без всякой жалости, даже ногами — это была плата за удар, полученный от него во дворце.

Когда маскировочные отметины начали подживать, избиение повторилось. Позже к этому добавились и другие развлечения. Каждую ночь, разбив лагерь, они привязывали Рармона поодаль от костра. В первый же вечер Каал принес ему лепешку с куском сушеного мяса и положил так, чтобы до нее нельзя было дотянуться. После нескольких попыток Рармон бросил это дело и больше не обращал на еду никакого внимания. Закорианец остался недоволен. Ему заплатили за то, чтобы он доставил пленника в Вольный Закорис, как подарок Йилу от Кесара. Кармианцы же намекнули ему, что если Каал будет так вести себя и дальше, то рискует привезти своему королю лишь мертвое тело. Поэтому пленника надо было хоть иногда нормально кормить, и Каал делал это, скрипя зубами.

Рармон не оправдал его ожиданий. Каалу пришлось прибегнуть к менее утонченным пыткам, но и здесь он был вынужден сдерживать себя, боясь уменьшить ценность подарка слишком сильными повреждениями. Любимой его выходкой было нанести неглубокую рану где-нибудь на руке или бедре и останавливать кровь солью. Когда порез немного заживал, Каал снова вскрывал его, причем следил, чтобы линии идеально совпадали. Иногда вместо соли он использовал уксус.

Кармианцев, которых Рармон прежде никогда не видел, все это ничуть не трогало. Сидя у костра, они играли в кости и не обращали ни малейшего внимания на развлечения Каала. Они рисковали жизнью, отправляясь в королевство Йила, но таков был

приказ Кесара.

— Ты, наверное, хочешь, чтобы я тебя отвязал? А еще, я так думаю, мечтаешь убить меня, — говорил Каал. По мере приближения к Вольному Закорису к нему вернулся его закорианский выговор. Поэтому он больше не называл раба Рармоном, выговаривая его имя как что-то вроде «Рурм» с невнятным придыханием на конце. — Мечтаешь убить меня медленно, да, Рурм? Кусочек за кусочком?

Но он ошибался. Рармон не испытывал желания убивать своего мучителя. Он ощущал лишь привычную серую ненависть, смешанную с омерзением, и внутренне сжился и с тем, и с другим. Сжиться с болью было даже проще — к этому его приучила еще Лики. Он не сопротивлялся даже в мыслях. Весь его прежний опыт подсказывал — в случае отречения побои заканчиваются скорее.

День ото дня вокруг было одно и то же — свет, приглушенный массой листвы; густая потеющая растительность, среди которой все реже и реже попадались хижины на сваях и скудные поля; реки и лесные тропы, где ему, солдатам и Каалу приходилось ножами прорубать себе путь; даже пытки были одни и те же. Рармон потерял счет времени. Он был уверен лишь в том, что в Междуземье и на восток уже пришла зима. Наверное, их путешествие длилось месяца два...

Затем начали появляться выжженные поляны в джунглях, стража на деревянных башнях, охраняемые броды и узкие, грязные, но вполне проходимые дороги. Время от времени у них спрашивали пароль. Часовые были все больше черными или темно-бронзовыми, с рублеными чертами лиц и тонкими губами. Их маленький отряд приближался к внешним пределам Вольного Закориса.

Йил, сын Айгура, получил право на престол обычным закорианским путем — сразившись с прочими сыновьями своего отца. Ценой победы стали переломленные хребты его братьев. Вместе с ним на престол взошли его триста жен, а Первой королевой стала та, что, будучи беременна его ребенком, перерезала глотку болотному леопарду. Таков был Закорис, таким он остался и здесь, на северо-западе.

Когда Ханассор сдался Сорму Вардийскому, Йил во главе девяти тысяч мужчин с их женщинами и потомством проложил путь через закорианские болота, через невысокие горы, южную границу Таддры, и дальше, в глубь джунглей. В пути он потерял три тысячи мужчин — в тыловых схватках с войсками Сорма, от болотной лихорадки и прочих превратностей пути. Детей и женщин вообще погибло без счета. Закорианское отношение к

жизни повелевало безжалостно избавляться от слабых и больных.

Таддра была землей, не знающей закона. На протяжении веков она лизала пятки и Дорфару, и Закорису. Главным залогом ее безопасности являлась ее бедность — здесь не было ничего, что привлекло бы захватчиков. Однако сейчас это место стало предметом иного вожделения. Ни один из здешних мелких царьков, слишком бедных и слабых, не смог оказать сопротивления Йилу.

Строя планы на будущее, он захватил прибрежную область и прилегающие к ней обширные леса. Это обеспечило ему неограниченное количество строевого леса и выход на океанские просторы — широкую дорогу к берегам Дорфара и других земель к югу и востоку. Закорис всегда был страной кораблей. Морские сражения и пиратство считались его традицией, причем последнее сохранялось и в мирное время.

Отдыхая от постройки галер и походов за ценной добычей и рабами для гребли, закорианские мужчины возлежали со своими женами и рабынями и делали сыновей. Каждый мужчина Вольного Закориса был воином. Мальчиков обучали этому с десятилетнего возраста. Для дочерей тоже находилось занятие — вынашивать новых сыновей. Женщин не подпускали ни к сражениям, ни к кораблям — они были ценными сосудами для выращивания потомства. Мужеложство по закорианским обычаям считалось страшным грехом — нельзя тратить семя там, где не может быть приплода — и каралось разнообразными, но одинаково страшными способами. Калек в Вольном Закорисе не держали — как только человек переставал приносить пользу, его лишали жизни. Та же участь ждала и больных детей — их просто относили в джунгли на съедение диким зверям. Бесплодных женщин забивали до смерти на огненных алтарях Зардука, жертвуя ему кровь, вытекающую из тела вместе с жизнью. Перед каждым же значительным начинанием в жертву богу полагалось принести столь же значительный дар — прекрасного юношу, сжигаемого заживо.

Сердцем Закориса-в-Таддре был город на западной оконечности северного побережья. Сделанный из дерева, камня и кирпичей, в которых грязи было куда больше, чем глины, Йилмешд был полностью лишен великолепия Ханассора. Он вырастал из джунглей, окутывая закат клубами дыма. А за его спиной, над глубокими водами трех заливов, высился еще один лес — лес мачт, и вечернее солнце умирало на его перекрестьях.

Перед тем, как войти в Йилмешд, Каал извлек из своих вещей одеяние, подобающее дорфарианскому принцу, и заставил

Рармона надеть его. Для этого пришлось освободить его от оков на ногах, но у Рармона не возникло и мысли о бегстве. Впрочем, когда он оделся, оковы тут же были возвращены на место, словно последнее необходимое дополнение к наряду.

Над городскими воротами горели факелы. Арка над ними, как и вся стена, была сложена из камней, кое-как скрепленных плохим раствором, зато каждую створку ворот целиком вырезали из огромного ствола.

Йилмешд вообще не походил на настоящий город ничем, кроме своих размеров. Лачуги лепились друг к другу, подобно сотам в улье. По пыльным улочкам взад-вперед маршировали солдаты в доспехах из плотной кожи — кольчуги были лишь у тех, кому удалось взять их в бою. На каждом перекрестке пылали и грохотали кузницы. Ни женщин, ни детей на улицах не было видно, хотя из-за каждой плотно завешенной двери раздавался детский плач.

Проходя по городу, Каал обратил внимание кармианцев на два храма: Зардука и морского бога Рорна. Оба были не более чем пещеры с массивными дверями, выдолбленные людьми или природой в прибрежной скале. Королевский дворец стоял на скальном возвышении, море и тьма плескались у его подножия. Каменная башня, глухая каменная стена — город в городе. Часовые на стене выяснили, что у них за дело к королю, после чего сбросили им лестницу — других путей во дворец не было.

Над дворцом развевались знамена Старого Закориса — Двойная луна и Дракон. Однако перед входом стоял деревянный столб, на вершине которого красовался леопард в прыжке — знак нынешней власти. Фигурка была довольно грубо вырезана из черного металла и дребезжала на морском ветру.

Внутри дворец освещался лишь редкими факелами, толком не разгоняющими тьмы. Они прошли в Королевский зал. Деревянный потолок опирался на деревянные колонны, даже не украшенные резьбой, грязный пол был кое-как прикрыт шкурами.

В дальнем конце зала возвышался помост с великолепным троном из черного дерева, который Йил прихватил с собой, отступая из Ханассора. Статуя бога тоже явно попала сюда издалека. Рармону доводилось видеть оммосский вариант Огненного бога, и он отметил сильнейшее сходство. Тело этого идола было бесформенной колодой, увенчанной судорожно скалящимся лицом — застывшая маска то ли ярости, то ли экстаза, а может быть, агонии. Его разверстое чрево полыхало огнем. Неистовство пламени и запах паленой шкуры наводили на мысль, что совсем недавно тут приносили жертву.

Им пришлось подождать, пока Йил эм Закорис не вышел

откуда-то из-за трона и не занял свое место.

Его бронзовая кожа была довольно светлой по закорианским меркам, но узкая щель рта и перебитый плоский нос не давали усомниться в чистоте его крови. Тонкая золотая цепочка тянулась от его правой ноздри до цирконовой подвески в правом ухе. Йил производил впечатление грузного и некрасивого человека в возрасте, однако в нем не было заметно какой-то усталости или недостатка силы. Когда он усмехался, по залу прыгали отсветы — зубы его сплошь покрывали коронки с драгоценными камнями.

За спиной короля тенями столпилась его свита. Даже в здешнем скверном освещении было видно, что одна из теней сильно отличается от остальных.

Каал, как истинный закорианец, простерся ниц. Двое кармианцев преклонили колени. Рармон остался стоять, ибо никто не догадался толкнуть его. Наконец кармианцы решили исправить упущение, но Йил остановил их:

— Пусть стоит, как стоит. Дайте мне разглядеть его как следует. Значит, вот он, сын короля, этого змеиного отродья Ральнара? — с этими словами король сплюнул на пол и не торопясь подошел ближе к пленнику. Он был высоким — но не выше Рармона. Это змеиное отродье Ральднор в полной мере передало сыновьям свой рост.

— Знаешь ли ты, кто прислал тебя сюда? — спросил Йил.

— Мне сообщили, — кивнул Рармон. — Кесар эм Кармисс.

— Так и есть. Послание, которое я получил, тоже подписано К'саром. Дружеский подарок перед тем, как мы зажмем Дорфар между нами двоими и сотрем в порошок. А еще мне сообщили, что ты можешь принести пользу Вольному Закорису, рассказав о военных планах своего короля. Вон тот, на полу, — доверительно произнес Йил, указывая на распростертого Каала, — может лишь мечтать подобраться к ним так близко. А ты... ты был приближен к Повелителю Гроз и его советникам. Если ты в самом деле его брат, как уверяет К'сар в своем письме, — Йил подошел еще ближе, так что его зловонное дыхание коснулось лица Рармона. — Наверное, нам придется испытать на тебе наши закорианские умения, чтобы заставить тебя расстаться с секретами Дорфара?

— Вовсе не обязательно, — ответил Рармон. — Но прежде я скажу вам кое-что другое. Возможно, Повелитель Гроз и не знает, сам я удрал сюда или меня увезли, зато прекрасно понимает, чем это обернется. Он тут же изменит свои военные планы, и любые мои сведения окажутся совершенно бесполезны.

Тень за троном, непохожая на все остальные, негромко рассмеялась.

— Правильно, — обернулся к ней Йил. — Иди сюда, Катус, и тоже взгляни. Это его посев?

Человек спустился с помоста. Он, как и король, был уже на излете зрелости, но стройнее, более легкого сложения, изящнее одет и с прекрасными манерами. Все в этом человеке — его движения, даже сама походка — выделяло его из королевской свиты. Он взглянул на Рармона — и даже взгляд у него был не закорианский.

— Очень может быть, — произнес он. — Определенно Дорфар принял его как должно.

Речь Катуса оказалась еще более удивительной — в ней не было ни придыханий, ни исковерканных гласных, лишь едва уловимый намек на закорианский акцент.

Двое кармианцев, решив, что изъявили почтение в достаточной мере, поднялись, готовые вручить Йилу новые послания. Каал так и остался лежать.

Йил сделал знак, и закорианские стражники увели Рармона.

— Пей, Катус. Пей до дна.

— Благодарю, мой повелитель, — Катус едва притронулся губами к вину. Сам же Йил выпил до дна, видимо, желая подать пример советнику.

— Думаешь о Дорфаре, Катус? Кровь, потроха и пепел...

— О мщении, — спокойно поправил Катус. На его лице почти не было морщин, словно он с самого раннего возраста приучил себя к бесстрастному выражению. — И, конечно, о вашем обещании, что я буду править Дорфаром от вашего имени. Посмотрим, много ли от него тогда останется.

— А теперь ты думаешь, что К'сар Кармианский уведет Дорфар у меня из-под носа, когда мы с ним выжмем дерьмо из этого беловолосого ублюдка?

— Я думаю, Кесар полезен для нас вне зависимости от того, чего он желает.

— Так, может, убить его и отдать все тебе?

— Мой повелитель, я умею терпеть, — спокойно сказал Катус. — Мы оба обладаем этим свойством. Кесар же молод и делает много резких движений, так недолго и споткнуться.

Йилу нравился Катус эм Элисаар, который когда-то был принцем и плел интриги в Дорфаре, нравился так же, как новое оружие, женщина или умное животное, способное выполнять трюки. Катус был мудр. Он оказывал неоценимую помощь в столь необходимой вещи, как дипломатическая переписка, на которую у Йила никогда не хватало дотошности. Он сплел и постоянно усложнял шпионскую сеть Закориса. Король знал цену этому

человеку. Ни один из прежних закорианских советников Йила не уцелел при отступлении в Таддру, значит, и жалеть о них не стоило. Теперь Катус был самой сложной и изощренной деталью его королевства.

— Что ж, давай советуй, — произнес король с ноткой снисходительности.

— Вы отправите обратно послов Кесара и повторите свою фальшивую клятву, что восстановите Анкабек. Мы-то знаем, что ему плевать и на Анак, и на Анкабек, но он простит ваших людей за то, что они разграбили остров, а вы поддержите игру и выразите свои сожаления по этому поводу. Не забывайте, он может проявить себя и с другой стороны — как тогда, когда уничтожил ваш флот у берегов Кармисса. Также вы поблагодарите его за подарок — этого Ральднорова ублюдка. Письмо уже готово, можете с ним ознакомиться. Военные предложения пойдут отдельно, их содержание мы обсудили с вами раньше. Кстати, а что вы намерены делать с Рармоном, сыном Ральднора?

— Мы принесли бы его в огненную жертву Зардуку, — вздохнул Йил, — но К'сар сообщил, что этот Рурм спал с мужчинами. Я не могу предлагать богу такую мерзость.

— Как неприятно.

Йил что-то проворчал.

Они покинули тронный зал и перешли в покои короля. Глаза Йила тут же с неудовольствием остановились на нише, в которой покоился огромный топаз. Это был глаз богини из Анкабека.

— Наблюдает, сука. Ищет свое золото, — заметил Йил и обратился к глазу: — Можешь не искать. Теперь твое золото носит Зардук, — он не сводил взгляда с драгоценности и, казалось, позабыл и о советнике, и о разговоре.

— Мой повелитель, позвольте сделать предложение насчет Рармона, — напомнил о себе Катус. — Поскольку вы не можете сжечь его заживо, давайте используем его иначе. Чтобы поднять дух в войсках, а также в назидание рабам и тем, кто за нами наблюдает, надо публично объявить, кто он такой, и подвергнуть позору и осмеянию. Пусть он станет символом бесчестия. И не забывайте, что у него есть сведения, которыми он может поделиться с нами.

— Бесполезно. Беловолосый поменяет свои планы.

— Он, несомненно, сделает это, мой повелитель, — возразил Катус. — Но изучение изначального плана поможет нам предсказать возможные изменения.

— Вот как! Умно, что и говорить. Тогда Рурм будет допрошен сегодня же ночью.

— Доверьте мне эту честь.

— Ты полагаешь, что мои капитаны слишком грубы? — усмехнулся Йил.

— Не уверен, что Рармон хранит верность кому-нибудь, даже Ральданашу. Но он отказался помогать Кесару — и тот не стал искать иных способов воздействия. Тому должны быть причины. Этого человека не так просто дожать.

— Это еще почему? — в Йиле проснулось какое-то звериное любопытство. Если в такой момент король не оказывался во власти жестокости, то порой ему в голову приходили дельные мысли.

— В прошлом его жестоко выдрали кнутом, а побои он терпит вообще всю свою жизнь. Думаю, тут требуется что-то иное. К тому же следует помнить, что Кесар даже не сделал попытки убедить его. Очевидно, он считает его непоколебимым.

Катус, убийца короля, медленно спускался по боковым коридорам, прорытым под дворцом Йила. Ему всегда было интересно, почему король Вольного Закориса сделал свой дворец более неприступным, чем город. Стена без ворот, спускающаяся лестница... А под дворцом полностью задействована система естественных пещер в скале, вызывающая в памяти Ханассор. Корабли, стоявшие в пещерах под Ханассором, были в куда большей безопасности, чем в открытой гавани. Разумеется, те два флота из двухсот тридцати кораблей, что стоят в заливах, понесут какой-то ущерб еще до того, как наступление лета позволит начать войну. А война уже совсем близко...

Давным-давно Катусу довелось поскитаться по миру и увидеть, как изменился тот после войны Равнин. Неудивительно, что средства, припасенные им еще до катастрофы, быстро иссякли. Он вернулся в Элисаар, прочно захваченный Шансаром, но пробыл там недолго. Какое-то время он занимался различными махинациями в Иске и Корле, завоевал кое-какой авторитет в крошечном городке Оттамит. Но все это было слишком мелко. В Катусе имелось немного закорианской крови, и в конце концов он добрался до Таддры и Закориса-в-Таддре. Посвящать Йила во все подробности своей жизни он не стал, рассказав лишь то, что могло поднять его цену. И конечно, ни словом не упомянул, что убил, пусть даже на поле боя, Повелителя Гроз Амрека.

Сейчас, через столько лет, это деяние заставляло его чувствовать себя неловко, ибо было каким-то надуманным, даже поэтическим, и, как свойственно всему поэтическому, совершенно бесполезным. Тогда он был моложе и, несмотря на

самотренировку, тщеславен. В той кошмарной обстановке, после землетрясения и поражения, когда трубы судьбы звучали над темнеющей равниной, он, возможно, желал оставить свой след в истории. Но Катус не был поэтом ни в коей мере. Насмешливое предположение Йила о жажде мести само по себе было поэтическим, а потому — ошибочным. Единственное, к чему стремился Катус — это иметь свои собственные владения. Вот чего он желал всегда.

Наконец он добрался до группы пещер, которые использовались как узилища.

Катус переговорил со стражником. Когда тот отодвинул камень, советник смог заглянуть в узкую расселину. Там, примерно на глубине семи футов, виднелись голова и плечи человека, которого здесь звали Рурмом. Расселина была недостаточно широка для того, чтобы узник мог сидеть в ней. Даже упереться коленями и спиной, чтобы слегка разгрузить ноги, смогли бы ребенок или маленькая женщина, но не крупный мужчина.

Элисаарский принц, теперь известный под именем Катус, отступил в сторону, и камень снова скользнул на место. Расселина погрузилась в темноту — единственный свет проникал через решетку, когда отодвигали камень. Через эту же дыру узника спустили на крючьях, зацепив за веревки, которыми он был связан, и откинув не только камень, но и решетку. Таким же образом спускались еда и питье, хотя пока до этого не доходило.

Рурм провел в расселине ночь, день и часть следующей ночи. Это время должно было показаться ему вечностью.

Катус был впечатлен. Обычно после такого узники, едва заслышав звук отодвигаемого камня, визжали и молили, ловя скудный свет и карабкаясь вверх в безумной надежде. А Рурм даже головы не поднял.

— Завтра в полдень, как тебе велено, — приказал Катус стражнику. — Все ясно?

— Да, советник.

В задумчивости Катус побрел обратно, пить кислое таддрийское вино. И ждать.

После кромешной тьмы его камеры и полумрака подземных переходов яркий полуденный свет в верхних комнатах резал глаза. Стражник оставил его, несвязанного, в маленьком зале и удалился. Почти сразу же появился Катус.

Рармон осознавал, что это не простая передышка. В подземелье ему позволили воспользоваться примитивной ванной и бросили свежую одежду. Он запрещал себе расслабляться от

такого контраста, понимая, что это еще не конец его мучений.

В расселине сопротивляться было труднее. Узилище и было задумано так для того, чтобы неудобства постепенно — минута за минутой, час за часом — превращались в боль. Но Рармон обладал физической выносливостью. Труднее было держать в порядке сознание. В таком заключении человек сам становится своим мучителем. Мысли, воспоминания — словно маленькие демоны, запертые в мозгу. Рармон не знал, как долго сможет справляться с собой, сколько времени ему потребуется, чтобы сдаться и сойти с ума.

Катус сел и принялся разглядывать пленника с немалым изумлением, затем указал ему на стул.

— Благодарю, не надо.

— Понимаю, — кивнул Катус. — Лучше не давать ногам передышки, чтобы не лишать их силы поддерживать ваш вес. Похоже, вы ожидаете, что вас отошлют назад.

Рармон не ответил.

— Еда тоже призвана укрепить ваши силы, — Катус повел рукой в сторону блюда с фруктами и кувшина с вином, но Рармон снова не двинулся. — Вы отказываетесь?

— Это выглядит довольно бесполезным.

— Вы могли попытаться покончить с собой еще по пути в Закорис, но почему-то воздержались от этого.

— Недосмотрел.

Катус усмехнулся.

— Когда-то давно ваш отец вот так же стоял передо мной, как пленник. Возможно, вас позабавит то, что он показался мне куда менее изворотливым, чем вы. Правда, он тогда был моложе.

Катус хлопнул в ладоши — закорианцы считали себя не столь избалованными, чтобы пользоваться звонком. Вошедший слуга принес с собой принадлежности для письма, поставил на стол и снова удалился.

— От вас требуется обрисовать мне план военной кампании Повелителя Гроз против нас. Достаточно сделать это в общих чертах. Детали мы обсудим позднее.

Рармон подошел к столу, обмакнул перо в чернильницу и быстро написал одну строчку. Катус поднялся и прочел: «Сейчас вы мне еще не поверите, что бы я ни написал».

— Чувствуется, что вы привыкли к плохому обращению, — проговорил Катус. — Это началось еще с вашей матери, нет никаких сомнений. Я знал ее. Я видел вас еще в колыбели, когда ее служанки называли вас Рарнаммоном. Честно говоря, вы и родились-то у меня под крышей, и, надо сказать, с большим шумом.

Он позвал стражника, и Рармона отвели обратно в расселину.

Чуть позже ему спустили фрукты и вино. Спустили и оставили висеть.

Искушение было слишком велико — не столько соблазн поесть, сколько желание хоть чем-нибудь занять себя. Когда Рармон взял еду, его посетило страшное отчаяние, прежде незнакомое ему. После еды он задремал, но хотя сон его был не более чем сном, да и то неглубоким, он избегал его.

Его снова вынули из расселины, когда ноги совсем онемели, а шипы в позвоночнике поднялись до самого черепа. Снова ванна и чистая одежда. Рармону пришло в голову, что Катус, чьи покои отличались совсем не закорианским изяществом, всего лишь желал почистить его предварительно, чтобы не осквернять свое жилище.

Кое-как он проковылял вверх по лестнице. Появился Катус. Разговор на этот раз был коротким, бумага и чернила уже ждали его. Сидеть теперь казалось большей мукой, чем стоять, но Рармону пришлось воспользоваться стулом — иначе, склонившись к листку, он рисковал попросту упасть.

У него была подготовлена ложная, но убедительная теория развертывания войск Дорфара. Скорее всего, в нее не поверят, но он не имеет права забывать ее — судя по всему, ее еще не раз придется излагать по самым разным поводам.

Рармон никогда не собирался выдавать истинные планы Дорфара — зная правду, его мучителям будет легче воссоздать изменения. Он не испытывал особой преданности Дорфару, дела этой страны мало трогали его. Родство с Ральданашем тоже не имело для него особого значения. Но Вольный Закорис в его понимании был редкостной мерзостью. Даже сквозь кровавый туман крайнего напряжения перед глазами Рармона вставали маленькие скелеты отвергнутых детей, кучками мусора валяющиеся у дороги. Сама мысль о Висе под пятой Вольного Закориса была глубоко отвратительна ему. Впрочем, его мотивы были одновременно и более, и менее глубокими. В этом состоянии его натура противилась всему, что только можно, и чтобы не путаться, он сосредоточился на неприятии Закориса, переросшем в одержимость.

Когда его стали спускать назад в расселину, он поймал себя на том, что извивается всем телом, пытаясь помешать этому, остановить неизбежное. Он силой загнал свою интуицию вглубь и безропотно спустился в узилище.

Чуть позже, пожалуй, через какой-то десяток минут, прибыли фрукты и вино. На этот раз к ним добавилась мясная подливка.

Он принял все это, опрокидывая миски в рот и жадно зарываясь в них лицом.

Вскоре после еды его начало рвать — отчаянно, болезненно, к тому же вертикальное положение затрудняло процесс. Рармон понял, что в вино или мясо было подмешано какое-то рвотное зелье. Когда спазмы утихли, он, стоя среди своей рвоты и прочих телесных выделений, начал мечтать о смерти — страстно, как не мечтал ни о чем другом.

На какое-то время это заполнило его сознание, загнав вглубь иные страхи и желания. Но затем стремление к смерти утихло, уступив место другой страсти, менее возвышенной, но столь же нестерпимой. Жажде. Его тело было обезвожено рвотой.

Рармон пытался бороться, отгоняя жажду еще старательнее, чем раньше — порыв к смерти. Он призывал прежние кошмарные воспоминания, чтобы заслониться ими от всего, как прежде. Но ничего не вышло. Жажда победила.

Ему начало казаться, что если он заговорит со стражниками наверху, они могут дать ему воды — чистой, без всяких снадобий. Рармон знал, что это не так. Но его голос отказался повиноваться разуму, он что-то хрипел и рычал сам по себе.

Затем вдруг жажда исчезла. Мгновенно. Он просто не хотел пить.

И снова его подняли наверх. Когда они поставили его на каменный пол возле расселины, Рармон свалился набок, напряженный и окоченевший, как дерево. Тогда его просто поволокли. На этот раз не было ни ванны, ни визита к Катусу. Какой-то человек, стоящий против света факелов, заявил, что они просмотрели его лживые писания, но лорд Катус милостиво дает ему еще одну попытку. Вот перо и бумага. Теперь от него ждут правды.

Рармон написал: «Вы получили правду в прошлый раз. Она остается правдой». Ему казалось, что его рука с пером отстоит от глаз на целую милю.

— Нет, — произнес человек. — Так не пойдет.

Рармону предложили вина, но он никак не отреагировал.

Затем он опять вернулся в расселину. Как всегда, его спустили мягко и осторожно. Когда ноги Рармона погрузились в густой зловонный слой разнообразных нечистот, уже изрядно заполнивших расселину, он подумал: «Я должен просто существовать и помнить свои прежние показания. Они выглядят вполне здраво. Я могу повторять их снова и снова, и рано или поздно они поверят. Или можно каждый раз писать новую версию, совершенно лишенную смысла. Тогда, может быть, они убьют меня».

Однако прежнее жгучее желание умереть не возвращалось.

Вскоре сверху спустилась миска с молоком. Ему хватило сил оттолкнуть ее головой, чтобы молоко пролилось прежде, чем он кинется пить его. Конечно, оно могло быть и хорошим, не содержащим никаких примесей. Возможно, оно таким и было. Возможно...

Затем жажда вернулась с удвоенной силой. Он почти вопил, катался по расселине, бился головой об камень, желая разбить себе череп.

И вдруг камень подался. Рармон замер в удивлении.

Там была тьма. А в этой тьме, где-то очень далеко — слабое пятнышко света.

Рармон подался назад. Он глядел в трещину, расколовшую камень, и невозможный свет в ее глубине. Это было видение. Реальной была лишь жажда.

Однако свет начал быстро приближаться, и Рармон не мог отвести от него глаз. Но тьмы вокруг не стало меньше, ничто не осветило расселину. Вскоре он понял, в чем тут дело — это был не свет, а белизна. Затем она приняла форму. И превратилась в девушку.

Она стремительно шла к нему из камня, где ее никак не могло быть, и по мере приближения увеличивалась в размерах. Ее светлые волосы мерцали в темноте, подол платья бледным облаком вился у щиколоток.

Еще немного — она оказалась в каком-то шаге от него и протянула миску, полную воды.

Она была невысокой и юной — лет шестнадцати-семнадцати. На ее лице застыла печаль. Ее глаза были как два солнца. Она... она покачала головой и подняла миску к его губам.

Рармон ожидал грязи и зловония, как если бы девушка решила зло подшутить над ним. Он в свою очередь помотал головой и улыбнулся ей. Что толку пить воду, которая всего лишь видение? Но она не уходила, все так же держа миску на вытянутых руках. Наверное, они у нее уже затекли. Непроизвольно он склонился к миске. Теперь для этого хватало места, так как стена подалась назад. Вода оказалась у самых его губ — прохладная, манящая, такого же вкуса, как в источниках, маленькими водопадами сбегающих с гор под Истрисом. Не переставая упрекать себя, Рармон начал пить. Он почувствовал, как вода скользнула внутрь, сладкая и чистая, делая чище и его самого. Миска опустела — но жажда покинула его еще раньше...

— Рарнаммон, — сказала дочь Кесара, девочка из Анкабека, которую он так долго искал.

— Я знаю, что тебе всего девять лет, — ответил он.

— Нет, — возразила девушка. — Вспомни, как долго я лежала в чреве Астарис. А затем как долго я ждала мира, но не в мире. Я дожидалась срока, чтобы прийти во чрево Вал-Нардии. Я одних лет с тобой, Рарнаммон.

— Девять лет, — упрямо повторил он. — И ты не можешь быть здесь.

— Но это так. Я символ твоих желаний. Тебе дана сила воплотить их, но ты влил эту силу в мою форму, так же, как другие изливают свою внутреннюю энергию в образ Анакир. Или любого другого божества, в которое они верят. Если только их сила такова, чтобы оживить именно его.

— Ты хочешь сказать, что боги — творения людей?

— Нет. Боги — это сами люди. Но, боясь поверить в собственное величие, они отсылают свою силу наружу, а затем придумывают ей новые имена.

Рармон стоял в закорианской расселине, придуманной для пытки, ожидая смерти и ведя философскую беседу с духом, которого сам придумал. Они говорили не словами. Но перед ним были ее глаза — море и пламя, свет и тень. Все и Ничто.

— Ашни, — позвал он.

— Я здесь, — пришел ответ. И больше он не мог спорить.

— И что же дальше?

— Идем, — сказала она. — Поверь в себя.

— Да, — он закрыл глаза, чтобы дать им отдых, но продолжал видеть ее сквозь веки, ибо знал, что может это. — А потом?

— Потом ты снова придешь в себя. В нужный час.

— А есть еще вода? — спросил он, и не потому, что хотел пить. Но она ушла.

Рармон открыл глаза. Стена расселины снова стала гладкой и целой. Запах нечистот по-прежнему был очень силен, но жажда исчезла. Он был спокоен. Он размышлял.

Ральднор и Астарис. Они перешли из мира в духовный ад, сверкающие, исчезнувшие навсегда. Ребенок в ее чреве не был частью этого — или не хотел быть.

Анакир.

Небезызвестный остров Анкабек. Ждущий ребенка, и не какого-то другого в нужном облике — нет, того самого ребенка.

Что там говорила Беринда в своей лачуге на холме?

«Когда ты снова нашла меня?» — спросила ее дочь, и Беринда ответила: «Когда моя утроба снова наполнилась». — «А где же я была до этого?» — «Летала в воздухе».

Вот оно. Летала в воздухе. Третьему ребенку Ральднора эм Анакир не суждено было родиться из чрева Астарис. Он

освободился. А затем дух ребенка не исчез, оставшись витать в воздухе, в неких земных измерениях — и все же не совсем на земле. Он ждал срока, когда возникло нужное сочетание расы, плоти и души в двух людях. Двое, которые были одно.

Он сам смог увидеть это, отринув условность нормы.

«Что дальше?» — спросил он. И она ответила ему, четко и ясно.

Рармон не думал о ней, как о женщине, ибо женщины никогда не задевали его по-настоящему. Он не думал даже о том, что она вообще-то приходится ему сестрой.

Вода, будь она иллюзией или магией, смочила ему горло, позволив издавать звуки. Сначала это было трудно — отпустить себя на волю. Вместо крика из его глотки вырывалось какое-то мычание. Но затем, когда он услышал, как стражники наверху отодвигают камень и обращаются к нему, Рармон нашел в себе мужество изгнать из себя разумного человека и впустить безумие, которое являлось воплощением бога.

И его сознание затопил свет, подобный солнцу.

— Похоже, твои элисаарские зелья оказались чересчур крепкими, — усмехнулся Йил.

— Рвотное и слабительное. Ничего более, — ответил Катус, стараясь скрыть раздражение. Однако Йил, подобно дикому зверю, нутром чуял чужие эмоции. — Тем не менее, мой король, он все еще годится для того действа, которое я рекомендовал.

— Провести по Йилмешду, чтобы его забросали камнями? — Йил потрогал свои драгоценные зубы. — Да ты, выходит, ненавидишь его.

— Вовсе нет. Мне жаль, что его рассудок сломался. Я не ждал подобного, но сомнений быть не может. Это не симуляция. Рармона тщательно обследовали, можно считать его безумие доказанным. Я начинаю думать, что Кесар подозревал в нем подобный надлом.

— Ну да, — та же рука, что трогала зубы, легла на обнаженную грудь наложницы, стоящей на коленях рядом с ложем Йила. — А он у нас не умрет?

— Чем дольше он проживет в столь постыдном состоянии, тем поучительнее окажется пример для других.

Йил уже запустил руку между ног рабыни.

— Стало быть, ты его не ненавидишь? — произнес он, хитро прищурившись. — Или ненавидишь только отца, как весь Вольный Закорис?

Катус поклонился и отбыл.

С открытого заднего двора доносились дикие вопли безумца.

О да, другие доказательства были не нужны. Надо распорядиться насчет утяжеленных цепей. Йил принял решение отослать Рурма на свою любимую Южную дорогу, нескончаемый путь, расчищаемый в сторону Вардийского Закориса и Дорфара. Прикованного к повозке, сына Ральднора должны были возить по всей стройке ради устрашения и вразумления рабов. Излагая свои планы, Йил наблюдал за советником с ленивым любопытством: ты в самом деле не ненавидишь его? И как сильно ты его не ненавидишь?

Катус помедлил, прислушиваясь к воплям безумца. Амрек не оценил его по достоинству. Ральднор обманывал Катуса раз за разом. Теперь его обманул и Рармон. Одного Ральданаша еще не было в этом списке.

Ненавидеть их? Слишком много чести для столь примитивных людей. Его вкусы куда более утонченны. И все же то чувство, которое с годами вошло в его плоть и кровь, порой отвергаемое и всегда безответное, было именно ненавистью — ненавистью к этой нескончаемой игре.

18

В холодные месяцы заря приходила в заснеженный Истрис со стороны скованного льдом залива. Но город под этим белым покровом вовсе не спал, продолжая жить напряженной жизнью. Время снега при Кесаре всегда было временем обновления и подготовки. Нынешняя зима не стала исключением — город лихорадило.

Вертеть толпой так же просто, как ветру — крутить флюгер. Для этого годятся слухи, публичные выступления, внезапные проявления щедрости. Торговцев всегда можно подкупить. Верхушка власти тоже продается и покупается. Правда, попадались слишком алчные глупцы, а также честные люди, которые с содроганием следили за полным разворотом Лилии в сторону Закориса. Пока по столице ходили только слухи, но слухи надежные, ведущие прямо к дворцу и хорошо оплаченные. А потому даже самые неосведомленные осознавали, что едва ближайшая весна отомкнет восточные моря, на них обрушатся вся мощь и все самолюбие Черного Леопарда, неважно, будет тот врагом или союзником.

Донесения из Ланна, как обычно, задерживались. Скорее всего, ничего не придет до самой оттепели, ибо правление Ральднора эм Иоли отличалось заторможенностью и плохой организацией.

Делая Ральднора центральной фигурой «миссии милосердия» в Ланне и Элире, Кесар преследовал двойную цель. Во-первых, восточные земли требовалось запугать, показать им кнут — и Ральднор справился с этим как нельзя лучше. Его действия оказались именно такими, как и ожидалось — резкими, непредсказуемыми и несправедливыми. Теперь, когда грязная работа сделана, можно поставить более мягкого наместника. Покоренное население требовалось успокоить некоторым количеством бальзама на раны и тем усыпить его бдительность.

В то же время данный расклад позволил выманить Ральднора из Кармисса, где он слишком высоко взлетел на крыльях удачи. В отсутствие хозяина назначался временный управляющий его владениями, что было разумно и привычно для Истриса. Эта традиция давала возможность провести детальную проверку дел Ральднора, против которой он, собственно, и не возражал. Более того, он явно подготовился к такой проверке. Во всяком случае, сколь тщательно Кесар ни рылся в его владениях, он не смог обнаружить ничего, что можно поставить в вину. И это было странно. Уж он-то знал, как обычно пользуются властью люди,

подобные эм Иоли. Этот факт наводил на мысль о заблаговременной и основательной подчистке дел, предпринятой ради покрытия более серьезного проступка.

Приговор Ральднору был уже вынесен. В этом тоже не было ничего необычного: каждый, кто попал в круг приближенных, готовился рано или поздно принять наказание. Но пока эм Иоли находился далеко за морем, к тому же, как свойственно многим, впадал зимой в подобие спячки и не ждал никаких неприятностей.

Последний час Кесар провел в зале Совета. В числе прочих был решен вопрос об отставке Ральднора с поста в Ланне. Разногласий здесь не возникло. Никто из членов совета не столкнулся с неприметным проходимцем ланнской наружности на ступенях задней лестницы, ведущей в королевские покои. Кесар же никогда не забывал о пользе этой лестницы.

Он вообще мало что забывал. Он запоминал лицо любого жителя второго континента лучше, чем, к примеру, Сузамун — лицо какого-нибудь Виса. Однако все шансарцы, вардийцы и ваткрианцы, занимавшие ключевые посты в армии Кесара, в совете и при дворе, постоянно задабривались и подкупались. Будучи все до одного продажными, они всегда были готовы припомнить своему королю, что он наполовину их крови.

Не забывал король и богиню, невзирая на то, что в Вольном Закорисе считали иначе. В дни своего регентства Кесар укрепил Ее культ и восстановил Ее дом, который Она разрушила в гневе на семью Сузамуна. Новая статуя почти полностью воспроизводила ту, что когда-то установили шансарцы. Она стала лишь чуть поменьше и еще более красноречиво женственной. Поскольку это была богиня-женщина, то неудивительно, что в первую очередь ей поклонялись женщины. Благодаря обнаженной груди, которая наводила на мысль о священной проституции, ее стали соотносить с Ясмис. В этом тоже не было ничего удивительного — довольно долго богине пришлось обитать в ее храме. Где-то на третьем году правления Кесара в нижнем городе богиню стали называть Ашьясми. По ее примеру и другие божества восстановили свои храмы в Истрисе. Кесар, который не верил ни в кого из них, тем не менее всем преподносил щедрые дары. Ашаре-Ашкар-Анакир-Ашьясми он подарил черный жемчуг. Его так густо вплели в ее золотые волосы, что при взгляде снизу они казались черными.

В противовес обычной ланнской лени, к полудню пришли донесения от разведчиков на западе. Правда, в них говорилось не столько об Йиле, брюхе Леопарда, сколько о его элисаарских мозгах. Сообщалось, что после появления Катуса с Вольным

Закорисом стало возможно иметь дело.

Из Дорфара ничего не было. Корабли, вышедшие из Тоса на Континент-Побратим, ожидались обратно до окончания снегов — в южных морях погода не столь переменчива. Вот тогда, и не раньше, могут появиться новости. Поддерживая лицемерную идею нерушимого братства с Шансаром, Кесар отправил туда же своего личного посла.

Под всеми этими донесениями лежало запечатанное письмо без всякой печати.

Она уже писала ему примерно с полмесяца назад. Ее почерк был совсем не таким, как у его сестры: твердые, прямые буквы к концу письма делались размашистее и злее. Она снова просила отпустить ее к Ральданашу, словно тот готов был принять ее обратно.

Кесар взял в руки письмо. Теперь он стал старше и умнее. Писать ей он не станет ни при каких обстоятельствах.

И никогда не пожалеет о том, что захватил ее. Эта женщина принадлежит ему, поэтому она здесь. А все остальное — преходяще.

Он сломал воск и принялся читать послание.

На миг ему показалось, будто всплыло откуда-то из глубин памяти, что он уже переживал подобное — или думал, что переживает. Но то ли это ускользнуло от него, то ли вовсе никогда не было. Спросить было не у кого, кроме отражения в зеркале.

Дорога до деревни заняла у него две трети зимнего дня, еще час ушел на то, чтобы добраться до самого дома. Это была хорошо обставленная усадьба с садом и высокой оградой — одно из многочисленных сельских поместий принца Джорнила.

С утра подъезд к дому был расчищен, но снегопад и поднявшийся ветер снова все замели. Он оставил зеебов и своих людей у входа и пешком пошел к дому. Ему снова вспомнился Анкабек — светильник, трепещущий на сквозняке у двери, темный коридор за ней. И еще умирающий цветок у нее на подушке, его подарок, почему-то источающий аромат Вал-Нардии, а не свой собственный.

Он подождал в гостиной, пока слуга бегал звать пленницу.

Менее чем через три минуты спустилась Улис-Анет.

В прошлую встречу она встретила его в старом платье и без краски на лице. Теперь же все было на месте, включая цветную эмаль на ногтях и алмазные звезды в прическе.

Они были почти неотличимы — и все-таки совсем не одно и то же. Чем больше Улис-Анет походила на Вал-Нардию, тем

меньше она являлась ею. Анкабекский цветок погиб безвозвратно.

Сразу же подали вино.

— В комнате достаточно тепла для вас, мой лорд? — спросила Улис-Анет вместо приветствия.

— Не имеет значения, — ответил он. — Мы будем в вашей постели.

Она подняла на него испуганный взгляд — впервые с момента появления.

— Подождите, — прошептала она. — Пожалуйста, не спешите.

— Я ждал. Но вы сообщили мне, что ожидание закончилось.

Кесар взял бутыль с вином и направился к лестнице. Она стояла у него на пути. На ходу подхватив ее под локоть, он увлек Улис-Анет за собой наверх. Она не сопротивлялась, но свободной рукой вцепилась в его рукав.

— Дайте мне время.

Кесар замер, уже поставив одну ногу на ступеньку из великолепного мрамора с прожилками. Прежде ему никогда не доводилось бывать в этом доме. Он повернулся к ней. На это лицо он смотрел всю свою жизнь, так или иначе.

— Что было в вашем послании?

— Что мне... мне одиноко здесь.

— Одинокая фраза. Словно шлюха, прижатая к стене.

— Да, — опустила глаза Улис-Анет. — Я уже стыжусь этого.

— Однако это запечатлено на бумаге.

— Я боюсь, — она смотрела мимо него, куда-то за спину. — Позвольте мне объясниться. Давайте поговорим.

— Нет.

Кесар пошел вверх по лестнице, а она — за ним. Никто из слуг не показывался. Улис-Анет первая вошла в изысканную спальню и услышала, как дверь плотно затворилась за ее спиной.

Он сам подобрал для нее этот дом. Выбор, без сомнения, делался наугад, но неожиданно оказался удачным. Уединенное и очаровательное жилище позволило Улис-Анет успокоиться. Первым делом она принялась составлять для него письма, в которых просила отпустить ее домой, отказываясь от чести стать вдовой, которая унаследует его владения. Еще Улис-Анет напоминала, что он собирался успокаивать и развлекать ее, но пока этого что-то не видно. Она отправила лишь одно такое письмо — и сразу же пожалела об этом. Ральданаш никогда не восстановит ее в правах. Да и в Зарависс ей путь закрыт. Слишком хорошо она знала отца — он не примет ее обратно.

Однако прошедшие дни помогли ей вернуть самоуважение. Улис-Анет могла бы избегать своего похитителя, пока ему не

надоест ждать и он не выбросит ее из головы. И все же она чувствовала, что этого не случится, и рассчитывать на это не стоит.

Она решила, что ей нельзя сдаваться. И вслед за этим — сдалась.

Однажды настал вечер, когда снега, казалось, высыпалось столько, сколько возможно лишь за целый год. Она выпила лишний кубок белого вина, которое делали прямо в поместье, и написала совсем другое письмо: «Мне так одиноко здесь». И это письмо доставили ему. С чего бы ей бояться Кесара? Она так страстно желает этого мужчину, почти как в Застис. Чего она боится? Что его умершая сестра вернется и будет тревожить ее? Но Улис-Анет не верила в призраков.

Когда письмо ушло в Истрис и стало слишком поздно что-то менять, Улис-Анет, как и следовало ожидать, пришла в ужас и начала изводить себя. Она твердила себе, что Кесар не может покинуть столицу, однако каждый день наряжалась, готовясь к его приходу. Это бесплодное ожидание лишало ее сил. И теперь он был здесь, а она тряслась от страха.

Она видела лишь один способ защиты — и воспользовалась им. Неторопливо расстегнув платье, надетое не более двух часов назад, она позволила ему стечь на пол и вышагнула из груды шелка, затем разорвала завязки на сандалиях и стряхнула их с ног. Обнаженная, в одних только драгоценностях, она прошла к постели и легла.

— Что ж, я готова быть покорной и выполнить то, для чего вы меня предназначили, — произнесла она, глядя в потолок, который за все бессонные ночи стал знаком ей до последней трещинки. — Я ваша шлюха, мой лорд, как вы и сказали. Продажная женщина. Ваша плата сверкает на моих запястьях, блестит в волосах. Сделка совершена. Делайте со мной, что хотите.

Но пока Улис-Анет упивалась самоуничижением, тяжелая сладкая волна вдруг захлестнула ее тело, разведя костер меж бедер. Она закрыла глаза и не открывала их, пока не почувствовала совсем рядом жар его тела.

Он уже был обнажен, и его матово-смуглая нагота, казалось, светится изнутри, оттененная роскошными волосами цвета черного янтаря — дань смешению кровей. Несколько шрамов ничуть не портили этого великолепного тела, а лишь свидетельствовали, что оно не раз бывало в схватках и оказалось достаточно умелым, чтобы уцелеть. Ей и раньше приходилось видеть, как мужчина желает ее, но вид его полной готовности почему-то заставил ее отвести взгляд. Она подняла взгляд — и

увидела сосредоточенное лицо. Даже в пламени близости Кесар полностью контролировал себя.

Внезапно все ее прошлые сомнения и мучения перестали что-либо значить. Так же, как он, она могла отбросить их и оставить валяться на полу вместе с ненужной одеждой.

Улис-Анет не спрашивала его, похожа ли она в своей наготе на Вал-Нардию. Она и так знала ответ.

Тонкая фигурка этой девушки, бледное золото кожи — Вал-Нардия никогда такой не была, — глаза темнее, да и волосы тоже. Вал-Нардия, но увиденная сквозь янтарное стекло.

Ее руки обвились вокруг него — бережные, ласковые, обнимающие.

Он отыскал ее губы, мочки ушей, шею, пальцы. Прекрасная юная грудь совершенной формы — именно такой он ее и помнил, — и затвердевшие соски, словно медовые жемчужины.

У него было много разных женщин, темных и светлых. Но эта девушка пахла точно так же, как она. Гладкость пальцев, шелк плоти, зовущие губы — все было ее. И другие губы, скрытые в алых завитках — наполненные, принимающие. Ее.

Приподнявшись, Кесар увидел, как по ее телу волной прошла долгая судорога, глаза утратили выражение и закрылись, крылья век затрепетали, а шея выгнулась дугой — все, все, как у Вал-Нардии! Он снова ощутил мертвую хватку ее рук и бедер, пульсацию лона. Даже последний, мучительный вскрик был ему знаком.

Она затихла, и он тоже успокоился, глядя на нее. Когда он попытался снова поднять ее, она была ленивой, почти безвольной — снова как Вал-Нардия. А потом вдруг снова ожила, загорелась даже сильнее, чем прежде, вознося его на вершину — подъем и одновременно падение...

Из всего, чего жаждал Кесар, близость, пожалуй, занимала последнее место. Но он ценил обладание. Эта ночь была нужна ему. Впереди его ждут другие эпизоды страсти. И сравнения. Он заставил себя пообещать ей участь Верховной королевы всех его земель, чтобы упрочить ее положение. Драгоценность в драгоценности. Он не смог бы оторвать глаз от этого соединения своих возлюбленных. Он владел бы миром и знал, что это не обман.

Однако сама по себе Улис-Анет не заботила его. Ее слова, ее мысли, сама ее жизнь были ему совсем не интересны.

На рассвете он ушел от нее.

Объятая холодом без его тепла, Улис-Анет стояла у окна, глядя в ледяное безмолвие. Среди белизны снега и яркости

рассвета силуэты мужчин и зеебов стали совсем черными.

Теперь она поняла, чего так боялась. После сегодняшней ночи Кесар увидел, как мало он нуждается в ней, как она сама отдает ему в рабство свою плоть. Все это не имело бы значения, будь он другим человеком. Но Кесар обратил против нее разрушительную силу своей личности, как и против любого, кого хотел использовать.

Улис-Анет не видела восходящего солнца. Темнота этого человека закрыла, запятнала ее небо.

Она презирала свои чувства и не питала никаких надежд. И все это было до ужаса пошло, как в какой-нибудь песенке из таверны.

А по Амланну разносились кармианские песни из казарм под знаком Саламандры, которые теперь занимали чуть ли не половину Дворцовой площади. Днем местные жители обходили их по большой дуге. Ночью же, после комендантского колокола, улицы и дороги пустели, наступало время патрулей.

Одинокий путник, который только что счастливо разминулся с одним из них, поскребся в дверь таверны. В смотровую щель выглянул хозяин.

— Мы не работаем. Иди домой, пока эти отродья Эарла не схватили тебя.

— Басьяр здесь?

— Да. А кто его спрашивает?

— Лар-Ральднор, сын Яннула.

— Святые богини! Подождите! Сейчас открою.

Лар-Ральднор вошел в таверну и тут же был подвергнут пристальному осмотру теми, кто мог знать его. Не получив от него ответа на свои вопросы о Дорфаре, они проводили его в дальнюю комнату, где сидели за выпивкой несколько человек. Из тридцати свечей в люстре горели всего четыре — кармианцы ввели режим жесткой экономии. Один из этих мужчин, самый крупный, и был заравийцем Басьяром. Он поднялся и уединился с Лар-Ральднором в боковой нише.

— Вижу, ты нашел мою записку под очагом, — произнес управляющий.

— Да, в том месте, где Медаси выдвигала камень. Во имя Анак... — лицо Лар-Ральднора, и без того не слишком смуглое, залила совершенно Равнинная бледность, словно из него выпустили всю кровь. Сейчас он казался испуганным мальчишкой не старше пятнадцати лет, но взгляд его был взглядом старика.

— Не бойся, — торопливо заговорил Басьяр. — Они живы, все трое. Яннул решил, что разумнее будет уехать, и с ним трудно не

согласиться, глядя, во что превратили имение эти кармианские подонки. Слава богиням, мне удалось продать почти весь скот еще до того, как они наложили на нас свою проклятую лапу. Все деньги в целости и сохранности — я переслал их в Зарависс, туда эта свора еще не добралась. Единственное, чего лишился твой отец — это земля.

— Он любил свою землю.

Басьяр горестно пожал плечами — характерный заравийский жест.

Лар-Ральднор добирался домой долго и непросто. Слугу он оставил в Дорфаре — у того не было здесь семьи, и он совсем не желал подвергаться ланнским опасностям. С ним путешествовать было бы легче, но что поделаешь... Корабли, заходящие в Оммос, оказались мифом, и Лар-Ральднору пришлось отправиться к заравийской границе. Неподалеку оттуда на него напали семеро и ограбили до нитки. В ближайшем порту Лар-Ральднор оказался без единой монеты в кармане и надолго застрял там в поисках способа заработать денег на проезд. В конце концов, когда он уже был готов сам кого-нибудь ограбить, кто-то сжалился и позволил ему плыть матросом на парусной плоскодонке. Это суденышко рисковало совершать рейсы в Ланн, доставляя шлюх для тамошних солдат. Всю дорогу море не давало им пощады. Девицы лежали вдоль борта, измученные тошнотой, и мечтали о смерти. Лар-Ральднор греб или вычерпывал воду, тоже страдал от морской болезни, мерз и проклинал океан.

Когда они достигли берега, он сразу же отправился к родной усадьбе и долго бродил там среди воплощенного кошмара. От дома остались только стены. Крыша сгорела, в углах нагажено, во дворе — следы торопливого забоя оринксов. Снег не скрывал ничего. Все светлые детские воспоминания Лар-Ральднора, связанные с домом, были безжалостно растоптаны и уничтожены. Он оплакивал мать, отца и брата, считая их погибшими. Хорошо, что ему пришло в голову заглянуть под очаг...

Басьяр молча слушал Лар-Ральднора, сочувственно кивал и, деликатно отводя глаза, давал ему выплакаться.

— Где они сейчас? — наконец спросил юноша, утерев слезы рукавом, как в детстве.

— Они ушли с вардийским караваном, это я знаю точно. Яннул собирался отправиться на Равнины, скорее всего — в Хамос. Я послал ему письма туда.

— Мать так не хотела возвращаться на Равнины, — сквозь зубы выговорил Лар-Ральднор. — Будь проклят Кармисс!

— С удовольствием выпью за это.

И они выпили.

На следующий день, снабженный деньгами и бумагами с печатями, которые достал ему Басьяр, Лар-Ральднор торопливо покинул Амланн. Он направился на юг, как и его отец. Обойдя стороной Ланнелир, Ольм и Зор, юноша двинулся сквозь снега к Элиру и Равнинам-без-Теней.

У его частичного тезки Ральднора, кармианского наместника в Ланне, в планах на эту зиму не значилось никакого путешествия.

К началу времени снегов под его началом находились три с половиной тысячи кармианцев, распределенные между портом и Амланном. И пусть Ральднор не умел околдовывать их голосом и взглядом, как Кесар, солдаты любили своего командующего. Он разрешал им делать все, что хочется, более того, поощрял специальными «премиями». Источником премий служил повсеместный грабеж и вымогательство, но это не слишком беспокоило Висов и полукровок, находящихся под началом Ральднора. Капитаны, стоящие в других областях Ланна и Элира, тоже питали огромную приязнь к эм Иоли. Он умел подольститься и не забывал платить, закрывал глаза на все их преступления и прощал любое мошенничество. Немалую роль также играл вопрос снабжения. Стараниями Ральднора создавалось впечатление, что Кесар отправил свою армию в Ланн, не потрудившись обеспечить ее продовольствием. На самом же деле эм Иоли придерживал все поставки и затем выдавал в виде своих личных даров. Он следил, чтобы солдаты не знали недостатка в женщинах и вине. И хотя при таком положении дел дисциплина в армии хромала, а ситуация в стране постоянно была на грани мятежа, Ральднору удавалось перекладывать вину на далекого Кесара.

Раздался резкий стук в дверь. Эм Иоли, возлежащий на кушетке, щелкнул пальцами. Ланнский мальчик-паж бросился открывать.

Снеся на пути и его, и занавес на двери, в комнату ввалился один из кармианцев Ральднора. Вчера он находился в портовом гарнизоне и сегодня явился в заснеженном плаще и сапогах.

— Наместник, во льдах залива застрял корабль из Истриса. Все, кто там есть, пытаются выбраться на лодках. А этот пакет для вас.

С дурным предчувствием Ральднор сломал печать Кесара.

Письмо вроде бы не содержало ничего существенного, но Ральднор умел читать между строк. Увидев его помертвевшее лицо, посыльный обеспокоился:

— Что-то случилось, наместник?

Помимо всего прочего, эм Иоли прощал солдатам пренебрежение субординацией.

— Меня отзывают в Истрис, — на самом деле письмо содержало еще кое-какие сведения, и все они были тревожные. — Новое командование должно быть на корабле.

— Там никого не видно, — сержант огорчился. Он привык паразитировать на единоличном правлении Ральднора, и такие перемены его отнюдь не радовали.

— Разумеется. Они, наверное, сейчас уже на полпути сюда.

Повисла неловкая пауза.

— Ребята огорчатся, что вы уезжаете, — наконец выдавил сержант.

Ральднор лихорадочно размышлял, взвешивая положение — и в конце концов бросил свою жизнь на одну из чаш весов.

— Будь все проклято! — принял он решение. — Я никуда не еду.

Когда Эмелу было семь лет, его как-то разбудили среди ночи, одели и доставили в зал с картой, где собирался Совет Истриса. Лорд-смотритель дал ему конфету и позволил досыпать дальше. Но когда Кесар преклонил перед ним колени, он поднялся и, как шептались потом его няньки, выглядел очень достойно.

Сегодня в его спальне тоже зажглись огни среди ночи. Эмел проснулся и увидел, что в дверях стоит Ральднор, его покровитель. И снова ему пришлось спешно подниматься, одеваться и идти неизвестно куда — от него ждали каких-то общественно важных действий, как тогда, много лет назад. С той только разницей, что Ральднор отнюдь не обладал мягкосердечием женщин, и, хотя все было обговорено и отрепетировано заранее, повязки на груди жали, а мужская одежда казалась предательски неудобной. Этой ночью в Амланне Эмел страшно испугался, гораздо больше, чем раньше, в Истрисе, и знал, что у него есть для этого очень веская причина.

В девять лет ему довелось спать иным сном, пока его тело кромсали оммосские ножи. После этого его баловали и нежили. Зелья помогли преодолеть боль, кроме того, мальчик не успел познать здоровые чувственные порывы, а потому не слишком горевал об утрате своей мужественности. С того времени прошло больше шести лет. Он привык к своему новому положению, считая его почти нормальным, и лишь иногда, в Застис, ощущал некоторые неудобства. Эмел, который был Меллой, так и не узнал, что все его любовники немедленно умирали, как только покидали его, только огорчался, что ему не позволяют еще раз увидеться ни с одним из них.

Именно Ральднор учил юношу пользоваться его новым бесполым телом с непригодной для дела мужской оснасткой и маленькой девичьей грудью. Причем он старался, особенно здесь, в Ланне, воспитывать своего подопечного так, чтобы Эмел — если ему удастся когда-нибудь вернуть свои права и свое королевство — снова мог играть роль мужчины. Ради маскировки он заставлял его плотно бинтовать грудь, доставал ему лекарства, которые при регулярном приеме уменьшали эти женские признаки и делали гуще пушок на безбородом лице. Учил должным образом ходить, стоять, сидеть, говорить и вообще быть. Ральднор без конца, с молчаливой ожесточенностью, повторял и повторял свои инструкции — и Эмел на примерах убедился в своем несоответствии. Ему было противно девчоночье имя Мелла. Он ненавидел Ральднора и ненавидел Кесара, причем Кесара даже больше, потому что когда-то любил его. Но теперь все это отдалилось — уроки, ненависть, лекарства, перевязки и маскировка. До слез уставший, Эмел хотел лишь одного — домой, в Иоли. Его уже не привлекала роль мужчины и короля.

Однако ее требовалось исполнить именно сейчас — намного раньше, чем рассчитывали.

Сперва он впал в неуправляемую истерику, но Ральднор отвесил ему три звонкие пощечины, и Эмел притих, понимая, что никто ему не поможет. Хлюпая носом, он стал делать все, что ему велели, и делать хорошо.

А Ральднор даже не похвалил его.

Дома вдоль Дворцовой площади, которые сейчас превратились в городские казармы кармианцев, тоже пробудились. Люди толпились во дворах, заполняли каждый клочок свободного пространства — залезали на стены, деревья, крыши и временные стойла для зеебов. Это была шансарская традиция — общие собрания. В просторных залах Истриса она была вполне уместна, но здесь огромное количество солдат сгрудилось так тесно, что об удобстве и речи не шло. Факелы дымили, холод пробирал до костей. Воздух, казалось, уплотнился от тяжелых запахов, ссор и ругани. В пять минут страсти накалились до предела — все ждали, что же произойдет.

Внезапно во дворе появился лорд-наместник с телохранителями и каким-то слугой, укутанным в плащ. Двое или трое стоящих ближе удивились, разглядев под капюшоном лицо большеногой любовницы из Иоли.

Ральднор не был Кесаром и не пытался ему подражать. Но он понимал, что поздний час и ужасающая давка уже сделали за него полработы. Он знал также, что сейчас его войска превратились в

толпу, а толпой легко управлять.

Его шумно приветствовали — кричали, аплодировали, колотили кулаками в щиты и копьями в булыжную мостовую. Солдаты любили Ральднора, ведь он всегда поощрял их, доставлял им вино, шлюх и деньги, позволял им буйствовать и называл молодцами и опорой родной земли. Когда он говорил, они внимательно слушали, ибо Ральднор всегда говорил то, что им было приятно слышать.

Сейчас эм Иоли начал с того, что Кесар — тот самый Кесар, который не позаботился обеспечить свою армию провиантом, — отзывает ее командующего в Истрис. Солдатам это не понравилось, и они выразили свое несогласие громким шумом. Поблагодарив их, Ральднор перешел к объяснению, почему он решил не ехать — очевидно, Кесар раскрыл его секрет. Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Он, Ральднор, все последние годы ходит по лезвию меча, разумеется, во имя справедливости.

Рассуждая, Ральднор заметил, как по рукам ходят чаши с вином, «чтобы не мерзнуть». Они были уже готовы и ждали продолжения, как дети, слушающие сказку.

Он зацепил их — не своим обаянием, но неким чутьем. Ральднор выложил им все про регентство и чуму, про заговор против принца-короля Эмела и собственный бунт, когда он не захотел убивать ребенка. Он описал им план спасения и даже порадовал той подробностью, что всегда возил Эмела с собой, переодетым в женское платье. Он не сказал лишь, что в ближайшем будущем эта хитрость грозит обернуться провалом в некотором общем смысле, оставив за скобками оммосские ножи.

Этот Эмел, символ старого шансарского правления, был препятствием и всегда им оставался. Но и сам Ральднор имел смешанную кровь, а здесь, в Ланне, любовный роман Кесара с армией раздражал даже Висов. В конце концов, суеверное отношение к обладателям белой кожи и светлых глаз и волос должно было склонить чашу весов.

Что бы ни менялось, Ральднор по-прежнему оставался тем приспособленцем, который добрался до грязного Ксаи и бросил кости на стол перед Кесаром. Он был умным и проницательным человеком, но именно его ум и проницательность порой не давали ему видеть и понимать.

— Господа, — сказал он, обращаясь к нестройной толпе головорезов, теснящейся перед ним. — Я в ваших руках. И истинный король Кармисса тоже в ваших руках. Мы зависим от вас, от вашего понимания чести, вашей любви к родине, ваших верности и милосердия.

Затем он обернулся к закутанной фигуре, стоящей у него за спиной, и произнес так, чтобы все его слышали:

— Не бойтесь, мой повелитель. У этих людей благородные сердца. Они не принесут вам вреда.

Плащ упал. Рядом стоял Эмел — послушный, забывший о сценах. Совсем юный, с чистым лицом и подрезанными волосами, в приличной мужской одежде. Его побежденный страх обернулся гордостью. В мареве чадящих факелов и винных паров он ничем не напоминал Меллу — наоборот, походил на своего отца-короля. Визгливый же голос юноши не мог никого смутить, ибо Ральднор не дал им возможности его услышать.

— Перед вами — Эмел, сын Сузамуна, — провозгласил Ральднор и преклонил колено у его ног по старинному обычаю кармианских Висов.

Последовало долгое-долгое молчание, во время которого эм Иоли смог перевести дух. Затем один за другим, группа за группой, отделение за отделением, все двухтысячное войско разразилось аплодисментами.

Новый наместник, присланный Кесаром, в сопровождении тридцати человек вошел в ночной Амланн, не заметив на улицах никакого беспорядка. Городской гарнизон бодрствовал и был неплохо организован, в отличие от безобразия в порту. Его поприветствовали и проводили во дворец. Однако когда он направился по коридору в покои эм Иоли, двери внезапно распахнулись, и на него набросилась толпа солдат. Охрана нового наместника мужественно пыталась сражаться, но недостаток места, ошеломление и усталость после зимнего пути сыграли против них. Да и кто мог предположить, что весь внутренний гарнизон пойдет за Ральднором? Чем он мог их привлечь? Наверное, с подобными вопросами они и умерли...

Удивительным образом ставленник Кесара уцелел в этой схватке. Его разоружили и заперли в одной из комнат. Затем от его имени было подготовлено донесение, которым Кесар извещался об успешном выполнении задачи. Ральднор потребовал, чтобы пленник подписал послание.

— И как долго вы предполагаете хранить это в секрете? — спросил тот.

— Достаточно долго. До оттепели.

— Если я подпишу это — я мертв.

— Вы умрете так или иначе. Разница только в способе.

Несостоявшийся наместник подписал письмо. Двумя ночами позже его бездыханное тело было разрезано на куски и разбросано по холмам.

Тем временем кармианский корабль отчалил от заснеженного ланнского берега и отправился в неспешное обратное плавание, имея на борту лишь донесение, но не пассажиров.

За этим последовал период ужасающих зверств в Амланне. Гуляющие солдаты на радостях ударились в грабежи, насилие и поджоги, готовые проткнуть копьем все, что движется.

Ральднор не вмешивался. Он планировал свое выступление, результатом которого должно было стать овладение всем Кармиссом-в-Ланне.

Через десять дней после своего звездного часа Ральднор прогуливался по королевскому саду, когда вдруг на него с визгом выскочил ланнец, вооруженный ножом. Прежде чем телохранители, изрядно разболтавшиеся при установленных наместником порядках, приняли меры, нападавшему удалось скрыться. Операция была проведена вполне грамотно, хотя само по себе это выглядело безрассудным нападением. На самом деле наемник предполагал убить эм Иоли по дороге в порт, как указал Кесар. Однако Ральднор и не подумал отправляться туда, а убийце положено быть изобретательным. В любом случае это выглядело деянием отчаявшегося патриота, что и требовалось Кесару.

Ральднор эм Иоли лежал на снегу, глядя на солдат, приближающихся к нему. Поначалу они думали, что он снова заговорит с ними. Но взгляд Ральднора остановился, и он замолчал навеки. Он уже сказал все, что мог.

В торжественном молчании они отнесли в дом его тело, так не вовремя лишенное достоинства, после чего шумно устремились с этой новостью к королю Эмелу.

19

На границе Ланнелира и Элира произошло нечто странное.

На ночь он укрылся в опустевшем имении. Его не пугали кармианские патрули — в такую погоду прочесывать местность могли лишь настоящие маньяки. Но наверху в холмах он заметил какой-то неяркий отсвет, который вполне мог быть заревом горящей деревни. Поэтому Лар-Ральднор решил не рисковать и еще затемно покинул это место.

Незадолго до рассвета он встретил двух волков. Их глаза горели красным светом, красные пасти исходили паром, челюсти сомкнулись на добыче. Но, присмотревшись к тому, что капало на снег из пасти ближайшего зверя, Лар-Ральднор осознал, что они поглощают не чью-то плоть, а малиновое пламя, которое, падая, уходит в землю. Он скорее удивился, чем испугался, и продолжил наблюдать за волками, но вскоре они скрылись, а с ними исчезло и пламя.

Сын Яннула решил, что слишком долго шел один среди снегов, и от этого у него вполне могли случиться видения. Но это зрелище не шло у него из памяти — огненные лепестки, падающие на землю из волчьей пасти, невредимые и не причиняющие вреда.

По некоторым сообщениям, Кесар направил на восток не более восьми тысяч человек. Другие насчитывали десять тысяч. Как бы то ни было, проходя через Элир, Лар-Ральднор почти никого не встретил. Деревни стояли пустые, встречая его хлопающими на ветру дверями домов и разбитыми горшками, полными свежего снега. Люди ушли куда-то в потаенные места — полые холмы, древние башни. Один раз он услышал скрип колеса прялки, какие использовались здесь и на Равнинах, но оказалось, что колесом играет ветер. Если ему удавалось найти какую-нибудь еду, он съедал немного, не все, и оставлял под камнями очага плату на случай, если хозяева когда-нибудь вернутся. И каждый раз он ощущал ужас. Мир вокруг был ввергнут в хаос и тьму. Кто сможет прекратить это? Зазвучат ли здесь снова голоса людей?

А ведь еще прошлым летом он мечтал встать на пути тени и прогнать ее прочь, победить ее силой своей страсти. И именно Рэм-Рармон, который почему-то ушел, отдалился от него, показал Лар-Ральднору тщету его мечты. Меч порождает лишь меч, и так без конца. Но с другой стороны, опустить меч тоже означало умереть, просто другим образом.

Была и более прозаическая вещь, повергавшая его в отчаяние — отсутствие регулярного морского сообщения между Зарависсом и Ланном. Без этого ему придется проделать бесконечно-долгий путь, описав почти полный круг — север Равнин, Хамос и, возможно, снова вернуться к заравийской границе.

Это путешествие отнимало у Лар-Ральднора последние душевные силы. Его сердце разрывалось от неизменной картины — холод и белое безмолвие на многие мили вокруг. Он ехал на жалком истощенном зеебе под тусклым серебром полуденного неба, а белизна и пустота выжигали ему глаза.

К тому времени он уже дошел до того, что начал разговаривать с зеебом. Вот и сейчас он произнес:

— Мне их не найти.

Так он и ехал — бесконечно долго — в полной пустоте, ощущая жгучие поцелуи ветра на своем лице, не двигаясь, лишь снова и снова повторяя: «Мне их не найти».

Добравшись до места, где он собирался повернуть на запад, а потом на север, Лар-Ральднор вдруг почувствовал, что ничего там не найдет. В той стороне лежал Хамос и еще один Равнинный город, названия которого он не помнил. Но на каком-то иррациональном уровне он знал — его семьи там нет.

Что-то неодолимо тянуло его на юго-запад. Это тоже выглядело довольно бессмысленным: там не было вообще ничего. Кроме, конечно, старого Равнинного города, куда они никогда бы не вернулись. Медаси просто не вынесла бы этого. И все же...

Когда-то этим путем ехал Яннул, возвращаясь на войну Равнин из родного Ланна. Он скакал сквозь снежные заносы и вез заявление о нейтралитете: со стороны Ланна не последует на помощи, ни противодействия.

Лар-Ральднор повернул на юг.

Он заставил себя это сделать. Просто потому, что не видел других вариантов.

Но город оказался еще одним призраком. Иногда он видел его: полупрозрачная чернота, колеблющаяся на ветру, на фоне белой земли.

Увы, признаки человеческого обитания представали его глазам куда реже, чем видения снежной пустыни. Как-то раз он набрел на жалкую лачугу, на пороге которой стояла старуха. Лар-Ральднор попросил у нее какой-нибудь еды, если есть, и она протянула ему два куска хлеба с ломтем мяса между ними. Его попытку расплатиться старуха молча отвергла. Она вообще ничего не говорила, как истинная чистокровная степнячка. Лар-

Ральднор подумал, не является ли мысленная речь единственным доступным ей способом общения. Когда-то, еще в детстве, ему удавалось говорить так с матерью. Затем в отрочестве, этом возрасте скрытности, незримая дверь между ними практически захлопнулась. Лишь мгновения чистой радости или сильной боли приоткрывали ее. С посторонними же Лар-Ральднору вообще никогда не доводилось пользоваться мысленной речью.

Он спросил старуху про город.

Она, все так же безмолвно, указала на юго-запад. И он снова пустился в путь.

Где-то после обеда началась снежная буря. И никакого укрытия.

Сначала Лар-Ральднор пытался ехать дальше, но его зееб спотыкался, выбиваясь из сил. Снежная крупа безжалостно секла лицо, залепляла глаза. Зееб мог попросту не выдержать и пасть, да и сам Лар-Ральднор был на волоске от смерти. Спешившись, он обмотал свой плащ вокруг головы животного, завязал себе глаза и двинулся вперед, ведя за собой зееба. Незрячий человек шел, преодолевая безумие льда и ветра.

Какое-то время спустя боль исчезла. Он больше ничего не чувствовал. Вскоре по телу разлилась приятная теплота, предвестница замерзания — он знал об этой примете из рассказов, совсем не страшных, когда сидишь у теплого очага... Когда зееб упал, Лар-Ральднор гладил его, уговаривал, пытался поднять, но тот неподвижно лежал у него на руках. Если остаться здесь, снег занесет их обоих. Зееб, судя по всему, больше не мог идти, но еще оставалось тепло его тела, его угасающая жизнь, так необходимая Лар-Ральднору. Вскоре зееб умер рядом с хозяином — очень тихо, почти не сопротивляясь. Лар-Ральднор поднялся и, бросив седло и дорожный мешок, побрел прочь — с завязанными глазами, не сознавая, куда идет.

Медаси должна будет почувствовать, если он умрет. Он продолжал ощущать связь со своей матерью — пусть недоступной, надежно спрятанной, будто за неодолимой каменной стеной. Лар-Ральднор не мог найти ее, не мог дать знать о себе, но верил, что если проклятый снег убьет его, она ощутит — как там говорилось об этом? — тишину, как если бы умолк низкий тихий звук. Или темноту, словно внезапно погас ровно горевший светильник, привычный и незаметный раньше. Не исключено, что и Яннул поймет тоже. Не сразу. Может быть, лишь через несколько месяцев.

А Рэм? Он поймет? Между ними никогда не возникало даже намека на мысленную связь, ведь Рэм всегда был настороже —

даже в уме, даже в сердце...

Лар-Ральднор полюбил Рэма-Рармона, как члена своей семьи, и все-таки это было чувство иного рода — его нельзя спутать с любовью к человеку, с которым состоишь в родстве. Но это не было и плотской любовью-влечением, которую Рармон узнал бы и с радостью принял. Лар-Ральднор потерял Рармона еще на пути в Дорфар. В самой Анкире он убедился, что чувства его друга нацелены теперь на другого человека, который, по сути, был его истинным внутренним двойником. Невероятно, но Рармон делался все более похож на Повелителя Гроз, так что при всем внешнем различии в них легко было угадать братьев. Это было подобно тому, что говорил Яннул о Ральдноре эм Анакир: простой смертный постепенно уходит и проявляется дремавший в зародыше герой или божество.

Сквозь повязку на глазах сын Яннула увидел какую-то картину: первобытный лес, а за ним, до горизонта — замерзший залив. Еще дальше, он знал, лежало море, тоже скованное льдом. Льдом были покрыты и черные стволы деревьев, а тропическая листва, засохшая прямо на ветках, превратилась в скелеты листьев, одетые в снежные перчатки. Он знал это место из чужих описаний: Леса Грани Мира, последнего предела на юге. Ландшафт, более не соответствующий климату Междуземья, но каким-то немыслимым образом уцелевший, невзирая на жестокий холод. И у него на глазах внутри этого пейзажа метался по белизне красноглазый тирр, несообразный, плохо приспособленный для выживания — и все-таки выживающий. Символ.

Земля качнулась под ногами, и Лар-Ральднор упал прямо в обжигающий сугроб. Внутреннее видение исчезло. Он барахтался, пытаясь выбраться, но потерпел поражение. Вскоре мысль о том, чтобы полежать спокойно, перестала вызывать в нем ужас.

Прошел миг или час, прежде чем он пришел в себя от того, что кто-то его откапывает. Лар-Ральднору показалось, что он вернулся откуда-то издалека.

Он сделал попытку обратиться к своим спасителям — почему-то казалось, что их несколько — но уста его были немы и совершенно бесполезны. Он смог только приподнять руки и стянуть с лица повязку, которой защищался от снега.

Ветер утих, буря прошла. С неба лилось какое-то подобие дневного света. Однако его хватило, чтобы Лар-Ральднор разглядел вокруг себя пятерых волков: они молча работали, отвоевывая себе добычу у снега.

Лар-Ральднор с трудом протянул руку к ножу на бедре. Он должен попытаться отогнать волков, хотя тело его казалось

лишенным костей и совершенно непослушным. Он смотрел на них, скорее подавленный, чем напуганный, и ждал.

Волки были пепельно-серые, двое — почти белые. Звериного запаха от них почти не ощущалось, наверное, из-за мороза.

Лар-Ральднор выскочил из сугроба внезапно, словно какая-то пружина подбросила его снизу. Двое волков приблизились к нему, он закричал и попытался подобрать свой нож. И тут на его запястье легла длинная узкая лапа. Это было столь неожиданно по-человечески, что Лар-Ральднор замер. Он глядел в темно-золотые глаза, не в силах оторваться. Лапа исчезла. Пара волков осторожно потянула его куда-то за сугробы, и он послушно последовал за ними. Так они подошли к небольшому ледяному холму, и там Лар-Ральднор увидел шестого волка.

Он заплакал и не мог остановить обжигающие слезы, ибо этот волк был прекрасен. Размером с шансарскую лошадь и совершенно белый — как снег, похоронивший его. И еще это была часть легенды.

Пятеро волков столпились рядом, дергая и подталкивая Лар-Ральднора. С удивлением юноша обнаружил, что в состоянии держаться на ногах. Он понимал, чего от него хотят, точно так же, как волки понимали, что человек слаб и ждет помощи. Большой белый волк лег на землю, Лар-Ральднор вскарабкался ему на спину и почувствовал, как сила зверя перетекает в его тело.

Это не было иллюзией, что доказывалось теплом волчьего тела, колкостью шерсти и особенно здоровым звериным духом, идущим от его спасителя.

Затем волк побежал.

Он бежал долгие мили. Солнце село и опустилась ночь; блеклая белизна перешла в тень, а тень — в черноту. Местность стала понижаться, переходя в неглубокую долину. Вокруг стояли деревья странной формы, скованные льдом, а за ними темнело что-то, более осязаемое, чем небо. Стена, а в ней пролом. Луна вышла из-за туч, и Лар-Ральднор мимолетно заинтересовался, что это такое, но тут же вспомнил... И уже не удивился, увидев в проломе полуразрушенный дворец.

Там разгорался какой-то свет явно искусственного происхождения. Лар-Ральднор не соотнес увиденного с теми рассказами, которые слышал о древнем городе на Равнинах, а потому отсвет напугал его.

И вдруг он мягко и безболезненно скатился с волчьей спины, упав прямо перед дверью, обшитой досками. Волк, которого он видел во всех деталях, поднялся на задние лапы, так что коснулся лбом притолоки, и, снова совсем по-человечески, протянул лапу и постучал в дверь — раз, другой. Ошеломленный, Лар-Ральднор

лежал под изогнутым волчьим телом, как под аркой, и смотрел на это чудо. Затем арка исчезла. Повернув голову, Лар-Ральднор увидел, как силуэт белого волка мелькнул меж домами и скрылся.

Дверь открылась. За ней стояли люди — Лар-Ральднор сразу опознал в них заравийцев, даже по походке. Они удивленно воскликнули, увидав его, а затем воскликнули еще громче, разглядев, что снег вокруг испещрен гигантскими волчьими следами.

Уже теряя сознание, Лар-Ральднор отметил, что заравийцы не выказали ни страха, ни недоверия — лишь благоговейный трепет и ликование. Сам он испытывал совершенно те же самые чувства.

Они бережно ухаживали за Лар-Ральднором. В течение двух дней он сидел с ними в круглом зале, осознавая всю романтичность положения, в котором оказался. Это была жизнерадостная компания торговцев, в основном бродячих. У одного из них имелась хорошенькая дочка с кожей цвета меда, которой очень понравился гость. После Йезы у него не было ни одной женщины — не хватало ни времени, ни желания во время странствий через половину Виса, которые завершились здесь чародейством и потрясением.

Никто не брался обсуждать удивительные волчьи следы, словно память о них оказалась заперта в сознании. Лар-Ральднору казалось, что это чудо лежит на нем, словно какое-то бремя — и он оказался прав.

На третий день в дверь постучали.

Заравийцы сидели у огня и развлекались настольной игрой. Лар-Ральднор просто отдыхал. Завтра он обещал нарубить им дров — единственная плата за гостеприимство, какую он пока мог предложить хозяевам. В комнату вошел дядюшка, который ходил открывать, очень напряженный, и с ним — двое эманакир.

Все встали. Лар-Ральднор последовал их примеру, не испытывая особого почтения, но и не желая неприятностей своим новым друзьям. Он до сих пор помнил городской рынок в Лин-Абиссе, женщину с Равнин и толпу, расступающуюся перед ней и подносящую дары, будто она была богиней, а не обычным человеком. В Дорфаре ему довелось видеть и других выходцев с Равнин. Некоторые из них были совсем белые, как и та, вплоть до глаз. Ледяной облик и такие же ледяные души. Они проходили мимо, подобно холодному сквозняку. Молва награждала их многими сверхъестественными силами, помимо мысленной речи и той спокойной безжалостной стойкости, что стала неотъемлемым признаком Равнин. Йеза как-то рассказывала, что

некоторые из эманакир являются оборотнями, а также умеют исцелять смертельные раны и даже летать. Тогда Лар-Ральднор высмеял ее — большинство заравийцев, даже самых образованных, были чересчур доверчивы. Но тем не менее ее рассказы застряли у него в памяти.

Посетители не приблизились, не заговорили — просто стояли посреди комнаты и ждали Лар-Ральднора. То, что они пришли именно к нему, было совершенно очевидно. Заравийцев оттеснили назад к очагу, впрочем, довольно мягко. Затем они и вовсе ушли.

Лар-Ральднор подошел поближе к степнякам. Оба мужчины, очень светлые, но глаза обычные, не белые. Они смотрели на него без всякой угрозы — впрочем, и без всякого иного выражения.

— Если вы пытаетесь говорить со мной в мыслях, то я этого не умею, — предупредил Лар-Ральднор.

— Однако ты уже делал это, — возразил один из эманакир.

— Только со своей матерью, — это было слишком личное, чтобы обсуждать его с ними. И в то же время Лар-Ральднор чувствовал себя уязвленным — в нем тоже текла Равнинная кровь, и ему хотелось это доказать.

— Да, с Медаси. Ты сын Медаси.

— А также, как, наверное, сообщили вам мои хозяева, сын Яннула, — воинственно добавил Лар-Ральднор.

— Ты уже поправился? — поинтересовался другой.

— А куда вы хотите меня отвести? — вопросом на вопрос ответил Лар-Ральднор.

И тут он отшатнулся и шумно выдохнул, потому что получил ответ в виде картинки, возникшей в его мозгу, но лишь на миг: терраса, дворец с обломками колонн, в просветах — открытое пространство...

Наконец юноше удалось совладать с собой.

— Зачем? — спросил он.

В ответ — ничего: ни картинки, ни малейшего шевеления чужой мысли в его мозгу.

— Когда-то ты хотел сражаться, — произнес затем один из степняков.

— Что? Вы опять собираете армию? И с кем хотите воевать — с Вольным Закорисом или с Кесаром?

— Не армию, — ответил один.

— Но тем не менее воевать, — улыбнулся второй. Лар-Ральднор впервые обратил внимание, что оба мужчины ненамного старше его самого. Теперь, когда глаз его привык к гостям после темных заравийцев, они выглядели уже не такими льдистыми. В них обнаружилась та же игра светотени, какую он

любил в матери и младшем брате. Сам Лар-Ральднор был ослепительно бледным — зима, как всегда, изгнала с его кожи легкую дымку загара, — но и только. И еще он рано научился пользоваться цветом своих глаз, сужая и расширяя зрачки.

Он отстранился, чтобы получше разглядеть посетителей.

— Мы не враги вам, — сказал тот, что был бледнее. — Некоторые из нас предпочли отстраниться, мы же остались. Этот мир для нас — как мать, а Анакир — его душа. Нам нестерпимо видеть, как мир снова погружается в войну, как открываются старые шрамы и появляются новые. Закорианская ненависть — это безумие, а кармианская алчность не знает пощады. Вот наши враги. Не люди, нет, но их злые помыслы и устремления.

Лар-Ральднор почувствовал усталость и опустошение. Он вспомнил свои элирианские мысли, ощущение безысходности, которое было даже хуже, чем страх или гнев. Мир катится в хаос, и никто не может помочь...

— О да, — произнес более бледный степняк, подхватив невысказанные мысли Ральднора. — Но даже сейчас есть иные пути, кроме обреченного угасания. Ашни проходила мимо нашей деревни, и вот мы пришли сюда. Очень многие пришли сюда.

— Как и в прошлый раз, — добавил второй мужчина с усмешкой. — Во времена Ральднора. Но ведь она — дочь Ральднора.

— Ашне'е? — переспросил Лар-Ральднор.

— Ашни, — они повторили имя, и он уловил разницу в звучании.

— Пойдем, и ты увидишь, — сказал тот, что бледнее.

— Ту женщину, о которой вы говорите?

— Нет, она уже ушла, куда-то на север. Все до единого хранилища мировой силы надлежит пробудить и заставить излиться. Теперь ее зовет Корамвис.

И тут Лар-Ральднор наконец увидел, какими глазами они смотрят на него, и похолодел.

— Вам рассказали про огромного волка.

— Да.

— Вы ждали, что я приду сюда, как вы сами до меня. Но почему?

Напрасный вопрос — он сам знал ответ.

И никто, даже заравийцы, не удивился, когда эманакир выразили ему свое почтение древним жестом Равнин-без-Теней, приложив руку сначала ко лбу, а затем к сердцу. Такое приветствие предназначалось владыкам или жрецам, избранным Анакир. Хотя, если вдуматься, этим жестом никогда не приветствовали тех, кто, как Ральднор, Ашне'е или Ашни, являлся

воплощением той или иной стороны богини. Все правильно: богиня не просит ничего, потому что ни в чем не нуждается, ибо она — все.

Они вышли на улицу, где их ждала толпа с факелами. В этом сборище не чувствовалось ничего мрачного или зловещего. Наоборот, все лица были веселыми и оживленными, как у людей, собравшихся на свадебный пир.

Заравийцы тоже последовали за ними.

Так они и шли — сотни людей, по заснеженной дороге, направляясь к разрушенному дворцу и чудесному колодцу.

Позже, на рассвете, уже проваливаясь в сон, Лар-Ральднор подумал: «Может ли это быть так просто — и так бесхитростно?» И откуда-то — то ли из тайников его сознания, то ли из блуждающего древнего разума черного города — пришел утвердительный ответ.

Люди — капли в океане жизни, но безбрежный океан — всего лишь собрание мириадов капель. Достаточно одной мысли, одного слова: «Да будет так!» — или наоборот: «Не бывать этому!» И огромный океан переменится.

Что-то подобное произошло и с ним. Они сказали ему что-то важное, но не словами. Он лишь по привычке пытается облечь это в слова, которые на самом деле уводят от сути.

От горящих факелов во дворце стало теплее. Что же произошло? Они ступили на древний мозаичный пол и испили желтого вина, про которое говорили, что его достают из старого колодца. Там были заравийцы, элирианцы, даже дорфарианцы, и, конечно же, полукровки всех мастей. А среди них мелькали эманакир, словно прошивая эту толпу серебряной нитью.

Лар-Ральднор с рождения был наделен мысленной речью, присущей Равнинам. И теперь те, кого назначили ему в учителя, приступили к работе. Им не пришлось тратить много усилий. По сути, это было не обучением, а восстановлением старых умений.

Наверное, именно происхождение сделало Лар-Ральднора важным и необходимым этим людям. Равнинная кровь принесла с собой способность говорить разумом, кровь же Яннула сблизила с героическим прошлым. Не случайно он отмечен славным именем Ральднора — которое всегда принадлежало и будет принадлежать ему, как бы ни пытался один из сыновей Ральднора отнять у него это право.

Сон сомкнул над ним свои крылья.

Лар-Ральднор лег один, без заравийской девушки, ибо сейчас так было надо. Он должен собрать магическую энергию близости и направить ее в нужное русло. Странно, но все это время он не

желал ни ее, ни кого-то еще. Порой он возвращался мыслями к Йезе или другим своим подружкам, но не мог возродить былого накала чувств. Это были рассудочные воспоминания, никак не волнующие плоть.

Само собой, холод и одиночество долгого путешествия, лишения, ощущение потерянности и близость смерти — все это подготовило Лар-Ральднора к восприятию сверхъестественной ауры города руин. Очищение мага перед деланием.

Он плыл, словно на облаках. Его окружали беззвучные шепотки и незримые огоньки множества свечей, и все это шло из глубины его самого...

Ему припомнилось, как Ашни прошла мимо них. Теперь ему казалось, что уже тогда, когда он выбивался из сил в Зарависсе и никак не мог отправиться в Ланн, его подсознание улавливало отблески какого-то сияния, оставшиеся непонятыми... Что же это было? Мужчины и женщины, идущие сквозь остывающую медь последних летних дней и уходящие в звездные холмы; что-то, похожее на отдаленную музыку или неслышную песню, невидимые сполохи и радуги, танцующие волки, дикие кошки и змеи. И неувядающие цветы в длинных желтых волосах... А может быть, просто группа странников, бредущих по пыльной дороге, повозки, катящиеся мимо деревень и тревожащие чуткое ухо ночи. Что это было: иллюзия, пророческое видение, истинно происходящее? Или все это одно и то же? Возможно ли, чтобы события, никогда не случавшиеся, но готовые случиться, посылали разуму предвестия, видимые не глазами?

Лар-Ральднор вспомнил заснеженный первобытный лес, простоявший века там, где его не могло существовать.

Он спал, и во сне, глядя не глазами, оглядывался, ища Медаси. И наконец нашел ее.

Она сидела перед ним, словно они встретились в какой-то маленькой комнатке, озаренной ярким солнцем. Но он знал, что этот образ — лишь неточная форма, плоть, которой чувства облекают суть, так же, как произносимое слово — неточная форма для родившейся в сознании мысли.

Лар-Ральднор коснулся ее разума, словно легонько тронул за плечо — он хотел привлечь внимание Медаси, и ему это удалось. Похоже, ее вовсе не смутило присутствие рядом с нею сына, живого, здорового и вплетенного в Сон Анакир. Однако ее радость при виде сына показалась ему его же собственным воспоминанием.

Они стояли рука об руку в залитой светом комнате, улыбаясь друг другу и купаясь в любви. Так бывает лишь тогда, когда людей не разделяет никакая дверь, пусть даже и приоткрытая.

Он допускал, что никогда больше не увидит мать, и она тоже догадывалась об этом. Пламя, коему должно пробудиться, теперь было в миллионы раз сильнее, чем бывало когда-либо прежде — оно уходило в самое небо пылающим вихрем. Пробуждение Змеи легко могло погубить их всех. Анкабек стал первой жертвой — ненужной, непрошеной, но принесенной без страха. Богиня не хотела ничьей смерти за этот мир, но, возможно, кому-то придется умереть.

Это будет победа через страсть, как ему и грезилось в самом начале — но совсем через иную страсть, не ту, которой он когда-то хотел служить с мечом в руке и яростью в сердце.

Лар-Ральднор скользнул еще глубже в сон, отпустил руку Медаси, и та тихо исчезла.

Теперь он находился на золотой барке с одним-единственным светящимся парусом. Это была его жизнь, он мог управлять ею по собственному желанию — и он поплыл по сверкающим водам навстречу утру.

Яннул Ланнец, приподнявшись на локте, смотрел, как его жена улыбается во сне. Она выглядела такой молодой — моложе, чем тогда, когда они только встретились. Затем она пробормотала его имя и открыла глаза.

— Что такое? — спросил Яннул.

— Я видела во сне Лар-Ральднора.

— И что это был за сон? — в его словах слышался суеверный страх и страстное желание разделить ее радость.

— Сначала... сначала там стояла какая-то тень, и мне было страшно. Но он оказался рядом и заговорил со мной. Это был не просто сон, Яннул. Мысленная речь... Теперь я знаю, что мы можем не беспокоиться о нем.

— Хорошо, — рассеянно отозвался Яннул. Он осознал, что такое количество сверхъестественного утомляет его. То же самое бывало и рядом с Ральднором из Сара. Только его усталость выражалась тогда по-другому, характерным для юноши образом.

Медаси уже снова уснула. Яннул лежал рядом с ней и смотрел, как занимающийся рассвет окрашивает стенки фургона.

Он напомнил себе, что это зорский рассвет. Вот уже полмесяца, как они живут в Зоре, пройдя туда под горой.

После чудесного явления Анакир Ланнской — назвать это иначе было невозможно — кармианские солдаты убрались прочь, все еще пребывая в трансе. Затем случился обвал, перегородивший дорогу. Неизвестно, пострадал ли при этом кто-то из кармианцев, но хотелось верить, что нет. Сила богини на сей раз была явлена в милосердии, хотя и в довольно жесткой

форме.

От обвала дрогнула дорога под ногами, вслед за тем начали сыпаться камни и у них за спиной. Но через какое-то время все успокоилось. Люди начали выходить из оцепенения, истерика и безумная радость по поводу спасения понемногу улеглись. И тогда подняла шум зорская девушка Вашту, стоящая чуть в стороне. От волнения ее речь стала совсем невнятной, пришлось подойти поближе — и самим увидеть проход, образовавшийся в горе. Путь в долину Зора был открыт.

Это было, как и говорила Вашту, отчасти пещерой, отчасти туннелем, похоже, рукотворным. На дальнем его конце горы спускались вниз каскадами, которые местами разрывали белые беспокойные занавесы водопадов.

Спуск оказался совсем непрост — вниз вело несколько дорог, но все они были не слишком надежны. Они потеряли двоих человек и одну козу. Это несколько охладило мистический пыл путников, которые после чуда на дороге, похоже, уверились в своей неуязвимости. Но горы оставались горами с их природными трудностями и ловушками.

Так или иначе, они достигли места, откуда горы более плавно спускались в долину. К этому моменту очарование чуда совсем померкло. Все выглядело не совсем так, как им представлялось. Снова пошел дождь, гром грохотал в небе. Вид у спасенных был жалкий, словно у детей, которым пообещали сладостей, а затем выставили во двор без ужина.

Сафка, с черными кругами вокруг воспаленных глаз, вела людей за собой, подбадривая, уговаривая, издеваясь — лишь бы те не сдавались. Сама она стойко и мужественно карабкалась и барахталась в грязи, преодолевая спуск под проливным дождем. Если в Ольме ее благородное происхождение вызывало недоверчивые усмешки, то здесь она была истинной дочерью короля — с безграничными возможностями и легким налетом безумия. Под стать ей была и Вашту, полная дикой радости от возвращения на землю предков. Мокрая, как рыба, с отчаянной усмешкой на лице, она карабкалась вверх и вниз по каменной гряде. Поймав взгляд Яннула, она что-то крикнула ему, и тот вежливо кивнул в ответ, но лишь значительно позже разобрал и понял ее слова. Вечером он в некотором замешательстве сообщил Медаси:

— Вашту говорит, что здесь никогда не бывает снега — только дождь.

Они убедились в этом весьма быстро — уже утром небеса потемнели и набухли, и вершины гор, оставшиеся у них позади и слева, скрылись за густой снежной пеленой. Здесь же на землю

пролился дождь. Похоже, долина лежала очень низко, ниже восточной снеговой черты, словно гигантская чаша с гранитными стенками, которые надежно защищают дно от холодных ветров. Беглецы могли вымокнуть до нитки, но не замерзнуть.

Ночь они провели у костров, снова распевая песни. Люди наконец-то поверили, что их мечта — не обман, не морок, а нечто реальное.

Еще до того, как спуститься в речную долину, они обнаружили плоды на деревьях и кустах, а также животных, которые бродили повсюду и обещали мясо на стол.

Вскоре показалась и река, на берегу которой высились каменные постройки. Это был городок ланнского типа — похожий на Амланн, только значительно меньше. По дороге им встретились лишь отдельные хижины и пара заброшенных деревень, погребенных под палой листвой и ползучими растениями. Видимо, все жители перебрались в городок у реки.

Яннул поинтересовался, не тот ли это увиденный во сне город, о котором до сих пор не смолкали рассказы, но Вашту с ним не согласилась. Ее мать была родом из этого места, а Древний город лежал на северо-востоке, за рекой.

В городке было достаточно жителей, его система управления была сходна с элирианской — таинственная и основанная на странных обрядах. На подступах к нему навстречу им вышла группа темноволосых людей и вступила в переговоры. Пришлось использовать Вашту в качестве переводчика — настолько местный диалект отличался от привычной висской речи. Новые слова и непривычное построение фраз мешало зорцам и людям из Ланнелира понимать друг друга.

Тем не менее прибывшим удалось выяснить, что Зор больше не считает себя частью королевства и не имеет желания ею быть. Но Свободных ланнцев готовы были принять, лишь попросили соблюдать некоторое расстояние между их будущим поселением и уже существующими угодьями. В то же время им не возбранялось искать убежища в городе. Там имелось достаточно зданий, которые можно приспособить под жилье, или же занять пустующие дома, чьи владельцы временно отсутствовали — естественно, уважая владельцев и их уклад. Долина была плодородна и могла прокормить всех.

Само собой, зорцы не вполне доверяли пришельцам — на то они и зорцы. Но так или иначе им выделили землю под обустройство, взаимопонимание было установлено и понемногу углублялось. Пережив все ужасы кармианского вторжения, Свободные ланнцы прекрасно понимали настороженность местных и потому старались вести себя честно и покладисто.

В первый же вечер Вашту позвала всю верхушку беженцев в пустующий дом, стоящий на сланцевом берегу реки. Это было ее родовое гнездо, которое она заняла по праву. Были и другие родственники, имевшие права на него — дядья и двоюродные братья ее матери, которые сейчас путешествовали по долине или находились за горами, но всегда могли вернуться. Поэтому за длинным каменным столом, накрытым Вашту для ее гостей, оставалось пять незанятых мест, и рядом с каждым костяной нож, свеча и каменная чаша, отполированная сотнями губ и пальцев — все это появилось на свет из старых сундуков. Таков был зорский обычай. Похожая традиция имелась и в Ланне, но здесь возможность появления гостей в любой момент ощущалась гораздо сильнее.

Свободный Ланн обосновался на берегу реки — возражений не было ни у кого. Возможно, к лету возникнут иные возможности, и придется уйти из долины, чтобы разведать новые места. Но сейчас у них за плечами был длинный путь. Они обрели желанную свободу и вместе с ней надежду на выживание. Пока этого было достаточно.

— Но мне надо в Древний город, — сказала Сафка.

Ланнцы слушали ее с почтением. Сафка была их жрицей, той искрой, что зажгла восстание в Ольме, фокусирующим зеркалом для Анакир, позволившим отогнать врагов и открыть ворота в Зор. Люди не хотели терять Сафку и, отдай она приказ, готовы были последовать за ней. Однако она не стала этого делать, только объявила о своей потребности и спросила, кто хочет сопровождать ее.

Ее приближенный офицер — тот самый, что готовился умереть, задерживая кармианцев, если бы Сафка с Яннулом согласились на это — нахмурился и спросил, почему ей надо продолжать путь и откуда она знает, что город существует.

— Просто знаю, — ответила она. — И знаю, что должна быть там.

— Но для чего, госпожа? — он заметил, что вокруг них собрались люди. — Вы увели нас из Ланна. Вы призвали богиню, и Она встала перед нами...

Он умолк, ибо понимание поглотило и сделало ненужными все вопросы.

Сафка густо покраснела, глаза ее сверкали. Ей нравилось быть любимой, ведь раньше ей доставалось так мало любви.

— Это богиня сказала мне, что я должна идти, — произнесла она, когда шум вокруг слегка умолк.

Наступила тишина. Подобные доводы не оспаривались.

— Мы последуем за вами, — послышался голос офицера.

— Нет, — возразила Сафка. — Я приглашаю только тех, кто, как и я, чувствует необходимость добраться до города. Другие будут бесполезны для богини. Ей нужны только те, кто отвечает Ее замыслу.

— Но в чем Ее замысел?

Сафка простерла руки. Ветер трепал ее волосы. В такие минуты она делалась прекрасной, но не как женщина, а как может быть прекрасен горный пик или горделивое дерево.

— Не знаю. Но чувствую, что я часть его. Ашни сделала меня этой частью.

Им уже было поведано про Ашни, богиню-ребенка, ту, что неузнанная жила среди них в Ольме...

На том собрание и кончилось. На следующий день Сафка собрала обоз из здешних повозок — очень легких, украшенных резьбой, крытых цветным полотном, пропитанным воском. В долине не было зеебов, не говоря уже о лошадях. Зорцы запрягали кастрированных баранов, и свите Сафки пришлось поступить так же. Когда она пересекла один из дощатых мостов через реку, с ней шло меньше двадцати человек.

— Зачем мы туда потащились? — спросил Яннул.

— Меня тянет туда, — ответила Медаси. — Именно так, как говорила Сафка.

Она старалась объяснить ему эту свою тягу, но он не мог понять, а может быть, и не хотел. Тем не менее Медаси твердо решила последовать за Сафкой на северо-восток, и он пошел с нею. Зато их сын наконец-то был счастлив. У него появился друг, ланнский мальчишка тех же лет, который тоже принял участие в экспедиции. Сейчас они вместе ехали на тележке, запряженной двумя жирными, но резвыми свиньями.

Дождь, начавшийся несколько дней назад, шел не переставая.

Яннул, промокший до костей, проклинал в душе эту затею. Он не верил ни в какой город, хотя тому и придавалось столь важное мистическое значение.

Лежа на спине в трясущейся повозке, он продолжал размышлять. Его правая рука, некогда разбитая Ригоном* [2], ныла от сырости и скучала по оружию от воспоминаний о кармианцах. Захватчики не причинили ему никакого вреда — просто выгнали, как собаку. И он слишком устал, чтобы гневаться, страдать, бояться или скучать... Когда снаружи раздался какой-то шум, Яннул соскочил с подстилки, схватил нож и бросился вон. И чуть не свалился на голову младшему сыну, который стоял у повозки и окликал его.

— Все в порядке, отец. Это не война.

Яннул встряхнулся, пытаясь согнать с себя остатки дремоты.

Спрятав нож, он подумал, что его сын явно находит своего отца и героическим, и достойным любви, и в то же время смешным. Ему самому одновременно хотелось обнять и отшлепать его.

— Так что же там?

— Пойдем, сам посмотришь.

Яннул позволил себя увлечь. Они прошли с четверть мили, и тогда он в самом деле увидел.

Лес, через который они ехали весь вчерашний день, расступился и открыл на востоке панораму зари с переливами красок, приглушенными легкой дымкой. Под этим великолепием протянулась лента другой реки с отраженным в ней небом. А за рекой, под пологом зари, высился таинственный Древний город Зора.

Разрушенный город, как сломанный меч...

Чтобы достичь его, им следовало перебраться через вторую реку. Весь ее берег, насколько хватало взгляда, был усеян россыпью деревень. Где-то они лепились друг к другу, где-то отстояли на мили. Похоже, люди считали нужным жить поблизости от разрушенного города, но не в нем самом. Довольно странное размещение. В поисках моста или брода им пришлось пройти между двух таких поселений, затем по отмели, и снова через деревни... Мужчины, женщины, дети и овцы выходили из домов и долго глядели им вслед. Яннул и несколько других ланнцев пытались заговорить с местными жителями, но бесполезно — теперь с ними не было переводчика. Их не понимали, однако охотно показывали дорогу туда — вверх по течению. Все знали, что незнакомцы стремятся попасть в Древний город, и помогали, как могли.

Наконец они набрели на большую весельную лодку, привязанную к дереву. Что ж, это тоже был способ переправиться.

Четверо ланнцев взялись опробовать ее. Сев на весла, они прошлись по реке туда-сюда и остались довольны. Плыть было недолго, но подготовка к переправе отняла много времени, ведь требовалось перевезти не только людей, но и растревоженных блеющих животных, а также добро из повозок, которые пришлось оставить на берегу. Вполне возможно, что жители ближайших деревень поживятся их брошенным имуществом.

Вдруг все разговоры стихли. Нечто, хранящееся под стенами зорского города, дотянулось до сознания людей и вымело оттуда все мелочные мысли. Наступила тишина, нарушаемая только завыванием ветра вокруг каменных выступов.

С этого берега город смотрелся единой темной массой, высоким бастионом из черного камня, увенчанным черной

верхушкой башни.

На расстоянии город выглядел совершенно целым, хотя люди знали, что этого не может быть. На самом же деле так было и в то же время не было. Стены зияли множеством проломов, а кое-где и совсем рухнули, но за ними вырастали новые стены из обломков, которые лежали так плотно, что пройти было невозможно.

Они бродили вдоль стен — маленькая группа людей, пытающаяся найти вход.

— Я здесь, с тобой, — Яннул положил руку на плечо Медаси. Она улыбнулась в ответ, и он понял, что в ее глазах нет страха, хотя этот город был точной копией Равнинного. Но не нынешнего, а такого, каким тот был века назад.

Наконец один из детей, убежавший дальше других, нашел ворота. Наверняка где-то были и другие. Самих ворот не сохранилось, осталась только арка.

От нее ступенями спускались широкие террасы. Улицы разбегались в разные стороны. Башни вздымались в небо. На возвышении стояло здание с колоннами, в котором светилось высокое окно. И, что удивительно, цветное стекло в нем было целым.

— Сафка! — позвал Яннул, но Медаси покачала головой — их ольмская госпожа была уже далеко впереди, притягиваемая зовом беззвучной песни Города. Она шла на этот зов, а они следовали за ней.

Разбитые башни наверху были как тени, отброшенные в небо.

«Боюсь ли я?» — спросила себя Сафка.

«Нет», — мягко ответил голос внутри нее. Это была та половина, что подобно матери или учителю вела за собой всю ее сущность. «Нет, не боишься. Сила этого места очень велика. Но у тебя есть цель, и это тоже сила. Ты сама чувствуешь это».

Что-то подталкивало, вело ее вперед, и Сафке было очень легко следовать этому зову.

Сколько уже она идет по городу? Наверное, несколько часов. Все остальные давно выбились из сил — она же не чувствовала усталости.

Внезапно она поняла, что прибыла на место назначения. Сафка огляделась. Подсознательно она ожидала увидеть нечто величественное — может быть, колоссальную статую или какое-то возвышенное здание, что-то подавляющее и пугающее. Ничего подобного. Перед ней была маленькая дверь, вырубленная в стене. Сафка толкнула ее и была очень удивлена тем, что дверь тут же подалась.

Она заглянула в огромное око бассейна. Наверное, под

древней улицей имелась пещера, предположительно соединенная с подземным руслом реки. Услышав вокруг себя восхищенные возгласы, Сафка осмотрелась и поняла, чем они вызваны. Последние отблески угасающего дня осветили клад — украшения, изделия из драгоценных металлов. Это было сокровище из тех, о которых говорят легенды...

По наклонному входу Сафка вошла внутрь, завороженная не столько ценностью находки, сколько самим ее фактом.

За ней и остальные потянулись в пещеру. Они ударяли кремнем, высекая искры, напрягали зрение. Неверный свет падал на тускло мерцающие груды бриллиантов и рубинов. «Вот богатство, чтобы вооружить Ланн против врагов!» — шепнул кто-то. «Нет, это священный клад, — возразил другой шепоток. — Он принесет несчастье тем, кто его разграбит. Разве ты не видел, что на двери вырезано изображение Богини-Змеи?» Сафка удивилась — сама она как-то пропустила эту деталь. Наверное, бассейн настолько привлек ее внимание, что она сразу же вошла внутрь, не обратив внимания на дверь.

— Зажгите надежный свет и принесите сюда, — велела она.

Кто-то исполнил повеление, и при свете горящей лампы они заглянули в бассейн. В его дно, сделанное из громадного светлого камня, были врезаны ряды букв, тянущиеся один за другим. Гигантская книга. Вода как-то сохранила ее, хотя способна разглаживать камень не хуже ветра. Письмо было висское, так что они могли прочитать каждую строчку.

Когда спустилась ночь, такая же черная, как сам город, они отыскали на холме большой старый дом с колоннами. В прошлом чей-то дворец, он сохранился почти нетронутым. Никто не жил в городе, никто не ходил по его улицам. Норы тирров стояли пустые и высохшие, даже зловоние давно выветрилось. Кстати, им не доводилось видеть тирров и в долине. Похоже, эти немыслимо уродливые твари с ядовитыми когтями вымерли здесь давным-давно.

Люди развели огонь, приготовили ужин и поели, затем открыли и пустили по кругу мех с ольмским вином. Они достигли своей цели. После того, как уснули немногочисленные дети, наступила тишина — та тишина, что была в каждом из них, а сейчас просочилась наружу сквозь кожу, выглянула из глаз. Только тихо потрескивало пламя, да отсветы его плясали на волосах и женских бусах.

Сафка ушла за каменную перегородку, которой, наверное, было сотни лет, и лежала там неподвижно, слушая тишину, со всех сторон окружавшую эту перегородку меж нею и остальными.

Она воздерживалась с самого времени Застис. Забавно. Она знала, что там, в горах, могла выбрать любого из своих капитанов, и они почли бы за честь лечь с ней. Вряд ли когда-нибудь до того у нее были мужчины, которые так ее желали — ибо теперь она была особая женщина. Святая. Но в этом же крылась и причина ее воздержания. Близость перестала быть необходима ей.

А теперь...

Она смотрела на высокий потолок, на стропила из черного дерева, вырезанные не меньше чем за тысячу лет до ее рождения.

Хватит ли у нее сил, чтобы вместить огонь, чьего прихода они ожидают? Она знала Ашни, это правда. Но ведь сама по себе она была простой смертной женщиной. Она могла умереть.

Опять же замысел богини может и не воплотиться... Нет, нельзя позволять себе так думать. Нет ничего превыше веры. А вера Сафки была безгранична.

За перегородкой, в длинном зале, Яннул и еще один мужчина задавали корм скотине, привязанной к колоннам. Животные тоже были удивительно тихими. Обернувшись, Яннул увидел перед собой сына и его друга, мальчика чистой висской крови. Очевидно, где-то во время долгого пути они побратались на крови — Яннул разглядел белые шрамики на руке у каждого. Оба мальчика смотрели ему в глаза.

— Так это правда? — наконец спросил у него сын.

— А что сказала твоя мать?

— Сказала, что правда, и велела спросить у тебя.

— Значит, правда.

Дети снова повернулись к огню.

— Такая магия должна быть очень мощной. И что же теперь случится?

— Не знаю. Пожалуй, что-то вроде явления на дороге, но во много раз сильнее.

— Как под Корамвисом, где ты был с Ральднором эм Саром?

— Не знаю, — снова повторил Яннул.

Странно, что знание все это время хранилось здесь. Он подозревал, что оно совсем в другом месте, но, скорее всего, уже утеряно или разрушено. Некоторые строки на каменном полу бассейна были лишены смысла, другие представляли собой воспоминания, легенды. Эм Дорфар всегда гордились тем, что спустились с небес в утробах бледных драконов, дочерна спаливших землю своим огненным дыханием. Надписи на камне говорили о том же. Там сообщалось, что сперва, в незапамятном начале, все до единого люди на этом континенте были бледнокожими и светловолосыми, как на Равнинах. Но затем

пришла темная раса Висов, алчных и умных людей. Откуда — неизвестно, но, скорее всего, не с небес. Потом случилось что-то, о чем на камне не удалось вычитать никаких подробностей. Произошло падение с пика силы, как некогда с неба. Каким-то образом Висы выродились, утратив свои силы, не колдовские, но все же сверхъестественные. Но светлая раса к тому времени тоже миновала свой зенит. В отличие от Висов, она была наделена магией, но злоупотребляла этим даром и в конце концов загубила его. Она уступила захватчикам, а те, в свою очередь, уступили собственной слабости.

Эти сведения были весьма своеобразны, впрочем, как и положено мифам. Далее надпись на камне повествовала об иных вещах, излагая предание о том месте, где они сейчас находились, месте сдвига настоящего.

— Люди Равнин всегда в это верили, — сказала ему Медаси, когда огонь почти догорел. — Места силы, что-то вроде колодцев, из которых можно черпать, и силовые линии, связующие эти места. Они невидимым рисунком проходят по всей земле, воде и воздуху.

— А сообщается, где можно найти эти самые колодцы?

— Некоторые жрецы должны это знать. Всегда считалось, что один из них где-то около Корамвиса. Истории говорят о потаенном храме в тех местах, созданном еще тогда, когда та земля принадлежала желтоволосым людям.

Корамвис. Каменная рукопись в бассейне называла его Сердцем Дорфара. Второе место — здесь, имя ему — Зор эм Зор. Третье — степной город руин, который на камне был назван Анак-на-Равнинах. Четвертое — еще какое-то место, именуемое Мемон. Далее упоминалась некая южная страна за морем Эарла — очевидно, расположенная на втором континенте. Там таилось пятое место силы, камень называл его Ваттаком. Яннул предположил, что это Ваткри, первая страна, куда они с Ральднором эм Анакир прибыли после того, как их изверг океан, и где был зачат и рожден беловолосый сын Ральднора. Вдобавок он понял, что обреченный корабль, на котором их сквозь бури и огонь, мятежи, убийства и отчаяние принесло к этим чужим берегам, все время двигался вдоль незримой силовой линии, соединяющей Ваттак-Ваткри с Корамвисом, Сердцем Дорфара.

От гнева Яннул не знал, смеяться ему или плакать. Всевышний автор, который подхватил его и швырнул сквозь зеркало судьбы — это чудовище продолжало цепко держать его. Оно никогда его не выпустит. И никого из них — ни живыми, ни мертвыми.

Он постарался скрыть раздиравшие его чувства за

практическим вопросом:

— Интересно, где может быть этот Мемон? Среди больших городов, и живых, и разрушенных, такого нет. Даже о маленьком городке с таким названием я не слыхал. Может быть, какая-то деревушка, где варят этот духовный суп. Да помогут им все боги!

Он подбросил дров в огонь. Они оказались сырыми и начали трещать и плеваться смолой. Не исключено, что духовная сила планеты будет вести себя так же.

Отсюда, из долины, мир с его снегами, кармианским вторжением и подготовкой к войне выглядел не так уж страшно. Но Лар-Ральднор, его старший сын, был там, в самой гуще этого кошмара. А также два сына Ральднора эм Анакир.

— И еще она, — произнесла Медаси, читая его мысли с точностью, которая его уже не удивляла. — Ашни.

Палкой, зажатой в правой руке, Яннул мрачно пошевелил дрова в костре. Искры взвились фонтаном огня, и от этого стало светлее.

20

От востока до Междуземья холода погрузили мир в заклятый белый сон. Сквозь эту белизну, по сугробам и алебастровым ущельям пробивалась кучка отчаянно борющихся людей. Их колесницы застревали на перевалах, скакуны проваливались в снег по грудь, а то и по горло. Но люди не останавливались. Они спешили в Дорфар, в Анкиру. Прибыв во Дворец Гроз Верховного короля, они испугали придворных красными обветренными лицами, тусклым взглядом и грязными повязками на обмороженных руках и ногах. Один из них даже лишился двух пальцев.

Эти люди принесли Ральданашу новости — такие же тяжелые, как и их путешествие.

Элисаар, завоеванный Шансаром в войне Равнин, долгое время был проверенным союзником Повелителя Гроз, сына человека, который когда-то впервые привел Шансар на Вис. И вот теперь Элисаар объявил о своем нейтралитете. Формальное уведомление еще не поступило, но его ожидали со дня на день.

Дорфарианцы, доставившие это известие, обрисовали положение так: «Похоже, что Кесар потихоньку нащупывает почву для укрепления кармианского трона. Он наполовину шансарец, хотя не любит это подчеркивать. Шансарский же Элисаар — по определению союзник Шансарского Кармисса. Сейчас, когда Кесар обхаживает Вольный Закорис, элисаарцы боятся шевелиться — с одной стороны, у них под боком Вардийский Закорис, а через Внутреннее Море лежит Междуземье; с другой — Вольный Закорис без труда может дотянуться до них. А тут еще Кесар с его подарками и клятвами в нерушимой любви — и все это из захваченного Ланна. В общем, повелитель, Элисаар будет сражаться лишь за себя. Любой, кто двинется в его сторону, натолкнется на яростное сопротивление. Это в равной степени касается и Вардийского, и Вольного Закориса. И Дорфара тоже».

Новости, пусть и тяжелые, никого не потрясли. По всему Вису уже прокатилась волна добровольных отставок среди высших офицеров шансарского происхождения.

Взяв слово перед смешанным советом Анкиры, Венкрек повел речь об элисаарской проблеме и путях ее решения. Он пользовался языком Висов, но приправлял его множеством популярных слов, пришедших из его родного Ваткри.

— Мы послали гонцов на Континент-Побратим, — начал свою речь лорд-правитель. — Но все идет к тому, что нам предстоит краснеть до самой весны. Я уверен, господа, вы уже поняли, что

если Кесар считает осмысленным идти на союз с Шансарским Элисааром, значит, договор с самим Шансаром он подтвердил уже давно.

В этом месте совет загудел, хотя все до единого знали, что грядет.

— Если Кармисс, все еще уверяющий нас в своей дружбе, хотя мы уже не верим его словам, — безжалостно продолжал лорд-правитель, — так вот, если Кармисс сохранил договор с Шансаром-за-Океаном — а мы полагаем, что так оно и есть, — то Шансар обязан стать на его сторону. Кесар заигрывает с заклятым врагом Дорфара — Вольным Закорисом, Черным Леопардом. При данном раскладе второй континент поведет себя так: шансарцы станут врагами народа Повелителя Гроз в Ваткри, а также Вардата, который держит королевство Старого Закориса на Висе. Если очень повезет, Шансар всего лишь откажется помогать Дорфару, своему прежнему союзнику. В худшем же случае шансарцы объявят войну Дорфару и Вардийскому Закорису, а через них — самим Ваткри и Вардату, и Тарабанну в придачу. В условиях такого кризиса глупо ожидать, что вардийцы и ваткрианцы пошлют войска к нам на выручку и оставят без защиты свою собственную землю. Таким образом, господа, нам не приходится рассчитывать на помощь второго континента. Все, что нас ждет впереди — это разрастание единожды начатой войны, опустошение на юге нашего родного континента и полное разорение Виса.

— Своей двуличностью и грязными маневрами Кесар весь мир поставил с ног на голову! — выкрикнул кто-то после окончания речи Венкрека. Других замечаний не последовало. Наступила гнетущая тишина.

Это был обычный хаос, сопутствующий обострению соперничества, как и в прежних конфликтах. Но на этот раз во всем мире не осталось места, куда можно было бы сбежать. Бедные и богатые, хозяева и слуги — все они попали в одну ловушку.

Любые приготовления были заранее обречены — Рармон выдал их Вольному Закорису. Ральданаш сидел перед своим советом, как холодная мраморная статуя.

Где теперь все герои?

В маленькую комнату вползли сумерки, полные теней и неслышных звуков. За высоким окном вырисовывались холмы, встающие над городом, а еще дальше — смутные горы, почти сливающиеся с темнотой неба.

«Ты не наш, — шептали ему горы. — Ты сын не нашего утра, ты зачат в иной сени. Мы не скроем тебя, не станем тебя беречь».

Ральданаш, восприимчивый к чуждым очертаниям и особой выразительности здешних мест, за долгие годы много раз прогуливался верхом по этим горам, глядя на Корамвис со стороны. Сейчас же он смотрел изнутри, но его взгляд сразу же устремился прочь из Дорфара, прочь с Виса…

Он вспоминал Ваткри-за-Океаном, его мягкие зимы, время ветров, а не снегов, и жаркие месяцы, когда долины золотились от зерна. Он видел город за красными стенами, корону башен, вздымающихся над равниной почти на девяносто футов, и краснокаменный дворец. И все эти стены, долины и тенистые сады казались ему драгоценной камеей, чьей белоснежной сердцевиной была его светлая мать, при жизни носившая имя Сульвиан.

Она была прекрасна, и свою красоту он унаследовал от нее. У них были одинаковые белоснежные волосы, столь непохожие на зимы второго континента. Он рос и привыкал, что у них нет никого, кроме друг друга. Раньше у Сульвиан был любимый брат — он мог бы заменить ему отца, но дядя Джарред ушел на войну вместе с Ральднором и сгинул в горящем море, не оставив никаких следов, ничего, что можно было бы оплакивать. А Ральднор — его родной отец, Избранник богини — тоже не вернулся и никогда не видел своего сына. Но Сульвиан всегда тешила себя надеждой, что когда-нибудь еще раз обнимет мужа, и обещала Ральданашу, что он увидит Ральднора в стенах родного дворца.

Когда после войны Равнин в Ваткри стали просачиваться слухи об исчезновении Ральднора, его метаморфозах и преображении, Сульвиан долго гнала от себя эти россказни. Он еще появится в Дорфаре. Он столько перенес, чтобы завоевать его — как он может не вернуться? Ральданашу исполнилось пять или шесть лет, когда он начал замечать, что позиция матери изменилась. Очень осторожно и постепенно, как отлучают от груди ребенка, она стала освобождать его от мечты, которую сама же в нем посеяла и прежде разделяла с таким воодушевлением. Теперь ребенку внушали, что когда-нибудь ему придется покинуть родной дом и поплыть за море в чужое королевство, чтобы стать его наследником. Именно там Ральданаша будет ждать его отец Ральднор. Порой Сульвиан говорила, чтобы отогнать тайные дурные предчувствия сына: «Ты не будешь одинок, твой отец будет рядом». Но в конце концов отца рядом так и не оказалось.

Даже в детстве Ральданаш понимал, что мать эта история ранила куда больше, чем его самого. Сульвиан всегда осознавала, что ее использовали — династический брак, скрепленный

рождением ребенка мужского пола. Она полюбила Ральднора, но безответно. Тогда она обратила всю свою любовь на сына. Увы, это дало ей лишь временное утешение. В раннем отрочестве Ральданашу пришлось уехать.

Сейчас, сидя во дворце, он вспоминал мать такой, какой она была в вечер его отъезда.

Он впервые разлучался с нею, и его сердце сжимала тревога. Что поделать, он был еще мальчишкой. Сульвиан, женщина, пережившая свой расцвет, стояла у колоннады, и звездное небо за ее спиной служило обрамлением для ее белых волос, перевитых драгоценностями.

«Я пришлю за тобой», — сказал ей Ральданаш, маленький мальчик, который хотел казаться старше.

«Я всегда с тобой, — улыбнулась мать. — Здесь, там и где угодно».

Несколько дней спустя Ральданаш стоял на борту корабля и со вздохом глядел, как скрываются вдали родные берега. И тут он почувствовал, что слова матери таят зловещее предзнаменование. Скоро она умрет. Будь это в его власти, он повернул бы корабль обратно. Но сдержанность, присущая царственному положению Ральданаша и вообще пожизненная, уже глубоко укоренилась в его характере, научив его сопротивляться и терпеть. Поэтому Ральданаш пережил весь долгий путь до Виса, гоня от себя тоску и дурные предчувствия. Он пережил действо по случаю своего прибытия в чужой город, торжественное и одинокое, закончившееся дрожью земли, словно сама твердь его нового королевства приносила ему ужасную присягу. Он пережил последующие дни непрерывного труда во имя того, чтобы соответствовать чужим запросам — без отдыха, без прибежища в чем бы то ни было, даже во сне думая о своей стране и о том, каким человеком он должен стать, чтобы править ею. И наконец он пережил тот день, когда ему доставили известие о смерти Сульвиан — принесли и положили у его ног, словно цветок, в присутствии пятидесяти свидетелей. Ему было всего четырнадцать лет.

Двор считал Ральданаша холодным, замкнутым и бездушным. Его достоинство и сухие глаза оскорбляли самые устои Висов. Здесь женщины неистово рыдали над мертвыми, а похоронные процессии превращались в волнующее зрелище. Этот же юный чужеземец даже не прикрыл глаза рукой, произнося скупые фразы сожаления. Однако Ральданаш не хотел устраивать театр для своего окружения. Он был ранен в самое сердце, истекал кровью внутри, но никому не было дозволено увидеть это.

Холодный король Равнин. Эманакир.

Отца он тоже любил, но довольно своеобразно — скорее саму идею Ральднора-избавителя, восходящего солнца, как ее донесла до него мать. До этого часа ему удавалось живо воспроизвести в памяти лицо Сульвиан, ее голос, ее настроение, когда она рассказывала ему о Ральдноре. С ее смертью связь прервалась. Окончательно лишиться отца, вновь и вновь переживать в душе потерю матери — это стало для Ральданаша непосильным грузом, пусть даже и осталось незамеченным для окружающих.

Как и Рармон, он знал, что отец никогда не дорожил им. Это знание являлось частью его наследства, и оно не облегчило Ральданашу вступление в наследственные права.

В конце концов он пришел к тому, что образ и даже само имя Ральднора на каком-то глубоко личном уровне причиняли ему боль и лишали покоя. Осознав это, он запретил использовать имя отца в своем ближайшем окружении — слишком велик был соблазн перенести отвращение к имени на его носителя. Но люди, попавшие в такое положение, не понимали и не могли понимать истинных мотивов Ральданаша, а потому обижались и оскорблялись, как сын Яннула.

За окном совсем стемнело. Кто-то из слуг вошел зажечь светильники, а за ним последовал обмороженный гонец из Элисаара.

— Я очень сожалею по поводу твоей руки, — сказал Ральданаш.

Гонец был смущен и сбит с толку. Ему говорили, что король никогда не проявляет простых человеческих чувств.

— Это моя собственная вина, Повелитель Гроз. Я был неосторожен. Благодарение богине, это не правая рука.

— У тебя есть еще какое-то дело ко мне?

Гонец помялся в нерешительности и приступил к своему рассказу, словно нырнув в ледяную воду. Он по-прежнему сомневался. Все это казалось ему таким неуместным...

Он отирался в Оммосе, разведывая перемещения тамошних войск и собирая реакцию на слухи об ужасном Вольном Закорисе, которые сам же помогал распространять. Когда мороз начал обгладывать его пальцы, лазутчик нашел убежище в Хетта-Паре, где Хранитель-эманакир руководил постройкой нового города и сносом старой столицы, догнивающей под снегом.

Из Зарависса уже доползли кое-какие слухи относительно таинственной Равнинной то ли жрицы, то ли колдуньи — это зависело от личности рассказчика и места, откуда он происходил. К примеру, существовала крестьянская история о духе или даже богине, которая двигалась на север. Одни говорили, что она ехала на золотой колеснице, влекомой белыми волками, другие

упоминали повозку, увешанную светящимся янтарем. Одному-двум рассказам не стоило придавать значения — в тяжелые времена безумные россказни о сверхъестественном цветут пышным цветом. Боги и умершие герои разгуливают по дорогам, тут и там рождаются телята с двумя головами, хлеб кровоточит, а вода превращается в вино или мочу. Но истории о беловолосой жрице имели слишком много схожего. В конце концов стал складываться образ некой святой женщины, с высокой вероятностью направляющейся в Дорфар.

А потом, прогуливаясь как-то вечером по омерзительной нижней части старого города, дорфарианский разведчик увидел меж горами щебня и остовами горелых домов какое-то движение и отсветы факелов. Мигом сообразив, что на этом конце Хетта-Пары находится небезызвестная позорная яма, гонец спустился вниз и смешался с толпой.

Он решил последовать за народом к яме и выяснить, что к чему. Вначале ему показалось, что местные жители посмели возродить культ Зарока — двоюродного брата закорианского огненного бога. Статуя, которой полагалось валяться как попало, теперь снова стояла вертикально, мало того, ее чрево-печь было раскалено докрасна. И лишь когда толпа ненароком подтолкнула его поближе, гонец сумел рассмотреть, что божество в яме было вовсе не тем Зароком, чьи изображения ему доводилось видеть раньше.

— Я не могу объяснить этого, мой повелитель, но он больше не казался мне уродливым. Черты лица как-то изменились... и зубы тоже. Он стал непохож сам на себя, — при этом воспоминании гонец потряс головой. — Но это еще не все, мой повелитель. Там, прямо за статуей, сохранилась часть разбитой стены футов в шестьдесят высотой. И во всю эту стену была какая-то отметина, словно выжженная, неотчетливая. Но затем стену осветили факелами, и я увидел, что ожог имеет форму гигантской анкиры: хвост, торс и руки вверх от локтей... их было восемь.

Гонец, который также был шпионом, против обыкновения, не смог ничего разузнать в толпе. Он просто постоял в яме вместе со всеми, а потом вместе со всеми покинул ее.

К тому времени, как он достиг северной границы и встретился со своими товарищами, его коллекция слухов значительно пополнилась. Оказывается, жрица-колдунья устраивала чудеса. Некоторые из них включали явления огромной Повелительницы Змей — восьмидесяти-девяноста футов в высоту. Кое-кто объявлял эту женщину дочерью Повелителя Гроз Ральднора. Дорфарианцы пока не видали ее. Однако сам гонец считает, что она со своими спутниками — ибо

она путешествует со свитой, и хорошо, если в ней нет огромных волков, змей и ручных тирров — могла уже прибыть и сюда, в Дорфар.

Отпустив гонца, закончившего свой рассказ, Ральданаш тоже покинул комнату. Он пересек весь дворец, его залы и дворы, и вышел на заснеженный склон дворцового сада. Повелитель Гроз направлялся в свой личный храм, который десять лет назад выстроили по его повелению.

Роща была вся засыпана снегом, храм темным пятном выделялся на его фоне. Войдя внутрь, Ральданаш невольно припомнил, как привел сюда Рармона, чтобы подтвердить его происхождение. Сдавило виски. Теперь Рармон, как и сам Ральданаш, покоится в самой верхней длани Анакир.

Как всегда, горел одинокий светильник. Ральданаш простерся на каменном полу и приготовился перейти в состояние, близкое к трансу, которое сопутствовало медитации. Его учили этому ваткрианские жрецы, а позже и сами эманакир.

Долгое время он, как и многие эманакир, настраивался на нависшую угрозу. До нынешнего часа она была довольно обобщенной, но теперь...

Какое-то время, освободив свой разум, он старательно всматривался внутренним зрением сквозь туман. И наконец разглядел слабое сияние — тускло-золотое, как глаза некого необъяснимого создания из иного измерения.

Там, где река, тяжелая и замерзшая подо льдом, изгибалась и разделялась на рукава, стояла древняя сторожевая башня, отмечающая северо-западное начало границы меж Дорфаром и Оммосом. Теперь от нее остался лишь каменный остов. Недалеко от этого места почти тридцать лет назад в страну проник предатель Рас, целью которого было расстроить Равнинное наступление. Из одной ненависти к Ральднору он подарил — даже не продал — свой народ лорду-советнику Амрека по имени Катаос, который сейчас носит чуть-чуть иное имя на службе у Йила эм Закориса.

В башне и рядом с ней была устроена небольшая стоянка. Три-четыре фургона прятались с подветренной стороны грубых каменных стен. Люди и зеебы укрылись внутри башни, откуда в дымное небо поднимался жидкий дымок костра.

На первый взгляд, здесь не было никакой магии или колдовства, ни малейшего намека на чудо. Никаких волков, танцующих на снегу. Ничем не примечательный и не слишком-то удобный лагерь.

Хойт Вардийский, его слуга и мужчина-степняк из Мойи,

который присоединился к ним недалеко от Зарависса, возвращались с охоты. Им не повезло — они снова остались без добычи. Овцы давно были съедены, за исключением двух, способных давать молоко. Убийства происходили очень своеобразно — девушка касалась лбов животных, и они беспробудно засыпали, не просыпаясь даже тогда, когда нож пронзал их плоть. Сама Ашни не ела мяса. Питалась она каким-то таинственным образом — может быть, травой и кореньями, а сейчас, похоже, одним снегом. За время путешествия она похудела так, что светилась, но на ее здоровье это никак не сказалось.

Бредя по заснеженным дорфарианским склонам, они рассказывали друг другу о своей родине. Степняк — о Мойе, расположенной на берегу Внутреннего моря, Хойт — о прекрасном заокеанском Вардате с его голубыми стенами. Они помнили время, когда были обыкновенными людьми, пока Ашни не изменила их. Но с ней в их жизнь вошло великое спокойствие. Они беседовали на разных языках, каждый на своем родном, но это им не мешало — слова рождались прямо у них в сознании.

Любые странности давно сделались для них привычными.

Приближаясь к своему лагерю, они увидели поднимающийся дымок и еще кое-что. Вернее, кое-кого, призраком скользнувшего мимо них по снегу. Они не стали ни останавливаться, ни пытаться его удержать.

«Тот, кого она призвала», — подумал вслух уроженец Мойи.

«Или тот, кто ее ищет», — ответил Хойт.

Туманный закат просвечивал сквозь пришельца, его волосы казались покрытыми изморозью. Именно по ним охотники и узнали его.

«Дух Ральднора?»

«Его сын».

Охотники направились к лагерю на почтительном расстоянии от гостя. Он был королем, но не это главное. Они хотели увидеть ту трепетную струну, что в течение жизни привязывает душу к телу, и, похоже, им это удалось.

Оказавшись в нематериальном состоянии, Ральданаш не удивился, только отметил, что никогда раньше его дух не улетал так далеко от тела, да еще сохраняя внешний облик. Силы, потребные для этого, явно превышали его собственные. Должно быть, он подпитался от девушки ее магнетизмом, подобным тому, что исходит от янтаря.

Он ясно ощущал не только присутствие мужчин за своей спиной, но и их готовность принять его. Правда, они казались ему

призраками — так же, как, наверное, и он сам для них. Весь мир вокруг сделался призрачным. Твердым и надежным был лишь золотой огонь впереди, идущий от девушки.

Ральданаш еще раньше, без всякой подсказки, уяснил о ней все, что смог. Душа дочери Ральднора в оболочке тленной человеческой плоти, но старше этой плоти и переделывающая ее, чтобы приблизить к своему истинному возрасту. Теперь она выглядела как юная женщина лет восемнадцати, а ее сознание было еще старше. Старше даже самого себя, ибо каким-то непостижимым образом она сохранила те знания, которые душа забывает на путях своих бесконечных странствий. То, что помимо всего прочего, она еще и его сестра, он даже не вспоминал. Из всех причин, которые толкали его к ней, эта была наименьшей.

Дух Ральданаша вошел в скорлупу, оставшуюся от башни. Краем глаза он замечал пламя, мужчин, женщин и животных. Некоторые — родом с Равнин, — в свою очередь, видели его, но никак не реагировали. Похоже, она так и хотела — чтобы они воспринимали его без всякого показного шума. Поэтому Ральданаш спокойно прошел сквозь них и стал подниматься по винтовой лестнице.

На самом верху сохранилась небольшая часть зала — открытое со всех сторон пространство. На фоне темнеющего неба ее свет горел ровно и ярко.

Ашни. Она поднялась ему навстречу и странным мягким жестом взяла его руки в свои. Кроме ее прикосновения, во всем мире не было более ничего реального — только холодное серебро, текучая вода и ветер.

Ее красота сильно отличалась от его собственной, равно как и от красоты Ральднора, Сульвиан или Астарис. Эта была красота, какая бывает в фантазиях, не сводимая к жемчужно-белой коже и волосам цвета топаза. Ее глаза казались не глазами, а окнами, за которыми горит лампа. И еще — Сила. Сходную силу он ощущал в Рармоне, но у того она была рассеянной, у нее же — сосредоточенной, даже избыточной. Для пробуждения такой силы нужно было что-то иное, не воля. Если Рармон был мечом, то Ашни — клинком огня. А сам Ральданаш… теперь он понял, что его сила совсем другая. Она была зеркалом, бронзовым или стеклянным, улавливающим и умножающим солнечный свет и тепло. Ральданаш увидел это зеркало — увидел, как оно ослепительно вспыхнуло, а затем покоробилось, треснуло, раскололось. Такова судьба зеркала. Он должен умереть.

Ее прикосновение дарило ему расслабленный покой, но без всякой жалости. Она сообщила ему только то, что он и сам давно знал — еще там, на равнинах Ваткри и в холмах Дорфара.

Пословица гласит: «Иные люди, как свечи — светя другим, сгорают сами».

Почему-то ему вспомнился дядя Джарред, сгинувший в пылающем море.

Ашни держала его, и ужас отступал. Она начала говорить с ним, но не словами и даже не образами. Непонятно как, но знание, идущее от нее, сразу наполняло его зрение, слух и сердце. Она воскрешала для него прошлое: он видел Ральднора и Ашне'е, былую славу Корамвиса и многое другое из прежних эпох, что изумляло, восхищало, а затем забылось.

К концу этого разговора смерть уже стала для Ральданаша чем-то незначительным. Он поднял глаза — внутренние глаза своей души — и не удивился, узрев Ашни в ее истинном облике, золотом, как лето. Она была выше небес, чьи звезды вплелись в Ее волосы; Ее глаза казались двумя солнцами; чешуйчатый хвост уложен такими тесными кольцами, что походил на башню. Ашнезеа, Ашкар, Анакир.

И тогда Ральданаш нашел слова, чтобы говорить с богиней. Точнее, всего одно слово: «Почему?»

Ответ расцвел в глубине его души:

«Я — только символ и имя. В Оммосе меня зовут Зароком. В Закорисе — Зардуком и Рорном. За пределами мира у меня другие имена. Я — то, что видят во сне, о чем мечтают. Я — символ пробуждения после смерти».

«Но что есть это пробуждение?» — спросил он, хотя ему уже был показан ответ.

«Ты сам», — ответила богиня.

В это время в Зоре Сафка видела во сне колонну света, который сиял, не обжигая. Но Лар-Ральднору в Равнинном городе снились два чудовища, черное и алое, и еще Рэм, охваченный пламенем, с кричащим черепом вместо лица.

21

В шести милях к юго-востоку от Йилмешда местность повышалась и становились совсем непроходимой из-за душных, полных испарений джунглей с хриплыми птичьими голосами и цветами, поедающими ящериц. Даже зимой сюда не приходили холода. И здесь же начиналась Южная дорога короля Йила, который спал и видел, как в один прекрасный день его люди и колесницы ринутся по ней на Дорфар и Вардийский Закорис.

Однако эта сказка не очень-то стремилась стать былью. Люди делали свое дело, а джунгли — переделывали по-своему. Похоже, сражениям суждено было произойти на других, более доступных направлениях. Пока что дорога служила для устрашения дорфарианцев и вардийцев, а также каторгой для тех, кого не устраивали порядки Вольного Закориса.

Где-то в топких болотах на первых двадцати милях дороги команды рабов занимались расчисткой подлеска.

Пару лет назад дорогу здесь выложили каменными плитами, однако они уже успели прорасти побегами ползучих растений. Обнаженные рабыни в одних кожаных набедренных повязках пололи и рубили их от зари до зари. Жара выжимала воду и соль из их тел, спины багровели рубцами от бичей надсмотрщиков. Когда какая-нибудь из них падала без сил, ее поднимали пинками. Если же это не помогало, несчастную просто сталкивали в ров на обочине. Охране запрещалось развлекаться с рабынями, ибо те все равно умрут, не сегодня, так завтра, а расточать семя впустую противозаконно. Надсмотрщики даже не трудились перерезать горло умирающим — время и без них сделает свое дело.

Дальше в глубину леса, где были выкорчеваны гигантские папоротники и лианы, как муравьи, трудились мужчины-рабы, укладывая новые каменные плиты.

А еще дальше прямо посреди дороги росло дерево. Его обвязали веревками, которые продели в железную упряжь двух огромных палюторвусов — гигантских зверей, обитающих в болотах Закориса и на границе Таддры. Один из них был цвета ржавчины, второй — чернее ночи. Твари тупо тянули, их шерсть струилась, как вода, тела вздрагивали от хлестких ударов, словно от укусов насекомых. Дерево скрипело, сопротивляясь, но в конце концов поддалось, цепкие корни полезли прочь из земли.

Немного в стороне, прямо в душной тени у дороги, тоже было на что посмотреть. Бродячий святой, явно помешанный, предсказал, что скоро будет дождь, и сейчас бился в судорогах,

призывая его. Стража не смеялась над ним. Если у нее возникало желание позабавиться, то для этого имелся другой безумец.

У обочины стояла телега с колесами, застопоренными с помощью камней. Солнечный свет с беспощадной яростью выставлял напоказ того, кто на ней находился.

Часа два перед этим он завывал, но сейчас вроде бы заснул. Его голова склонилась на грудь, черные волосы и борода скрыли лицо. Медная кожа со следами кнута лоснилась от пота и грязи. Телега тоже была грязна, хоть и украшена увядшими гирляндами, и хранила множество отметин от камней, которые толпа в Йилмешде швыряла в нее и в сидящего на ней человека. Безумец был опутан неестественно тяжелыми цепями, которые крепились к циббовому столбу, вбитому в телегу. К нему же, прямо над головой человека, был прибит кусок дерева с выжженной надписью. Не все могли прочесть, что на нем написано, но догадаться было нетрудно. «Я — принц Рармон эм Дорфар, сын Ральднора, сына Редона. Воззрите на мой триумф!»

Они взирали на это уже почти месяц. И слушали тоже. Правда, речь у безумца была невнятная, зато легкие великолепные. Еще больше развлекало их, когда он начинал греметь цепями, не в силах освободиться. Его ярость и гнилостный запах от его ран доставляли Вольным закорианцам исключительное удовольствие. Вот что они сделают со всем Дорфаром, а также с проклятыми желтыми народами, которые посрамили их.

Пленнику регулярно давали пить и время от времени кормили его. Йил желал, чтобы Рурм эм Ральнар прожил долго.

Когда по ночам он выл на луну, его пытались унять с помощью кнута, но это не помогало. Единственный человек, который решился подойти к нему, чтобы почесать об него кулаки, кончил очень плохо — безумец бросился ему на горло и прокусил вену. Через минуту стражник испустил дух, захлебнувшись кровью. Теперь, когда Рармон начинал вопить, его осыпали проклятиями, но не решались ни на что иное.

В пятидесяти шагах от него огромное дерево наконец-то вырвалось из земли, обдав всех фонтаном камней и грязи. Палюторвусы замерли, и пленник на телеге вскинул голову. Глаза у него были желтые, как у его бабки, степной колдуньи Ашне’е.

Сначала Вольные закорианцы хотели его ослепить, но Йил, точнее, Катус, не разрешил его калечить, заявив, что намерен показывать его во время войны, а потому он должен остаться узнаваем для врагов.

Подлесок вдоль дороги полагалось выжигать. Далеко на юге, в перенаселенных долинах меж гор, освоенных еще Старым

Закорисом, огонь был главным средством остановить наступление леса. Передовой отряд расчистки продвинулся так далеко, как только можно, в основном ради того, чтобы заставить шпионов Повелителя Гроз бить тревогу. Однако на всем протяжении дороги оттуда до здешнего участка буйство джунглей сдерживалось с неимоверным трудом.

Зима в Таддре была порой дождей, а потому выжигание производилось именно в это время года. Глубь леса под пологом листвы всегда оставалась влажной и полной испарений, но здесь, на открытом пространстве, солнце высушивало деревья, и они вспыхивали как щепки от любого случайного огонька.

За последнее время безумец в телеге, если он вообще замечал что-либо вокруг, уже дважды наблюдал этот процесс. Сначала воздух наполнялся искрами и пламенем, затем следовал раскат грома, стена ливня и клубы густого удушливого дыма, знаменующие окончание пожара. Тринадцать дней назад команда рабов, работавшая в гуще джунглей, оказалась отрезана и сгорела заживо — в тот раз гроза пришла слишком поздно, чтобы помочь им. Но если вопли несчастных и пробудили какие-то иронические воспоминания во взбаламученном мозгу безумца, то он не подал виду — просто молча стоял и позвякивал своими цепями.

От палуторвусов такого смирения ждать не приходилось — эти болотные твари ненавидели огонь. Поэтому всякий раз, как небо между деревьями начинало темнеть и хмуриться, кто-нибудь забирался повыше и накидывал мешки на головы зверей. Их волосатые тела натирали сильно пахнущей мазью, чтобы перебить запах гари, а кроме того, отвлекали их от происходящего разными лакомствами. Для полуголодных рабов это зрелище было невыносимо. Здесь работали элисаарцы, искайцы и таддрийцы. Раньше здесь имелась и команда полукровок, но они быстро вымерли. Люди с примесью светлой крови недолго выдерживали на такой работе под беспощадным западным солнцем.

Блаженный, который предсказывал дождь, вдруг поднялся, жадно принюхиваясь, и вскинул руку, показывая три пальца:

— Вот столько времени, не больше.

Небо потемнело и набухло, нависая над самыми верхушками деревьев. Закорианцы приняли решение и разошлись вдоль цепи рабов. По их команде и мужчины, и женщины кинулись вперед, поджигая лес факелами. Внезапно будто невидимая волна прошла по джунглям, и пламя стремительным драконьим броском взметнулось вверх на тридцать футов. Посыпались головешки. Рабы с воплями отскочили назад и столпились посреди дороги. Стаи птиц с пронзительными криками взмыли в небо.

В тот же миг, словно по точному расчету, белый росчерк молнии прорезал облака.

Ударил гром. Палюторвусы в волнении трясли закутанными головами — они были немыми и не могли выразить беспокойство криком. Невзирая на все предосторожности, они учуяли запах пожара.

По обеим сторонам дороги выросли сплошные стены огня. Рабы, сбившись в плотную кучу, вразнобой молились и причитали. Бродячий святой топтался на месте, воздевая к небесам свои тощие лапки. Даже надсмотрщики в ужасе начали взывать к богам. Но дождь все не начинался.

Снова раздался раскат грома, на этот раз прямо над головами. Две ослепительные молнии, похоже, столкнулись в небе и обрушили свою объединенную мощь на какое-то дерево, в глубине джунглей, но достаточно сухое, чтобы в небо взметнулся еще один столб огня. Пылающий ствол рухнул поперек дороги. Это вызвало новый взрыв отчаяния в толпе рабов. Надсмотрщики орали, требуя откупорить бочки с водой, чтобы хоть как-то сдержать огонь. Но пламя пожирало эту воду, выплевывая облака пара.

Огонь был повсюду. Даже небо изливалось огнем, а не дождем.

Спасаясь из этого ада, один из Вольных закорианцев запнулся о телегу безумца. Бросив взгляд наверх, он встретился с темно-золотыми глазами, в которых отражались молнии, и в ужасе отпрянул. Он вспомнил, к какому роду принадлежит этот человек, о чем говорила и надпись над его головой — Повелителя Гроз.

И тут, будто мало было горящего леса и изрыгающего огонь неба, вырвался на свободу еще один кошмар Южной дороги, черный, как ночь.

Должно быть, второпях палюторвусов не слишком надежно привязали, и теперь тот зверь, что был помоложе, порвал упряжь. Ничего не видя из-за накинутого мешка, слыша лишь громовые раскаты у себя над головой и чуя лишь ужасающий запах гари, палюторвус взбесился и в панике заметался по дороге. Люди бросились врассыпную. Один из них, недостаточно проворный, был раздавлен, смят, как гнилой плод, когда гигантские ноги протопали по нему.

Опаленный, незрячий, ничего не соображающий от ужаса, палюторвус сметал все на своем пути. Молнии по-прежнему били в лес, и под их вспышками зверь казался огромным, как гора. В отчаянии рабы прыгали в сторону, прямо в огонь, но сейчас он казался им едва ли не предпочтительнее. Единственной

неподвижной преградой на пути палюторвуса была закрепленная телега с закованным пленником.

Зверь не мог видеть и потому налетел на нее со всего маху. От удара борта телеги разлетелись, колеса покатились по камням. Закрепленный циббовый шест вырвался из настила, попав между ног несущемуся великану. Казалось, Рурм эм Ральнар будет растоптан, как прежде закорианец. Но случилось иначе. Его цепи, соскользнув с упавшего шеста, зацепились за свалявшийся подшерсток палюторвуса и за остатки упряжи, болтавшиеся у того под животом.

Не имея возможности освободиться от этой бессмысленной ноши, повисшей у него под брюхом, словно детеныш-сосунок, палюторвус резко развернулся и кинулся в сторону, слетев с дороги, но перед тем окончательно доломав телегу. Обезумевший и совершенно утративший чувство направления, зверь бросился прямо на стену огня и исчез за ней. В горящих джунглях, сам с горящей шерстью, палюторвус продолжал неловко бежать, волоча за собой шест с прикованным человеком, пока не скрылся из глаз.

Наконец пошел дождь, обрушившись с неба тяжелым серым занавесом. Безумец лежал под ним, впитывая влагу всем своим телом.

Животное, за которое он зацепился, протащило его многие мили, словно огромная безмолвная машина. Тело, поросшее густой шерстью, стало отличным укрытием и от леса, и от огня. Джунгли расступались перед зверем, и даже огонь в конце концов сдался — в чаще, переполненной влажным туманом, быстро умирали отдельные немногочисленные пожарища. Где-то по пути палюторвусу удалось сбросить свою ношу, а может быть, ее содрали с него цепкие когти джунглей.

Большую часть пути человек провел в оцепенении — все эти удары, дым и бешеная скорость окончательно помутили его нетвердый разум. Только сейчас, лежа под ливнем, он осознал, что все еще жив. Тогда он инстинктивно перевернулся на бок — лежа на спине под неистовым ливнем северо-запада, нетрудно захлебнуться. Потом он догадался открыть рот, чтобы напоить дождевой влагой свою плоть и кости.

Безумец по-прежнему оставался безумцем. Для него не существовало ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Его сознание состояло из кусочков, как мозаика. Здесь выплывал из памяти лик девушки с волосами цвета рубинов, там — что-то, похожее на черную стену, а за нею море. Или же торговец, умоляющий о пощаде с клинком у горла. Или вращающаяся серебряная монета. Все эти образы кружились в его мозгу, не

надоедая и не утомляя, лишенные начала и конца, имени и цели, ничего от него не требующие.

Но сейчас, хотя человек еще не восстановил способность рассуждать, наметились какие-то странные изменения. Что же это было?

Безумец поднялся на ноги и огляделся. Вокруг него стоял сумрачный лес, омытый дождем, словно океаном.

Когда дождь утих, он пошел по этому лесу, не особо разбирая, куда идет. Иногда он трогал заинтересовавшие его деревья, иногда с таким же любопытством ощупывал свое лицо. На его руках сохранились обрывки цепей — при ходьбе они позвякивали, но никак не стесняли движений. Безумец не пытался осмыслить происходящее. Как вывороченный шест разорвал и размотал его цепи, так же бездумно и сам человек завершил это дело, вываливаясь из-под брюха огромной твари. Связующие звенья уже подались, и все, что ему оставалось — выпутаться из них, как он выпутывался из лиан, свисающих с деревьев.

В числе прочего человек позабыл и про закорианцев.

Рдеющее послегрозовое солнце клонилось к закату за левым плечом человека, но он не замечал этого. Черные обезьяны с мордочками, похожими на белых бабочек, наблюдали за ним с высоты в шестьдесят футов из своего укрытия в ветвях. Безумцу же виделась то маска, наполовину черная, наполовину белая, то человек с черными роскошными волосами, то черная жемчужина.

Затем рядом появилась какая-то особенная тень, очень длинная и плотная. Безумец не распознал ее как следует, но почувствовал что-то знакомое.

Это был палюторвус. Он как-то освободился от мешка на голове и теперь брел меж деревьев, пощипывая сочные листья. Слишком долго пробывший в неволе у людей, он чувствовал себя потерянным и печально вздыхал.

Увидев перед собой знакомое небольшое создание, зверь направился к нему, ожидая привычного руководства — плети или лакомства. Он был приучен возить на себе людей, и даже сейчас, страдая от многочисленных ожогов, привычно опустился на колени. Человек не спешил залезать на него, просто стоял рядом и трогал зверя, но потом все же вскарабкался на широкую спину, цепляясь за лианы, чтобы помочь себе.

Палюторвус поднялся, успокоенный и удовлетворенный.

Какое-то непроизвольное движение человека было принято за приказ, и животное тронулось с места.

Сидя на спине первобытной твари, безумец задремал, и сны его состояли из такой же мозаики. А джунгли вокруг были полны луной.

Дни и ночи сменяли друг друга.

Палюторвус все шел и шел вперед, иногда останавливаясь, чтобы пожевать листьев. Безумец тоже ел листья и траву. Одни были ароматными и вкусными, другие — вонючими или горькими, и такие он выплевывал.

Он видел змею, словно покрытую голубой эмалью, обвившуюся вокруг темно-синего дерева. Он видел солнце и думал, что это ребенок, у которого есть крылья. Ночами он глядел на луну, и она казалась ему лицом юноши с закрытыми глазами.

Когда им попадались водоемы, безумец пил, а палюторвус входил в воду по шею и купал их обоих. Человек ощущал, что зверь грустит, и жалел его, но не знал, что это называется жалостью.

Дни и ночи.

Казалось, что он уже сотни лет живет в этих лесах.

Безумцу снилось, что он на реке. Какой-то человек наносит ему ножом неглубокую рану, которая скоро заживает, но человек снова режет его.

Затем на шестой день — во сне — он услышал оклик. Он не знал пароля, просто стоял и смотрел на троих людей, воспринимая их не только глазами. Те потрясенно выругались, увидев, какого цвета его волосы — во сне они были почти белыми, — и сказали, что возьмут его туда, куда он захочет.

Проснувшись, безумец рассмеялся. А палюторвус все жевал свои листья.

Они прошли пятьсот миль, хотя ни один их них даже не подозревал об этом. И продолжали идти дальше.

Когда-то Рарнаммон, король и герой, построил в Таддре город, ныне лежащий в руинах.

Джунгли коварно подкрались к долине, где стоял город, и вползли на его улицы. Некогда он был белым и сияющим, но джунгли сделали его темным. Даже название его затерялось в веках. Если верить полузабытым древним сказаниям, Рарнаммон, чье имя изначально было просто Рарн, назвал его в честь места, где родился. В разных версиях это звучало то как Мон, то как Эммон. А может быть, Мемон...

Теперь, спустя века, город стал прибежищем изгоев и грабителей.

Туаб-Эй, растянувшийся по-кошачьи на высокой крыше и попивающий вино, загородился от солнца, желая убедиться, что

это не видение.

Вниз по склону, по широкому проходу через тридцать сломанных стен, и в самом деле медленно двигался кусок джунглей. Он приблизился, и оказалось, что это не фантастическое движущееся растение, а не менее фантастическое животное.

— Взгляни, Галуд! Что это такое?

Галуд, в отличие от Туаба, на редкость некрасивый мужчина, недовольно выглянул из-под самодельного навеса. В нем текла тарабинская кровь, поэтому он избегал солнца, но помимо этого, неведомый отец-моряк наградил его прекрасным дальним зрением.

— Клянусь моими полоумными богами, это палюторвус!

— Я думал, что эти звери уже вымерли, — небрежно произнес Туаб-Эй.

— Дальше к югу болота прямо кишат такими тварями. Вольные закорианцы используют их как тягловую скотину, — Галуд и его товарищ сплюнули, как всегда делали таддрийские головорезы при упоминании о Закорисе-в-Таддре.

— Он выглядит большим, — равнодушно отметил Туаб-Эй. — И вроде бы идет сюда. Может, сбежим?

Его люди рассмеялись шутке своего юного предводителя. Он был младше, чем большинство из них, но при этом яростен, как калинкс, и не менее очарователен. Высокий и стройный, он имел в своей крови изрядную дорфарианскую примесь. В прорехах его разбойничьих обносков проглядывало сильное тело с плотными мышцами. Гладкую кожу цвета корицы почти не портили несколько тонких, едва заметных шрамов. На ярком полуденном солнце его волосы едва уловимо отливали медью — должно быть, среди его предков имелся и кто-то с Равнин, хотя глаза молодого человека были черны, как деревья за разрушенным городом Рарнаммона. В его ухе болталась новая серьга, выточенная из зуба таддрийского уродца ростом вдвое меньше самого Туаба. Он убил этого получеловека в драке в одном из северных городов. Правда, после этого шайка предусмотрительно отступила, поскольку уродец был в дружбе с местным мелким царьком.

— У этого чудовища на спине кто-то сидит, — произнес Галуд.

— Похоже на то, — согласился Туаб-Эй.

Палюторвус легкой рысцой пробежал под разрушенной аркой и снес большую часть стены на другом конце. Проковыляв в сад, некогда бывший местом услады принцев, он принялся объедать дикий виноград. Человек, возлежащий на его спине, выглядел безразличным ко всему. Он даже не глядел на дорогу. И он был

нездешним. Все изгои, окопавшиеся в безымянном Мемоне, держались за определенный участок. Не далее как два дня назад людям Туаба пришлось схватиться с соперничающей шайкой, заявившей свои права на их полуразрушенный дворец. Теперь трупы наглецов валялись в ближайшем пересохшем колодце — как раз в том саду, где сейчас пасся палюторвус.

Туаб-Эй направился к лестнице. Галуд и другой заместитель по прозвищу Одноухий последовали за ним, предупредительно отстав на полшага.

— Твое животное объедает мои угодья, — заявил Туаб-Эй, глядя наверх, где, как на высоком холме, сидел пришелец. — Я полагаю, ты собираешься заплатить мне за это.

— Ты что, не видишь, Туаб? — тихо спросил Галуд. — Он безумен.

Туаб-Эй уже и сам начал это понимать. Таддрийцы очень суеверны в отношении безумия. Наказанные богами — так они называют сумасшедших. Но дорфарианская изощренность мышления, свойственная его отцу, проросла в Туабе насмешкой над всем и вся. Поэтому, предоставив Галуду и Одноухому дергаться по поводу суеверных примет, Туаб-Эй презрительно крикнул незнакомцу:

— Ты собираешься спускаться? Или мне сбить тебя камнем?

Безумец обернулся и с высоты своего положения посмотрел на Туаба.

Лицо его заросло бородой, черные вьющиеся волосы спускались ниже плеч. Темный загар не мог никого обмануть — пришелец явно не относился к народу короля Йила. У Вольных закорианцев не бывает золотых глаз. Даже в этих диких местах к желтым расам относились с опасливым уважением, ведь их богиня может вырасти до верхушек гор, чтобы устрашить своих врагов. Если повезет — если очень сильно повезет, — Она может разбить Черного Леопарда этих проклятых закорианцев.

— Давай, — произнес Туаб-Эй. — Я жду.

Однако тон его стал несколько мягче. Золотые Равнинные глаза безумца привели его в замешательство, а подобное случалось нечасто.

Незнакомец переменил позу. Истолковав это как желание сойти на землю, палюторвус опустился на колени, чем еще сильнее впечатлил разбойников. В свою очередь, безумец принял это за разрешение сойти вниз. Он так и сделал.

Их потрясла гибкая сила его движений — в них проступала грация хорошо обученного воина, которую они не могли не распознать. Встав рядом с ними, безумец оказался выше Туаба, а

значит, и всех остальных. Даже сейчас, покрытый слоем грязи и ошметками леса, он был внушительным, хорошо сложенным и прекрасно владеющим своим телом. Одноухий узнал его набедренную повязку, ибо сам по неосторожности провел месяц в команде рабов у Вольных закорианцев. Он шепотом сообщил об этом предводителю — но тот словно не услышал.

— Дай мне того вина, — наконец потребовал он, пристально глядя на безумца.

Одноухий отцепил от пояса флягу. Туаб-Эй, по-прежнему не отводя взгляда, откупорил сосуд и протянул его безумцу. Тот, помедлив немного, принял ее, немного отпил и вернул владельцу.

Со времени появления он не произнес ни слова, но что-то неуловимо изменилось в его облике — он уже не казался безумным. Скорее, просто необычным.

— Что ж, идем, — бросил Туаб-Эй. Его отец, в прошлом аристократ, был вынужден бежать из Дорфара после одной не очень красивой истории, и время от времени в поведении Туаба проглядывала его порода. — Будь нашим гостем. Пошли в дом. И не беспокойся, твое, э-э... средство передвижения будет в сохранности. Не думаю, что кто-то из соседей покусится на него. Говорят, мясо у него ужасное.

Он повернулся и пошел прочь, сопровождаемый своими заместителями. Безумец последовал за ними.

Закат выкрасил огненно-розовым стены просторного зала во дворце, который присвоил Туаб-Эй, но видимо, сумеркам этот цвет не понравился — они перекрасили их в голубовато-серый. Древним очагом давно уже нельзя было пользоваться, поэтому огонь разводили прямо на мозаичном полу, а дым вытягивало через многочисленные проломы в крыше. Очень удобно. Правда, во время дождя костер то и дело заливало.

Здешние зимние ночи были довольно прохладными, поэтому змеи и ящерицы заползали сюда греться у огня. Туаб не разрешал своим людям убивать этих тварей, ибо они развлекали его. Как-то к ним заглянуло целое племя обезьян, но Туаб-Эй, подражая их вожаку, желающему подраться, начал рычать и подпрыгивать на месте, и непрошеные гости в страхе удалились.

Сейчас Туаб-Эй сидел, скрестив ноги, и наблюдал за безумцем, который устроился немного поодаль и от разбойников, и от огня. Ему предложили еду — плоды и мясо от вчерашней охоты, но он поел совсем немного и не притронулся к мясу. Затем его проводили к надтреснутому баку во дворе, полному свежей дождевой воды. Здесь разбойники плескались время от времени,

когда у них было такое желание, Туаб же, как сын аристократа, принимал ванну каждый день. Безумец влез в бак и охотно вымылся. Ему принесли одежду одного из тех, что были убиты два дня назад — высокого и крепкого мужчины. Безумец принял ее, не заметив ножевого разреза на груди или не придав ему значения.

Сейчас, одетый по-разбойничьи и греясь у разбойничьего костра, он, казалось, чувствовал себя как дома — сидел, глядя в пустоту и прозревая в ней какие-то невидимые знаки.

Туаб-Эй подошел и уселся рядом с гостем.

— Если ты хочешь сбрить бороду, то у меня есть мазь и бритва, — сказал он. Безумец не ответил. Предводитель разбойников продолжал наблюдать за ним.

— Наш Туаб влюбился в Стукнутого богами, — усмехнулся один из его подручных.

— Каждому свое, — тут же отозвался молодой человек. — Этот фриз с голыми девками, под которым ты валяешься, играя сам с собой в тихие игры — он в пятом дворике или в седьмом?

Разбойники рассмеялись, и пошел обычный мужской разговор о том, какие у кого были женщины или мальчики.

Когда безумец поднялся и вышел из зала, все посмотрели ему вслед, но и только. Лишь Туаб, сверкнув усмешкой, тонкой, как отточенное лезвие, последовал за ним.

Подобно калинксу, он бесшумно шел за гостем по бесчисленным залам дворца, по разбитым лестницам, вдоль внешних террас. Когда тот останавливался, Туаб-Эй тоже замирал. Потом они двигались дальше.

«Рарнаммон», — шептали камни безымянного Мемона.

«Рэм, Рарн, Рармон, Рарнаммон», — взывал город всеми своими высотами и глубинами, из каждого оконного проема или балкона.

«Рарнаммон», — вздыхал ветер в кронах деревьев и слуховых оконцах башен.

В каждом из залов для него оживали стенные росписи. Вставали картины давних оргий: чаши с вином — достаточно большие, чтобы в них искупаться; женщины в прозрачных платьях, а на мужчинах, поверх гладких темных шелков или просто на голое тело — кожаные куртки без рукавов, но с множеством ремешков и пряжек, изысканные намеки на доспех. Он слышал жалобные звуки неведомых музыкальных инструментов и сладострастные стоны сотен пар, занимавшихся любовью в подушках — звук, не меняющийся от века. Он наблюдал, как приносят жертвы богу с драконьей головой,

держащему молнии в руках. Перед ним по главной улице города, словно призраки в броне, шли войска: гремела военная музыка, и свет призрачного солнца играл на копьях и колесницах. Рарнаммон завоевал весь материк, именуемый Вис, и сделал всех его жителей своими подданными. Он первый носил титул Повелителя Гроз. Но его глаза были глазами людей Равнин.

Безумец был Рарнаммоном. Висом с золотыми глазами.

Ему воздавались почести: бесчисленные толпы людей — коленопреклоненных или павших ниц, груды драгоценных камней, плиты золота и серебра, оружие, рабы... В прохладе ночи он чувствовал на своей коже жар полуденного солнца, грубые прикосновения простой одежды казались нежнейшей лаской шелка.

«Повелитель Гроз», — неслось отовсюду.

Но он прошел сквозь колоннаду и заглянул в окно. Там сидела женщина и покачивала колыбель — без особого удовольствия или любви, просто от нечего делать. Ребенок глядел на мать, и его взгляд был под стать ей самой — недоверчивый и отчужденный. Это была Лики, но совсем молодая, а ребенком — ребенком был он сам. Затем он увидел ее опять, но уже в другой обстановке — она забилась в угол какого-то шатра, прижимая к себе ребенка. В этом объятии была и привязанность, и ненависть. А человек, возвышающийся над ними, говорил:

— Если я скажу тебе, Лики, что сохраню твою жизнь при одном условии — я возьму твоего ребенка и разрублю его этим мечом, — ты позволила бы мне сделать это, ибо такова твоя сущность.

Говорящий был Ральднором, его отцом.

— Твоя смерть ничего не даст, — прибавил он. — Поэтому ты не умрешь.

А потом был дождливый день. Он вошел в ворота красного дома на Косой улице в Кармиссе.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы пройти через весь дом в маленькую переднюю, а оттуда — в спальню Лики. Торговца не было — то ли в отъезде, то ли просто куда-то вышел. Лики лежала на кровати и выглядела словно вылинявшей — ее смуглая кожа и даже черные волосы утратили живость и стали какими-то бесцветными. Ее пальцы теребили край покрывала, рот ввалился и запал — по крайней мере, так ему запомнилось. Несколько мгновений Лики выглядела совсем старой и дряблой — казалось, она вот-вот упадет с берега жизни, и ненасытное море предъявит свои права на нее. Но затем она увидела сына и оживилась.

— Так, — произнесла Лики. — Так, значит. Ты ожесточился,

отказался от всего святого в жизни — и все-таки пришел сюда. Никогда бы не подумала, что это случится. Деньги, о да... Я полагала, что стыд и чувство вины вынудят тебя послать их, но чтобы ты тратил на меня свою драгоценную персону... Удивил, что и говорить.

Он стоял над ней и узнавал свою мать. Ничего не изменилось.

— О да, — продолжала она с лицом, искаженным гримасой злобы и возбуждения. — Какая честь! Личный прихвостень принца Кесара эм Ксаи, и вдруг в моей спальне! Может быть, ты принес мне еще несколько анкаров? А то мой врач никуда не годится. Он прописывает мне то одно, то другое, но ничего не помогает. А он, — Лики имела в виду своего покровителя-торговца, — ушел в таверну. Уверяет, что от моей болезни ему хуже, чем мне самой. Так всегда. Ни один мужчина никогда не относился ко мне хорошо. И ты, мой сын, тоже никогда не любил меня. Никогда.

Он подошел поближе к кровати, глядя на мать. Она умирала. Он уже видел такое выражение на других лицах — сосредоточение на чем-то внутри себя, самоуглубленность, которая, собственно, и есть смерть.

— Ты кажешься старше, — неожиданно выговорила она. Казалось, это ее испугало. — Что они с тобой сделали? Почему ты выглядишь старше? Не далее как в Застис ты был здесь, опозоренный, высеченный — я не видела тебя больше года, и тут ты приползаешь, тошнишь прямо мне на пол, вводишь меня в расходы...

— Мама, — негромко сказал он, но она тут же умолкла, словно услышала в его голосе нечто, чего там раньше никогда не было. Он и сам не вполне понимал, что вложил в это слово. Сочувствие, может быть, снисхождение. Но не жалость. И не ненависть.

Лики заплакала. Слезы градом катились из ее глаз, а он удивлялся, откуда у нее берутся силы плакать.

— Я била тебя, — приговаривала она. — Ты рос злым ребенком и заслуживал этого, но... я била тебя! Я не должна была этого делать. Мне не следовало тебя обижать!

— Эманакир говорят: то, что мы совершили — прошлое. Мы либо вновь и вновь переживаем его, либо позволяем ему уйти.

— Нет. Я била и обижала тебя. И буду за это наказана...

— Ты была наказана прежде вины, — сказал он. — Ты помнишь его — Ральднора, сына Редона, Избранника богини? Помнишь ту ночь в шатре под Корамвисом, накануне последней битвы? Тогда он сказал тебе слова, которые вряд ли прежде

доводилось слышать кому-то из смертных. Он сказал, что разглядел в тебе зло — словно ты была единственной носительницей зла во вселенной. И именно потому, что он дал тебе почувствовать твою ничтожность, порочность и себялюбие — а это есть в каждом из нас, мама, и в нем, в Ральдноре, тоже было, пока он оставался человеком... Так вот, потому, что он ткнул тебя носом в те вещи, какие большая часть людей старается не видеть, чтобы не умереть от безнадежности, ты перестала надеяться на лучшее в себе и для себя, став лишь тем, о чем он говорил.

Лики смотрела на него сквозь слезы. Рот ее был открыт, словно она не слушала, а вдыхала его слова.

— Не имеет значения, что ты делала со мной, — прибавил он. — Ты дала мне жизнь. А что потом сделал со своей жизнью я сам — это уже мое дело, не твое, и если что-то не так, ты в этом не виновата. Но я благодарю тебя за твой дар.

— Рэм, — сказала она, — я умираю.

— Куда бы ты ни ушла, ты освободишься от всего этого.

— Ты мертвый? — шепотом спросила мать. — Скажи, Рэм, ты пришел за мной?

Он понимал — по тому имени, которым она его звала, и по тому, каким назвала Кесара, по комнате, по общей обстановке и времени года, — что перенесся в прошлое лет на восемь или девять. Она давно уже умерла в Кармиссе, и он тогда не знал о ее смерти. В тот миг, когда Лики окончила свое сражение с жизнью, он мчался в Анкабек по поручению Кесара. Должно быть, это всего лишь воображение. Нельзя вернуться в прошлое. Лики умерла в одиночестве.

И все же он сказал:

— Здесь нечего бояться. Оборотная сторона жизни — всего лишь иная жизнь.

Лики нахмурилась, обдумывая его слова. Так она и испустила последний вздох — пытаясь разгадать загадку. Но затем ее лицо разгладилось, как будто она все поняла. Он прикрыл ей глаза. Губы ее по-прежнему остались полуоткрытыми, но больше не выглядели ни сморщенными, ни ввалившимися.

Он пошел прочь и увидел Дорийоса, стоящего у колоннады и предлагающего ему чашу с вином. Но когда он принял ее, это был уже не Дорийос, а Лар-Ральднор, сын Яннула. Он поднес чашу к губам, но ощутил вкус не вина, а воды.

«Ты снова придешь в себя, — сказала ему Ашни, — в нужный час».

Ему показалось, что его кожа рвется, и тело расползается на части. Это расчленение было безболезненным, но

всеобъемлющим. Затем все это поднялось в воздух и исчезло.

Он ничего не потерял, кроме той преграды, что стояла меж ним и бытием. Он полностью сознавал, кто он такой и как сюда попал, помнил все, что происходило с ним раньше, в чем он участвовал, включая смерть Лики.

И еще он понимал, кем был изящный разбойник, стоящий рядом с ним у колоннады, под дождем. Поэтому он выпил вино со вкусом вина и кивнул:

— Спасибо, Туаб-Эй.

— Ох ты, — выдохнул молодой человек, расширив глаза от удивления, но тут же дерзко добавил: — Кто ты такой, Эарл тебя побери?

— Твой гость.

— А звать-то тебя как?

— Здесь, где мы стоим, ты можешь не воспринять мое имя.

— А ты попробуй, — бросил Туаб-Эй с таким видом, словно собирался ждать вечно.

И тогда, вновь становясь собой, он спокойно произнес:

— Я сын Ральднора эм Анакир, брат Ральданаша, дорфарианского Повелителя Гроз.

Шире раскрыть глаза было уже невозможно, поэтому Туаб, наоборот, прикрыл их.

— Я слышал о тебе, Рармон эм Кармисс.

— Мое имя Рарнаммон, — возразил он. — В честь короля, построившего этот город.

— Значит, ты упустил свою жертву, Катус.

— Нет, мой повелитель. Его упустил Вольный Закорис.

— Закорис это не слишком-то волнует, — заявил Йил.

Катус сохранял непроницаемый вид. Если он бывал разочарован, то умел скрывать это разочарование. Он упустил Рурма, сына Ральнара, в тот момент, когда помрачился его рассудок. Воющее и бьющееся тело, которое отправили в джунгли Таддры, было пустой формой.

Когда дождь унял буйство пламени, все, кто еще мог двигаться, отправились на поиски. Вначале было очень хорошо видно, где прошел палюторвус, по оставленным им разрушениям, но потом их стало меньше, и каким-то следом служили лишь обрывки цепей и обломки шеста. В конце концов на большой поляне след окончательно потерялся. По приказу Йила надсмотрщиков высекли розгами, но отнюдь не до смерти. И это вполне внятно говорило, что король не слишком-то огорчен данным несчастным случаем.

— Наверное, мой Катус, тварь забрела в свои родные болота,

и принц утонул там.

— Вероятно.

— Посмотрим, что будет, когда Дорфар получит весточку о его кончине. Не так ли?

Катус неохотно кивнул.

Они дошли до конца одного из каменных коридоров, проходящих под дворцом в Йилмешде. Сбоку виднелась крепкая дверь, вырубленная из цельного ствола и окованная бронзой. Король с советником вошли в пещерный храм Рорна.

Вольный Закорис решил соблюдать все старые обычаи.

В бассейн с морской водой перед алтарем доставили троих рабов. Королю не полагалось лично совершать ритуал, ибо это была не слишком важная церемония.

Коренастые жрецы, обнаженные до пояса, в длинных кожаных юбках, вошли в бассейн. Они силой окунули в воду отчаянно отбивающихся рабов и удерживали их там, среди вспененного хаоса, пока те не затихли. Катаос эм Элисаар смотрел на это с непроницаемо вежливым видом.

Жестокость убийства ничуть не угнетала его, и он не обременял себя религиозными предрассудками. Однако Вольные закорианцы оскорбляли его эстетическое чувство, а также еще кое-какие струны души. У них он изрядно опустился и сам сознавал это.

К моменту, когда возня в воде улеглась, он лениво размышлял — стоит ли Дорфар таких бездумно-жестоких деяний, и получит ли он вообще свой приз, когда все будет сказано и сделано? Один раз, в прошлом, его слишком затянувшаяся игра уже провалилась. Почему бы этому не повториться? И не было ли невероятное происшествие в джунглях предвестием неудачи, как уже случилось тридцать лет назад?

В нем накопилась некая усталая инертность, но, игрок и интриган по натуре, он не видел других путей. Жить по-другому он попросту не умел, а потому был обречен.

Побрившись, хотя и отказавшись подрезать волосы, человек с королевским именем, заявивший, что он сын и брат королей, начал снова обретать себя. Он с легкостью вошел в мир разбойников, хотя они признавали его превосходство — никаких новых проблем, кроме тех, что уже были, он им не создал. Если все, что он рассказал Туабу, было правдой, то его стоило привлечь к руководству. Не сразу, с неохотой, но они согласились с этим. Когда ему выделяли комнату, кое-кто недовольно ворчал, но до серьезной ссоры дело не дошло. Во-первых, исцеление от безумия само по себе было чудом, во-вторых, он явно знал, что

делать, если запахнет дракой. Совместными усилиями они научились управляться с палюторвусом, который теперь стал знаком их престижа в глазах недругов и вскоре превратился в своего рода домашнего любимца.

Сам Рарнаммон проводил с ними не так уж много времени.

Чаще всего он бродил по разрушенному городу, словно что-то разыскивая. Это очень интересовало шайку. Может быть, здесь имеется клад, о котором знает он и не знают они — золото, драгоценные камни, оружие? Но видя, что Туаб-Эй ходит за гостем по пятам, а неподалеку держится еще и Галуд, разбойники успокоились.

В первые дни, когда Рарнаммон начал обследовать город, Туаб-Эй вызвался быть его проводником, поскольку неоднократно бывал там раньше — в одиночку или с шайкой. Местность тут была неровная — то повышалась, то спускалась в долину, и древним городским улицам приходилось следовать всем ее изгибам. Повсюду были разбросаны разбойничьи гнезда — дома, а порой и целые усадьбы, занятые уже достаточно давно, чтобы обзавестись табличками с именами главарей — Вилла Пугала, Стена Джорта. Возвращались они к ужину, когда над дворцом поднимался вечерний дымок. На западе, где джунгли вторглись в город особенно бесцеремонно, и из буйства зелени торчало лишь несколько кирпичных остовов, располагалась небольшая колония прокаженных. У них имелся собственный колодец, и они были обязаны пользоваться исключительно им под страхом немедленной смерти. Бесплотные фигуры в охристо-желтом двигались по белым аллеям — умирающие тени без лиц.

Как-то в полдень, сидя на высокой террасе, Туаб-Эй показал на одинокий цветок, что упорно пробивался сквозь каменную мостовую.

— Зиме конец, Рарнаммон. Лед в горах скоро начнет трескаться и сходить.

— И океан расчистится, — добавил Галуд, который в этот момент справлял нужду прямо на колонну. — Вот тогда-то Леопард и двинет сразу на север, запад, юг и восток.

— Война придет и сюда. Но ты вроде бы собираешься встречать ее в Дорфаре? — спросил Туаб.

— Нет, — покачал головой Рарнаммон.

— Но ведь ты нужен своему сиятельному братцу, — лениво заметил Туаб. — Разве не так?

— Да. Но не для того, чтобы быть рядом.

— Загадка.

— Увы, не загадка, а факт.

— Очень хорошо. Ты ведь у меня в гостях, не забыл еще?

Тогда рассказывай.

Рарнаммон лишь молча улыбнулся, неспешно окидывая взглядом город внизу. Вопрос Туаба остался без ответа.

Галуд недовольно постоял рядом с ними и вышел вон. Он подозревал, что эти двое уже стали любовниками, и мучался ревностью, хотя его личные постельные склонности были совсем иного свойства.

— Что ж, так ничего и не расскажешь? — Туаб-Эй растянулся на солнцепеке.

— Я найду подходящее место и останусь там один. Буду ждать.

— Ждать чего?

— Пока не знаю. Мне самому известно ровно столько, сколько я тебе сказал.

— Да ты, я вижу, мистик.

— Все может быть.

Туаб-Эй перевернулся на живот и, опираясь на локти, стал смотреть на Рарнаммона, пока тот не почувствовал его взгляд и не обернулся.

— Ты говоришь — «один». А можно мне тоже пойти с тобой и играть твоего пажа, лорд королевский сын?

Он не знал, как поведет себя Рарнаммон в ответ на его предложение, и испытывал непривычную неловкость, чуть ли не переходящую в благоговение. Но тут Рарнаммон усмехнулся, и усмешка сделала его совсем молодым.

— Мистикам, между прочим, рекомендовано воздержание, — ответил он. Туаб-Эй поймал себя на том, что тоже улыбается во весь рот, спровоцированный или очарованный чужой улыбкой. Затем Рарнаммон снова отвернулся к северу.

— Последний раз моего отца видели в Таддре, — сказал он. — Если он не перевоплотился в чистое пламя или что-то подобное, то он все еще здесь. Может быть, как один из камней, или как темный свет в ветвях деревьев...

Туаб-Эй содрогнулся на ярком полуденном солнце.

— А моему собственному папаше, — произнес он, — в связи с его побегом пришлось иметь дело с работорговцем по имени Бандар. Я видел этого Бандара еще в детстве — толстый и неотесанный тупица. У него имелась одна история, которую он всем обязательно рассказывал. Якобы он переправлял Астарис в Таддру как рабыню — разумеется, не по своей воле, — и она была беременна ребенком Ральднора.

Рарнаммон не глядел на него, но внимательно слушал, и Туаб-Эй, уловив его интерес, продолжил:

— А еще была история о волчьем ребенке где-то в северных

лесах. Будто бы волки стащили откуда-то младенца и потом воспитали его, как волчонка. Правда, по эту сторону гор волки почти не водятся. Скорее уж дикие собаки. Но рассказывают, что этот ребенок был сверхъестественный — белый, как жемчужина, с крыльями, а еще со звездой во лбу...

Он замолчал, потому что услышал тихий смех Рарнаммона.

— Я тоже никогда не верил ни слову, — с готовностью кивнул Туаб-Эй, снова поудобнее устраиваясь на солнце.

22

Лед на востоке ломался с таким звуком, словно раскалывалась на части сама земля.

По мере того, как отступал мрамор зимы, люди в Дорфаре стали активнее перемещаться по своим надобностям. Сквозь грязь и молочно-белые дожди к Анкире шел маленький караван. Однако, обогнув столицу, он двинулся дальше, в холмы Корамвиса, к озеру Иброн, где, по слухам, лежала очень могущественная статуя — Спящая Анакир... Простые фургоны сопровождались солдатами Повелителя Гроз, посланными, похоже, специально для этой цели. Во встречных деревнях и городках обратили внимание на знак Змеи и Тучи, и он стал предметом обсуждения. Время от времени всплывали странные слухи. К примеру, что отравленный колодец снова стал чистым, когда возле него остановился караван. Женщина, вышедшая оплакивать своего мертвого, избавилась от своей печали. Какой-то больной исцелился после того, как на него, сидевшего у дороги, упала тень то ли повозки, то ли змеи.

Была замечена группа эманакир, направляющихся к холмам над Анкирой.

В городе и по всей равнине случилось слабое землетрясение. Однако ничто не пострадало, многие даже не почувствовали толчка.

— Ральданаш, объясни мне наконец эти рассказы о жрице, которой ты дал эскорт, чтобы подняться в руины! — взмолился Венкрек. Он был доверенным лицом короля, с которым тот проводил время еще с тех времен, когда они были детьми в Ваткри, и лишь наедине позволял себе такую фамильярность.

— Рассказы правдивы, — коротко ответил Ральданаш.

— И кто она?

— Жрица, как ты и сказал.

— Но народ говорит...

— С народом такое случается, — Ральданаш позволил себе редкую искорку юмора.

Он ненавязчиво подвел лорда-правителя к большому столу, на котором была изображена приблизительная карта Виса, и они перешли к обсуждению стратегии предстоящей войны. С помощью костяных палочек по этой карте можно было двигать крохотные модели галер, фигурки пеших и конных воинов. Разработанные прежде планы атаки приходилось пересматривать в связи с предательским бегством — или похищением — принца Рармона. Правда, шпионы доносили, что он мертв, но и это вполне могло

быть неправдой.

Любопытство Венкрека осталось неудовлетворенным, но лорд-правитель не умел противиться обаянию Повелителя Гроз. И хотя часть его души, искушенная и недоверчивая, посмеивалась над этим, Венкрек все равно испытывал огромное удовольствие от таких игр в войну наедине с Ральданашем. Как ни неловко было сознаваться, но это и впрямь очень напоминало мальчишескую игру в солдатики. Прихлебывая подогретое вино и легко маневрируя кораблями, лорд-правитель соглашался сыграть для Повелителя Гроз Дорфара за Вольный Закорис, а иногда и за Кармисс. Проиграв, Венкрек по-мальчишески возмущался, но отделывался шуткой: «Будем надеяться, во имя Ашкар, что они сыграют так же бездарно, как и я!» — и слышал смех Ральданаша, который был еще большей редкостью, чем его остроумие.

Он по-мужски любил этого человека. Здесь не было и примеси желания. Скорее — любовь к его крови, благородству и неизменной честности сына Ральднора.

И позже, когда утомленный Ральданаш уснул перед камином с колоннами, Венкрек растроганно смотрел в его прекрасное нечеловеческое лицо и почти сердился на себя за то, что так не доверял своему королю.

Дорфарианские гарнизоны в Оммосе были значительно усилены. По приказу Повелителя Гроз там разместили еще четыре с половиной тысячи солдат. Туда же было направлено почти двухтысячное подразделение полукровок и несколько отрядов наемников — ваткрианцев и тарабинцев. Чистокровные шансарцы предпочли устраниться.

Оммос был напуган.

Война Равнин прошлась по их земле железным скребком. Подобно Закорису, оммосцы были раздавлены и смешаны с грязью. Но в отличие от неутолимого стремления Йила взять реванш, здесь воцарилась тихая ненависть, разъедающая дух народа не хуже кислоты. Оммос страшился призванных ему на помощь войск Континента-Побратима, так же, как боялся своего собственного Хранителя с Равнин и беловолосого короля Дорфара. Герой Ральднор предал эту землю проклятию — теперь никто не любил Оммос, и Оммос не любил никого. Лишь в отдаленных уголках, которых война коснулась лишь мимоходом, настроение так или иначе было более уверенным и спокойным. По узким улочкам Хетта-Пары ходили рассказы о неком длинноволосом жреце — то есть юноше, мечтательно переводили местные, — который поражал их своей добротой и терпимостью. Их родной Зарок начал проявлять себя с иной стороны. Облик

Анакир, с которым познакомились оммосцы и который, по слухам, впечатался в стены города, каким-то таинственным образом стал также и Зароком, точнее, его женской ипостасью. В такой подаче стало возможным принять Анакир в качестве одной из личин бога.

Однако эти очаги уверенности и понимания были слишком малы и разъединены. Оммос никогда не был подходящей почвой для созданий света. Земля огнепоклонников, теперь она утратила даже свет своих костров, которые оказались залиты кровью. И в этом Оммос тоже был очень похож на Вольный Закорис.

Заравийский король Тханн За'ат, в отличие от своего деда, не имел ни малейшего желания безмятежно дожидаться, когда прыгнет закорианский кот.

Опять же скандал, последовавший за бегством Улис-Анет с ее начальником охраны, создал вполне понятные затруднения. И хотя За'ат не до конца согласился с предложенным толкованием событий, заявив, что возможны и другие варианты (какие? Улис-Анет непонятным образом замучила Ральданаша, и ее потихоньку удушили?), он был обязан следовать законам дипломатии. Именно поэтому ему всем своим поведением приходилось вымаливать прощение Повелителя Гроз. Он сразу же перевел армию в боевую готовность и в знак вассальной верности отправил четыре тысячи своих людей в Дорфар, чтобы Ральданаш располагал ими по своему усмотрению. Заравийцы отправились еще до того, как сошел снег. Подбадривая себя звуками медных рожков, они быстрым маршем проследовали сквозь бесконечный дождь оттепели. Тридцать человек утонуло в бурной реке на границе с Оммосом. Но это было нужно, чтобы успеть до наступления весны.

У Тханна За'ата не хватало воображения, чтобы задумываться о цене проигрыша. Он прагматически подходил к самому понятию войны, а его двор, очевидно, придерживался той же линии.

Но снаружи, в хрустальном городе, в его театрах, увеселительных домах и винных лавках, разговоры были более честными, а может быть, основанными на большей осведомленности о положении дел. Пьесы, которые ставились на подмостках, в основном фарсы, имели очень нелицеприятную мораль. Уличные акробаты разгуливали по проволоке над голодными тиррами, символизируя уход от жизни, танец со смертью. Люди с тревогой обсуждали надвигающуюся опасность. Пророки на улицах кричали о близком конце света — и никто не смеялся. Очень скоро весь этот мир будет раздавлен, залит

кровью и засыпан пеплом.

И бежать было некуда.

Тем не менее, как только весна сделала дороги проходимыми, все — и нищие, и аристократы — устремились прочь: на виллы, на фермы, в удаленные долины и уединенные холмы. Каждого грела мысль, что здесь (или там) черная когтистая лапа не дотянется до них. Что характерно, большинство из них громко рассуждало о победе Дорфара и Междуземья, но никто по-настоящему не верил в нее.

Вольный Закорис жаждал добычи, и он ее получит. Чужой, непредсказуемый Кармисс готовился к прыжку, чтобы вцепиться в горло или куда-нибудь пониже.

Несколько кораблей были частным образом посланы к Континенту-Побратиму. Однако от них не поступало никаких вестей, что при неустойчивой погоде наводило на мрачные раздумья. Никаких вестей не было и от тех, что выплыли из Тоса в конце лета.

Далее следовал южный предел Виса — Равнины, все еще укрытые снегом, как белым плащом. Они по-прежнему представляли собой пустынную местность. Деревни на широких просторах жили своей жизнью, как и века до того — тесные, неторопливые, замкнувшиеся за своими частоколами, без страха ждущие весны и чуждые политике. Ближе к Зарависсу Равнинные города — прославленный Хамос, прибрежная Мойя и недостроенный Хибрел — давно уже создали свои армии, проникнувшись веяниями с севера. Дорфарианские и ваткрианские военачальники всю зиму натаскивали их войска в каменных дворах. Даже около двух тысяч неистовых шансарцев все еще оставались здесь, встав лагерем где-то в миле от Мойи. Кроме того, тут же, прикованный льдом к берегу, стоял небольшой шансарский флот — тридцать лебединых кораблей. Но ходили слухи, что, как только вскроется море, и морские, и сухопутные силы отбудут в Шансарский Элисаар.

Примерно в то же время ожидалось прибытие дорфарианских войск для размещения в Мойе. Город оказался ключевой позицией на западном направлении — именно здесь нападение было наиболее вероятно. Поэтому предполагаемая численность войск старательно замалчивалась.

О таинственном городе руин сказать было нечего. Считалось, что он не представляет интереса ни для закорианского Леопарда, ни для кармианских шакалов. Уже давно разрушенный, не таящий никаких сокровищ, даже не занимающий стратегического положения, город был предоставлен самому себе, своему

безмолвию.

Согласно донесениям, некоторые деревни на крайнем юге в полном составе снялись с места и направились к древнему городу, как тридцать лет назад — по всей видимости, в поисках убежища.

Бродячий охотник, прибывший в Мойю с юго-востока и тут же зачисленный в одну из ваткрианских частей, путаясь в воспоминаниях, рассказывал своим товарищам — степнякам, людям со второго континента, полукровкам и заравийцам — о том, что видел близ разрушенного города, и в конце концов был жестко допрошен своим ваткрианским капитаном.

— Не могу сказать точно, ваша честь, — крестьянин с Равнин, хоть и знакомый с языками темных рас, он все же с детства привык мало говорить, чаще пользуясь мысленной речью, а потому сейчас пребывал в затруднении. — Тогда стоял рассвет, лучи солнца освещали город сбоку... А может, и не город, а что-то другое — было очень далеко, ваша честь, не разглядеть. Может, это были просто скалы или деревья. Но выглядело это как большие золотые башни.

Ваткрианец, который был моложе охотника и относился к войне с куда большей яростью и нетерпением, готовый рубить все, что видит, недовольно ответил:

— Мы здесь для того, солдат, чтобы противостоять демонам из плоти и крови. Нам не нужны видения, сны и пустые фантазии. Нам нужно мужество и оружие. Еще ни один снежный мираж не выиграл войны. Ясно?

— Так точно, ясно, — по всей форме ответил охотник, ставший солдатом.

Лишь позже ваткрианец сообразил, что, сам того не замечая, говорил на своем родном языке, незнакомом охотнику, и тот воспринял смысл прямо из его сознания.

Над Внутренним морем стоял Элисаар, оплот Шансара, и озирал окрестности во всех направлениях. Резные корабли бороздили его воды, как заводные игрушки, туда и сюда, снова и снова. Как водится, снег легкой сахарной пудрой присыпал лишь его восточные и южные пределы, зато жестокие зимние ветры хлестали страну, словно плети спину раба. Шансарцы не вылезали из храмов Ашары, пытаясь разобраться в пророчествах и гаданиях. Умножились и тайные богослужения — элисаарские Висы возвращались к своим родным богам, если вообще когда-либо отходили от них.

Сопредельный Старый Закорис, кусок, отхваченный Сормом Вардийским в войне Равнин, тоже укреплял свои границы. Три

небольших области — Иска, Отт и Корл — двадцать пять лет назад были повязаны вассальной присягой и, по сути, находились под вардийским влиянием, но Элисаар на юге беспокоил своей непредсказуемостью. К северу же сторожевые башни Вардийского Закориса глядели прямо на таддрийские рубежи — горы и леса. Основной опасностью на этом направлении казалась Южная дорога Йила.

Горные проходы между Дорфаром и Вардийским Закорисом с обеих сторон охранялись войсками. С дорфарианской стороны проходы держали несколько частей из Ваткри, и это оказалось невольной провокацией со стороны Повелителя Гроз — те все время переругивались и устраивали мелкие стычки с вардийцами Сорма. Сейчас это уже забылось, но у себя на родине ваткрианцы и вардийцы издавна враждовали между собой.

Темная раса в Старом Закорисе процветала под властью Сорма. Он не ущемлял ее верований, поэтому здесь поклонялись и богу огня, и богу воды. Запрещены были только самые жестокие обряды. И все же Закорис оставался Закорисом. В его жилах текла одна кровь с Черным Леопардом Закориса-в-Таддре. Скоро их призовут убивать братьев по народу, а в некоторых случаях и настоящих, родных братьев. Они не перешли на сторону Йила, что с точки зрения Леопарда было непрощаемым преступлением. Если он победит, пощады ждать не придется. Исконное государство будет разрушено, да так, что не останется камня на камне и ни одна шкура не уцелеет на костях.

Очевидно, именно эти соображения подтолкнули часть закорианцев к запоздалому побегу. Как-то проскользнув мимо дозоров и патрулей, перейдя через горы или пробравшись сквозь джунгли, они поспешили под знамя Йила. Были и такие, кто просто сбегал в Элисаар или Дорфар, где их быстро выдавали местным властям и задерживали. Те же, кто направился в Таддру, бесследно исчезли, что было в таддрийских обычаях.

В общем, все сводилось к одному: на этот раз бежать некуда. Война была катящейся волной, а мир — открытым берегом, не способным выдержать ее удар.

Море в Таддре вовсе не отличалось упрямством. Снег же здесь, как и в Закорисе, видели лишь изредка — на вершинах далеких-предалеких гор.

Леопард принюхивался к пряному весеннему ветру и потягивался, выпуская когти.

Два крупных флота — из ста трех и ста двадцати семи кораблей — разминались на глубокой воде в предвкушении дальнего плавания. Далее к северо-востоку пятнадцать кораблей-

разведчиков стояли на страже в нетерпеливом ожидании. С наступлением более устойчивой погоды всем им предстоял путь в восточные моря.

Рабы, эти живые трупы, продолжали чистить Южную дорогу. Однако не было никакой возможности уложиться к нужному сроку, хотя бичи надсмотрщиков хлестали без устали, пламя пожирало все новые и новые деревья, а сгоревшие птицы объявлялись жертвами Зардуку.

В Йилмешде минуло время не слишком важных церемоний.

С помощью специального клапана пещера Рорна была затоплена и запечатана вместе со всеми находившимися там людьми и животными, которые теперь разлагались во славу божества. Один из молодых жрецов Рорна, надышавшийся воскурений и вдохновленный криками и гонгами, бросился в море с высокого уступа. Такая независимая жертва должна была очень понравиться богу, и это стало добрым знаком.

В час, когда тяжелый закат опускался на Йилмешд, король Йил вошел в храм Зардука через городской вход.

В самой пещере круглые сутки стояла полночь, но когда вошли жрецы, факелы вспыхнули ярким пламенем, похожим на длинные красные листья. Сразу за ними шествовал Йил в сопровождении многочисленной родни и военачальников. Замыкал шествие длинный хвост рабов и черный лакированный ящик в рост человека.

Главный же огонь предстал взгляду, когда отдернули черный занавес, и явился сам Зардук, каменное изваяние двенадцати футов в высоту, ярко подсвеченное собственной пылающей утробой. Он похорошел — совсем недавно его позолотили и увешали золотыми кольцами. Это была его доля в анкабекской добыче.

Здешний Зардук вовсе не был так уродлив, как его древний собрат из Оммоса. Помимо головы он обзавелся плечами и торсом. Его руки напряженно лежали вдоль подола длинного одеяния, обрамляя, точно обнимая, топку в чреве.

Процессия привела с собой десять болотных леопардов, и десять человек тут же перерезали им глотки. Кровь стекала на пол, распространяя острый запах.

Йил, тоже облаченный в шкуры черных леопардов, с рубиновым ожерельем и широким оплечьем из ониксов и сардониксов, взошел на каменное возвышение перед божеством. Приняв нож от жреца, он сделал надрез на своей руке и дал крови стечь в зашипевшее пламя Зардука.

Гул одобрения прокатился под сводами храма. Жрецы тут же подошли перевязать рану.

Йил остановился рядом со статуей, и жрецы подали ему маску из тонкой кованой меди, которую он был обязан надеть. Когда Йил украсил себя этой маской, слился с ней, он стал воплощением бога, своим собственным жрецом. Именно так и видели его собравшиеся, приветствуя почтительными поклонами. Йил сделал знак, и приблизился раб, держащий в руках огромный топаз. Камень был грязным или, может быть, затуманенным изнутри. Он не блестел в отсветах факелов или печи Зардука и сохранил свой вид, даже когда его опустили на пол у ног статуи.

Йил пролил на камень вино, словно желая обмыть его. Топаз не изменился.

Король сделал еще один знак. По нему черный закрытый ящик был поднесен и поставлен на пол. Его створчатые дверцы распахнулись.

Через несколько мгновений из ящика появилась фигура.

Юноша был молод — не старше шестнадцати лет, стройный и сильный. На первый взгляд это был чистейший закорианец — с бархатно-черной кожей, такими же глазами и волосами. Однако его черты носили отпечаток такого типа красоты, какого почти не попадалось среди закорианцев. Его нос не имел характерной скошенной формы, позолоченные ноздри были гордыми и широкими. Губы — на удивление полные и чувственные, что было уж совсем нетипично для этого народа. И никаких шрамов.

Он был обнажен, если не считать золотых браслетов на щиколотках, запястьях и выше локтей. Его взгляд — мечтательный, невидящий, явно под действием дурманных зелий — был устремлен в никуда.

Ударили барабаны. Из-за фигуры Зардука появились две девушки. Отблески огня плясали на их волосах и гладкой, словно полированной коже. Они принялись танцевать — извиваясь, приглашая. Приблизившись к обнаженному юноше, они ласками уложили его у подножия статуи.

Закорианцы наблюдали за этим в полном безмолвии. Это тоже был старый ритуал Старого королевства.

Одна из девушек скользнула под него, разметавшись волосами по топазу, испачканному кровью и вином. Юноша раздвинул ее бедра и вошел в нее. Он бился на ней, и вместе с ним билось красное пламя Зардука, отсветами лежащее на его спине, ягодицах, ногах. Другая девушка вытянулась поверх его тела, повторяя движения юноши, ее пальцы и губы неумолимо подводили его к самому краю.

Юноша выгнулся в экстазе, обе девушки выгнулись вместе с ним, и две странные тени метнулись рядом с его силуэтом. Пик наслаждения, выброс магической энергии. Когда он поник,

девушки выскользнули, откатились в сторону и исчезли, словно тоже были тенями, вернувшимися в породившую их темноту.

Его семя было священно. Девушка, которую он избрал для соединения, будет должным образом освидетельствована, и если окажется, что она зачала — это тоже будет благим знамением.

Но сейчас двое жрецов подошли и перевернули юношу лицом к потолку пещеры. Он оставался неподвижен, будто спал.

И снова жрецы подали Йилу нож, на этот раз более широкий, чем прежде.

Когда он вонзился в тело жертвы, та, несмотря на свое одурманенное состояние, вскрикнула, но от испуга или боли, определить было невозможно. Первый удар не был смертельным — и не должен был им стать, — и крики продолжились, неестественно отстраненные и почти нечеловеческие. Как и все остальное, это был ритуал, древний, как само имя Закориса. Перепутанные внутренности юноши вывалились в чрево Зардука — причудливое сопоставление. Крики начали затихать, затем и вовсе прекратились.

Однако умирающее тело продолжало содрогаться, когда его поливали ароматическими маслами. Жизни полагалось еще теплиться в жертве, а Йил был опытным исполнителем. Бросили факел, и тело жертвы стало одним сплошным сгустком пламени.

Лишь сейчас закорианцы разразились торжествующими криками. Они достойно чествовали Зардука и надеялись, что он тоже не забудет их.

А за горящим телом жертвы, напротив горящего чрева статуи, закопченный дымом и покрытый запекшейся кровью, взирал на это топаз, который был Оком Анакир.

В Кармисс пришла весна. Мелкие золотые цветочки в саду тянулись вверх, чтобы напиться дождя. Улис-Анет, склонившаяся над цветами, знала, что гавань Истриса, находящаяся в половине дня пути, должна уже быть открыта.

У нее было предчувствие, что Кесар придет сегодня или, может быть, завтра. За долгое время снегов он приехал лишь один раз, и это было так давно... Тогда она не ждала его, валяясь среди дня в постели и уже с привычным отчаянием прислушиваясь к себе, не в силах принять то непонятное, что разрасталось внутри нее. Сначала к ней забежал один из слуг. А потом он сам вошел в комнату и, словно гроза, заполнил ее своей наэлектризованной темнотой.

— Оставайтесь там, где вы есть, — проговорил Кесар. Он даже улыбался. — Что может быть лучше?

Он был изголодавшимся, умелым и требовательным, как и

прежде. Собственный голод и освобождение от него, казалось, уничтожили Улис-Анет — жажда смерти, присущая близости. Когда она проснулась ночью, его уже не было. Она поднялась и разразилась проклятиями в его адрес — настоящими, грубыми, заравийскими. Он прислал ей кучу подарков. Она отыскала последние из них и разбросала по комнате. Несколькими днями позже, не дождавшись женской крови, она решила, что ждет ребенка, и страшно перепугалась. Хотя, возможно, это был не испуг, а торжество — она и сама не знала. Однако спустя еще какое-то время кровь все-таки пришла. Когда оттепель освободила землю из плена, Улис-Анет начала строить планы подкупа слуг и бегства. Она отправится на Равнины и найдет убежище в каком-нибудь малоизвестном храме Хамоса или Хибрела. Вал-Нардия в свое время тоже решила стать жрицей.

Но затем она почувствовала, что он вернется, не сегодня, так завтра. Очень странно, но Улис-Анет ощущала мысленную связь со своим поработителем, хотя и одностороннюю. Кесар не только ничего не чувствовал, но даже не догадывался о ней.

Там, в Дорфаре, как раз перед тем, как его люди похитили ее, она видела кошмарный сон — море на закате, ледяной берег и она сама у него на руках. Теперь, когда ее кармианские слуги привыкли к ней, Улис-Анет услышала много нового. Один из солдат рассказал ей, что Кесар вернулся из Анкабека с мертвой сестрой на руках и держал тело так, будто она просто спала.

Когда он появится, она поприветствует его со всей холодностью, на какую способна. И не ляжет с ним. А если он возьмет ее силой, не выкажет ни малейшего удовольствия, как бы предательски ни трепетало ее тело. Скорее всего, ему плевать на ее уловки. Но символически, в собственных глазах, это как-то искупало ее вину. На мгновение.

Во время бесконечного зимнего одиночества Улис-Анет подумывала завести любовника. Какого-нибудь привлекательного конюха или стражника. Но Кесар обнаружит это и, возможно, рассердится. Он может наказать или даже казнить этого человека... Нет, ей не хотелось обременять себя виной за подобное.

Часто она с тоской задумывалась о Ральданаше. Или Айросе. Что-то подсказывало ей — Айроса уже нет в живых.

Теперь она знала о Вал-Нардии вполне достаточно. Улис-Анет даже не была уверена — сама ли постоянно расспрашивает о ней, или слуги и без того рвались все ей рассказать?

Однажды она подумала, что могла бы попытаться убить Кесара. Но эта мысль слишком отдавала мелодрамой, как и все остальное, и Улис-Анет с раздражением отбросила ее.

Большую часть того дня она простояла у окна, глядя в сторону Истриса. Небо окрасилось в тусклый рыжеватый цвет, и она уже не думала, что он может приехать. Однако через пятнадцать минут после того, как зажгли светильники, по дому, как сквозняк, пронесся переполох. Улис-Анет спустилась, чтобы встретить гостя. Сегодня ночью он не найдет в ней ни желания, ни даже уступчивости.

Она приготовилась и, когда Кесар вошел, подумала: «Смотри, он всего лишь мужчина. Ты одержима им, но он не позволяет тебе влюбиться в себя. Это можно превозмочь». И тем не менее она старательно избегала его взглядов и прикосновений.

Обед был подан прямо в гостиной. Они вели бессвязную беседу на общие темы: повседневные домашние нужды, погода... Если Кесар и был удивлен, то не подавал виду. Он смотрел на нее, иногда мельком, иногда — долгим заинтересованным взглядом, с которым Улис-Анет изо всех сил заставляла себя не встречаться.

Узнав так много о Вал-Нардии, она, зачастую неосознанно, стала подражать ей.

Обед закончился, но Кесар не проявлял признаков нетерпения. Он прошел к очагу и растянулся там, прихлебывая вино.

— Завтра я отплываю в Ланн, — сообщил он.

— Ланн? — вежливо переспросила она, будто впервые слышала это название.

— Похоже, там назревают проблемы.

Она не ответила, никак не проявляя своего внимания. Он вторгся в Ланн, и было бы очень странно, останься Ланн доволен этим.

— Вижу, предстоящая война больше вас не интересует, — с иронией произнес Кесар. — На улицах говорят, что закорианцы могут разрушить Истрис за какой-то час. А весь остров — за шесть дней.

— У вас же любовь с Вольным Закорисом.

— Слушайте больше.

— Я буду молиться, чтобы во время вашего плавания море оказалось бурным, — бросила Улис-Анет.

— Чтобы меня погубить, нужно кое-что посильнее, чем соленая вода, — усмехнулся Кесар. Он осушил свой кубок, и Улис-Анет подошла, чтобы снова наполнить его. — Вал-Нардия часто укладывала волосы точно так же, как вы сейчас. Вам говорили об этом?

Вскинув голову, Улис-Анет встретила его взгляд — и спокойно произнесла, сама не зная, зачем это делает:

— Ее тень приходит ко мне и учит, как поступать, чтобы больше походить на нее.

— Осветлить кожу и сказать мне «нет», — отозвался Кесар столь же спокойно.

— Именно это я и собиралась вам сказать, — кивнула она.

В его черных глазах что-то мелькнуло, будто он и вправду увидел бледную текучую тень, опустившуюся на Улис-Анет, как покрывало.

— Как досадно проделать такой долгий путь лишь ради ужина, — пожал он плечами.

— Что ж, в доме есть несколько хорошеньких девушек. Одна из них даже красит волосы в красный цвет.

По губам Кесара скользнула усмешка.

— Или я все-таки заполучу вас, но несколько иначе, — произнес он, дразня ее. — Иногда мне нравится встречать сопротивление.

— Прекрасно. Тогда делайте все, что пожелаете.

— В чем-то главном вы совсем не похожи на нее, — уронил он. — Впрочем, и во всем остальном тоже. Когда отказываете мне и когда соглашаетесь. Если вы начинаете напоминать мне Вал-Нардию, я говорю себе, что это воспоминание, и более ничего.

— Зачем тогда я здесь? — он не ответил, и она продолжила: — Могу понять. Человек потерял очень ценный камень из своего кольца и заменил его другим, пусть не совсем таким, но подходящим. Да, он ценит его меньше, но надо же как-то носить кольцо!

— А еще она никогда не додумалась бы выразить это столь остроумно, — Кесар допил остатки вина. — Вы знаете, где я собираюсь лечь, если не с вами. Пришлите мне какую-нибудь девушку. Полагаюсь на ваш выбор.

Часом позже Улис-Анет сама вошла в комнату для гостей.

Утром она сказала себе, что и это ничего не значит. Кривить душой не имело смысла. Ее тело получило удовольствие. Почему бы и нет?

Но она больше не доверяла себе — той лгунье и предательнице, которой стала. И допустить такое, вдруг поняла она, было лишь еще одним проявлением предательства.

Они завтракали вместе. Ей не нравилась обыденность этого действия, закрепляющая за ней титул любовницы Кесара со всеми его печальными последствиями. К тому же она уже слышала, как внизу суетятся его люди, готовясь к отъезду.

И что будет дальше, когда он умчится прочь? Еще один бесконечный перерыв, бок о бок с призраком его сестры, и тяжесть в голове от множества пустых планов?

— Скажите, вы хоть иногда вспоминаете меня, когда уезжаете? — спросила Улис-Анет.

Он любезно уступил ей. Это был обычный женский вопрос, и Кесар, похоже, собрался прикинуться, что не понимает его истинной сути.

— Да, Улис. Вы мое прибежище.

— И от чего же? От государственных трудов и забот? Но ведь вы влюблены в них, — она чистила фрукты маленьким ножом и сейчас глядела на разрез мякоти с семенами, похожий на цветное стекло с крапинками, словно прозревая в нем некое знамение. — Наверное, мне положено дать вам что-нибудь на память. Например, прядь волос. Вроде той, которой заманили на смерть Айроса... О да, вам пришлось потрудиться, чтобы заполучить меня. Я и в самом деле стою этого?

Кесар поднялся из-за стола. Он поклонился, сообщил, что она прекрасна, но ему надо уезжать, и распорядился, какие изменения надо сделать в доме в его отсутствие.

И тут произошло нечто совершенно нелепое.

— Убирайся! — выговорила она сдавленным голосом, задыхаясь от ярости, и схватила со стола маленький нож для фруктов.

Ей удалось привлечь его внимание. Он остановился в замешательстве. Она сделала это... она — или опять Вал-Нардия?!

Но затем он все же развернулся и направился к двери. И тогда Улис-Анет швырнула нож ему вслед. Это был безумный, отчаянный жест, без надежды нанести серьезную рану. Нож пронзил его левый рукав и, не удержавшись, упал на ковер.

Кесар остановился. Даже не взглянув ни на испорченный рукав, ни на нож, он медленно повернулся и пошел к Улис-Анет. Чувствуя, что вышла из роли, она растерянно стояла, ожидая, что он попросту ударит ее. Но Кесар не тронул ее и пальцем, только уничтожающе посмотрел и холодно сказал:

— Укротите свой нрав, госпожа. Разговор окончен.

— Я не собиралась этого делать, — произнесла Улис-Анет, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали как извинение. — В этом нет никакого смысла.

— Ни малейшего.

Это были его последние слова. Дверь захлопнулась, и Кесар ушел.

Три кармианских корабля, поймав насыщенный дождем ветер, шли с хорошей скоростью. Когда показалась береговая линия Ланна, узкая, как клинок, они развернулись в сторону теней, идущих с севера. К ним неслась тройка хищных

остроносых закорианских галер. Кармианцы подняли штандарт с Лилией. Закорианцы вообще обошлись без флага, но их паруса больше не отмечали Двойная луна и Дракон Старого королевства и старого пиратства. Теперь на каждом из них был знак Черного Леопарда.

— Ждать сражения, мой повелитель? — спросил капитан Кесара, стоя на носу корабля.

— Ты забываешь, что Лилия и Леопард связаны крепкой дружбой.

Корабли мирно приветствовали друг друга и направились под защиту скалистого берега — в последнее на сегодня плавание.

Позади них садилось оранжевое солнце, отбрасывая на морскую гладь багровый влажный отсвет. Прямо по этому багрянцу к ним гребла закорианская шлюпка. Гостей приняли на борт галеры Кесара.

— Мы думали, что ваш король будет здесь, — заметил командир прибывших.

— Не имеет значения, — ответил Кесар, закованный в доспехи без всяких украшений и гербов. — Я облечен королевской властью.

Закорианец не был дураком и понимал, с кем имеет дело, но спорить не стал. Высокий, зверского вида, он имел запоминающуюся примету — на место выбитого левого глаза у него был вставлен полированный кусочек опала.

— В таком случае король Йил передает через вас приветствия вашему королю.

— Благодарю, — ответил Кесар. — Я не забуду передать.

— Я уполномочен предложить вам помощь.

— В каком объеме?

— Имеют место некоторые неудобства в Ланне, — пропущенная сквозь закорианский акцент, эта язвительно-вежливая фраза прозвучала почти смешно. Но Кесар не рассмеялся.

— Какие неудобства вы имеете в виду?

— Кармианские войска в Ланне восстали против короля К’сара.

— Король К’сар, — подчеркнул Кесар, — будет очень удивлен, узнав об этом.

На это закорианец не знал, что ответить. После короткого молчания он произнес:

— Мои галеры готовы сопровождать вас в порт Амланна.

— Нет, — отказался Кесар, улыбаясь, но глаза его оставались серьезными. — Кармисс удерживает Ланн. Заход военных

кораблей Вольного Закориса в его гавани в такое время может быть расценен королем как акт агрессии против самого Кармисса.

Похоже, его собеседник и не ждал другого ответа. Они обменялись неуклюжими любезностями, и закорианцы отбыли.

Перед самым закатом, когда корабли с Лилией подгребали к ланнскому берегу, за ними следовали три тени — слишком далекие, чтобы быть опознанными и вызвать нарекания, неявная, но вполне ощутимая угроза.

По официальным донесениям, ситуация в Ланне выглядела вполне безобидно. Власть перешла к новому командованию, Ральднор эм Иоли был свергнут и, следовательно, не представлял угрозы. Однако позже стали поступать иные сведения, невзирая даже на снег и лед — их добывали наблюдатели Кесара. Детали подлежали уточнению, но в целом выходило, что, хотя Ральднор и погиб, ему удалось склонить на свою сторону войска, по крайней мере, в самом Амланне и в порту. Сейчас у власти был правитель-марионетка, светловолосый шансарец, каким-то образом пленивший нехитрое воображение солдат.

Потеря позиций в Ланне накануне войны могла оказаться роковой для Кесара. Он нуждался в этой стране для большей устойчивости. Даже его прославленный флот, стратегическим превосходством которого он хвастался перед Дорфаром и, через третьих лиц, перед Вольным Закорисом, не возместил бы этой потери.

А Вольные закорианцы через своих шпионов, изрядно поумневших с тех пор, как руководство ими перешло к элисаарцу Катусу, уже учуяли запах разложения.

Три с половиной тысячи солдат просидели в Амланне все время снегов. При таком раскладе входить в город, имея за спиной менее трехсот человек, было для Кесара изрядным риском, но одновременно и необходимостью.

Этот жест был призван посеять серьезные сомнения среди Вольных закорианцев. Никто не идет на столкновение с такими малыми силами. Может быть, их сведения неверны? То же самое должен был подумать и Кармисс-в-Ланне — это совсем не выглядело карательной экспедицией. Кесар собирался не штурмовать их, а уговаривать. Может быть, они вспомнят, что никто не способен лучше сыграть роль просителя.

В каюте на верхней палубе врач освободил руку Кесара от доспехов и осмотрел неровный воспаленный порез на предплечье.

— Рана совсем не глубокая, но почему-то не хочет заживать. Она беспокоит вас, мой повелитель?

— Да, беспокоит.

— Я думаю, здесь пошло нагноение. Вы говорите, нож был испачкан фруктовым соком? Очень жаль, но придется прижигать.

— Так действуй.

Весна обещала Ланну новые волнения, но и сейчас, на излете времени снегов, уже никому не было скучно.

Смерть Ральднора Иолийского, павшего от рук то ли сумасшедшего патриота, то ли наемного убийцы, повергла Амланн в полное замешательство. Юный принц-король Эмел, сын Сузамуна, встретил печальную новость с явной тревогой. Он проливал слезы в присутствии солдат, которые поначалу отнеслись к этому снисходительно. Все-таки он был еще мальчиком, а Ральднор заменил ему отца. Однако рыдания не прекращались, и Эмела заперли подальше, да так и оставили взаперти. Войска делались своенравными.

В первые же дни после убийства был создан совет, куда вошли несколько капитанов из числа приближенных Ральднора. Стоит ли говорить, что возникли неминуемые ссоры и разногласия? Еще до конца месяца они вылились в открытые столкновения и уличные сражения между частями того или иного военачальника. В последний день месяца один из членов совета был найден мертвым в заброшенной винной лавке. В первые дни нового месяца возмездие настигло еще нескольких капитанов — причем один из них нашел свой конец в овечьей поилке, что породило многочисленные стишки армейских рифмоплетов.

Это с неизбежностью привело к смене власти. Двое офицеров захватили ее, были убиты, еще двое были избраны воодушевленной толпой на Дворцовой площади. Эти какое-то время держались, пока в один прекрасный день в Амланн не прискакал человек с юга. С ним прибыла тысяча кармианцев, частью изначально бывших с ним, частью приставших по дороге. Он осадил город, захлопнувший ворота перед его носом.

Но уже на вторую ночь кто-то открыл ворота и впустил вновь прибывшего с его людьми. Наверное, сыграла роль полная неустойчивость в самом Амланне. Этот же человек служил еще в тайной гвардии Кесара и, казалось, до сих пор хранил на себе отсвет власти хозяина.

Вскоре после того, как Бийх вернулся со своим королем из Дорфара, его направили в Элир с небольшим отрядом — для разведки и возможного подкупа. У него не было честолюбия, по крайней мере, он сам так считал. Преданная собака хозяина, простой парень, он годился для любой службы — и телохранителем, и солдатом, и посыльным. Как справедливо заметил принц Рармон, Бийх так и не поднялся по жизненной

лестнице.

Однако беспорядки в Ланне, эта цепь заговоров, переворотов и незаконных убийств, роковым образом толкнула его к случайному возвышению. Жизнь поманила его высоким постом, и он решил воспользоваться случаем. Возможно, желание двигаться наверх проснулось в Бийхе еще и при виде взлета старого приятеля Рэма.

Войдя в Амланн, он арестовал офицеров, бывших тогда у власти. Бийх собирался всего лишь посадить их под замок, но его люди оказались в опасном настроении и попросту растерзали тех прямо на площади.

После этого Бийх начал приводить в порядок город, пребывающий в прискорбном состоянии. Он сумел угодить всем, щедро распределяя пиво, вино и женщин, а также выдвинув Эмела как номинального правителя (в необходимости такой фигуры Бийх был твердо уверен). Это помогло ему обрести славу честного и благородного начальника.

Он даже посетил короля и королеву Ланна. Бледные, невзирая даже на темный цвет кожи, брат и сестра приняли его в своих покоях. Бийх искренне обрадовался, обнаружив, что в своем вынужденном изгнании они имеют вполне достаточно еды и прочих удобств. Коренные ланнцы нуждались в своих собственных номинальных правителях, и Бийх приходил в ужас при мысли, что мог застать их валяющимися на ковре после двойного самоубийства.

Однажды вечером он зашел к своему ставленнику Эмелу и задержался дольше обычного. Мальчик с самого начала выглядел испуганным и угнетенным, а оставшись с ним наедине, Бийх нагнал на него еще больше страху.

— Сейчас тяжелые времена, мой повелитель, — начал Бийх, никогда не умевший говорить банальности с покровительственным видом. — Но вы должны держаться. Вспомните своего отца. Народ любит вас. Кармисс будет ваш.

Бийх ни на минуту не верил в то, что говорил. На самом деле он собирался, как только позволит погода, вернуться к Кесару и вручить ему все, включая самого Эмела, обеспечив таким образом свое будущее.

Эмел, который, естественно, ни о чем не догадывался, снова начал плакать. Бийх склонился к юноше, сочувственно поглаживая его по плечу, и вдруг с некоторым изумлением осознал, что от того, пусть и едва уловимо, пахнет женщиной.

Припомнив, каким образом эм Иоли удавалось прятать мальчика, Бийх исполнился нездорового любопытства. На следующее же утро он под каким-то предлогом вошел в спальню

Эмела. Несчастный юноша, который с момента смерти Ральднора жил в состоянии непрерывной паники, был больше не в состоянии таиться. Бийх рассмеялся. Что-то в его смехе приободрило Эмела — он уже слышал такое раньше, причем не где-нибудь, а тоже в спальне...

— Не волнуйся, я сохраню твою тайну, — вовремя произнес Бийх, присаживаясь к нему на кровать. Не прошло и получаса, как он уже был в этой самой кровати.

Так уж случилось, что его вовсе не оттолкнула двойственность Эмела. К тому же, в отличие от Ральднора, он обладал хорошими манерами в постели.

Эмел обнаружил, что его ласкают и балуют. Вот он — единственный любовник, который никуда не исчезнет, единственный покровитель, который не презирает его, не ругает и не собирается от него избавиться. Неужели он наконец-то в безопасности?

Когда Кесар еще был ничем для этого мира, он возвратился в столицу из Тьиса на бронзовой колеснице, в сверкании клинков, осыпаемый цветами — и Истрис отдал ему свое сердце. Теперь, будучи королем, он вошел в Амланн своими ногами.

Плавание выдалось спокойным. Должно быть, Улис-Анет плохо молилась, как-то подумал Кесар — или же его смерть так и осталась на лезвии ножа. Тем не менее три черные тени держались поодаль, и когда корабли с Лилией причалили, встали на якорь у горизонта. В данный момент это представлялось неопасным, возможно, даже полезным — иметь в тылу поддержку Вольных закорианцев.

Порт был набит войсками. Обстановка прояснилась шесть дней назад, еще на корабле, благодаря дополнительным сведениям, которые доставил с берега шпион Кесара, оказавшийся хорошим гребцом. Теперь он знал всю последовательность сменявших друг друга временщиков; последним из них стал Бийх, некогда один из Девятых, чья изначальная тысяча в Амланне разрослась до трех с половиной. Со сходом снегов прочие области страны поддержали Бийха — а может быть, Ральднора, до сих пор не зная о его смерти. Пресловутый же король-марионетка, по словам шпиона, был сыном Сузамуна или очень удачным его двойником, которого удалось где-то откопать.

Пока легкая лодка несла его к берегу, Кесар прикинул, что бронированная фаланга, закрывающая пристань, насчитывает не менее двух тысяч человек. Они пока не отрезали ему путь, но эти смертоносные челюсти могли сомкнуться в любой момент.

Кроме всего прочего, они сомневались, что это сам Кесар. Не может же он быть таким дураком!

Лодка причалила, и он ступил на глинистый берег, местами еще схваченный льдом, затем поднялся по ступеням на набережную.

В толпе стал нарастать невнятный шум — дисциплина здесь была хуже некуда. Большинство солдат знали Кесара в лицо, некоторым доводилось беседовать с ним (или они так полагали) еще в Кармиссе, когда ланнская кампания только набирала ход.

Постепенно шум стих. Толпа пристально глядела на своего короля, враждебная и злопамятная — металл и лица, и металлические лица щитов. Они больше не любили его. Причиной тому стали и наветы эм Иоли, и мятеж, и оторванность от дома, и холодное безумие зимы.

Кесар одиноко стоял посреди толпы. Своих людей он оставил на судне. Они тоже считали, что он сошел с ума, однако восхищались этим. Им было известно, на что он рассчитывает, и они говорили друг другу, что за таким человеком пошли бы в огонь и в воду. По крайней мере, так они думали, сидя на корабле.

Сегодня на нем не было привычного черного, лишь алая с золотом саламандра все так же пламенела на груди и спине — отличная цель. Тонкий, но прочный стальной панцирь был совсем незаметен под одеждой. Для толпы же Кесар был беззащитен и безоружен: ни меча, ни кинжала, ни даже потайных ножей в рукаве или сапоге, без которых не обходилась ни одна подобная история. Они знали, где смотреть, но ничего не высмотрели.

Он стоял перед ними, совсем молодой и почти веселый, в светлых одеждах, и не торопился приветствовать их — только обводил твердым взглядом лица, одно за другим. Кто-то мрачнел, другие отводили глаза. Но Кесар не обвинял своих людей и не бросал им вызов. Его взгляд был испытывающим, взыскующим, но в меру.

Минуты истекали, и ничего не происходило. Наконец двое из только что назначенных капитанов Бийха вышли вперед и отдали честь королю.

Они не знали, что ему сказать. Да и что тут скажешь? Они открыто подняли оружие против своего повелителя, а теперь он стоял перед ними — спокойный, царственный, безоружный.

— Чего вы хотите, мой лорд? — наконец выпалил один из капитанов.

— Моя цель — город, — ответил Кесар.

— Я не могу отвечать за людей, — предупредил второй. — Ваша жизнь на остриях двух тысяч мечей. Почему бы вам не

вернуться на свой замечательный корабль? Я уверен, что вам не станут препятствовать.

Эти слова услышали многие — в холодном воздухе слышимость была отличная. По толпе прошел нехороший насмешливый шум, металл звякнул о металл. Когда все это смолкло, Кесар снова заговорил. Через головы капитанов он обращался к двухтысячной армии, которая ненавидела его ненавистью обманутого любовника. Его сценический голос, отточенный многократным применением, легко достиг каждого из них.

— Эти люди — кармианцы, как и я. Я не боюсь своих братьев. Можно ли мне пройти?

Он и впрямь пошел вперед, и челюсти начали смыкаться. Но таким образом Кесар вступил с толпой в естественный контакт. Он обладал великолепной памятью и теперь пользовался ею. Он припоминал имена, личности, звания и события жизни людей, которых встречал много лет назад, перекинувшись с ними не более чем парой слов. Он оживлял те смутные бесцветные дни, и его алая саламандра пламенела, как маяк, привлекая людей отовсюду. Когда они напирали, Кесар не боялся касаться их. Его руки, надежные, успокаивающие, трогали их, как любимую лошадь или зееба. Толпа сомкнулась еще плотнее, но теперь в этом не было ненависти — люди сами желали прикоснуться к нему. Вдалеке карабкались на стены, чтобы разглядеть Кесара.

И лишь теперь зазвучали обвинения, ибо они поняли, что могут говорить с ним, и он услышит.

Уже по дороге в Амланн эта огромная толпа, оставившая порт почти без защиты, стала обращаться к нему на шансарский лад — «Кесар» или «король». Не осталось и следа отчуждения. Это была та близость, которая принята в обращении к богу.

«Почему?» — спрашивали они. Почему не присылал продовольствия? Зачем запер их здесь? К чему эти заигрывания с Вольным Закорисом?

Кесар снял с себя все обвинения и объяснил им смысл идущей игры. Ланн — это оплот. Вольный Закорис — средство для достижения цели. Главный же приз — весь Вис.

Его голос достигал окраин, проникал во все закоулки — и воодушевлял людей. Его сила и уверенность, и особенно доверительность, раскрывали сердца. Каждый чувствовал себя советником короля, доказывал, приводил доводы. Все это время Кесар был в гуще народа. Чувствующий себя виноватым не войдет вот так, без страха и без защиты, в клетку со львами. И если бы он не любил их, то разве стал бы так доверять?

По дороге попался пригорок с плоской вершиной, и Кесара

заставили подняться туда.

Он стоял, возвышаясь над дорогой и металлической тучей, и говорил с ними запросто, словно каждый из них был его хорошим знакомым. Солнце рдело в небесах, и этот теплый отсвет ложился на холмы, на лед, на него самого.

Кесар шутил, а они смеялись и колотили кулаками в щиты.

Он не принижал их. Не обвинял, не стыдил, не нападал. Им мерещились горы сокровищ, рядом с которыми все «премии» Ральднора выглядели кучей мусора. А чародей, который обещал им все это, каким никогда не был ни Ральднор, ни любой другой, стоял перед ними.

Но затем кто-то протолкался вперед и прямо из толпы выкрикнул Кесару в лицо:

— Сузамун! Сузамун!

— При чем тут он? — недоуменно поднял бровь Кесар.

— Его сын, — продолжал хрипло выкрикивать солдат. — Ты убийца...

— Нет, — твердо ответил Кесар.

Как ни отмахивайся от этого, но господство светлых народов было основано на вполне реальной силе — и силой этой были предрассудки и суеверия.

Стоя под ярким солнцем, все две тысячи его братьев-солдат — и кармианские Висы, и полукровки, и несколько десятков шансарцев, к которым относился и сам обвинитель — ощутили, как мороз пробежал у них по коже.

— Я всегда считал, что Эмел, сын Сузамуна, умер от чумы, — спокойно произнес Кесар. — Так говорил мне Ральднор, а он умел лгать. Вы сами были обмануты им — так же, как и я. Эмел был лишь пешкой в его руках. Если это действительно Эмел.

— Да, это Эмел! Истинно Эмел! — разом начала выкрикивать толпа, желая оправдаться перед ним за свой мятеж, придать ему оттенок законности.

И снова Кесар выждал. Когда установилась тишина, он окинул взглядом их всех. Все было, как обычно — его обходительность и его высокомерие. Их бог смотрел на них.

— Я очень хорошо помню Эмела, — заговорил Кесар, и им пришлось слушать. — Мощь богини... Она сокрушила династию Сузамуна, оставив одного лишь Эмела. Недаром говорят, что наш мир — лишь сон богини. Мы все — картинки в Ее сознании. Если Эмел жив, то королевская власть — его по праву. Кармисс принадлежит ему, так же, как вы и я, господа, принадлежим ему, — он бросил взгляд на шансарца и добавил на родном языке двора Сузамуна: — Как Она этого хочет.

Большую часть пути в город он прошел пешком вместе с

солдатами, а в полдень разделил с ними трапезу на обочине дороги. В какой-то момент королевский агент, крутившийся в толпе, презрел ранги и вернулся в порт.

— Еще не победил, но уже побеждает, — сообщил он тем, кто остался на кораблях с Лилией.

Это начинало напоминать дешевую пьесу и изрядно сбивало Кесара с толку. Мало того, где-то в глубине души или сознания это прямо-таки приводило его в ярость. Опять все то же самое — борьба и неизбежная плата завоевателям, Избранникам богини. Один из них случайно обронил семя, из которого вырос он, Кесар. Отец, которого он никогда не видел — только несчастную, исходящую слезами женщину из Ксаи, черноволосую кармианскую принцессу, уязвленную и униженную, как приблудная сука. Она не сумела даже повеситься как следует, и Вал-Нардия споткнулась об ее похолодевшие ноги. Их мать, будь она проклята. Она хорошо понимала колдовскую силу светлой расы и позволила ей себя уничтожить. Но он, Кесар, вырвал эту легенду с корнем — только для того, чтобы она снова дала ростки. Змея в Тьисе… Змея, которая была мечом.

Кесара снова начало лихорадить, но не сильно — ровно настолько, чтобы слегка помутить его сознание. Это не могло быть опасным.

Наверное, врач на корабле оказался не слишком опытным и держал раскаленное железо недостаточно долго, и теперь заражение снова пошло по его левой руке. Значит, операцию надо повторить.

Когда на дороге эти идиоты в доспехах в конце концов подхватили его на руки и так понесли в город, уже вся рука отозвалась волной мощной боли. Кесар справился с собой, поскольку знал, что обязан это сделать. Но он готов был убить каждого, кто имеет неосторожность схватить его за руку. В городе, на верхней площадке лестницы на Дворцовой площади, где раньше принимали посетителей брат-король и сестра-королева, он сделал над собой усилие и еще раз устроил им самый настоящий театр. И снова завоевал их.

Сейчас они принадлежали ему — все четыре или пять тысяч амланнских войск.

Осталось разобраться с Бийхом. Здесь Кесар не ждал особых сложностей, ибо еще раньше, в прибрежной деревне, получил довольно невнятное послание, в котором тот выражал свое почтение и преданность.

И затем, в завершение этого проклятого дня, неизбежное признание — все на той же лестнице, в тесной близости к своре

грязных упившихся солдат — принца-короля Эмела.

Хорошо, что грядет война. Где-нибудь среди ее тягот Эмелу снова суждено умереть. Это не подлежит сомнению.

Но ведь все это не было неизбежностью. Эта западня, Ральднор, перехитривший сам себя, Сузамун, трижды проклятая Ашара-Анакир...

— Это должно помочь вам, мой повелитель.

Второй врач — первый отлеживался после порки — выпрямился, закончив свою работу. Рана, теперь покрытая слоем мази, казалась онемевшей, но сильно легче не стало.

— Зайди сегодня вечером и прижги ее снова, — распорядился Кесар. — На этот раз как следует.

— Не беспокойтесь, мой повелитель. Я видел, что стало с моим предшественником.

— Ради этого оно и случилось. Что это у тебя?

— Настой, чтобы уменьшить вашу лихорадку.

— И нагнать на меня дремоту? Ты полагаешь, я могу позволить себе спать здесь? — Кесар резко оттолкнул чашу, так что она упала на пол. Такое насилие было необычно для Кесара — как правило, он бывал очень вежлив с нижестоящими. Кармианские виноделы, занимавшиеся своим промыслом под покровительством короля, обожали его, превознося его великодушие и энергию. Те самые презренные люди за стенами в этот миг с радостью отправились бы сражаться за него с Вольным Закорисом. В прежние времена это тоже было частью его чар. Даже те, кто понес наказание, чувствовали себя отмеченными.

Рэм... Почему он думает о Рэме-Рармоне эм Дорфар, сыне Ральднора? Он скачет где-то с его поручением, разыскивая ребенка Вал-Нардии... Или это он сам спешит в Анкабек, которого больше нет. И ребенок... Нет, ребенок — это не более чем ночной кошмар. Ничего этого на самом деле не было.

Второй врач, который пришел всего час назад, поклонился и, незамеченный, вышел вместе с остальной свитой.

Следующим посетителем стал Бийх. К тому времени Кесар уже взял себя в руки.

Все прошло должным образом: выражение почтения, попытки подольститься, соглашения. Несомненно, Бийх по-прежнему оставался верен ему. Он заслуживал награды и получит ее еще до наступления лета. Нож между лопаток по самую рукоять. Впрочем, объяснений здесь и не требовалось.

Нож... Эта безмозглая заравийская кобыла! Неужели ее нож был чем-то смазан?

Никакие его раны, даже полученные в бою, не воспалялись. Тот осколок в морском сражении под Кармиссом, который

должен был лишить его глаза, свернул со своего пути и оставил на память лишь маленький аккуратный шрам.

Только змее в Тьисе удалось его отравить, да и то по его собственному усмотрению. Тот шрам до сих пор хорошо заметен. Он лежит на три пальца выше того места, куда вонзился нож Улис-Анет.

Вал-Нардия, хотя и угрожавшая ему таким же ножичком, не посмела пустить против него в ход даже свои ногти. Убить себя ей оказалось проще.

— Ты хорошо потрудился, Бийх, — сказал Кесар. — Не стану преуменьшать твоих заслуг. Ты заслуживаешь по меньшей мере должность наместника Ланна.

Бийх, не сообразивший, что не получил в награду ничего нового, расплылся в дурацкой улыбке.

— А Эмел, мой лорд?

— Он боится, что я могу разделаться с ним? Если верить Ральднору, однажды я уже пытался это сделать.

— Да, мой лорд.

— Переубеди Эмела, — посоветовал Кесар. — Он мой король. Думаю, он оставит мне управление армией. Я солдат. Пусть каждый занимается тем делом, к которому лучше всего приспособлен.

Бийх изменился в лице. Помимо всего прочего, он был одним из Девятых. Он видел, как работает разум этого человека, знал кое-какие тайны девятилетней давности. И знал, что Кесару прекрасно известно о его знании.

— Есть еще одна вещь, мой лорд, — Бийх колебался, кусая губы. Но Кесар не выказал ни малейшего желания помочь ему, и он решился: — Ральднор сделал еще кое-что, желая обезопасить Эмела. А может быть, себя самого.

— Одевал мальчишку в женскую одежду и привил ему повадки шлюхи. Мне известно об этом.

— На самом деле, мой лорд, кое-что больше...

Черные безжалостные глаза со странным матовым блеском — лихорадка, говорят, какой-то убийца пытался зарезать его в Истрисе — с такой силой впились в Бийха, что он поежился. Лучше сразу все сказать, а заодно сделать подарок хозяину. Кесар и сам по себе рано или поздно поймет, что это не предмет для торга, а также увидит, как сказалась на армии вся эта кровавая круговерть. Он всегда был талантливым магом и постановщиком эффектных зрелищ...

— Ральднор привлек оммосских хирургов, и они сделали операцию того рода, какими славится их страна, — Кесар взглянул на него невидящими глазами, не понимая. — Да, мой

лорд. Принц больше не мужчина. Его кастрировали. Он не отвечает статусу короля, во всяком случае, по меркам Висов — не будем пока о шансарцах. Вряд ли есть смысл сейчас поднимать шум по этому поводу, они так обидчивы. Но вот в совете Истриса...

Повисла тишина. Кесар медленно отпил вина.

— Откуда ты узнал? — внезапно спросил он.

Бийх пожал плечами. Мудрее будет во всем сознаться.

— Не думаю, что им это понравится... Я видел его без одежды. И спал с ним, — повисла новая пауза, однако Бийх почувствовал себя спокойнее, чем в последние дни, и добавил: — Вы могли бы оставить его в живых, мой лорд. Или нет — это на ваше усмотрение. Но этот бедный маленький евнух никому не принесет вреда.

Эта часть разговора прошла мимо Эмела. Зато он услышал все остальное.

Проведя долгие месяцы взаперти в амланнском дворце, он разведал некоторые его потайные щели. Так, иногда, замирая от возбуждения и отвращения, он наблюдал за извращенными постельными играми Ральднора, пробравшись на редко посещаемую верхнюю галерею, где было выломано несколько плиток. Кесар же стараниями своих капитанов расположился в бывших покоях Ральднора. Совсем нетрудно было пройти проторенным путем.

С момента появления кармианских кораблей Эмел ощущал, как на его шее неумолимо затягивается смертельная удавка. Потом Кесар вошел в город, и солдаты веселились почти так же громко, как в ту ночь, когда Ральднор в свете факелов предъявил им свою страховку. Эмел хотел где-нибудь запереться, но люди наводнили весь дворец. Теперь это место принадлежало Кесару — не только его личные покои, но и каждый темный уголок.

Эмелу понадобилась вся его смелость, чтобы решиться на подобный шаг. То, что он услышал, отнюдь его не успокоило, даже принимая во внимание прежние заявления Кесара. Обещания оставить его в живых и сделать королем таили в себе зловещий подвох. Разве не все они обещали это ему? Бедный юноша горячо молился — не Ашаре или какому-то другому божеству, но своему личному, неоформленному богу, — чтобы Бийх оказался в состоянии защитить его. Он верил в преданность своего нового друга. И был потрясен, услышав, как Бийх без всяких колебаний отказался от него.

Эмел вернулся в свою спальню. От Ральднора он перенял склонность к жестокости, и теперь, прихватив жучка с двери, обрывал ему лапки, плача от страха. Заслышав в коридоре шаги,

которые вполне могли быть шагами его палача, Эмел торопливо раздавил каблуком остатки чужой жизни.

Новый ослепительно-оранжевый закат озарял новую церемонию на дворцовой лестнице. Лучи заходящего солнца ложились на яркие стены и переходы дворца, на его крепкие деревянные колонны, расписанные ярко-синими и красно-коричневыми лотосами, на изящные летящие капители. По настоянию Кесара на церемонии присутствовали король и королева — они сидели за его спиной, на верхней площадке, в своих креслах из слоновой кости, их руки украшали браслеты из того же материала. Королева выглядела очаровательно, но ее брату-мужу все еще явно нездоровилось. Кесар поинтересовался его здоровьем.

— Ничего страшного, лорд король Кармисса, — ответила королева.

— С того момента, как мои войска вошли в Ланн, он все слабеет и слабеет, — возразил Кесар.

— О да, мой лорд. Он и я — это Ланн. Боль нашей земли отзывается в нас болезнью.

— А вы сами? Я бы рискнул сказать, что вы цветете, мадам.

— Просто очень хорошие краски для лица, лорд король. Разве вам не говорили? Даже ланнцы знают, что это обман зрения.

Он снова подумал о Вал-Нардии. Сестра и жена.

Он вышел под лучи заката, за ним последовали кресла из слоновой кости и прочие участники действа. Толпа забила всю площадь, солдаты свешивались с деревьев и крыш. Надо думать, здесь были и амланнцы, пришедшие взглянуть на редкое зрелище. Пожалуй, восстановление светловолосого руководства, этой подделки, станет горькой насмешкой и для Ланна тоже.

Казалось, свет над площадью дрожит от дыхания собравшихся людей. До предстоящего повторного прижигания оставалось чуть меньше часа.

Наконец Эмела доставили к подножию лестницы. Завидев его, тысячи солдат начали кричать и колотить в свои щиты.

Этот грохот отозвался болью внутри черепа Кесара, но он заставил себя спуститься на несколько ступеней, чтобы приветствовать мальчика, который, по сути, не был мальчиком. Так, ошибка, которую невозможно исправить до возвращения в Кармисс.

Эмел смотрел вверх, слишком напуганный, чтобы укрыться от гипнотических глаз Кесара. Рука, тронувшая его за плечо, осталась прежней, не растеряв своей силы за минувшие годы. Когда-то эта рука подсаживала его в седло и на колесницу, вела и

направляла его. Как-то зимой, когда ему довелось обморозиться, именно эти руки растирали и согревали его детские ручонки, возвращая их к жизни. Эмел боготворил Кесара. Человека, который хотел его убить.

Казалось, Кесар изучает юношу, глядя строго и в то же время сочувственно. Затем он обернулся к солдатам, и голос его без труда разнесся по всей площади:

— Это действительно Эмел. Сын моего короля и мой король.

И когда толпа взвыла от восторга, Кесар опустился на колени перед мальчиком.

Он сделал это иначе, чем Ральднор, но в точности так же, как тогда, в Истрисе, в зале с картой. Эмел смотрел на коленопреклоненного человека. Закат угасал, его свет делался гуще и тяжелее, кровавыми отблесками ложась на блестящие черные волосы и окрашивая светлые одежды в цвет крови.

Эмел развернулся к солдатам, желая лично говорить с ними. Небывалый случай. Они зашикали друг на друга, и внезапно разноголосица стихла. Словно образовалась пустота, заполненная лишь зловещим красным светом заката.

Юноша смотрел на свой народ, а он — на него, с сочувствием и одобрением. Казалось, солдаты подбадривают его взглядами. Они всегда так делали — должно быть, они любят его. И их так много. А Кесар, его враг — один.

Внезапно Эмел принял отчаянное решение. У него имелось всего несколько секунд, чтобы выполнить его, и он знал об этом. Простирая руки к толпе, он закричал своим высоким девичьим голосом:

— Это все ложь! Он убьет меня! Кесар хочет убить меня! Не дайте ему... пожалуйста, спасите меня! Помогите мне...

Снова и снова одни и те же фразы вылетали из его уст. Его крик возвысился до пронзительного визга, и его мука красноречиво говорила даже тогда, когда слова были неразличимы. Передние ряды кармианских солдат отреагировали мрачным и неуверенным гулом, от них в глубину площади покатилась волна вопросов и отрицаний.

Все это могло перегореть само по себе. У Эмела была не настолько крепкая глотка, чтобы вопить еще дольше. Но тут Кесар поднялся. Он глядел на этого визжащего кастрата, и его всегда холодная кровь мало-помалу закипала.

— Успокойся, — жестко произнес он.

Однако Эмел и не подумал успокаиваться — он отскочил в сторону и принялся громко рыдать, отбиваясь и всхлипывая.

В его поведении чувствовалось не только отчаяние, но и злость. Именно она толкнула мальчика на эту выходку.

Навредить тем, кто его предал, даже пытаясь уберечься от них! И поэтому, когда Кесар потянулся, чтобы схватить его и успокоить, Эмел развернулся, и сквозь его полудетскую истерику прорвалось рычание. Он набросился на Кесара, колотя его и царапая, стараясь удержать на расстоянии.

Эмел ничего не знал о маленькой пульсирующей ранке на руке врага. А если бы знал, то, может быть, инстинктивно пытался бы не задеть ее.

Но его атака, уже почти сошедшая на нет, повторно обрушилась туда, именно туда... Боль взорвалась внутри тела Кесара, пронзила мышцы, кость и покатилась дальше — в грудь, горло, по всем жизненно важным органам. Эмел же, видя, как отпрянул его враг, продолжал снова и снова бить в эту точку.

Солдаты вокруг, не очень понимая, что происходит, начали откровенно посмеиваться, позабавленные бессильными ударами мальчика-короля. И тут Кесар сам ударил его.

Наверное, все ждали чего-то вроде отцовского шлепка. Но это оказался отнюдь не шлепок.

Те, кто стоял здесь, были бойцами, и именно поэтому почти все они похолодели, ибо осознавали, что подобный удар призван сломать шею юноше. Так и произошло.

Эмел рухнул, словно что-то в нем разлетелось на куски, и покатился по лестнице, прямо на первый ряд солдат у ее подножия. Над ним склонились, потрогали и оставили в покое. Теперь гул поменял свой оттенок и стал куда быстрее распространяться по толпе.

Тем временем свет почти померк. Последние красноватые отблески освещали убийцу, так и стоящего на той ступени, до которой он дошел, встречая своего короля.

Он не двигался, не говорил ни слова. Но не боль, не лихорадка или гнев обратили его в камень. Может быть, это была ирония или что-то подобное ей, но более жестокое. До сих пор Кесар использовал смерть так часто и так умело — но втихомолку. Сейчас же он не мог не понимать, что, проделав это при большом стечении народа, сам подписал себе приговор.

23

— Что-то горит, — сообщил Дхакер Опаловый Глаз, вглядываясь сквозь наползающую ночь в далекое побережье. И не ошибся.

Поймав попутный ветер, три закорианских галеры по широкой дуге направились к ланнскому берегу. Еще издали они разглядели зарево пожарищ, которое все объясняло. Большая часть амланнского порта была охвачена огнем.

Часть авангарда закорианского флота, корабли Дхакера отнюдь не утратили пиратской сноровки. У них имелись причины для захода в чужой порт, причем вполне дипломатического свойства, ибо К'сар эм Кармисс, совершенно явно ввязавшийся в схватку с кармианскими мятежниками в Ланне, был союзником короля Йила. Но долгие зимние скитания вдоль Таддры и бесплодного, но хорошо охраняемого дорфарианского севера так и толкали их в драку. Несомненно, там их ждала богатая добыча — целый город, полный выпивки и женщин, ибо кармианцы еще не успели употребить все это добро.

Шлюпки направились к берегу, обходя кармианские якорные стоянки, которые, впрочем, были странно пустынными. Когда они высадились, сражение в порту уже закончилось — их встретили горы трупов, пожарища и разрозненные мародеры. Амланнцы тоже куда-то делись, скорее всего, в холмы, ибо горы и холмы были душой Ланна.

Дхакер распределил своих людей. Часть из них осталась зачищать порт и присматривать за своими галерами. Остальные двинулись по дороге в Амланн.

Когда они приблизились, отсветы над городской стеной ясно сообщили им о поджогах в самом городе. Их миссия постепенно меняла свой характер.

Ибо, невзирая на все договоры, Вольный Закорис ненавидел Кесара. В нем текла кровь желтых людей, а кроме того, всю молодость и начало зрелости он потратил на небезуспешные попытки втоптать Вольный Закорис в грязь. Теперь же он сам падал к ним в руки, как перезрелый плод. Несомненно, короля Йила порадует такой пленник. Да и Кармисс вместе с востоком расслабятся — и станут легкой добычей.

Мятеж в Амланне начали шансарские войска. Основание для этого лежало на поверхности — Эмел был из их народа. Когда Кесара схватили и, как преступника, препроводили во дворец, тут же был созван совет. Время солдатского правления не прошло

даром, и шансарцы ждали, что убийцу законного короля выдадут им на расправу. Страсти кипели. Люди светлой расы проклинали Кесара, называя его проклятым Висом, мерзавцем и черным шакалом, и очень быстро перешли на его ближайшее окружение. Солдаты-Висы, которым тоже пришлась по вкусу независимость, и не только здесь, в Ланне, но и в висском Кармиссе под властью Кесара, решительно оскорбились. Прочие встали на ту или иную сторону. По большому счету, в амланнском гарнизоне давно не осталось никакой дисциплины. Ральднор и его преемники разрушили ее, Кесар же, который мог бы восстановить порядок в армии, был отстранен. И люди, завывая, вцепились друг другу в глотки: Висы против шансарцев, полукровки против тех и других, отряд на отряд. Пока события в городе набирали ход, гонцы и отдельные маньяки принесли в порт эти сведения, а за ними и кровавую баню. Остатки эскорта Кесара, поспешившие ему на помощь с кораблей под Лилией, были перехвачены по дороге.

Один небольшой яростный отряд прогрыз себе путь сквозь безумных шансарцев и рычащих истрийцев, через охваченный огнем город и потоки ланнских беженцев — вперед, к воротам дворца. Он был последним и единственным местом, которое еще было защищено. Его охраняли уцелевшие кармианцы, во главе которых стоял ошеломленный, плохо соображающий Бийх.

— Ваша честь, сюда идут три посудины Вольных закорианцев!

— Адские бездны! — выругался Бийх — и был недалек от истины. Закорианцев не набиралось и шести сотен, однако они были бесцеремонными, энергичными и сохраняли боевой порядок.

Порт стоял беззащитный, с широко распахнутыми воротами. Установить хоть какое-то единство в кипящем водовороте было невозможно. Это смог бы сделать только Кесар. Но он сейчас сидел в погребе, куда его отвел лично Бийх.

— Мой повелитель, — твердо сказал он, разрываясь между нервной дрожью, ошеломленным удивлением и извращенным удовольствием, — ради вашей же безопасности я обязан оставить вас здесь. Связанным и под охраной.

Кесар лишь усмехнулся, а, может, оскалился, как делает перепуганный пес. Но Бийху было уже не до этого. Он поспешил наверх и окунулся в текущую неразбериху.

Собрав семь десятков человек, Бийх расставил их у дворцовых дверей. Он также попытался приставить к делу ланнцев из казарм под знаком Саламандры. Но большинство из них разбежалось или было занято спасением своих семей из этого кромешного ада.

В конце концов отряд Опалового Глаза прорвался к входу в

амланнский дворец. Большинство уличных бойцов вовсе не искало драки и перебегало с места на место в поисках убежища понадежнее. Ничего удивительного, что они просмотрели отряд закорианцев. Защитники дворца сопротивлялись храбро, но недолго. Их изрубили на куски под стенами, меж колонн и на галереях. Вскоре закорианцы были уже во дворце. Они не ставили целью удержать его, просто шли вперед, хватая добычу, однако не устраивая поджогов. Они вели сосредоточенный поиск. Король и королева, по настоянию своих телохранителей, бежали. В общей суматохе их удалось успешно вывезти из города.

В конце концов люди Дхакера все-таки ворвались в погреб, перешагнув через выпотрошенные тела пятерых кармианцев, и обнаружили там Кесара — со связанными руками, как они и мечтали.

— Вот он, — произнес Опаловый Глаз, — тот, который больше не король. Эй, слышишь? Ты больше не король, К'сар эм Кармисс.

Справиться с Кесаром, не только закованным, но и сломленным лихорадкой, не составило труда. Убивая здесь и грабя там, они пробились обратно на дорогу, затем в порт и на свои корабли.

Их рабы гребли к северу, оставив на горизонте тлеющие угли Амланна.

Дхакер сам прижег зараженную рану на руке своего пленника. Он раскалил железо добела и прижимал его к плоти Кесара ровно столько, сколько было надо, может быть, несколькими мгновениями дольше. Дхакер не хотел, чтобы его добыча померла до того, как он воссоединится с флотом Йила. К тому же отцу Дхакера довелось оказаться в Тьисе.

Дом, обычно такой безмятежно и бесплодно спокойный, внезапно наполнился криками. Заслышав в коридоре чьи-то стремительные шаги, Улис-Анет обернулась навстречу вестям.

— Госпожа...

— В чем дело?

Ей рассказали.

Дочь заравийского короля развернулась и ушла в сад. Она не хотела участвовать во всей этой суматохе. Белые голуби, возмущенные неожиданным шумом, взмыли в кусочек неба, ограниченный стенами цвета красной розы.

Из Ланна вернулись корабли с Лилией. Другие корабли готовились отплыть из Истриса, чтобы вывезти из Ланна остатки кармианских войск. Говорили, что там по всей стране носятся гонцы на зеебах, собирая своих с холмов и утесов, из всех долин и

деревень. Каждый кармианец обязан был вернуться на родину. Ланн, использованный и растерзанный, бросали как кость Вольному Закорису — пусть грызет, если хочет.

Черный Леопард стремительно подбирался к самому Кармиссу. Больше не союзник — захватчик. Все соглашения и договоры были перечеркнуты.

Кесар, безумец и убийца королей, находился в руках Вольного Закориса.

Недавно ей снился сон. Улис-Анет не могла в точности вспомнить его, но в нем присутствовала змея, чьи зубы блестели, как ножи. Это было страшно. Улис-Анет заплакала во сне и проснулась в слезах. Теперь она поняла, к чему этот сон, и снова заплакала.

Она не любила его — и любила его. Ему суждено умереть, и Кармисс погибнет, а она будет винить себя, потому что все было показано ей во сне, но она не смогла понять, что к чему.

— Госпожа, вы замерзнете так! Вот ваш замечательный плащ с мехом калинкса, который он вам подарил.

— Нет, — пробормотала Улис-Анет. Но ее все равно подняли с травы и осторожно повели обратно.

— Полно, госпожа! В Истрисе небезопасно. Город полон сумасшедших солдат, и корабли все прибывают. Лорд-правитель вводит комендантский час. А булочник говорил, что на закате видели черные галеры Леопарда...

— Мы уезжаем вглубь страны, — раздался мужской голос. — Поторопитесь, госпожа, вы нас задерживаете.

Улис-Анет была сбита с толку. Она подумала, что ее хотят продать как рабыню.

— Но Кесар... — начала она.

— Забудьте о нем, госпожа. Кесара разрезали на кусочки и скормили рыбам.

— Тише! Оставьте ее, — вмешался кто-то из женщин.

Ночь принесла видимость успокоения. Она уснула на руках у своих девушек.

Звезды выткали узор по небесной черноте.

Они находились среди холмов Кармисса.

Улис-Анет глядела на звезды, и ее заполнили мысли о мироздании. В молитвенном жесте она воздела руки к небу. Здесь это выглядело нелепо, но элирианские астрологи поняли бы такие причуды.

Это была маленький постоялый двор. Когда взошло солнце, Улис-Анет оказалась там совсем одна. Даже ее анкары и

украшения куда-то подевались, а роскошный плащ из черно-белого меха, видимо, разделился на живых зверей, которые просочились под дверь.

Над ней нависал хозяин постоялого двора.

— Ну, прекрасная госпожа — прекрасная шлюха! Как вы будете расплачиваться со мной?

Он изнасиловал ее. В любое другое время столь ужасная вещь вызвала бы у нее омерзение, возможно, свела с ума. Но сейчас она уже перешла эту грань. Все оскорбления, которыми осыпал ее мужчина, скользили по ее сознанию, не проникая вглубь.

— Этого недостаточно, — сказал хозяин.

Он велел ей почистить камины и натаскать воды, обещая высечь за нерадивость. Неужели ее все-таки продали и даже не сообщили об этом?

— Я любовница короля! — бросила она ему в лицо, поднимаясь с постели.

— Король! Нас порвут в клочья из-за этого короля. Вон! Я жалею, что запачкался о тебя, шлюха с красными волосами.

Дорога стелилась длинной лентой. Она вела в Иоли, где Улис-Анет никогда не бывала. Казалось, люди из всех городов и деревень снялись с места и пустились в путь, туда или сюда — дорога была забита всем, что способно двигаться. Повозки и фургоны, мычащий скот и дребезжащая утварь, увязанная кое-как. Старики, слишком слабые, чтобы передвигаться, обреченно сидели на обочине, дожидаясь смерти.

Улис-Анет шла в потоке беженцев, при всем своем многообразии представляющем собой единое существо. Она не знала, куда идет. Было ли безопасно в Иоли? Вряд ли. Куда же тогда? Наверное, на запад, прочь с острова. В Дорфар, где их всех защитит Повелитель Гроз. Кесар — не более чем падаль, которую уже рвут вороны. Хорошо одетая старуха, видимо, из приличной семьи, упала на дороге прямо перед фургоном, который был вынужден остановиться с проклятьями и причитаниями. Улис-Анет помогла ей подняться, припомнив свою бабушку из Зарара, где даже во времена снегов дворец согревало по-весеннему жаркое солнце. Приличная старуха вцепилась в девушку мертвой хваткой. Улис-Анет оказалась в безвыходном положении — она не могла выкинуть на произвол судьбы ту, кого только что спасла.

— Кесар... он был моим любовником, — сказала тогда Улис-Анет. Старуха плюнула в нее, и ее плевок заблестел на солнце. Брошенный кем-то камень поранил ей руку. Изменники! Еще три дня назад они любили его. Когда она сама не любила.

Не доходя до Иоли, Улис-Анет пристала к временному

лагерю. Она грелась у огня и, когда снова спустилась тьма, разглядывала звезды.

У костра развлекались жутковатым представлением — о том, как придет смерть и никого не пощадит.

— А здесь стоит Вольный закорианец с огромным окровавленным мечом и говорит мне: «Куда я его положу?» А я молю своего товарища, чтобы он наконец раскрыл свой проклятый рот и сказал хоть что-нибудь...

У другого костра пели: «Нет больше Утренней звезды, чтоб вывести нас из тьмы...»

Какой-то мужчина попытался пристроиться рядом с Улис-Анет.

— Кесар, — сказала она. — Он...

Мужчина побил ее, но не сильно. Она была отверженной — он не хотел пачкаться.

По слухам, на одной из стоянок находились дорфарианские корабли, собирающиеся отплыть. Каким-то образом Улис-Анет прибилась к семье, которая подкармливала ее, а сейчас тащила на эти корабли.

Она представила себе, как окажется в Дорфаре и жалкой просительницей бросится под колеса колесницы Ральданаша, когда тот отправится на войну.

— Почему ты смеешься? — спрашивали ее дети.

— Оставьте ее. Она сумасшедшая, несчастная сучка.

Когда они прибыли на берег, там не было никаких кораблей. Семейство сбежало куда-то на запад, оставив эту помешанную, которая приносит несчастье.

Улис-Анет побрела вдоль берега вместе с солнечными бликами на волнах. Утомившись, она уселась на камень и стала смотреть на море.

Волны набегали на берег, но эта картина не приносила ей покоя. В молчании моря ей виделся Кесар и то, что способны сделать с ним Вольные закорианцы. Она была наслышана о его первом подвиге в Тьисе и о той морской битве, что случилась год назад. Улис-Анет очень боялась увидеть это наяву — внутренние преграды падут, и сознание Кесара хлынет в ее мозг. Его пытки, его смерть... она переживет это вместе с ним и ничего не сможет сделать.

Затем произошло нечто, чего Улис-Анет так и не поняла — только ощутила последствия. Позже она иногда сомневалась, иногда верила в случившееся.

Кесар не умер. Еще нет. Она узнает о его смерти. Наверняка.

Незадолго до заката грозовая туча проплыла над морем и

ушла куда-то на северо-восток. Улис-Анет поднялась со своего камня, зашла по колено в прибой и провожала глазами черное облако, пока оно не растаяло на горизонте.

Примерно час спустя на краю неба появилась еще одна туча — на этот раз черная с краснеющим краем. Сначала Улис-Анет решила, что эта краснота — отблеск зашедшего солнца. Потом ей почудилось, что она видит ночной кошмар, ибо темным облаком были закорианские галеры, а красным отсветом — вспышки огня.

Не разбирая дороги, она бросилась бежать примерно в ту же сторону, куда раньше удалилось семейство — на запад, словно желая убежать от наползающей ночи.

В темноте она разглядела вдали какие-то огни и приняла их за пожар, но затем поняла, что это огни факелов. Они маячили в неглубокой бухточке, где несколько грубо сколоченных, протекающих лодок бились друг о друга на волнах.

Там были люди — не очень много, как выяснила Улис-Анет, когда подошла поближе.

— Смотри, у нее волосы цвета лепестков улиса, — воскликнул один из них. — Добрая примета.

До сих пор она служила лишь дурной приметой.

— Куда вы направляетесь? — спросила она у них.

— На остров.

Она непонимающе взглянула на них. Какой остров? Кармисс сам по себе остров.

— К святому алтарю, — пояснил другой мужчина. — Однажды Леопард уже разгромил это место. Он не вернется туда снова. Там безопасно.

Под покровом безлунной ночи они двинулись в сторону Анкабека, прихватив с собой Улис-Анет — за ее счастливые волосы.

Люди Водона бросили Ее в море со скалы — анкабекскую богиню, Ашару-Анакир. Там она и лежала, погруженная в сон, так же, как в Иброне над Корамвисом. Ибо сказано: «Однажды она увидела наш мир во сне».

Траурный силуэт на траурном небе, заслонивший звезды, остров понемногу вырастал из моря.

«Разве я уже не проделала этот путь раньше? В мгновение ока, мертвая?» — спрашивала себя заравийка. Но нет, и это тоже сделала Вал-Нардия.

За прибрежной полосой вздымался остров, однако деревня была опустошена Леопардом. Говорят, на острове не осталось ни одной живой души, теперь тут обитают лишь призраки — убитая жрица и ее народ... Но кто ходил проверить это?

Они вошли в деревню и расположились, как смогли. Остатки стен укрывали от порывов ветра. Люди достали и натянули какие-то шкуры, чтобы развести костер под их защитой. Они увидели на скале ящерицу, маленькую серую драгоценность, живую, несмотря ни на что. Приготовили скромный ужин. Их состояние было неподдельно радостным, но здесь, на тихой пристани, всегда останется запах утраченного, того, что творится во внешнем мире. Они даже не упоминали о Висе.

Думая о Кесаре, Улис-Анет не могла есть.

— Мне кажется, ты кого-то потеряла? — участливо похлопала ее по руке одна из женщин.

Улис-Анет посмотрела на землю, на звезды в небе — и эти звезды увели ее прочь, по каменистой тропе, через какой-то жутковатый лес. Темнело, но тут и там можно было разглядеть ветви и сучья, сохранившие жизнь и теперь выплескивающие ее наружу маленькими смолистыми почками, наполнившими воздух сладостью. Она шла по этой тропе почти час.

Храм стоял на самой высокой точке острова. Приоткрытые ворота зияли узкой высокой щелью — двери были разбиты, а их механика прямо-таки выдрана с корнем. На стенах чернели старые отметины. Но, хотя внизу путь был буквально проломлен, верхнюю часть храма, где располагалась святилище, по-прежнему надежно запирала круговая стена.

Улис-Анет подошла к камню и припала к его прохладе ладонями и лбом.

Вал-Нардия повесилась. «Не для того ли и меня доставили на Анкабек?» — подумалось ей.

Снаружи, в сожженной роще, запела ночная птица. Жизнь среди смерти.

О, Кесар, Кесар...

Улис-Анет упала на колени, прижимаясь губами к непроходимой стене. Откуда-то, должно быть, из детства, выплыла старая молитва эманакир. Она произнесла ее слова, не понимая ни их значения, ни цели, и слезы ее были теплее, чем опаленный камень.

— Не то, чего не хватает, и не то, чего желаю — дай мне лишь то, что я есть!

Через миг камень подался. Часть стены перед Улис-Анет медленно отодвинулась. Стена была подобна флейте, но нужные точки располагались так низко, что нажать на них можно было, только опустившись на колени. Флейта отзывалась на дыхание самого разного вида, оформленное звуками речи. Все молитвы, а их было более сотни, являлись ключами, и Улис-Анет случайно нашла один из них.

Святилище за отодвинувшейся стеной было в таком виде, в каком оставили его пираты, и погружено во тьму. И все же Улис-Анет шагнула вперед. Она боялась, понимая, что стена снова закроется. Лишь оказавшись заключена внутри, девушка увидела выход — через одну из внутренних дверей, тоже взломанных людьми Водона, и далее, по лабиринту подземных переходов...

Она стояла во тьме, с хрустом давя ногами то ли какие-то черепки, то ли человеческие кости, не видя даже статуи богини, которая могла бы ее успокоить.

И все же богиню можно было вызвать. Она была здесь для всех, кто взывал к Ней — не о том, чего не хватало, не о том, что было желанно, но о том, что являлось его сутью.

Нет, перед ней парил вовсе не призрак Вал-Нардии. Это была женщина, о которой они шептались в лодке — жрица Эраз.

— Помоги мне, — взмолилась из темноты Улис-Анет.

«Помощь в тебе самой. Ты сама должна помочь себе».

— Да, — кивнула Улис-Анет. — Помощь во мне. Я обязана помочь себе.

Послание из Вольного Закориса в Кармисс было весьма сжатым. Ваш король у нас. Собираетесь ли вы платить выкуп? Лорд-правитель Истриса поинтересовался его размерами. Ему ответили: выкуп — Кармисс. Таковы были закорианские шутки. Кесар уже подарил Леопарду принца Рармона, брата Повелителя Гроз. Но Леопард желал иметь самого Кесара и теперь получил его. Точно так же он получит и Кармисс — отданный или завоеванный. Они уже пометили эти берега, как свои.

Дни становились все теплее, черные грозовые тучи ежедневно собирались на небе и изливались дождем на Вис.

На севере дорфарианские корабли с баллистами начали мало-помалу выходить в недружелюбное море. Это были не серьезные походы — в основном, чтобы отвлечь врагов от королевства Ральданаша, где накапливались войска и вооружение. Как-то ночью группа дорфарианцев подплыла и подожгла четыре закорианские галеры. Пока на верхних палубах бушевал пожар, дорфарианцы через пролом проникли в трюмы и, разбивая цепи, освободили почти всех рабов. Их доблестный подвиг воспели в песнях, но как-то позабыли, что в это же самое время пятьдесят закорианских кораблей вошли в главное русло реки Окрис. Таким образом, перед ними открылась широкая дорога в самое сердце Дорфара. Дельту реки удерживал гарнизон в семь тысяч человек. Они мужественно сопротивлялись закорианскому нажиму, который, похоже, и не думал ослабевать. Появлялись все новые черные галеры, в ответ все новые части, в

основном заравийские и дорфарианско-ваткрианские, подтягивались к устью ускоренным маршем или крались на восток к блокированному побережью.

На берегах Оммоса было прямо-таки черно от кораблей. Оммосскую оборону в который раз пробили в Карите, этом неизменно слабом месте. Но дорфарианские войска, направленные сюда как раз на подобный случай, устроили удачную засаду, разбили и отбросили силы Йила обратно в море.

Из Зарависса поступили донесения о схватках в порту города Илах. Далеко на севере его дозорные башни озаряли небо малиновыми вспышками, словно там дышал дракон.

На востоке замер в безмолвии смешанный с грязью Ланн. Никто пока не приходил его завоевывать, но опустевшие деревни говорили сами за себя. Дым от старых пожарищ рассеялся, на холмах распустились цветы, однако все жители словно переселились куда-то на луну.

На западе Вардийский Закорис вместе с союзными королевствами Иской, Корлом и Оттом провел всеобщий призыв. Элисаарский флот, включающий сто двадцать два корабля, курсировал взад-вперед вдоль их изрезанных берегов. Шансарские корабли, тридцать резных лебедей со змеиными головами, вышли из Мойи и взяли курс на запад.

Стратегия Йила была очевидна: он собирался перебросить свои основные морские силы с запада на юг против Элисаара и Старого Закориса, затем по Внутреннему морю между Элисааром и Зарависсом пройти к Оммосу, уже изрядно разоренному, и отсюда уже нацелиться в самое чрево Виса — Дорфар.

Леопард и не скрывал своих планов. Он наносил удары то здесь, то там, он был повсюду. Сил хватало — более двадцати лет Закорис готовил корабли и людей, чтобы ударить нынешним летом.

Лесной пожар выжег джунгли на северо-западе Вардийского Закориса, и теперь трехтысячное войско с колесницами, катапультами и осадными устройствами, которые тащили палуторвусы — чудовища болот, нагонявшие ужас на тех, кто прежде их не видел — прорвалось к сторожевым постам Сорма у подножия разделяющих гор. Вольный Закорис взирал на Закорис завоеванный. Закорианские защитники отказывались подчиняться вардийским офицерам, убивали их и дезертировали. Разбитые наголову, силы Сорма отступили, оставив приграничные области в руках Йила, и установили новую границу, очень боясь, что Леопард не остановится на этом и повиснет у них на хвосте.

В северо-восточную Таддру Леопард вторгся по рекам. Вольные закорианцы заняли стратегически важный Тумеш под

высокими пиками Драконьего хребта Дорфара. Выше, на горных перевалах, пришли в боевую готовность дорфарианцы.

Когда-то давным-давно океан, простирающийся на юг и юго-запад от материка Виса, не представлял особой ценности, ибо не зря именовался Морем Эарла. Как выяснил Ральднор эм Анакир, причиной этого названия стало множество подводных вулканов к западу и югу от Элисаара. Но с тех пор торговцам удалось найти новые, менее смертоносные пути на второй континент.

К тому же угасание Погибели Эарла открыло пути во Внутреннее море в обход Элисаара; в былые же времена ни один корабль не рисковал спускаться южнее Саардоса. Разумеется, Вольные закорианцы использовали и эту широкую дорогу.

Путешествие на юг, если огибать западное побережье Виса, занимало у крупного флота больше месяца. Но по земле прохода не было вообще. Там щетинилась джунглями и разливалась десятками безымянных болот Таддра — край, не имеющий никакой цены, никого не интересующий. Там, где эта омерзительная местность мысом вдавалась в море напротив Элисаара, на скальном выступе был торжественно установлен большой маяк. Мелкие суда шли мимо этой области на веслах, наблюдая добрую половину соседних стран.

Сюда уже выдвинулся большой флот. По самому точному подсчету он включал в себя сто шестьдесят пять кораблей, набитых людьми так плотно, как умеют только Вольные закорианцы — примерно восемнадцать тысяч бойцов.

Их рабы гребли не только скованные, но и с повязками на глазах — на случай, если им доведется встретить соотечественников, и их охватит прилив патриотизма или надежда на спасение. Такие меры вызвали недовольство — небольшая кучка рабов взбунтовалась. Их пытали на палубе, а остальные, слепые, но не глухие, вынуждены были грести под их стоны. Только когда жертвы потеряли голос, их вышвырнули за борт. Тут же из джунглей выскользнули какие-то твари, похожие на огромных ящериц, и накинулись на угощение.

Как-то на рассвете передовые галеры заметили стеклянную башню, плывущую над водой. Это был айсберг, влекомый ветрами и непонятными течениями на запад, чтобы медленно растаять под жарким солнцем.

Вольных закорианцев не слишком заинтересовало это чистое холодное творение. Они утверждали, что у него было женское туловище с грудями.

Дорфарианский флот стоял на якоре у Тоса.

Люди Междуземья редко сражались на море. Со времен

Рарнаммона сила Дорфара заключалась в людях, колесницах и, может быть, в стенах. Даже во время войны Равнин они отвергли корабли Континента-Побратима и вели битву на суше до тех пор, пока земля сама не заколыхалась, как море, и тем не прекратила сражение.

Людьми кораблей были ваткрианцы, и все суда строились в ваткрианском стиле — прекрасные и высоконосые. Белые паруса сияли, украшенные ржаво-черным Драконом Дорфара, черно-золотыми Змеей и Тучей и бело-янтарными на белом знаменами Анакир Дорфарианской. Ваткрианские корабли сверкали голубыми символами Ашкар и выглядели нарядно, как на празднике. Тарабинский флот, заранее выкрашенный в цвет крови, отбрасывал на волны отсветы цвета вина. Однако вся вместе эта красота не насчитывала и сотни судов. С родины не пришло ни подкрепления, ни даже вестей. И хотя кармианское бряцание оружием вдруг обернулось ничем, было уже слишком поздно. Все союзы рассыпались, как труха. Людям Междуземья предстояло биться в одиночку, как они и предполагали зимой.

Когда на закате Ральданаш прибыл в Тос, весь город вышел его чествовать. Доспехи блестели в последних солнечных лучах, цветов распустилось уже достаточно, чтобы с головой засыпать и Повелителя Гроз, и его воинов. Кто знает, останется ли в следующем году у жителей этого города хоть немного солнца и цветов?

Начальник портового гарнизона, слишком пожилой, чтобы воевать самому, но отдавший во флот двоих сыновей, поклонился и удалился, оставив короля беседовать со своими военачальниками.

Однако после обеда разговор увял. Большинство мужчин стремилось поскорее уединиться с обезумевшими тосскими женщинами. Чуть ли не все девушки города выстроились в очередь, горя желанием отдать девственность герою или просто другу. Если их возьмут силой Вольные закорианцы, они хотя бы будут помнить, как это бывает на самом деле...

Когда взошла луна, Ральданаш одиноко сидел без сна в спальне, увешанной кричаще яркими шелками, которую уступил ему на эту ночь начальник гарнизона.

— Мой повелитель, ваше место здесь, в столице, — говорил ему в Анкире Венкрек. — Не стоит отправляться на эту прогулку с риском наткнуться на Вольный Закорис где-нибудь у входа во Внутреннее море...

— Гораздо западнее, — с отсутствующим видом поправил Ральданаш.

— Неважно. Вы думаете, что Йил спит и видит что-то иное?

Вы — там, а Леопард врывается сюда, через Окрис или из Оммоса. Ральданаш, Оммос висит на ниточке — это может случиться в любой день.

— С твоей безупречностью и здравым смыслом ты сумеешь защитить Дорфар, — спокойно произнес Повелитель Гроз.

— Дорфар, лишенный сердца. Лишенный короля, — не удержавшись, Венкрек подкрепил эти слова резким ваткрианским ругательством.

— Народ Дорфара ждет, чтобы я сделал то, что уже делаю, преградил путь силам Леопарда на море еще большей силой. Мы не имеем права сидеть и праздно ждать, пока их сто шестьдесят кораблей сами придут к нам.

— Мой повелитель, я никогда не подозревал, что вы способны ринуться в такую авантюру.

— Если бы Рармон был здесь...

— То он немедленно сорвал бы с вас корону и бегом помчался к Йилу делить ее, — зло докончил Венкрек.

— Нет, — отрезал Ральданаш. — Меньше слушай закорианскую пропаганду.

— Для чего ты это делаешь? — спросил Венкрек, перейдя на ваткрианский язык.

— Я уже ответил тебе, — отозвался Ральданаш на том же языке.

— Нет, мой повелитель, вы не ответили.

Ральданаш посмотрел на него, и Венкрек, внезапно отодвинув в сторону все военные атрибуты, прошел к королю через всю комнату и обнял его, как будто они снова были детьми в долинах Ваткри. Такое бурное проявление чувств, как любви, так и гнева, потрясло Ральданаша, но он постарался не подать виду.

— Если бы не твоя доброта и поддержка... — произнес он спокойно, когда Венкрек отпустил его.

— Я слышал, что на королевской галере будет двадцать жрецов-эманакир, — сказал Венкрек, возвращаясь к своим бумагам. Ральданаш ничего не ответил. — Могу ли я знать, зачем?

— Чтобы призывать Ашкар-Анакир.

Помолчав, Венкрек заговорил:

— Мой повелитель, мне тоже известны некоторые легенды. Например, о силовых линиях, которые предположительно пересекают Вис. Одна из них тянется от храма богини над Корамвисом до Ваткри. Догадываюсь, что вы хотите встретиться с кораблями Леопарда на этой линии, там, где укажут ваши картографы и теологи.

— Что ж, вы имеете право на догадки.

Венкрек отвернулся и снова обрел прежнюю учтивость.

— Ясно, — сказал он на языке Висов. — Очевидно, я ошибаюсь. Я знаю, мой повелитель, что вы с детства склонялись к жизни жреца и все еще желаете этой участи. Однако вы никогда не были настолько глупы, чтобы бросить ради этого Дорфар.

После этого они обговорили кое-какие военные приготовления. И уже у двери Венкрек тихо сказал:

— У вас не остается наследника. Что будет с нами, если вы погибнете?

— Амрек тоже не оставил наследника, — ответил Ральданаш. — Об этом позаботилась богиня.

Сейчас, в Тосе, при ярком лунном свете, Ральданашу вспомнилась мастерская в ваткрианских холмах, где они изготовили полукруглый лук, и десятилетний Венкрек, бегущий с этим луком среди высокой травы, радостно кричащий. А затем — террасы, поднимающиеся к храму, прохладная эмаль живой змеиной кожи, тени и слова: «Когда ты станешь королем всего Виса, кем буду я?» — «Моим советником». Венкрек нахмурился: «Но я хочу сражаться, вести в бой твои армии». — «Все войны позади», — ответил тогда Ральданаш, и они согласились, что лучше всего быть советником.

Позже в лунном свете возникла Сульвиан, и ветер развевал ее белые волосы. Но это видение тут же было поглощено каким-то образом из памяти его отца, символом, заложенным в его сознание еще при рождении — Сульвиан рассыпалась в сверкающий пепел, а потом дуновение ветра унесло этот пепел в ночь.

Утром нарядные корабли поймали ветер в свои паруса.

Они плыли на юг, так что укрепленные берега постоянно оставались по левую руку. Ступенчатые уступы Оммоса, плоские равнины Зарависса, где на дозорных башнях расцветали голубые дымные цветы. Мягкий попутный ветер нес корабли вперед.

Двадцать пять дней спустя флот Повелителя Гроз достиг спокойных, как стекло, вод между Зарависсом и границей, отделяющей Элисаар от Старого Закориса. Здесь поперек залива, связуя дозорные башни на обоих берегах, был выстроен заслон из заравийских и дорфарианско-ваткрианских судов. Изначальный план предполагал другое место действия — южнее, где морской проход еще более сужался. Но выход Элисаара из союза не позволял использовать его как западный столб для крепления цепи через весь океан, да и сейчас уменьшал прочность этой цепи. Двадцать три галеры, до отказа набитые военными машинами, стояли наготове. То же самое можно было сказать о двух

береговых гарнизонах. Но все это могло успешно сработать лишь при победе в иных местах и известной удаче. В противном случае, если силы Йила прорвутся на север, заслон мог обеспечить всего-навсего задержку закорианцев, и не более того.

За северным рубежом Элисаара море снова распахивалось необъятным простором. Зарависс истаивал в закатных облаках. Флот Повелителя Гроз развернулся на юго-запад, лицом к водам, откуда должна была прийти война.

Поход по каменистым предгорьям и подъем на плато занял у таддрийца почти два дня. В этом было что-то символическое. Мало-помалу равнинная Анкира с ее показной воинственностью, толпами солдат и испуганно-безразличными жителями осталась позади. В руинах Корамвиса приходилось делать остановки, чтобы передохнуть и разведать дорогу. Надежной переправы через широкую реку не сохранилось, но ему удалось отыскать небольшой плот, наверняка принадлежащий разбойникам, и он погреб на другой берег. Там обнаружился так называемый Торговый тракт для путешественников, спускающихся с гор — проект, заброшенный прежде, чем его дотянули до южного берега, и теперь понемногу ветшающий.

Когда он наконец вырвался из неподвластного времени очарования руин, холмы по обе стороны дороги распахнулись перед ним, словно пчелиные соты. Крупная птица вспорхнула перед ним и долго летела впереди, взмахивая широкими крыльями.

Солнце уже садилось, начали сгущаться сумерки, когда он увидел внизу блестящий глаз дракона — озеро Иброн, подобное жемчужине.

Они не поднялись к храму, точнее, к тому месту, где был храм до землетрясения. Они праздно сидели среди проросших травой валунов.

Сначала он разглядел людей с Равнин, светловолосого заравийца и вардийца, играющего в кости с товарищем. Тут же бродила в поисках клевера пара мелких рыжих ланнских овец. В стороне, на фоне мягко светящейся полоски неба стояли, словно роща в снегу, эманакир. Они глядели на него с видом потревоженных богов. Но таддриец смотрел мимо них и видел лишь то, ради чего он пришел. Он пришел к Ней.

Он не выразил ей никакого почтения. Она являлась частью богини, перед которой он вставал на колени лишь по требованию ритуала, но не в сердце своем, ибо это не было правильно.

Она молча, без слов, велела ему сесть, и он сел перед нею.

За ее спиной блестело озеро. Он отметил выверенное

совершенство композиции — как на старинной гравюре. Но больше всего его радовало, что Она была реальна и доступна. Казалось, в центре этой реальности меняется сам воздух. Небо, море, весь мир, прекрасный и изменчивый, были подобны открытой книге, которую мог читать даже ребенок. В этом и заключалась истина великой Силы.

Он был здесь единственным чистокровным Висом. Догадка о том, что он был приглашен сюда, начала приобретать новый, странный смысл. В этом имелась некая странная устойчивость. Он торопливо извлек из своего жреческого одеяния лоскут ткани и развернул его на камне перед Нею. Внутри оказались осколки разбитого янтарного кольца. Солнечные лучи заставили их засиять. Даже эманакир покинули свое возвышение и подошли посмотреть.

Таддриец — тот самый, который некогда наблюдал, как Ральднор и Астарис удалились в северные леса — был своего рода гончей, чующей не запахи, но мистику. Именно благодаря своему чутью он узнал Рармона, который на самом деле был Рарнаммоном, а потом, много позже, прошел по его следам до того места в Корамвисе, где его пленили враги. Разбитое кольцо так и осталось валяться здесь. Таддриец тщательно собрал все осколки. Не то чтобы этой работы потребовала от него Ашни — скорее он сам хотел сделать это для нее, ибо был для этого предназначен. То же происходило на Равнинах, когда богине предлагали плоды или какие-нибудь украшения. Как ни трудно, но ей приходилось воздерживаться от проявлений благодарности, даже если подарок доставлял ей удовольствие, ибо это была потребность дарителя, а не принимающего дары.

Ашни взяла осколки в свою ладонь.

Когда-то это кольцо носила женщина, которая сейчас находится в Зоре. Ашни была следующей. Рарнаммон тоже носил его. Еще один, сын Яннула, держал его недолгое время, хотя оно и обожгло его. И связь окаменевшей смолы с плотью, которой она касалась, никуда не делась.

Все кусочки были на месте.

Последний луч солнца, словно змея, обвился вокруг осколков. И тогда они вновь соединились, образовав целое, словно никогда не разбитое кольцо.

Он слышал дыхание людей, собравшихся в круг и не сводящих глаз с этого чуда. Но таддриец усмехнулся — и она улыбнулась ему в ответ.

— Да, ты знаешь, — без слов сказал он ей в своем сознании. — Я из тех, кто подвергает сомнению нужность чудес. И до этого дня не видел причины, почему бы Ральднору и Астарис

не жить неузнанными в какой-нибудь забытой богами таддрийской деревне. Обычной, счастливой, скрытой от всех жизнью. Я могу обозначать все это красивыми словами, принятыми среди жрецов — выход за пределы, огненная колесница, возносящая божество на небеса, и тому подобное. Но по мне, все намного проще и куда более присуще этому миру. Чудеса — ничто, пена жизни. Распускающийся цветок, невидимая жизнь, выходящая из чрева ребенком, смола, обращающаяся в янтарь — все это чудеса, и никак иначе. Но за чудом стоит суть. Камень под серебряным озером. То, что мы есть, и то, чем должны стать. Вот причина и окончательная правда, ответ на все вопросы и все мольбы. Разве не так, Ашни-которая-Анакир?

И он получил ответ в тот миг, когда кольцо сверкнуло на ее пальце. А солнечный свет так и сиял у нее в глазах, хотя солнце давно уже зашло.

24

Белая башня на фоне ярко-синего неба.

Под ней — руины заброшенного города.

А за ними — неоглядные таддрийские джунгли.

Когда-то эту башню, предшественницу башен Дорфара, венчала огромная чаша. Со временем кирпичная кладка обрушилась, уцелела лишь одна комната с наполовину обвалившимся потолком и высокими окнами без ставен. Туаб-Эй, словно кот, прокрался в эту комнату — и замер, глядя во все глаза.

Рарнаммон стоял в центре комнаты и смотрел на гостя, как будто давно ждал его.

— Я говорил, что не приду в твое новое... жилище, — произнес Туаб-Эй. — Но вот я здесь. А теперь расскажи мне, чем ты занимался все эти дни и ночи. Творил заклинания и призывал таинственные силы? Кое-кто видел, как огни влетали в эти окна, будто птицы.

Рарнаммон очень медленно покачал головой. Туаб-Эй так и не понял, что это должно означать — отрицание или насмешливое удивление. Судя по всему, за последнее время сила Рарнаммона изрядно выросла. Он стал менее проницаемым, чем любая другая вещь, и словно светился — день изливался через его глаза...

— Ты чародей, признай это, — сказал Туаб-Эй. — Я не верю в магию и просто посмеюсь, а затем, наверное, смогу и впредь ладить с тобой, могущественный лорд. Наша свора собирается на север или восток, бить Вольных закорианцев. Кто-то из свиней Джорта вернулся и рассказывал, что по всем северным рекам сплошь плывут мертвые...

— Будь так добр, Туаб-Эй, — велел Рарнаммон, — спустись к подножию башни. Посторожи ее для меня и не пускай сюда остальных.

— Зачем?

— Магия, о которой ты рассуждал, вот-вот проснется. Заклинания, призывы... это не совсем то. Но молния, поразившая башню, может оказаться еще пустяком.

— А ты не говори загадками, если хочешь, чтобы я что-то делал для тебя. Ладно, я посторожу вход. По крайней мере, ребята будут снаружи, если что-нибудь случится. Но что может случиться? Помимо молнии?

— Не знаю. Я уже говорил тебе прежде. Есть же в тебе капелька Равнинной крови. Думаю, ты сгодишься для

поддержания равновесия, — последняя фраза была произнесена с оттенком дружелюбия. — Прости, если доставляю неудобства. Но поторопись. Спускайся, если согласен, Туаб-Эй.

Спустившись на одну ступеньку, юноша собрался с духом и выговорил:

— Когда ты вот так стоишь здесь, ты похож на бога. Ты это знаешь? И должен ли я поклоняться тебе?

Рарнаммон направился к нему в полосе дневного света, падающего из окна. Казалось, свет стелется за ним, как лента или шарф. Поэтому Туаб-Эй не удивился, когда Рарнаммон потянулся и легко, без нажима положил свою руку на его — при этом свет протек по ней и перелился в Туаба.

Рарнаммон протянул вторую руку, чтобы поддержать юношу.

— Сила, — только и смог выговорить Туаб-Эй, пытаясь унять дрожь. — И что мне с ней делать?

— Держать врата.

Туаб-Эй покорно двинулся вниз по лестнице, придерживаясь за стены. Он нес этот свет вниз, чтобы держать врата.

День был жаркий, подернутый дымкой. В этом не было ничего необычного. Однако он знал, что это — последний день.

Отсчет начался, когда он только пришел в башню — возвышенное место, как оговаривалось в любом своде знаний. Даже не ведая того, Рарнаммон внутри себя двигался к этому моменту, как ребенок учится ходить, не сознавая, что ходит.

Он пережил мечты, галлюцинации, чувство опустошенности, ощущение падения на землю с лестницы без всякого толчка. Теперь осталось лишь осознание переломного момента.

Рарнаммон был не одинок. Другие стягивались, и вместе с ними стягивались силы. Казалось, мир замер, затаив дыхание.

Когда день пошел на убыль, он понял, что башня замкнулась вокруг него. Блеск и жар в окнах затвердел, образовав подобие экрана там, где только что ничего не было. Случайные шумы, доносившиеся из разрушенного города, стихли.

Вполне возможно, что он умрет. Но, если на то пошло, он мог умереть уже сотни раз — в те времена, когда был разбойником, на службе у Кесара в Тьисе, сопровождая караваны в Ланне, в Дорфаре, в плену у Вольных закорианцев. Каждый миг его жизни являлся подарком. С тех пор, как Рарнаммон пришел в себя здесь, в заброшенном городе, его тело из плоти стало значить для него не так уж много. Он ощущал себя частью какого-то целого, ветвью великого древа.

Рарнаммон лег на пол, и огни скрестились над ним в воздухе. Через пролом в потолке влетела птица с желтыми, точно

гофрированными крыльями.

Это стало последним посланием от внешнего мира. Он закрыл глаза и ушел в себя. Он научился этому через безумие, через опыт отречения от телесной оболочки. Подобно своему сводному брату Ральданашу, Рарнаммон тоже стал причастным.

Его сознание начало угасать, перешло куда-то в другое место и в результате поднялось на ступень.

Казалось, у него открылось одно огромное око, лишенное зрения, но тем не менее все видящее. Прочие органы чувств подключились к нему и перестали действовать сами по себе.

Этим оком он видел Туаба, сидящего внизу, у входа в башню. Там была еще какая-то фигура — человек, Галуд. Он наклонился, спрашивая, что происходит. Туаб-Эй отослал его, и Галуд неохотно повиновался.

Сплетение цвета с сиянием обернулось рекой, полной теней, солнцем и лесом. Каждая тварь, каждое насекомое в этом лесу светилось и сверкало. Среди бесплодных костей города жизнь чуть поблескивала, словно крылья мотыльков.

Под городом же, сквозь покров почвы, камней и скал, сиял глубокий источник — уже пробудившийся и говорящий сам с собой. Башня впадала в него, как вена в сердце.

Своим невидящим оком Рарнаммон прозревал другие пылающие сердца за сотни миль от него, но в то же время близкие, как его собственные руки — ненужные, лежащие на полу.

Он не боялся. В этот миг лишь какая-то частица его помнила об отце — Ральдноре, который в одиночку породил все это. А до Ральднора — Ашне'е, явившаяся началом, первой искрой, блеснувшей во тьме.

Затем он воссоединился с другими огненно-звездными сердцами — может быть, преждевременно, не будучи готов как следует. Но эта поспешность не помешала ему. Рарнаммон взмыл вверх, опаленный, крутящийся вокруг своей оси. Но он знал силу своих парящих крыльев и мог нестись вскачь, идти шагом или мчаться со скоростью ветра.

Одноухий поймал Галуда, который спешил куда-то со своими людьми, и потряс за плечо.

— Посмотри на небо! — прошипел Галуд.

Они стали смотреть.

Солнце уже садилось, но все небо пульсировало с необычайной силой. Казалось, что обнажились все его жилы, либо небо сейчас извергнет наружу часть самого себя.

— Что это за звук? — спросил Галуд. Они прислушались, но

звук шел не из города, его вообще нельзя было услышать. Так они и стояли, ловя этот неслышный звук, так же, как остальные жители разрушенного города, забыв о своих делах.

В лепрозории безликие твари-прокаженные в страхе забивались в щели, пытаясь укрыться от неведомой угрозы.

На многие мили в лесу разом оборвался птичий гомон, замерли ящерицы, вода перестала журчать, а лианы обвисли, подобно змеям.

Солнце почти уже скатилось за южный город руин. Сумерки легли на террасы и колоннады, чья юность пришлась на эпоху Ашнезеа.

Рынок на Лепасине выглядел пустынным. Лишь легкий ветерок играл в пыли обрывками бумаги и лепестками.

Дома вокруг были заперты, окна задернуты занавесками — ни лучика света.

На возвышенном месте темного дворца среди обломков колонн стояли семь фигур с развевающимися волосами, белых до такой степени, что, казалось, в них нет ни капли крови. Это были стражи, как повелевал обычай. Их бледные глаза, напоминающие лунный свет, сделались голубыми и безумными.

Внутри на полу со старинной росписью шелестели принесенные цветы, маленькие клочки лимонного и гранатового цвета. Ветер, как море, омывал весь дворец.

Лар-Ральднор лежал в темноте на полу, его черные шелковистые волосы рассыпались по древней мозаике. Люди Равнин, его родня, обучили его. За этим он сюда и пришел — ему надо было так много узнать и понять. В конце концов он стал бояться, что ему не хватит силы, и его слабость разомкнет цепь.

Но теперь все это было позади.

Его тело лежало, как труп. Эманакир охраняли его, словно он был умершим королем. Они никому не позволили бы проникнуть сюда. Сцепив свое сознание с сознанием Лар-Ральднора, они ограждали его и укрепляли его дух.

Воспарив, он убедился, что силовые линии, рождающиеся на поверхности дворца, были чистыми, как серебряные ленты. Этот серебряный поток очерчивал контуры города, впитывая его молитвы, тихо пел и беззвучно шептал.

Лар-Ральднор был готов отдать свою жизнь, и не просто так, а в битве. Ибо то, чему предстояло случиться, было именно битвой. Но время мыслей прошло. Вместилище под городом уже отдавало свою жизненную силу — толчками, как сердце.

Уже весь город стал серебряным. Далеко отсюда он встречался с золотой тенью. То был Рарнаммон.

И еще одна тень на востоке, подобная расплавленной бронзе...

Степнячкой, державшей врата в Зоре, была Медаси.

В темноте ночи она ждала у входа виллы. Яннул видел, как она стоит на посту, зная свою задачу из каких-то древних преданий, а может, просто глубинным чутьем; волосы и полы плаща развеваются на ветру — не женщина, но сверхъестественное создание небес и земли. Он повернулся и вместе с другими ушел в условленное место за несколько улиц отсюда.

Вначале Яннул протестовал. Он должен быть под рукой! Ладно, пусть в этом месте будет изливаться сила планеты, но вдруг на нее нападет какой-нибудь дикий зверь! Однако Медаси была уже отдельна от него и, скорее всего, даже его не услышала. Она ушла так быстро, словно умерла — так почувствовал это Яннул. Младший сын взял его за руку и увел прочь. Здесь не может возникнуть никаких зверей или иных помех, объяснил он отцу. Медаси даже не являлась тем аспектом, на который возложено бремя Силы. Для этого избрали Сафку, и энергия пойдет через нее. Медаси же призвана стать стражем, неким символом или составной частью равновесия.

Яннул, как и все другие, почувствовал миг, когда шевельнулась Сила города. Это выглядело ужасно, прекрасно, непередаваемо.

Ему хотелось ослепнуть и оглохнуть.

Он не желал, чтобы Медаси становилась «избранной» даже ради такого дела. Разве она еще недостаточно пострадала из-за своих сверхчувственных способностей? Ему снова вспомнилась равнина под Корамвисом и струна огромной арфы, снова и снова беззвучно вздрагивающая.

Зорские деревни на другом берегу реки тоже не спали — там наблюдали за городом, который испускал мощное сияние, и проводили свои ритуалы в поддержку этой запредельной ночи. Но Яннул не хотел видеть происходящего. В конце концов он ушел от всех, даже от сына, в тень города и сидел там, молясь, как когда-то давно, только о жизни — правда, теперь это была жизнь Медаси.

Женщина Равнин, золотая эманакир, которой была Медаси, держала врата у виллы на холме. Еще одно возвышенное место, извергающее свой временный огонь.

Сафка, крутившаяся вокруг себя где-то на крыше — мимолетно она усмехнулась, представив себя голубем, — почувствовала, как бронзовый свет ауры города начинает

размывать окружающий мрак.

«Как я пришла к этому? — спрашивала себя Сафка. — Я же ничто».

Однако она помнила о браслете на своем левом запястье и о том, что он был призван скрывать. Эта отметина была у нее с рождения — иной браслет, отвратительный, а может быть, и прекрасный, кольцо из бледных металлических чешуек, стянувшее ее темную руку. Мать Сафки не всегда жила в Ольме. Родившись в Ланнелире, она долгие годы провела в Дорфаре, среди роскоши корамвисского двора, распространявшейся и на нее, рабыню-фаворитку. Освобожденная с приходом степняков, она вернулась в Элир и Ланн, но сохранила дорфарианские суеверия — надо думать, по причине, заслуживающей уважения. Ее увидел наместник Ольма, сделал своей наложницей, но слишком быстро потерял к ней интерес. Ребенок, родившийся до срока, оказался никому не нужен. На смертном одре мать легонько похлопала по браслету Сафки, скрывающему под собой изъян. «Это от твоего отца», — сказала она девочке. Единственное упоминание, и все. Она никогда не говорила, чьей любимой рабыней была в Корамвисе, кто спал с ней, а потом освободил, чтобы она могла спастись. И конечно же, не уточняла, что уже носила ребенка под сердцем, когда легла в постель наместника. Уделом Сафки стали мечты — она никогда ничего не знала наверняка.

Но сейчас она была свободной и сильной. Ее крылья бились и поддерживали ее, и, как гигантское пламя, внутри нее вырастала торжественная песнь радости, беззвучный гимн, разрывающий ей сердце. Сафка верила, что может быть тем, на что намекала ее мать, и несомненно, ее судьба проистекала именно отсюда. Этот миг она ощущала как свое второе рождение. Рождение, которое зовется смертью.

И материя камня, и небо рухнули. Медаси, как гладкая холодная бусина, лежала внутри того огненного ада, который вознес Сафку ввысь.

А на северо-западе цветок белого огня скреплял собой порыв исступленного восторга и безумия.

Бронза, золото и серебро — узоры света вплетались в ту белизну, которая была Корамвисом, его холмами и оком спящего озера.

На этом возвышенном месте врата держал смуглый таддриец, страж, черная нить в светлой гармонии. Будучи жрецом, он вполне осознавал мистический и символьный смысл процесса, и у него были свои особые таланты. Его страх не значил ничего, или

он не хотел с ним считаться.

Под собой он видел группу бледных мужчин и женщин, держащих собственное равновесие. Они стояли, обернувшись лицом к гребню холма, на котором застыла она — крошечная фигурка, похожая на куклу.

Таддриец же, даже стоя спиной, знал, что сейчас свет восходит в небо прямо через нее. Он видел свою тень, лежащую прямо перед ним, непроглядно-черную в свете той белизны, которая разгоралась на пригорке.

Ночь, как глубокая вода, накрыла Вис — каждый его закоулок, каждый лоскуток земли. Звезды следовали своим обычным путем. Луна уже зашла. Шел последний час перед рассветом, и над морем стояла тишина.

Корабли, стоящие на якоре в пяти милях от Элисаара, напоминали стаю спящих птиц со сложенными крыльями. Если элисаарские патрули заметили их, то никак не могли не заметить и то дипломатичное расстояние, на котором те встали, а потому не проявляли к ним интереса. К тому же у Элисаара имелись более неотложные дела.

Маяк у самой кромки западного массива джунглей был хорошим знаком для тех, кто внимателен. Тридцать пять галер Вольного Закориса возникли ниоткуда, будто из морской тины, и быстрым ходом двинулись на северо-запад — то ли для того, чтобы потревожить Саардос, то ли к берегам Иски и Корла.

Согласно донесениям, больший флот Леопарда, который продолжал двигаться к Внутреннему морю, вдруг, как по волшебству, вырос до ста семидесяти шести галер. Очевидно, прибрежные джунгли таили десятки заливов, не отмеченных на карте, где эти корабли укрывались, пока не пришла пора присоединиться к означенному флоту или направиться еще куда-нибудь для боевых действий.

Говорили, что восточный Кармисс подвергся нападениям и сейчас лежит в крови и пожарищах. Дым над Истрисом предупреждал об опасности лучше любого маяка.

Горному проходу из Таддры в Дорфар предстояло стать дорогой войны.

Перевалы над Вардийским Закорисом, где люди Йила уже ходили, как у себя дома, дорфарианцы намеревались перекрыть обвалами. Если этот прием и не даст желаемых результатов, то все равно Леопарду будет не так просто заново разгрести их. С затоплением дельты Окриса дела обстояли еще проще. Последнее сообщение гласило, что все рукава реки наводнены войсками, заросли тростника уже горят, а каменные башни изрядно побиты

ядрами катапульт. Ветер нес на Анкиру тучи пепла и стоны отчаяния — последние в иносказательном смысле, но от этого никому не было легче.

В Зарависсе войска Тханна За'ата вынуждены были отступить из порта Лин-Абиссы, оставив доки в огне. Отряды заравийцев покинули Мойю и проследовали обратно к границе, к Драконьим Вратам и Сару. Такое же дезертирство случалось и в других местах — люди самовольно покидали армию и возвращались домой.

За час до рассвета королевский корабль стоял в море, когда-то названном Морем Эарла. Те на корабле, кто не спал, могли видеть, как Ральданаш бродит по открытой палубе. Тут и там раздавались негромкие приветствия. Белизна его волос и одеяния светилась в ночи, как само море в лунных заплатах. Стоя у поручней на носу судна, Ральданаш беседовал с капитаном.

Они выжидали, поглядывая на запад.

На восходе корабли должны были прийти в движение. Им предстояло встретиться с главным флотом Йила, превосходящим их едва ли не вдвое. Место встречи определил некий жрец-эманакир, ибо здесь преследовались еще и религиозные цели.

Конечно же, богиня будет с ними во время битвы. По просьбе короля капитан оставил его в уединении, может быть, последнем в его жизни. Сам капитан, родом из дорфарианского города Марсак, никогда особо не верил в Анак, хотя не забывал ни молиться ей, ни делать приношения. Над черной водой он видел призрачные знамена Ашкар на ваткрианских галерах. Поддавшись внезапному порыву ярости, он сплюнул прямо в океан — на случай, если Она в самом деле существует и может видеть, как он оценивает Ее недостаточность.

Ральданаш, сын Ральднора, смотрел на море с заплатами из огня, которые не горели.

Вскоре ему предстояло вернуться в каюту на верхней палубе и примерить свои нематериальные доспехи. То, что король задержался здесь, было всего лишь проявлением человеческого начала. Он привел в порядок все свои дела, сейчас же ему просто хотелось попрощаться.

Незримая, неслышная и неощутимая дрожь уже начала сотрясать мир. Час или чуть больше, и она дойдет сюда. Если им не хватит сил, или твердости, или веры, все пойдет прахом.

Значит, должно хватить — и сил, и веры, и твердости.

Ральданаш отметил нервозную ненависть и демонстративную ярость капитана из Марсака, так как был способен выделить из окружающего сумбура все мысли, поступки и желания,

относящиеся к нему самому. Вообще его восприимчивость сильно возросла. Он ощущал даже морских тварей под днищем корабля, огромных рыб, мечущихся внутри океанских течений, время от времени всплывающих из своего чуждого и непонятного бытия. Ральданаш страстно желал уйти к ним, освободиться от разума и груза ответственности — но не мог и не имел права.

«Вот так же был одинок мой отец в ту ночь под Корамвисом», — вздохнул он.

Те, кто смотрел на него поверхностно, видели прежде всего красивое лицо и королевское достоинство — владыку, в чьих жилах струится пламя богов. Именно от таких поверхностных людей проистекали чувства полного доверия королю и сомнительной надежды. Им казалось, что такому совершенству, как он, под силу сотворить чудо.

Ральданаш обнялся со своей жизнью и затем оттолкнул ее — возможно, навсегда.

Когда один из эманакир бесшумно подошел к нему и позвал без слов, Ральданаш, Повелитель Гроз и Король Драконов, повернулся и пошел по палубе, дабы подготовиться к тому, что произойдет.

В данный момент главный флот Вольного Закориса поворачивал на восток, пользуясь приливным течением и утренним ветром, и знать не знал о какой-то линии, пересекающей море.

Вчера на закате, когда солнце удалялось в свои чертоги, было совершено служение Рорну. После того, как отзвучали короткие грубые молитвы, на носу каждого из ста семидесяти шести кораблей расцвел голубоватый дымок священного фимиама.

Йил лично командовал этим соединением своего флота. Он стоял рядом с фигурой Рорна на королевском корабле, а за его спиной вздымалась громада охристо-желтого паруса с изображением Черного Леопарда. Ранняя заря окрашивала лица закорианцев. У них были основания считать, что навстречу им могут выйти вражеские корабли. Однако они готовились встретиться с Шансарским Элисааром или Зарависсом, но никак не с дорфарианцами и королем Дорфара.

Что же до силовой линии, то она была невидима и, очевидно, нематериальна.

Все, что заметили закорианцы — странные завихрения в мерцающей воде на расстоянии пятидесяти весел от себя.

— Взгляните, мой повелитель, из глубин выпрыгивают огромные рыбы, — указал Йилу его капитан. В рядах воинов раздались возгласы. Рыб было так много, что закорианцам даже

пришлось замедлиться, чтобы пропустить их.

Когда изгибающиеся змееобразные силуэты исчезли и всплески успокоились, из-за солнца неожиданно вышла тень.

Пропели вахтенные рожки, и закорианские галеры ринулись на боевые позиции, даже не успев распознать эмблемы Дорфара.

Гремела медь, в утреннее небо поднимались свежие клубы дыма. Метательные орудия подтягивались и закреплялись в нужной позиции скрипящими цепями.

— Они не начинают, мой повелитель.

— Увиливают? Тогда мы сами пойдем к ним, — заявил Йил. — Дорфар и сын Ральнара будут сокрушены нашим кулаком.

Флот Повелителя Гроз стоял, не нарушая своих порядков — линия кораблей сомкнута, весла подняты. Они не трогались с места.

— Повелитель, — произнес капитан из Марсака.

Ральданаш возвышался над ним, стоя у поручней. Каким-то образом группа эманакир оказалась между ним и его офицерами.

И сразу же сам воздух вокруг начал меняться. Казалось, его воспламенило солнце, выскользнувшее из-за тучи, хотя небо с самого утра было совершенно чистым.

Капитан не стал повторять свой оклик. Он облизал губы и потер виски, пытаясь понять, только ли он испытывает необычные ощущения. Но все вокруг, поначалу украдкой, повторяли его действия. Больше всего это напоминало опьянение на пустой желудок. Все вокруг внезапно наполнилось прозрачностью, которая одновременно затуманивала. Сворачивание... Выход наружу...

Море подернулось рябью. Длинные волны, как перед штормом, побежали и разбились о борта кораблей. Но ветра при этом не было. Небо оставалось девственно-чистым.

Затем море вспучилось и опало. Они увидели стаю огромных рыб — неужели они всплыли опять, под каждым килем?

Люди забегали, послышались отрывочные приказы. Потом снова воцарилась тишина. И все же присутствовал какой-то звук. Было похоже на то, что он, минуя уши, возникает прямо в мозгу.

И над всем этим на носу корабля стоял Ральданаш, не шевелясь, ничего не предпринимая. Его волосы были словно белый огонь, и бегущее пламя очерчивало его силуэт, словно горела человеческая фигурка, вырезанная из пергамента.

Люди в ужасе закричали.

Яркое сияние объяло корабль, отражаясь в беспокойном бурлящем море.

Передовые галеры Вольных закорианцев неслись на врага на полной таранной скорости, когда море вдруг поднялось стеной и пошло на них.

Когда первые волны достигли кораблей, весла заплескали по воде, потеряв ритм, а затем и вовсе сломались, как сухие прутики. С гребной палубы донесся потрясенный вой. Водяная пыль дождем оседала на палубе, люди скользили на мокрых досках и падали. Огромная катапульта медленно поехала под уклон и рухнула в воду.

— Во имя Зардука! — пытаясь удержаться на ногах, Йил вцепился в шею капитана.

— Там... там что-то бьется в море! — указал тот с ошалелым видом.

Между разогнавшимися, сбитыми в полете закорианцами и неподвижными силуэтами кораблей Дорфара ударили фонтаны воды. Черные струи вздымались ввысь и падали обратно, разбрызгиваясь облаками водяного пара и скрывая оба флота из видимости друг друга.

Там и в самом деле что-то билось — какая-то громада, возможно, живая, восставала, проталкиваясь со дна океана...

Эарл, место подводных вулканов! Этот образ одновременно всплыл в тысячах сознаний. Люди говорили об этом друг другу, охваченные ужасом...

А затем океан с ревом и пеной раскололся надвое.

В воздух взметнулись стены воды высотой в сотню футов, а может, и больше. За ними стояла темнота. Море само готовилось сокрушить их своим кулаком.

Однако вода не обрушилась на корабли, не разметала их в щепки и не поглотила целиком. Море повисло в воздухе, словно трепещущий и блестящий занавес, сквозь который просвечивало солнце. Капли высыхали в его лучах и поднимались прямо в небо.

Ральданаш стал зеркалом — из бронзы, серебра, золота и белого света. Казалось, его разум отделился от тела, за ним последовало сознание.

Он парил в воздухе невесомой морской птицей и видел под собой корабли, светлые и темные, словно фигурки с анкирского стола для игры в войну. А между кораблями вздымалось море.

Пламя с севера проложило себе дорогу — словно Рармон-Рарнаммон сам встал рядом с Ральданашем, плечом к плечу изготовился к бою, сомкнув щиты. Хотя тот находился за мили отсюда, Ральданаш воспринимал его именно так. Связь между ними не требовала слов и не укладывалась ни в какие рамки — понимание возникало мгновенно и так же внезапно исчезало.

Два других, меньших огня находились ближе — на юге и на востоке. Они возникали и изменялись, вырастая и поднимаясь вверх. Ральданаш ощущал людей, сгорающих в этом пламени: мужчина и женщина. Они соприкасались друг с другом, с ним и с золотым светом Рарнаммона. А за ними скрывался четвертый огонь, такой бледный, но с черным стержнем в своей сердцевине. Ашни Рассветная. Утренняя звезда.

Ральданаш, или сознание Ральданаша, стало меняться — он чувствовал, что самоуничтожается в этом вселенском пожаре, покорно, без страха или боли. И по мере того, как он умирал, возник и вырвался наружу, прямо в зенит, пятый луч звезды — внутренняя духовная энергия высочайшего наслаждения.

Пылающие нити протянулись из каждой точки к центру, а также между всеми точками. Огонь тек по ним к центру, где перекрещивался с другим огнем, и снова возвращался в точку выхода, чтобы затем опять устремиться к центру. Плотность линий увеличивалась — нитей становилось все больше, словно над Висом работал гигантский ткацкий стан, они искрили и потрескивали, и из них рождалось нечто новое.

Море поднялось в небо. Затем оно оформилось в фигуру, упирающуюся головой в небеса.

Дорфарианцы узрели Анакир.

Она вздымалась, как башня. Она парила. Ее плоть была белой горой, змеиный хвост — огненной рекой в половодье. Восемь рук простирались в традиционных жестах. Ее глаза были ярче, чем два слепящих солнца. Она заговорила с дорфарианцами — как обычно, без слов, прямо в сознании — и сказала им: «Все кончено».

Однако закорианцы не видели Анакир, ведьму Равнин, которую они ненавидели. Им явился Рорн, их собственный бог — черный, с водорослями, вплетенными в угольно-черные волосы, и драгоценными камнями, сверкающими в Его ладонях. Протянув одну из этих гигантских ладоней к кораблям Леопарда, он бережно, но твердо оттолкнул их. Он не повредил закорианских галер, ведь Он был их богом и заботился о своем народе.

Рорн говорил словами. Его голос был грохотом бури, а дыхание — соленым:

«Вы отвоевали себе землю. Гордитесь своим королевством, вырезанным из тела Таддры, и довольствуйтесь им. Остальное — не ваше, и вам не взять его. Это говорю вам Я, РОРН».

В зубах Его сверкали голубые камни, и буря была Его короной. Закорианцы пали ниц перед своим богом, да так и остались лежать.

Когда они осмелились поднять глаза, то увидели только

белую тень его черноты, которая медленно таяла в свете дня. Они оказались отодвинуты на многие мили, словно фигурки рукой игрока. Дорфарианского флота нигде не было видно. Небо затянуло тучами, готовыми прорваться грозой, поверхность моря покрывал ковер мусора: обломки корабельного дерева, а также осколки железа и угли, почему-то не ушедшие на дно. Были там и сломанные мечи, расколотые строго посередине.

Но все корабли остались целы, и закорианцы не потеряли ни одного человека.

Внизу шумели рабы, в громком хоре то и дело поминались имена различных богов.

Трепещущий Йил упал на колени перед маленькой фигуркой Рорна, установленной на носу корабля. Над его головой все так же реял охристо-желтый парус, но знак Черного Леопарда войны и мщения исчез с него, словно растертый некой огромной дланью в бесформенное пятно.

В тот день боги разгуливали по всему Вису.

В десяти милях от Саардоса Рорн явился перед закорианской эскадрой из тридцати пяти кораблей, сделал ей выговор и завернул ее обратно. Он стоял одной ногой на далекой земле, дуя в закорианские паруса и направляя галеры к югу. Элисаарский флот тоже повстречался с Ним. Когда люди, обезумевшие от Его вида, попытались убить себя в Его честь, Рорн сказал, что Ему не нужны эти смерти. Однако шансарские моряки уверяли, что видели Ашару, стоящую на рыбьем хвосте. Ее груди были прекрасны, и солнце играло в Ее золотых волосах. Богиня напомнила им о родине.

То же самое напоминание, но уже от лица Ашкар, получили вардийцы, тарабинцы и ваткрианцы в Зарависсе, на Равнинах и где бы то ни было.

В окрестностях порта Лин-Абиссы Она размотала свой хвост вдоль дороги. Кожа Ее была цвета меда, змеиный хвост сделан из красной меди, а волосы — цвета вина. А Вольные закорианцы видели там же Рорна, шагающего среди обугленных кораблей, и дым стелился у Него по плечам.

В Таддре это был Зардук, который повернул войска Йила от пограничных крепостей Вардийского Закориса. И Зардук же вырос из камней в горном проходе за Тумешем. Солнце сияло не в Его глазах, а образовывало живот, скрывая его мужественность за своим сверкающим диском. Черным и великолепным был этот Бог, с жарким и благовонным дыханием, подобно ветру разметающим дорожную пыль.

Дорфарианцы в горном проходе увидели Дракона, своего

мифического прародителя. Он летел низко в небе, опасные лучи били из его пасти и из каждой чешуйки. Оба дорфарианца приготовились к немедленному испепелению — но никто не пострадал, ни здесь, ни в другом месте.

Зардука видели и в дельте Окриса.

Ложки катапульт отломились от своих креплений. Черные корабли содрогнулись. Зардук стоял в реке, которая едва доходила Ему до колен. Его огненное брюхо ослепило их (или должно было ослепить). По левую руку от Него стояла Анакир, или некое очень похожее на Нее создание.

Божество, виденное в Оммосе, было двойственным, воплощая в себе и мужское, и женское начало — Зарок-Анакир.

В Йилмешде, столице Йила в Таддре, золотое сияние залило подземные обиталища, распространяясь из пещерного храма огненного бога, что вызвало некоторую панику.

Говорили, что жрецы, прокравшиеся внутрь, обнаружили, что топазовое Око из Анкабека, горящее ярче любого светильника, переместилось в одну из глазниц Зардука. То, что закорианский бог отныне будет смотреть наполовину Равнинным взором, показалось всем настолько важным на фоне прочих легенд этого дня, что позже стало считаться, будто это сам Йил, а не боги, устроил так после возвращения.

Ашара объявилась в разрушенном Кармиссе, выросла над Иоли, подобно луне на дневном небе. В Истрисе бог Рорн потряс город — очень мягко, точно стряхивая крошки с ковра.

Отбившиеся корабли Леопарда, пробираясь в Ланн, наткнулись на Него, сидящего на океанских волнах. Он сказал, что они должны повернуть в Таддру, и корабли послушались Его.

Вариантов было бесконечное множество, и все разные. Десять людей, находившихся в одном месте, могли увидеть десять разных видений. Падали звезды, двигались горы, в море звонили колокола.

Но слова, входившие в каждое ухо, мозг, сердце, значили одно и то же.

А разбитые баллисты и сломанные мечи покрывали землю, как цветы. Они лежали там, где могли бы гнить мертвые тела.

Четыре огня соединились вокруг пылающего зеркала в подобие янтарного кольца и сейчас испускали свет.

Каждый понемногу отступал, стягиваясь в невыносимо яркую точку. Соединяющая их паутина начинала тускнеть и постепенно гасла.

Ослабление главного сияния позволило разглядеть другие, меньшие источники света. Повсюду светились маленькие огоньки

— маленькие кусочки надежды и веры этого мира, молитвы, направленные на сохранение, а не разрушение. Они послужили подпиткой для главного пламени, но теперь и они потихоньку тускнели. Все, кроме одного.

Расколотое зеркало, в котором фокусировалась воля Ральданаша, сейчас едва тлело остывающим угольком. К нему все еще тянулись едва различимые нити связующих огней. Одна из них вела на северо-запад, к человеку одной с ним крови, другая — на северо-восток, к рассвету Ашни. Но тлеющий уголек был не в состоянии поддерживать эти связи. Огненные следы постепенно исчезали. Вскоре осталась лишь одна слабая полупрозрачная линия, едва видимая в свете еще пылающих больших огней.

Этот последний огонь все еще не увял.

Его нижняя точка, расположенная на силовой линии, идущей от Корамвиса к Зору, соответствовала месту самого первого жертвоприношения — Анкабеку.

Она чувствовала его умирание, редкие искры в остывающей лаве. Ральданаш, который был ее мужем, находился ужасно далеко — за многие мили во времени и пространстве.

Она сделала это открытие в крутом и безвидном подсознательном туннеле, куда добровольно вошла после того, как дверной механизм запер ее в Святилище. Оказавшись взаперти, она легла на великолепный мозаичный пол, которого совершенно не видела в полной темноте. Мало-помалу после некоторой борьбы ее личность и ее имя покинули ее.

Улис-Анет, Вал-Нардия, Астарис. Она была каждой из них. И ни одной.

Она поверила, что Эраз поведет ее, если она сама будет идти, и поступала именно так. Она очень устала, хотя выбрать эту дорогу и следовать по ней было не так уж трудно.

Пока она плыла в лодке по черной ветреной реке, работала шестом, спала или бодрствовала, она еще не была уверена. До поры это и не заботило ее.

Ее разум заполнялся постепенно. Сокровенные мечты, осознание, отрешенность. Она сама шла в последнюю очередь — в хвосте своих мечтаний, внутренней себя.

Наконец открылся глаз ее духа, и она стала одной из частиц мировой воли. И когда эта воля, творя свое таинство, излилась вовне, она ощутила Ральданаша и его смерть.

Будучи простой смертной, она ненавидела своего мужа за его непреднамеренную жестокость. Сегодня подобная мелочность казалась ей неуместной. Теперь, после своего очищения, она понимала его и могла оценить, что давал ей Ральданаш, не

требуя ничего взамен. Она сама была лишена особого внутреннего дара, но, как и любое живое существо, воспринимала магию жизненной силы. И вокруг нее были камни Анкабека, места богини, взывающего к Анакир.

Из чистого себялюбия, желая избавиться от своей боли через осознание ее малости, она протянула ему светильник Анкабека, самый слабый из огней.

Боль и в самом деле стала чем-то незначительным. Она ощутила всплеск далекой радости, словно этот чужой человек, который был ничем для нее и для которого она сама была ничем, все-таки услышал ее и ответил. Он потянулся через бесконечные расстояния, чтобы принять ее подарок — свет Анкабека.

Дорфарианские корабли кружили в водовороте волн и ветра.

Лишь эманакир рискнули подойти к Повелителю Гроз и поднять его. Ральданаша положили в каюте.

Не вникая в суть происходящего, его люди все же понимали, что он был центром и главным условием случившегося чуда. Однако сейчас, сражаясь с бурей, они не находили ни времени, ни желания, чтобы заостряться на этом.

Некоторые плакали, но соленая вода и без того текла по всем лицам.

Пока судно переваливалось на штормовых волнах, Ральданаш лежал на королевской кушетке.

Эманакир стояли рядом. Они не оплакивали его. Жесткие и безжалостные в своей вере, эти люди, несомненно, жили вечно. Что такое смерть? Всего-навсего урок, который они давно выучили. Однако жизнь тела тоже была священна, и ее надлежало сохранить.

Вскоре они почувствовали внутреннее шевеление в Ральданаше, обернулись и увидели его открытые глаза — золотые на темном лице.

Он медленно возвращался из места, которое уже забыл.

Его тело — выпитое досуха, слабое и вялое — отказывалось повиноваться или хотя бы признавать его. Но искра жизни сохранялась в нем, словно семечко, из которого может вырасти новое дерево. Мозг Ральданаша уже ожил.

Ему припомнился тот самый миг падения, когда он понял, что они победили.

Символы были символами, не более того. Боги — всего-навсего знаки, подобно тому, как язык — средство выражения бесплотной мысли. Они просто используют силу, твердость и веру человечества. И этого достаточно. Мир рухнул и снова возродился.

«И я — тоже — живу», — пронеслось в его сознании усталым отсветом.

Люди на черных галерах, качавшихся на волнах неподалеку от Ланна, не видели ничего запредельного, а потому были сбиты с толку.

Весь день их трепал шторм, не характерный для этого времени года, ветер, казалось, дул сразу со всех сторон. Однако с приходом ночи настало совершеннейшее, неестественное затишье, какое обычно предшествует самой жестокой буре. В тяжелом черном небе спокойно сияли звезды, луна взошла из пустынного океана. Казалось, наступил закат многовековой истории.

Экипажи двух галер под началом Дхакера Опалового Глаза пребывали в сомнениях: люди прислушивались к пустоте, вглядывались в звезды. Третий их корабль уже отбыл в Карит, когда Дорфар сбросил Вольных закорианцев назад в море. Дхакер получил приказ направиться вместе со своими командами в Кармисс. Подчиняться ему не хотелось, ибо на его корабле находился некий кармианец, о котором было доложено Йилу — фигура, имеющая прямое отношение к нынешним затруднениям этой страны. Соотечественники могли попытаться выручить или, по крайней мере, захватить этого человека. Однако Дхакер не имел ни малейшего желания раскрывать имя своего пленника, а со своей скрытностью не смог ничего поделать с упрямством Вольных закорианцев, зализывающих раны у оммосского побережья. Таким образом, его корабли повернули к Кармиссу, но заходить не стали, а обогнули его. Дхакер принял решение присоединиться к силам Леопарда в дельте Окриса.

Испортившаяся погода захватила их менее чем в пятидесяти милях от цели. Они упорно пытались пробиться сквозь шторм, но ветер смел их и отнес на восток.

Гроза окутала корабли пугающим роковым ореолом — холодный огонь стекал по мачтам и реям. Однако Дхакеру и прежде доводилось видеть подобные чудеса. Он старался, чтобы никто из его солдат не сидел без дела, и щедро поил их вином и пивом. Он даже послал пива вниз, рабам. Вечером шквал чуть не разъединил галеры, но внезапно море успокоилось, и корабли снова сошлись.

Не осталось ничего, кроме темноты и открытого моря.

Несколько часов спустя среди рабов поднялся шум. Кому-то приснился дурной сон, и вскоре паника охватила всех, подобно чуме. Однако свист плетей быстро заставил умолкнуть рыдания и причитания.

— Они твердят, что Рорн разгуливает по океану — великан с луной в руке...

— Я его не видел, — отрезал Дхакер. — Даже своим несуществующим глазом.

Внезапно его потянуло нанести визит своему пленнику.

Здесь и днем стояла ночь, но без единой звезды. Эта палуба, самое низкое и тесное место на корабле, лежала ниже ватерлинии, даже ниже гребных палуб, уравновешивая высокую верхнюю часть. Ее использовали под грузовой склад или под тюрьму — как в данном случае. Пленник, прикрытый лишь своими волосами и нечистотами, лежал неподвижно, пока лампа закорианца и хороший пинок не вывели его из этого состояния.

— Как вам этот шторм, мой повелитель? — с издевкой произнес Дхакер.

Кесар, весь в ссадинах и кровоподтеках, закованный в ржавые цепи, которые во время маневров галеры, очевидно, снова и снова били и колотили его обо все выступы, молча посмотрел на закорианца. Черные глаза по-прежнему горели холодным пламенем. Следовало бы завязать их, если только не выколоть. Палач Дхакера вырвал пленнику ресницы, но, невзирая на это, сквозь запекшуюся кровь пробивался тот же горящий тяжелый взгляд.

Дхакеру даже нравилась эта неутолимая ненависть. Сломить Кесара было не так просто — но тем интереснее, и тем приятнее будет наконец убить его.

— Последняя новость, которую я слышал — Истрис стал кучей обломков, — сообщил Дхакер. — Это тебя не огорчает?

Однако эмоции Кесара были скованы не менее надежно, чем его тело.

Закорианец ударил его по губам — слегка, для забавы. Один из боковых зубов был сломан еще раньше, мочки ушей тоже отрезали с разрешения Дхакера. Их он отослал в подарок Йилу вместе с известием о захвате в плен кармианского короля. Пожалуй, на сегодня достаточно...

Дхакер пошел наверх, по пути отметив, что гребцы после вразумления проявляют куда больше рвения.

Следующая ночь была просто прекрасна, а Дорфар — уже сравнительно близко.

Уже перевалило за полночь, когда взвыли рожки дозорных.

Прямо по курсу показались двадцать закорианских кораблей. Они выглядели изрядно потрепанными штормом и почему-то держали путь на северо-запад.

Две галеры Дхакера поспешили навстречу собратьям.

Их поразили тишина и безмолвие на палубах приближающихся кораблей. Большая часть парусов была убрана, но тут и там с рей свисали клочья, в которые, судя по всему, превратила их буря. Носовые огни галер Дхакера осветили эти останки, покрытые какими-то грязными пятнами, в которых никак нельзя было узнать Леопарда войны.

Дхакер подошел ближе к передовому кораблю. Как и прочие, он был очень скудно освещен. Люди на его палубе стояли столбами или делали свою работу столь медленно, словно их опоили каким-то зельем.

— На Дорфар? — крикнул Дхакер, не утруждая себя приветствиями.

Прозвучавший ответ потряс его до глубины души.

Вольные закорианцы шли отнюдь не на Дорфар. Война была... прекращена. Они возвращались домой, в таддрийское королевство Йила.

— Вы что, с ума сошли? — взревел Дхакер. Он ухватился за причальный канат и чуть не опрокинулся, но тут на палубу встречного корабля вышел капитан и жестом приказал бросить канат.

— Мы не безумны, — веско произнес он. — Боги говорили с нами.

— Боги? Ты имеешь в виду какое-то знамение?

— Рорн и Зардук. Они доставали головой до солнца. Я сам это видел. Он говорил со мной, и весьма громко... Мы должны жить в Таддре. Так нам сказали. Меч сломан.

— Безумие! Это какое-то безумие, — Дхакер повернулся к своим людям, которые в священном ужасе взирали на безмолвные корабли, непреклонно возвращающиеся в Таддру.

На том и закончился этот бесплодный разговор. Галеры Дхакера отошли прочь, и призрачный черный флот с парусами, лишенными знаков, двинулся дальше, безмолвный и одержимый, как ночь, в которой скрылся.

В мире по-прежнему существовали дни, сменяющиеся временем, когда не светит солнце, часы и минуты, происшествия и их последствия, а также погода. Но здесь, на нижней палубе, ничего этого не было. Только темнота, оковы, смрад, невыносимый вкус этого смрада, а может быть, крови, и глухие шумы корабля. Удары о грубую ребристую внутренность узилища означали какие-то военные столкновения или шторм. Вспышки света случались редко и всегда — от лампы. Вначале разнообразные пытки позволяли сохранять само понятие времени: нарастание боли, затем ее медленное ослабление. Но

теперь боль стала всеобъемлющей и непрерывной, хотя и разнообразной — гложущая в сломанном зубе, саднящая от цепей на незаживающих ранах... Она больше ничем не могла помочь ему.

Спасти могли лишь частые потери сознания — как у больного или впавшего в спячку животного, и Кесар использовал этот прием. Даже пробуждаясь, он не приходил в себя полностью и делал это сознательно. Сдаваться он не собирался. Кесар надеялся пережить этот зигзаг судьбы, хотя не рассчитывал на то, что кто-то неожиданно спасет его, включая богов, в которых не верил. Но и внутри себя он не чувствовал бога, а потому не предполагал себя способным на какой-то подвиг, который принесет ему избавление. Оптимизм Кесара, если здесь вообще было уместно это слово, по сути, не имел никаких оснований.

Его сопротивление порождалось одной только волей, но сейчас эта воля была сильнее, чем все прочие черты его характера. Он отказывался найти свой конец здесь и таким образом. Просто не мог принять этого.

Разговор, случившийся ночью между кораблями Леопарда, никак не мог быть отмечен пленником внизу. И все же он ощутил некое нематериальное дуновение. Вскоре сквозь настил палубы просочилось еще кое-что: рабы-гребцы замерли, подняв весла, видимо, в волнении или ужасе, затем донеслись их пронзительные крики под почти неслышными ударами кнута.

В следующие пять дней, невидимых и неосознаваемых, там, наверху, у галер Дхакера случались и другие встречи. Несколько — с Вольными закорианцами, держащими путь прочь от Кармисса, как велел им Рорн. Они невнятно лепетали о чуде и шли дальше. Позже у какого-то мыса показался строй кораблей Кумы, ибо побережье Дорфара уже появилось в поле зрения. Малочисленные, но жаждущие боя, галеры Дхакера развернулись для атаки, однако дорфарианцы уклонились от драки и ускользнули.

Заходила речь о набеге на первую же прибрежную деревушку, но наверняка она окажется либо опустевшей, либо хорошо защищенной.

Люди Дхакера были озадачены и напуганы. Теперь напряжение держало в своих когтях не только рабов, и его следовало хоть как-то ослабить. Дхакер начал верить в безумные истории, рассказанные прочими встреченными закорианцами. Даже если они и не были правдивы, то на их действенности это никак не сказалось.

На пятый день им встретилось стадо морских быков, плывущих ровным строем. Взревели рожки, и на галерах началась

паника. Люди переговаривались, что Рорн восстал из глубин океана, пока Дхакер не утихомирил их лично.

Требовались какие-то действия. Дни сменялись ночами, время утекало, погода менялась, и наконец предводитель решился.

Когда Кесара доставили в освещенную факелом каюту, Дхакер изучил его с особым удовольствием.

Тело пленника, разукрашенное язвами и ссадинами от оков, все еще не выглядело изнуренным. Глаза после долгого пребывания в темноте болезненно щурились, но ледяное пламя все так же неумолимо изливалось из черных зрачков. Королевская кровь Кармисса соединилась в Кесаре с неистовой шансарской примесью и стала чем-то большим. Он не только не был сломлен, но даже не выпал из своего привычного образа.

Принесли еду и питье, Дхакер жестом предложил пленнику пообедать. Кесар, все так же не говоря ни слова, стал есть и пить. В нем не ощущалось отчаяния или той недоверчивой пытливости, которую проявил бы в таком положении любой другой человек. «Он верит, что выйдет отсюда живым», — подумал Дхакер, и сама эта мысль потрясла его. Даже сейчас воля пленника была сильна, и у закорианца на миг закралось сомнение: неужели у Кесара есть какая-то неведомая ему возможность освободиться?

Сверху доносился смутный шум — там выполняли его приказы. Дхакер снова обрел уверенность. Побег Кесара невозможен.

— Вот как ты меня любишь, — сказал он пленнику. — Ты даже уверен, что я тебя не отравлю.

— Чтобы оставить ни с чем Йила? — тут же парировал Кесар, спокойно доедая обед.

— Увы, Йил потерял вкус к убийству, — сообщил Дхакер. — Я слышал, что он провалил свое великое начинание. Его корабли вышли против Ральнаша Дорфарианского, но так и не достигли Внутреннего моря. Говорят, боги отправили его обратно домой вместе с остальными.

Кесар никак не отреагировал на это сообщение.

— Или он мог вспомнить о договоре, который заключил со мной и с Шансаром-за-Океаном в моем лице, — сказал он вместо этого.

— Вряд ли, лорд К’сар. Не думаю, что он вообще помнит о тебе. Вис сошел с ума. А в краю безумия человек с нормальной головой должен делать то, что считает нужным.

Кесар смотрел на него, и в глазах его пылал мрачный свет. Дхакер сполна ощутил необыкновенную силу этих глаз.

Они продолжали молчать, словно оба не были готовы к

продолжению разговора. Наконец Дхакер поднялся.

— Вот лежанка. Можешь отдохнуть и поспать.

— Вы наметили на утро что-то мучительное, — скорее сказал, чем спросил Кесар.

— Мой отец погиб в Тьисе, — отозвался Дхакер. — Я знал его. Он был добр ко мне. Не уверен, что мы доберемся до родной гавани — в мире все перепуталось.

Глаза, подобные вороненой стали, не дрогнули. Дхакер коротко поклонился и вышел. Дверь каюты надежно охранялась, хотя он и не ожидал от Кесара проявлений героизма. Даже быстрая смерть вряд ли привлекала его, поскольку он, похоже, вообще не верил, что способен умереть. Сейчас он будет спать, накапливая выносливость. И в агонии, утратив последнюю надежду, будет цепляться за жизнь, уверенный в своем праве на нее, пока последняя капля этой жизни не просочится у него меж пальцев.

Незадолго до рассвета Опаловый Глаз снова наведался в каюту и взглянул на спящего человека, на его сильное тело, которому вскоре предстояло стать его самым страшным врагом. Рана на левом предплечье, которую прижег Дхакер, невероятно быстро зажила — о ней напоминал лишь шрам вроде того, что остался после змеиного укуса.

— Берите его прямо сейчас, — приказал Дхакер своим людям. — Пусть очнется уже там.

Они выполнили приказ, вытащив Кесара в перламутровую пустоту — лишь небо, море и корабль. Тающие звезды осветили скованного человека на палубе, чьи руки были подняты и закреплены в таком положении при помощи острых клиньев, вбитых в оковы. Затем столб подняли и установили рядом с главным парусом. К тому времени человек полностью проснулся и все осознал. Это был старый способ казни — очень простой, обычный для всех западных стран. В Дорфаре им издавна пользовались для наказания рабов.

Жертва подвешивалась за руки, при этом ее пятки находили небольшую опору и судорожно цеплялись за нее, пытаясь перенести вес тела. Это стоит мучительных усилий, но человек будет делать эти усилия. Такой же небольшой выступ имелся на уровне ягодиц, и его тоже можно было использовать — неловко и с еще большим трудом. Без этих условных поддержек висящий человек не сможет дышать, а потому будет за них цепляться, постоянно соскальзывая и снова отыскивая их — и так до бесконечности.

В теле, лишь подвешенном за запястья, без этих опор, кровь не достигает легких, и наступает спазм. Задохнувшись,

осужденный вскоре теряет сознание, и смерть может наступить еще утром. Но этот способ считался легким — в отличие от того, что был уготован Кесару. К тому же его воля, его неистребимая тяга к жизни продлят битву и за гранью беспамятства. Будучи на три четверти трупом, он все равно продолжит бороться, соскальзывая, сражаясь, ловя глоток воздуха, цепляясь и проигрывая свою жизнь — шаг за шагом, миг за мигом.

Ему будут давать воду и даже пищу, пока он будет способен есть.

Это может продлиться долгие дни.

Теперь в его жизни присутствовали свет и тьма, восход солнца, просвечивающий сквозь огромный парус, и закат за спиной, бросающий перед ним на палубу его тень. Закорианцы старались не наступать на нее, ибо это было дурной приметой.

Чуть позже Кесар перестал все это замечать.

Он задыхался. Чтобы сделать вдох, нужно было изо всех сил прижать к столбу пятки и нижнюю часть спины. Тогда руки слегка освобождались, и кровь с головокружительным ощущением приливала к легким, позволяя им расшириться. Он сохранял это положение, пока мучительная боль в напряженных ногах и спине не лишала мышцы сил. Затем снова повторялись все этапы агонии.

Очень скоро разные виды боли перестали отличаться для него. Приподняться и вдохнуть, превозмогая боль — или обвиснуть и задыхаться в боли...

Он пил воду, глотал жидкую кашицу и смотрел в небо.

Море было спокойным, палуба слегка покачивалась, как танцовщица. Люди двигались вокруг или стояли, наблюдая за ним. Но они были призраками и не имели значения, так же, как небо и море. Значение имела лишь боль, и этим значением была жизнь.

Когда солнце взошло в четвертый раз, он позабыл свое имя.

Он слышал разговоры там, снизу. Один человек, с ярким отблеском в левом глазу, подошел и потрогал его ноги — мягко, почти заботливо.

— К'сар, ты все еще жив? Четвертый день, К'сар эм Кармисс. Не знаю никого, кто протянул бы так долго, — и затем: — У него сочится кровь изо рта. Легкие кровоточат.

Кесар повернул голову. Небо было малиновым, свет дробил парус на осколки. Что-то приблизилось и коснулось его лица. Миска, поднятая на палке. Вода. Он потянулся к ней губами.

— Нет, — прозвучал тихий голос девушки у самого его уха, а может быть, прямо в мозгу. — Не пей ее, Кесар. Не пей.

— Пошла вон, сука, — прохрипел он. Его язык нашел воду.

— Нет, — настаивал голос. — Не пей.

Вода была безвкусная, ему не хотелось ее, невзирая на жестокую жажду. Его тело сделало попытку кашлянуть, и немедленно острая боль пронзила ребра. Тогда ее руки обняли и поддержали его. Прохладные, ароматные руки — лучше любой воды.

— Послушай меня, — снова произнесла она. — Кому еще мы с тобой могли доверять с самого детства, кроме друг друга?

— Я должен жить, Вал-Нардия, — прошептал он. — Вернуть то, что они отняли у меня. И если ты хочешь, чтобы я жил, я буду жить — ради тебя. Яд, болезнь, рана в любом бою — все это ничто. Я пройду сквозь огонь, воду и небесный гром... Вал-Нардия?

— Я здесь.

— Я буду жить, — повторил он. Прядь ее красных волос шевельнулась в красном небе, когда она склонилась, поддерживая его. Это была Вал-Нардия и никто иной. Ее облик не изменился. Голова Кесара легла ей на грудь.

— Тогда живи, — сказала она. — Дай себе уйти и живи.

Внизу пошевелился Дхакер, придерживая свой опаловый глаз.

— Он не принимает воду, — ткнул пальцем закорианец, поднимавший миску наверх.

— Он мертв, — склонил голову Дхакер.

Они не отдали его Рорну и не предали сожжению по обычаю желтых народов. Просто оставили на столбе — разлагаться или стать кормом для морских птиц. Задолго до того, как корабль прибыл в Таддру, от короля Кармисса не осталось ничего, кроме костей — которые могли быть костями любого другого умершего.

КНИГА ПЯТАЯ
УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

25

Среди полуденного жара высоко на золотом камне сидела женщина и смотрела вдаль, через реку. За ее спиной вздымались черные разрушенные стены. Летнее солнце обожгло ее почти до черноты, всю, кроме серебряного браслета на левом запястье, который, если приглядеться, был вовсе не браслетом, а кольцом серебряных чешуек, растущих прямо из руки.

Яннул, вышедший из древнего зорского города, остановился под валуном и тоже посмотрел за реку. Люди на том берегу занимались своими повседневными делами, как и весь последний месяц. Та ночь, заря Силы, когда весь мир звенел, словно колокол, давно прошла. Жители заречных деревень, очень легко относящиеся к сверхъестественному, быстро перестали вспоминать о ней, как о чем-то вполне обычном.

— Сафка, — позвал Яннул через какое-то время.

— Да, — ответила она. — Я знаю, ты возвращаешься домой.

— В свою усадьбу в Амланне, — подтвердил Яннул. — Медаси считает — нам обязательно надо вернуться. Она говорит, что наш старший сын придет туда. Мы не знаем, где он сейчас, но она уверяет, что в безопасности.

— О да, — подтвердила Сафка. — С твоим сыном все в порядке.

Ее голос был отстраненным и очень красивым. Поначалу он и не осознавал, какой у нее прекрасный голос. Возможно, это доказательство ее королевской крови. Она ведь текла и в ее жилах тоже, разве не так?

— Да, — снова подтвердила Сафка, — во мне есть эта кровь.

— Мне совершенно не хочется, чтобы кто-то читал мои мысли, — уронил Яннул.

— Прости. Твои тайные мысли скрыты вполне надежно, но кое-что пробивается, словно лай собак. Я все еще не знаю, Яннул, правда ли это.

— То, что ты дочь Амрека? Ты не похожа на него. Но эта отметина на твоем запястье...

— Это проклятье Анакир.

— Может быть, не проклятье, а всего лишь символ, — возразил Яннул. — Оно ведь ничем не повредило тебе. Мог ли Амрек неправильно понять смысл своей меты?

Она посмотрела на него сверху вниз. Ее глаза были черными глазами Висов — как у Повелителя Гроз Амрека? Сафка очень сильно изменилась. Теперь казалось не так уж важно, в самом ли деле принадлежит она к этому роду, или нет. Будь у нее такое

желание, она могла бы править здесь. Ланнцы, которые последовали за Сафкой, без всяких вопросов сделали бы ее своей королевой. Но она была еще и жрицей, причастной, и, наверное, преходящая власть ничего не значила для нее.

В этом году Застис пришла поздно, и ее уже заждались. Маленький лагерь в разрушенном городе был охвачен нетерпением и напряжением, и то же самое творилось в деревнях за рекой. Даже Медаси, по мнению Яннула, ничуть не изменилась, пройдя сквозь этот новый ад — она по-прежнему была живой женщиной, а не воплощением божества. Безрассудные, как юные любовники, они падали в объятия друг другу в дикой роще под стенами города, а потом обменивались упреками, не скрывая довольной усмешки. Однако Сафка, на которую глядел с вожделением добрый десяток мужчин, никак не обнаруживала своих желаний. Вот и сейчас она восседала на своем камне, как львица, никуда не торопясь, и с равным удовольствием смотрела на небо и на мужчину у своих ног... Если она и уловила эту мысль Яннула, то не стала отвечать на нее.

— Ты останешься здесь, в городе? — спросил он вслух.

— Все места одинаковы, — ответила Сафка, и он почувствовал, что она и впрямь так считает. — Но для других есть город, который мы унаследовали, и Ланн за горами, который снова стал доступным. Проходы по ущельям открыты.

— Я знаю.

— Оттуда не было никаких вестей, — произнесла она, по-прежнему бесстрастно глядя вдаль. — Как ты узнал об этом?

— От мысленной речи никуда не денешься.

Сафка улыбнулась.

— Я вижу твоего сына, — сказала она. — Лар-Ральднор спешит назад с Равнин. Ты должен гордиться таким наследником.

— А что еще ты видишь? — что-то в ее словах очень задело Яннула.

— Много самых разных вещей.

Он понял, что она не ответит ему или скажет только то, что он имеет право знать. Та ночь и то утро были далеки, как звезды, но он пытался, может быть, сам того не желая, вернуть их.

— Ты часто видишь Анакир? — спросил он.

— Мы все Анакир. Она повсюду.

— Значит, никаких доказательств. Все это было как сон — война, сломанный меч...

— В Элире на башнях ждут звезду, — неожиданно сказала Сафка.

— Они ее скоро увидят, — усмехнулся он.

— Нет, не Застис, Яннул. Не вечернюю звезду желания, но

утреннюю звезду мира.

Он снова бросил взгляд за реку.

— Я помню Корамвис, — медленно сказал он. Но женщина на скале возразила:

— Прошлое осталось в прошлом.

Ее сознание вплелось в сознание Яннула, и тогда он тоже увидел Лар-Ральднора, едущего верхом под лучами солнца. За его спиной остались еще одни черные руины, а между ними лежали все просторы Равнин и маленький край по имени Элир. Лар-Ральднор напевал старинную песню. Яннул отчасти даже помнил ее, и вдруг поймал себя на том, что тоже беззвучно повторяет ее слова.

— Да, отец, — сказал Лар-Ральднор и рассмеялся под огромным небом, — я знаю, что ты слышишь меня.

Это было то, к чему он никак не мог привыкнуть. Став частью качественно новой сущности, рожденной из сплетения сознаний, он в то же время никак не мог освоиться с повседневным употреблением мысленной речи. Для него это было все равно что заниматься любовью и видеть, как сквозь бархатную кожу просвечивает скелет.

Теперь он понимал, почему Континент-Побратим, набирая силу в торговле, начал сдерживать свою мысленную речь.

Сейчас корабли второго континента стояли в Мойе и по всему Шансарскому Элисаару. Некоторые нацеливались на Вардийский Закорис, Дорфар и Кармисс. Похоже, они сохранили свое сообщество там, на юге, и решили подождать с суждением о войне на Висе. Таким образом, прежние союзы выстояли. Сейчас они разыгрывали братьев по оружию в местах, где возбуждение мало-помалу спадало. Хотя, скорее всего, в Кармиссе шансарское предложение братства примут с распростертыми объятиями. Истрис пострадал, и говорили даже, что он разрушен. Власть, разумеется, пока была у лорда-правителя, но шансарское владычество предполагалось восстановить еще до конца года. Богиня с рыбьим хвостом совершенно вытеснила Лилию. Ашьясми снова стала Ашарой. Что до знамени с Саламандрой, то его сожгли — насмешка судьбы по отношению к огненной ящерице. Однако конец самого Кесара не был отмечен столь же очевидно.

Подумав о Кесаре, Лар-Ральднор не смог не вспомнить о Рармоне. Но опять же, он знал все и о нем — и то, что случилось, и то, что лишь предстояло ему. Судьба, подобно плоти какого-нибудь небесного создания, была прозрачной и позволяла смотреть вперед.

Кстати, с заравийской девушкой, которая, естественно, не умела читать мысли, не возникло проблем. Она, конечно, плакала, когда Лар-Ральднор прощался с ней, и обещала назвать своего будущего сына его именем. Но он знал, хотя и не стал разочаровывать девушку, что она так и не зачала от него ребенка.

Он ехал обратно, напевая песню ланнских холмов, которой давным-давно научил его отец. Магия заняла в его жизни свое место, но кроме нее, было много всего остального. Он знал, что молод, а земля прекрасна. А также то, что он и вообще все будет жить вечно. Но это он знал еще с трех лет, от Медаси.

— Значит, прощаешься с Таддрой, не так ли? И со мной, который рисковал своей драгоценной шкурой у врат этой проклятой башни? — говорил Туаб-Эй, сидя в винной лавочке Тумеша. — Ну что тебе может дать этот Дорфар? Легкую жизнь, милость короля, хорошую еду и много выпивки... Что все это в сравнении со здравой жизнью, которую ты мог бы вести здесь, с нами, в джунглях, поедая недожаренного оринкса под дождем!

— Пойдем со мной, — ответил Рарнаммон. — Ты заслужил все, что я могу тебе дать.

— Покорнейше благодарю. Здесь я сам себе лорд, а среди лордов буду дерьмом, и знаю это, — Туаб-Эй поковырял кинжалом в подливке. — Там, в башне... какое-то божество прошло через нас. Я чувствовал его крылья. Теперь я верю в богов. Но я пережил это. Галуд говорит, что башня неистовствовала, как живая.

— Возможно, Галуд мудрый человек.

— А еще прокаженные — они почти все исцелились. Даже Джорт подтверждает это.

— Возможно, Джорт...

— Тоже мудрый человек? Ну да. А ты — перчатка на руке богини, — начал злиться Туаб-Эй. — Жрец-король. Герой. Идем со мной, и будь человеком!

Темноволосый человек с желтыми Равнинными глазами смотрел на него, пока Туаб-Эй не опустил взгляд с какой-то неловкой застенчивостью.

— Прощай. Желаю преуспеть в Таддре, — наконец сказал Рарнаммон.

— А тебе — в Дорфаре, ты, ублюдок королевского ублюдка!

Снаружи солнце изливало зной на старую рыночную площадь. Под навесом шла торговля рабами. На миг Рарнаммону, стоящему в тени двери, показалось, что он видит среди них красноволосую женщину. Но, говорят, когда Бандар выставил здесь на продажу Астарис, ее волосы были перекрашены в черный

цвет.

Пока Рарнаммон седлал своего зееба, Галуд не спускал с него глаз.

Проехав через весь город, он направился к предгорьям. Мысли его крутились вокруг многих вещей. Где-то далеко сын Яннула едет верхом, как и он сам. А еще где-то сидит на обломке скалы та женщина, которую он встречал в Ольме — Сафка, дочь Амрека. Но эти видения-откровения постепенно отступили, а может быть, оказались скрыты от него чьей-то более мощной силой личности.

Город Рарнаммона исчезал за спиной Рарнаммона, сына Ральднора. Его трепет угасал, терялся в пройденных милях. А впереди уже слышался барабанный бой Дорфара.

Иногда ему хотелось не слышать этого зова. В другие дни он тревожил его. Время чуда миновало, никто не может всю жизнь оставаться на такой высоте. Разве он не размышлял когда-то в Ланне о том, что там ему нечего делать, а в нем самом нет ничего, позволяющего задавать вопросы о смысле жизни? Видения, которые открыли ему так много, странным образом оставили его близоруким в других отношениях. Глупо теперь упрямиться или уходить в сторону. В Дорфаре всегда присутствовало колдовство.

Ральднор сбежал от собственной легенды — но то был Ральднор.

Леса отступили, нахлынула синева гор. И никаких следов Вольного Закориса, если не считать обломков осадных орудий, валяющихся на склоне.

В течение семи дней он проезжал мимо мощных каменных изваяний, высеченных вдоль ущелья, чтобы ознаменовать явление дракона перед дорфарианскими солдатами. Скульптуры были сработаны грубо и неумело, хотя и с большим чувством. Этим, наверное, и объяснялись их диковинные формы — не драконы, а скорее гигантские черепахи, с челюстями и лапами, торчащими из-под чего-то вроде дисковидного панциря.

Он не задавал солдатам вопросов об этих творениях. Они, в свою очередь, не признали его — он сам не допускал этого. Только тогда, когда он удалился, поползли слухи и домыслы. Но в конце концов солдаты пришли к выводу, что тот, кого они вспоминали, выдал Леопарду планы Дорфара, а потому вряд ли рискнет вернуться обратно.

Рарнаммон продолжал ехать по горному проходу, когда пришло время Застис. Звезда вынырнула из-за луны и окрасила склоны гор своим красноватым светом. Рарнаммон был один и старался похоронить во снах свои мечты и желания, которые, как

и горы, были окрашены Звездой. Он вспомнил предание, что Застис — это дворец, построенный богами в облаках для своих любовных утех, в котором хранится огонь. Будучи вечным, этот огонь никогда не иссякнет. Потому-то в пору своего пребывания на небосклоне Звезда вызывает в людях любовное желание.

Сами по себе его мечты были беспредметными. Проснувшись, он просеивал свои воспоминания, но теперь и они казались ему какими-то неуместными. Его затягивало в водоворот, который был то ли болью, то ли наслаждением, то ли жаждой близости.

По мере того, как проход врезался в земли Дорфара, начали встречаться караульные посты. Солдаты там были мало восприимчивы к Застис, хотя и в их жизнь Звезда вносила беспорядок — некоторые делались излишне властными, другие ударялись в религию.

Наконец Рарнаммон спустился с гор. Путь его пролегал меж огромных глыб, которые свалились во время великого землетрясения и остались здесь навечно.

Теперь он пробирался над озером, которое называли Иброн. Ему казалось, что вокруг нет ни души, если не считать стаи парящих птиц. Поэтому он удивился, когда на склоне холма перед ним возникло нечто ослепительно-белое.

Когда-то в этом месте в озеро упал человек, выпав из мчащейся колесницы. Рарнаммон различил что-то перекрученное, а позади него — нескольких эманакир.

Некоторое время они стояли неподвижно, не делая попыток вступить в общение с ним. У Рарнаммона тоже не возникало желания пользоваться мысленной речью или впустить их к себе в мозг. Он был достаточно силен, чтобы пресечь подобное вторжение, считая его посягательством на свою целостность. Наконец, потеряв терпение, он заговорил с ними вслух:

— Как вы понимаете, я — не мой отец. Говорите, что вам нужно, или уходите с пути.

Они не нравились ему — такие бледные, такие холодные. Почти неприличная, неземная чистота. Это были уже не люди, пусть и с Равнин, а нечто совершенно новое и чуждое. Белые глаза встретились с его взглядом и снова неохотно опустились. Похоже, их не заботил ни сам Рарнаммон, ни тот факт, что именно его, а не их, приняли в тот великий вихрь, сложенный из сознаний. Они ревниво желали быть богами — на прежний лад. То есть людьми, обладающими сверхъестественным превосходством и в силу этого претендующими на господство над всеми остальными.

— Сын Ральднора, ты держишь путь в Анкиру? — произнес один из них.

— Куда же еще? — пожал плечами Рарнаммон.

— Ральданаш наш, — сказали они, ибо казалось, что все они говорят одним и тем же голосом — какой-то неустранимый сбой в мысленной речи. — Мы признали Ральданаша, хотя у него темная кожа смертного.

— Это что, своего рода предостережение?

— Да, — ответили они.

— Объяснитесь.

— Ты не наш. И мы никогда не будем твоими.

— Отлично, я вас выслушал. Где Ашни?

— Она ушла за холмы. И часть людей с нею.

— Но не вы, — заметил Рарнаммон. — Вам, должно быть, обидно.

Не успел он пришпорить своего зееба, как эманакир улетучились со склона холма. Это могло быть каким-то трюком, но Рарнаммон так не думал. Возможно, они освоили искусство передавать свой образ на расстоянии.

Продолжая свой путь в город, он убедился, что больше никто его не узнает. Других эманакир ему не встречалось.

Чтобы пробраться через руины к реке, Рарнаммон воспользовался недостроенным Торговым трактом. Какой-то вор оборудовал там переправу и перевез его на другой берег.

Когда через одни из белых ворот Анкиры он вступил в жаркую, пахнущую ржавчиной столицу, ему показалось, что его накрыло огромной чашей из чистого стекла. Это было уже не просто отсутствие имени, в которое он заворачивался всю дорогу, как в плащ — он словно отвел всем глаза.

В городе, на время убереженном от разорения, повсюду обсуждали колдовство и чудеса богов — и повсюду пренебрегали ими. Все были заняты торговлей и иным деланием денег. Мужчины спорили, взбивая ногами пыль. Две девушки с визгом дрались у винной лавки. Храмы источали запахи благовоний и дребезжание гонгов. Пять священных блудниц, Дочери Анакир, пересекали центральную улицу под охраной храмовой стражи. Они были обнажены до пояса, лишь соски обведены золотом. Золотом же были расшиты их прозрачные желтые юбки, волосы выбелены, а в ушах и пупках блестели топазы.

Рарнаммон обернулся и посмотрел им вслед в каком-то тоскливом изумлении — и изумляла его не только нелепость этого мира.

— Итак, вы здесь, как он и обещал, — произнес Венкрек, лорд-правитель Анкиры. — Ваша маскировка должна быть безупречна, раз она позволила вам пройти по городу.

— А где Ральданаш? — спросил Рарнаммон.

— Лежит в Мойе, там же, где встал флот. Теперь туда прибыли и ваткрианские корабли с нашей родины.

Дворец Гроз был прохладен и благоухал цветущими деревьями и кустами, а также дорогими женскими притираниями. Здесь все дышало Застис: томные жесты, запахи, поведение.

— Совет соберется только через час, мой лорд, — доложил Венкрек. — У вас достаточно времени. Мы открыли и подготовили королевские покои — как он и велел.

— Что предполагается говорить Совету? — спросил Рарнаммон.

— То же, что и городу. Повелитель Гроз послал вас в Закорис-в-Таддре с тайным заданием. Вы с честью исполнили свою миссию, что позволило довести войну до логического конца, а ваша доблесть обеспечила вам место у самого трона, в качестве главнокомандующего Ральданаша.

— А вы-то согласны с этим?

— Он написал мне, — ответил Венкрек. — Здесь у меня все его письма и воззвания, и на последнем еще не сломана печать. Он принял решение, полностью доверяя вам, значит, я не могу поступить иначе.

— Как раз вы вполне можете поступить иначе, — усмехнулся Рарнаммон.

— Да, именно это, без сомнения, вы получили бы от Кесара. Очень надеюсь, что пираты Йила скормили его рыбам.

На это Рарнаммон ничего не ответил, выжидая.

— Полагаю, что Ральданаш посвятил вас во все свои планы? — спросил он через какое-то время.

— Мне достаточно того, что он посвятил в них вас, мой лорд.

— Это так.

— Но каким образом?

— Я думал, что у вас в Ваткри мысленная речь между братьями вполне обычна, — осторожно пожал плечами Рарнаммон.

Венкрек побледнел под своим легким загаром. Он и сам не знал, почему. Тому могло быть много причин.

— В таком случае мы оба знаем, что Ральданаш хочет отказаться от короны Дорфара, — произнес он. — Официально отречься и отправиться бродить по холмам Ваткри, как какой-нибудь тощий бродячий жрец.

— Почему бы и нет, если это даст ему покой? — возразил Рарнаммон. — Он никогда не хотел править.

— В то время как вы — всегда хотели.

— Может быть, и так. Я не откажусь от того, что мне

предназначено. Помимо всего прочего, я сын Ральднора. Кем он был? Жрецом и королем. Видимо, я — та его часть, что жаждала славы в глазах людей. А Ральданаш — жрец, ему предназначены медитация и родные холмы. Итак, что вы намерены делать, Венкрек? Ральданаш отдал мне свой голос. Если вы не можете это переварить, вам придется уйти.

— Я это переварю, — отозвался Венкрек. — Для меня холмы не более желанны, чем для вас. Вы увидите, сколь успешно я это переварю. Я сумею заслужить вашу благосклонность, мой повелитель, — вскинув белую голову, ваткрианец усмехнулся. — Посмотрим, сумеете ли вы заслужить мою.

Позже, когда совет с его криками и разногласиями завершился — разве сам Ральднор не отверг этот же сан сразу после победы? — по городу отправились гулять оплаченные слухи, призванные поддержать их дело, совсем как несколько лет назад в Истрисе. Мнением народа всегда можно управлять. Совет тоже поддается управлению. Традиционные взятки работали здесь так же надежно, как и везде. Рарнаммон, которого когда-то звали Рэмом, хорошо знал все эти способы и был способен их применить. А самое главное, у него в запасе имелся указ Ральданаша.

Все обсуждали то, что Ральданаш, подобранный полумертвым на палубе корабля, лежит, погруженный в Сон богини, в Равнинном порту Мойя. А ваткрианские корабли маячили в закатных водах, словно знак судьбы.

А Рарнаммон очень желал Дорфар. Это было несомненно.

По истечении должного количества суток, в которые ему выносился окончательный приговор, он во главе процессии проехал через весь город на колеснице, украшенной драгоценными камнями. На площади Верховных королей, стоя на помосте под огромной статуей того, в честь кого был назван, он обратился к народу с речью, используя все приемы, подсмотренные у Кесара — и весьма удачно. Он завоевал толпу и услышал приветственный рев в свою честь — крики взлетели в небо, как стая птиц. Рарнаммон знал, что королевская власть — это нечто большее, чем триумф. Однако королевская кровь, полученная от Ральднора и Редона, помнила крики, которыми народ приветствует своего владыку, и с радостью принимала их.

— Коронация будет в последней четверти Застис. Вы также можете взять себе всех его жен, — объявил Венкрек. Если в этом высказывании и имелся выпад, то очень умело смягченный. — Каждый король Виса обязан присутствовать сам или прислать своего представителя. Похоже, Йил прибудет лично. Королевство Закорис-в-Таддре больше не строит боевых галер. Он обещает

прислать вам рабов и бивни палюторвусов.

— А нет ли каких-то новостей о человеке по имени Катус, родом из Элисаара?

— По возвращении Йил казнил всех своих советников. Он заявил, что они пошли против воли богов, толкая его к противостоянию, неугодному высшим силам. Но один человек сумел ускользнуть от наказания, и это был элисаарец.

Итак, он снова бездомный. Лис Катаос, вечно бегущий и уже уставший убегать. Катус-Катаос, который презирал все культы и не верил ни в одного бога — и был вечно стеснен в своих действиях этим несчастным континентом с его идиотской набожностью. Однажды он умчался в единственный просвет на небе — но этот свет оказался иллюзией. Или же иллюзией была реальность, с которой никак не удавалось сторговаться.

— А Кесар эм Кармисс кормит рыб, — спокойно произнес Рарнаммон.

— Это работа пиратов, — подтвердил Венкрек. — Они отказались от клятвы верности Йилу, когда тот отступил, разделались с Кесаром, а теперь снова бороздят море, сбившись в шайки. Еще до снега придется провести зачистку океана на севере и востоке. Как видно, мой повелитель, даже чуду не под силу прекратить все на свете сражения.

Теперь при дворе больше не было эманакир. Они ушли в холмы над Корамвисом. Люди говорили, что Ашни по-прежнему там, но Рарнаммону так не казалось. Лучи сознаний-маяков угасли в его разуме, и он более не ощущал подсознательной связи с сыном Яннула или дочерью Амрека в Зоре. Ральданаш теперь был настроен только на внутреннюю волну. Что до Ашни, то ее всеобъемлющий свет окружал их со всех сторон, но не имел четко выраженного источника.

— Есть некая жрица, за которой могли последовать эманакир, — произнес Венкрек, отслеживая мысли Рарнаммона через какую-то своеобразную связь сознаний. Похоже, к мысленной речи можно было приучиться. — А еще снова появилась жрица в Анкабеке.

— О да, — откликнулся Рарнаммон, почти не слыша его. Музыка пробивалась отовсюду. Деревья за колоннадой, казалось, сплетаются ветвями в свете Застис. Время, когда всеми овладевает жажда близости — не лучшая пора для важных бесед...

— Некоторые называют ее Астарис, — настойчиво продолжал Венкрек.

— Астарис больше не существует, — отмахнулся Рарнаммон.

— Вы помните заравийскую принцессу, дочь За'ата?

В Кармисс пришел Праздник Масок. На востоке, где снова отстраивался Истрис, все строительные леса были увешаны светильниками, полотнища ткани скрывали дома, пострадавшие от огня. Когда появились «Вольные закорианцы», запах дыма дотянулся даже до Иоли — но теперь это был всего лишь дым факелов. Пиво и вино, как водится, лились рекой — на случай войны были сделаны огромные запасы, а следующий год обещал быть очень удачным для виноделия. Кстати, теперь этот сорт назывался «Саламандра» — по крайней мере, виноделы сохранили свою прежнюю любовь.

Текущее положение в Кармиссе обсуждали в кратких промежутках между выпивкой и поцелуями. Лорд-правитель покинул остров, и теперь всем заправлял шансарский регент из-за океана. Новый король был избран из осколков дома Сузамуна. К выбору подошли с умом: мальчик родился от кармианской матери и имел медную кожу, выгодно оттеняющую его светлые волосы. И, само собой, не был евнухом.

В Дорфаре же избрали нового Повелителя Гроз. Его мать была из кармианских Висов, поэтому Истрис пил за его здоровье на повозках, звенящих колокольчиками, и в ярко освещенном порту. Если здесь и знали, что прежде этот человек был одним из приспешников Кесара, то предпочли об этом забыть. Слухи множили подробности великолепного шествия через весь Дорфар, по суше и по реке. Теперь дорфарианские корабли держались в стороне от Тьиса. Регент-шансарец съездил на коронацию и обменялся рукопожатием с Рарнаммоном, сыном Ральднора. Тогда же было получено обещание восстановить Анкабек, владения богини, разрушенные Леопардом.

Поговаривали, что остров одержим призраками. Но во время праздника в Истрисе и Иоли хватало собственных призраков — в причудливых нарядах и совершенно пьяных.

Королевские биремы встали примерно в миле от Анкабека. Их осеняли богиня и Дракон Дорфара — личной эмблемы будущий Повелитель Гроз еще не избрал. Со стороны острова корабли выглядели очаровательными игрушками, только взглянуть на них с этой стороны было некому. Люди, когда-то избравшие Анкабек своим убежищем, уже давно получили добрые вести с большого острова и вернулись через пролив в Кармисс. Теперь здесь обитали лишь морские птицы, которые важно разгуливали по песчаным отмелям и взмыли в воздух, завидев, как из океана приближаются лодки с людьми на веслах.

Вскоре на глинистом берегу вырос шатер. Отряд ваткрианцев и дорфарианцев двинулся в глубь острова, чтобы осмотреть

деревню, опустевшую уже во второй раз. Тут и там слышались шутки и смех или обрывки богословских споров. Один человек отделился от отряда, углубился в обгорелую рощу и вскоре скрылся из виду.

Не все деревья погибли после пожара. Здесь прутик, там ветка, а кое-где и целый молодой побег проросли листвой, даже летом окрашенной в цвет пламени. С некоторых сучьев, как живых, так и мертвых, свисали металлические диски, блестящие и закопченные, подрагивающие, но не звенящие в безветренном воздухе.

Прогулка заняла столько же времени, как и обычно. Но когда он добрался до вершины острова и увидел пустую скорлупу храма, память пронзила его, как игла. Все это случилось здесь. Теперь все ушло. Остались только стены, деревья, еще с трудом порождающие почки и листья, и оправа из неба и моря — безликая, ни с чем не связанная.

Именно по этой причине люди Равнин предпочитали сжигать мертвые тела, уничтожая память о жизни плоти, которая стала бесполезной, отдав все ценное душе. Душа же продолжает существовать и без этой оболочки. Вот только тем, кто оставался позади, было очень трудно принять это...

Рарнаммон — а это был именно он — будил призраков в обители смерти, ища среди обгорелых деревьев нечто совсем иное. Он не был уверен, что найдет ее здесь, хотя в разуме Ральданаша имелось подтверждение ее присутствия — его угасающая сила возродилась через Анкабек благодаря искренней поддержке этой женщины.

Она сидела на земле под деревом, одетая в храмовое одеяние — такое же тускло-черное, как горелые стволы, а ее красные волосы перекликались с пламенем листвы. Весьма странное зрелище.

Он тихо пошел к женщине, стараясь не потревожить ее во время медитации — именно так он определил ее состояние. Не доходя десяти шагов, он замер. Женщина чуть вскинула лицо в солнечный луч, ее глаза приоткрылись. Это была Улис-Анет, почти такая же, как прежде — и в то же время Вал-Нардия. Впечатления смешались — на миг ему почудилось ожерелье с черным жемчугом, которое обычно носила при дворе сестра Кесара.

Внезапно женщина распахнула глаза, и он понял, что она видит его. А может быть, не только его, но и тех нематериальных личностей, что стояли вокруг?

— Улис-Анет эм Зарависс, — осторожно спросил он, — ты

помнишь меня?

— Рарнаммон, — ответила она. По тому, что она назвала его полным именем, которым он стал пользоваться лишь после своего возвышения, он понял, что она вполне осведомлена обо всем, что творится в мире. Очевидно, она получала сведения лишь ей известными путями. Довольно долго она просто смотрела на него.

— Я не жрица, мой повелитель, — произнесла она наконец. — То, что я здесь — дело случая. Наверное, вы находите меня странной. Я провела здесь какое-то время в полном одиночестве. Искупление, самопознание... Чего вы хотите от меня?

— Возможно, ничего, — проронил он.

Улис-Анет легко поднялась на ноги, протянула руки, и свет пробился сквозь ее волосы и меж пальцев.

— Сначала, когда я подняла глаза и увидела вас, — выговорила она, — мне показалось, что передо мной Кесар. Затем темнота... а потом возник Ральданаш. Ваши глаза... вы понимаете меня? Но вы похожи на него. Точнее, на них обоих, — неожиданно она расплакалась, медленно и задумчиво, будто не чувствуя горя. Рарнаммон молча стоял и наблюдал за ней. Но вскоре Улис-Анет прижала ладони к мокрым щекам, утирая слезы.

— Позвольте показать вам великолепие здешних мест, — сказала она, повернулась и направилась вглубь острова. Он покорно последовал за ней. Ее красота, которую он как-то не замечал прежде, струилась за ней, подобно тени меж стволами деревьев.

К западу от храма роща выводила к обрыву с несколькими обгорелыми дубами, под которым плескалось море. Среди травы стояла маленькая каменная Анакир — грубое самодельное изображение. Рарнаммон удивился, кто и зачем мог его поставить.

Улис-Анет прошла к самому обрыву.

— Странно, — сказала она, — я никогда не выясняла, где это место, и, может быть, ошибаюсь. Но как раз в этот час, когда солнце клонится к закату, оно и происходит.

— Что именно? — мягко спросил Рарнаммон. Он особо не задумывался о ней, но почти боялся подойти к ней слишком близко, ненароком задеть ее рукой или рукавом, обеспокоить громким голосом, словно она могла исчезнуть от этого. Казалось, близкое соседство способно причинить боль этой женщине.

— Вон, — указала она куда-то вниз, в воду, прервав его размышления. Вдруг там что-то блеснуло, и из глубины на

поверхность моря пробился янтарный луч.

Оба замерли на месте, ошеломленно глядя на это чудо, затем посмотрели друг на друга — и снова вниз. Вскоре сияние начало понемногу гаснуть.

— Они сбросили статую Анакир вон с тех скал, — пояснила Улис-Анет. — Может быть, это какое-нибудь украшение. Ее волосы... или драгоценный камень.

— Перед этим Вольные закорианцы вынули Ее глаза, — вспомнил Рарнаммон. — Но один из кораблей Леопарда пошел ко дну. Возможно, камень принесло обратно течением.

Они еще долго глядели в воду, уже сомневаясь в том, что видели.

Затем Рарнаммон предложил Улис-Анет еды и вина, которые принес с собой. Они уселись под дубами на обрыве, чтобы разделить эту нехитрую трапезу.

Он вспомнил, что когда-то здесь вот так же сидели Кесар и Вал-Нардия. Чувство времени полностью исчезло, торопиться было некуда. Но под этим таилось ожидание перемены, чего-то беспокоящего и безответного.

Один раз мимо них скользнула в траве золотистая змейка. Все змеи богини выжили, и теперь остров принадлежал им.

Мужчина и женщина сидели и буднично беседовали о необычных вещах.

Тени сгущались на скалах, на отмелях вдоль берега. Запад зарделся, и, словно его отражение, тускло зарделся восток, где всходила Звезда.

— Ты не собираешься оставаться здесь, — сказал Рарнаммон. — По-моему, ты не склонна к жизни послушницы или отшельницы.

— Я обдумаю это. Но мне нужен ваш совет. Вы же были одним из тех, кто соткал великую сеть Силы. Богом, или его частью.

— Нет, — покачал головой Рарнаммон.

— По крайней мере, одну ночь и один день. Краешек этого огня коснулся и моего острова. Я свидетельница — вы были богом. Так что дайте совет, мой повелитель, куда мне направить стопы и как лучше провести жизнь. Вы ведь знаете, что он погиб из-за меня.

— Кесар погиб только из-за Кесара.

— Я могу справиться со своим чувством вины и со страхом. Анкабек научил меня этому. Но не тому, как жить дальше. Анкабек говорит только одно слово: «Жди».

— Тогда возвращайся в Дорфар. Он говорит куда громче и с более великой целью.

— Но ни слова для меня.

Солнце уже опустилось за море, и мир состоял лишь из багряного света и густых теней. А на востоке Звезда выдавливала розовый сок из-за линии горизонта, словно вся земля была огромным плодом.

— Улис, — произнес Рарнаммон, — в бездну этот разговор о богах... Если на Истрисе я и бывал в публичном доме, то весь сжимался от отвращения. Я получал то, чего хотел. И никогда это не была женщина. А теперь мы сидим здесь, в руинах, на скале с горелыми деревьями. Сквернее ложа не придумаешь... И я хочу тебя.

Пока он говорил, ее лицо оставалось совершенно пустым и невыразительным — и вдруг эта пустота отступила под напором смеха.

— Повелитель Гроз извиняется перед своей служанкой за неудобную постель?

— Скорее за недостаток опыта. Который идет в одной упряжке с его годами.

— Застис, — очень тихо прошептала Улис-Анет. — Это идет Застис. А я все это время была здесь совсем одна. До сегодняшнего дня.

В последних лучах солнца он нашел ее губы, и они показались ему сладостной неизведанной страной, сотворенной закатом.

А где-то в холмах над Корамвисом таддриец наблюдал, как появляются звезды и среди них Красная Луна. Последней взошла Звезда, краснее, чем отсвет костра на камнях.

Застис волновала таддрийца, но он привык к этому и научился справляться со своим телом.

Чтобы отвлечься, он развел костер пожарче, но это не помогло. Вдалеке лежало озеро, над ним смутной стеной высились горы. Вершина холма, где они находились, странным образом выпадала из мира, одновременно находясь внутри него. Неподалеку сидели эманакир, чуть золотистые и совсем льдисто-бледные. Они были погружены в медитацию, некоторые читали молитвы.

Таддриец подумал о чуде, которое они сотворили, но затем отбросил эту мысль. Таинство завершилось. Теперь его подтачивала тоска по храму на равнине, бывшему его домом, даже по толстому верховному жрецу с его винными бочками и тайными подружками на это время года. И конечно, по замечательным свиткам и картам, по ритуалам, столь же пустым, сколь и приятным. Ему не хватало самых заурядных вещей, и,

изголодавшись по ним, он позабыл свою любовь к человечеству.

— Уже скоро.

Он поднял глаза и увидел Ашни, стоящую напротив у костра. Ее улыбка была такой чудесной и таила в себе ту бесконечность, что не ранит и не ужасает человека — небо, звезды, свет.

— Вы уходите, госпожа? — спросил он. Это был риторический вопрос, он не ждал ответа — и не получил его.

Постепенно все глаза, даже те странные, мертвенно-бледные, обратились к ней. И она сказала им, кратко и, как всегда, без слов, что сейчас намерена оставить их.

Никто из ее Равнинной свиты не возражал. Они приняли это со своей обычной гордыней — Избранная раса, дети богов. Он же ощутил, как одиночество подкрадывается к нему, словно волки с гор. Неужели больше никто не чувствует этого одиночества?

Она просто девочка, тупо подумал он. Лет четырнадцати-пятнадцати, с длинными шелковыми волосами и лилейной кожей... Но тут он снова встретился с нею взглядом. Нет, она была не просто девочкой. Совсем нет! Перед ним была таддрийская легенда о волчьем ребенке. Зеркальное отображение предсказания. Чем же еще она может стать?

А она уже шла прочь быстрой, скользящей походкой, как всегда ходила, и волосы ее взлетали, словно крылья бабочки... Чему суждено случиться на этот раз? Вверх по холму. Там, примерно в ста шагах отсюда, стояла скала. Она направилась прямо к ней, в три прыжка забралась наверх и уселась там. Он мог видеть ее снизу. Они все могли...

Что случится теперь?

В мозгу у него возникло что-то вроде легкого журчания ручейка или детского смеха... Его личная вера запрещала принимать это последнее преображение. Ральднор и Астарис скрылись, уехали в джунгли на повозке. И Ашни следовало в какой-то миг этой ночи уйти одной меж холмов.

Когда незадолго до рассвета он очнулся, скала была пуста. Таддрийский жрец дорфарианской Анакир понял, что именно это она и сделала.

Он начал ворошить угли, чтобы достать колбасу, которую положил туда печься, но вдруг какая-то странность заставила его снова вскинуть голову.

Небо уже почти раскрылось, восток был золотым, в легкой хрустальной дымке. И вдруг на этом золоте родилось крошечное серебряное солнышко со струящимся хвостом.

Таддриец вскочил на ноги, схватил покрытую золой колбасу и замахал ею в сторону эманакир, пока они — кто проснувшись, а кто прервав свое бдение — не поднялись на холм.

Чтобы разглядеть, как в утреннем небе сверкает звезда.

Теперь в Элире, в уединенных башнях, пойдут перешептывания и разговоры... Они предсказали появление этой звезды, ее рождение и уход, и станут поклоняться ей, как знаку мира, лучу неиссякающей надежды.

По всему Ланну, на голубых вершинах и в затерянных долинах, люди увидят ее. Юноша, который спешит в Амланн в цокоте копыт, сын Яннула, посмотрит поверх крыш, увидит ее и присягнет ей в душе, зная, что вся его семья тоже смотрит на эту звезду. А Сафка, стоя в темной бойнице зорской башни, словно какая-то элирианка, будет следить за нею совсем по-детски — вытянув палец и приставив его к звездочке в небе. Далеко в море, на пути в Ваткри, Ральданаш, лежа на корме корабля с голубыми парусами, увидит ее, услышит удивленные возгласы моряков — и улыбнется этой звезде, так похожей на слезу. По всему Вису люди увидят ее, проснутся и увидят. А двоим в Анкабеке, мужчине и женщине, герою и героине, эта звезда покажется еще одним серебряным диском, запутавшимся в обгорелых ветвях. Их тела все еще рядом, и они снова отвернутся, чтобы искать и находить свет друг в друге.

Вскарабкавшись на скалу, таддриец обнаружил, что дальний ее конец представляет собой обрыв, по которому никто не смог бы спуститься без крыльев. Он положил на этот обрыв свою колбасу, словно приношение. Ашни проскользнула мимо, пока все они, даже бессонные эманакир, сопели, как дети. Она ушла, чтобы быть крестьянкой в Таддре. Или бегать с волками.

Он усмехнулся прямо в небо, чуть не плача от радости.

— А кроме того, Ашни, — произнес он, — теперь ты еще и Утренняя звезда.

notes

Примечания

1

См. роман «Повелитель Гроз».

2

Подробнее об этом — в романе «Повелитель Гроз».